

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Костромской государственный университет

**«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ»**

Сборник трудов
XXII Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме
Всероссийская научно-практическая конференция
(13 декабря 2025 года, г. Кострома)

Текстовый электронный сборник на компакт-диске

Кострома
КГУ
2026

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание

УДК 347.97(0.034)
ББК 67.711.11я431я04
А437

Издается по решению редакционно-издательского совета
Костромского государственного университета

Р е ц е н з е н т ы :

И. В. Григорьева, член квалификационной комиссии
Адвокатской палаты Костромской области;

Е. А. Суманеева, заведующая правовым отделом администрации
Сусанинского муниципального района Костромской области

Актуальные проблемы государства и права на современном этапе: вопросы теории и практики : сборник трудов XXII Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме. Всероссийская научно-практическая конференция (13 декабря 2025 года, г. Кострома) / сост. Н. В. Ганжа, О. В. Плюснина, И. Н. Мельников, Д. Н. Лукоянов, А. С. Евстегнеев, А. Г. Сироткин, Л. А. Хлестакова; отв. ред. Г. Г. Бриль. – Электронные текстовые, граф. дан. (5,25 МБ). – Кострома : Костромской государственный университет, 2026. – 470, [1] с. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM), цв. – Систем. требования: ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Mb RAM; свободное место на HDD 1,5 Гб; Windows XP с пакетом обновления 3 (P3) и выше; Acrobat Reader; интегрированная видеокарта с памятью не менее 32 МБ; CD или DVD привод оптических дисков; экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.; клавиатура; мышь. – Загл. с тит. экрана. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-8285-1356-7

Настоящий сборник составлен по итогам XXII Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме «Актуальные проблемы государства и права на современном этапе: вопросы теории и практики», которые состоялись 13 декабря 2025 года в г. Костроме. В сборнике трудов рассматриваются актуальные вопросы теории и практики формирования современного правового государства, деятельности судов различного уровня и иных государственных и муниципальных органов, а также теоретико-правовые, исторические и практические аспекты сохранения и укрепления цивилизационных основ и традиционных духовно-нравственных ценностей.

Предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

УДК 347.97(0.034)

ББК 67.711.11я431я04

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. При перепечатке материалов сборника ссылка на сборник трудов обязательна.

ISBN 978-5-8285-1356-7

16+

© Костромской государственный
университет, 2026, оформление

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1. Сохранение и укрепление цивилизационных основ и традиционных духовно-нравственных ценностей:

теоретико-правовые, исторические и практические аспекты..... 10

Белхароев Х. У.

Справедливость: добро и зло в праве 10

Вавилин М. В.

Юридическая теория патриотизма: концептуальные основы..... 16

Зайцев Л. Н.

Роль общего собрания Костромского окружного суда
в решении кадрового вопроса (вторая половина XIX – начало XX века) 22

Ефимов В. А., Сиверская Л. А.

Генезис правового регулирования доказательственной деятельности
следователя в отечественном уголовном процессе 27

Погодина И. В.

Волонтерство как форма взаимодействия общества и государства
(стимулирование активности граждан и правовое оформление) 31

Порватова Л. В.

Ценностные ориентиры Русской православной церкви как инструмент
противодействия идеологиям экстремизма 35

Розов А. М.

Сравнение понятия, содержания и сущности правового статуса адвоката
в гражданском судопроизводстве в современной России
и в период судебных уставов 1864 года..... 40

Румянцев Н. К.

Становление института необходимой обороны
в дореволюционной России..... 46

Смыслова В. Н.

Патриотическое воспитание в контексте профилактики
экстремистских проявлений в молодежной среде 51

Толмачева Е. Н.

Проблемы сохранения государственной собственности
как достояния народов России 55

Федосов И. В.

Политико-правовая доктрина панисламизма в Османской империи:
от религиозно-правовых практик к современной идеологии 60

Секция 2. Память о защитниках Отечества и защита

исторической правды как одна из основ государственности России..... 65

Гаврилов Е. В.

К вопросу о понятии «память» в Конституции Российской Федерации 65

Григорьев О. В.

Исторические уроки победы под Москвой
(30 сентября 1941 г. – 20 апреля 1942 г.) 69

Осипенко А. В.	
Юридическая теория патриотизма М. В. Вавилина: анализ и перспективы	73
Сычева Е. А.	
Искусство как фактор победы: философия «Ленинградской симфонии»	80
Чуб Н. В.	
Социализация военных кадров в России: ценностно-правовое содержание в историческом аспекте.....	84
Шарова Е. М., Ганжа Н. В.	
Влияние исторической памяти на формирование гражданственности и патриотизма в России	89
Секция 3. Правовые и социальные технологии формирования и развития общественных отношений	94
Аверин А. В.	
Судопроизводство и правосудие: проблемы соотношения	94
Алексеев А. Ю.	
Территориальные споры в международном праве	100
Андриянов Е. А.	
Отдельные вопросы законодательства в сфере взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания	104
Барашков Е. А.	
Законодательное регулирование личных неимущественных прав детей: от истоков к современности	107
Белова Д. И., Верещагина А. В.	
Эволюция и некоторые аспекты современного состояния института приостановления производства по уголовному делу в России	112
Богачева Е. А.	
Правовой анализ Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».....	116
Богачева Е. А., Орловская И. В.	
Уголовно-правовая защита авторских и смежных прав	121
Бородулькина Е. С.	
Сохранение традиций и эволюция правовой системы в контексте развития восстановительной медиации в Республике Беларусь	126
Горячев Н. В.	
Уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака: проблемы квалификации	131
Гребенский Г. Р.	
Проблемы правового регулирования изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд	135
Григорьева М. А.	
Правовой статус органа юридического лица: современное состояние проблемы и значение дискуссии.....	138

Гулиева А. Ф., Щелокова А. Р.	
Прокурорский надзор за исполнением законов: актуальные проблемы	141
Джамалова С. Р.	
Правовая неопределенность в системе утилизации отходов: анализ института расширенной ответственности производителя	144
Зудина Д. Ф., Мельников И. Н.	
Склонение несовершеннолетних к незаконному сбыту наркотических средств и психотропных препаратов.....	148
Калашникова Е. Н.	
Разработка многоуровневой системы оценки социальной эффективности муниципальной поддержки некоммерческих организаций (на примере г. Костромы)	153
Калашникова Е. Н.	
Совершенствование механизма муниципального социального заказа на основе сравнительного анализа правовых актов г. Костромы и г. Ярославля	157
Карамышев И. С.	
Незаконная миграция и ее последствия для национальной безопасности России.....	161
Картузова А. В.	
Отдельные проблемы и перспективы совершенствования правового регулирования рассмотрения обращений граждан в органах прокуратуры Российской Федерации.....	164
Кварталова Н. В.	
Соотношение тяжести совершенного муниципальным служащим дисциплинарного проступка с дисциплинарным взысканием	166
Корнева А. С.	
Правовое регулирование трудовых отношений с участием инвалидов в России на современном этапе развития	170
Кузнецов Д. С.	
Сравнительный анализ государственной гражданской службы Российской Федерации и Федеративной Республики Германия. Возможность разработки института обязательной подготовительной службы в России	176
Кузнецов Д. С., Мельников И. Н.	
Классные чины в системе государственной гражданской службы: проблема учета классных чинов на федеральном и региональном уровнях.....	184
Лагуткина А. А., Голятин Е. М., Шепелева С. В.	
Особенности квалификации ДТП: разграничение ответственности между водителем и лицом, ответственным за техническое состояние транспортного средства, криминологический аспект	191
Манафова С. А., Орловская И. В.	
Оказание косметологических услуг лицами, не имеющими медицинского образования: особенности назначения наказания и основные проблемы, возникающие при квалификации.....	198

Манафова С. А.	
Особенности кадровой политики в МВД Российской Федерации на современном этапе	203
Медведева Е. Д.	
О дееспособности несовершеннолетних родителей.....	211
Мордзенко Е. А., Григорьева М. А.	
Проблемы юридической оценки качества и добросовестности деятельности регионального оператора в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами	215
Морозова Е. А.	
Правовые механизмы реализации конституционного права на образование в Российской Федерации: проблемы кадрового обеспечения и законодательные пути их решения	221
Никитин В. В.	
Экспертиза и экспертная деятельность в различных отраслях и видах деятельности в российском праве.....	225
Орловская И. В.	
Проблемы правового регулирования стадии обжалования не вступивших в законную силу постановлений по делам об административных правонарушениях: анализ судебной практики и пути совершенствования КоАП РФ.....	230
Панов А. Д.	
К вопросу о реестре судебных экспертов	235
Панов А. Д.	
К вопросу о проблемах в судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации.....	238
Парамонов А. Н.	
Заключительный этап производства дознания: проблемы правовой регламентации и направления совершенствования уголовно-процессуального механизма	242
Парамонов А. Н.	
Проблема соотношения дознания и предварительного следствия в современном уголовном процессе России.....	247
Парфений П. А.	
Судебно-медицинская экспертиза в отношении несовершеннолетних: самостоятельные травмы	255
Пашенко Е. В., Бекренев П. Ю.	
Актуальные проблемы установления частного сервитута в земельном законодательстве.....	260
Полотова Ж. Ф.	
Современные аспекты уголовно-правовой охраны в контексте мошенничества с банковскими картами.....	263
Полотова Ж. Ф., Скворцова С. С.	
Установление истины по уголовному делу: цель или элемент доказывания, направленный на охрану интересов личности	270

Попаденко Е. В.	
Частное определение как институт профилактики правонарушений в уголовном процессе: ценностные и организационные аспекты.....	278
Румянцева М. М.	
Сравнительный анализ отнесения объектов строительства к недвижимому имуществу в Российской Федерации и Республике Беларусь	282
Семов Н. И.	
Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества в отношении некоммерческих организаций, в частности потребительских кооперативов	289
Сироткина К. А., Ганжа Н. В.	
Некоторые проблемы административной ответственности законных представителей несовершеннолетних за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по их содержанию и воспитанию	293
Скворцова С. С.	
Анализ международных соглашений об избежании двойного налогообложения	298
Смирнова О. А.	
Плюрализм подходов к понятию «правовая жизнь» в современной юриспруденции.....	304
Суховский С. С.	
Проблемы правового регулирования института публичного договора в Российской Федерации.....	309
Титов Е. Е.	
Правовая природа и допустимость электронных доказательств в уголовном процессе.....	314
Хомутова К. С.	
Государственный экологический контроль (надзор) в области обращения с отходами	319
Шестерикова А. А., Мельников И. Н.	
Изменение вида разрешенного использования земельных участков в составе земель сельскохозяйственного назначения	323
Чумаков В. А.	
Историко-правовой анализ гражданского иска в уголовном процессе Российской империи XIX века	329
Секция 4. Правовые риски в цифровую эпоху	334
Анянова Е. С.	
Кибербезопасность в международном морском праве	334
Баширов Т. В., Кожохин А. С.	
Вопросы применения цифровых технологий при организации голосования в Российской Федерации: правовые, технические и социальные аспекты	339

Васильев И. В.	
Правовые риски цифровизации судебной системы: зависимость от разработчиков программного обеспечения.....	344
Гиринович К. Е.	
О коллизии прав при создании контента искусственным интеллектом как объекта цифровых правоотношений.....	349
Голованев К. О.	
Вуалирование взятки как способ преступного уклонения от уголовной ответственности	353
Голятин Е. М., Плюснина О. В., Ганжа Н. В.	
Правосубъектность индивидуальных субъектов права в условиях развития цифровых технологий	358
Голышев М. О.	
Кибертерроризм как угроза национальной безопасности: пробелы в уголовном законодательстве	365
Дерюгина А. В.	
Юридические пределы применения видеонаблюдения в трудовых отношениях	371
Дерюгина А. В.	
Правовые механизмы реагирования на инциденты, связанные с утечкой персональных данных: актуализация требований и пути совершенствования	375
Дурягин Д. О.	
Химическая кастрация как мера медицинского характера: международный опыт применения и перспективы применения в Российской Федерации.....	380
Журавлев К. А.	
Правовые и организационные проблемы внедрения цифровых технологий на региональном уровне	385
Заиграева А. А., Орловская И. В.	
Современные проблемы правового регулирования экологической экспертизы.....	399
Заиграева А. А.	
Дистрибьюторский договор в российском законодательстве и судебной практике	406
Закатов А. И.	
Эволюция правовых принципов дистанционного правосудия в условиях цифровизации судебной системы Российской Федерации.....	411
Иванов В. Е., Палюлина И. А.	
Наследование цифровых активов в системе гражданских правоотношений: проблемы правового регулирования и пути их решения	416
Кислина А. А.	
Правовые риски дробления бизнеса в условиях цифровой трансформации	421

Коюшов К. Ф., Ганжа Н. В., Орловская И. В.	
Понятие и правовая природа искусственного интеллекта в парадигме современного российского права: постановка проблемы	425
Лапенко Ю. А., Малякин С. М.	
Проблема справедливого вознаграждения авторов в условиях массовых цифровых дистрибуций посредством стриминговых сервисов	429
Макарова А. А.	
Защита прав потребителей при взаимодействии с товарными цифровыми платформами в ситуациях возврата товара надлежащего качества	432
Морозова Е. А.	
Совершенствование механизмов реализации права на образование в цифровую эпоху	436
Моторина И. С.	
Конституционно-правовое содержание права на доступ к правосудию	440
Моторина И. С.	
Правовые основы для закрепления института судебной медиации	445
Мочалов Е. М.	
Онлайн-площадки – удобные дороги для фейковых товаров: правовые средства борьбы с контрафактом	450
Николаев М. С.	
Структуры и цели выработки операторами персональных данных политики обработки и защиты персональных данных	453
Николаев М. С.	
Особенности составления политики обработки и защиты персональных данных применительно к конкретному виду деятельности оператора персональных данных	456
Сироткин А. Г.	
Цифровая трансформация итоговой аттестации: регулирование использования технологий искусственного интеллекта при подготовке выпускных квалификационных работ	459
Сироткина К. А., Ганжа Н. В.	
К вопросу о профилактике цифровых рисков и обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних	464
Щавелкина М. А.	
Особенности применения искусственного интеллекта в сфере трудового права Российской Федерации	468

Титул	Сведения об издании	Выпускные данные	Содержание

Секция 1

СОХРАНЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОСНОВ И ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

УДК 330

Белхароев Хаджимурад Уматгиреевич

кандидат юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Институт мировой экономики и бизнеса

Российского университета дружбы народов

г. Москва, Российская Федерация

x101010x@yandex.ru

Справедливость: добро и зло в праве

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы справедливости, добра и зла, изучены идеи нравственности, которые являются неотъемлемыми составными частями философии права, охватывая культуру, политологию, религию и иные научные направления. Отмечено, что эволюционный цикл формирует понятие справедливости, меняя представление о правах человека, его неотъемлемых ценностях, которые на разных этапах выражаются с отличительными чертами. Исходя из того, что этические нормы поведения, принятые обществом, определяют нравственность, они по своей природе формируют базовую основу правовой системы государства. Рекомендовано в законодательных актах, при их разработке, последующем принятии закладывать идеи нравственности и справедливости.*

***Ключевые слова:** право, справедливость, нравственность, добро, зло, этика, правоприменение, мораль, эволюция.*

Belkharoev Khadzhimurad Umatgireevich

Candidate of Law, Associate Professor

Saint Petersburg University of the State Fire Service

of the Ministry of Emergency Situations of Russia

named after Hero of the Russian Federation Army

General E. N. Zinichev,

Saint Petersburg, Russian Federation

Institute of World Economy and Business

Peoples' Friendship University of Russia

Moscow, Russian Federation

Justice: good and evil in law

Annotation. *The article examines the issues of justice, good and evil, examines the ideas of morality, which are integral parts of the philosophy of law, covering culture, political science, religion and other scientific fields. It is noted that the evolutionary cycle forms the concept of justice, changing the idea of human rights, its inherent values, which at different stages are expressed with distinctive features. Based on the fact that ethical standards of behavior adopted by society determine morality, they by their very nature form the basic basis of the legal system of the state. It is recommended to lay down the ideas of morality and justice in legislative acts, during their development and subsequent adoption.*

Keywords: law, justice, morality, good, evil, ethics, law enforcement, morality, evolution.

Право имеет универсальный характер, в нем соседствует добро и зло, в своем историческом развитии человечество – эволюционируя, совершенствовало правовые нормы, как необходимый институт существования. Оно было необходимо при выделении знати, из общего числа свободных граждан, удержания устоявшейся власти, закладывало основы экономического развития. В древнеримском государстве для правящего класса, право было символом их статуса и господства. На просторах русского государства, правовыми нормами закрепощали изначально свободных и свободолюбивых граждан, поэтому право в своей основе имело корыстные, расчетливые, злые намерения крупных землевладельцев (феодалов). Организованное меньшинство, опираясь на принимаемые античеловеческие нормы, эксплуатировало население по своему расчетливому усмотрению. С установлением советской власти в основу права закладывались идеологические требования классового характера, провозглашавшие идеи равенства и справедливости, они на государственном уровне отражались в образовательном процессе.

А. Г. Хабибулин отмечает, что «одним отправных идеологических начал и фундаментальной основой суверенности государства является развитая система образования» [17, с. 200].

С. В. Кодан отмечает, что «в основу формирующегося пролетарского права были положены классовый и нормативный подходы» [9, с. 18].

На современном этапе развития правовые нормы опираются на государственно-правовой режим, который имеет различные доктрины, от демократического до тоталитарного, включая монархические и религиозные системы. Организация правовой системы внутри государства базируется на конституционных нормах.

Конституция, как основной закон государства, определяет вектор развития права, законодательная и представительная власть, из многочисленных правовых инициатив, узаконивает не противоречащие закону высшей юридической силе нормы, которые после их принятия регулируют правила различных направлений.

Г. Н. Андреева отмечает, что «в философии понятия добра и зла обстоятельно исследуются с периода Античности, при этом представители одних школ видели в этих понятиях рациональное начало и ассоциировали добро

с благом, полезностью и справедливостью, другие относили их к моральным нормам» [1, с. 194].

Идеи нравственности являются неотъемлемыми составными частями философии права, они охватывают культуру, политологию, религию и иные научные направления, понимание справедливости (добра и зла) базируется на базовых человеческих ценностях бытия, включая соматические права человека.

С. Н. Бабурин отмечает, что «духовность общества имеет культурно-исторический характер и строится в России на православной духовной традиции, русская православная традиция общества наднациональна и не ориентирована только на одну конфессию, она гармонично соединяет в качестве опоры государства духовно-нравственные ценности всех мировых религий» [2, с. 133–134].

Теория господства закона прошла долгий путь, она формировалась под воздействием различных политических режимов, ее истоки исходят к античному периоду, в котором имелись различные формы реализации регулирующих норм, при этом господство правовых институтов не оспаривалось.

И. В. Попов отмечает, что «закономерности правового генезиса, проявляемые в различных правовых теориях и на различных методологических уровнях исследования, и выступают предметом понимания вообще и правопонимания в частности» [14, с. 10].

Правовые доктрины, правопонимание и реализация норм права взаимосвязаны, одновременно эти категории по своей форме разнородны, правовые концепции в процессе изучения и понимания категорий права, отождествляют завершающий цикл этого процесса. Особая значимость в дополнительном изучении теории познания, определяется важностью правопонимания, при этом проявляются различные по своему характеру смежные категории «мышление, логика, сознание, уровень знаний, смысл», в теории познания, позитивизма, системном исследовании и изучении смысловой составляющей правовой категории, они выходят на первый план.

С. И. Захарцев, Д. В. Кривоносова и В. П. Сальников отмечают, что «теория правового позитивизма, имея истоки в Древнем Риме и Западной Европе, говорит о том, что право – это волеизъявление суверена (правителя или государства в целом)» [3, с. 103].

Кроме того, правопонимание обладает специфическими особенностями, в силу тесной взаимосвязанности с правовой категорией, оно имеет по своей специфике индивидуальные, характерные праву особенности, которые обусловлены с реальной правовой действительностью. Элемент мышления определяется свойствами рода, понимание свойствами вида, обе категории характеризуются признаками.

И. А. Кравец отмечает, что «доктрина и практика продвижения господства права в современных государствах сосуществует с различными видами конституционных режимов и опосредуется различными видами конституций» [11, с. 815].

Проблема достижения справедливости сопровождается на протяжении всех этапов развития человеческой истории, при этом формирование правовых институтов, взаимосвязано с условиями жизни населения, местом человека в обществе, его правовым пониманием, структурой общества, представлением об организации аппарата государственного управления.

В. П. Сальников отмечает, что «человек, общество и государство занимают разное место в онтологической структуре бытия, но в аксиологической позиции они равнозначны, будучи именно абсолютными ценностями» [15, с. 197].

Эволюционный цикл формирует понятие справедливости, меняя представление о правах человека, его неотъемлемых ценностях, которые на разных этапах выражаются с отличительными чертами. Справедливость неотделима от права, она составляет его базовую структуру, являясь предписанием реализации основ принципа справедливости.

И. А. Левченко отмечает, что «справедливость без сомнения представляет собой многоаспектное явление, которое является предметом изучения многих наук, прежде всего, философии, социологии, политологии, экономики, права. Справедливость – важнейшая категория социально-философской мысли, морального, правового и политического сознания» [12, с. 38].

Справедливость ассоциируется как необходимый человеческому обществу порядок, восприятие, толкование этого состояния, зависит от базовых понятий норм права, образования и мировоззрения конкретной личности. На протяжении многих веков право эволюционировало, оно прослеживается «справедливость одной категории граждан – оборачивается несправедливостью другой категории», в этой связи необходимо изучать правовые нормы «во времени, в пространстве и кругу лиц». Равноправие создает необходимые теоретико-практические условия развитию права, объединяя людей на основе общих норм поведения, справедливость трактуется как благие правила разума, которые воспринимаются сообразно естественному закону бытия.

Р. Ф. Исмагилов и В. П. Сальников отмечают, что «подлинно свободный человек относится к праву как «своему иному», воспринимает его не как внешнюю чужую силу, а как собственную ценность, разрушать которую неправомерным поведением недопустимо» [8, с. 8].

Закон предписывает правила поведения, указывая дозволенное и запрещенное, право не определяется наличием справедливости, оно не всегда соответствует морали, воплощая общезначимую правомерность, выступая как регулятивная мера, право выражает общие требования, которые носят обязательный характер.

О. А. Луговая и А. М. Складорова отмечают, что «понятие права и соотносительное с ним понятие обязанности настолько входят в область нравственных целей, что прямо могут служить для их выражения, нет такого нравственного отношения, которое не могло бы быть правильно и общедоступно выражено в терминах правовых» [13, с. 16].

В эпоху глобализации, особый интерес вызывают правовые документы, имеющие международный характер, которые принимаются ООН, с учетом по-

зиций большинства государств. При этом огромное значение придается праву ВТО, оно по своей выраженной сути имеет наднациональный характер, государства члены этой организации, приводят внутреннее законодательство, в соответствии с правовыми нормами ВТО. Кроме того, особняком от всех правовых норм, находится спортивное право, которое не имеет границ, спортивные объединения различных видов спорта, входящих в объединенные мировые федерации, строго придерживаются этих правил. Поэтому право нуждается в новых теориях, концепциях, доктринах и переосмыслении, эти требования диктует научно-технический прогресс (с развитием экономики, законодательство формируется в ускоренном порядке). Данная позиция подтверждается «компре-хендной теорией права» [4; 5; 6; 7; 10], она на равноправных условиях позволяет вести диспут, вне зависимости от правовых школ и направлений, дееспособную философскую мысль, правовой науке необходимо исследовать, при целесообразности реализовывать на практике.

В. П. Сальников отмечает, что «современный мир находится в ситуации пересмотра ценностного ряда. Это в равной степени касается как социальных, правовых, геополитических аспектов, так и личных, связанных с идеалами, которыми направляется жизнь каждого человека» [16, с. 205].

Отрицание правового устройства справедливости неминуемо ведет к правонарушению, выдавая неправомерные действия за справедливость, подменяя ее содержание произвольными терминами, единоличные неправомерные интересы, частичные притязания, способствуют к игнорированию общественных и общепризнанных правил сосуществования. Особую тревогу вызывают проблемы реализации права должностными лицами по своему усмотрению, административному давлению и/или по предварительному сговору на основе коррупционных механизмов. Эти процессы изначально перекрывают заложенные в законе принципы справедливости, они подвергают опасности политико-правовые устои государства. Неправомерное действие при осуществлении правосудия, способствует отрицанию права, несправедливость всегда способствует к непредсказуемым действиям, приумножая правонарушения. Произвольное толкование закона, подмена понятий, неправомерные притязания, лоббирование различных интересов, игнорирование правовых доводов – эти факторы отрицают право.

Справедливость является важнейшим принципом правовых норм, которые, имея принудительную силу, способствуют социальному равноправию, человек, познавая мир, в процессе социализации формирует личностное отношение к нравственным нормам права, определяя смысловую нагрузку, содержание, значимость, зависимость и практическую реализуемость. Правотворчеством занимаются представители общества, принимаемые нормы – это отражение характера, образования и культуры народа, проживающего на конкретном пространстве. Этические нормы поведения, принятые обществом, определяют нравственность, они по своей природе формируют базовую основу правовой системы государства. Функционирование правовых институтов в цивилизованном обществе означает признание прав человека наивысшей ценностью, осно-

вой равенства перед законом, поэтому в законодательных нормах, необходимо закладывать идеи нравственности и справедливости.

Список источников

1. Андреева Г. Н. Идеи добра и зла в конституциях // Вестник культурологии. 2023. № 3(106). С. 192–210.
2. Бабурин С. Н. Значение ценностной динамики российского конституционализма XX в. // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 130–136.
3. Захарцев С. И., Кривоносова Д. В., Сальников В. П. Ментальность народа и правовое развитие государства // Теория государства и права. 2024. № 1 (35). С. 100–107.
4. Захарцев С. И., Сальников В. П. Компрехендная теория как инновационный подход к познанию права // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 166–174.
5. Захарцев С. И., Сальников В. П. Что есть компрехендная теории права // Юридическая наука. 2016. № 3. С. 5–9.
6. Захарцев С.И., Сальников В. П. Об обосновании компрехендного подхода для познания права // Теория государства и права. 2016. № 2. С. 36–54.
7. Захарцев С. И., Сальников В. П. Познание права через компрехендный подход с помощью афоризмов // Вестник Института права БашГУ. 2020. № 1 (5). С. 5–12.
8. Исмагилов Р. Ф., Сальников В. П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX–XXI вв.) : монография. СПб. : Фонд «Университет», 2017. 324 с.
9. Кодан С. В. Формирование советской государственности и права после октябрьской революции 1917 г.: основные инструменты и институты // Российский юридический журнал. 2017. № 6. С. 16–22.
10. Комаров С. А., Хабибуллин А. Г. Новая работа петербургских ученых по философии права // Теория государства и права. 2020. № 1. С. 193–208.
11. Кравец И. А. Господство права как универсальная ценность и многообразие конституционной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2020. № 4. С. 813–851.
12. Левченко И. А. Соотношение права и справедливости: аксиологический подход // Теория и практика общественного развития. 2013. № 10. С. 38–41.
13. Луговая О. А., Складорова А. М. Взаимосвязь морали и права в философии В. С. Соловьева // Дискурс. 2018. № 2. С. 12–21.
14. Попов В. И. Методологические основания многоаспектного подхода к пониманию права и его значение для юридической практики // Lex Russica. 2019. № 3(148). С. 9–23.

15. Сальников В. П. Теоретические и духовно-нравственные предпосылки истинной суверенности философии права России // Теория государства и права. 2024. № 3 (38). С. 196–204.

16. Сальников В. П. Мораль и суверенитет государства: ценностные и социальные аспекты // Теория государства и права. 2024. № 2–1 (37). С. 205–212.

17. Хабибулин А. Г. Государственная идеология как основа суверенности современной России // Теория государства и права. 2024. № 3–2. (40). С. 200–204.

УДК 321.011

Вавилин Михаил Владимирович

кандидат юридических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация
vavilinprok@mail.ru

Юридическая теория патриотизма: концептуальные основы

***Аннотация.** Разработка юридической теории патриотизма приобретает особую значимость в свете продолжающихся дискуссий, которые ведут специалисты различных отраслевых наук – психологии, педагогики, политологии, экономики, социологии и юриспруденции – относительно содержания понятий «патриотизм» и «патриот». В данной статье предлагается категориальный аппарат для юридической теории патриотизма. В соответствии с этим аппаратом, патриотизм в правовом поле следует рассматривать как завершенный юридический факт, выражающийся в защите Родины и ее национальных интересов.*

***Ключевые слова:** патриот, патриотизм, правовая категория, юридическая теория патриотизма, волонтерский патриотизм, научный патриотизм, служебный патриотизм, трудовой патриотизм, спортивный патриотизм.*

Vavilin Mikhail Vladimirovich

National Research University Higher School of Economics
under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Legal Theory of Patriotism: Conceptual Foundations

***Annotation.** The development of the legal theory of patriotism is of particular importance in the light of the ongoing discussions conducted by experts from various branch sciences – psychology, pedagogy, political science, economics, sociology and jurisprudence – regarding the content of the concepts of “patriotism” and “patriot”. This article offers a categorical framework for the legal theory of patriotism. According to this apparatus, patriotism in the legal field should be considered as a completed legal fact, expressed in the protection of the Motherland and its national interests, which is established in a manner determined by the state.*

Keywords: *patriot, patriotism, legal category, legal theory of patriotism, volunteer patriotism, scientific patriotism, service patriotism, labor patriotism, sports patriotism.*

Переходя к рассмотрению основ юридической теории патриотизма, необходимо заметить, что применительно к правовым категориям целесообразно использовать термин «формирование» (латинское *formatio*), т. е. придание формы. *Formatio* употребляется также в значении «образование».

Поскольку задача правовой науки – придание правовой категории определенности и устойчивости, рассмотрим сочетания «эволюция правовой категории», либо «генезис правовой категории».

Латинское слово *evolution* имеет значение «развертывание», связанное с процессом наследования черт, а греческое слово *γένεσις* обозначает ни что иное как род в понятии «родословной». В процессе формирования правовой категории особое значение приобретают научное обособление и абстрагирование. Именно в результате двух этих взаимосвязанных процессов формируется правовая категория.

В качестве примера процесса инволюции (от латинского «свертывание» – *involutio*) правовой категории можно привести исследование доктора юридических наук Е. И. Дулимова [3], в котором он исследовал вопросы инволюции правовой категории «казачество» в XVI–XX вв. Следует отметить, что на сегодняшний день правовой статус казачества регламентирован соответствующим федеральным законом от 2005 года, тогда как диссертация указанным исследователем писалась в период до 2003 года.

Известный филолог В. Даль в своем словаре определяет «род» как группу понятий. Однако современная физика стремится найти «первочастицу», из которой создано все вокруг. В данном смысле она будет уникальной научной единицей и в то же время научной категорией, которая не будет включать группу понятий.

Можно выделять следующие способы формирования научных категорий:

1) диссоциативный способ, при котором контуры научной категории прописываются в сопоставлении свойств изменяющихся объектов действительности. То есть если бы конкретное свойство не проявлялось в нескольких разнородных объектах, то оно не могло бы быть и определено. Так, например, патриотизм проявляется в действиях граждан, органов публичной власти, законодательных актах, творчестве, военном деле и т. д. В том или ином виде данный способ представлен в работах философа У. Джеймса [2].

2) ассоциативный способ, в рамках которого формируется и научно обосновывается представление о конкретном понятии. Так, например, патриотизм имеет свои проявления в увековечивании памяти о Героях, погибших при защите Отечества, в поднятии Государственного флага, прослушивании Государственного гимна России и др. В частности, такой подход описан теоретиком правового государства Дж. Локком [4].

В российской практике впервые слово «патриот» было применено в трактате российского государственного деятеля, современника Петра I П. Шафирова

[7]. Рассмотрим, каким образом сформировано это понятие в данном труде. Шафиров рассматривает эпоху правления царя Федора Иоанновича. Приводя примеры известных исторических личностей, в том числе из государственных деятелей, он определяет у ряда из них такое их качество, как «верные патриоты». Уточняя данную конструкцию, он пишет, что речь идет о лицах, относящихся к сынам Отечества.

Первоначально, человеческий опыт является основой формирования представления об объекте окружающего мира. Именно в рамках него происходит разделение объектов и их отличие. На стадии накопления знаний происходит вычленение существенных характеристик представления об объекте. На научно стадии происходит обоснование понятия.

Большое значение имеет для уточнения правовых понятий работа философов. В целом, философия не только уточняет их, но и сама может производить. Об этих процессах пишут в своих работах С. С. Алексеев [1], А. И. Экимов [8], В. С. Нерсисянц [5] и др. В качестве примера можно привести понятие «свободы» и «справедливости», которые широко используются философией и правовыми науками. Накопленный опыт формирования этих понятий позволил современным философам и правоведам проработать эти понятия с научной точки зрения.

Научная категория «патриотизм» исследована в философии, однако важно отметить ее важное значение для правовой науки, наряду с такими правовыми категориями как «суверенитет», «государство», «законность». Взаимосвязь «патриотизма» с этими понятиями будет изложена далее.

Проведенное исследование диссертаций, защищенных в России, позволяет сделать вывод о том, что научная категория патриотизм имплементирована в правовой науке, перейдя из философии, что, несомненно, играет важное практическое значение, в том числе для совершенствования законодательства.

На сегодняшний день патриотизм является объектом исследования юридических наук. Так, теория государства и права исследует вопросы патриотизма применительно к государственному строительству и обеспечению суверенитета государства, история правовых учений затрагивает вопросы понимания патриотизма в рамках культурно-исторических эпох. Уголовно-правовая и административно-правовая наука изучают вопросы ответственности за преступления и правонарушения, находящиеся в спектре взаимоотношений государства и его граждан, построенных на принципе патриотизма. Также юридический анализ патриотизма проводится и в ряде других правовых наук.

Целесообразным будет рассмотреть спектр вопросов, исследованных в диссертациях, защищенных в Российской Федерации, и посвященных патриотизму. Для исследования были отобраны диссертационные исследования, защищенные по правовым наукам. В целом такое методологический прием является рациональным, поскольку сложившаяся в Российской Федерации система подготовки научных исследований в качестве принципов своего функционирования имеет уникальность исследований, новизну и отнесение их к определенным научным специальностям.

Согласно данным официального сайта Российской государственной библиотеки, на сегодняшний день с 1993 года защищены около 200 диссертаций по правовым наукам, так или иначе затрагивающих вопросы патриотизма. Все они отнесены к теории государства и права. В них рассмотрены следующие аспекты патриотизма: патриотическое правосознание, патриотическое воспитание, патриотическое поведение, патриотическая обязанность, патриотические ценности, патриотическая идеология, патриотическая социализация, конституционный патриотизм, национальный патриотизм и др.

Деятельности органов публичной власти по обеспечению патриотизма также посвящен ряд работ. Историко-правовое исследование патриотизма проведено, например, в работе М. А. Прониной [6]. Вопросы конституционно-правовой ответственности за совершение преступлений против национальной безопасности рассмотрены в рамках публично-правовых исследований.

Отраслевые юридические науки также содержат исследования патриотизма. Так, в рамках уголовно-правовых наук исследуются вопросы уголовной ответственности за совершение преступлений против государства. В том числе такие исследования поведены в рамках конкретных исторических эпох. Ряд работ содержат глубокие криминологические изыскания по обозначенным вопросам.

В то же время в рамках административно-правовых и частноправовых исследований вопросы патриотизма практически не затрагивались.

В связи с объективным ограничением в объеме исследования детально рассмотреть все диссертационные исследования в рамках данной статьи не представляется возможным. Представленные направления исследований в целом отражают сложившуюся научную навигацию по исследованию вопросов патриотизма.

Следует отметить, что приведенные сведения по диссертационным исследованиям патриотизма сводятся к следующим трендам:

1. Преобладающее число диссертаций по рассматриваемому вопросу принадлежит к теоретико-историческим и уголовно-правовым наукам.

2. При этом теоретико-правовые науки полученные научные результаты исследований поставляют в сферу уголовно-правовых наук, где на их основе проводятся научные изыскания.

3. В качестве объектов исследований выбираются вопросы патриотического воспитания, патриотического поведения, патриотической социализации в целях формирования высокого уровня гражданственности и национальной и государственной безопасности. Отдельные виды патриотизма практически не исследованы.

Однако ни одной диссертационной работы, которая бы исследовала само родовое понятие патриотизма, на сегодняшний день не имеется. В то же время изучение частных, вытекающих из общих понятий, не может привести к разрешению конкретных проблем теоретико-методологического осмысления «патриотизма». В этом кроется противоречие логическо-формального характера.

Отсутствие сложившейся системы научных представлений о патриотизме ставит перед нами необходимость проведения фундаментальных исследований теоретико-правовых и функциональных основ его как правовой категории.

Конечно, понимая, что категория патриотизма по своей сути является уникальной с точки зрения ее мультидисциплинарного характера, но исследовать ее нужно методами теоретико-исторических правовых наук, поскольку, последние содержат в себе устоявшиеся связи с философией, политологией, социологией, психологией, педагогикой, теологией, также другими отраслями научных знаний. Именно теоретико-исторические правовые науки способны раскрыть категорию «патриотизм» в ее многосоставности, и наиболее четко обозначить объект будущих правовых исследований.

Содержание в основе своей философские знания теоретико-исторические правовые науки сами занимаются разработкой методологии исследований для других правовых наук.

Как уже было отмечено выше, имеющиеся исследования в сфере правового осмысления патриотизма являются фрагментарными, а в большинстве своем не содержат конкретных определений родовых понятий «патриотизма». Таким образом, исследование «патриотизма» как научной категории и его взаимосвязей с правовой материей является важным и актуальным научным изысканием.

На наш взгляд, целесообразно рассматривать категорию патриотизм как окончанный состав юридически значимого действия, а патриота – как лицо, совершившее это действие.

Методологической ошибкой современных исследований в сфере педагогики, психологии и социологии патриотического воспитания является попытка с помощью тестовых методик заглянуть в душу человека, пытаясь определить то, что скрыто от глаз исследователя. Выявление уровня патриотизма с помощью предлагаемых в ряде публикаций тестов пока не достигло надлежащего уровня признания таких методик валидными.

В то же время в рамках предлагаемой юридической теории патриотизма целесообразно рассматривать его как окончанный факт. Составом его будет: субъект – представленный лицом, удостоенным звания Героя России, субъективная сторона в виде внутренних мотивов и побуждений, целей и эмоций, объект – Родина, а объективная сторона – это совокупность всех признаков, характеризующих патриотическое действие.

Таким образом, патриотическое воспитание является лишь вектором, ведущим к совершению юридических фактов патриотизма. Без проявленного действия по защите Родины невозможно отнести субъекта к числу патриотов и наделить его соответствующим правовым статусом. Фактически этот статус сегодня закреплен в специальном законе о правах Героев России. Указанный статус присваивается Президентом российской Федерации людям, которые внесли большой вклад в обеспечение безопасности и развитие нашей Родины.

В связи с разрешением в настоящей публикации проблемного вопроса научных дискуссий о возможности/невозможности закрепления правового статуса патриота России, целесообразно организовать правовое просвещение по ука-

занному вопросу в целях распространения информации о законодательно установленном высоком звании Герой России, что позволит создать ориентир для молодежи, на который они смогут направить свой личностный рост.

Подводя итоги, отметим, что патриотизм – это факт совершения юридически значимого для Родины (России) действия, направленного на защиту, либо укрепление ее национальной безопасности. В то же время патриот – это физическое лицо, обладающее правовым статусом Героя Отечества. Полагаем, что в контексте конституционно-правовых аспектов предлагаемой нами юридической теории патриотизма, получение правового статуса патриота предваряет специальная государственная процедура признания его таковым (например, вынесение специального нормативного правового акта). В то же время граждане, ассоциирующие себя с патриотами Родины, по внутренним убеждениям стремятся быть похожими на Героев Отечества. Таким образом, заявление гражданина о патриотизме, целесообразно рассматривать в контексте теории деятельности С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева, а точнее результатов деятельности конкретного лица. Для этого случая целесообразно разработать и вводить новые категории, такие как «волонтерский патриотизм» (для волонтеров, проявивших себя), «научный патриотизм» (за разработанные для Родины новые технологии и материалы и т. д.), «служебный патриотизм» (для государственных служащих), «трудовой патриотизм» (за отличие в труде), «спортивный патриотизм» и т. д. Работа над предлагаемыми правовыми категориями будет продолжена в следующих публикациях.

Список источников

1. Алексеев С.В. Общероссийская национальная идеология и управление развитием национальных отношений в Российской Федерации: Теоретико-правовой анализ : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. СПб., 1999. 478 с.
2. Джеймс У. Введение в философию // Джеймс У. Введение в философию; Рассел Б. Проблемы философии / общ. ред., послесл. и примеч. А. Ф. Грязнова. М. : Республика, 2000. 315 с.
3. Дулимов Е. И. Становление и инволюция государственных форм организации казачества в правовом пространстве Российского государства в XVI–XX вв. : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2003. 459 с.
4. Локк Дж. Педагогические сочинения / пер. с англ. Ю. М. Давидсона ; под ред. проф. И. Ф. Сवादковского. М. : Учпедгиз, 1939. 320 с.
5. Нерсисянц В. С. Философия права : учебник для вузов. М. : ИНФРА-М – НОРМА, 1997. С. 28.
6. Пронина М. А. Правовая культура и идеи патриотизма в современной России: теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2017. 199 с.
7. Шафиров П. П. Рассуждение, какие законные причины Петр I, царь и повелитель всероссийский, к начатию войны против Карла XII, короля шведского, в 1700 году имел : первое оригинальное произведение по международно-

му праву на русском языке / вступ. ст. У. Э. Батлера ; под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2008. XLVI, 202 с.

8. Экимов А. И. Справедливость и социалистическое право. Л. : Изд-во ЛГУ, 1980. С. 70–71.

УДК 93/94

Зайцев Леонид Николаевич

старший преподаватель, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

leon.nik2006@mail.ru

**Роль общего собрания Костромского окружного суда
в решении кадрового вопроса
(вторая половина XIX – начало XX века)**

***Аннотация.** В статье на основе архивных и исторических материалов подробно рассматриваются роль общих собраний отделений Костромского окружного суда как органа судейского самоуправления. Сделан вывод о том, что они играли значительную роль в решении вопросов как состава и движения кадрового резерва суда, так и судейского корпуса (председателей, товарищей председателей, членов и уездных членов окружного суда). При этом на собраниях решались практически все организационные вопросы, касающиеся не только кадровых назначений и перемещений, но и вопросы об отпусках, пособиях.*

***Ключевые слова:** общее собрание отделений окружного суда, Костромской окружной суд, кадры.*

Zaitsev Leonid Nikolayevich

senior lecturer, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

**The role of the general meeting of the Kostroma District Court
in solving the personnel issue
(second half of the 19th century – early 20th century)**

***Annotation.** Based on archival and historical materials, the article examines in detail the role of general meetings of the branches of the Kostroma District Court as a body of judicial self-government. The article concludes that these meetings played a significant role in addressing issues related to the composition and movement of the court's personnel reserve, as well as the judicial corps (chairs, associate chairs, members, and district members of the district court). These meetings were responsible for resolving almost all organizational matters related not only to personnel appointments and transfers but also to issues such as vacations and benefits.*

***Keywords:** General meeting of the district court branches, Kostroma District Court, personnel.*

Судебная реформа 1864 года заняла заметное место в истории России. Вследствие проведенной Судебной реформы в Империи впервые была образована судебная ветвь власти, которая была отделена от законодательной и исполнительной. Для формирования новой судебной власти требовалось значительное количество новых судебных деятелей, которые бы соответствовали определенным требованиям для осуществления нового качественного правосудия.

Судьями новой системы могли стать только люди с юридическим образованием, судебным опытом и безупречной репутацией [9, с. 129–130].

Как отмечает А. Н. Юнусов, «такая система требований обеспечивала занятие судебных должностей юридически грамотными и опытными людьми, а также определяла порядок карьерного роста, главным условием которого становился стаж работы» [13, с. 55–59].

Для занятия должности по судебному ведомству требовалось, чтобы лицо состояло русским подданным и чтобы оно удовлетворяло следующим параметрам (требованиям): 1) нравственным началам; 2) умственным способностям; 3) служебным качествам; 4) имущественным критериям [10, с. 51].

Одним из достижений Судебной реформы 1864 г., и вместе с тем элементом системы гарантий независимости судей, следует считать введение прототипа такой формы современного судейского сообщества – как общие собрания отделений окружных судов, которые играли существенную роль в подборе и расстановке кадров судов.

Как отмечал современник, провозглашалась принадлежность судебного управления самим судебным местам [12, с. 763].

Одним из вопросов, касающихся кадрового назначения, являлись решения общего собрания отделений окружного суда, касающихся кадрового резерва – кандидатов на судебные должности по судебному ведомству. На этих собраниях указанные лица приводились к присяге.

Так, приказом председателя Костромского окружного суда от 14 мая 1890 г. окончивший полный курс наук в Императорском Московском университете по юридическому факультету с дипломом 2-й степени А. А. Бартенев был зачислен на службу кандидатом на судебные должности при суде и на общем собрании отделений окружного суда в мае был приведен к присяге [5, с. 22–25].

Впоследствии все вопросы, касающиеся прохождения службы кандидатов на судебные должности, также решались на общих собраниях отделений суда.

Так, вскоре после принятия кандидатом на судебные должности А. А. Бартенев постановлением общего собрания отделений Костромского окружного суда от 1 июня 1890 г. был командирован в помощь к судебному следователю 2-го участка Костромского уезда, где находился до 11 июня. А 11 июня 1890 г. таким же постановлением общего собрания отделений окружного суда он был командирован к исполнению должности судебного следователя Кологривского уезда [8, с. 22–25].

Аналогичные постановления общего собрания отделений Костромского окружного суда принимались неоднократно.

Законодательством предусматривалось рассмотрение общими собраниями отделений окружных судов вопросов о подборе кадров при освободившихся вакансиях [1].

Определение собрания отделений окружного суда вместе с другими документами (копией формулярного списка и др.) председателем окружного суда направлялось старшему председателю судебной палаты. Впоследствии старший председатель судебной палаты направлял все документы министру юстиции, который уже представлял данного кандидата на утверждение Императора. После чего канцелярия готовила проект Высочайшего приказа, который после его подписания публиковался в Сенатских ведомостях, и его копия направлялась в соответствующий окружной суд.

Следует отметить, что министр юстиции имел право представить своего кандидата на открывшуюся вакансию. Однако из анализа архивных источников Костромского окружного суда нами не установлено, чтобы министр юстиции воспользовался таким правом. Все вакансии товарищей председателей, членов и уездных членов Костромского окружного суда заполнялись по рекомендациям общих собраний отделений окружного суда.

Впервые назначенные на должности судебные чиновники, в том числе председатели, товарищи председателей, члены и уездные члены окружного суда перед тем, как приступить к осуществлению правосудия, приводились к присяге.

Так, назначенный Высочайшим приказом по ведомству Министерства юстиции от 1 февраля 1878 г. третий председатель Костромского окружного суда коллежский советник (чин указан на момент назначения) А. С. Негребецкий 5 апреля 1878 г. на общем собрании отделений Костромского окружного суда в присутствии товарищей председателя окружного суда А. А. Кобылина, Д. Н. Трандафилова, членов суда А. К. Финдейзена, Н. И. Голощапова, А. Г. Гизетти, Н. Е. Власова, Н. Ф. Ястребцова, Т. А. Березовского, В. П. Смольянинова был приведен к присяге судьи [2, с. 22–25].

Аналогичным образом на общих собраниях отделений окружного суда приводились к присяге и другие судебные чиновники, в том числе и кандидаты на судебные должности.

На общих собраниях отделений Костромского окружного суда также решались вопросы об отпусках председателей, их товарищей и членов окружного суда. По этим вопросам общие собрания проводились довольно-таки часто.

Так, определением общего собрания отделений Костромского окружного суда было дано согласие о предоставлении отпуска товарищу председателя суда А. А. Кобылину в связи с болезнью его отца [3, с. 12–13].

А на общем собрании отделений Костромского окружного суда 1 сентября 1899 г. было рассмотрено заявление уездного члена Костромского окружного суда статского советника В. Э. Скрутковского, на котором в связи с опозданием его из разрешенного отпуска просрочка была признана уважительной в связи с его болезнью [4, с.127].

Решения общих собраний по поводу уважительности несвоевременного возвращения из отпусков в связи с болезнью свидетельствует о тяжелых усло-

виях работы судейского корпуса Костромского окружного суда в связи с погодными условиями, обширностью территории сферы деятельности окружного суда, частых выездных судебных заседаний в отдаленные районы губернии.

В компетенцию общего собрания отделений Костромского окружного суда также входили и вопросы по ходатайству о назначении различного рода пособий.

Так, 4 февраля 1908 г. на общем собрании отделений окружного суда рассматривалось ходатайство члена окружного суда действительного статского советника И. В. Лаврова о назначении пособия на обучение его дочери. Общее собрание постановило ходатайствовать перед министром юстиции через старшего председателя Московской судебной палаты, чтобы он по этому вопросу вошел с представлением к Императору. Императором прошение органа судейского самоуправления было услышано и Высочайшим повелением от 30 апреля 1908 г. было решено «О назначении Лаврову пособия на воспитание дочери Ольги по 75 руб. в год до достижения 21 года или до определения в учебное заведение на казенный счет или же до выхода ее в замужество, если сие случится ранее до достижения указанного возраста» [5, с. 29].

Вопросы об увольнении также рассматривались первоначально на общем собрании отделений Костромского окружного суда.

Так, постановлением общего собрания отделений Костромского окружного суда 1 февраля 1899 г. было дано согласие на увольнение члена суда действительного статского советника Т. А. Березовского с назначением ему пенсии [6, с. 29].

Некоторые члены окружного суда увольнялись по состоянию здоровья и их ходатайства также были первоначально предметом рассмотрения общих собраний отделений окружного суда.

Во всех общих собраниях принимали участие председатели, а в случае отсутствия председательствовал на собрании один из его товарищей, товарищи председателей, члены суда. На собрании должно было присутствовать не менее половины членов суда. Также на собрании в обязательном порядке присутствовал прокурор или его товарищ, которые высказывали свое мнение по рассматриваемому вопросу. Секретарь окружного суда вел протокол общего собрания. По итогам собрания выносилось определение (постановление). На собраниях также заслушивались директивы Московской судебной палаты, Правительствующего Сената и Министерства юстиции.

От общего собрания также зависело распределение членов и товарищей и председателя окружного суда по отделениям, чтобы их состав, по возможности обновлялся переводом из гражданских в уголовные и наоборот [11, с. 373].

Общее собрание отделений суда также давало поручения председателю окружного суда и его товарищам проверять делопроизводство городских судов в уездных городах, порядок оформления судебных дел уездных членов окружного суда, а также работу судебных приставов и судебных рассыльных как в самом губернском центре, так и в уездах [7, с. 111].

Определенный законодателем порядок назначения на должности и прохождения службы обеспечивал судебные места грамотными и компетентными людьми, способствовал поднятию авторитета судебной власти [13, с. 59].

Таким образом, общие собрания отделений Костромского окружного суда, как органа судейского самоуправления, играли значительную роль в решении вопросов как состава и движения кадрового резерва суда, так и судейского корпуса (председателей, товарищей председателей, членов и уездных членов окружного суда). При этом на собраниях решались практически все организационные вопросы, касающиеся не только кадровых назначений и перемещений, но и вопросы об отпусках, пособиях и т. п.

Список источников

1. Высочайше утвержденное Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXIX. № 41475. Ст. 213–215.
2. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 340. Оп. 6-2. Д. 536. Л. 13. Дело председателя Костромского окружного суда действительного статского советника Александра Сампсоновича Негребецкого.
3. ГАКО. Ф. 340. Оп. 6-2. Д. 484. Л. 12–13. О службе товарища председателя Костромского окружного суда А. А. Кобылине.
4. ГАКО. Ф. 340. Оп. 6-2. Д. 673. Л. 127. Дело о службе Макарьевского уездного члена окружного суда статского советника Скрутковского.
5. ГАКО. Ф. 340. Оп. 6-2. Д. 533. Л. 29. Дело о службе члена Костромского окружного суда действительного статского советника Лаврова.
6. ГАКО. Ф. 340. Оп. 6-2. Д. 532. Л. 29. Дело о службе члена суда Т. А. Березовского.
7. Калинин Ю. А. Функции и компетенция окружных судов России во второй половине XIX – начале XX в. // Право и образование 2007. № 5. С. 109–113.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 544. Д. 748. Л. 22–25.
9. Самсонов Д. Д. Руководящий состав Харьковской судебной палаты 1874–1917 гг.: опыт реконструкции служебной карьеры // История: факты и символы. № 3(44). С. 129–143. doi.org/10.24888/2410-4205-2025-44-3-129-143
10. Случевский В. И. Учебник русского уголовного процесса: Судостроительство – судопроизводство : [соч.] В. Случевского, преп. уголов. судопроизводства в Уч-ще правоведения, чл. консультации М. Ю., и. д. тов. обер-прокурора Уголов. касс. деп. Сената. 4-е изд., доп. и испр. СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1913. XIV, 670 с.
11. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : [соч.] И. Я. Фойницкого, д-ра уголов. права, заслуж. проф., сенатора. Т. 1. СПб., 1896. 594 с.
12. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб. : Равена, Альфа, 1995. С. 763.

13. Юнусов А. Н. Особенности прохождения государственной службы в окружных судах Российской Империи в пореформенный период (на материалах Оренбургского окружного суда) // Социум и власть. 2008. № 2(18). С. 55–59.

УДК 343.2

Ефимов Владимир Анатольевич

магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
vladimir-resident180-efimov@mail.ru

Сиверская Людмила Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
lsiverskaya@yandex.ru

Генезис правового регулирования доказательственной деятельности следователя в отечественном уголовном процессе

***Аннотация.** В данной статье проводится комплексный анализ исторического развития института собирания доказательств в отечественном уголовном процессе в период от Русской Правды до современности. Исследуется переход от архаичных форм доказывания (ордалии, послухи, поле) к системе формальных доказательств, где центральное место занимало признание, добываемое пыткой. Основное внимание уделено ключевой реформе 1864 года, которая ознаменовала отказ от формальной теории и утверждение принципа свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению суда.*

***Ключевые слова:** доказательства, доказывание, уголовный процесс, Российская империя, Судебная реформа 1864 года, теория формальных доказательств, внутреннее убеждение, следствие. Устав уголовного судопроизводства.*

Efimov Vladimir Anatolyevich

undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Siverskaya Lyudmila Anatolyevna

candidate of law, associate professor, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The genesis of the legal regulation of the investigator's evidentiary activities in the national criminal process

***Annotation.** This article provides a comprehensive analysis of the historical development of the institution of evidence gathering in Russian criminal procedure from the time of Russkaya Prav-*

da to the present day. It examines the transition from archaic forms of proof (ordeals, witnesses [poslukhi], trial by combat) to the system of formal proofs, where the central element was a confession obtained through torture. Primary focus is placed on the key reform of 1864, which marked the abandonment of the formal theory of evidence and the establishment of the principle of free evaluation of evidence based on the court's inner conviction.

Keywords: evidence, proof, criminal procedure, Russian empire, judicial reform of 1864, theory of formal proofs, inner conviction, investigation. statute of criminal procedure.

Актуальность исследования генезиса правового регулирования собирания доказательств обусловлена фундаментальной значимостью данного института для обеспечения правосудности решений в уголовном судопроизводстве. Историко-правовой анализ позволяет не только проследить преемственность правовых норм, но и выявить закономерности развития процессуальных гарантий прав личности в противовес обвинительному уклону.

Эволюция законодательства о собирании доказательств в Российской империи представляет собой сложный и нелинейный процесс движения от системы, основанной на религиозных представлениях и формальных критериях, к системе, базирующейся на процессуальных нормах и рациональной оценке. Этот путь был сопряжен с постепенным отказом от средневековых методов и внедрением принципов, близких к современным, среди которых ключевое место занимает принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи.

Зарождение систематизированных правил доказывания на Руси связано с первыми памятниками права, такими как *Русская Правда*. Для этого периода был характерен частно-состязательный процесс, где бремя доказывания лежало на сторонах. К средствам доказывания относились «послухи» (свидетели), «суд Божий» в формах ордалий (испытания железом, водой), роты (клятвы) и «поля» (судебного поединка). Вещественные доказательства, известные как «поличное», также играли значительную роль. С развитием письменности в оборот вводятся «акты» («доски» и «записи»), что свидетельствует о стремлении к формализации процесса фиксации обстоятельств дела [2].

С изданием *Судебников 1497 и 1550 гг.*, а затем и *Соборного уложения 1649 г.*, в российском судопроизводстве усиливаются инквизиционные (розыскные) начала. Процесс становится тайным, письменным, а функция обвинения сливается с функцией разрешения дела. В этот период доминирующим доказательством становится собственное признание обвиняемого, наиболее эффективным способом получения, которого являлась пытка, официально узаконенная и регламентированная. Указ 1697 года «Об отмене в судных делах очных ставок...» окончательно закрепил розыскную форму процесса [1].

Апогеем системы формальных доказательств в России стал *Воинский устав Петра I (1716 г.)* [3]. Законодатель установил иерархию доказательств, деля их на «совершенные» и «несовершенные». Совершенным и достаточным для осуждения доказательством считалось признание обвиняемого. Показания свидетелей считались совершенными лишь при наличии определенного числа (не менее двух) «добропорядочных» лиц [3]. Данная теория, несмотря на свой фор-

мализм, имела и положительную сторону – она ограничивала судебский произвол, связывая его заранее установленными правилами. Однако ее основным пороком заключался в игнорировании индивидуальных особенностей дела и фактическом поощрении пыток.

Свод законов Российской империи (1832 г.) [4; 5] и *Уложение о наказаниях (1845 г.)* [6] хотя и смягчили некоторые положения, сохранили формальный подход к оценке доказательств. Признание, по-прежнему, считалось «царицей доказательств», хотя и вводились некоторые условия его добровольности. Закон предписывал оценивать доказательства по их внешним характеристикам, отдавая предпочтение, например, показаниям мужчины перед женщиной, знатного перед незнатным.

Качественный перелом в правовом регулировании собирания и оценки доказательств связан с принятием *Устава уголовного судопроизводства далее (УУС)* [7] 20 ноября 1864 года. Эта реформа, провозгласившая целью создание «суда скорого, правого и милостивого», кардинально изменила парадигму доказывания.

Во-первых, была официально отвергнута *теория формальных доказательств*. Ей на смену пришел принцип *свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению судей* (ст. 114 УУС) [7]. Судьи более не были связаны заранее установленной силой того или иного доказательства и должны были оценивать их по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности исследованных в суде данных.

Во-вторых, это стало возможным благодаря внедрению основ *состязательности* и *гласности*. Стороны обвинения и защиты получили равные права на представление и исследование доказательств (п. 103 УУС) [7]. Доказательства, представленные одной стороной, должны были быть открыты для другой, что обеспечивало возможность критики и проверки.

В-третьих, произошла радикальная реформация отношения к *признанию обвиняемого*. Пытка была окончательно устранена из правового поля еще в 1801 году, но именно УУС законодательно закрепил, что признание не может быть положено в основу обвинения, если не подтверждается совокупностью других доказательств. Тем самым был положен конец практике «царицы доказательств» и предотвращены риски самооговора [7].

В-четвертых, УУС детально регламентировал процедуры *собирания доказательств*, выделив целый ряд следственных действий: допрос, очная ставка, осмотр, освидетельствование, выемка, обыск. Появились статьи, специально посвященные вещественным доказательствам и правилам их хранения (ст. 371–376 УУС) [7]. Важную роль стало играть заключение эксперта, что отражало растущее значение науки в судопроизводстве.

Институт *судебного следователя*, введенный реформой 1860 года и закрепленный в УУС, был наделен широкой процессуальной самостоятельностью для принятия мер по собиранию доказательств (ст. 264 УУС) [7]. На него возлагалась обязанность принимать своевременные меры для обнаружения и сохранения следов преступления (ст. 266 УУС) [7].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что эволюция правового регулирования собирания доказательств в Российской империи до XIX века прошла сложный путь от архаичных, религиозно-обусловленных процедур через господство инквизиционной розыскной процессуальной формы с ее формальной теорией доказательств и пыткой к созданию одной из самых передовых для своего времени процессуальных систем.

Судебная реформа 1864 года и Устав уголовного судопроизводства стали тем рубежом, который отделил старое право от нового. Отказ от теории формальных доказательств и провозглашение принципа свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению суда заложили фундамент для развития состязательного процесса, гарантий прав обвиняемого и установления объективной истины по делу. Несмотря на последующие исторические катаклизмы, именно доказательственные принципы и многие процедуры, введенные УУС, стали основой для дальнейшего развития уголовно-процессуального права России, в том числе и в его современном состоянии.

Эволюция доказательственного права в имперский период наглядно демонстрирует неразрывную связь между процедурой доказывания, типом уголовного процесса и уровнем развития правового сознания общества в целом.

Список источников

1. Батиев Л. В. Указ 21 февраля 1697 г. и реформа судопроизводства в России // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11(72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ukaz-21-fevralya-1697-g-i-reforma-sudoproizvodstva-v-rossii> (дата обращения: 04.12.2025).
2. Васильченко, Е. В. Становление и развитие института доказательств в уголовном судопроизводстве России: историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 215 с.
3. Воинский устав Петра I «О процессе» 1716 г. // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 4. М. : Юридическая литература, 1986. С. 328–336.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. III. № 1536. СПб., 1830. С. 289–291. (Указ «Об отмене в судных делах очных ставок...» от 21 февраля 1697 г.).
5. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. XV. СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1832. 415 с.
6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 6. М. : Юридическая литература, 1988. С. 174–272.
7. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Судебные уставы 20 ноября 1864 года. СПб., 1866. С. 1–245.

Погодина Ирина Владимировна

кандидат юридических наук, доцент

Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

г. Владимир, Российская Федерация

ipogodina@vlsu.ru

Волонтерство как форма взаимодействия общества и государства (стимулирование активности граждан и правовое оформление)

***Аннотация.** В статье приведены примеры развития волонтерства в сфере участия граждан в выполнении функций государства. Акцент сделан на сотрудничество общества и государства, а также на социальное значение волонтерства в сфере выполнения отдельных государственных задач. Подчеркнуто, что требуется усиливать роль государства в поддержке волонтерского движения, формируя нормативную базу, регулирующую деятельность волонтеров, проводя политику поощрения добровольцев.*

***Ключевые слова:** волонтерство, добровольчество, взаимодействие общества и государства, активный гражданин, гражданское общество.*

Pogodina Irina Vladimirovna

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Vladimir State University

Vladimir, Russian Federation

Volunteering as a form of interaction between society and the state (stimulating citizen activity and legal regulation)

***Annotation.** This article presents examples of the development of volunteerism in the area of citizen participation in the performance of state functions. Emphasis is placed on cooperation between society and the state, as well as the social significance of volunteering in the implementation of specific state tasks. It emphasizes the need to strengthen the state's role in supporting the volunteer movement by developing a regulatory framework governing volunteer activities and implementing a policy of encouraging volunteers.*

***Keywords:** volunteerism, volunteering, interaction between society and the state, active citizen, civil society.*

Тенденции активизации роли волонтерства, сплочения населения вокруг решения актуальных задач общества и государства усилились в последние годы во многих странах мира. И, как правило, государственная администрация не против деятельности волонтеров и расширения сфер работы общественных добровольцев. Примеры поощрения и поддержки государством граждан, участвующих в реализации государственных функций видим в областях охраны общественного порядка, тушения пожаров, уборки территории, поиска пропавших людей и др.

Волонтерство как индивидуальное, так и коллективное, является составной частью гражданского общества. Использование волонтерства и добровольчества в качестве инструментов управления не является чем-то новым ни для нашей страны, ни для большинства стран мира. Например, Ч. Левайн (Ch. Levine) и Г. Фишер (G. Fisher) указывают на такие формы добровольной помощи граждан государственным службам, как местных дежурных, помощников учителей, школьных охранников и вспомогательных полицейских, которые дополняли и, по сути, заменяли государственный персонал, участвовали в предоставлении государственных услуг в 80-е гг. XX в. в западных странах [1]. В нашей стране в это же время реализовывались аналогичные формы сотрудничества общества и государства: институты народных дружинников, общественных помощников, внештатных сотрудников, добровольных пожарных и др. Некоторые из них, существуя много десятилетий, получили современную правовую основу. Например, принятый в 2014 году Федеральный закон «Об участии граждан в охране общественного порядка» [10], вновь создал правовые условия для добровольной охраны общественного порядка гражданами после фактического перерыва регулирования этой сферы в два десятка лет, возобновив почти утраченную советскую практику.

Общественные помощники в СССР привлекались в самых разных областях: на государственной границе и приграничных территориях, в регулировании дорожного движения, в сфере лесоохраны, рыбнадзора и др., что, по мнению А. Г. Рагунштейна, свидетельствует о необходимости и своевременности такого института, о «востребованности их [общественных помощников] услуг», но также и том, что были проблемы с законностью, а государство не справлялось самостоятельно [9, с. 121].

Последнее утверждение представляется спорным. Значение широкого привлечения волонтеров к работе по охране общественного порядка, по крайней мере в 70–80-е гг. XX в., было в том, что такая деятельность повышала правовую культуру общества, сознательность населения, имела профилактический эффект и давала положительный результат в виде снижения числа правонарушений, особенно учитывая к данной работе были привлечены сотни тысяч граждан. Анализируя советский опыт привлечения граждан к охране общественного порядка, который показывает, что без участия населения общественная безопасность трудно достижима, следует признать его положительным и эффективным. Практика СССР может быть имплементирована в работу современных общественных дружин.

Патрулированием улиц граждане занимались и в 90-е гг. XX века, но происходило это в крайних случаях, когда действительно не справлялись власти: например, москвичи дежурили на улицах в 1999 году после взрывов жилых домов [7]. Вскоре был принят закон Москвы «О московской городской народной дружине» (2002 г.) [6], который определил ее структуру, финансирование из бюджета города, поощрения для участников по аналогии с советской практикой.

Следует признать, что волонтерство в России в сфере общественного порядка остается на низком уровне.

При этом в Европе и США гражданские патрули распространены и стали частью работы правоохранительной системы. Практика их деятельности отличается от отечественной «народной дружины»: в западных странах преимущественно развивается институт «соседского контроля» (англ. Neighborhood Watch). В США с 1972 года Национальная программа «Соседский дозор» (входящая в состав Национальной ассоциации шерифов) объединяет правоохранительные органы, частные организации и отдельных граждан в общенациональной инициативе по снижению уровня преступности и улучшению жизни местных сообществ [2]. На данный момент «Соседский дозор» – ведущая в стране программа по профилактике преступности и мобилизации населения. Изучение практики США в этой сфере интересно и перспективно для нашей страны.

Еще одна сфера «государственной работы», где активно развивается добровольческое движение в России – это поиск пропавших людей. Известная история Лизы Фомкиной, стала толчком для создания всероссийской организации «Лиза Алерт» [8], которая занимается поиском людей, зачастую находя их раньше полиции.

Пожарное добровольчество давно в традиции нашей страны. Во время летних лесных пожаров, которые особенно много принесли проблем в 2010 году, многие граждане готовы помогать с тушением и, самоорганизовавшись, выезжают на места ЧП. Деятельность добровольной пожарной охраны в системе обеспечения пожарной безопасности было определено Федеральным законом от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности», где добровольные объединения указаны как один из видов пожарной охраны. Как отмечает исследователь этой сферы А. П. Чумаченко, на протяжении всей истории пожарного дела волонтерство играло заметную роль в обеспечении пожарной безопасности России [11, с. 5].

По данным опроса ВЦИОМ 2015 г. (опрошено 1600 человек) более половины опрошенных (59 %) согласны с тем, что население в целом должно принимать активное участие в обеспечении пожарной безопасности, оказывая помощь государственным органам [4]. Но всего 2 % опрошенных являлись членами добровольных пожарных команд, а желание вступить в такую команду выразили около 18 % принявших участие в опросе.

В целом, практика привлечения волонтеров в дело тушения пожаров распространена повсеместно, хотя степень их вовлеченности варьируется в зависимости от страны и специфики местных условий. Довольно широко привлекают волонтеров для реализации государственных функций по тушению пожаров в США. Например, добровольцы отвечают на вызовы, поступающие в пожарную службу, помогают с заправкой баллонов с воздухом, обеспечивают экипажи едой и водой, помогают с уборкой [3]. Движение волонтеров-пожарных активно развивается и в европейских странах.

Констатируем, что отряды волонтеров, которые бы участвовали в выполнении задач, характерных для государства, в России стали возникать все чаще. Особенно заметен этот тренд с конца 2000-х гг. Причем добровольческая работа охватывает разные сферы. О чем свидетельствует усиливающаяся активность волонтеров? Принять такую точку зрения, означает признать, что добровольцами руководит отчаяние и страх, недоверие к власти, но не гражданская сознательность и активность. С одной стороны, есть основания так думать: как правило, привлечение граждан к помощи в реализации функций государства связано с недостаточным финансированием, особенно местных бюджетов, дефицитом кадров. С другой стороны, общество все же становится более активно и сознательно, и в ряде случаев готово разделить ответственность с властью за принимаемые решения, помочь в организации благополучной жизни. Когда случается беда национального или регионального масштаба, люди начинают самоорганизовываться, появляются волонтерские дружины (например, помощь с ликвидацией загрязнения побережья в Анапе) [5].

С привлечением граждан к такой деятельности, которую обычно должно выполнять государство, традиционные организационные границы в сфере управления размываются. Необходимо переосмыслить роль волонтерства во взаимодействии общества и государства. Направлениями для работы государственных органов с целью развития волонтерства и добровольчества граждан являются: нормативное регулирование волонтерской работы или ее организации, проведение учебных семинаров, консультаций, поощрение общественного волонтерства (материально и нематериально), создание рабочих групп (с лицами, интересующимися конкретными вопросами), опросы удовлетворенности.

Список источников

1. Levine Ch. H., Fisher G. Citizenship and Service Delivery: The Promise of Coproduction // Political Science. Public Administration Review. 1984. doi: 10.4324/9780429501036-19 (дата обращения: 07.12.2025).
2. National Neighborhood Watch. A Division of the National Sheriffs' Association (перевод автора). URL: <https://nnw.org/> (дата обращения: 05.12.2025).
3. Волонтеры пожарной службы URL (перевод автора): URL: <https://www.cityofsacramento.gov/fire/join-sacramento-fire/fire-services-volunteer> (дата обращения: 15.11.2025).
4. Данные опроса ВЦИОМ о том, знают ли россияне правила поведения при пожаре, состоят ли в добровольных пожарных дружинах и как относятся к участию добровольцев в борьбе с пожарами. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vse-na-borbu-s-ognem> (дата обращения: 09.11.2025).
5. Джгамадзе К. Адаптивная солидарность. Комментарий эксперта Департамента политических исследований ВЦИОМ на XV Международной Грушинской социологической конференции 28 апреля 2025. URL: <https://wciom.ru/expertise/adaptivnaja-solidarnost> (дата обращения: 15.11.2025).

6. Закон города Москвы от 26 июня 2002 года № 36 «О московской городской народной дружине». URL: <https://docs.cntd.ru/document/3637772> (дата обращения: 05.12.2025).

7. Никольская П., Туманов Г., Телехов М. Отчаяние это или гражданская активность – сказать пока сложно. URL: https://www.gazeta.ru/social/2011/02/14/3524598.shtml?ysclid=mit45fu1rz472042481&utm_auth=false (дата обращения: 05.12.2025).

8. Отряд имени Лизы Фомкиной. URL: <https://lizaalert.org/o-nas/> (дата обращения: 05.12.2025).

9. Рагунштейн А. Г. Правовой статус добровольных народных дружин по охране общественного порядка (1959-1991 годы) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. №. 1. С. 121–133.

10. Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» // СЗ РФ. 2014. № 14. Ст. 1536.

11. Чумаченко А. П. Совершенствование нормативного правового и ресурсного обеспечения деятельности добровольной пожарной охраны : дис. ... канд. техн. наук: 05.13.10. М., 2001. 250 с.

УДК 316.48(072.8)

Порватова Людмила Васильевна

кандидат юридических наук

Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел

Российской Федерации имени В. Я. Кикотя

г. Москва, Российская Федерация

2642450@mail.ru

Ценностные ориентиры Русской православной церкви как инструмент противодействия идеологиям экстремизма

***Аннотация.** Статья исследует потенциал ценностных ориентиров Русской православной церкви (РПЦ) как инструмента противодействия идеологии религиозного экстремизма. Анализируются ключевые ценности РПЦ – соборность, миротворчество, межрелигиозный диалог – и их роль в формировании альтернативы радикальным нарративам. Рассматриваются практические механизмы реализации этой миссии: участие в государственных консультативных органах, просветительская работа с молодежью, межконфессиональное сотрудничество через Межрелигиозный совет России и международная деятельность. Делается вывод о необходимости системной работы по созданию интегрированного духовного пространства, где РПЦ выступает одним из ключевых субъектов обеспечения идеологической и духовной безопасности.*

***Ключевые слова:** Русская православная церковь, религиозный экстремизм, идеология терроризма, противодействие экстремизму, ценностные ориентиры, межрелигиозный диа-*

лог, религиозное просвещение, Межрелигиозный совет России, духовная безопасность, национальная безопасность.

Porvatova Lyudmila Vasilyevna

Candidate of Law

Moscow University of the Order of Honor

of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot

Moscow, Russian Federation

Values of the Russian orthodox church as a tool for countering extremism ideologies

***Annotation.** This article explores the potential of the value systems of the Russian Orthodox Church (ROC) as a tool for countering the ideology of religious extremism. It analyzes the key values of the ROC – conciliarity, peacemaking, and interreligious dialogue – and their role in shaping an alternative to radical narratives. Practical mechanisms for implementing this mission are examined: participation in government advisory bodies, educational work with youth, interfaith cooperation through the Interreligious Council of Russia, and international activities. A conclusion is reached regarding the need for systematic work to create an integrated spiritual space, where the Russian Orthodox Church acts as a key player in ensuring ideological and spiritual security.*

***Keywords:** Russian Orthodox Church, religious extremism, ideology of terrorism, countering extremism, value orientations, interreligious dialogue, religious education, Interreligious Council of Russia, spiritual security, national security.*

Современная Россия, представляющая собой полиэтнический и поликонфессиональный конгломерат, в условиях глобальных вызовов сталкивается с угрозой религиозно мотивированного экстремизма. Данная угроза носит двойственный характер, являясь как вопросом внешней политики, так и ключевым фактором внутренней стабильности и безопасности. Силовые меры, осуществляемые профильными государственными институтами, хотя и необходимы для ликвидации непосредственных очагов терроризма, неспособны нейтрализовать его идеологическую основу, базирующуюся на радикальных интерпретациях религиозных доктрин. В этой связи актуализируется проблема поиска эффективного идеологического противовеса, способного дезавуировать нарративы экстремистов. Как отмечал Л. Н. Толстой, противостояние деструктивной идее возможно лишь через выдвижение идеала более высокого порядка, инклюзивно включающего в себя положительные аспекты оппонента. В российском контексте подобная роль во многом отводится традиционным религиозным объединениям, и, в частности, Русской Православной Церкви (РПЦ), чья система ценностных ориентиров может служить инструментом консолидации общества и противостояния экстремистским идеологиям [5].

Ценностный каркас РПЦ, формируемый на основе христианской антропологии, этики и социальной доктрины, предлагает ряд фундаментальных антитез радикальным мировоззренческим моделям. Ключевыми ориентирами здесь выступают идеи соборности, миротворчества, межрелигиозного и межнационального диалога, патриотизма, понимаемого как служение Отечеству, и при-

оритета духовно-нравственного развития личности. Эти ценности не носят исключительно конфессионального характера, но претендуют на статус общегражданских, что позволяет РПЦ позиционировать себя в качестве связующего звена в межконфессиональном взаимодействии внутри страны. Участие представителей Церкви в совещательных органах при Президенте РФ по вопросам антитеррористической политики свидетельствует о признании государством этого интегративного потенциала. Функция РПЦ в данном процессе не сводится к прямой апологии конкретной догматики, но заключается в продвижении ценностей толерантности, уважения к культурному разнообразию и неприятия насилия на религиозной почве.

Важнейшим практическим направлением реализации этих ориентиров является просветительско-образовательная деятельность, направленная на преодоление религиозной безграмотности, которая, по справедливому замечанию представителей РПЦ, является питательной средой для вербовочных механизмов экстремистов [2]. Церковь выступает с инициативами по разработке стратегий совместных действий с Советом муфтиев России и иными конфессиями в сфере духовно-нравственного воспитания молодежи, что было продемонстрировано в ходе круглого стола в Государственной Думе в 2015 году. Целью такой работы является формирование иммунитета к радикальным идеям через утверждение позитивных идеалов, основанных на любви к ближнему, уважении к отечественному историко-культурному наследию и понимании подлинной сути религиозных учений.

На международной арене ценностные ориентиры РПЦ реализуются через развитие кооперации с зарубежными религиозными организациями, включая как параллельные православные юрисдикции, так и иные традиционные конфессии. Эта деятельность нацелена на создание широкого альянса миролюбивых религиозных сил, способного противостоять глобальной экспансии экстремистской идеологии. Митрополит Волоколамский Иларион в качестве одного из ключевых направлений противодействия экстремизму выделяет консолидацию с иными конфессиями и создание единого религиозного альянса внутри страны [4]. Таким образом, ценностный потенциал РПЦ актуализируется как во внутренней, так и во внешней политике, способствуя формированию интегрированного духовного пространства, основанного на принципах взаимного уважения.

Следует подчеркнуть, что противодействие идеологии экстремизма не может быть сведено к разовой кампании. Это требует длительной систематической работы, аналогичной борьбе с рецидивами фашистской идеологии, которая, будучи разгромленной в военном отношении, продолжает проявляться в современных формах. Успешные военные операции против террористов необходимы, но недостаточны. Стратегическая задача заключается в созидании такого социокультурного и духовного климата, где каждая религия и культура выступает как миротворческая сила, несущая в себе уважение к инаковости. Система ценностных ориентиров Русской Православной Церкви, будучи глубоко

укорененной в национальной исторической традиции и одновременно открытой к диалогу, представляет собой значимый ресурс для решения этой масштабной задачи, выступая в качестве идеологической альтернативы, способной противостоять радикальным нарративам на концептуальном уровне.

В современном российском контексте ценностные ориентиры Русской Православной Церкви (РПЦ) актуализируются через конкретные проекты и инициативы, направленные на формирование духовного иммунитета общества к радикальным идеологиям. Ярким примером является деятельность Межрелигиозного совета России (МСР), созданного в 1998 году и объединяющего лидеров православия, ислама, иудаизма и буддизма. РПЦ выступает здесь ключевым интегратором [3]. В 2022 году МСР выпустил совместное заявление, решительно осуждающее терроризм и любые попытки оправдать насилие религиозными лозунгами, подчеркнув недопустимость отождествления экстремизма с какой-либо традиционной религией. Этот документ стал не просто декларацией, а основой для совместных просветительских программ, направленных на молодежь в регионах с поликонфессиональным составом населения, таких как Северный Кавказ и Поволжье.

Значимым инструментом является масштабная просветительская работа, направленная на преодоление «религиозной безграмотности». Проект «Православная инициатива», поддерживаемый РПЦ, финансирует сотни проектов по всей стране, среди которых есть и те, что специализируются на межрелигиозном диалоге и профилактике экстремизма. Например, в ряде субъектов РФ реализуются молодежные лагеря и форумы (такие как «Территория смыслов» с участием церковных представителей) [1], где в формате дискуссий развенчиваются мифы экстремистской пропаганды, а альтернативой предлагаются ценности мирного сосуществования, патриотизма и культурного разнообразия. Особое внимание уделяется работе в цифровой среде. Синодальный отдел по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ активно ведет работу в социальных сетях, создавая контент, который в доступной форме противопоставляет конструктивное богословское и историческое знание упрощенным и агрессивным псевдорелигиозным нарративам.

На международной арене РПЦ, несмотря на сложную геополитическую обстановку, продолжает позиционировать себя как сила, защищающая традиционные христианские ценности и выступающая против преследований верующих. Это также является формой борьбы с экстремизмом, понимаемым в широком смысле. Выступления Патриарха Кирилла и председателя ОВЦС на различных международных площадках, включая встречи с лидерами мировых религий, последовательно направлены на защиту права христиан и представителей других традиционных конфессий на Ближнем Востоке и в Африке от физического уничтожения со стороны радикальных группировок. Внутри страны эта внешнеполитическая повестка транслируется в патриотическом ключе, формируя у паствы понимание России как защитника

традиционных ценностей и гонимых христиан, что создает ценностный контраст с идеологией террора.

Важным современным примером является сотрудничество с государственными структурами в сфере реабилитации и реинтеграции лиц, подвергшихся воздействию экстремистской идеологии. При участии РПЦ и других конфессий в рамках проекта «Национальная система реабилитации» разрабатываются методики духовно-нравственной и психологической работы с такими лицами и их семьями [2]. Хотя эта работа носит экспериментальный и точечный характер, она свидетельствует о признании государством важности ценностно-смыслового компонента в дерадикализации.

Таким образом, современные практики РПЦ охватывают несколько уровней: от идеологического (совместные заявления, формирование общественного мнения) и образовательно-просветительского (проекты, цифровой контент, работа с молодежью) до международного (защита традиционных конфессий) и социально-реабилитационного. Эти действия, основанные на ценностях соборности, диалога и миротворчества, направлены на создание устойчивой альтернативной идеологической среды, лишаящей экстремистские нарративы питательной почвы. Однако эффективность этих мер остается предметом дискуссий в научном сообществе, так как требует долгосрочного системного воздействия и нейтрализации рисков восприятия такой деятельности как исключительно политизированной.

Список источников

1. Алексеев С. Л. Экстремизм в молодежной среде: меры противодействия и превенции // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики : сборник материалов VI Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 25-летию юридического факультета, Чебоксары, 02 декабря 2016 г. Чебоксары : Чувашский гос. ун-т им. И. Н. Ульянова, 2016. С. 343–350.
2. Сальников Е. В. Проблемы противодействия экстремизму: минимизация и (или) ликвидация его последствий в составе механизма противодействия экстремизму // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 3(25). С. 107–118.
3. Сычева Е. А. Роль Русской Православной Церкви в сохранении и укреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Право, общество, государство: проблемы истории, теории и практики : сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф., Старотеряево, 12 апреля 2024 г. Старотеряево : Московский ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя, 2024. С. 380–383.
4. Тишков В. А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М. : Наука, 2013. 649 с.
5. Толстой Л. Н. Александру III // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д, 1996. С. 469–480.

Розов Андрей Михайлович

магистрант, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

andrey.rozov.2000@mail.ru

**Сравнение понятия, содержания и сущности правового статуса
адвоката в гражданском судопроизводстве в современной России
и период судебных уставов 1864 года**

***Аннотация.** Статья посвящена сравнительному анализу роли адвокатуры в гражданском судопроизводстве в два исторических периода. Сравнительный анализ демонстрирует преемственность основополагающих принципов адвокатской деятельности сквозь призму исторического развития. Эволюция правового статуса адвоката наглядно отражает переход от сословного института к саморегулируемой профессии.*

***Ключевые слова:** гражданское судопроизводство, адвокат, присяжный поверенный, судебные уставы, адвокатская тайна, судебная защита.*

Rozov Andrey Mikhailovich

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

**Comparison of the concept, content, and essence of the legal status
of a lawyer in civil proceedings in modern Russia and during
the period of the 1864 Judicial Statutes**

***Annotation.** The article is devoted to a comparative analysis of the role of the bar in civil proceedings in two historical periods. The comparative analysis demonstrates the continuity of the fundamental principles of legal practice through the lens of historical development. The evolution of the legal status of the lawyer clearly reflects the transition from a class-based institution to a self-regulated profession.*

***Keywords:** civil proceedings, lawyer, attorney-at-law, judicial statutes, attorney-client privilege, judicial protection.*

Правовой статус адвоката представляет собой динамичную категорию, отражающую эволюцию правовой системы и общественных отношений. Проведение сравнительного анализа статуса адвоката в современном гражданском судопроизводстве Российской Федерации и в эпоху действия судебных уставов 1864 года позволяет проследить преемственность правовых норм, выявить новации в регулировании адвокатской деятельности, а также оценить эффективность механизмов защиты прав участников судебного процесса.

Цель настоящего исследования заключается в сопоставлении ключевых элементов правового статуса адвоката – понятия, содержания и сущности – в двух исторических периодах, что дает возможность обозначить как общие

тенденции развития института адвокатуры, так и принципиальные различия, обусловленные социально-правовыми изменениями.

В период действия судебных уставов 1864 года законодательство определяло адвоката как **присяжного поверенного** (ст. 353 Учреждения судебных установлений от 20 ноября 1864 года) [5]. Это понятие включало ряд существенных признаков: принадлежность к корпоративному сообществу, наличие высшего юридического образования, пятилетний стаж юридической работы, безупречная репутация, а также обязательное принятие присяги. Присяжные поверенные объединялись в сословие при окружных судах и судебных палатах, что подчеркивало их особый публично-правовой статус, предполагавший не только профессиональные, но и этические обязательства перед обществом и государством.

В современной России понятие адвоката закреплено в Федеральном законе от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ст. 2). Согласно закону, адвокат – это лицо, получившее в установленном порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность [3]. К ключевым признакам относятся: высшее юридическое образование, двухлетний стаж работы по юридической специальности, успешная сдача квалификационного экзамена, внесение в реестр адвокатов субъекта Российской Федерации и принятие присяги.

Как отмечает А. А. Васяев в монографии «Адвокатура в правозащитной системе Российской Федерации: теория и практика» (2023), современное законодательство акцентирует индивидуальную правосубъектность адвоката, однако корпоративное начало сохраняется через механизмы адвокатских палат, которые выполняют функции самоуправления и контроля, обеспечивая баланс между личной ответственностью адвоката и коллективными стандартами профессии [6]. При этом фундаментальной основой деятельности адвоката выступает статья 48 Конституции РФ, гарантирующая каждому право на получение квалифицированной юридической помощи [1]. Эта конституционная норма не просто декларирует соответствующее право, но и задает критерий его реализации: помощь должна быть квалифицированной, что предполагает наличие у адвоката соответствующего образования, опыта и официального статуса. Одновременно статья 48 создает правовую базу для развития института адвокатуры как основного механизма обеспечения данного конституционного права.

В эпоху судебных уставов 1864 года присяжный поверенный обладал рядом процессуальных прав в гражданском судопроизводстве, включая представление интересов доверителя в суде, сбор доказательств (опрос свидетелей, запрос документов), участие в прениях и получение вознаграждения по соглашению с клиентом [5]. Одновременно на него возлагались обязанности, связанные с соблюдением корпоративной дисциплины, действием в рамках закона и профессиональной этики, отказом от отказа от принятого поручения без уважительных причин, а также хранением адвокатской тайны.

В настоящее время права адвоката в гражданском судопроизводстве регламентируются ст. 6 Федерального закона № 63-ФЗ и Гражданским процессуальным кодексом РФ. Адвокат вправе собирать сведения и запрашивать документы, опрашивать лиц с их согласия, привлекать специалистов, беспрепятственно встречаться с доверителем, а также фиксировать информацию в материалах дела [2; 3]. В число обязанностей современного адвоката входят честное, разумное и добросовестное отстаивание прав доверителя, соблюдение кодекса профессиональной этики, повышение квалификации и отчисление средств на нужды адвокатской палаты [4].

Сопоставляя два периода, можно отметить, что современный адвокат обладает более широкими возможностями по сбору доказательств, например, правом на привлечение специалистов, тогда как в XIX веке акцент делался на устных доказательствах и красноречии [7]. Вместе с тем усилилась корпоративная дисциплина: введены обязательные отчисления и регулярное повышение квалификации [4]. При этом сохранились фундаментальные принципы – независимость, конфиденциальность и добросовестность, которые остаются краеугольными камнями адвокатской деятельности.

А. А. Васяев подчеркивает, что эволюция правового статуса адвоката отражает переход от сословной корпорации к саморегулируемой профессиональной организации, где индивидуальная ответственность сочетается с коллективными гарантиями качества юридической помощи, что обеспечивает устойчивость института адвокатуры в условиях меняющейся правовой среды [6].

В период судебных уставов 1864 года сущность статуса присяжного поверенного носила ярко выраженный публично-правовой характер. Адвокат рассматривался как «орудие правосудия», его деятельность регулировалась государством через судебные органы, а корпоративное самоуправление было ограничено надзором судов [5]. Такой подход отражал идеологию судебной реформы, согласно которой адвокатура выступала институтом, обеспечивающим справедливое судопроизводство, а не просто представителем интересов клиента.

В современной России сущность статуса адвоката сочетает публичное и частное начала. С одной стороны, адвокат выступает как независимый профессиональный советник, реализующий частноправовые интересы доверителя. С другой – он является участником судопроизводства, содействующим правосудию, что подчеркивает его публичную функцию. Публичность проявляется в обязательном участии в делах по назначению суда, соблюдении процессуальных норм и ответственности перед адвокатской палатой и государством.

Как указывает А. А. Васяев, современная адвокатура реализует двойственную природу: с одной стороны, она служит частным интересам доверителя, с другой — обеспечивает публичный интерес, гарантируя справедливое и законное разрешение споров, и именно этот баланс является ключевым для понимания сущности правового статуса адвоката в XXI веке [6].

Конституция РФ (ст. 123) закрепляет принцип состязательности судопроизводства [1], что напрямую влияет на роль адвоката: он выступает стороной

процесса, наделенной равными правами с иными участниками, и вправе активно формировать доказательственную базу, заявлять ходатайства, участвовать в прениях. Данный принцип обеспечивает равенство сторон – адвокат и его оппонент имеют одинаковые процессуальные возможности; предполагает независимость суда, который не собирает доказательства, а оценивает представленные сторонами; определяет активную роль адвоката, на которого ложится основная нагрузка по доказыванию позиции доверителя.

Таким образом, произошла эволюция от модели «слуги правосудия» к модели «независимого профессионала», сохраняющего при этом публичную миссию.

В период судебных уставов 1864 года адвокату предоставлялись следующие гарантии: неприкосновенность за высказывания в суде, право на вознаграждение по соглашению и корпоративная поддержка. Ограничения включали запрет на совмещение с государственной службой, обязанность подчиняться решениям совета присяжных поверенных, а также возможность дисциплинарного взыскания, вплоть до исключения из сословия.

Современное законодательство закрепляет расширенный перечень гарантий, включая защиту от вмешательства в деятельность, тайну адвокатской деятельности, неприкосновенность документов и переписки, а также социальное страхование (ст. 18 Федерального закона № 63-ФЗ) [3]. Ограничения касаются запрета на занятие иной оплачиваемой деятельностью (кроме научной и преподавательской), недопустимости конфликта интересов и ответственности за нарушение кодекса этики. В целом наблюдается тенденция к усилению гарантий независимости адвоката при одновременном ужесточении дисциплинарной ответственности.

По мнению А. А. Васяева, усиление гарантий независимости адвоката – это не только правовая, но и социальная необходимость, поскольку без надежных механизмов защиты адвокат не сможет эффективно выполнять свою публичную функцию, что подрывает доверие к правосудию в целом [6].

Конституционные гарантии деятельности адвоката также вытекают из ряда положений Конституции РФ. Статья 24 Конституции РФ запрещает сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни без согласия лица, тем самым обеспечивая защиту адвокатской тайны [1]. Статья 29 гарантирует свободу мысли и слова, что подразумевает право адвоката свободно излагать позицию в суде без страха преследования [1].

В эпоху судебных уставов 1864 года адвокат выступал преимущественно как процессуальный представитель, действующий от имени доверителя. Его полномочия подтверждались доверенностью или устным заявлением в суде, а ключевое значение придавалось устной защите и красноречию.

В современных условиях адвокат выполняет функции не только представителя, но и независимого советника, сочетая представительские и консультационные задачи. Полномочия оформляются доверенностью или ордером, а роль письменных доказательств и досудебной работы возрастает, что отражает тенденции цифровизации и формализации судопроизводства.

А. А. Васяев отмечает, что цифровизация адвокатской деятельности меняет традиционные подходы к сбору и представлению доказательств: современный адвокат должен владеть не только классическими процессуальными навыками, но и инструментами электронного документооборота, что требует постоянного профессионального развития [6]. Действительно, современные технологии существенно расширяют возможности адвоката, позволяя использовать электронные сервисы подачи документов в суд, например, через ГАС «Правосудие», работать с цифровыми доказательствами, включая электронные переписки, аудио- и видеозаписи, а также данные с мобильных устройств, и участвовать в заседаниях дистанционно посредством систем видео-конференц-связи.

При этом конституционные основы внедрения цифровых технологий в адвокатскую практику заложены в нескольких статьях Конституции РФ. Статья 24 Конституции РФ гарантирует защиту частной жизни и персональных данных, что приобретает особую значимость при обращении с электронной информацией [1]. Статья 29 обеспечивает свободу информации и доступ к ней, давая адвокату право запрашивать и использовать цифровые доказательства в интересах доверителя [1]. Статья 46 закрепляет право на судебную защиту, охватывая современные формы ее реализации, включая дистанционные заседания и работу с электронными документами [1].

Анализ правового статуса адвоката позволяет выявить ключевые тенденции развития института адвокатуры в современных условиях. Прежде всего, наблюдается усиление гарантий независимости адвоката, что проявляется в защите от необоснованного вмешательства в профессиональную деятельность согласно статье 18 Федерального закона № 63-ФЗ, в обеспечении неприкосновенности адвокатской тайны, опирающейся на конституционный принцип, в предоставлении социального страхования и иных мер поддержки, предусмотренных статьей 20 того же закона.

Одновременно происходит активная цифровизация процессов, связанная с внедрением электронных систем документооборота, развитием онлайн-взаимодействия с судами и государственными органами.

Кроме того, углубляется корпоративная саморегуляция института адвокатуры, выражающаяся в усилении роли адвокатских палат в контроле качества предоставляемых услуг, введении обязательного повышения квалификации для всех адвокатов и ужесточении дисциплинарной ответственности за нарушения норм профессиональной этики.

Как подчеркивает А. А. Васяев, баланс между традиционными принципами адвокатуры и инновациями служит залогом устойчивости профессии [6]. Конституционные нормы, включая статьи 48, 46, 24 и 29, создают прочный фундамент для адаптации адвокатуры к новым реалиям, не позволяя утратить ее главную миссию – защиту прав человека.

Проведенный сравнительный анализ демонстрирует преемственность основополагающих принципов адвокатской деятельности сквозь призму исторического развития. Сохраняются такие ключевые элементы, как независимость адвоката, соблюдение конфиденциальности в форме адвокатской тайны и тре-

бование наличия высшего юридического образования и определенного стажа работы.

Вместе с тем современный период характеризуется рядом существенных новаций. Расширяются права адвоката по сбору доказательств, в том числе цифровых; усиливается корпоративная саморегуляция через систему адвокатских палат; достигается гармоничное сочетание публично-правового и частного правового начал в правовом статусе адвоката.

Конституционные основы адвокатской деятельности остаются незыблемыми и находят отражение в ряде статей Конституции РФ. Так, статья 48 гарантирует право каждого на квалифицированную юридическую помощь [1]; статья 46 обеспечивает доступ к судебной защите [1]; статьи 24 и 29 защищают профессиональную деятельность адвоката от необоснованного вмешательства, обеспечивая конфиденциальность и свободу выражения позиции [1].

Эволюция правового статуса адвоката наглядно отражает переход от сословного института к саморегулируемой профессии, где конституционные принципы выступают в роли ориентира для развития законодательства и правоприменительной практики. Современные тенденции, включая цифровизацию и усиление гарантий независимости, подтверждают динамичный характер института адвокатуры в российском правовом пространстве, позволяя ему эффективно отвечать на вызовы времени при сохранении фундаментальных ценностей правосудия.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 06.12.2025).

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532 ; 2023. № 52 (ч. 1). Ст. 9567.

3. Федеральный закон от 31.05.2002 №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102 ; 2024. № 17. Ст. 2310.

4. Кодекс профессиональной этики адвоката (ред. от 20.04.2023) : принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2003. № 2. С. 2.

5. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны : в 4 ч. / изд. Гос. канцелярии. СПб. : Тип. Второго отделения СЕИВК, 1866.

6. Васяев А. А. Адвокатура в правозащитной системе Российской Федерации: теория и практика : монография. М. : Ленанд, 2023. 352 с.

7. Гаррис Р. Школа адвокатуры: руководство к ведению гражданских и уголовных дел / пер. с англ. А. Я. Гуляева. Тула : Автограф, 2001. 352 с.

Румянцев Николай Константинович

магистрант, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

nrum82@rambler.ru

Становление института необходимой обороны в дореволюционной России

Аннотация. В статье исследуется историко-правовое развитие института необходимой обороны в российском законодательстве досоветского периода. На основе анализа Русской Правды, Соборного уложения 1649 года и Уложения о наказаниях 1845 года выявляются ключевые этапы эволюции данного института: от фрагментарных упоминаний, связанных с обычаем мести, до формирования системной регламентации в уголовном законодательстве Российской империи, где необходимая оборона была закреплена как обстоятельство, исключающее преступность деяния.

Ключевые слова: необходимая оборона, история права, дореволюционная Россия, Русская Правда, Соборное уложение, Уложение о наказаниях, самозащита.

Rumyantsev Nikolay Konstantinovich

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

The formation of the Institute of Necessary Defense in pre-revolutionary Russia

Annotation. The article examines the historical and legal development of the institute of necessary defense in Russian legislation of the pre-Soviet period. Based on the analysis of *Russkaya Pravda*, the *Sobornoye Ulozheniye* of 1649, and the *Ulozheniye o Nakazaniyakh* of 1845, the key stages of the evolution of this institute are identified: from fragmentary mentions related to the custom of blood feud to systematic regulation in the criminal legislation of the Russian Empire, where the necessary defense was fixed as a circumstance excluding criminality of the act.

Keywords: necessary defense, history of law, pre-revolutionary Russia, *Russkaya Pravda*, *Sobornoye Ulozheniye*, *Ulozheniye o Nakazaniyakh*, self-defense.

Институт необходимой обороны, являясь одним из древнейших в уголовном праве, играет ключевую роль в обеспечении баланса между правом личности на защиту и интересами государства, присущ всем правовым системам, обладая при этом исключительной важностью. Необходимая оборона является тем самым способом защиты своих прав и свобод, который прописан в российском законодательстве. Важность данного института заключена и в том, что необходимая оборона имеет большое значение в предупреждении и пресечении преступлений не только со стороны государства, но и со стороны граждан на протяжении многих столетий, что в настоящее время не теряет своей актуальности. Становление института необходимой обороны в дореволюционной России

представляет собой последовательный процесс эволюции от архаичных норм к более системному правовому регулированию. Данный процесс можно проследить на основе анализа ключевых памятников права: Русской Правды, Соборного уложения 1649 года и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года.

Зарождение института необходимой обороны в древнерусском праве.

В контексте древнерусского права институт необходимой обороны формировался в условиях специфических исторических, социальных и культурных реалий. Как отмечается, Россия традиционно считается наследницей Римской империи, и институт необходимой обороны в уголовном праве России сложился под влиянием римского права [7]. Древнерусское государство попало под влияние Восточной римской империи – Византии при Владимире Святом.

Зарождение института необходимой обороны в древнерусском праве происходило в условиях, где самозащита зачастую была элементом частной мести, что не позволяло выделить ее в самостоятельный правовой институт в период становления государственности. Первым официальным сводом законов в Киевской Руси стала Русская Правда, принятая Ярославом Мудрым в 1016 году. В ней появились положения о необходимой обороне в контексте социально-правового института.

Анализ статьи 38 [5] Краткой редакции Русской Правды позволяет заключить, что убийство вора на своем дворе, у клети или хлева признавалось правомерным, если преступник был застигнут на месте и существовала реальная опасность, а также отсутствовала возможность доставить его на суд. В литературных источниках отмечается, что «Русская Правда лишь имущество относилось к приоритетному объекту, который при необходимой обороне мог быть убережен от посягательства, в то время как о жизни и здоровье норм не фигурировало» [3, с. 232]. Однако, учитывая статьи 25, 26 Пространной редакции Русской Правды [6], нельзя согласиться с той частью утверждения, в которой авторами исключены в качестве защиты посредством необходимой обороны жизнь и здоровье.

Более детально вопросы обороны регламентировала Пространная редакция Русской Правды. Так, статьи 25 и 26 расширяли право обороны, разрешая ответный удар мечом в случае нападения, тем самым защищая не только имущество, но и жизнь, здоровье и честь. Это опровергает встречающиеся в литературе утверждения, что Русская Правда охраняла посредством обороны исключительно имущество. Важным критерием правомерности, как следует из ст. 40, являлось состояние прекратившейся опасности: убийство вора, уже связанного и обезвреженного, влекло за собой ответственность, так как его умысел более не мог быть реализован.

Таким образом, древнерусское право уже намечало контуры будущего института, определяя момент начала и окончания посягательства как временные границы правомерной обороны. Древнерусское право на необходимую оборону, предоставляло возможность человеку и его семье наказать преступника. При этом, момент возникновения права обороны определялся либо началом самого

посягательства, либо его непосредственной угрозой, а момент окончания – временем окончания посягательства. Предел причинения вреда при необходимой обороне определялся тем благом, на которое покушается нападавший, а также временем его совершения.

Систематизация норм о необходимой обороне в Соборном уложении 1649 года.

Следующей вехой в развитии института, ознаменовавшей более высокую ступень развития русского права, стало Соборное уложение 1649 года [9]. Данный кодифицированный акт отличался стремлением законодателя подвергнуть правовой регламентации максимально широкий круг общественных отношений, что не обошло стороной и необходимую оборону.

Статья 200 главы X Уложения предоставляла лицу широкое право на защиту своего дома [1, с. 5] («домового права») от насильственного вторжения «скопом и заговором», хотя бы только с целью чем-либо обесчестить хозяина. Соответственно, тот, кто убьет нападавшего на него и на его дом, или же нанесет ему увечья, не подлежит ответственности, так как нападавший сам совершает посягательство. В статье 89 главы XXI Уложения [9] позволялось убить преступника, если он сопротивлялся задержанию, в случае защиты своего имущества. При этом на собственника имущества возлагалась обязанность сообщить о данном случае в органы правопорядка. Право на защиту от посягательства было предоставлено и в случае, когда преступник убегал с похищенной вещью, был пойман собственником вещи и сопротивлялся при задержании. При предотвращении покушения на кражу, связанного с проникновением в дом, при предотвращении воровства зерна (хлеба) с поля или сена пределы защиты от посягательства не устанавливались: разрешалось травмировать вора или лишить его жизни [2, с. 78]. Конкретные параметры условий допустимости необходимой обороны, а также соразмерности деяния и наказания в Уложении не устанавливались. Однако в общих чертах указанный институт описывался. Таким образом, развитие института необходимой обороны в древнерусском праве отражает государственный и социальный уклад того времени. В результате развития социума институт необходимой обороны совершенствовался.

Окончательное оформление института необходимой обороны в законодательстве Российской империи.

Качественно новый уровень систематизации институт необходимой обороны получил в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года [10]. Указанный нормативный акт заимствовал положения об институте необходимой обороны Соборного уложения 1649 г. и Свода законов 1832 г., но это заимствование было более качественным и последовательным [8, с. 202]. В данном акте произошло принципиальное изменение – необходимая оборона была выделена в Общую часть уголовного закона [4]. Пункт 6 статьи 98 Уложения определял необходимую оборону как одну из причин, по которой содеянное «не

должно быть вменяемо в вину», т. е. необходимая оборона исключала возможность привлечения к уголовной ответственности.

Статья 107 Уложения устанавливала пределы необходимой обороны. Необходимая личная оборона была не противоправна в случаях, когда:

а) от нападения, при невозможности прибегнуть к защите местного или ближайшего начальства;

б) действительно подвергались опасности жизнь, здоровье или свобода обороняющегося;

в) или же нападение сделано вором или разбойником;

г) или нападающий вторгся с насилием в жилище обороняющегося (в том числе, если застигнутый противился своему задержанию).

При анализе ст. 107 Уложения [10], следует отметить, что в нем не указывается ни на соразмерность средств защиты и нападения, ни на наличие нападения, т. е. реальность нападения. Отсутствие реального нападения в Уложении 1845 года гарантировано тем, что на тот момент необходимая оборона включала в себя и институт причинения вреда при задержании преступника.

Представляется интересной статья 108 Уложения, согласно которой «оборона также признается необходимой и со стороны женщины против посягающего насильственно на ее целомудрие и честь». Это значит, что необходимая оборона при защите половой свободы и половой неприкосновенности имела неограниченный характер.

Кроме того, предусмотренные статьями 107 и 108 Уложения пределы необходимой обороны распространялись не только на собственную защиту, но и на защиту иных лиц, которые находились в подобном положении (ст. 109 Уложения).

Особо следует отметить, что несмотря на проработанность положений о необходимой обороне в сравнении с ранее рассмотренными правовыми актами, все также отсутствовала легальная дефиниция необходимой обороны.

Вероятно, это связано с тем, что необходимая оборона признавалась естественным правом на самозащиту, которое присуще каждому человеку. К положительным сторонам закреплённого института необходимой обороны в Уложении относится то, что институт необходимой обороны изъят из специальных норм и помещен в общую часть, был расширен круг защищаемых лиц, круг объектов, подлежащих защите [4].

Законодатель также ввел и четкие правила: обязанность уведомления соседей и ближайшего начальства о случившемся и ответственность за причинение вреда *после* отвращения грозившей опасности, что считалось как злоупотребление обороной. Примечательно, что в Уложении 1845 года, при всей его проработанности, отсутствовали требования о соразмерности средств защиты и нападения и четкое указание на наличие посягательства, что было связано с объединением в одной норме институтов обороны и задержания.

Таким образом, становление института необходимой обороны в дореволюционной России носило линейный и прогрессивный характер. Его эволюция прошла три основных этапа: от фрагментарного закрепления в древнейших источниках, где оборона была тесно переплетена с обычаем мести, через систематизацию и расширение случаев ее применения (Соборное уложение 1649 г.) к комплексной регламентации в рамках кодифицированного уголовного законодательства Российской империи (Уложение 1845 г.). На последнем этапе необходимая оборона была признана легальным правом личности, сформулированы ее основные условия и пределы, что заложило прочный концептуальный и догматический фундамент для дальнейшего развития данного института в советском и современном российском уголовном праве.

Список источников

1. Агаджанян А. А. Необходимая оборона в русском дореволюционном уголовном праве // Юридическая мысль. 2008. № 2(46). С. 5–15.
2. Боев Д.В. Становление института необходимой обороны в России // Право и управление. XXI век. 2022. № 11. С. 78–85.
3. Газарян М. П. Развитие института необходимой обороны // Вестник науки. 2023. № 5(62). С. 232–237.
4. Герасимова Е. В. История развития института необходимой обороны: российский и зарубежный аспекты // Новый ракурс. 2016. №17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-instituta-neobhodimoy-oborony-rossyskiy-i-zarubezhnyy-aspekty> (дата обращения: 11.04.2025).
5. Русская Правда (Краткая редакция) // Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4868> (дата обращения: 09.04.2025).
6. Русская Правда (Пространная редакция) // Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4870> (дата обращения: 09.04.2025).
7. Савин П. Т. Влияние римского права на становление и развитие института необходимой обороны в России // Наука и образование сегодня. 2016. № 6 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-rimskogo-prava-na-stanovlenie-i-razvitie-instituta-neobhodimoy-oborony-v-rossii> (дата обращения: 09.04.2025).
8. Свирин Д. А. История развития института необходимой обороны в досоветский период // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 1-1. С. 202–208.
9. Соборное уложение 1649 года / подгот. М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5107> (дата обращения: 10.04.2025).

10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Фонд изучения наследия П. А. Столыпина. URL: <https://museumreforms.ru/node/13654> (дата обращения: 10.04.2025).

УДК 323.2

Смыслова Вера Николаевна

старший преподаватель, Международный юридический институт
г. Москва, Российская Федерация
veramyshh@mail.ru

Патриотическое воспитание в контексте профилактики экстремистских проявлений в молодежной среде

***Аннотация.** Анализируются научная литература и нормативные правовые акты, отражающие состояние патриотического воспитания молодежи в России. Акцентируется внимание на трансформации проявлений различных форм экстремизма, в том числе среди молодежи. Делается вывод о необходимости формирования ценностного отношения у молодежи к противодействию экстремистским проявлениям через становление единой системы патриотического воспитания.*

***Ключевые слова:** патриотическое воспитание, молодежь, профилактика, экстремизм, экстремистские проявления, протестная активность, радикализация.*

Smyslova Vera Nikolaevna

senior lecturer, International Law Institute
Moscow, Russian Federation

Patriotic education in the context of preventing extremist manifestations among youth

***Annotation.** This article analyzes scientific literature and regulatory legal acts reflecting the state of patriotic education of youth in Russia. It focuses on the transformation of various forms of extremism, including among young people. It concludes that it is necessary to develop a value-based approach among young people to counteract extremist manifestations through the development of a unified system of patriotic education.*

***Keywords:** patriotic education, youth, prevention, extremism, extremist manifestations, protest activity, radicalization.*

С 2000-х годов в Российской Федерации наблюдается рост внимания государства и общества к вопросам формирования патриотизма и развития патриотической культуры населения.

Патриотическое воспитание граждан остается одной из важнейших задач государства и общества, становится стратегическим приоритетом национальной

безопасности Российской Федерации, что нашло отражение в ряде действующих нормативных правовых актах [8; 10; 15; 18].

Например, Указом Президента РФ № 309 от 07 мая 2024 г. «О национальных целях развития РФ на период до 2010 года и на перспективу до 2036 года», определены национальные цели развития Российской Федерации на соответствующий период, в частности, воспитание патриотичной и социально ответственной личности (ч. 1 п. б); установлены показатели и цели, выполнение которых характеризует достижение национальной цели «Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности»: создание к 2030 году условий для воспитания гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей (ч. 3 п. а), увеличение к 2030 году доли молодых людей, участвующих в проектах и программах, направленных на профессиональное, личностное развитие и патриотическое воспитание, не менее чем до 75 процентов актов (ч. 3 п. в) [10].

Концепция, содержание федерального закона о патриотическом воспитании были разработаны В. П. Исаковым, А. В. Павлиновым [2]. К сожалению, Законопроект № 315234-7 «О патриотическом воспитании в Российской Федерации» [12] не нашел поддержки правительства и после неоднократных доработок отклонен ГД РФ еще в 2023 году.

Проблемы патриотического воспитания современной молодежи исследуется в трудах многих ученых, в том числе в контексте роли патриотического воспитания молодежи в профилактике деструктивных и экстремистских проявлений [3; 4; 5; 6; 18].

Разрабатываются методические рекомендации по организации мероприятий по патриотическому просвещению, межпоколенческому взаимодействию, профилактики распространения идеологии терроризма и экстремизма, анализируется опыт патриотического воспитания и профилактики экстремизма [1; 7; 9].

Значимый вклад в развитие патриотического воспитания в нашей стране вносят ФГАИС «Молодежь России»; ФГБУ «Российский центр патриотического воспитания детей и молодежи» («Роспатриотцентр»), которые занимаются развитием и сопровождением всех видов деятельности по патриотическому воспитанию и популяризации волонтерства в России. Основным реализуемым «Роспатриотцентр» проектом является Всероссийский патриотический форум [17]. В 20206 году ФГАИС «Молодежь России» запланировано проведение молодежных образовательных форумов «Каспий», «Территория БезОпасности» [16].

Отдельные организации, например, Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) на всероссийском уровне проводят исследования общественного мнения в области политической, социальной, экономической сфер, в том числе и по

вопросам, касающихся мнения российских граждан о патриотизме, молодежи, ее жизненных целях, ценностях, ориентирах [19; 20].

На протяжении последних 10–15 лет в России отмечается возрастание протестной активности со стороны российской молодежи, рост деятельности деструктивных молодежных формирований, в том числе экстремистской направленности, распространение идеологии неонацизма [5; 11; 13, с. 587; 14]. Отдельными учеными отмечаются культурно-экзистенциальные трансформации в сфере религии – подмена содержания религиозных основ, отчуждение базовых ценностей, традиций, манипулирование массовым и индивидуальным сознанием, в том числе молодежи, обладающей низким порогом критического мышления, повышенным стремлением к идентификации и предрасположенностью к манипулятивному воздействию посредством современных информационно-коммуникационных технологий [13, с. 587].

Подводя итоги настоящего исследования, отметим, что патриотическое воспитание должно стать частью государственной политики нашей страны по воспитанию у современной молодежи уважения к исторической памяти, формированию патриотического сознания, чувства долга, а также ценностного отношения к противодействию экстремистским проявлениям.

Список источников

1. Воспитать патриота: методические рекомендации по организации мероприятий по патриотическому просвещению обучающихся: сборник метод. рекомендаций / сост. Г. А. Кобелева. Киров : ИРО Кировской области, 2022. 22 с.
2. Исаков В. П., Павлинов А. В. О разработке федерального закона о патриотическом воспитании: концепция, содержание и перспективы // Современная наука. 2024. № 4. С. 40–46.
3. Исмоилова М. Н., Абдуллаев А. Н. Задачи патриотизма в профилактике экстремизма у молодежи // Вестник науки и образования. 2021. № 17 (120). Ч. 2. С. 86–89.
4. Калинин В. С. Ценностные ориентации и представления молодежи о патриотизме и патриотическом воспитании в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 5. С. 19–29.
5. Кирсанов А. И. Патриотическое воспитание как фактор противостояния экстремистской деятельности // Язык и текст. 2018. № 4, Т. 5. С. 89–95.
6. Кошечкина Е. А. Патриотизм и патриотическое воспитание как основа государственной политики противостояния экстремизму // The Newman in Foreign policy. 2021. № 6(104), Т. 3. С. 6–12.
7. Методические рекомендации по профилактике распространения идеологии терроризма и экстремизма / М. В. Авакьян, М. А. Болвачев, Т. С. Волчекская, Е. В. Осипова. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2023. 44 с.
8. Об утверждении комплекса мер по патриотическому воспитанию и духовно-нравственному воспитанию молодежи в Российской Федерации до 2028

года : Распоряжение Правительства РФ № 2970-р от 23 окт. 2025 г. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510240057> (дата обращения: 24.12.2025).

9. Опыт патриотического воспитания и профилактики экстремизма : метод. пособие / сост. Е. В. Шишмакова ; под ред. Н. Ю. Синягиной, Н. В. Зайцевой. М. : АНО «ЦНПРО», 2014. 34 с.

10. О национальных целях развития РФ на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» : Указ Президента РФ № 309 от 07 мая 2024 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 24.12.2025).

11. Розенберг Н. В., Карпова М. К. Патриотические ценности российской молодежи: факторы трансформации // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. № 2, Т. 13. С. 76–190. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-2-8 EDN: PYUUEI (дата обращения: 24.12.2025).

12. Законопроект № 315234-7 «О патриотическом воспитании в Российской Федерации» // Законотворчество : офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/315234-7> (дата обращения: 24.12.2025).

13. Смыслова В. Н. Основные тенденции и трансформация проявлений экстремизма в условиях радикализации и роста протестной активности населения (криминологический аспект) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 586–588.

14. Смыслова В. Н., Краснова К. А. Деятельность неформальных молодежных движений экстремистской направленности как фактор виктимизации несовершеннолетних // Виктимология. 2021. Т. 8, № 1. С. 64–73.

15. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации : Указ Президента РФ № 1124 от 28 дек. 2024 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 53. Ст. 8669 (Ч. 1).

16. О форумах // Молодежь России : офиц. сайт. URL: <https://events.myrosmol.ru/forumy/?category%5B%5D=FEDERAL&category%5B%5D=REGIONAL&thematic%5B%5D=PATRIOTISM> (дата обращения: 24.12.2025).

17. Наши проекты // Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи» («Роспатриотцентр»). URL: <https://rospatriotcentr.ru/projects/> (дата обращения: 24.12.2025).

18. Фердерер Д. Е. Роль патриотического воспитания и социальной активности работающей молодежи в профилактике деструктивных и экстремистских проявлений: стратегии, методы и практические подходы // Государственная молодежная политика: вызовы и современные технологии работы с молодежью : материалы Междунар. молодежной науч.-исслед. конф. / под общ. ред. д-ра пед. наук А. В. Пономарева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2024. С. 244–248.

19. Фонд «Общественное Мнение». URL: <https://fom.ru/TSennosti/15039> (дата обращения: 24.12.2025).

20. Фонд «Общественное Мнение». URL: <https://fom.ru/TSennosti/15029>
(дата обращения: 24.12.2025).

УДК 347

Толмачева Екатерина Николаевна

независимый исследователь

Московская область, Российская Федерация

entolmacheva@bk.ru

Проблемы сохранения государственной собственности как достояния народов России

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы восстановления прав пользования жилыми помещениями в общежитиях и служебными жилыми помещениями, являвшихся жилищным фондом в составе государственной собственности РСФСР. Жители вынуждены подтверждать и доказывать право пользования жилыми помещениями, сохраняя тем самым их в муниципальной собственности как объекты недвижимого имущества и общенародное достояние.*

***Ключевые слова:** государственная собственность, достояние, право на жилище, общежитие, служебное жилье.*

Tolmacheva Ekaterina Nikolaevna

independent researcher

Moscow region, Russian Federation

The problems of preserving state property as a heritage of the peoples of Russia

***Annotation.** The article deals with issues of restoration of rights to use residential premises in dormitories and office accommodation, which is a housing stock as part of state property of RSFSR. Residents are forced to affirm and prove the right of use of residential premises, thus keeping them in municipal property as real estate objects and communal property.*

***Keywords:** state property, property, right to housing, dormitory, official residence.*

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. народы России проживали глубокие трансформационные процессы, охватившие все сферы жизни: трудовые, жилищные, земельные отношения, область образования, культуры, здравоохранения (медицинской помощи), пенсионного и иного социального обеспечения, государственного управления и в других областях. Причиной тому явилось провозглашение перестройки экономических институтов на рыночные отношения, что сопровождалось делением единого союзного государства Советского Союза на территории союзных республик.

В целях экономического переустройства 24 декабря 1990 г. был принят Закон РСФСР «О собственности в РСФСР», в ст. 25 которого закреплено понятие приватизации. 3 июля 1991 г. принят Закон РСФСР «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» [8], на следующий день, 4 июля, – Закон «О приватизации жилищного фонда в РСФСР» [9].

Жилище является одной из минимальных потребностей человека, обеспечение благоприятных условий проживания в котором реализуется посредством выполнения государством социальной функции [3, с. 13].

Право на жилище, гарантированное каждому частью 1 статьи 40 Конституции Российской Федерации 1993 г., обеспечивается деятельностью органов государственной власти и органов местного самоуправления, которые поощряют жилищное строительство и создают условия для осуществления права на жилище [4].

В отличие от положений Конституции РФ статья 44 Конституции Союза Советских Социалистических Республик 1977 г. предусматривала, что право на жилище обеспечивается развитием и охраной государственного и общественного жилищного фонда, содействием кооперативному и индивидуальному жилищному строительству, справедливым распределением под общественным контролем жилой площади, предоставляемой по мере осуществления программы строительства благоустроенных жилищ, а также невысокой платой за квартиру и коммунальные услуги [5].

При этом основной городской жилищный фонд является государственной собственностью в соответствии со статьей 11 Конституции СССР. Государственная, также именуемая общенародной, собственность, в свою очередь, – общее достояние всего советского народа, основная форма социалистической собственности, которая совместно с колхозно-кооперативной собственностью составляет основу экономической системы СССР.

Аналогичные положения содержала Конституция Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1978 г. в первоначальной редакции в статьях 42, 10, 11 [6]. Статья 11.1, введенная в действие Законом РСФСР от 15 декабря 1990 г. № 423-1, также провозглашала, что государственная собственность является достоянием многонационального народа РСФСР [7].

В соответствии со ст. 4 Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик от 24 июня 1981 г. государственный жилищный фонд находился в ведении местных Советов народных депутатов (жилищный фонд местных Советов) и в ведении министерств, государственных комитетов и ведомств (ведомственный жилищный фонд) [9; 10].

Жилые дома и жилые помещения в других строениях, принадлежащие государству, находились на балансе государственных предприятий, учреждений и организаций, например, здание общежития по улице Карьерная дом 25 в г. Южно-Сахалинске числилось на балансе союзного треста по строительству и монтажу тепловых электростанций в районах Дальнего Востока «Дальэнерго-строй», служебная квартира по улице Бумажной в доме 1 в г. Южно-

Сахалинске – на балансе МУП «Жилищный производственно-эксплуатационный трест».

Жилищный фонд, представляя собой комплекс правоотношений по управлению, пользованию, владению и распоряжению жилыми домами и жилыми помещениями, входившими в состав государственной собственности, являлся достоянием всего многонационального народа РСФСР.

В правоприменительной деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации имеются гражданские дела о восстановлении права на жилище в части пользования жилыми помещениями в общежитиях, которые находились на балансе государственных предприятий РСФСР и оказались переданы в порядке приватизации юридическим лицам, вновь созданным по законодательству Российской Федерации.

С целью восстановления нарушенных новыми собственниками прав жителей общежития вследствие установления высокой оплаты за пользование помещением, заключением краткосрочных договоров найма, невыполнения капитального ремонта помещений и здания и др., жители вынуждены самостоятельно обращаться в органы местного самоуправления, чтобы представители последних здание общежития приняли в муниципальную собственность [16, с. 45].

Так, общежитие по указанному выше адресу передано в муниципальный жилищный фонд муниципального образования Городской округ «Город Южно-Сахалинск» на основании решения Арбитражного суда Сахалинской области от 10.02.2017 по делу № А59-4005/2015. Суд, удовлетворяя требования администрации города, постановил, что здание из фактического владения муниципального образования не выбывало, изменился статус общежития с вытекающими для жильцов последствиями – заключение договоров социального найма.

Таким образом, фактическое проживание в помещениях общежития позволило сохранить здание в муниципальной собственности. Однако договоры социального найма были заключены не со всеми жильцами. Более того, назначение здания общежития изменено на наемный дом коммерческого использования, что исключило возможность заключать договоры социального найма.

Проблемы схожего характера имеются и в отношении служебного жилья, которым пользуются его жители, начиная с 1990-х и начала 2000-х гг. В одном случае семья, получив в 1997 году квартиру в доме барачного типа, построенного еще японцами в период владения Южным Сахалином в первой половине XX столетия, оказалась выселена, причем без предоставления иного жилого помещения [11]. В другом случае семья, получив служебную квартиру в 1998 году, проживает в ней до сих пор, под угрозой выселения. В приватизации занимаемой квартиры было отказано по причине отсутствия порядка приватизации служебных жилых помещений муниципального жилищного фонда [12].

У оказавшихся в трудных жизненных ситуациях человек отсутствует возможность приобрести жилье за свой счет или за счет ипотечного кредита в силу возраста и получения дохода в виде пенсии по старости.

Поэтому, обращения в суд и органы местного самоуправления являются для них единственным способом восстановить не только вещные права на жилье, но и возможность обладать им как достоянием.

Содержание слова «достояние» означает материальные предметы в виде имущества и прав собственности на него [15, с. 438], а также наследие, заслуги, достоинства [14, с. 237–238].

Слово «достояние» применяется в пункте 3 Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа от 3 (16) января 1918 г. по отношению к земельному фонду, лесам, недрам и водам общегосударственного значения, живому и мертвому инвентарю, образцовым поместьям и сельскохозяйственным предприятиям [2]. Также слово «достояние» находим в пункте 53 Грамоты на права и выгоды городам Российской империи от 21 апреля 1785 г., возлагающего обязанность «составить городовую обывательскую книгу, в коей вписать обывателей того города, дабы доставить каждому гражданину свое достояние от отца к сыну, внуку, правнуку» [1, с. 9].

В словаре древнего славянского языка слово «достояние» имеет несколько значений: имение, наследство, имущество, власть [13, с. 182]. Имеются также слово «достославный», означающее достойный славы, слово «достопохвальный» – заслуживающий похвалы.

Из приведенных примеров употребления исследуемого слова явствует, что с его помощью происходит наделение человека чем-то: имением, имуществом, собственностью, славой, похвалой, т. е. предметами материального мира, правами на них, и моральными качествами, которые достигаются человеком в процессе жизнедеятельности.

Применение этого слова в значении заслуги и наследия позволяет сделать вывод о духовной связи между человеком, обладающим достоянием, и человеком, которого наделяют достоянием. Получая и (или) достигая достояния, человек обогащается материально и духовно за счет обладания предметом и правами на него и (или) моральными качествами.

Использование слова «достояние» в документах Российской империи и объявление в конституциях РСФСР и Советского Союза достоянием объектов материального мира, входящих в общенародную государственную собственность, означает наследие, доставшееся от предыдущего поколения (отца) к настоящему поколению (сыну) и поколению будущему (внуку).

Отсутствие в Конституции РФ 1993 г. слова «достояние» применительно к государственной собственности и трансформация жилищных правоотношений могут свидетельствовать о причинах проблем, с которыми сталкиваются жители общежитий и служебных помещений, составлявших ранее государственный жилищный фонд.

Резюмируя изложенное, полагаем актуальным рассмотрение и обсуждение в научном сообществе вопроса о внесении изменений в Конституцию РФ в части включения слова «достояние» в отношении государственной собственности, поскольку с правовой точки зрения это позволит обеспечить преемственность владения государственной собственностью и сохранить ее как достояние народов России.

Список источников

1. Грамота на права и выгоды городам Российской империи 1785–1885 гг. М. : Городская типография. 1885. 44 с.
2. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятая ВЦИК. URL:<https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9809> (дата обращения: 10.12.2025).
3. Иншакова А. О., Кагальницкова Н. В. Жилищное право в доктрине, национальной правовой и законодательной системе // Вестник Волгоградского университета. 2016. № 3. С. 9–14.
4. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. // Российская газета. 1993. № 237.
5. Конституция Союза Советских Социалистических Республик от 07.10.1977 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.
6. Конституция Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12.04.1978 // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.
7. Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР: Закон РСФСР от 15.12.1990 № 423-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 29. Ст. 395.
8. О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР: Закон РСФСР: принят Верховным Советом РСФСР 03.07.1991 // Ведомости СНД РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 27. Ст. 927.
9. О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации: Закон РСФСР: принят Верховным Советом РСФСР 04.07.1991 // Ведомости СНД РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 28. Ст. 959.
10. Основы жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик от 24.06.1981 № 5150-X // СПС «Гарант».
11. Решение Южно-Сахалинского городского суда от 11.03.2019 по гражданскому делу № 2-32/2019. URL:<https://u-sahalinsky-sah.sudrf.ru> (дата обращения: 07.12.2025).
12. Решение Южно-Сахалинского городского суда от 28.03.2022 по гражданскому делу № 2-2426/2022. URL:<https://u-sahalinsky-sah.sudrf.ru/> (дата обращения: 07.12.2025).
13. Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию Ф. Миклошичу, А. Х. Востокову, Я. И. Бередникову и И. С. Кочетову. СПб. : Типография А. С. Суворина, 1899. 950 с.
14. Словарь русского языка XVIII века. Л. : Наука, 1984. Вып. 6. Грызться Древний. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1991. 256 с.

15. Словарь русского языка : в 4 т. Т. 1. А–Й / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 702 с.

16. Толмачева Е. Н. Проблемы реализации права на жилище в порядке применения статьи 7 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации // Современное право. 2023. № 1. С. 43–51.

УДК 340.5

Федосов Иван Вячеславович

старший преподаватель, Северо-Западный институт управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации;

старший преподаватель Санкт-Петербургского филиала

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

Санкт-Петербург, Российская Федерация

fedosov-iv@ranepa.ru; jeanfedossoff@gmail.com

Политико-правовая доктрина панисламизма в Османской империи: от религиозно-правовых практик к современной идеологии

***Аннотация.** Статья посвящена изучению панисламизма как социально-политического и правового явления в Османской империи. Автор преследует цель осветить истоки появления идейно-политической концепции панисламизма в османском обществе и процесс ее превращения в полноценную политико-правовую доктрину. Автор приходит к выводу, что хотя доктрина панисламизма сменилась другими интеллектуальными трендами и политико-правовыми идеями рубежа веков, потеряв, тем самым, свою актуальность, однако она оказала мощное воздействие на политико-правовое развитие позднеосманского социума, в том числе и после его трансформации в современное турецкое общество.*

***Ключевые слова:** исламизм, панисламизм, мусульманское право, исламская правовая система, Османская империя, ислам, миллет, доктрина панисламизма.*

Fedosov Ivan Vyacheslavovich

Senior Lecturer, North Western Institute of Management

Russian Academy of National Economy and Public Administration

under the President of the Russian Federation;

Senior lecturer, National Research University

Higher School of Economics, City of Saint Petersburg

Saint Petersburg, Russian Federation

The political and legal doctrine of pan-islamism in the Ottoman empire: from religious and legal practices to modern ideology

***Annotation.** The article is devoted to the researching the Pan-Islamism as a socio-political and legal phenomenon in the Ottoman Empire. The author aims to elucidate the origins of the*

emergence of the ideological and political concept of Pan-Islamism in Ottoman society and the process of its development into a fully-fledged political and legal doctrine. The author concludes that although the doctrine of Pan-Islamism was replaced by other intellectual trends and political and legal ideas at the turn of the century, thereby losing its relevance, it nevertheless exerted a powerful influence on the political and legal development of late Ottoman society, including after its transformation into modern Turkish society.

Keywords: *Islamism, Pan-Islamism, Muslim law, Islamic legal system, Ottoman Empire, Islam, millet, doctrine of Pan-Islamism.*

Панисламизм как политико-правовая доктрина сформировался в интеллектуальных кругах османского истеблишмента во второй половине XIX века как идеологический ответ существовавшим (и господствовавшим) в то время танзиматистских доктринам «слияния» и «османизма» [1, с. 18], проповедовавшим создание надэтнической и внеконфессиональной общегражданской идентичности подданных султана, которая должна была объединить разнородное население Османской империи, представители которого принадлежали к различным миллетам (религиозным общинам) и обладали разным правовым статусом – в соответствии с буквой исламского закона [2, с. 137].

Доктрина панисламизма данный тезис фундаментальному сомнению не подвергала, однако говорила, что господствующий исламско-турецкий миллет (уммет) может послужить основой для «исламской нации», естественным политическим лидером которой должен стать султан Абдул-Гамид, который помимо достоинства падишаха носил также и титул халифа – главы мусульман-суннитов всего мира.

В отличие от предыдущего периода, когда образованные круги населения пытались уберечь империю от распада путем создания «синтетической» османской нации, при Абдул-Гамиде II усилия государства сконцентрировались на конструировании «исламской нации». Идеологи нового идейного курса стремились сделать ислам не просто религией, но политической идентичностью, на основе которой подданные-единоверцы могли бы прийти к взаимопониманию. Концепция исламской уммы (общности) предполагает преодоление этнических, расовых и языковых различий во имя всеобщего мусульманского единения, по этой причине исламская лояльность рассматривалась в качестве конкуренции императиву этнической и культурной лояльности, служившего главной предпосылкой к росту сепаратизма окраин и национально-освободительных движений инородцев [3, с. 16]. Идеологи исламизма надеялись, что население сплотится и «встанет на сторону» ислама, на сторону единоверцев, предотвратив или хотя бы замедлив тем самым процесс угасания Османской империи.

Проблемы хронологической периодизации исторических эпох общеизвестны, однако если применительно к Западной и Центральной Европе, к примеру, исследователи более или менее легко определяют границы – разумеется, весьма примерные – исторических периодов, то в отношении других регионов даже Европы и сопредельных земель, не говоря уже об остальном мире, это становится нетривиальной задачей. Общепринятая европоцентричная хронологическая периодизация тем более трудноприменима к неевропейским террито-

риям главным образом потому, что если в Европе на смену культурных эпох влияли определенные механизмы общественного развития, то за ее пределами аналогичных социальных метаморфоз либо не было вовсе, либо они обладали слишком своеобразной спецификой, чтобы быть полностью отождествляемыми с европейскими «аналогами». Как следствие, мы можем говорить о привычных для нас исторических эпохах – например, о Средневековье или Ренессансе – в полном смысле этого слова только в узких европейских культурных и географических (ментально-географических) рамках. Ровно то же справедливо и в отношении таких всеобъемлющих, сложных и многоаспектных понятий, как модерн. Вернее, качественные отличия домодерного и современного мышлений, отразившиеся как на интеллектуальной истории Европы и мира в целом, так и на культурных, социальных и политических преобразованиях в общественной плоскости.

В западно- и центрально-европейском интеллектуальном и культурном ландшафте средневековые представления о бытийственности постепенно сменялись нововременными мыслительными конструктами: например, постепенно уходил в прошлое теоцентризм как ценностная и мыслительная парадигма, и все большую популярность, начиная с эпохи Ренессанса, стал приобретать антропоцентризм, занимающий это место и поныне. Вслед за менявшимся миром идей и интеллектуальных трендов менялось и общество, его социальные институты и политико-правовые практики. Одной из характерных черт, отличавших то, что впоследствии назвали Новым временем, от предшествовавших эпох, стал постепенный переход от так называемых территориально-династических государств к современным национальным государствам – политиям нового типа. Безусловно, этот процесс даже в Западной Европе не был равномерным и однонаправленным, однако своеобразным апофеозом и символом устойчивости данного курса стала Вестфальская система международных отношений, появившаяся как результат окончания Тридцатилетней войны в 1648 г.

Кроме таких понятий, как суверенитет, государственная символика и четко очерченные границы – теперь общеизвестных и повсеместно используемых, – Вестфальский мир дал импульс развитию и дальнейшей разработке понятию современной политической нации. Именно нация теперь была призвана стать подлинным хозяином государства и учредителем самой государственности. Суверенитет в понимании всей полноты верховной власти в сознании людей постепенно «переносился» с индивидуальной фигуры богоданного монарха (или конкретной правящей династии) на коллективную сущность политической нации. В некотором смысле нация узурпировала прежнее монаршее место, и это наиболее ярко выразилось в событиях Французской революции 1789 г. Традиционно-монархический (божественный) тип легитимации публичной власти сменялся плебисцитарно-демократическим, и хотя старые монархии Европы первоначально либо противились этому, либо, как Наполеон Бонапарт, стремились причудливым образом сочетать первое со вторым, с течением времени именно политическая нация стала мыслиться «законным» носителем суверенитета.

Вестфальский мир 1648 г. зафиксировал принцип: «Чья земля, того и вера». В социальных реалиях Европы середины XVII столетия это означало крайнюю желательность, выражаясь современным языком, культурной (т. е., в первую очередь, религиозной) гомогенности населения в рамках границ одной страны. Начал оформляться концепт западноевропейского современного национального государства, широко известный поныне. В соответствии с этой логикой появлялась триада фундаментальных политико-правовых конструктов: 1) одно правительство, управляющее данной территорией; 2) четко очерченные «национальные» границы государства; 3) официально постулируемая (и чаемая) культурная гомогенность населения, в идеале разговаривающего на одном языке и исповедующего одну религию. Разумеется, во второй половине XVII в. реальная этноконфессиональная картина даже Европы – не говоря уже о других частях света – была более чем пестрой и едва ли соответствовала вестфальским теоретическим построениям, однако курс на создание национального государства и гомогенного культурного (и правового) пространства был взят бесповоротно. Так в европейском политико-правовом дискурсе утвердился модерн.

Как уже подчеркивалось ранее, европоцентричная хронологическая периодизация исторических эпох не вполне адекватна для неевропейских территорий и социальных процессов; в том числе она не подходит и для Османской империи и исламского мира в целом. Если в Европе с XVI по XVIII вв. проходили поистине тектонические сдвиги в духовно-интеллектуальном ландшафте и обусловленные этим социально-политические изменения, то во владениях Высокой Порты ничего подобного не наблюдалось. Османского (и вообще исламского) модерна – во всяком случае, в то же время, что и в Европе, – не было.

Исламский мир существовал в своей собственной политической, социальной, духовной и интеллектуальной парадигме, не зная западноевропейских концепций. Сама публичная власть, выражаясь языком европейской науки, легитимировалась в глазах населения по-старому, т. е. при помощи традиционного монархического инструментария и политического лексикона, а гражданской нации в условиях османской миллетной системы не могло возникнуть в принципе, поскольку концепт современной нации – носителя суверенитета предполагает правовое равенство и культурную гомогенность членов этой нации, что сущностно противоречило внутренней архитектуре миллетов – самоуправлявшихся религиозных общин, из которых состоял гетерогенный оттоманский социум.

Очевидно, что в Османской империи не сформировалось и не могло сформироваться политической нации в западноевропейском смысле, чему способствовало, с одной стороны, противодействие султанского правительства, с другой, – традиционные представления жителей империи о природе верховной власти, социально-нормативная культура, присущая отдельным группам населения.

Имея в виду специфику идейно-политического климата оттоманского общества, султан Абдул-Гамид, проводил свой ультраконсервативный внутриполитический курс, реанимируя в новых социальных реалиях возрожденную мо-

дель господства мусульман в общественной жизни [4, р. 269] в форме политико-правовой доктрины панисламизма.

Панисламизм стал важной вехой правового и политического развития османского общества, постепенно трансформировавшегося от домодерной имперской модели, основанной на лояльности правителю, в сторону формирования современной политической турецкой нации по западноевропейским лекалам, которая существует и поныне – спустя сто лет после распада Османской империи и образования Турецкой Республики.

Панисламизм в своем османском варианте хотя и ушел в прошлое вместе с самой Оттоманской Портой, тем не менее, по-прежнему вдохновляет многих политиков и общественных деятелей в исламском мире [5, р. 24]. Идея политического объединения в «исламскую нацию», пусть зачастую и не воспринимается буквально, но служит важным социальным ориентиром для мусульман, поскольку предпосылки для подобных идеолого-политических построений, на наш взгляд, содержатся в самой мусульманской догматике. Ислам, будучи не только религией, но и своеобразной социально-политической доктриной, имплицитно содержит в себе идею всемусульманского политического объединения, поскольку исповедующие данную религию являются уммой – общиной верующих, невзирая на объективно разделяющие различные ее сегменты, государственные, географические и этнические границы. По нашему мнению, османский панисламизм стал одной из первых редакций того, что современные исследователи именуют «политическим исламом», и скорее всего это не последняя его итерация. Так или иначе, данное явление заслуживает пристального исследовательского внимания в дальнейшем.

Список источников

1. Петросян Ю. А. «Новые османы» и борьба за Конституцию 1876 г. в Турции. М. : Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1958. 160 с.
2. Сафрастян Р. А. Доктрина османизма в политической жизни Османской империи (50–70 гг. XIX в.) / отв. ред.: О. Г. Инджикян. Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1985. 147 с.
3. Федосов И. В. От османизма к панисламизму: смена господствующей политико-правовой доктрины в Османской империи конца XIX – начала XX в. // История государства и права. 2025. № 4. С. 11–17.
4. Religious Minorities in Christian, Jewish and Muslim Law (5th-15th Centuries) / ed. by N. Berend et al. Brepols Publishers n. v., Turnhout, Belgium, 2017. 455 p.
5. Shabana A. Custom and Modern Constructions of Sharia // Journal of Islamic Ethics. 2019. No 3. P. 30–63.

Секция 2

ПАМЯТЬ О ЗАЩИТНИКАХ ОТЕЧЕСТВА И ЗАЩИТА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ РОССИИ

УДК 342.4

Гаврилов Евгений Владимирович

советник юридического отдела экспертно-правового управления

Законодательное Собрание Красноярского края

г. Красноярск, Российская Федерация

gavrilov@zakon.ru

К вопросу о понятии «память» в Конституции Российской Федерации

***Аннотация.** В статье исследуется понятие «память» в Конституции Российской Федерации. Автор считает, что эта конституционно-правовая категория – правовая фикция, и ее нужно интерпретировать как мнение (образ) реальных (живых) субъектов права о «предках...», «защитниках Отечества». Предлагается использовать аналогию с доброй памятью об умершем. В заключении дается определение понятию «память» в Конституции Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** память, добрая память, Конституция Российской Федерации, предки, конституционно-правовые категории.*

Gavrilov Evgeny Vladimirovich

adviser of Legal Department in Expert-Law Directorate in Legislative

Assembly of Krasnoyarsk region

Krasnoyarsk, Russian Federation

On the Concept of “memory” in the Constitution of the Russian Federation

***Annotation.** The article examines the concept of “memory” in the Constitution of the Russian Federation. The author believes that this constitutional and legal category is a legal fiction, and it should be interpreted as the opinion (image) of real (living) subjects of law about “ancestors...” and “defenders of the Fatherland.” The author suggests using an analogy with good memories of the deceased. In conclusion, the article defines the concept of “memory” in the Constitution of the Russian Federation.*

***Keywords:** memory, fond remembrance, Constitution of the Russian Federation, ancestors, constitutional and legal categories.*

По итогам конституционной реформы 2020 года в Конституции РФ появилось упоминание о «*памяти* предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость» (преамбула Конституции РФ), «*памяти* предков, передавших нам идеалы и веру в Бога» (п. 2 ст. 67.1 Конституции РФ), «*памяти* защитников Отечества» (п. 3 ст. 67.1 Конституции РФ).

Что же такое «память» в Конституции РФ?

В конституционном праве и отраслевом законодательстве, отдельных законах (например, Законе РФ от 14.01.1993 № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», Федеральном законе от 21.04.2025 № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов»), а также во многих доктринальных источниках об «*исторической памяти*» [6, с. 32–47] не дается определение понятию «память», однако задолго до внесения изменений в Конституцию РФ Конституционный Суд РФ в своих актах использовал (и продолжает применять в настоящее время) это слово в контексте необходимости защиты памяти (доброй памяти) об умершем.

Так, Конституционный Суд РФ неоднократно обращал внимание на законодательное закрепление гарантий защиты *памяти об умерших*, достойного отношения к ним; заинтересованные лица, по мнению Конституционного Суда РФ, имеют законный интерес в защите *доброй памяти об умершем* (см. постановление КС РФ от 14.07.2011 № 16-П, определения КС РФ от 04.06.2013 № 900-О, от 15.10.2018 № 2511-О, от 12.11.2019 № 2967-О). Гарантии защиты чести и достоинства умершего и *доброй памяти* о нем не могут быть исключены из сферы общего (публичного) интереса в государстве, где человек, его права и свободы являются высшей ценностью (см. постановление КС РФ от 13.01.2020 № 1-П, определения КС РФ от 09.06.2015 № 1275-О, от 31.03.2022 № 562-О).

Упоминание памяти (доброй памяти) в актах Конституционного Суда РФ основано, вероятно, на отечественной правовой литературе, в которой встречалась эта категория (например, в Российской Империи – в работах А. М. Добрянского [3, с. 170–172], М. В. Духовского [4, с. 143], В. Д. Набокова [5, с. 67], Н. Н. Розина [7, с. 25–263], в СССР – в трудах Р. Е. Гукасяна [2, с. 61–66], И. Н. Трепицына [8, с. 17–18], С. А. Чернышевой [9, с. 27–28]). Так, например, еще в 1974 году С. А. Чернышева в своей монографии приводила несколько примеров, подтверждающих глубокое уважение к памяти умерших (Вечный огонь у Кремлевской стены, памятники, названия улиц, судов, самолетов, которым присвоены имена заслуженных людей). Именно поэтому, по мнению указанного автора, общество чутко относится ко всем проявлениям, порочащим память умерших [9, с. 27–28].

По нашему мнению, в современном гражданском праве защита доброй памяти об умершем «завуалирована» в положениях Гражданского кодекса РФ о защите отдельных нематериальных благ, принадлежавших умершему, а именно: защита чести, достоинства и деловой репутации гражданина после его смерти (абз. 2 п. 1 ст. 152 ГК РФ); охрана изображения умершего гражданина

(ст. 152.1 ГК РФ); защита частной жизни гражданина в случае его смерти (п. 5 ст. 152.2 ГК РФ); охрана авторства, имени автора и неприкосновенности произведения после смерти автора (п. 2 ст. 1267 ГК РФ).

Считаем, что добрая память об умершем – это нематериальное благо, представляющее собой мнение, основанное на воспоминаниях, чувствах и эмоциях относительно положительных морально-этических и общественно-социальных качеств, принадлежавших человеку, которые после его смерти являются предметом уважения и гордости для общества и заинтересованных лиц, каким-либо образом связанных с умершим. Добрая память об умершем лежит в основе предложенной нами концепции гражданско-правовой защиты доброй памяти об умершем [1, с. 171–183].

Истоки данной концепции мы находим не только в отечественной дореволюционной и советской правовой литературе, но и в зарубежных правовых порядках (например, в Германии, Франции, Чехии – на уровне судебной практики, а в Венгрии, Испании, Нидерландах – на законодательном уровне).

Так, в зарубежной правовой литературе отмечается, что добрая память об умершем имеет нематериальный характер, поскольку связана с эмоциональной сферой; она заключается в возможности помнить умершего как хорошего, достойного человека [11, с. 656]. Считается, что «человек никогда не умирает полностью», он «задерживается» в памяти других людей, своих произведениях, в чувствах родственников и друзей; хотя смерть субъекта права прекращает его личные права, память, как «продолжение» последних, также должна находиться под наблюдением закона. Добрая память об умершем – это, по сути, «продолжение личности после смерти» в воспоминаниях, чувствах, эмоциях других людей, «нетленные элементы человеческого существа как нетленные носители достоинства» [12]. В наиболее полном виде защита доброй памяти об умершем исследована в испаноязычной юридической литературе [12; 13, с. 117–174; 14; 15, с. 112–129].

Более того, в некоторых странах защищается не только добрая память о субъектах частного права, но и субъектах публичного права. Так, например, в Польше в интересах публично-правовых образований и всей нации охраняется национальная память (*pamięci Narodowej*) через призму защиты доброго имени Республики Польша и польского народа [10, с. 623–641].

Что касается обыденного понимания «памяти», используемого в психологии, то это способность мозга фиксировать, сохранять и воспроизводить информацию, полученную в результате опыта, обучения или ощущений. Память является одной из важнейших психических функций, позволяя человеку сохранять связь между прошлым, настоящим и будущим, формировать личность, знания и навыки. Это не просто пассивное хранилище данных, а динамичный процесс, включающий запоминание, узнавание, воспроизведение и забывание.

Очевидно, что люди после своей смерти перестают обладать памятью, поэтому используемые в Конституции РФ слова «память предков...», «память защитников Отечества», упоминаемые в отношении мертвых, – правовая фикция. По нашему мнению, под этими словами следует понимать «память о пред-

ках...», «память о защитниках Отечества», т. е. мнение (образ) реальных (живых) субъектов права о «предках...», «защитниках Отечества».

На основании изложенного, беря за основу терминологию, предложенную нами применительно к концепции гражданско-правовой защиты доброй памяти об умерших, «память» в Конституции РФ («память предков...», «память защитников Отечества») – это конституционно-правовая категория, представляющая собой мнение (образ), основанное на воспоминаниях, чувствах и эмоциях относительно морально-этических и общественно-социальных качествах, принадлежавших упомянутым в Конституции РФ субъектам (предкам, защитникам Отечества), которые пользуются уважением и гордостью в российском обществе и государстве.

Список источников

1. Гаврилов Е. В. Концепция гражданско-правовой защиты доброй памяти об умершем как нематериального блага // Цивилистика. 2025. № 1. С. 171–183.
2. Гукасян Р. Е. Правовая охрана памяти об умерших и предмет судебной защиты // Правоведение. 1973. № 1. С. 61–66.
3. Добрянский А. М. Оскорбление чести по новому Уголовному Уложению // Журнал Министерства Юстиции. 1904. № 5. С. 133–204.
4. Духовский М. В. Понятие клеветы, как преступления против чести частных лиц, по русскому праву. Ярославль : Типография Губернской земской управы, 1873. 255 с.
5. Набоков В. Д. Элементарный учебник особенной части русского уголовного права. Вып. первый. Кн. I и II. СПб. : Сенатская типография, 1908. 220 с.
6. Петюкова О. Н. Преемственность в сохранении исторической памяти как основа обеспечения государственного суверенитета России // Журнал российского права. 2025. № 4. С. 32–47.
7. Розин Н. Н. Об оскорблении чести. Уголовно-юридическое исследование. Вып. первый. Томск : Тов. «Печатня С. П. Яковлева», 1907. 281 с.
8. Трепицын И. Н. Обратное действие законов об авторском праве // Право и жизнь. 1927. № 3. С. 11–19.
9. Чернышева С. А. Защита чести и достоинства граждан. М. : Моск. рабочий, 1974. 96 с.
10. Baranowska Grażyna. Protecting the Good Name of the Nation as Memory Law // European Constitutional Law Review. 2023. Vol. 19. No 4. P. 623–641.
11. Obrębski Maciej. Ochrona dóbr osobistych związanych z osobami zmarłymi w świetle orzecznictwa // Non omnis moriar. Osobiste i majątkowe aspekty prawne śmierci człowieka. Zagadnienia wybrane. Wrocław, 2015. P. 653–668.
12. Pérez Mariano Alonso. Daños causados a la memoria del difunto y su reparación. URL: <http://www.asociacionabogadosrcs.org/congreso/ponencias3/PonenciaMarianoAlonsoPerez.html> (дата обращения: 30.11.2025).
13. Lapuente Sergio Cámara. La lesión por medios digitales de la personalidad pretérita del fallecido. Vulneraciones del honor, intimidación, imagen y datos personales

del difunto en redes sociales, publicaciones digitales y otros canales de difusión electrónica // Revista de Derecho Civil. 2020. Vol. 7. No 5. P. 117–174.

14. Ramos Gutiérrez Mercedes. La protección de la memoria defuncti: Tesis doctoral. Salamanca, 2012. 346 p.

15. Cobas Cobiella María Elena. Protección post mortem de los derechos de la personalidad: reflexionando sobre la cuestión. En: Revista Boliviana de Derecho. 2013. No 15. P. 112–129.

УДК 94(47)

Григорьев Олег Вячеславович

доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент
заведующий кафедрой философских

и социально-экономических дисциплин

Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии

Российской Федерации

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

3411208@mail.ru

Исторические уроки победы под Москвой

(30 сентября 1941 г. – 20 апреля 1942 г.)

***Аннотация.** В статье проводится комплексный анализ битвы за Москву (30 сентября 1941 г. – 20 апреля 1942 г.) как ключевого события первого периода Великой Отечественной войны. Рассматриваются военно-стратегические планы сторон, основные этапы сражения, факторы, обусловившие победу Красной Армии, ее стратегические последствия. Особое внимание уделяется роли материально-психологического фактора, мобилизации ресурсов и значению контрнаступления как первого крупного поражения Вермахта во Второй мировой войне.*

***Ключевые слова:** битва за Москву, Великая Отечественная война, Вермахт, Красная Армия, операция «Тайфун», контрнаступление.*

Grigoriev Oleg Vyacheslavovich

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences

Associate Professor, Academician

Head of the Department of Philosophical and Socio-Economic Disciplines

Academy of Military Sciences, Order of Zhukov Military Academy

of the National Guard Troops of the Russian Federation

Saint Petersburg, Russian Federation

Historical Lessons of the Victory at Moscow

(September 30, 1941 – April 20, 1942)

***Annotation.** This article provides a comprehensive analysis of the Battle of Moscow (September 30, 1941 – April 20, 1942) as a key event in the first period of the Great Patriotic War.*

It examines the military-strategic plans of the parties, the main stages of the battle, the factors that determined the Red Army's victory, and its strategic consequences. Particular attention is given to the role of material and psychological factors, resource mobilization, and the significance of the counteroffensive as the Wehrmacht's first major defeat in World War II.

Keywords: Battle of Moscow, Great Patriotic War, Wehrmacht, Red Army, Operation Typhoon, counteroffensive.

Битва под Москвой, ставшая первым стратегическим поражением Вермахта во Второй мировой войне, занимает особое место в отечественной и мировой истории. Ее изучение выходит далеко за рамки военно-исторического интереса, приобретая актуальное звучание в контексте воспитания новых поколений защитников отечества.

Кроме того, битва за Москву, продолжавшаяся с 30 сентября 1941 года по 20 апреля 1942 года, занимает центральное место в истории первого, наиболее трагического периода Великой Отечественной войны. Это сражение стало не только крупнейшей битвой своего времени, в которой с обеих сторон участвовало более 7 миллионов человек, но и событием, оказавшим решающее влияние на весь дальнейший ход Второй мировой войны [1, с. 245].

В отечественной историографии с битвой под Москвой прочно закреплен статус события, ознаменовавшего начало коренного перелома в войне. Однако для углубленного научного понимания необходимо четко определить, в чем конкретно выразился этот «перелом», почему его истоки следует искать именно на подступах к столице СССР.

Понятие «коренной перелом» подразумевает комплексное и необратимое изменение, переход стратегической инициативы и утрату противником проводить крупные наступательные операции стратегического масштаба. И этому определению, на наш взгляд, более подходит битва за Сталинград, тогда как сражение под Москвой стало лишь началом этого процесса.

Но обо всем по порядку. К концу 1941 года Вермахт, оккупировав значительную часть европейской территории СССР, стоял у ворот Ленинграда и на подступах к Донбассу и Крыму. Однако главной стратегической целью оставалась Москва. Захват столицы государства советов, согласно плану «Барбаросса», должен был привести к коллапсу советского государства [3, с. 57].

Начало немецкой наступательной операции оказалось катастрофическим для советских войск. В первых числах октября немецкие таковые клинья прорвали оборону, окружив под Вязьмой и Брянском крупную группировку советских войск. В так называемых котлах оказались сотни тысяч бойцов и командиров РККА. Фронт фактически рухнул, и путь на Москву был открыт. Создалась критическая ситуация, угрожающая полной военной катастрофой.

Этот первоначальный успех создал у немецкого командования иллюзию близкой победы.

Рис. 1. Схема операции «Тайфун»

План «Тайфун» предусматривал мощными ударами танковых группировок (2-я, 3-я и 4-я танковые группы) расчленить оборону советских войск Западного, Резервного и Брянского фронтов, окружить и уничтожить основные силы Красной Армии, не допуская отхода противника на Восток, стремительно овладеть Москвой.

В середине октября началась эвакуация из Москвы правительственных учреждений, промышленных предприятий и населения. 20 октября в столице было введено осадное положение. Несмотря на панику, имевшую место в отдельные дни, город и фронт удалось стабилизировать. Этому способствовал ряд факторов.

Соединения и части РККА, оказавшиеся в окружении, сковали значительные силы Вермахта, выиграв драгоценное время для организации обороны на Можайской линии. Подвиги таких частей как 316-я стрелковая дивизия генерала Панфилова, стали символом нестигаемой воли к сопротивлению.

На подступах к городу силами гражданского населения были построены оборонительные сооружения. Промышленность Москвы, даже в условиях эвакуации, продолжала ремонтировать технику и производить вооружение.

Осенняя распутица, а затем сильные морозы начала декабря серьезно затруднили мобильность немецких войск, выводили из строя технику, не приспособленную к зимним условиям, в то время как Красная Армия была лучше экипирована к условиям зимней войны.

К концу ноября наступление немцев стало выдыхаться и стало понятно, что хотя и ценой невероятных усилий и огромных потерь наступление Вермахта было остановлено на ближних подступах к Москве.

5 декабря 1941 года войска калининского фронта (генерал-полковник И. С. Конев) и 6 декабря – Западного фронта (Маршал С. К. Тимошенко) перешли в контрнаступление [2]. Оно стало полной неожиданностью для немецкого командования, уверенного в окончательном истощении сил РККА [5, с. 137–138].

В ходе наступления советские войска нанесли тяжелое поражение группам армий «Центр», отбросив их на 100–250 км от столицы. Были освобождены города Калинин, Клин, Солнечногорск, Наро-Фоминск. Угроза Москве была ликвидирована.

Рис. 2. Усиление Западного фронта

Ставка Верховного Главнокомандования в крайне сжатые сроки перебросила на московское направление свежие дивизии из глубины страны, в том числе с Дальнего Востока. К концу ноября Западный фронт под командованием Г. К. Жукова был значительно укреплен.

Победа под Москвой укрепила веру советского народа и армии в возможность победы, развеяла миф о непобедимости Гитлера. На международной арене она продемонстрировала решимость СССР сражаться до конца и ускорила формирование антигитлеровской коалиции [4, с. 93].

Битва за Москву стала судьбоносным событием не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны. Она представляла собой сложный комплекс оборонительных и наступательных операций, в которых тесно переплелись военное искусство, экономическая мощь, политическая воля и нестигаемый дух народа [4, с. 171].

Победа под Москвой была достигнута благодаря колоссальному напряжению сил всей страны, умелому использованию резервов, мужеству солдат и командиров, а также просчетам немецкого командования, к которым можно отнести: переоценку своих сил и недооценку возможностей Красной Армии; растянутость немецких воинских соединений и частей, отрыв их от основных баз снабжения; отсутствие подготовленных оборонительных рубежей и резервов для планирования контрударов.

Рис. 3. Непобежденная

В битве под Москвой, впервые во Второй мировой войне Вермахт потерпел сокрушительное поражение на суше, его стратегия молниеносной войны окончательно провалилась.

Необходимо отметить, что победа в битве за столицу СССР ознаменовала собой коренной перелом в сознании армии и общества, положив начало долгому и трудному пути к Берлину.

Исторические уроки, полученные в результате победы под Москвой, являются действенным инструментом формирования государственно-патриотического сознания россиян, вообще, и молодежи, в частности. Преемственность традиций доблести, стойкости и беззаветного служения Родине, проявленных у стен Москвы в 1941 году, являются нравственным ориентиром для нового поколения защитников Отечества.

Список источников

1. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 3. М. : Воениздат, 1971. 287 с.
2. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 т. Т. 1. М. : Олма-Пресс, 2002. 415 с.
3. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В 6 т. Т. 2. М. : Воениздат, 1961. 688 с.
4. Мягков М. Ю. Вермахт у ворот Москвы. 1941–1942. М. : РАН, 1999. 304 с.
5. Самсонов А. М. Москва, 1941 год: от трагедии поражений – к великой победе. М. : Московский рабочий, 1991. 270 с.

УДК 340.114.5

Осипенко Антон Викторович

соискатель Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
директор многофункционального юридического центра «Сфера закона»
г. Москва, Российская Федерация
nauchnaya.rabota.2025@mail.ru

Юридическая теория патриотизма М. В. Вавилина: анализ и перспективы

Аннотация. В статье рассматривается юридическая теория патриотизма, разработанная известным российским ученым Михаилом Владимировичем Вавилиным. Анализируются ключевые положения его концепции, включая понимание патриотизма как правового феномена, его связь с конституционными ценностями и роль в обеспечении национальной безопасности. Особое внимание уделяется критическому осмыслению теории Вавилина в контексте современных вызовов и перспектив развития российского государства.

Ключевые слова: патриотизм, юридическая теория, конституционные ценности, национальная безопасность, правовое государство, гражданственность, М. В. Вавилин.

Osipenko Anton Viktorovich

Applicant at the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Director of the Sfera Zakona Multipurpose Legal Center
Moscow, Russian Federation

The Legal theory of Patriotism by M. V. Vavilin: analysis and prospects

Annotation. *The article examines the legal theory of patriotism, developed by the famous Russian scientist Mikhail Vladimirovich Vavilin. The key provisions of his concept are analyzed, including the understanding of patriotism as a legal phenomenon, its connection with constitutional values and its role in ensuring national security. Special attention is paid to a critical understanding of Vavilin's theory in the context of modern challenges and prospects for the development of the Russian state.*

Keywords: *patriotism, legal theory, constitutional values, national security, rule of law, citizenship, M. V. Vavilin.*

Проблема патриотизма, его сущности, содержания и роли в современном обществе, является предметом активных дискуссий в различных областях знания, включая юриспруденцию. В этой связи юридическая теория патриотизма, разработанная кандидатом юридических наук, доцентом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Михаилом Владимировичем Вавилиным, представляет собой значительный вклад в осмысление данного феномена с правовой точки зрения. Целью данной статьи является анализ ключевых положений теории Вавилина [1–35], выявление ее сильных и слабых сторон, а также оценка ее актуальности и перспектив в контексте современных социально-политических и правовых реалий.

Остановимся на анализе основных положений юридической теории патриотизма М. В. Вавилина.

М. В. Вавилин рассматривает патриотизм не просто как эмоциональное чувство любви к Родине, а как сложный правовой феномен, имеющий конституционные основания и определяющий поведение граждан в отношении государства и общества. Ключевыми положениями его теории являются:

1) патриотизм как конституционная ценность: Вавилин подчеркивает, что патриотизм является одной из фундаментальных ценностей, закрепленных в Конституции Российской Федерации. Он рассматривает его как основу для формирования гражданской идентичности и консолидации общества;

2) патриотизм как правовая обязанность: Согласно Вавилину, патриотизм не только право, но и обязанность каждого гражданина, проявляющаяся в соблюдении законов, защите интересов государства и участии в общественной жизни;

3) патриотизм и национальная безопасность: Вавилин рассматривает патриотизм как важный фактор обеспечения национальной безопасности, по-

сколько он способствует формированию у граждан чувства ответственности за судьбу страны и готовности к ее защите;

4) патриотизм и правовое государство: Вавилин подчеркивает, что патриотизм должен проявляться в рамках правового государства и не должен противоречить принципам демократии, прав человека и верховенства закона.

Следует остановиться также на дискуссии о юридической теории патриотизма Вавилина. Теория Вавилина, безусловно, имеет ряд достоинств. Она позволяет взглянуть на патриотизм с правовой точки зрения, определить его место в системе конституционных ценностей и выявить его связь с национальной безопасностью. Однако здесь имеется место для дискуссии, поскольку имеется риск чрезмерной формализации: акцент на правовой составляющей патриотизм может привести к его чрезмерной формализации и утрате эмоциональной составляющей, что может негативно сказаться на его эффективности.

Несмотря на критику, юридическая теория патриотизма Вавилина имеет значительный потенциал для дальнейшего развития. В частности, можно выделить следующие перспективы развития юридической теории патриотизма М. В. Вавилина.

Несмотря на критику, юридическая теория патриотизма Вавилина имеет значительный потенциал для дальнейшего развития. В частности, дальнейшие исследования могут быть направлены:

1) на разработку более тонких механизмов разграничения патриотизма и национализма: важно четко определить границы, за которыми патриотизм может трансформироваться в агрессивный национализм, угрожающий межэтническому согласию и международной стабильности. Это требует глубокого анализа правовых норм, регулирующих вопросы межнациональных отношений, и формирования четких критериев, позволяющих отличать конструктивное чувство любви к Родине от деструктивных идеологий;

2) исследование роли правового просвещения в формировании патриотизма: Вавилин подчеркивает правовую природу патриотизма, однако недостаточно изученным остается вопрос о том, как именно правовое просвещение может способствовать формированию осознанного и ответственного патриотизма у граждан. Необходимо разработать программы и методики, направленные на повышение правовой культуры населения, разъяснение конституционных прав и обязанностей, а также формирование понимания роли каждого гражданина в укреплении государства;

3) анализ международного опыта формирования патриотизма в правовом поле: сравнение подходов к регулированию и стимулированию патриотизма в различных правовых системах может обогатить российскую теорию и практику. Изучение того, как другие страны используют правовые инструменты для воспитания гражданственности и любви к Родине, может предложить новые идеи и решения для российской действительности;

4) развитие концепции «правового патриотизма» в контексте цифровой эпохи: в условиях стремительного развития информационных технологий и глобализации, патриотизм приобретает новые формы. Необходимо исследо-

вать, как правовые нормы могут регулировать проявления патриотизма в онлайн-пространстве, противодействовать распространению дезинформации и враждебной пропаганды, а также способствовать формированию позитивного образа страны в мировом информационном поле;

5) интеграция юридической теории патриотизма с другими научными дисциплинами. Для более полного и всестороннего понимания феномена патриотизма, необходимо наладить диалог между юристами, социологами, политологами, философами и психологами. Междисциплинарный подход позволит выявить новые аспекты патриотизма, его мотивационные основы и поведенческие проявления.

Юридическая теория патриотизма М. В. Вавилина представляет собой ценный вклад в осмысление одного из ключевых понятий общественной жизни. Его акцент на правовой природе патриотизма, его связи с конституционными ценностями и национальной безопасностью, открывает новые горизонты для исследований и практического применения. Несмотря на существующие критические замечания, потенциал теории Вавилина для дальнейшего развития и адаптации к меняющимся реалиям остается высоким. Дальнейшая разработка данной концепции, с учетом современных вызовов и перспектив, позволит более эффективно формировать у граждан осознанное чувство любви к Родине, основанное на уважении к закону, гражданской ответственности и стремлении к процветанию государства. В конечном итоге, юридически обоснованный и глубоко осознанный патриотизм является одним из краеугольных камней стабильного и развивающегося правового государства.

Развивая положения, заложенные в теории М. В. Вавилина, следует подчеркнуть, что правовая основа патриотизма не должна сводиться к формальному исполнению обязанностей. Напротив, она призвана стать фундаментом для формирования активной гражданской позиции, основанной на понимании своей роли в жизни общества и государства. Это подразумевает не только соблюдение законов, но и деятельное участие в их совершенствовании, в развитии институтов гражданского общества, в защите прав и свобод других граждан. Патриотизм, осмысленный через призму права, становится не пассивным чувством, а активным действием, направленным на благо страны.

Важно также отметить, что юридическая теория патриотизма должна постоянно адаптироваться к меняющимся социально-политическим условиям. В эпоху глобализации и информационных войн, когда границы между государствами становятся все более условными, а информационные потоки – все более интенсивными, роль правовых механизмов в формировании патриотического сознания возрастает. Необходимо разрабатывать правовые инструменты, способствующие противодействию деструктивным идеологиям, укреплению национальной идентичности и формированию позитивного образа страны на международной арене. Это требует не только совершенствования законодательства, но и активного использования правовых знаний в образовательных и воспитательных процессах.

Кроме того, юридическая теория патриотизма должна быть тесно связана с концепцией правового государства. Патриотизм, не подкрепленный уважением к закону и правам человека, может легко трансформироваться в агрессивный национализм или тоталитаризм. Поэтому важно подчеркивать, что истинный патриотизм проявляется в стремлении к построению справедливого и демократического общества, где каждый гражданин чувствует себя защищенным и имеет возможность реализовать свой потенциал. Правовая культура, в свою очередь, является неотъемлемым элементом патриотического сознания, поскольку именно она обеспечивает стабильность и предсказуемость общественных отношений.

В заключение можно констатировать, что юридическая теория патриотизма М.В. Вавилина является важным шагом в осмыслении этого сложного феномена. Дальнейшее развитие данной теории, с учетом современных вызовов и перспектив, позволит создать прочную правовую основу для формирования гражданского общества, основанного на принципах патриотизма, законности и ответственности. Это, в свою очередь, будет способствовать укреплению российской государственности и обеспечению ее устойчивого развития в XXI веке.

Список источников

1. Вавилин М. В. К вопросу о совершенствовании системы правового просвещения в Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 3. С. 127–129.
2. Вавилин М. В. Правовое просвещение молодежи // Законность. 2016. № 2(976). С. 27–29.
3. Вавилин М. В. Актуальные вопросы организации и координации системы правового воспитания и правового просвещения в Российской Федерации // Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых : сб. материалов науч.-практ. конф. молодых ученых / под ред. А. Ю. Винокурова, К. А. Комогорцевой ; Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2015. С. 3–10.
4. Вавилин М. В. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере патриотического воспитания молодежи как одно из приоритетных направлений прокурорской деятельности // Военно-юридический журнал. 2017. № 11. С. 11–15.
5. Вавилин М. В. К вопросу о предмете прокурорского надзора за исполнением законов в сфере патриотического воспитания молодежи // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 4. С. 151–153.
6. Вавилин М. В. Законодательство Российской Федерации в сфере патриотического воспитания: практика прокурорского надзора // Военно-юридический журнал. 2018. № 3. С. 3–9.
7. Вавилин М. В. Типичные нарушения исполнения законов в сфере патриотического воспитания молодежи // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 1. С. 68–71.

8. Вавилин М. В. Субъекты системы патриотического воспитания РФ как объекты прокурорского надзора // Военно-юридический журнал. 2018. № 9. С. 3–8.

9. Вавилин М. В. Актуальные направления совершенствования законодательного регулирования патриотического воспитания // Военно-юридический журнал. 2018. № 10. С. 3–8.

10. Вавилин М. В. Задачи прокурорского надзора за исполнением законов в сфере патриотического воспитания молодежи // Полицейская и следственная деятельность. 2018. № 2. С. 24–34.

11. Вавилин М. В. Программные вопросы совершенствования законодательного регулирования патриотического воспитания // Национальная безопасность / Nota Bene. 2018. № 5 (58). С. 1–9.

12. Вавилин М. В. Методика прокурорской проверки исполнения законов в сфере патриотического воспитания // Полицейская деятельность. 2018. № 6. С. 39–50.

13. Вавилин М. В. Теоретические проблемы определения пределов прокурорского надзора за исполнением законов в сфере патриотического воспитания молодежи // Фундаментальные научные исследования: теоретические и практические аспекты : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Кемерово, 2019. С. 222–224.

14. Вавилин М. В. К вопросу о целях прокурорского надзора за исполнением законов в сфере патриотического воспитания молодежи // Юридический мир. 2019. № 3. С. 20–25.

15. Вавилин М. В. Актуальные вопросы определения предмета прокурорского надзора за исполнением законов в сфере патриотического воспитания молодежи // Актуальные проблемы юриспруденции : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2019. С. 27–30.

16. Вавилин М. В., Антонов И. О. Законодательство в сфере патриотического воспитания: опыт систематизации // Юрист. 2019. № 5. С. 71–76.

17. Вавилин М. В. Деятельность органов прокуратуры по обеспечению законности при реализации государственной политики в сфере патриотического воспитания молодежи: актуальность и проблемы // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6, № 1(18). С. 159–166.

18. Вавилин М. В. Надзор за исполнением законов в сфере патриотического воспитания молодежи // Законность. 2018. № 11(1009). С. 37–40.

19. Вавилин М. В. К вопросу о предмете прокурорского надзора за исполнением законов о патриотическом воспитании молодежи в свете законодательных новелл // Современная наука и образование : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Кемерово, 2022. С. 39–44.

20. Вавилин М. В. Актуальные вопросы деятельности органов прокуратуры по надзору за исполнением законов о патриотическом воспитании в условиях антироссийских кампаний стран, совершающих недружественные действия

в отношении Российской Федерации // Военно-юридический журнал. 2022. № 4. С. 18–24.

21. Вавилин М. В. Деятельность органов прокуратуры по обеспечению законности при реализации государственной политики в сфере патриотического воспитания молодежи: актуальность и проблемы // Интеллектуальные ресурсы - региональному развитию. 2022. № 1. С. 404–426.

22. Вавилин М. В. К вопросу об актуальности прокурорского надзора за исполнением законов о патриотическом воспитании молодежи // Актуальные проблемы юриспруденции : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2022. С. 42–23.

23. Вавилин М. В., Залужный А. Г. К вопросу о деятельности органов прокуратуры по надзору за исполнением законов о патриотическом воспитании в условиях антироссийской кампании стран, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации // Современное право. 2022. № 4. С. 62–69.

24. Вавилин М. В. Актуальные вопросы деятельности органов прокуратуры по надзору за исполнением законов о патриотическом воспитании в условиях антироссийской кампании стран, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации // Юридический мир. 2023. № 7. С. 54–58.

25. Вавилин М. В. К вопросу определения патриотизма как правовой категории // Юрист. 2024. № 1. С. 33–38.

26. Вавилин М. В. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере патриотического воспитания молодежи : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 302 с.

27. Вавилин М. В. Патриотизм как правовая категория // Вестник Поволжского института управления. 2024. Т. 24, № 2. С. 71–78.

28. Вавилин М. В. Патриотизм как основа государственного строительства // Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы : сб. докл. XXIV Междунар. науч.-практ. конф. юрид. факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в рамках Московской юридической недели : в 4 ч. Ч. 3. М., 2024. С. 20–25.

29. Вавилин М. В. Актуальные вопросы деятельности органов прокуратуры по надзору за исполнением законов о патриотическом воспитании в условиях антироссийской кампании стран, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации // Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы : сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. юрид. факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в рамках Московской юридической недели : в 4 ч. Ч. 3. М., 2024. С. 25–29.

30. Вавилин М. В. Актуальные правовые, организационные и программные направления совершенствования деятельности учебно-методических центров «Авангард» // Военно-юридический журнал. 2024. № 6. С. 2–7.

31. Вавилин М. В. Патриотизм как основа государственного строительства // Конституционное и административное право: проблемы совершенствова-

ния публичной власти : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. (в режиме видео-конференц-связи). Ростов н/Д, 2024. С. 15–26.

32. Вавилин М. В. Патриотизм как правовая категория // Юрист вуза. 2024. № 11. С. 18–23.

33. Вавилин М. В. Патриотизм как правовая категория // Сохранение российской государственности в условиях современных геополитических вызовов и угроз (Сухаревские чтения) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. М., 2024. С. 24–29.

34. Вавилин М. В. Патриотизм как правовая категория // Наука будущего – наука молодых : сб. тез. докл. участников девятого Всерос. молодежного науч. форума. М., 2024. С. 39.

35. Вавилин М. В. Фундаментальные основы юридической теории патриотизма // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. К 80-летию победы в Великой Отечественной войне : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Краснодар, 2025. С. 97–102.

УДК 785.11.04

Сычева Елена Александровна

адъюнкт кафедры истории государства и права, лейтенант полиции

Московский ордена Почета университет

Министерства внутренних дел Российской Федерации

имени В. Я. Кикотя

г. Москва, Российская Федерация

Elena.cioff@mail.ru

Искусство как фактор победы: философия «Ленинградской симфонии»

***Аннотация.** В статье на примере создания и легендарной блокадной премьеры Седьмой («Ленинградской») симфонии Д.Д. Шостаковича исследуется роль искусства как активного фактора достижения Победы в Великой Отечественной войне. Анализируется философское и историческое значение симфонии, которая не только отражала трагедию и мужество, но и сама стала актом духовного сопротивления и идеологического оружия. Рассматриваются обстоятельства подготовки исполнения в осажденном Ленинграде как военно-культурной операции, подчеркивается мобилизующая функция всего советского искусства военных лет. Статья раскрывает, как культура формировала психологический фронт, утверждала несокрушимость духа и в конечном счете внесла материальный вклад в общую Победу.*

***Ключевые слова:** Великая Отечественная война, Ленинградская симфония, Дмитрий Шостакович, искусство как оружие, блокада Ленинграда, культурный фронт, духовное сопротивление, премьера 1942 г., мобилизующая роль искусства, память и победа.*

Sycheva Elena Aleksandrovna

Adjunct Professor, Department of History of State and Law, Police Lieutenant
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, awarded the Order of Honor, named after V. Ya. Kikot
Moscow, Russian Federation

Art as a factor of victory: the philosophy of the “Leningrad symphony”

***Annotation.** Using the creation and legendary siege premiere of D. D. Shostakovich's Seventh (“Leningrad”) Symphony as an example, this article examines the role of art as an active factor in achieving Victory in the Great Patriotic War. It analyzes the philosophical and historical significance of the symphony, which not only reflected tragedy and courage but also became an act of spiritual resistance and an ideological weapon. The circumstances surrounding the preparation for its performance in besieged Leningrad are examined as a military-cultural operation, emphasizing the mobilizing function of all Soviet art during the war years. The article reveals how culture shaped the psychological front, affirmed the invincibility of the spirit, and ultimately made a material contribution to the overall Victory.*

***Keywords:** Great Patriotic War, Leningrad Symphony, Dmitri Shostakovich, art as a weapon, Siege of Leningrad, cultural front, spiritual resistance, 1942, the mobilizing role of art, memory, and victory.*

В год 80-летия Великой Победы осмысление ее истоков закономерно выходит за рамки анализа военных операций и трудовых подвигов, обращаясь к сфере духовного сопротивления, где искусство стало формой борьбы и оружием в битве за сознание людей. Ярчайшим символом этой силы является Седьмая симфония Дмитрия Шостаковича, получившая в народном сознании статус «первого удара по Рейхстагу» и «секретного оружия блокадного Ленинграда». Философия «Ленинградской симфонии» раскрывает искусство не как отражение войны, но как активный фактор Победы, материализующий несокрушимую волю и утверждающий первичность человеческого духа перед лицом тотального разрушения.

Замысел симфонии, начатой в первый день войны в осажденном Ленинграде, изначально был актом мобилизации внутренних ресурсов. Как вспоминал сам композитор, он не мог не писать, стремясь запечатлеть в музыке образ сражающейся страны. Работа в условиях голода, бомбежек и дежурств в рядах противовоздушной обороны превращала процесс создания из сугубо творческого в экзистенциальный, слияние личной судьбы художника и судьбы народа. Эвакуация и завершение произведения в Куйбышеве, где состоялась первое исполнение, стали этапами этого пути, однако подлинным духовным свершением должна была стать именно ленинградская премьера. Она состоялась 9 августа 1942 г. в зале филармонии, и ее подготовка явилась беспрецедентной военно-художественной операцией.

Исполнение симфонии в еще осажденном городе, где музыкантов отзывали с фронта и выхаживали от дистрофии, а артиллерия обеспечивала подавление вражеских огневых точек на время концерта, было актом коллективного героизма и стратегическим жестом. Звуки оркестра, транслировавшиеся по радио и через репродукторы на весь город и за его пределы. Для измученных ленин-

градцев это было свидетельством их несломленности, актом эстетического и человеческого достоинства, отрицающего ужас окружающей реальности. Для врага и для всего мира это был мощнейший психологический и идеологический ответ, демонстрация того, что город, где звучит такая музыка, жив и непобедим. Как отмечала музыкант Ксения Матус, в тот день на врага обрушилась «лавина звуков, доказав, что дух – первичен» [4]. Таким образом, симфония превратилась из произведения о войне в прямое действие на войне, ее звучание стало культурным контрударом, сравнимым по значимости с военной операцией.

Философское содержание этого феномена заключается в том, что искусство в экстремальных условиях перестает быть метафорой и само становится реальностью, материальной силой. Шостакович создал не просто памятник трагедии и мужеству, а работающий механизм сопротивления, где каждая нота была актом воли. Симфония, с ее монументальным размахом, контрастами, знаменитой «темой нашествия» и последующего катарсиса, структурировала хаос войны, давая ему художественное осмысление и, следовательно, власть над ним. Она предлагала слушателям не пассивное сопереживание, а включение в общий этический и эмоциональный строй, делая каждого соучастником победы духа.

Важным и часто ускользающим от внимания фактом, который ярко иллюстрирует государственное и общественное признание духовной силы искусства в те годы, является история доставки партитуры симфонии в осажденный город [2]. Партитуру, уже прозвучавшую в Куйбышеве, Москве и Новосибирске, в июле 1942 г. доставили в Ленинград на специальном военно-транспортном самолете, прорвавшемся сквозь вражескую противовоздушную оборону. Этот рейс был сопоставим по риску и значимости с переброской боеприпасов или медикаментов. Одновременно микрофильмированные копии нот были переправлены по легендарной Дороге жизни, что приравнивало этот культурный груз к стратегически важным военным поставкам. Сам факт, что в условиях катастрофической нехватки ресурсов, под непрекращающимся огнем, командование Ленинградского фронта и руководство города организовали сложнейшую логистическую операцию для получения музыкальных знаков, говорит о глубинном понимании: симфония была необходима городу не меньше, чем хлеб. Это решение стало актом высочайшей оценки роли искусства, признанием его как реальной, осязаемой силы, способной укрепить дух защитников и жителей Ленинграда, доказав тем самым, что битва за город ведется и на символическом, культурном фронте, где победа не менее важна.

Последующая жизнь произведения, включая балетную постановку Игоря Бельского в Мариинском театре и ее ежегодное исполнение в дни памяти, подтверждает его непреходящую ценность как культурного кода Победы. Традиция представлять этот балет в День снятия блокады и День Победы является ритуалом, который не просто сохраняет память, но реактуализирует тот самый победный дух, заложенный в музыке [5]. «Ленинградская симфония» таким образом продолжает свою работу, оставаясь действующим фактором национальной идентичности и духовной сплоченности, напоминая, что Победа ковалась не

только в окопах и у станков, но и в пространстве культуры, где искусство, будучи оружием, утверждало высшие черты человеческого бытия перед лицом небытия [1].

Искусство в целом стало одним из ключевых, хотя и не всегда материально осязаемых, факторов Великой Победы, выполнив беспрецедентную мобилизующую, консолидирующую и терапевтическую функцию. В экстремальных условиях тотальной войны оно преодолело свои традиционные эстетические рамки, чтобы стать прямым инструментом воздействия на общественное сознание, превратившись в мощнейшее идеологическое оружие. Плакаты, такие как «Родина-мать зовет!» Ираклия Тоидзе, и карикатуры Кукрыниксов мгновенно становились визуальными лозунгами, кинематограф с фильмами вроде «Два бойца» Леонида Лукова или «Радуги» Марка Донского формировал эмоциональные образы героизма и стойкости, а песни – от «Священной войны» до «Темной ночи» – звучали с передовой до глубокого тыла, создавая общее психологическое поле нации. Поэзия Анны Ахматовой, Ольги Берггольц, Константина Симонова давала язык переживаниям миллионов, а фронтовые театры и концертные бригады, выступавшие порой в непосредственной близости от линии фронта, приносили с собой частицу нормальной жизни, утверждая ценность того, за что сражались. Таким образом, искусство взяло на себя задачу не просто отражения реальности, но ее смыслового структурирования и эмоциональной компенсации, поддерживая морально-психологический дух армии и народа [3]. Оно работало как система духовной обороны, помогая преодолевать страх, горечь утрат и усталость, укрепляя веру в правое дело и конечный триумф. В этом контексте «Ленинградская симфония» Шостаковича стала не исключением, а вершиной, квинтэссенцией этой всеобъемлющей миссии, сконцентрировав в звуке всю мощь сопротивления и сделав эфемерную материю музыки осязаемым символом несокрушимости духа, который в конечном итоге и предопределил историческую Победу.

Таким образом, философия «Ленинградской симфонии» Дмитрия Шостаковича раскрывает искусство как активный, действующий фактор истории, преобразующий духовную энергию в материальную силу сопротивления. Симфония, рожденная в огне блокады и исполненная ценой невероятных усилий истощенного города, стала не просто культурным памятником, а полноправным участником битвы, психологической операцией огромного масштаба. Ее история – от эвакуации партитуры как стратегического груза до артиллерийской поддержки премьеры – демонстрирует, что в годы Великой Отечественной войны культурный фронт был осознан и защищаем наравне с фронтом военным. Искусство в целом – плакат, кино, поэзия, песня – выполняло тогда работу по мобилизации духа, сплочению нации и сохранению человеческого в человеке, выступая инструментом идеологической борьбы и формой психологического выживания. «Ленинградская симфония» стала самым мощным аккордом в этой всеобщей симфонии сопротивления, доказав, что творчество может быть приговором для неприятеля и оружием для своих, а красота и правда, воплощенные в звуке, способны стать одним из решающих аргументов в борьбе за Победу.

Сегодня, в памятные дни, звучание этой музыки вновь напоминает нам, что наследие того времени – это не только память о подвиге, но и непреходящий урок о силе человеческого духа, для которого искусство было и остается одним из самых надежных союзников.

Список источников

1. Колношенко О. В. Становление и развитие системы военно-политической пропаганды и агитации средствами художественной культуры в Вооруженных Силах России: историко-культурологический анализ. М. : Военный университет им. князя Александра Невского МО РФ, 2023. 700 с.

2. Порватова Л. В. Организация военно-патриотического воспитания слушателей (курсантов) Московского университета МВД России в процессе внеаудиторной работы // Актуальные проблемы профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Москва, 10 октября 2010 года. Вып. 27. М. : Всерос. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2010. С. 129–132.

3. Рарова М. В. Культура и искусство на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны // Актуальные философские и методологические проблемы современного научного познания : сб. науч. ст. по материалам 80-й науч.-практ. конф. преподавателей и студентов СтГАУ, Ставрополь, 09 июня 2015 года. Ставрополь : Тэсэра, 2015. С. 209–211.

4. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. 288 с.

5. Сомов В. А. Потому что была война...: Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нижний Новгород : Волго-Вятская акад. гос. службы, 2008. 234 с.

УДК 316.614.6

Чуб Надежда Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент

Юго-Западный государственный университет

г. Курск, Российская Федерация

nadchub@yandex.ru

Социализация военных кадров в России:

ценностно-правовое содержание в историческом аспекте

***Аннотация.** Статья рассматривает основы социальной поддержки военных чинов в историческом осмыслении. Анализ опыта и традиций обеспечения военнослужащих направлен на совершенствование правового поля в ценностно-ориентированном смысле. Для этого рассмотрена современная кадровая практика профессионально-служебной и матери-*

альной помощи. Сделан вывод о недостаточном регулировании статуса военных нижнего звена в действующем законодательстве и историческом аспекте.

Ключевые слова: военные кадры, защита Отечества, профессиональная социализация, участник СВО, социальная адаптация, инвалидные роты.

Chub Nadezhda Vyacheslavovna

Candidate of Law, Associate Professor

Southwestern State University

Kursk, Russian Federation

Socialization of military personnel in Russia: value and legal content in historical perspective

Annotation. *The article examines the foundations of social support for military personnel from a historical perspective. Analysis of the experience and traditions of providing military personnel is aimed at improving the legal field in a value-oriented sense. To this end, the current personnel practices of professional, service-related, and material assistance are examined. A conclusion is reached regarding the insufficient regulation of the status of lower-ranking military personnel in current legislation and historical perspectives.*

Keywords: *military personnel, defense of the Fatherland, professional socialization, participant in the Special Military Operation, social adaptation, disabled companies.*

Согласно Указу Президента РФ № 809 от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» подрыв доверия к институтам государства, дискредитация идеи служения Отечеству, формирование негативного отношения к воинской службе и государственной службе в целом – риски, связанные с распространением деструктивной идеологии в нашей стране. В тексте Военной доктрины Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976, сказано, что деятельность по информационному воздействию на население, имеющая целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества; провоцирование социальной напряженности, экстремизма – это внутренние военные опасности государства.

Указанные нормы отражают смысловые ориентиры в формировании мировоззрения, в первую очередь молодого поколения, их гражданской позиции, патриотических устремлений, направленных, в том числе, на оказание материальной помощи, профессиональной и психологической адаптации и иных форм поддержки лицам, защищающих Отечество от внешних угроз. Иными словами, физическое восстановление или компенсация утраченных функций, социальная интеграция и ведение независимого образа жизни военнослужащего с опорой на профессию – составляют механизм социализации военных кадров, имеющий организационно-правовую и ценностно-ориентированную основу.

За 2024–2025 гг. приняты нормативные акты, регламентирующие различные направления социализации российских военных кадров. Среди них федеральные законы, регулирующие формирование контингента Вооруженных сил РФ из особых категорий граждан. Нормами законов от 23.03.2024

№ 61-ФЗ и № 64-ФЗ закрепляется порядок освобождения от уголовной ответственности в связи с призывом на службу по мобилизации или в военное время. Федеральные законы от 02.10.2024 № 341-ФЗ и № 342-ФЗ разрешили заключать контракт о прохождении военной службы не только с лицами, имеющими судимость (есть исключения), но и с отдельными обвиняемыми (подсудимыми) на этапе судебного производства. Скорректированы положения о выплатах за ранения, компенсациях за лечение участников СВО. В 2024 г. Минобороны РФ создало специальное подразделение на правах федерального казенного учреждения – Военно-социальный центр для поддержки действующих участников СВО. «Это система одного окна, со своей цифровой платформой, чтобы максимально быстро, оперативно отслеживать меры социальной поддержки, которые положены государством» [1]. Предполагается работа его офисов в военных округах РФ.

Отметим, что 2025 г. Президент РФ объявил годом Защитника Отечества. В этих целях была создана комиссия Госсовета по вопросам поддержки ветеранов боевых действий – участников СВО и членов их семей; утвержден план мероприятий по повышению уровня трудоустройства и организации их профессиональной ориентации. Улучшается и социально-правовой статус добровольцев в части назначения пенсии. Демобилизованные лица могут получить соцконтракт, потратив средства на обучение. По федеральному закону от 15.12.2025 № 490-ФЗ участники СВО смогут бесплатно получить второе среднее профессиональное образование.

На региональном уровне ведется подобная социально-правовая работа. Например, согласно постановлению Губернатора Курской области от 13 октября 2022 г. 298-пг «О дополнительных мерах социальной поддержки» с изменениями от 18.12.2025 предусмотрена поддержка семей лиц, участвующих в СВО в следующих формах: социальное обслуживание на дому; предоставление бесплатного горячего питания детям, студентам; консультирование по юридическим вопросам; содействие в поиске работы [5]. Профессионально-кадровая программа «Время героев», запущенная для подготовки высококвалифицированных, компетентных управленческих кадров, из числа действующих военнослужащих – участников и ветеранов показывает определенные результаты. Российские регионы запустили собственные аналоги проекта. Один из первых субъектов РФ, присоединившихся к нему, – Курская область. Условия участия в проекте: гражданство РФ; постоянная регистрация на территории области; высшее образование; участие в СВО; отсутствие судимости. Недостатками допуска к этой программе в части требований к участникам как федерального проекта, так и большинства региональных – это невозможность обучения военнослужащих, не имеющих опыта управления, высшего образования. Пока соответствующей программы для таких лиц не предложено, кроме Татарстана и Запорожской, Нижегородской областей (со средним образованием можно, но при опыте управления). Общественность и некоторые законодатели предлагают ввести квоты на должности публичной службы для отставных военных кадров. При этом в ряде областей, например, уже приняты акты о квотировании рабочих мест на предприятиях.

В истории правового регулирования служебной сферы имеется аналогичная кадровая практика, поддерживающая профессиональный и социально-материальный статус военных, в том числе находящихся в отставке. Издавна российское государство устанавливало им привилегии, награды, поощрения, пособия. В челобитных в Разрядный Приказ за XVII в – период войн и потрясений – содержатся просьбы о пожаловании придами к поместным и денежным окладам за участие в боевых действиях, подавлении восстаний; за пребывание в плену и ранения; о принятии на службу при Государевом дворе. Преимущественное право назначения на должность воеводы и в приказные люди имели раненые и бывшие военнопленные, т. е. лица, уже прошедшие полковую службу. В начале века закреплялось, что израненные (дряхлые) служилые люди не могли быть лишены поместья только на основании наступления болезни как причины неспособности продолжать службу [4, с. 23–24]; отмечаются случаи правительственной компенсации вооружения, приобретенного военными [3]. Во второй четверти XVII в. правительство жаловало высшими чинами (московскими дворянами) служащих уездных городов, проявивших себя в борьбе с интервентами и показавших свою верность законной власти. Для повышения мотивации военной службы предоставлялись и судебные льготы военным, отсрочки в исковом производстве, «кроме убийственных дел» [8].

В XVIII в. военной отрасли и кадрам уделялось пристальное законодательное внимание и проводилось структурное преобразование. Воинским Артикулом 1715 г. устанавливалась ответственность военачальников за невыплату заслуженного довольствия подчиненных. Норма выполняла ценностно-дисциплинарную и государственно-полезную функцию: «когда солдату оное не дастся, тогда может легко всякое зло из того произойти, или солдаты с какой скудости и голоду в болезнь впадут, из того в его величества службе остановка учинится» [2]. «В 1705 г. был введен прямой налог специального назначения с доходов (помимо жалованья) и имущества дьяков и подъячих, носивший названия «оклада вместо службы», «оклада на жалованье ратным» или сбора «с прибытков» [11]. Был установлен денежный сбор в казну за пожалование в дьяки, который отправляли на пропитание больным и раненым [9].

Как известно, приоритет воинских чинов определялся в Табели о рангах 1722 г. Служащие, которые более успели в науках, скорее других производились в чины в награду за прилежание. Специальным нормативным актом отставные обер- и унтер-офицеры определялись к церквям для надзора за соблюдением в них благочиния и сбора штрафов при нарушении последнего [7]. Верховная власть стремилась обеспечить рабочими местами бывших военных: в 1749 г. закреплялась обязательная (немедленная) высылка в Герольдмейстерскую контору и последующего назначения Сенатом ранее отставленных военных.

Однако социальное отношение государства к судьбе отставных военнослужащих было недостаточно урегулировано, что нередко приводило к их профессиональной деградации, общественной уязвимости, основанных на неудовлетворительном материальном положении. Архивные материалы представляют данных лиц как легкую зависимую «жертву» местной администрации (прежде

всего, воевод), притеснения от которой испытывало большинство малоимущих служащих, находящихся в отставке, несмотря на подробную правовую регламентацию обязанностей и ответственности самих воевод и их товарищей. Например, из дела Рекетмейстерской конторы 1762 г. среди потерпевших от тирании значились отставные военнослужащие, в том числе увечные, недоросли и члены их семей, которые находились в «партикулярном холопстве» у воеводы [6]. В конце XVIII в. начальству полков предписывалось оперативно отправлять для лечения в госпитали воинов из-за болезни, не допуская ее усиления [10]. Учреждались инвалидные роты и команды с особым порядком несения службы (подвижная, военная стража).

Интересны социально-кадровые подходы верховной власти к военным чинам в XIX в. В 1802 г. на места городничих определялись отставные лица. Нормой 1813 г. предписывалось сохранять статские должности за чиновниками, поступающими в ополчение. Из военного ведомства в гражданское запрещалось назначать порочных, находящихся «под наказанием». Инвалидного содержания не хватало из-за дороговизны жизни, поэтому разрешено было «увольнение на свое пропитание». Неспособные себя пропитать, искалеченные, находились в ведении Приказа Общественного призрения. В 1830 г. вышло указание о непроизведении квартирных довольствий генералам и высшим офицерам, состоящим в армии без должностей. С 1867 г. отставным военным нижних чинов, не имеющих собственных средств, выдавали 3 руб. в месяц в качестве пособия, что было в два раза меньше заработка земского врача за этот период.

Представленная историческая и современная практика, как содействующая развитию профессионального потенциала, социальной адаптации, так и демонстрирующая неудовлетворительное положение военных кадров, подтверждает важность комплексного правового исследования источников и форм социальной поддержки, особенно неофицерского рядового звена. Как показывает отечественный опыт, пренебрежение к лицам непривилегированных чинов, хотя имеющих военные заслуги, но слабо социально защищенных, недостаточно востребованных, порождает должностные злоупотребления и иные правонарушения.

Список источников

1. Анна Цивилева: в России заработает военно-социальный центр для поддержки действующих участников СВО // Российская газета RG.RU : офиц. сайт. URL:<https://rg.ru/2024/06/24/minoborony-rf-zapustit-centr-dlia-podderzhki-dejstvuiushchih-uchastnikov-svo.html> (дата обращения: 27.12.2025).

2. Артикул воинский от 26 апреля 1715 г. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2008/> (дата обращения: 14.12.2025 г).

3. Архив СПбИИ РАН ф.РС.К-2 оп.1 (XV–XVIII вв. г.). Д. 17. Л. 72 об. 1616 г., 30 декабря. Грамота царя и великого князя Михаила Феодоровича боярину и воеводам князю Ивану Андреевичу Хованскому и Мирону Андрееву Вельяминову да дьякам Андрею Варееву и Третьяку Копнину, об уплате стоимости пищалей, купленных на свои деньги стрельцами приказа Якова Протопопова : офиц. сайт. URL:<https://inv.velikie.org/archive/spbii-ran/rs.k-2/1/> (дата обращения: 05.12.2025).

4. Историко-юридические материалы, издаваемые Московским архивом Министерства юстиции. Вып. 1. Указная книга Поместного приказа. М., 1889. 213 с.
5. Постановление Губернатора Курской области от 13 октября 2022 г. № 298-пг «О дополнительных мерах социальной поддержки» // Курская правда. 2022. № 127.
6. Российский Государственный Архив древних актов (РГАДА). Ф. 393. Рекетмейстерская контора. Оп. 1. Д. 38. «По челобитью жителей города Опочки о замене воеводы этого города Н. Алексеева за его пьянство и непорядочное поступки, в том числе побоев». Л. 1–6.
7. Сенатский Указ «О назначении сборщиков для взимания штрафа...» от 15 июля 1742 г. // ПСЗРИ I. Т. 11, № 8583.
8. Указ «О бытии на службе в Украине..., и об отсрочке им во всяких судебных делах» от 10 января 1651 г. // ПСЗРИ I. Т. 1, № 57.
9. Указ «О взимании с пожалованных в дьяки по 100 рублей на лазареты» от 23 мая 1715 г. // ПСЗРИ I. СПб., 1830. Т. 5, № 2911.
10. Указ «Об отсылке военных чинов для исцеления в госпитали при начале болезни» от 30 апреля 1790 г. // ПСЗРИ I. Т. 23, № 16859.
11. Joukovskaia A. Перемены в фискальном статусе дьяков и подьячих в царствование Петра I и их социальные последствия. URL: <https://journals.openedition.org/monderusse/7983#ftn6> (дата обращения: 06.11.2025).

УДК 316.35

Шарова Екатерина Максимовна

магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
catherinebergovskaya@yandex.ru

Ганжа Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
nat_ganzha@mail.ru

Влияние исторической памяти на формирование гражданственности и патриотизма в России

***Аннотация.** Историческое познание предстает как ключевой инструмент формирования гражданственности и патриотизма. Оно не только сохраняет знания о прошлом, но и объединяет общество, воспитывая ответственных граждан. Изучение истории формиру-*

ет правосознание и активную гражданскую позицию, что создает прочную основу для построения достойного будущего страны.

Ключевые слова: история, познание, патриотизм, гражданственность, право, законодательство, влияние.

Sharova Ekaterina Maximovna

undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Ganzha Natalia Vladimirovna

candidate of law, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The influence of historical memory on the formation of citizenship and patriotism in Russia

***Annotation.** Historical knowledge appears as a key tool for the formation of citizenship and patriotism. It not only preserves knowledge about the past, but also unites society by educating responsible citizens. Studying history forms a sense of justice and an active civic position, which creates a solid foundation for building a decent future for the country.*

***Keywords:** History, cognition, patriotism, citizenship, law, legislation, influence.*

На протяжении многих лет, и даже на протяжении веков, люди задаются вопросом о том, насколько нам необходимы знания об истории нашей Родины, и как это может повлиять на формирование взглядов граждан. Безусловно, первопричины данного вопроса закладываются еще в детстве, когда ребенок слышит от родителей о важности памяти и правильном понимании периодизации истории России, о героизме предков, об истоках и осознании законодательства нашей страны. Вопросы сохранения национальной идентичности и укрепления общественной солидарности все чаще и больше выходят на первый план. Историческая память, понимаемая как совокупность представлений общества о своем прошлом, передаваемых из поколения в поколение, является фундаментальным элементом формирования гражданской позиции и патриотических чувств.

Само понятие «исторической памяти» очень обширно. Мы затрагиваем здесь не только тему хронологической последовательности событий, но и саму их суть. Мы разбираемся и осознаем, что происходило в России во внутренней политике и на внешнеполитическом фоне. Пренебрежительное отношение к истории или ее неправильное кратковременное изучение, как мы понимаем, явно отрицательно сказывается. Становление исторической памяти в детском сознании представляет собой сложный, многоаспектный процесс, на который оказывает влияние целый комплекс факторов. К числу ключевых относятся господствующие идеологические установки и целенаправленная деятельность институтов, а сейчас прежде всего – средств массовой информации. Историческая память не является простой суммой исторических фактов. Это социально конструируемый комплекс представлений, ценностей и символов о прошлом, который разделяется значительной частью общества и служит основой для форми-

рования его коллективной идентичности. Изучая исторические события, приходит осознание о неповторимости своей страны, ее культуре и традициях. Это формирует стойкое убеждение в необходимости защиты и сохранения интересов своего народа. Обращаясь к истории и идентичности нашего народа, мы изучаем события, объединяющие наш народ. Одно из самых значимых и памятных событий, формирующее патриотическое воспитание и понимание подрастающего поколения о героизме предков – это Великая Отечественная Война. Она – мощный источник патриотизма, который строится не на идее превосходства, а на гордости за стойкость, мужество и единство наших предков. Память о Великой Отечественной войне не просто страница в учебнике истории. Это наш общий нравственный компас, фундамент самосознания и суровый период, который нельзя забывать.

Исходя из справедливого и честного изложения истории, у детей и будет формироваться патриотизм. Патриотизм – это не просто восхищение своей страной, а осознанное уважение к ее прошлому, настоящему и будущему, стремление внести свой вклад в развитие общества. Патриотическое воспитание во все времена было ведущим направлением в формировании ценностных ориентиров личности. Любовь к Отечеству включает в себя чувство привязанности к тому месту, где родился и вырос человек, уважительное отношение к родной культуре и языку, к традициям и историческому прошлому своей страны, верность Родине, боль за ее проблемы и гордость за достижения, стремление посвятить свои силы ее процветанию, отстаивание ее свободы и независимости [5, с. 29]. Исторические примеры могут служить мощным инструментом воспитания патриотических чувств. Анализируя историю России, приходит понимание, что патриотизм – это не только гордость за великие достижения, но и ответственность за настоящее и будущее страны. А наряду с этим, гражданство подпитывается этим самым патриотизмом. Гражданин имеет ряд прав и обязанностей. Патриот чувствует любовь к своей родине, а гражданин знает свои обязанности и понимает свой гражданский долг. В этой интерпретации гражданство объединяет универсальные духовные ценности: высокий порядок души и чувств, социальную направленность мыслей [3, с. 94].

Одним из практических выражений данного подхода к патриотическому воспитанию, можно назвать реализовывавшийся в 2014–2017 годах проект «Шаги истории», который представлял собой стенгазету, посвященную отечественной истории (четыре выпуска ежемесячно). С начала своего существования газета издавалась в крупных городах России на собственные средства активистов Родительского Всероссийского Сопротивления (РВС) – Общероссийской общественной организации защиты семьи, и распространялась бесплатно [6]. В 2015 году проект «Шаги истории» распространялся за счет средств гранта общества «Знание». Выпуски из года в год не повторялись. На данный момент проект завершен. Невозможно по-настоящему ценить историю, если не сформирована ценность героизма, самопожертвования.

Гражданственность предполагает осознание прав и обязанностей, активное участие в жизни общества, уважение к законам, стремление к улучшению

окружающего мира. Для формирования этих качеств при обучении со школы должны использоваться такие методы преподавания, которые не просто передают исторические факты, но и побуждают учеников к размышлениям, дискуссиям, анализу различных точек зрения. Например, при изучении событий Великой Отечественной войны важно не только рассказать о подвигах советских солдат, но и дать возможность учащимся самим проанализировать причины войны, понять цену Победы, осмыслить значение мира. В современном мире, помимо правового статуса «гражданин», существует глубокое внутреннее качество личности – гражданственность [4, с. 4]. Это не просто запись в паспорте, а сложное понятие, находящееся на стыке права, морали и социальной ответственности. В отличие от патриотизма, который в большей степени относится к сфере чувств – это рациональная и деятельная позиция человека по отношению к своей стране и согражданам [1, с. 17].

Благодаря пониманию своей позиции, у гражданина по степени взросления формируются уважение и к законодательству своей страны, осознанное соблюдение правопорядка и уважения к государству. Патриотизм и гражданственность могут способствовать формированию законов России, например, через воспитание уважения к Конституции и законам страны. Здесь мы говорим и о самой ценности единства между человеком и государством, и уважения прав друг друга. Стратегия гражданско-патриотического воспитания ориентирована на долгосрочные цели, построенные на взаимосвязи между личной ответственностью и общей судьбой страны. Это подразумевает формирование не только активной гражданской позиции, но и готовности к служению своему народу. Важно отметить, что сами подростки должны осознать значимость своих поступков, осознание своего места в социуме, а также ответственность за окружающий мир. Патриотизм и гражданственность находят свое прямое выражение в закреплении государственного суверенитета и национальной идентичности. Задается ценностный ориентир для всего законодательства, подчеркивая непрерывность исторического развития государства [2, с. 11]. Сфера образования, конечно, не остается в стороне, о чем свидетельствует введение патриотически ориентированных образовательных программ и мероприятий. Кроме того, законы о государственной символике (гербе, флаге, гимне) и памятных датах служит целям патриотического воспитания и формирования визуальных маркеров национального единства.

Таким образом, историческое познание служит важной частью в процессе формирования гражданственности и патриотизма, выполняя роль не просто сохранения знаний о прошлом, но и активного инструмента консолидации общества и воспитания ответственных граждан. Осознание культурно-исторической общности и преемственности поколений создает ту духовную связь, которая объединяет народ в единое целое. При этом подлинное историческое познание выходит за рамки простого запоминания фактов. История на конкретных примерах показывает, что судьба государства зависит от активной позиции его граждан, их готовности к созидательному труду и защите национальных интересов, особую роль в укреплении правосознания. Изучение эволюции государст-

венных институтов и правовых систем позволяет глубже понять значение законности, гражданских свобод и социальной справедливости как несущих опор современного общества. Систематическое и качественное историческое познание создает прочный фундамент для воспитания граждан, которые, зная и уважая свое прошлое, способны строить достойное будущее, сочетая искреннюю любовь к Родине с активной гражданской позицией, поддержкой развития правовых основ и личной ответственностью за судьбу страны.

Список источников

1. Аманабаева Л. И. Гражданское воспитание учащейся молодежи в новых социальных условиях : автореф. ... дис. д-ра пед. наук. Якутск, 2002. – 31 с.
2. Вяземский Е. Е., Синельников И.Ю. О воспитательном потенциале историко-обществоведческого образования // Преподавание истории и обществознания в школе. 2014. № 9. 23 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22799035> (дата обращения: 14.11.2025).
3. Гревцева Г. Я. Воспитание гражданственности у старшеклассников средствами общественных дисциплин. Челябинск : ЧГПУ, 1998. 214 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000193227> (дата обращения: 14.11.2025).
4. Лагутова С. В., Казанцева Т. Г. Патриотическое воспитание // Преподавание истории. 2013. № 4. 29 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19133059> (дата обращения: 14.11.2025).
5. Карачевцев И. А. Чему учит история? О значении исторического подхода к преподаванию истории России // Преподавание истории и обществознания в школе. 2014. № 3. С. 33–35. URL: <http://opac.skunb.ru/index.php?url=/notices/index/IdNotice:882353/Source:default> (дата обращения: 14.11.2025).
6. Шаги истории. Правда против демагогии: кто ведет Россию в украинском направлении? : открытое письмо председателя Родительского Всероссийского Сопротивления. URL: <http://rvs.su/statia/shagi-istorii-pravda-protiv-demagogii-kto-vedyot-rossiyu-v-ukrainskom-napravlenii-otkrytoe> (дата обращения: 14.11.2025).

Секция 3

ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 343.13

Аверин Александр Валентинович

доктор юридических наук, доцент

профессор, Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

г. Владимир, Российская Федерация

avaverin@mail.ru

Судопроизводство и правосудие: проблемы соотношения

***Аннотация.** Фундаментальная проблема правосудия проявляется в соотношении трех категорий: право, судопроизводство и правосудие. Судопроизводство представляет собой форму правореализации в виде судебного правоприменения, тогда как правосудие – его содержательная сторона. Сущность правосудия заключается в доминировании права в судебном разбирательстве, поэтому судопроизводство может быть правосудным, и неправосудным, если в судебном процессе (на любой из его стадий) право «отодвигается» судьей на второй план.*

***Ключевые слова:** право, судопроизводство, правосудие, судья, судебный процесс, профессиональный менталитет судьи, судебная практика.*

Averin Alexander Valentinovich

Doctor of Law, Associate Professor

Professor, Vladimir State University

Vladimir, Russian Federation

Proceedings and justice: problems of correlation abstract

***Annotation.** The fundamental problem of justice manifests itself in the correlation of three categories: law, proceedings and justice. Proceedings represent a form of law-realization in the form of judicial law enforcement, whereas justice is its substantive side. The essence of justice is the dominance of law in the judicial proceedings, so the legal proceedings can be just in this case, and unjust if in the trial (at any of its stages) the law is "pushed aside" by the judge consciously or by ignorance to the background.*

***Keywords:** law, legal proceedings, justice, judge, trial, professional mentality of the judge, judicial practice.*

Переоценить значение такого важнейшего механизма социальной регуляции государственно организованного общества, как судопроизводство, невозможно. Судебная деятельность в качестве функции государственной власти не может быть изолирована от государства, и, в первую очередь, от иных ветвей государственной власти. В этой связи государственная политика представляется одним из значимых факторов, оказывающих реальное влияние на судебную политику и судопроизводство. Следовательно, независимость судей как провозглашенный конституционно-правовой принцип требует своего осмысления в отрыве от распространенных зряшных и пустых лозунгов и заклинаний о независимости суда, за фасадом которых скрывается неприглядная реальность современной отечественной правоприменительной практики, где самостоятельность и независимость судей, повторяемые как мантра, в реальности представляют собой лишь декларацию [1, с. 2].

То, что суды и судьи зависимы (в любой стране, в том числе и в России) – очевидный факт. Вопрос заключается не в этом, а в том, какова степень этой зависимости в конкретный исторический период, каковы факторы и каковы силы, ставящие судебную власть и судей в зависимое положение, каковы пути нейтрализации или минимизации воздействия на суд этих факторов и сил.

Судопроизводство и правосудие не синонимы. Правосудие – это такое судопроизводство, которое подчинено праву. В свою очередь, существование каких-либо сил и иных факторов, ставящих суд и судей в зависимое не от права положение, является бесспорным свидетельством отсутствия в государстве правосудия как системного явления [2, с. 2].

Размышляя над проблемами современного отечественного судопроизводства, вспоминается мысль, высказанная в 1895 году Иоаном Восторговым: «Еще не нашлось ни одного на земле средства, которое само в себе носило бы закон совершенства: пока оно в руках человеческих, до тех пор оно может служить орудием и добра, и зла» [3, с. 28]. Судопроизводство, являясь орудием в человеческих руках, лишь тогда становится орудием добра, когда оно достигает и соответствует уровню правосудия. При этом роль судьи в отправлении правосудия переоценить трудно, поэтому должна существовать презумпция высоких профессиональных и морально-волевых качеств судьи. Однако необходимо помнить, что формирование государственной (в том числе судебной) власти из самых добросовестных, порядочных, честных и умных людей современности – цель, столь же недостижимая, сколь и не соответствующая самой ее сути. *Хорошая конституционная схема должна быть рассчитана на средний уровень достаточно мелких страстей и помыслов обычных людей с поправкой на быструю потерю у них реальной самооценки и возможности самокритики* [4, с. 9].

Как свидетельствует обширная историческая практика, судопроизводство и правосудие не являются тождественными понятиями, поскольку судопроизводство не становится правосудием автоматически. Отправление правосудия невозможно без судебной процедуры, без судопроизводства, в то время как судопроизводство само по себе может быть и не правосудным. В идеале судопро-

изводство должно быть правосудным, т. е. представлять собой такую деятельность суда, когда право (а не иные факторы) довлеет над судом в правоприменительном процессе. В тех же случаях, когда суды руководствуются политическими установками или политической волей (например, в отечественной истории известны многочисленные примеры политических репрессий посредством судебных процессов), даже если такие «исключительные» примеры судебного произвола продиктованы сиюминутными интересами общества (например, борьба со шпионами, с «врачами-вредителями», борьба со спекуляцией, с нетрудовыми доходами, с самогоноварением, с тунеядством, с педофилией, наркоманией, коррупцией, «охота на ведьм» и т. п.), т. е. в те исторические периоды, когда очередная политическая кампания лишает судью права «сметь свое суждение иметь», в этих случаях с очевидностью проявляется системный перекос, когда правосудие уступает место судебному произволу, вызванному необходимостью судебной власти ориентироваться на сиюминутные политические запросы исполнительной власти. Однако, по меткому утверждению Иеремии Бенета: «Всякая власть, стоящая над законом, угрожает будущему, как бы полезны ни были ее первые деяния. Порожденное произволом благо не может выйти за узко очерченные рамки, тогда как зло его безгранично, а потому и угроза, которую он (произвол) несет в себе, также не имеет пределов» [5, с. 106].

Таким образом, утверждение о возможности существования правосудия в условиях судопроизводства, не отягощенного правовым прессом, представляется химерой, поскольку реальное правосудие возможно лишь при условии верховенства права, независимости суда и соблюдения государством принципа разделения властей.

В тезисном порядке утверждение об отсутствии тождества между судопроизводством и правосудием выглядит следующим образом.

1. Правосудие – не синоним судопроизводства.
2. Главным критерием, характеризующим правосудие, является главенство права в правоприменительной деятельности суда.
3. Для формирования условий главенства права в судебной деятельности соотношение субъективного и объективного фактора в процессе разрешения правовых вопросов должно быть без условий установлено в пользу второго.
4. При главенствующей роли объективного фактора (права) в судебной деятельности (при разрешении правовых вопросов) вывод по судебному делу детерминирован правом и в этом смысле является предсказуемым.
5. При главенствующей роли субъективного фактора (когда итоговое мнение судьи не предопределено конкретными правовыми рамками) в судебной деятельности (при разрешении правовых вопросов) вывод по судебному делу зависит от произвольного решения судьи и в этом смысле является непредсказуемым.
6. Правовое государство – это такая политическая организация общества, при которой во всех вопросах жизнедеятельности общества, подпадающих под правовое регулирование, обеспечено верховенство права. Следовательно, при отправлении правосудия судебный произвол будет проявляться во всех случаях,

когда разрешение судебных дел не будет прямо вытекать из требований права, а будет зависеть от иных факторов, в том числе от политических установок, конъюнктурных соображений, предвзятого подхода и т. п. Довлеть над судьей при разрешении судебного дела должно только право.

7. Отступление от принципа верховенства права в правосудии под любым предлогом, даже в угоду сиюминутным интересам общества и общегосударственным политическим установкам, является обычным судебным произволом, несущим обществу угрозу его безопасности [2, с. 10–12].

Проблема соотношения судопроизводства и правосудия, которая проявляется через призму определения места и роли права в судебном процессе, на первое место выдвигает судью, поскольку от его уровня образования, интеллекта, жизненного опыта, понимания права зависит ответ на вопрос: будет ли данный судебный процесс правосудным (как по процедуре, так и по результату), или станет примером неправосудного судопроизводства.

Как было ранее отмечено, государственная организация деятельности судебной власти должна быть ориентирована на формирование такой системы судебного правоприменения, которая независимо от среднего уровня достаточно мелких страстей и помыслов обычных людей, с поправкой на возможную потерю у них реальной самооценки и возможности самокритики, надевших волею судеб судейскую мантию, могла гарантировать доминирование права в судебном процессе, т. е. гарантировать торжество правосудия. В этой связи одним из узловых факторов формирования такой системы представляется определение качества и минимально необходимого уровня профессионального сознания судьи. Эта проблема чрезвычайно объемна, многогранна и сложна [6], ее исследованию посвящены многочисленные труды правоведов, философов, социологов и представителей иных наук, поэтому в формате настоящей статьи предлагается резюме в виде ряда тезисов.

Наряду с высокоморальными человеческими качествами юрист, желающий посвятить свою жизнь делу отправления правосудия, обязан понимать сущностную сторону этого сложнейшего вида юридической деятельности, для чего ему необходимо иметь хотя бы минимум научно-правовых знаний о проблемах, составляющих стержень истинно судейского менталитета: *вопросы о правопонимании, разделении властей, применении права, юридическом познании в процессе судебного правоприменения, толковании закона в рамках судебного правоприменения, доказательствах и доказывании* – тот минимальный теоретико-правовой багаж, без которого крайне опасно облачаться в мантию судьи и брать в руки весы и меч Правосудия [7, с. 302–303].

Но в чем видится квинтэссенция профессионального сознания судьи?

Своеобразный краеугольный камень профессионального сознания любого правоприменителя (и в первую очередь – судьи) позволяет определить, понимает ли он существо юридического познания или нет. Если понимает, то для него не возникнет дилеммы – было юридическое событие с вытекающими из него правовыми последствиями или его не было, если, например, по уголовному делу нет необходимого количества и качества допустимых доказательств. В этой

связи имеет смысл развеять два широко распространенных предубеждения: будто юридическое событие существует объективно, вне, так сказать, построения (а также критики и обоснования) версий сторон, а юридическое познание напоминает собой исследование, сходное с естественно-научным. Подобные представления служителя Фемиды свидетельствуют о том, что судья не понимает сути юридического познания: правонарушение или другие юридические события не существуют в юридическом смысле, если знания о них получены с нарушением закона, если они юридически не обоснованы, не выдерживают критики сторон [8, с. 145–146].

Однако если судья невольно отождествляет юридически значимое событие с физическим, т. е. объективным, а юридическое познание путает с естественно-научным, то он будет делать вывод о виновности подсудимого, а также карать или миловать последнего, не замечая, что вместо судейской мантии на нем ряса [1, с. 142].

И в этой связи необходимо уточнить, что среди прочих основных критериев, отделяющих истинного профессионала от профессионального невежды (т. е. тех критериев, которые составляют стержень судейского менталитета) важнейшим представляется понимание судьей сущности права.

Проблема правопонимания, которая на первый взгляд кажется сугубо теоретической, имеющей значение лишь для академической среды, на поверку оказывается первостепенной для юридической практики. Утверждение, сделанное в настоящей статье, согласно которому право представляет собой критерий разграничения правосудия и неправосудного судопроизводства, которое можно отнести к аксиомам, в итоге выводит на проблему понимания сущности права.

Эта проблема носит фундаментальный для правовой науки и юридической практики характер, представляется архисложной, а потому не может быть детально изложена в настоящей статье, ограниченной незначительным объемом. Вместе с тем ее безусловная значимость обязывает изложить авторский подход с тем, чтобы в последующих публикациях провести линию связи между пониманием сущности права и конкретными примерами судебной практики, которые демонстрируют истинность утверждения о прямой связи правопонимания и правосудия.

Сущность права заключается в содержании трех категорий: социальная регуляция, норма права (юридическая норма или юридическое правило поведения) и система. Квинтэссенция сущности права, таким образом, обозначается в виде определения: «Право – это социальный регулятор, представляющий собой систему юридических норм» и раскрывается посредством определения этих трех категорий.

Предложенный подход к пониманию сущности права при детальном раскрытии содержания указанных категорий дает основания для ряда выводов, требующих осмысления и понимания каждым субъектом, причастным к правоприменительной деятельности государства:

1. Право как система правил поведения, имеющих юридическую силу, подчиняется законам действия систем.

2. Любая система порождает эмерджентные свойства, которые присущи лишь самой системе, распространяются на все элементы действующей системы, но лишь при условии нахождения элемента в системе.

3. Норма права (правило поведения, имеющее юридическую силу) – элемент системы, который наделяется эмерджентными свойствами системы.

4. Закон в широком смысле является формой права, а потому не может регулировать общественные отношения, поскольку социальным регулятором (наряду с другими) является право.

5. Судья (как и иной правоприменитель) применяет не закон, а право, т. е. те правила поведения, которые имеют юридическую силу и регулируют конкретный вид общественных отношений. В этой связи устоявшееся выражение «Судья применил закон» с методологической и содержательной стороны является не просто ошибочным, но и социально вредным, поскольку разрешение конкретного дела посредством формы (закона), а не посредством права (системы юридических правил поведения) приводит к формализму.

6. Правосудие предполагает, что, разрешая конкретное дело, судья, используя закон как форму, посредством которой находят внешнюю объективацию юридические правила поведения, обязан применять не «оторванную» от системы правовую норму, а право в целом, поскольку лишь в этом случае конкретные нормы права, регулирующие конкретные фактические отношения, сохраняют в себе эмерджентные свойства системы.

7. Среди элементов, связующих юридические нормы в систему, одно из ведущих мест занимают принципы права, которые наряду с другими элементами связи системы создают условия, при которых возможно осуществление правосудия.

Теоретико-правовой анализ конкретных судебных дел, подтверждающий ряд важных выводов, предложенных в настоящей статье, может послужить иллюстрацией главного тезиса статьи – право должно быть доминирующим фактором в судопроизводстве, однако для этого судья должен понимать его сущность.

Список источников

1. Аверин А. В., Гроза Ю. А. Правосудие и право : монография. 2-е изд., доп. М. : Юрлитинформ, 2020. 440 с.

2. Аверин А. В., Гроза Ю. А. Правосудие и право : монография. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2019. 436 с.

3. Восторгов И. Суд над Иисусом Христом с юридической точки зрения (Речь на публичном акте Елисаветпольской гимназии в 1895 году). М., 1916. Напечатано по изданию: Прот. И. И. Восторгов. Полн. собр. соч. Т. 4: статьи по вопросам миссионерским, педагогическим и публицистическим (1887–1912 гг.).

4. Баренбойм П. 3.000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера. М., 1996. 288 с.

5. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001. 354 с.

6. Аверин А. В. Судебное правоприменение и формирование научно-правового сознания судей: Проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве. Саратов, 2004. 381 с.

7. Аверин А. В. Истина и судебная достоверность (Постановка проблемы). 2-е изд., доп. СПб. : Изд-во Р. Асланова : Юридический центр Пресс, 2007. 466 с.

8. Розин В. М. Генезис права. М., 2001. 207 с.

УДК 347.441.44

Алексеев Александр Юрьевич

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

cskamoskva592@gmail.com

Территориальные споры в международном праве

***Аннотация.** История нашего мира знает много военных конфликтов между государствами. В основном причинами таких конфликтов становятся: споры за территории, самостоятельной идентификацией наций и народностей, и экономический интерес. В этой статье будут раскрыты проблемы спорных территорий на примере и опыте некоторых стран с помощью норм международного права.*

***Ключевые слова:** международный договор, территориальные споры, Россия, Япония, Курилы, Исландия.*

Alekseev Aleksandr Yurievich

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Territorial disputes in international law

***Annotation.** The history of our world is full of military conflicts between states. The main causes of such conflicts are disputes over territories, the self-identification of nations and ethnic groups, and economic interests. This article will explore the issues of disputed territories through the examples and experiences of several countries, using the principles of international law.*

***Keywords:** international treaty, territorial disputes, Russia, Japan, Kuril Islands, Iceland.*

Территориальные споры представляют собой один из наиболее сложных и конфликтных институтов международного права. По определению Л. А. Мучника, территориальный спор — это «юридическое разногласие между государствами относительно принадлежности или режима управления определенной части пространства, влияющее на осуществление суверенных прав». Объектом таких споров является территория как материальная категория, одна-

ко их содержание всегда связано с правовым статусом, историческими основаниями и политическими интересами государств [1].

Современная международная практика демонстрирует, что территориальные споры остаются распространенными: по данным Центра исследований международной безопасности (2023), около 50 государств имеют открытые претензии к соседям, а в Европе идентифицировано 18–20 активных или «замороженных» случаев территориального разногласия. Высокая плотность границ, историческая смена суверенитетов и этнополитические факторы способствуют сохранению таких конфликтов десятилетиями [2].

Международно-правовые нормы, регулирующие территориальные споры

Основу регулирования создают нормы Устава ООН, Декларации о принципах международного права 1970 г., Хельсинкского заключительного акта (ОБСЕ, 1975), Парижской хартии 1990 г., а также Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. [3; 4] (в части морских споров). Статья 33 Устава ООН прямо закрепляет обязанность государств разрешать споры исключительно мирными методами: переговоры, посредничество, примирение, арбитраж, судебное разбирательство, обращение к региональным организациям [5]. Большинство российских и зарубежных исследователей (Колодкин, Лукашук, Шоу, Браунли) подчеркивают, что эта норма имеет императивный характер, а нарушение принципа мирного урегулирования квалифицируется как угроза международному миру и безопасности.

Согласно Декларации 1970 г., государствам запрещается «расчленение территории или нарушение ее единства». Норма поддержана всеми региональными актами ОБСЕ и ООН. Однако в практике возникает проблема сопоставления территориальной целостности и принципа самоопределения народов, что часто лежит в основе длительных конфликтов [3].

В научной доктрине выделяют несколько оснований, которые государства используют как аргументы в спорах:

- историческое право (первоначальная принадлежность, договоры ранних эпох);
- эффективное управление (*effectivités*);
- *uti possidetis juris* – сохранение административных границ при распаде государств;
- правопреемство;
- географические и морские критерии (для делимитации морских пространств).

Международный суд ООН в различных делах (Буркина-Фасо/Мали, Камерун/Нигерия, Никарагуа/Колумбия) последовательно отмечает, что исторические аргументы имеют значение лишь в совокупности с доказательствами реального осуществления власти.

Курильский вопрос представляет собой один из наиболее длительных споров послевоенной эпохи. Он осложнен тем, что стороны опираются на разные правовые основания и трактуют международные документы противоположным образом.

Ключевые документы:

Симодский трактат (1855) – закрепил южную часть Курил за Японией.

Петербургский договор 1875 г. – Япония получила все Курильские острова, Россия – Сахалин.

Портсмутский договор 1905 г. – Южный Сахалин отошел Японии.

Ялтинское соглашение (1945) – предусматривало передачу СССР Курил и Южного Сахалина после вступления в войну с Японией.

Сан-Францисский договор (1951) – Япония отказалась от Курил, однако СССР его не подписал, что создает юридическую неоднозначность [6; 7].

Современная позиция Японии основывается на тезисе, что четыре острова южной гряды не являются частью Курильской дуги (Chishima Retto) и, следовательно, Япония от них не отказывалась. Большинство российских исследователей (Колодкин, Топорнин, Зимненко) считают эту позицию политизированной, указывая на единое историко-географическое понимание Курил в международных документах XIX–XX вв. [9].

По мнению профессора В. Соломона, «правовые аргументы Японии не могут быть признаны убедительными, поскольку отказ от территории произошел в пользу неопределенного субъекта, что допускает применение принципа последующего установления фактического суверенитета».

Российская ситуация соответствует критерию *effectivités*: с 1945 года Россия (и ранее СССР) осуществляет:

- административное управление;
- миграционную политику;
- хозяйственное освоение;
- военную и пограничную деятельность.

Международный суд ООН в аналогичном деле Менкье/Экреос (1953) признал именно эмпирическую эффективность управления ключевым аргументом. Таким образом, российская позиция соответствует устоявшейся судебной практике [8].

Ключевая проблема – разный статус спора: РФ официально не признает наличие территориального спора; Япония считает отсутствие признания препятствием для переговоров.

Согласно доктрине международного права, если одна из сторон отрицает сам факт спора, обращение в Международный суд ООН невозможно, поскольку суд требует согласия обеих сторон (принцип добровольной юрисдикции).

Международные механизмы урегулирования: переговоры, арбитраж, суд ООН

Большинство территориальных конфликтов (около 70 %, по данным UN Peacemaker) завершаются именно двусторонними соглашениями. Преимущество переговоров – возможность политических компромиссов (обмен территориями, совместное пользование, экономические уступки).

Однако исследователи (Мерфи, Слейтер, Трон) отмечают, что эффективность переговоров резко падает при асимметрии политических возможностей,

высоком уровне национальной мобилизации, наличии стратегических ресурсов в спорной зоне.

Арбитраж требует заключения компромисса между сторонами. С точки зрения международного права, это «договор о передаче спора на рассмотрение третьей стороне». Его плюсы – гибкость, минусы – компромиссность решений, необходимость политической воли [11].

Международный суд ООН выносит обязательные решения, основанные на международных договорах, обычаях, общих принципах права, судебной практике.

Важная особенность: суд часто применяет принцип «функционального суверенитета», оценивая не только исторические документы, но и реальное осуществление власти.

Морские территориальные споры: «тресковые войны» и их международно-правовое значение

Противостояние между Исландией и Великобританией (1958–1976) является одним из ключевых примеров формирования современного международного морского права.

В середине XX века нормы о морских границах не были унифицированы. Исландия ссылалась на право прибрежного государства на защиту биоресурсов, Великобритания – на свободу рыбного промысла (старая доктрина *Mare Liberum*).

Конференции ООН по морскому праву 1958 и 1960 гг. не пришли к соглашению о ширине территориальных вод, что создало условия для односторонних действий Исландии.

После угрозы выхода Исландии из НАТО США и альянс фактически поддержали ее позицию. В 1976 г. стороны пришли к соглашению, а уже в 1982 г. Конвенция ООН закрепила 200-мильную исключительную экономическую зону, полностью легализовав исландские требования [10].

Юристы-международники (С. Розенне, А. ван Хоутен) считают тресковые войны ключевым прецедентом, когда обычное право было сформировано в результате односторонней практики, признанной международным сообществом.

На основании сопоставления Курильского спора и тресковых войн можно выделить несколько закономерностей:

Эффективность государственного управления (*effectivités*) остается ключевым критерием в международной судебной практике.

В большинстве споров решающую роль играет политическая воля, а не только юридические аргументы.

Международные суды оказываются эффективны, когда: спорящие стороны признают юрисдикцию суда; нет критически важных ресурсов; отсутствуют угрозы национальной безопасности.

«Замороженные» территориальные споры (как Россия – Япония) сохраняются десятилетиями именно из-за несовместимости политических установок. Морские споры чаще разрешаются, поскольку конвенционное право более разработано, а интересы сторон поддаются количественному измерению.

Список источников

1. Мучник Л. А. Территориальные споры в международном праве. М. : Юридическая литература, 1982.
2. UN Peacemaker. Territorial Disputes Dataset. United Nations, 2023.
3. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений... Рез. 2625 (XXV), 1970.
4. Заключительный акт СБСЕ (Хельсинки), 1975.
5. Устав ООН. Сан-Франциско, 1945.
6. Симодский трактат между Россией и Японией, 1855.
7. Сан-Францисский мирный договор, 1951.
8. Ministry of Foreign Affairs of Japan. Northern Territories Issue.
9. Колосов Ю. М., Кривчикова Э. С. Международное право. М. : Юрист, 2010.
10. Case Concerning Minquiers and Ecrehos (France/UK). ICJ Reports 1953.
11. United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS), 1982.

УДК 343.123.1

Андриянов Евгений Александрович

магистрант, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

n7evgeni@mail.ru

Отдельные вопросы законодательства в сфере взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания

***Аннотация:** В данной статье рассматриваются проблемные вопросы взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания предлагаются способы решения указанных проблем путем внесения изменений в законодательство Российской Федерации, а именно в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации*

***Ключевые слова:** органы предварительного следствия, органы дознания, взаимодействие, проблемные вопросы взаимодействия, законодательство в сфере взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания.*

Andriyanov Evgeni Aleksandrovich

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Specific Legislative Issues Regarding the Interaction Between Preliminary Investigative Bodies and Preliminary Inquiry Bodies

***Annotation.** This article examines problematic issues in the interaction between preliminarily investigative bodies and preliminarily inquiring bodies. It proposes ways to address*

these issues by amending Russian legislation, specifically the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: *preliminarily investigative bodies, preliminarily inquiring bodies, interaction, problematic issues in interaction, legislation regarding the interaction between preliminarily investigative bodies and preliminarily inquiring bodies.*

На сегодняшний день особенно наглядно обострилась проблема взаимодействия следователей с оперативными аппаратами. Оно по-прежнему характеризуется в основном эпизодическими совместными действиями в решении отдельных задач, в то время как реалии состояния современной преступности диктуют необходимость организации взаимодействия в форме постоянной согласованной деятельности, характеризующейся инициативным отношением и следователей, и оперативных работников к выполнению возложенных на них обязанностей.

Так, в ходе изучения механизма взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания выявляются некоторые проблемы, которые требуют разрешения для оптимизации процесса такого взаимодействия.

Так, анализ современной правоприменительной практики позволяет констатировать наличие системных проблем в реализации института поручений следователя органу дознания в соответствии со статьей 38 УПК РФ [2].

С одной стороны, наблюдается существенный формализм в составлении поручений, которые зачастую не содержат конкретного перечня мероприятий, подлежащих выполнению оперативными сотрудниками. Это закономерно приводит к получению столь же формальных ответов с указанием на невозможность выполнения требуемых действий.

С другой стороны, фиксируются системные нарушения со стороны оперативных подразделений, выражающиеся в несоблюдении установленных сроков исполнения поручений и предоставлении недостаточно обоснованных ответов.

В публикациях, в связи с этим высказывается обоснованное предложение о необходимости законодательной регламентации порядка направления и исполнения поручений через введение отдельной статьи в УПК РФ [1]. Однако представляется, что более эффективным путем совершенствования данного института была бы детализация положений части 2 статьи 38 УПК РФ, в которой необходимо определить:

- четкие обязательные реквизиты письменного поручения;
- конкретные требования по его содержанию;
- конкретные сроки исполнения;
- порядок продления этих сроков;
- последствия неисполнения поручений.

Такой подход позволил бы сохранить системность уголовно-процессуального регулирования, одновременно повысив эффективность взаимодействия между следственными и оперативными подразделениями.

С учетом изложенного предлагаем изложить часть 2 статьи 38 УПК РФ в следующей редакции:

«2. Следователь уполномочен:

1) возбуждать уголовное дело в порядке, установленном настоящим Кодексом;

2) принимать уголовное дело к своему производству или передавать его руководителю следственного органа для направления по подследственности;

3) самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с настоящим Кодексом требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа;

4) давать органу дознания в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении;

4.1) давать следователю, дознавателю или органу дознания в порядке, предусмотренном статьей 189.1 настоящего Кодекса, обязательное для исполнения письменное поручение об организации участия в следственном действии лица, участие которого в данном следственном действии признано необходимым;

4.2) *устанавливать в письменном поручении срок его исполнения, который не должен превышать 10 суток, за исключением случаев, когда характер поручения требует более продолжительного времени для его выполнения;*

4.3) *по истечении установленного срока исполнения поручения истребовать от органа дознания письменный отчет о результатах исполнения поручения либо мотивированное уведомление о причинах его неисполнения;*

5) обжаловать с согласия руководителя следственного органа в порядке, установленном частью четвертой статьи 221 настоящего Кодекса, решение прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков;

6) осуществлять иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом».

Список источников

1. Варлачева А. В., Парнюк Н. В. Взаимодействие следователя и органа дознания в Уголовно-процессуальном кодексе РФ: состояние и перспективы развития // Полицейская деятельность. 2025. № 4. С. 12–24. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73237 (дата обращения: 01.09.2025).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) : принят

Государственной Думой 22 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.09.2025).

УДК 347.63

Барашков Егор Александрович

магистрант, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

egorbarashkov06@gmail.com

Законодательное регулирование личных неимущественных прав детей: от истоков к современности

***Аннотация.** В статье проводится историко-правовой анализ формирования и развития законодательства о личных неимущественных правах ребенка в России. Автор исследует эволюцию правового статуса ребенка от объекта родительской власти до субъекта права, обладающего автономией личности. Обозначены основные российские нормативные правовые акты, действующие в современное время. В результате работы выделяются некоторые проблемы правоприменения и предлагаются направления для совершенствования правового механизма защиты личных неимущественных прав несовершеннолетних. Делается вывод о переходе от патерналистской модели к балансу интересов ребенка, родителей и государства.*

***Ключевые слова:** Личные неимущественные права ребенка, правовой статус несовершеннолетнего, наилучшие интересы ребенка, право на идентичность, право на общение с родителями, семейное право, история права.*

Barashkov Egor Aleksandrovich

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Legislative regulation of personal non-property rights of children: from origins to the present

***Annotation.** The article provides a historical and legal analysis of the formation and development of legislation on the personal non-property rights of the child in Russia. The author explores the evolution of a child's legal status from an object of parental authority to a legal entity with personal autonomy. The main Russian regulatory legal acts in force in modern times are outlined. As a result of the work, some problems of law enforcement are highlighted and directions are proposed for improving the legal mechanism for protecting the personal non-property rights of minors. The conclusion is made about the transition from a paternalistic model to a balance of interests of the child, parents and the state.*

***Keywords:** Personal non-property rights of the child, the legal status of a minor, the best interests of the child, the right to identity, the right to communicate with parents, family law, legal history.*

Как известно, правовое положение детей в социуме является индикатором уровня развития правовой системы и гуманизации общественных отношений. Законодательное регулирование личных неимущественных прав детей – комплексного института, включающего право на имя, семейное воспитание, общение с родителями и родственниками, защиту частной жизни, выражение мнения [1], – прошло сложный и нелинейный путь от полного подчинения родительской власти к признанию ребенка самостоятельным носителем субъективных прав. Обозначим ретроспективный анализ этой эволюции, а также оценку современного состояния законодательства с точки зрения его эффективности и системности.

Истоки правового регулирования статуса ребенка в российской традиции лежат в Древней Руси, когда дети являлись «собственностью» своих родителей. Родители не имели право распоряжаться непосредственно правом ребенка на жизнь, однако в голодные времена детей убивали и использовали в качестве пищи [11]. При этом процветала эксплуатация детского труда. В литературе справедливо отмечают, что правовое положение детей в дохристианский период было бесправным [12]. Российское дореволюционное право, опиравшееся на византийские каноны и соборное уложение, исходило из принципа родительского властвования. Родительская власть была преимущественно санкционирующим институтом, а права ребенка в современном понимании отсутствовали. Законодательство защищало скорее интересы семьи как корпорации, нежели личность несовершеннолетнего.

После принятия христианства на Руси статус несовершеннолетнего меняется в силу развития государственности. Церковь берет жизнь детей под свою защиту, закрепляются элементы охраны их личных и имущественных прав в «Русской правде». В ней уделяется внимание имущественным правам как детей вообще, так и «детей малых», т. е. неспособных самостоятельно заботиться о себе. Говоря о праве на жизнь, то в голодные годы и церковь была бессильной перед продажей родителями своих детей приезжему гостю, были случаи, когда отдавали ребенка и даром. В таких случаях на мать накладывалось церковное наказание – епитимья: «Аще ли не имея (т. е. средств) продаст», то 6 лет подобного рода наказания [4].

Необходимость в защите и сохранении детей возникла немногим позже. С принятием в 1649 году Соборного уложения дети стали охранять домашний очаг, потому что именно он являлся источником жизни. За убийство ребенка родителей приговаривали к тюремному заключению и церковному покаянию (ст. 3 Глава XXII) [5]. При этом дети подвергались смертной казни за убийство своих родителей, при этом дети не могли жаловаться на родителей. В Уложении от 1648 года за жалобы на родителей детям следовало наказание «бить их кнутом нещадно» (ст. 5 Глава XXII).

Рассмотренный период позволяет сделать вывод, что ребенок рассматривался как объект правоотношений, а не как субъект. Родительская власть была абсолютной и неделимой, присутствовал характер частной власти отца в семье.

Вышеуказанные устои в отношении несовершеннолетних сохранялись вплоть до периода начала царствования Петра I. Отмечается, что именно со времен Петра I происходит постепенное признание за детьми определенных личных прав [10]. К примеру, исходя из ч. 10 главы 6 второй части Краткого изображения процессов и судебных тяжб 1715 г. [6] были запрещены пытки в отношении детей, или, родители уже были не вправе насильно венчать или отдавать в монастырь своих детей, ибо «хотя чада воли родительской подлежат, но не как скоты бессловесные, в том наипаче, что требует самих их рассуждения и воли, яковое есть избрание жития» (п. 9, гл. О монахах). Петровскую политику продолжила Екатерина II, укрепляя положения о любви детей к родителям.

Важность деления прав ребенка на личные и имущественные стала пониматься при царствовании Николая I. Родительской власти в Своде законов Российской империи 1835 г. [7] была посвящена целая глава, включающая два отделения: «О власти родительской в личных отношениях» и «О власти родительской по имуществу». Интересно, что в научной доктрине отсутствует единое мнение относительно того, принадлежала родительская власть в равной степени обоим родителям либо приоритет отдавался отцу [10].

Таким образом, смена устоев общинного строя церковной моралью, и, в последующем правовым регулированием, правовой статус ребенка претерпел изменения, приобретая с течением времени новые обязанности и права.

С приходом советской власти ликвидируется понятие «личная родительская власть», находит свое воплощение идея «замены семейного воспитания ребенка общественным», провозглашается свобода разводов, что отразилось на правах детей, хоть и косвенно.

Советское семейное право 1920-х гг., с одной стороны, декларировало радикальный разрыв с патриархальной традицией, провозглашая равноправие супругов и освобождение детей от «буржуазной» власти родителей. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР 1918 г. [8] делал акцент на защите ребенка государством, особенно в условиях массовой безнадзорности. Однако в дальнейшем произошло своеобразное «огосударствление» детства. Ребенок стал рассматриваться прежде всего как будущий гражданин, «строитель коммунизма», чье воспитание является задачей не только семьи, но и всего общества под контролем государства. Личные неимущественные права формулировались фрагментарно: право на воспитание (фактически – обязанность родителей воспитывать), право на имя. Ключевым гарантом выступало государство, обладавшее широкими полномочиями по изъятию ребенка из семьи при «ненадлежащем воспитании» (ст. 64 КоБС РСФСР 1969 г.) [9].

Тем не менее, именно в советский период была заложена важная нормативная база социальной поддержки материнства и детства, а в доктрине началось осмысление интереса ребенка как самостоятельной категории, хотя и подчиненной интересам государства.

Трансформация отечественного права наиболее полно воплотилась в Семейном кодексе Российской Федерации [1], который стал основным ключевым актом в регулировании личных неимущественных прав ребенка. Законодатель детализировал такие личные неимущественные права несовершеннолетних как:

- право жить и воспитываться в семье (ст. 54 СК РФ), что предполагает приоритет семейного воспитания;
- право на общение с родителями и другими родственниками (ст. 55 СК РФ), имеющее абсолютный характер даже в ситуациях развода или конфликта;
- право на защиту своих прав и законных интересов (ст. 56 СК РФ), включая самостоятельное обращение в органы опеки, а по достижении 14 лет – в суд;
- право выражать свое мнение (ст. 57 СК РФ) при решении любого вопроса, затрагивающего его интересы (в административных и судебных разбирательствах с 10 лет мнение ребенка является обязательным для учета);
- право на имя, отчество и фамилию (ст. 58–59 СК РФ).

Кроме того, развитие личных неимущественных прав ребенка получило и в иных отраслях законодательства. К примеру, основные гарантии прав и законных интересов ребенка, предусмотренных конституционными нормами, урегулированы в Федеральном законе от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [2], право на цифровую автономию закреплено в Федеральном законе от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [3] и т. д.

Несмотря на комплексность законодательного регулирования в рассматриваемой сфере, существует ряд проблемных аспектов. Во-первых, на практике нередко возникает конфликт между правом ребенка на общение с отдельно проживающим родителем и правом другого родителя определять место жительства ребенка. Суды и органы опеки не всегда находят баланс, а механизм обеспечения исполнения судебных решений об определении порядка общения остается слабым. Во-вторых, вопросы возникают в вопросах защиты приватности в цифровую эпоху. Законодательство не успевает за вызовами, связанными с распространением персональных данных детей в Интернете (так называемый шейринг родителей), кибербуллингом, формированием цифрового профиля ребенка. В-третьих, требуется дальнейшая конкретизация гарантий личного благополучия и реализации прав детей с ограниченными возможностями здоровья и детей, оставшихся без попечения родителей.

Таким образом, эволюция законодательного регулирования личных неимущественных прав детей демонстрирует магистральный переход от патриархальной и этатистской модели к модели, основанной на правах человека и концепции «наилучших интересов ребенка». Современное российское право в целом соответствует международным стандартам, создав комплексный нормативный каркас. Однако правовые декларации нуждаются в совершенствовании механизмов их реализации. Представляется, что для этого необходимо совершен-

ствование действующих законодательных норм в рассматриваемой сфере, внедрение восстановительных технологий (медиации) для разрешения внутрисемейных споров, а также повышение правовой культуры родителей и специалистов, работающих с детьми. Только системный подход, сочетающий совершенствование норм, процедур и правосознания, позволит обеспечить действительную реализацию личных неимущественных прав несовершеннолетних.

Список источников

1. Семейный кодекс Российской Федерации (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) : принят Государственной Думой 8 декабря 1995 года. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 18.12.2025).
2. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 04.11.2025). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 18.12.2025).
3. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 30.11.2024). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 18.12.2025).
4. Русская правда. Краткая редакция / пер. Б. Б. Кафенгауза. URL: <https://library.ksu.edu.ru/> (дата обращения: 12.11.2025).
5. Соборное уложение 1649 года. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/sobornoe-ulozhenie-1649-goda/ (дата обращения: 14.11.2025).
6. Краткое изображение процессов или судебных тяжб, март 1715 г. URL: <https://constitutions.ru/> (дата обращения: 17.11.2024).
7. Свод законов Российской империи : манифест Николая I о введении в действие с 1 (13) января 1835 г. URL: <https://www.prilib.ru/> (дата обращения: 17.11.2025).
8. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве : принят ВЦИК 16.09.1918 (вместе с «Инструкцией об освидетельствовании душевно-больных»). URL: <http://constitution.garant.ru/> (дата обращения: 02.12.2025).
9. Кодекс о браке и семье РСФСР : утв. Верховным Советом РСФСР от 30.07.1969. URL: <http://constitution.garant.ru/> (дата обращения: 07.12.2025).
10. Геворгян М. А. Историко-правовые аспекты гражданско-правового и семейно-правового регулирования нематериальных благ ребенка в России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-pravovye-aspekty-grazhdansko-pravovogo-i-semeyno-pravovogo-regulirovaniya-nematerialnyh-blag-rebenka-v-rossii> (дата обращения: 17.11.2025).
11. Тимирбаева М. М. История развития прав несовершеннолетних. URL: scienceforum.ru/2022/article/2018030097?ysclid=lzcg03md8v819625515 (дата обращения: 03.11.2025).
12. Толстой В. С., Сумской Д. А. Ювенальное право : учеб. пособие. URL: <https://ibooks.ru/bookshelf/350750/reading> (дата обращения: 05.11.2025).

Белова Дарья Ивановна

магистрант, Владивостокский государственный университет

г. Владивосток, Российская Федерация

belovadaria03@mail.ru

Верещагина Алла Васильевна

доцент, кандидат юридических наук

Владивостокский государственный университет

г. Владивосток, Российская Федерация

vereschagina_alla@mail.ru

**Эволюция и некоторые аспекты современного состояния
института приостановления производства по уголовному делу
в России**

***Аннотация.** Проведен историко-правовой анализ института приостановления производства по уголовному делу. Выявлены проблемы правового регулирования: неопределенность оснований, отсутствие временных рамок, ведущее к «бессрочному» приостановлению, использование института для искусственного продления сроков следствия. Предложены меры по совершенствованию законодательства.*

***Ключевые слова:** уголовно-процессуальное право, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, разумный срок судопроизводства, предварительное расследование, приостановление производства по уголовному делу.*

Belova Darya Ivanovna

undergraduate, Vladivostok State University

Vladivostok, Russian Federation

Vereshchagina Alla Vasilyevna

Associate Professor, Candidate of Law Sciences

Vladivostok State University

Vladivostok, Russian Federation

**Evolution and some aspects of the current state of the institution
of suspension of criminal proceedings in Russia**

***Annotation.** The historical and legal analysis of the institution of suspension of criminal proceedings from early legal monuments through the Statute of Criminal Procedure of 1864 to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation 2001 is carried out. The problems of legal regulation have been identified: the uncertainty of the grounds, the lack of a time frame leading to an “indefinite” suspension, the use of the institute to artificially prolong the investigation period. Measures to improve legislation are proposed.*

***Keywords:** suspension of criminal proceedings, criminal procedure law, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, reasonable time for judicial proceedings, preliminary investigation.*

Актуальность исследования института приостановления производства по уголовному делу обусловлена имеющимися пробелами и противоречиями в УПК РФ, что приводит к нарушениям процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдению принципа разумных сроков и злоупотреблениям в правоприменении. Целью работы является формулирование предложений по совершенствованию законодательства на основе историко-правового анализа и изучения зарубежного опыта.

Генезис института приостановления производства по уголовному делу уходит корнями в древнерусское право. Функциональные аналоги временного отложения правоприменения прослеживаются уже в Пространной редакции Русской Правды (XII–XV вв.), где закреплялась процедура коллективной выплаты «дикий виры» в отсутствие установленного виновного и обязанность истца ждать окончания «свода», что представляло собой форму процессуальной отсрочки в интересах установления истины [6].

Дальнейшее развитие идеи процессуальной отсрочки наблюдается в Соборном уложении 1649 года, которое заложило ключевые элементы будущего института. В нем нормативно фиксировались отсрочки по болезни, старости или службе участника процесса, а также в связи с его неявкой, что уже близко к современному пониманию оснований для приостановления процессуальной активности [7].

Анализ нормативных положений более позднего периода позволяет выявить последовательную эволюцию института в российском законодательстве. Истоки его современного оформления содержатся в разрозненных нормах Устава уголовного судопроизводства 1864 года [13]. Далее, в УПК РСФСР 1922 года законодатель заложил первоначальные основы для дальнейшего перехода от разрозненных нормативных предписаний к структурированным положениям [10]. Окончательное же оформление в самостоятельный правовой институт с четкой терминологией произошло с принятием УПК РСФСР 1960 года [11].

Современное регулирование, закрепленное в главе 28 УПК РФ 2001 года, включает основания и порядок приостановления [12]. Однако в нем сохраняются пробелы и противоречия, негативно влияющие на правоприменение. К ним относятся терминологическая неоднозначность, выраженная в использовании различных формулировок в тексте УПК РФ, и лингвистическая неточность названия главы, создающая ложное представление о неприменимости института к дознанию [3].

В качестве примера терминологического разнобоя также можно привести различное описание одного и того же основания приостановления в разных стадиях процесса: в ст. 208 УПК РФ (стадия предварительного расследования) основание звучит как «временное тяжелое заболевание подозреваемого или обвиняемого, удостоверенное медицинским заключением, препятствует его участию в следственных и иных процессуальных действиях» (п. 4 ч. 1), в то время как в ст. 253 УПК РФ (судебное разбирательство) речь идет о «психическом расстройстве или иной тяжелой болезни, исключающей возможность явки подсудимого» (ч. 3). Подобная несогласованность создает неопределенность в по-

нимании критериев «тяжести» заболевания и приводить к не единообразному применению норм.

Кроме того, формулировки закона, такие как «иные причины» неустановления места нахождения обвиняемого (п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) или отсутствия «реальной возможности» его участия (п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), допускают расширительное толкование оснований для приостановления, открывая возможности для субъективного усмотрения следователя.

Эти недостатки порождают ряд проблем в правоприменительной практике. Наиболее острой является коллизия института приостановления с принципом разумных сроков судопроизводства, закрепленного в ст. 6.1. УПК РФ. Отсутствие временных рамок ведет к «бессрочному» нахождению дел в приостановленном состоянии, что парализует правосудие и нарушает права участников процесса. Институт нередко используется как инструмент для искусственного продления сроков предварительного расследования путем многократного необоснованного приостановления и возобновления дела, что противоречит позиции Конституционного Суда РФ [4].

Недостаточность судебного контроля усугубляет проблему. Так, суды при рассмотрении жалоб чаще всего ограничиваются проверкой формальной законности постановлений о приостановлении производства по уголовному делу (например, о розыске или приостановлении следствия по п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), не оценивая добросовестность и эффективность действий следователя. Например, в апелляционном производстве по делу № 22-1902/2025, такая практика игнорирует реальную обоснованность принятых мер и создает условия для злоупотреблений [2].

Вместе с тем намечается позитивная тенденция. Так, апелляционный суд по делу № 22-1733/2025 отменил незаконный отказ в принятии жалобы потерпевшего, подчеркнув, что неоднократные постановления о приостановлении следствия напрямую затрагивают его права и право на разбирательство в разумный срок [1].

Практика Европейского Суда по правам человека, подтверждает наличие выявленных проблем. ЕСПЧ указывает на недопустимость сохранения состояния неопределенности в судьбе обвиняемого на длительный период и возлагает ответственность за затягивание производства на государство в лице его органов [5].

Для преодоления выявленных недостатков предлагаются следующие направления совершенствования законодательства:

1) введение обязанности проведения периодической проверки состояния производства по приостановленным делам (прежде всего в связи с розыском или неустановлением лица) не реже одного раза в шесть месяцев по модели, близкой к УПК Азербайджана [8, ч. 2 ст. 277.5];

2) расширение судебного контроля через предоставление потерпевшему права на обжалование постановления в упрощенном порядке напрямую в суд, аналогично нормам УПК Армении [9, ч. 1 ст. 258 и ч. 1 ст. 290]; продление срока при восстановлении приостановленного производства должно быть возможным только по решению суда. Важным шагом также является упорядочение терминологии УПК РФ для обеспечения единообразного понимания и применения норм.

Таким образом, несмотря на длительность существования в российском уголовно-процессуальном законодательстве института приостановления производства по уголовному делу, требуется его дальнейшая оптимизация. Устранение терминологических противоречий, установление временных пределов и усиление процессуальных гарантий, включая судебный контроль и проверочные механизмы, позволят минимизировать злоупотребления и обеспечить реализацию принципов законности и разумности сроков уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Апелляционное постановление № 22-1733/2025 от 21 апреля 2025 г. по делу № 3/10-45/25. URL:<https://sudact.ru/regular/doc/cI7niYPCMwrC/> (дата обращения: 18.12.2025).
2. Апелляционное постановление № 22-1902/2025 от 23 апреля 2025 г. по делу № 3/10-11/25. URL:<https://sudact.ru/regular/doc/dg8Co8x52td8/> (дата обращения: 18.12.2025).
3. Михайлова Т. Н. Приостановление производства по уголовному делу: понятие, признаки и основания. URL:<https://elibrary.ru/item.asp?id=82553060> (дата обращения: 21.09.2025).
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фирулева Александра Андреевича на нарушение его конституционных прав частью шестой статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 19.10.2010 № 1412-О-О. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19102010-n-1412-o-o-ob/> (дата обращения: 11.11.2025).
5. Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам, связанным с запретом использовать в судебном разбирательстве доказательства, полученные вследствие пыток, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74513876/> (дата обращения: 07.11.2025).
6. Русская Правда // Библиотека литературы Древней Руси : в 14 т. Т. 4. СПб. : Наука, 1997. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/14 (дата обращения: 08.12.2025).
7. Соборное уложение 1649 года. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/sobornoe-ulozhenie-1649-goda/ (дата обращения: 10.12.2025).
8. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ (ред. от 13.06.2025). URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=11597 (дата обращения: 15.12.2025).
9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 27 июля 2021 г. № ЗР-306 (ред. от 04.07.2025). URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=143021 (дата обращения: 15.12.2025).
10. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 25 мая 1922 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757376> (дата обращения: 17.09.2025).
11. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9037819> (дата обращения: 17.09.2025).

12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 28.10.2025).

13. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 15.09.2025).

УДК 342.553

Богачева Екатерина Александровна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

katya.bogacheva.44@mail.ru

**Правовой анализ Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ
«Об общих принципах организации местного самоуправления
в единой системе публичной власти»**

***Аннотация.** Статья посвящена принятому 5 марта 2025 года Государственной Думой новому закону, регулиющему осуществление местного самоуправления в Российской Федерации – Федеральному закону от 20.03.2025 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». В принятом законе содержатся положения, которые отличаются от содержащихся в прежнем Федеральном законе от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В статье отмечаются положительные изменения нового законодательного регулирования местного самоуправления, а также выявлены некоторые отрицательные тенденции нового закона.*

***Ключевые слова:** государство, местное самоуправление, муниципальное образование, органы местного самоуправления.*

Bogacheva Ekaterina Aleksandrovna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Legal analysis of Federal Law № 33-FZ dated 03/20/2025 “On the general principles of the organization of local self-government in the unified system of public authority”

***Annotation.** The article is devoted to the new law adopted by the State Duma on March 5, 2025, regulating the implementation of local self-government in the Russian Federation – the Federal Law of 03/20/2025 “On the general principles of the organization of local self-government in the unified system of public Authority.” The adopted law contains provisions that differ from those contained in the previous Federal Law of October 6, 2003, No. 131-FZ “On the General Principles of Organizing Local Self-Government in the Russian Federation.” The article highlights the positive changes in the new legislative regulation of local self-government, as well as some negative trends in the new law.*

***Keywords:** the state, local government, municipal entity, and local government bodies.*

5 марта 2025 года Государственной Думой был принят Федеральный закон от 20.03.2025 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – 33-ФЗ, новый закон) [4]. Данный федеральный закон вносит некоторые изменения в осуществление местного самоуправления. Часть из них является незначительной (например, изменение некоторых формулировок), а другая – более существенной (к примеру, сокращение видов муниципальных образований).

В целом, положения 33-ФЗ позволяют выделить некоторые тенденции, заложенные в новом законе, основная из них – расширение влияния государственной власти на местное самоуправление. Данный вывод вытекает из названия самого закона и его глав, а также из некоторых положений, в частности главы 4 и главы 10 33-ФЗ. Новый закон значительно сокращает количество видов муниципальных образований, а также приравнивает их по статусу в вопросах непосредственного жизнеобеспечения населения и наделения отдельными государственными полномочиями. Если в Федеральном законе от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – 131-ФЗ, старый закон) [5] решение данных вопросов зависело от вида муниципального образования, то 33-ФЗ не проводит такого разделения; некоторые статьи были упорядочены (например, появилась статья 42, устанавливающая перечень форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в его осуществлении. В 131-ФЗ не существовало подобной статьи с перечислением, а формы не были прямо дифференцированы законодателем).

Указанные тенденции оказали как положительное, так и отрицательное влияние на содержание принятого закона. Рассмотрим их более подробно и сравним при этом с аналогичными положениями 131-ФЗ. Среди удачных нововведений, прежде всего, выделяется упорядочивание некоторых норм, а также указание в соответствующих статьях дефиниций, что позволяет избежать неправильного толкования используемых в законе терминов. Добавление дефиниций в 33-ФЗ обеспечивает закрепление законодательного разъяснения приведенных понятий. Это способствует упорядочиванию правовых предписаний, поскольку исключает различное толкование одного и того же термина. Примерами введенных дефиниций являются определение муниципального образования (ч. 1 ст. 9), органов местного самоуправления (ч. 1 ст. 13), должностного лица местного самоуправления (ч. 1 ст. 25).

Следующим положительным моментом нового закона является упорядочение некоторых правовых норм. Оно проявляется в двух формах: структурное упорядочивание и упрощение норм, формулировок.

Структурное упорядочивание проявляется как в статьях, аналоги которых имелись в 131-ФЗ, так и в тех, которые были введены впервые. К первому случаю относится, например, ч. 1 ст. 52 33-ФЗ, в которой, в целом, не изменился перечень муниципальных правовых актов по сравнению с ч. 1 ст. 43 131-ФЗ, но такие правовые акты, как принимаемые главой муниципального образования, местной администрацией, иными органами местного самоуправления и должностными лицами местного самоуправления, ранее содержащиеся в одном

пункте, были разделены на три отдельных пункта. Ко второму случаю, к примеру, относится введение ст. 42, в которой новый закон закрепляет формы осуществления гражданами местного самоуправления, разделяющиеся на формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и формы участия населения в осуществлении местного самоуправления. Ранее отдельная статья отсутствовала, а формы можно было выделить только из названия статей соответствующей главы 131-ФЗ, а также они не были законодательно разделены на виды.

Некое упрощение норм, формулировок в новом законе связано с сокращением видов муниципальных образований, а также приравнивания их друг к другу во многих вопросах. Подобное изменение можно увидеть уже в ч. 1 ст. 12 33-ФЗ по сравнению с ч. 1 ст. 13 131-ФЗ. В новом законе предусматриваются три вида преобразования муниципальных образований: объединение, разделение, изменение вида муниципального образования. В 131-ФЗ также в качестве видов закреплялись объединение и разделение муниципальных образований. Еще одним предусмотренным в законе видом является изменение одного статуса муниципального образования в связи с наделением его другим статусом, однако здесь же были указания на различные виды муниципальных образований (например, изменение статуса сельского поселения в связи с наделением его статусом городского поселения), что нагромождало статью. Также были исключены такие виды, как присоединение и выделение.

Особо необходимо отметить включение в новый закон статей, касающихся должностных лиц местного самоуправления. 131-ФЗ не предусматривал отдельной статьи с подобными положениями, их можно было только вывести из соответствующих статей. Например, о том, что глава муниципального образования является должностным лицом можно было узнать из ч. 1 ст. 36 131-ФЗ и других статей, но не из отдельной, общей статьи. В 33-ФЗ, в свою очередь, это следует из общей ст. 25, где в ч. 2 глава муниципального образования включается в перечень лиц, замещающих муниципальные должности. Помимо их перечисления, в новый закон добавлено также определение должностных лиц местного самоуправления, к которым закон относит не только лиц, замещающих муниципальную должность, но и лиц, заключивших контракт (трудовой договор). Далее новый закон закрепляет статус лиц, замещающих муниципальные должности, их ограничения и ответственность. Хотя ответственность в той или иной мере закреплялась и в 131-ФЗ, в 33-ФЗ она выглядит более упорядоченной. Некоторые виды ответственности, закрепленные ранее в главе 10, были перенесены в другие главы. Например, ст. 74.1 131-ФЗ, которая регламентирует удаление главы муниципального образования в отставку, в новом законе закреплена в главе 3 (организационные основы местного самоуправления) в ч. 3 ст. 21.

Несмотря на отмеченные положительные изменения нового закона, можно также отметить и отрицательные моменты. Так, в новом законе, в первую очередь, отмечается усиление влияния государственной власти на местное самоуправление. Это может негативно сказаться на самостоятельности местного самоуправления, так как самостоятельность означает независимость местного самоуправления (в пределах своих полномочий), что закрепляется и в ч. 1 ст. 4

33-ФЗ. В целом, даже исходя из изменения названия нового закона и его глав, можно заметить, как органы государственной власти приобретают большее значение в деятельности муниципалитетов. В наименовании нового закона уже подчеркивается вхождение местного самоуправления в единую систему публичной власти, в которую входят органы государственной власти и органы местного самоуправления. В главах также подтверждается данное наблюдение, о чем свидетельствует, в частности, глава 4 нового закона.

Усиление влияния государства можно разделить на два направления: расширение осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий и увеличение роли государственной власти в формировании органов местного самоуправления. В первом случае речь идет о расширении возможности муниципалитетов осуществлять отдельные государственные полномочия. Это проявляется в следующем: более не существует ограничений для передачи полномочий определенным видам муниципальных образований. Часть 3 ст. 19 131-ФЗ предусматривала возможность передачи таких полномочий только муниципальным районам, муниципальным и городским округам. В 33-ФЗ правовой статус муниципальных образований в целом приравнивается, поэтому и в данном случае разграничение по видам не проводится; новый закон предусматривает возможность осуществления органами местного самоуправления не переданных им государственных полномочий (ст. 36). Однако стоит отметить, что подобное решение осуществляется муниципальным образованием добровольно, является его правом, а не обязанностью (ч. 3 ст. 36); в целом сюда можно отнести и возможность органов местного самоуправления осуществлять полномочия, не отнесенные к их собственным полномочиям (ст. 37). Но стоит отметить, что данная статья в меньшей мере касается решения государственных вопросов. Скорее, они соприкасаются косвенно (например, п. 1, п. 17 ч. 2 ст. 37).

Однако необходимо отметить и положительную сторону данных нововведений. Она проявляется в том, что часть вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (вопросы местного значения в 131-ФЗ) может быть перераспределена для осуществления их государственной властью субъекта РФ. Данная возможность может положительно сказаться на некоторых муниципальных образованиях, имеющих дефицитный бюджет [3, с. 4]. Из-за нехватки средств они могут некачественно исполнять или вовсе не исполнять некоторые свои полномочия. Часть 2 ст. 32 предусматривает возможность перераспределения важнейших полномочий (например, п. 1 ч. 2 ст. 32, п. 7 ч. 2 ст. 32). Однако здесь уже может возникнуть проблема с бюджетом субъекта РФ. Наиболее логичным представляется использование данной возможности в субъектах, имеющих профицитный бюджет [2, с. 2], но направление реализации данного положения на практике пока остается неизвестным.

Второй аспект данного явления – увеличение роли государственной власти в формировании органов местного самоуправления. Подобное изменение содержится в главе 10 в ст. 88. Положение ч. 2 данной статьи прямо предусматривает избрание главы муниципального образования того муниципалитета, в который входит столица субъекта РФ, из числа кандидатов, представляемых

высшим должностным лицом субъекта РФ. Причем избирается именно представительным органом муниципалитета. По 131-ФЗ не было никаких ограничений для муниципалитетов, включающих столицы субъекта РФ, а также не предусматривалось участие высшего должностного лица субъекта РФ в данной процедуре (п. 1 ч. 2 ст. 36 131-ФЗ). Рассматриваемое положение четко демонстрирует усиление влияния государственной власти на осуществление местного самоуправления.

Следующим отрицательным изменением является исключение многих форм непосредственной демократии из нового закона. В 33-ФЗ не предусматриваются: голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования (ст. 24 131-ФЗ); правотворческая инициатива граждан (ст. 26 131-ФЗ); конференция граждан (ст. 30 131-ФЗ); обращение граждан в органы местного самоуправления (ст. 32 131-ФЗ). Однако в ч. 3 ст. 42 указывается право граждан участвовать в осуществлении местного самоуправления в иных формах, не противоречащих Конституции [1] и законодательству РФ, законодательству субъектов РФ, поэтому исключенные формы в теории могут осуществляться в соответствии с этим положением.

Одно из наиболее существенных изменений в новом законе – сокращение видов муниципальных образований и почти полное приравнивание их по правовому статусу. Нельзя однозначно отнести данное положение к положительным или отрицательным нововведениям. Плюсы указанного изменения: упрощение формулировок в статьях; возможность каждого вида муниципального образования осуществлять отдельные государственные полномочия; упорядочивание местного самоуправления за счет приравнивания статусов видов муниципальных образований. Минусы данного нововведения: формальное сокращение многообразия осуществления местного самоуправления; вопрос с дефицитным бюджетом [3, с. 4] некоторых муниципальных образований не решен, так как в состав, например, муниципального округа все также может продолжаться входить один или несколько сельских населенных пунктов, которые по 131-ФЗ могли иметь статус сельского поселения, бюджет которых является дефицитным.

Если подвести итог, то нужно сказать, что нельзя дать однозначную оценку 33-ФЗ. Изменения в нем в дальнейшем могут привести как к положительным, так и к отрицательным последствиям. По нашему мнению, данный закон, в целом, улучшает порядок осуществления местного самоуправления в РФ по сравнению с 131-ФЗ, так как последний давно нуждался в упорядочивании и устранении коллизий. Однако окончательные выводы можно будет сделать только после начала действия всех положений 33-ФЗ по прошествии нескольких лет применения их на практике.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 09.11.2025).

2. Петрова Л. Н. Бюджетный процесс, дефицит и профицит государственного бюджета. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/byudzhethnyy-protsess-defitsit-i-profitsit-gosudarstvennogo-byudzheta> (дата обращения: 10.11.2025).

3. Подсёвалова Е. Н., Митюрникова Л. А. К вопросу о природе бюджетного дефицита. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-prirode-byudzhethnogo-defitsita> (дата обращения: 10.11.2025).

4. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.11.2025).

5. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. от 20.03.2025). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.11.2025).

УДК 343.4

Богачева Екатерина Александровна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

katya.bogacheva.44@mail.ru

Орловская Ирина Викторовна

старший преподаватель, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

irinorlovskaya@yandex.ru

Уголовно-правовая защита авторских и смежных прав

***Аннотация.** Статья посвящена проблемным аспектам уголовно-правовой защиты авторских и смежных прав по действующему уголовному законодательству. В статье представлены проблемы защиты уголовным правом данной категории прав, а также пути их решения. В частности, анализируется проблема недостаточности охраны авторских и смежных прав уголовным законом и способы повышения ее уровня.*

***Ключевые слова:** интеллектуальная собственность, авторские и смежные права, плагиат, уголовная ответственность, статья 146 УК РФ.*

Bogacheva Ekaterina Aleksandrovna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Orlovskaya Irina Viktorovna

senior lecturer, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Criminal law protection of copyright and related rights

Annotation. *The article is devoted to problematic aspects of the criminal law protection of copyright and related rights under the current criminal legislation. The article presents the problems of criminal law protection of this category of rights, as well as ways to solve them. In particular, the article analyzes the problem of insufficient protection of copyright and related rights by criminal law and ways to increase its level.*

Keywords: *intellectual property, copyright and related rights, plagiarism, criminal liability, Article 146 of the Criminal Code of the Russian Federation.*

Конституция Российской Федерации [2] гарантирует каждому свободу творчества (литературного, научного, художественного и другого). Также она устанавливает положения, закрепляющие охрану интеллектуальной собственности. Уголовное право направлено на защиту интересов личности, общества и государства. Одной из задач Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [5] является охрана прав и свобод человека и гражданина. К этим правам, в том числе, относятся авторские и смежные права.

Современное уголовное право недостаточно охраняет интеллектуальную собственность, в том числе авторские и смежные права авторов и иных правообладателей. Данный тезис подтверждается исследованиями ученых, а также судебной статистикой. Количество приговоров по уголовным делам, связанным с нарушением авторских и смежных прав (статья 146 УК РФ) с каждым годом сокращается. О слабой охране уголовным законом авторских и смежных прав ученые рассуждают уже второе десятилетие, однако с каждым годом она только сокращается, несмотря на освещение данной проблемы. Помимо уголовных дел, уменьшается количество и научных работ по данному вопросу. Также актуальными до сих пор остаются исследования, сделанные в 2002–2012 годах. Это доказывает отсутствие изменений в области охраны данных общественных отношений, что при наличии существенных проблем означает низкий уровень качества защиты уголовным законом. Поэтому важно и дальше рассуждать о недостатках уголовно-правовой охраны в данной области.

Для выявления проблем уголовно-правовой охраны авторских и смежных прав необходимо обратиться к статистике рассмотрения дел судами о преступлениях, предусмотренных частями 1, 2 и 3.

Исходя из статистических данных [4], можно сделать вывод о том, что с каждым годом сокращается применение статьи 146 УК РФ. Так по части 3 в 2016 году суд рассматривал 315 дел, а в 2024 уже только 36, т. е. почти в 9 раз меньше. То же самое можно отметить и про часть 2 данной статьи. В 2016 году по части 2 статьи 146 УК РФ суд рассмотрел 269 дел, а в 2024 году – 9 дел, то есть меньше практически в 30 раз. По части 1 за данный период времени было рассмотрено только одно дело в 2016 году.

Исходя из указанных данных, можно выявить следующие проблемы:

1. Практически полное отсутствие применения части 1 статьи 146 УК РФ на практике. Проблема состоит в том, что при наличии данной статьи в уголовном законодательстве она никак не используется, что делает состав «мертвым»,

поэтому отпадает необходимость закрепления данного преступления в УК РФ без видоизменения данной статьи.

2. Сокращение количества рассматриваемых дел по частям 2 и 3 статьи 146 УК РФ, что указывает на снижение охраны авторских и смежных прав уголовным законом. Проблема заключается в том, что авторы и иные правообладатели не получают достаточную защиту своих прав.

Также была проанализирована статистика наказаний, назначаемых за данное преступление [4].

По статистике за преступление, предусмотренное частью 2 статьи 146 УК РФ в большинстве случаев назначается штраф, следующими по частоте из наказаний являются обязательные работы. Такие наказания, как исправительные работы, ограничение свободы, условное и реальное лишение свободы в основном применялись в период с 2016 по 2019 годы. Далее из указанных видов наказаний назначалось только условное лишение свободы (1 раз в 2021 и 2023 годах, 3 раза в 2020 году). Остальные наказания, назначаемые с 2020 по 2024 год, относятся к штрафу (большинство) или к обязательным работам.

Анализ статистики наказаний за преступление, предусмотренное частью 3 статьи 146 УК РФ показал, что в большинстве случаев наказанием, назначенным приговором суда, является условное лишение свободы. Относительно других наказаний чаще применялись штраф и лишение свободы. При этом назначение иных наказаний, кроме условного лишения свободы, является редким.

Таким образом, анализ судебной практики позволяет выявить следующие проблемы: практически полное отсутствие применения части 1 статьи 146 УК РФ на практике; снижение охраны авторских и смежных прав уголовным законом вследствие сокращения количества рассматриваемых дел по частям 2 и 3 статьи 146 УК РФ; назначение условного наказания вместо реального по части 3 статьи 146 УК РФ.

В научной литературе неоднократно исследовалось преступление, предусмотренное статьей 146 УК РФ. Ученые анализируют социальную обусловленность существования данного состава преступления, реальность его работы на практике и проблемы его применения.

Исходя из всего вышеуказанного, можно отметить следующие проблемы, выделяемые в научной литературе: редкое применение части 1 статьи 146 УК РФ, вызванное разными объективными и субъективными причинами (нежеланием потерпевших обращаться за защитой своих прав; невозбуждением уголовного дела либо последующим его прекращением; мнением сотрудников полиции о незначительности данного нарушения, которое может повлиять на потерпевшего) [1, с. 4]; отсутствие в диспозиции части 1 статьи 146 УК РФ такого действия, как принуждение к соавторству, из-за чего данное посягательство не охраняется уголовным законом, соответственно, уголовно-правовой защиты от него быть не может; размытость понятия «крупный ущерб», отсутствие четких критериев для его определения [6, с. 1–2].

Исходя из всего исследования, будут предложены пути решения следующих проблем:

1. Редкое применение части 1 статьи 146 УК РФ на практике.

2. Снижение охраны авторских и смежных прав уголовным законом вследствие сокращения количества рассматриваемых дел по частям 2 и 3 статьи 146 УК РФ.

3. Отсутствие в диспозиции части 1 статьи 146 УК РФ такого действия, как принуждение к соавторству, из-за чего данное посягательство не охраняется уголовным законом, соответственно, уголовно-правовой защиты от него быть не может.

4. Размытость понятия «крупный ущерб», отсутствие четких критериев для его определения как в законе, так и в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в частности, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» [3].

Решение первой проблемы можно разделить на две составляющие:

1. Путем внесения изменений в УК РФ.

2. Путем увеличения правового просвещения граждан и сотрудников правоохранительных органов в области нарушения авторских и смежных прав.

Предлагаемые изменения статьи 146 УК РФ для возможного увеличения уголовных дел по части 1 данной статьи является решением третьей и четвертой проблемы.

Во-первых, необходимо ввести в диспозицию части 1 статьи 146 УК РФ понятие «принуждение к соавторству», что обеспечит данные отношения защитой уголовным законодательством. Принуждение к соавторству охраняется уголовным законом в статье 147 УК РФ (нарушение изобретательских и патентных прав), что указывает на актуальность данного посягательства, поэтому необходимо также предусмотреть наличие подобного действия и в статье 146 УК РФ.

Данное изменение позволит привлекать к уголовной ответственности за такое посягательство, как «принуждение к соавторству», что ранее охранялось только в отношении авторов изобретений, полезной модели или промышленного образца (статья 147 УК РФ). В связи с отсутствием на данный момент такого действия в диспозиции части 1 статьи 146 УК РФ лица, которых принудили к соавторству художественных, научных, литературных и иных произведений, не могут быть защищены уголовным законодательством. Поэтому данное изменение необходимо ввести в часть 1 статьи 146 УК РФ.

Во-вторых, понятие «крупный ущерб» следует заменить на «совершенное с целью получения дохода или иного вознаграждения в крупном размере», так как, в отличие от крупного ущерба, толкование крупного размера приводится в примечании к статье 146 УК РФ.

Поскольку конкретные рамки для признания ущерба крупным не указаны ни в Уголовном кодексе, ни в постановлении Пленума Верховного Суда от 26.04.2007 № 14 [3], логичным представляется заменить данный термин на разъясненное в комментарии к данной статье понятие крупного размера (стоимость экземпляров произведений или фонограмм либо стоимость прав на ис-

пользование объектов авторского права и смежных прав превышает пятьсот тысяч рублей).

Таким образом, диспозиция части 1 статьи 146 УК РФ должна выглядеть следующим образом: «Присвоение авторства (плагиат) или принуждение к соавторству, совершенное с целью получения дохода или иного вознаграждения в крупном размере».

Второй путь – увеличение правового просвещения в области нарушения авторских и смежных прав. Необходимо сформировать у граждан понимание того, что в случае нарушения их авторских или смежных прав их интересы будут защищены, в том числе и уголовно-правовыми средствами. Для этого также нужно разъяснить сотрудникам правоохранительных органов важность указанного состава. Однако данный путь решения проблемы представляется менее эффективным, чем первый, поэтому логичнее будет внести изменения в статью 146 УК РФ.

Вторая проблема (снижение приговоров по части 2 и 3 статьи 146 УК РФ) вызвана теми же причинами, что и отсутствие применения части 1 статьи 146 УК РФ на практике, а именно нежеланием потерпевшего обращаться за защитой своих прав, в том числе основанное на статистике привлечения к уголовной ответственности по данной статье, отношением сотрудников правоохранительных органов к данным посягательствам как к незначительным. Поэтому в ее случае решением будет также увеличение правового просвещения граждан и сотрудников правоохранительных органов.

По результатам анализа судебной практики и научной литературы, а также предложения возможных путей решения возникающих проблем был сделан вывод, что основной проблемой является практически полное отсутствие применения части 1 статьи 146 УК РФ на практике. Для разрешения указанной ситуации было предложено внести изменения в часть 1 статьи 146 УК РФ. Диспозицию необходимо изложить в следующей редакции: «Присвоение авторства (плагиат) или принуждение к соавторству, совершенное с целью получения дохода или иного вознаграждения в крупном размере».

Список источников

1. Гааг И. А., Жигалин Г. А. Проблемы эффективности применения уголовного наказания за нарушение авторских и смежных прав // Право и государство: теория и практика. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemuy-effektivnosti-primeneniya-ugolovnogo-nakazaniya-za-narushenie-avtorskih-i-smezhnyh-prav> (дата обращения: 09.11.2025).

2. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 09.11.2025).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использо-

вании товарного знака». URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 09.11.2025).

4. Судебная статистика РФ : офиц. сайт. URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17/> (дата обращения: 09.11.2025).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 28.02.2025). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 09.11.2025).

6. Шищенко Е. А. Нарушение авторских и смежных прав: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narushenie-avtorskih-i-smezhnyh-prav-ugolovno-pravovaya-harakteristika-i-problemy-kvalifikatsii> (дата обращения: 09.11.2025).

УДК 343.1

Бородулькина Екатерина Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент

Национальный центр законодательства и правовой информации

Республики Беларусь

г. Минск, Республика Беларусь

katrin.borodulkina@gmail.com

Сохранение традиций и эволюция правовой системы в контексте развития восстановительной медиации в Республике Беларусь

***Аннотация.** Статья посвящена легализации восстановительной медиации в уголовном процессе Беларуси. Анализируется ее потенциал как инструмента актуализации традиционных ценностей для восстановления социальной справедливости и преодоления кризиса ретрибутивной модели. Обосновывается тезис о глубокой социокультурной укорененности принципов восстановительного правосудия в историко-культурном контексте белорусского общества, что придает реформе эволюционный характер.*

***Ключевые слова:** восстановительная медиация, восстановительное правосудие, уголовный процесс, правовые традиции, национальная идентичность, правовая реформа.*

Borodulkina Ekaterina Sergeevna

Candidate of Law, Associate Professor

National Center of Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus

Minsk, Republic of Belarus

Preservation of traditions and evolution of the legal system in the context of the development of restorative mediation in the Republic of Belarus

***Annotation.** The article is devoted to the legalization of restorative mediation in the criminal process of Belarus. Its potential as a tool for updating traditional values to restore social justice and overcome the crises of the retributive model is analyzed. The thesis about the deep socio-*

cultural rootedness of the principles of restorative justice in the historical and cultural context of Belarusian society is substantiated, which gives the reform an evolutionary character.

Keywords: *restorative mediation, restorative justice, criminal procedure, legal traditions, national identity, legal reform.*

Современные правовые системы, в том числе белорусская, находятся в поиске адекватных ответов на вызовы глобализации. При этом процесс поиска, внедрения и развития новых эффективных правовых институтов выходит за пределы простого заимствования, поскольку может затрагивать ценностно-нормативные основы правопорядка и, безусловно, требует сохранения собственной правовой традиции, национальной правовой идентичности. В этой части легализация восстановительной медиации в уголовном процессе Республики Беларусь в 2021 г. выходит за рамки локальной процессуальной реформы: это важный этап в развитии национальной парадигмы уголовной юстиции и возможность для анализа трансформации представлений о справедливости в условиях модернизации.

Теоретическую основу для рассматриваемой проблематики составили как достижения представителей зарубежной науки, так и ученых-правоведов стран постсоветского пространства. Так, существенный вклад в развитие теории и методологии восстановительного правосудия внесла российская школа восстановительного правосудия (А. А. Арутюнян, А. М. Балафендиев, Л. В. Головкин, Л. М. Карнозова, Р. Р. Максудов, С. А. Пашин и др.), разработки которой сохраняют актуальность для сравнительно-правового анализа и адаптации в белорусских условиях. В развернувшуюся научную дискуссию по проблемам интеграции восстановительных механизмов в уголовное судопроизводство значительный вклад внесли и белорусские исследователи (Т. П. Афонченко, Л. Л. Зайцева, В. С. Каменков, Л. В. Павлова, О. В. Петрова, В. И. Самарин, В. М. Хомич, Д. В. Шилин и другие авторы), изучавшие широкий спектр вопросов, от философско-правовых оснований восстановительных практик до сугубо процессуальных форм и рисков ее имплементации.

Целью настоящей статьи является раскрытие потенциала восстановительной медиации в уголовном процессе Беларуси как инструмента, актуализирующего традиционные ценности для эффективного восстановления социальной справедливости и преодоления системных кризисов ретрибутивной модели правосудия.

Философской основой модели традиционного правосудия выступает ретрибутивизм, исходящий из идеи о том, что наказание является актом восстановления нарушенного баланса через причинение страдания, соразмерного совершенному деянию. Классическое обоснование данной парадигмы нашла в работе И. Канта «Метафизика нравов» (1797 г.) [5, с. 366–369], где наказание рассматривается как категорический императив: воздаяние за совершенное зло трактуется как безусловный моральный долг государства, вытекающий из самой идеи справедливости. Сущность наказания заключается в справедливом возмездии, строго пропорциональном тяжести преступления.

Однако к 70–80 гг. XX века правосудие, основанное на теории ретрибутивизма, оказалось в состоянии глубокого кризиса, обусловленного нараставшим несоответствием его результатов общественным ожиданиям в отношении разрешения последствий преступлений. Маргинализация жертвы в уголовном процессе на фоне низкой эффективности ресоциализации правонарушителей, что подтверждалось стабильно высоким уровнем рецидивной преступности, стало катализатором концептуального переосмысления целей уголовной юстиции.

Альтернативой выступила парадигма восстановительного правосудия, зародившаяся и получившая первоначальное концептуальное оформление преимущественно в работах англоязычных ученых и практиков. Существенный вклад в ее развитие внес Н. Кристи, показавший в работе «Конфликт как собственность» (1977 г.), как государство «присваивает» конфликт у его реальных участников [8]. Х. Зер в труде «Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание» (1990 г.) предложил рассматривать преступление как нарушение отношений между людьми и сообществом, а ответственность – как обязательство загладить вред [4]. Т. Маршалл перевел эти идеи в практическую плоскость, определив восстановительное правосудие как процесс, в котором стороны совместно решают, как устранить последствия правонарушения [9].

Таким образом, если в центре ретрибутивной, традиционной модели находится «человек преступающий» как объект для применения уголовно-правовой санкции, то восстановительное правосудие провозглашает ценность каждой личности, как потерпевшего, так и правонарушителя, исходя из признания фундаментальной способности человека к диалогу, раскаянию, прощению и преобразованию. В рамках этой парадигмы ответственность преобразуется из идеи причинения неизбежного страдания в обязательство активно исправить причиненный ущерб и восстановить доверие. Соответственно, стратегическая цель смещается с возмездия к восстановлению нарушенных социальных связей и эффективному заглаживанию причиненного вреда, а ключевым инструментом становится структурированный диалог, вовлекающий жертву, правонарушителя и затронутое сообщество в совместный поиск восстановительных решений. Именно восстановительная медиация выступает основным практическим инструментом новой парадигмы. В ее рамках нейтральный посредник организует диалог между потерпевшим и правонарушителем, направляя их к совместному поиску путей заглаживания вреда и восстановления нарушенных отношений.

Практическое становление данной процедуры на законодательном уровне началось в середине 70-х годов XX века в Канаде и США; в европейских странах схожие процессуальные формы примирительного производства с привлечением посредника появились в 80-х годах, что иллюстрирует их параллельное развитие с теоретической мыслью.

В Беларуси институт медиации получил первоначальное законодательное закрепление в Законе Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации», однако его внедрение в уголовно-правовую сферу состоялось лишь с внесением изменений в УПК в 2021 г. Законом Республики Беларусь от 26 мая

2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности». Новеллой стали возможность примирения путем заключения медиативного соглашения (ст. 301 УПК), а также легальное определение медиации, медиатора и медиативного соглашения применительно к уголовному судопроизводству (ст. 6).

Таким образом, центральным для нашего исследования становится вопрос о соответствии восстановительных практик, сформированных в иных правовых традициях, историко-культурному контексту и институциональным реалиям Беларуси. Речь идет не о навешивании географических «ярлыков», а о выявлении смысловой совместимости. Такой анализ позволяет оценить, в какой мере данные новеллы способны гармонично интегрироваться в национальную правовую систему, не подрывая ее публично-правовые основы и не умаляя необходимость обеспечения «функций защиты общества» [1].

На наш взгляд, уникальным ресурсом для легитимации этого подхода в Беларуси выступает созвучность принципов восстановительного правосудия историко-культурному контексту и традиционным ценностям белорусского общества. Историко-культурное развитие Беларуси, особенно в период Великого Княжества Литовского, протекавшее на перекрестке различных влияний, сформировало уникальную правовую культуру, изначально основанную на принципах религиозной толерантности, общинности и приоритета консенсусного урегулирования конфликтов. Л. М. Карнозова справедливо отмечает близость принципов восстановительного правосудия традиционным механизмам социального регулирования, где аксиологическим ядром выступало не наказание, а восстановление консенсуса через диалог и реституцию [6]. Эта общность прослеживается и в соседних странах. Как указывает Е. В. Дремова, «российской правовой культуре известны «полюбовные сказки» – прообраз мирового соглашения, суд общины, суд братчины, иные формы» [3], что свидетельствует о глубинной схожести правовых традиций и фундаментальных основ правовой культуры восточнославянских народов.

Более того, в научной литературе указывается на «генетическую» связь идей восстановительного правосудия с библейской моделью, сосредоточенной на устранении причиненного преступлением вреда и исправлении виновного [7, с. 24]. Исторически авангардом движения за восстановительное правосудие выступила Меннонитская церковь [1, с. 276], делавшая упор на христианских принципах личного спасения и миротворчества. Хотя восстановительное правосудие стало более секуляризованным в 1980-х и 1990-х годах, многие из его основополагающих принципов укоренены в христианских ценностях прощения и исцеления.

Указанные исторические предпосылки находят подтверждение в современных исследованиях. Например, И. А. Демидова, анализируя правоментальные характеристики белорусов, констатирует ориентацию на такие черты, как толерантность, миролюбие и коллективизм [2, с. 92–93]. Данный социокультурный контекст демонстрирует сочетаемость восстановительных подходов с базовыми ценностями общества.

Следовательно, восстановительную медиацию в Беларуси и на постсоветском пространстве в целом правомерно позиционировать не в качестве «западного импорта», а как возвращение к исконным, хотя и забытым в советский период этатизма, формам урегулирования конфликтов. В связи с чем, апелляция к исторической памяти и идентичности позволяет нейтрализовать оттенок чужеродности медиации и усилить ее легитимность в восприятии как правоприменителей, так и общества в целом.

Необходимость учета ценностных оснований при развитии законодательства прямо зафиксирована в Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196. Данный документ прямо указывает среди принципов формирования и реализации правовой политики опору на «ценности и культурные традиции белорусского народа» (п. 5) и провозглашает в числе ключевых идеологических императивов социальную справедливость и обеспечение прав человека, устойчивое развитие (п. 9).

С учетом изложенного, восстановительная медиация представляет собой не просто альтернативную процессуальную процедуру, но и действенный механизм актуализации традиционных ценностей через трансформацию форм их социальной и правовой реализации. Ее этико-аксиологические основания обусловлены христианской антропологией, что обеспечивает глубокую социокультурную устойчивость данного института в белорусском контексте. Подобный подход позволяет гармонизировать взаимодействие между инновационными правовыми институтами, и национальной правовой идентичностью, придавая проводимой реформе характер закономерного эволюционного развития правовой системы.

Список источников

1. Головки Л. В. Медиация по уголовным делам (восстановительное правосудие) // Альтернативное разрешение споров : учебник / под ред. Е. А. Борисовой. М., 2019. С. 256–282.
2. Демидова И. А. Правоментальная характеристика белорусского общества // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 2(35). С. 88–96.
3. Дремова Е. В. Примирительное правосудие в России : историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1 / Российский университет дружбы народов. М., 2022. 199 с.
4. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание : пер. с англ. / общ. ред. Л. М. Карнозовой ; коммент. Л. М. Карнозовой, С. А. Пашина. М. : Судебно-правовая реформа, 2002. 328 с.
5. Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 6 : Религия в пределах только разума. Метафизика нравов. М. : ЧОРО, 1994. 613 с.
6. Карнозова Л. М. Восстановительная медиация: базовые идеи и направления развития (заметки к обсуждению темы) // Вестник восстановительной юстиции. 2010. № 7. URL: <http://igpran.ru/public/articles/Karnozova.Vosst.pravosudie.pdf> (дата обращения: 10.08.2025).

7. Сенина Е. Н. Медиативно-восстановительный подход в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4.; Российская академия адвокатуры и нотариата. М., 2022. 233 с.

8. Christie N. Conflicts as Property // The British Journal of Criminology. 1977. Vol. 17, No. 1. URL: https://www.kuleuven.be/thomas/uploads/file/hoger_onderwijs/modules/Christie_Conflicts%20as%20Property.pdf (date of access: 26.05.2025).

9. Marshall T. F. Restorative Justice: An Overview. – London : Home Office, 1999. 80 p. URL: http://www.antoniocasella.eu/restorative/Marshall_1999-b.pdf (date of access: 21.05.2025).

УДК 343.53

Горячев Никита Владимирович

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

goryachev-nk00@mail.ru

Уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака: проблемы квалификации

***Аннотация.** В статье рассматриваются актуальные проблемы, возникающие при квалификации преступлений, предусмотренных статьей 180 Уголовного кодекса Российской Федерации. Анализируются содержание предмета преступления, особенности объективной и субъективной стороны. Особое внимание уделяется проблемам разграничения уголовно-наказуемого деяния и административного правонарушения, а также сложностям установления крупного ущерба и неоднократности. На основе проведенного анализа сформулированы предложения по совершенствованию правоприменительной практики.*

***Ключевые слова:** товарный знак, интеллектуальная собственность, уголовная ответственность, контрафактная продукция, крупный ущерб, ст. 180 УК РФ.*

Goryachev Nikita Vladimirovich

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Criminal liability for illegal use of a trademark: problems of qualification

***Annotation.** The article deals with topical problems arising in the qualification of crimes under Article 180 of the Criminal Code of the Russian Federation. The content of the subject of the crime, the features of the objective and subjective side are analyzed. Special attention is paid to the problems of differentiation between a criminal act and an administrative offense, as well as the difficulties of establishing major damage and repeatedness. Based on the analysis, proposals for improving law enforcement practice are formulated.*

***Keywords:** trademark, intellectual property, criminal liability, counterfeit products, major damage, Article 180 of the Criminal Code of the Russian Federation.*

Защита интеллектуальной собственности в современной экономике приобретает особое значение. Товарный знак выступает не просто средством индивидуализации продукции, но и важным активом, определяющим рыночную стоимость бизнеса и уровень доверия потребителей. Он выполняет функцию гарантии качества, позволяя потребителю ассоциировать товар с конкретным производителем и его репутацией. Незаконное использование чужих товарных знаков наносит ущерб не только правообладателям, но и публичным интересам, вводя в заблуждение потребителей и дестабилизируя рыночные отношения. Подобные деяния подрывают основы добросовестной конкуренции и обесценивают результаты интеллектуальной деятельности. Уголовно-правовая защита этих объектов обеспечивается статьей 180 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1]. Однако правоприменительная практика сталкивается с рядом проблем, обусловленных сложностью законодательных конструкций и особенностями доказывания. Квалификация содеянного по ст. 180 УК РФ требует тщательного анализа гражданско-правовых оснований возникновения прав на средство индивидуализации и установления всех элементов состава преступления. Целью данной работы является анализ основных проблем квалификации незаконного использования товарного знака.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 180 УК РФ, выражается в незаконном использовании чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров. Как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ, под использованием следует понимать любое действие, направленное на введение товара в гражданский оборот (нанесение на товар, его хранение, предложение к продаже, продажу), если оно совершено с целью извлечения прибыли [3]. Данный перечень не является исчерпывающим; к использованию также может относиться импорт, перевозка или иные действия по коммерческому использованию средств индивидуализации. При этом само по себе получение дохода не является обязательным условием наступления ответственности – достаточно самого факта использования с этой целью. Таким образом, преступление формально считается оконченным с момента совершения любого из указанных действий, направленных на извлечение прибыли, независимо от ее фактического получения.

Одной из главных проблем правоприменения является разграничение уголовного преступления и административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.10 КоАП РФ [2]. Формально составы схожи, однако общественная опасность уголовно-наказуемого деяния выше. Критерии отграничения закреплены в примечании к ст. 180 УК РФ и касаются либо размера деяния, либо его системности. Основным критерием разграничения выступает размер ущерба – для ч. 1 ст. 180 УК РФ он должен быть крупным, то есть превышать 250 000 рублей. На практике установление крупного ущерба вызывает серьезные затруднения. Ущерб правообладателю может выражаться в упущенной выгоде, которую рассчитать крайне сложно. Сложность заключается в доказывании того, что потребитель приобрел бы товар именно у правообладателя, если

бы не столкнулся с контрафактной продукцией. Суды зачастую исходят из стоимости контрафактной продукции либо из размера лицензионных отчислений, которые мог бы получить правообладатель. Однако единообразной методики подсчета до сих пор не выработано. В правоприменительной практике отсутствует единый подход к определению того, следует ли включать в размер ущерба стоимость не только реализованной, но и произведенной (хранящейся) контрафактной продукции. Это приводит к тому, что многие деяния, обладающие высокой общественной опасностью, но с трудно поддающимся исчислению ущербом, переqualифицируются в разряд административных.

Состав преступления по ст. 180 УК РФ является формально-материальным. Для квалификации по ч. 1 необходимо наступление последствий в виде крупного ущерба, а для ч. 2 достаточно установления факта неоднократности деяния, вне зависимости от размера причиненного ущерба. Конструкция ч. 2 ст. 180 УК РФ представляет собой формальный состав, что призвано усилить борьбу с систематическими нарушениями, не подпадающими под критерий крупного ущерба. Неоднократность как признак также порождает вопросы. Закон связывает ее с фактом привлечения лица к административной ответственности за аналогичное деяние два и более раза. Данная норма является примером административной преюдиции, когда повторность административного правонарушения влечет за собой уголовную ответственность. Однако возникают проблемы с исчислением сроков, в течение которых лицо считается подвергнутым административному наказанию. Не всегда правоприменители учитывают, что после истечения одного года со дня исполнения постановления о назначении административного наказания лицо перестает считаться подвергнутым взысканию, и последующие факты использования товарного знака не могут образовывать признак неоднократности. Необходимо также учитывать, что для неоднократности требуется привлечение к ответственности именно по ст. 14.10 КоАП РФ.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Виновный должен осознавать, что используемый им знак является чужим, зарегистрированным, и что он не имеет законных прав на его использование. Интеллектуальный момент умысла включает в себя осознание общественной опасности деяния и фактических обстоятельств, в частности, принадлежности знака другому лицу. Доказывание умысла – одна из самых сложных задач для следствия. Лица, привлекаемые к ответственности, часто заявляют, что не знали о регистрации товарного знака, полагая, что используют общеупотребительное обозначение. В таких случаях необходимо устанавливать, были ли у лица реальные возможности и обязанность проверить наличие правовой охраны у используемого обозначения. В связи с этим важнейшее значение приобретает заключение экспертизы об однородности товаров и сходстве обозначений до степени смешения, а также анализ всей деятельности лица (наличие договоров, переписки, характер маркировки продукции). Само по себе внешнее сходство обозначений еще не свидетельствует об умысле, если не доказано, что лицу было заведомо известно о чужом товарном знаке.

Особого внимания заслуживает вопрос о предмете преступления. Гражданский кодекс РФ устанавливает, что правовая охрана товарного знака возникает только после его государственной регистрации [4]. Следовательно, уголовная ответственность по ст. 180 УК РФ возможна лишь в том случае, если товарный знак правообладателя прошел процедуру регистрации в установленном порядке. Факт регистрации должен быть подтвержден соответствующим свидетельством, и именно с этого момента обозначение становится объектом уголовно-правовой охраны. На практике встречаются случаи, когда лицо использует обозначение, которое фактически является известным брендом, но по каким-либо причинам не зарегистрировано в Роспатенте. Правовая охрана таких обозначений как товарных знаков не наступает, поэтому их использование не образует состава данного преступления. В таких ситуациях состав преступления отсутствует, что существенно снижает эффективность уголовно-правовой защиты, но может быть квалифицировано как иное правонарушение или акт недобросовестной конкуренции.

Проведенный анализ позволяет выделить ряд системных проблем. Во-первых, это неопределенность критериев оценки ущерба, что порождает субъективизм при принятии процессуальных решений. Отсутствие ясной методики приводит к тому, что идентичные по обстоятельствам дела могут получать разную правовую оценку. Во-вторых, сложность разграничения уголовных и административных составов, особенно в случаях, когда деяние совершено неоднократно, но с незначительным материальным ущербом от каждого эпизода. В-третьих, высокие требования к доказыванию прямого умысла, что в условиях противодействия расследованию часто делает уголовное преследование затруднительным. В-четвертых, сохраняется проблема определения момента окончания преступления в условиях длящихся или продолжаемых форм его совершения.

В целях совершенствования правоприменительной практики представляется целесообразным на уровне Пленума Верховного Суда РФ дать более детальные разъяснения по методике расчета крупного ущерба по делам данной категории. В качестве основного ориентира можно рекомендовать судам использовать размер стоимости права использования товарного знака (лицензионных платежей), который нарушитель сэкономил в результате незаконных действий. Данный подход позволит унифицировать практику и более точно отражать размер причиненного имущественного вреда. Также требуется дополнительное разъяснение по вопросу о том, какие именно обстоятельства могут свидетельствовать о направленности умысла на систематическое нарушение прав правообладателя. Уточнение этих аспектов в постановлении Пленума способствовало бы единообразию судебной практики и устранению существующих пробелов в квалификации.

Таким образом, уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака является важным инструментом защиты интеллектуальной собственности, однако существующие проблемы правовой регламентации и правоприменения требуют комплексного решения. Совершенствование судебной практики и точечные изменения в законодательстве позволят сделать защиту

прав на средства индивидуализации более эффективной и адекватной современным экономическим реалиям.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.02.2026).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 09.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.02.2026).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2026).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 04.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2026).

УДК 349.414

Гребенский Герман Романович

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

German123@lenta.ru

Проблемы правового регулирования изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд. Автор анализирует отсутствие единых критериев, процедурные нарушения и предлагает законодательные изменения.*

***Ключевые слова:** изъятие земельных участков, государственные нужды, нецелевое использование земель, земельное законодательство.*

Grebenskii German Romanovich

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Problems of legal regulation of withdrawal of land plots for state and municipal needs

***Annotation.** The article examines problems of land withdrawal for state needs. The author analyzes the absence of unified criteria, procedural violations and proposes legislative changes.*

Keywords: *land withdrawal, state needs, land misuse, land legislation.*

Вопросы ограничения и прекращения прав на земельные участки занимают важное место в современной правовой системе Российской Федерации, что обусловлено необходимостью обеспечения баланса между частными интересами правообладателей земельных участков и публичными интересами государства и общества. Действующее законодательство не содержит четкой системы оснований прекращения прав на земельные участки, что создает существенные проблемы в правоприменительной практике.

В рамках настоящего исследования особое внимание уделяется изъятию земельных участков для государственных и муниципальных нужд как одному из наиболее проблемных оснований прекращения прав на земельные участки, требующего тщательного анализа с точки зрения баланса частных и публичных интересов.

Принудительное прекращение прав на земельные участки затрагивает конституционно защищенное конституцией право частной собственности и требует особого внимания со стороны законодателя к процедурным гарантиям и механизмам защиты прав граждан. Несмотря на наличие обширного перечня правовых норм, существует большое количество пробелов и коллизий несогласованностей, которые приводят к нарушению прав собственников земельных участков. Размытость норм российского законодательства обусловлена отсутствием единого механизма правового регулирования отношений по изъятию земельных участков.

Актуальность темы подтверждается и активной судебной практикой, свидетельствующей о многочисленных спорах между собственниками земельных участков и органами публичной власти по вопросам правомерности ограничения и прекращения прав на землю. Совершенствование правового регулирования в данной сфере является необходимым условием для создания эффективной системы гарантий прав участников земельных правоотношений.

Основные проблемы правового регулирования в исследуемой сфере можно свести к следующему. Во-первых, это проблема отсутствия единого понятия и критериев государственных и муниципальных нужд. В российском законодательстве отсутствует единое понятие государственных и муниципальных нужд, что создает неопределенность при применении норм об изъятии земельных участков. Решение об изъятии земельного участка должно являться исключительным случаем для достижения общественно-полезных целей, осуществление которых невозможно без вмешательства в частные интересы, однако на практике критерии такой исключительности остаются размытыми. Открытый перечень оснований для изъятия земельных участков создает риски злоупотреблений и необоснованного вмешательства в права собственников.

На наш взгляд, для решения этой проблемы, необходимо внести изменения в статью 49 Земельного кодекса Российской Федерации, закрепив законодательное определение понятия «государственные и муниципальные нужды» с указанием исчерпывающих критериев отнесения целей изъятия к публичным нуждам. Представляется целесообразным установить обязательность соблюде-

ния принципа субсидиарности при принятии решения об изъятии: изъятие допустимо только при доказанной невозможности достижения публично значимой цели иным способом, не связанным с прекращением права частной собственности. Кроме того, следует законодательно закрепить требование об обязательном обосновании общественной необходимости изъятия конкретного земельного участка с указанием на последовательное отражение соответствующей потребности населения в градостроительной документации разного уровня.

Во-вторых, судебная практика применения норм об изъятии земельных участков показывает, что существующий механизм правового регулирования вступает в противоречие с интересами частных собственников недвижимого имущества. Недостаточная защищенность прав собственников – физических лиц и ограничения при пользовании зарезервированным земельным участком создают дисбаланс между публичными и частными интересами.

Отсутствует правовой механизм отмены решения об изъятии земельного участка и реституции путем возврата земли бывшему владельцу в случаях, когда изъятый участок используется не по первоначальному назначению или необходимость в нем отпала.

В связи с этой проблемой считаем целесообразным дополнить Земельный кодекс Российской Федерации специальной статьей, регламентирующей основания и порядок отмены решения об изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд. В качестве оснований для отмены следует предусмотреть: неиспользование изъятых земельных участков для заявленных целей в течение установленного срока, использование участка не по целевому назначению, указанному в решении об изъятии, а также отпадение необходимости в размещении объекта, для строительства которого осуществлялось изъятие. Необходимо законодательно закрепить право бывшего собственника на преимущественное приобретение земельного участка по рыночной стоимости при отпадении оснований для изъятия. Кроме того, следует установить обязанность уполномоченного органа компенсировать собственнику убытки, понесенные в связи с резервированием земельного участка, включая упущенную выгоду от невозможности полноценного использования участка в период резервирования.

Проведенный анализ проблем правового регулирования ограничения и прекращения прав на земельные участки свидетельствует о необходимости комплексного совершенствования законодательства в данной сфере. Как показывает анализ правоприменительной практики и научных исследований [1; 2; 3; 4], существующий механизм изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд фактически сводит роль суда к оформлению ранее принятого административного решения, что не соответствует конституционным гарантиям судебной защиты права собственности.

Внесение предложенных изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и Гражданский кодекс Российской Федерации позволит обеспечить баланс между публичными интересами государства и частными интересами правообладателей земельных участков, повысить правовую определенность в земельных правоотношениях и создать эффективные механизмы защиты прав собственников при принудительном изъятии земельных участков.

Список источников

1. Анисимов А. П. Земельное право России : краткий курс лекций / под ред. А. П. Анисимова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2012. 223 с.
2. Афанасьева С. Д. Изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд в России и США: сравнительный анализ // Правовые вопросы недвижимости. 2019. № 1. С. 15–19.
3. Дамбиева Т. В. Актуальные проблемы резервирования и изъятия земельных участков для муниципальных нужд // Современное право. 2016. № 4. С. 67–72.
4. Завьялов А. А. К вопросу о компенсации за изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд // Юридическая наука и практика. 2020. № 3. С. 112–117.

УДК 347.191.4

Григорьева Марина Александровна

старший преподаватель, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

m_grigoreva@ksgos.ru

Правовой статус органа юридического лица:

современное состояние проблемы и значение дискуссии

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме правового статуса органа юридического лица. Автор привел обзор имеющихся точек зрения на правоспособность органа юридического лица и обосновал дальнейшую проработку концепции такого органа.

Ключевые слова: юридическое лицо, правовой статус, орган, правоспособность.

Grigoryeva Marina Aleksandrovna

senior lecturer, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Legal status of a legal entity's body: the current state of the problem

and the significance of the discussion

Annotation. This article addresses the pressing issue of the legal status of a legal entity's body. The author provides an overview of existing views on the legal capacity of a legal entity's body and substantiates further development of the concept of such a body.

Keywords: legal entity, legal status, body, legal capacity.

Современное гражданское законодательство (статья 53 Гражданского кодекса Российской Федерации) устанавливает, что гражданские права и обязанности у юридического лица могут возникать двумя путями: как через деятельность органов юридического лица, так и через участников этого юридического лица. При этом как на органы юридического лица, так и на его участников возлагается

обязанность действовать разумно и добросовестно на основании законов, иных правовых актов и учредительных документов. Таким образом, современный подход предполагает, что через органы юридическое лицо осуществляет правоспособность, а их деятельность носит характер представительства. При этом за органами юридического лица не признается собственной правоспособности.

Д. А. Сумской указывает, что «органом юридического лица является организационно обособленная часть юридического лица, обладающая властными полномочиями внутри данного юридического лица, реализация которых осуществляется им в пределах собственной компетенции» [1]. При этом, по мнению автора, «признаками органа юридического лица являются неправосубъектность органа юридического лица и его организационная обособленность» [1].

Несмотря на то что современное гражданское законодательство однозначно определяет правовое положение органа юридического лица в целом, и коллегиального органа акционерного общества, в частности, определяет пределы его полномочий и ответственности, дискуссии относительно правовой природы органа юридического не прекращаются. Существуют противоположные точки зрения: от классического понимания органа как представителя юридического лица, до понимания органа юридического лица как правового средства. Анализ исторических источников позволяет расширить рамки понимания правового положения коллегиального органа акционерной компании.

Дискуссии о правовом положении органа юридического лица имеют значение не только в качестве научного спора, но и позволяют прогнозировать дальнейшее развитие взглядов на теорию ответственности органов юридического лица.

Современные исследователи придерживаются диаметрально противоположных точек зрения: от признания за органами акционерного общества статуса субъектов акционерных отношений, до полного отрицания их правосубъектности. Первой точки зрения придерживаются, в частности, И. М. Хужокова, В. В. Гушин, Ю. О. Порошкина, Е. Б. Сердюк, которые считают органы юридического лица полноправными субъектами корпоративных правоотношений [2, с. 38]. Полагаем, что приведенная точка зрения в полном объеме может быть отнесена к акционерным отношениям, поскольку акционерное общество является разновидностью корпорации. Мнение В. В. Долинской также отражает первую точку зрения. Автор на основе анализа специфики субъектов и объектов акционерных правоотношений, утверждает, что в субъектный состав акционерных отношений следует включать само общество как юридическое лицо, а также учредителей, акционеров и органы акционерного общества [3 с. 90–91].

Второй точки зрения, отрицающей правосубъектность органов акционерного общества, придерживается, в частности И. С. Шиткина, которая утверждает, что гражданское законодательство не признает в качестве субъектов права органы юридического лица. Автор указывает, что органы юридического лица традиционно рассматривались как вспомогательная правовая конструкция, через которую реализуется правоспособность юридического лица [3, с. 40]. В обоснование своей позиции автор приводит высказывание Д. И. Мейера,

о том, что в силу невозможности самостоятельного действия юридического лица, его правоспособность реализуется через действия от его имени его органов, при этом, «действия органа считаются действиями самого юридического лица» [3, с. 144–145].

В. К. Артеменков полагает, что «орган юридического лица в отрыве от отдельной правосубъектной личности не является его представителем» [4]. Автор высказывает позицию, что «орган юридического лица – это правовое средство, предназначенное для реализации правосубъектности юридического лица.

Приведенный обзор показывает, что, несмотря на длительный период исследований, суждения о правоспособности органа юридического лица носят противоположный характер.

Однако, на наш взгляд, при разработке концепции органа юридического лица следует анализировать не только действующее законодательство и господствующие сегодня концепции, но и исторические источники в той мере, в которой это необходимо для исследования. Так важным историческим источником является документация о деятельности Китайской восточной железной дороги (КВЖД). Важность строительства КВЖД представляется высокой как для экономики, так и для политической жизни страны. Для целей настоящей статьи наиболее значимыми являются примеры реализации компетенции органа юридического лица – Правления Общества КВЖД – демонстрирующий деятельность органа юридического лица как правоспособного субъекта. Реагируя на необходимость успешного развития строительной деятельности в Маньчжурии и признавая, что важным являлось создание надежной военной охраны, как для самого пути и сооружений, так и для всего служебного и технического персонала, Правление Общества КВЖД протоколом Правления от 10 мая 1987 г. № 82 постановило применительно к пункту 6-му договора 1896 года учредить для Китайской Восточной железной дороги особую охранную стражу, укомплектовать ее вольнонаемными чинами запаса армии [5].

Таким образом, мы видим, что орган юридического лица не только выходит за пределы интересов этого юридического лица, но и действует как независимый субъект. Полагаем, что приведенный пример демонстрирует потенциальное направление развития теории правоспособности органов юридического лица, что позволит внести вклад в теоретические исследования, учесть успешный историко-правовой опыт, а также заложить основу для формирования современных компаний нового типа.

Список источников

1. Сумской Д. А. Концепция органа юридического лица в теории гражданского права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 2007. 486 с.
2. Гущин В. В., Порошкина Ю. О., Сердюк Е. Б. Корпоративное право : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Эксмо, 2009. 622 с.
3. Долинская В. В. Акционерное право. Основные положения и тенденции. М., 2006. С. 90–91.

4. Артёменков В. К. Орган юридического лица как правовое средство // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10(71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organ-yuridicheskogo-litsa-kak-pravovoe-sredstvo> (дата обращения: 14.11.2025).

5. Вишняков О. В. Пограничники в вооруженных конфликтах на Дальнем Востоке (конец XIX – начало XX в.) // Россия и АТР. 2006. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pogranichniki-v-vooruzhennyh-konfliktah-na-dalнем-vostoke-konets-xix-nachalo-xx-v> (дата обращения: 15.11.2025).

УДК 347.962

Гулиева Алина Фуадовна

студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
guliyeva.lina@inbox.ru

Щелокова Анастасия Романовна

студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
kiooss0@mail.ru

Прокурорский надзор за исполнением законов: актуальные проблемы

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию проблем прокурорского надзора за исполнением законов в Российской Федерации. Анализируются ключевые организационно-правовые сложности, снижающие эффективность надзорной деятельности прокуратуры, сформулированы предложения по повышению эффективности прокурорского надзора.*

***Ключевые слова:** прокуратура, прокурорский надзор, нормативно правовые акты, законность, правовое регулирование, органы государственной власти, акты прокурорского реагирования.*

Gulieva Alina Fuadovna

student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Shchelokova Anastasia Romanovna

student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Prosecutor's supervision of law enforcement: current issues

***Annotation.** This article examines the problems of prosecutorial supervision of law enforcement in the Russian Federation. Key organizational and legal challenges that reduce the effectiveness of prosecutorial oversight are analyzed, and proposals for improving the effectiveness of prosecutorial oversight are formulated.*

***Keywords:** prosecutor's office, prosecutorial oversight, regulatory legal acts, legality, legal regulation, government agencies, prosecutorial responses.*

Одной из наиболее значимых и дискуссионных проблем в сфере прокурорского надзора за исполнением законов является проблема отсутствия действенного механизма обязательного исполнения протеста прокурора [5, с. 156]. Несмотря на то, что протест прокурора нормативно закреплён как акт реагирования на противоречащий закону нормативный правовой акт, его фактическая эффективность во многом остается зависимой от усмотрения органа или должностного лица, издавшего оспариваемый акт. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [1] устанавливает обязанность рассмотрения протеста в установленный срок, однако не содержит прямого императивного требования об обязательном устранении выявленного противоречия закону. Данное обстоятельство существенно ослабляет надзорный потенциал протеста как инструмента обеспечения законности.

В правоприменительной практике нередко встречаются случаи, когда протест прокурора рассматривается формально, без проведения полноценного правового анализа доводов, изложенных в нем. Органы публичной власти могут отклонять протест, ограничиваясь общей ссылкой на собственное толкование нормы права либо указывая на отсутствие, по их мнению, нарушения закона. Такая практика фактически сводит протест к рекомендательному документу, что противоречит его надзорной природе и задачам прокуратуры как органа, призванного обеспечивать верховенство закона. В результате незаконные нормативные правовые акты продолжают действовать, создавая угрозу нарушения прав и законных интересов неопределенного круга лиц.

Особую сложность, по мнению О. С. Капинуса, представляет ситуация, когда протест вносится на нормативные правовые акты органов местного самоуправления или исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации. В условиях децентрализации публичной власти и расширения нормотворческих полномочий на местах прокурорский протест становится одним из немногих инструментов оперативного реагирования на незаконные нормы. Однако отсутствие реальных рычагов воздействия при его отклонении вынуждает прокурора обращаться в суд, что увеличивает временные и процессуальные издержки и снижает превентивную роль надзора. Таким образом, протест утрачивает свою основную функцию – оперативное восстановление законности вне судебного разбирательства.

Вторая существенная проблема, тесно связанная с общей эффективностью прокурорского надзора, заключается в неопределенности правовой природы представления прокурора и степени его обязательности для адресата, как считает М. В. Маматов [4, с. 147]. Представление прокурора направлено на устранение выявленных нарушений закона, а также причин и условий, им способствовавших, и по своей сути должно выступать действенным механизмом корректировки правоприменительной деятельности органов и должностных лиц. Однако в действующем законодательстве отсутствует четкое указание на юридические последствия неисполнения представления, что порождает неоднозначное отношение к нему в практике [3, с. 89].

Формально адресат представления обязан рассмотреть его в установленный срок и уведомить прокурора о принятых мерах. Вместе с тем законодатель

не устанавливает критериев оценки полноты и достаточности таких мер. В результате органы и должностные лица нередко ограничиваются формальными ответами, не сопровождаемыми реальными действиями по устранению нарушений. Например, вместо привлечения виновных лиц к дисциплинарной ответственности или изменения сложившейся незаконной практики принимаются внутренние распоряжения декларативного характера либо проводится формальная проверка без последующих правовых последствий.

Неопределенность правовой природы представления проявляется также в отсутствии единого подхода к его квалификации: с одной стороны, оно рассматривается как акт прокурорского реагирования, вытекающий из надзорных полномочий прокуратуры, с другой – не обладает признаками властного управленческого акта [2]. Такая двойственность приводит к снижению его авторитетности и воспринимается адресатами как рекомендация, а не как обязательное требование надзорного органа. В научной литературе справедливо отмечается, что подобное положение вещей противоречит самой идее прокурорского надзора как особой формы государственной деятельности, направленной на обеспечение неукоснительного соблюдения закона.

Дополнительную проблему создает отсутствие прямой юридической ответственности за игнорирование или ненадлежащее исполнение представления прокурора. На практике привлечение должностных лиц к ответственности возможно лишь опосредованно – через повторные проверки, применение иных актов реагирования или обращение в суд. Такой многоступенчатый механизм существенно снижает оперативность прокурорского воздействия и не способствует формированию устойчивой дисциплины законности в деятельности органов публичной власти.

По данным статистики Генеральной Прокуратуры РФ за 2023 год средний срок привлечения должностного лица к ответственности за неисполнение представления прокурора составляет 4–6 месяцев, включая повторные проверки и судебные процедуры. В ряде случаев нарушения устраняются лишь после 2–3 циклов надзорных мероприятий, что свидетельствует о низкой оперативности механизма.

В совокупности указанные проблемы свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования актов прокурорского реагирования. Усиление обязательности исполнения протеста прокурора, а также нормативное уточнение правовой природы и юридических последствий неисполнения представления могли бы существенно повысить эффективность прокурорского надзора. Решение данных вопросов имеет важное значение не только для теории прокурорского права, но и для практики обеспечения законности, защиты прав и свобод граждан и укрепления доверия к институтам государственной власти.

Следует также отметить, что результаты систематического и глубокого анализа состояния законности, динамики и структуры преступности является важным условием высокой результативности прокурорского надзора.

Список источников

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-І (ред. от 15.12.2025) «О прокуратуре Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 24.12.25).
2. Винокуров Ю. Е. Прокурорский надзор : учебник для вузов. 15-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2026. 549 с.
3. Кириллова Н. П. Прокурорский надзор : учебник и практикум для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2026. 278 с.
4. Маматов М. В. Проблемы прокурорского надзора за соблюдением прав потребителей : монография. М. : компания Спутник+, 2009. 364 с.
5. Рябцев В. П. Прокурорский надзор : курс лекций. М. : Норма, 2006. 286 с.

УДК 349.6

Джамалова Сабина Расуловна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

dsr.16.04.2005@mail.ru

Правовая неопределенность в системе утилизации отходов: анализ института расширенной ответственности производителя

***Аннотация.** В статье исследуется актуальная проблема механизма расширенной ответственности производителя товаров, связанная с коллизией между формальным соблюдением требований отчетности и фактическим достижением цели утилизации отходов. Анализируется правовая неопределенность, возникающая при использовании указанными субъектами субподрядных отношений для выполнения своих обязательств, которая усугубляется отсутствием прямого законодательного регулирования таких цепочек. На основе анализа судебной практики выявляются противоречия в правоприменении и формулируются конкретные предложения по совершенствованию законодательства.*

***Ключевые слова:** отходы, правовое регулирование, расширенная ответственность производителя, утилизация, субподряд.*

Dzhamalova Sabina Rasulovna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Legal uncertainty in the waste disposal system: analysis of the institute of extended producer responsibility

***Annotation.** The article examines the actual problem of the extended responsibility mechanism of the manufacturer of goods, related to the conflict between formal compliance with reporting requirements and the actual achievement of the goal of waste disposal. The article analyzes the legal uncertainty that arises when these entities use subcontracting relationships to fulfill their obli-*

gations, which is aggravated by the lack of direct legislative regulation of such chains. Based on the analysis of judicial practice, contradictions in law enforcement are identified and specific proposals for improving legislation are formulated.

Keywords: waste, legal regulation, extended producer responsibility, recycling, subcontracting.

Сфера обращения с отходами является одним из ключевых элементов обеспечения экологической безопасности и перехода к модели устойчивого развития. В Российской Федерации, несмотря на проведенную в последние годы масштабную реформу, данная сфера продолжает оставаться источником значительных экологических и социально-экономических проблем. Накопление отходов, низкий процент утилизации и рециклинга, а также наличие многочисленных несанкционированных свалок свидетельствуют о недостаточной эффективности действующего правового регулирования.

Проблема обращения с отходами производства и потребления сохраняет высокую степень актуальности для Российской Федерации, несмотря на отмечаемую положительную динамику. По данным Росприроднадзора, по итогам 2024 года в 47 регионах страны наблюдалось сокращение образования отходов до 8,5 млрд тонн, что на 9 % ниже показателей 2023 года и является минимальным значением с 2022 года [5]. Значимое снижение объемов образования отходов в таких крупных промышленных субъектах, как Кемеровская область (на 769 млн тонн), Амурская область (на 92 млн т, или 87 %) и Республика Татарстан (на 61 %), свидетельствует об определенных результатах реализации государственной политики в данной сфере.

Однако структурный анализ статистики выявляет сохраняющуюся остроту проблемы. Во-первых, общий объем образуемых отходов по-прежнему исчисляется миллиардами тонн, создавая колоссальную нагрузку на окружающую среду. Во-вторых, положительная общероссийская тенденция не является универсальной: в ряде субъектов, таких как Забайкальский край (прирост на 141 млн т), Якутия (прирост на 86 млн т) и Красноярский край (прирост на 83 млн т), зафиксирован значительный рост объемов отходов. Особую тревогу вызывают показатели Тверской области и Кабардино-Балкарии, где рост превысил 300%, что указывает на актуальность проблемы.

Кроме того, сохраняется крайне неравномерное распределение образующихся отходов по территории страны. На пять регионов-лидеров (Кемеровская область, Якутия, Красноярский край, Забайкалье, Сахалин) приходится подавляющая доля всех отходов, в то время как в республиках Калмыкия, Ингушетия, Алтай и других их объемы минимальны. Такая диспропорция требует дифференцированного подхода к правовому регулированию и созданию объектов инфраструктуры для утилизации.

Теоретическую основу исследования составляют положения Конституции РФ, в первую очередь, статья 42, которая гарантирует право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением, а также статья 58, которая обязывает каждого сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам [1].

Основу правового регулирования в сфере обращения с отходами составляет Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (далее – Федеральный закон № 89-ФЗ) [2]. Федеральным законом от 04.08.2023 № 451-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в систему утилизации внедрен механизм расширенной ответственности производителя товаров (РОП), заимствованный из международной практики и призванный стимулировать производителей к утилизации отходов от использования их товаров и упаковки.

Институт расширенной ответственности производителей предусматривает установление обязанности производителей и импортеров товаров обеспечивать выполнение установленных Правительством Российской Федерации нормативов утилизации выпущенных в обращение товаров и упаковки, утративших свои потребительские свойства [3].

В российской практике сложилась проблемная ситуация, при которой добросовестное исполнение обязанности по утилизации сталкивается с административными барьерами, вызванными пробелами в законодательстве. Ключевой проблемой является коллизия между формальным и фактическим подходами к подтверждению утилизации, усугубляемая отсутствием прямого законодательного регулирования цепочек утилизации (субподряда).

Действующая редакция Федерального закона № 89-ФЗ устанавливает обязанность производителей и импортеров обеспечивать утилизацию отходов от использования товаров. Однако закон умалчивает и не регламентирует право субъектов РОП привлекать для этого третьих лиц – субподрядчиков.

На практике сложилась модель, при которой:

1. Субъект РОП заключает договор с утилизирующей компанией (подрядчиком).
2. Подрядчик, в свою очередь, для выполнения работ привлекает субподрядчика, обладающего необходимыми лицензиями и мощностями.
3. Субъект РОП представляет в Росприроднадзор акты об утилизации, выданные непосредственным подрядчиком.

Возникает правовая коллизия: с одной стороны, фактическая цель РОП – утилизация отходов – достигнута. С другой стороны, с формальной точки зрения контролирующий орган может оспорить такую схему, аргументируя это тем, что «действующее законодательство не предусматривает возможности использования модели субподрядных отношений».

Яркой иллюстрацией данной коллизии является спор между Южным межрегиональным управлением Росприроднадзора и ООО «Пищевые ингредиенты» [4].

Управление отказалось принимать акты утилизации, представленные обществом. Основанием послужило то, что отходы были переданы ООО «ЭКЦ «Гринлайн» ООО «ЭкоПроект», которое, в свою очередь, привлекло для их утилизации субподрядную организацию ООО «Рубин». Росприроднадзор настаивал на том, что такая модель не предусмотрена законом, и что подрядчик не об-

ладает собственными мощностями для утилизации, следовательно, представленные документы не подтверждают выполнение нормативов.

Суды, исследовав доказательства, установили, что отходы были фактически утилизированы. Суды справедливо указали, что сам по себе факт привлечения субподрядчика не опровергает юридический факт утилизации, если он объективно имел место. Требования Росприроднадзора были признаны необоснованными, и в иске о взыскании экологического сбора было отказано.

Данное решение является крайне важным, так как оно смещает акцент с формального соблюдения предусмотренных законом процедур на достижение фактического результата – утилизации отходов. Однако оно не устраняет системную проблему, а лишь констатирует ее, оставляя добросовестных субъектов РОП в состоянии правовой неопределенности и риска новых судебных разбирательств.

Для устранения выявленной коллизии и создания прозрачной правовой среды предлагается внести в Федеральный закон № 89-ФЗ следующие системные изменения:

1. В ст. 24.2 Федерального закона № 89-ФЗ необходимо ввести норму, прямо разрешающую субъектам РОП для выполнения нормативов утилизации привлекать утилизирующие организации, в том числе с правом последних привлекать субподрядчиков.

2. Законодательно должен быть закреплён приоритет фактического достижения результата – утилизации отходов – над формальным соответствием требованиям. Основанием для освобождения от обязанности уплаты экологического сбора должно являться документально подтвержденное доказательство утилизации отходов, независимо от количества звеньев в цепочке исполнителей.

3. Для обеспечения контроля и прозрачности необходимо установить обязанность субъекта РОП представлять в составе отчетности не только акты об утилизации от непосредственного подрядчика, но и сведения обо всех участниках цепочки, включая субподрядчиков, с указанием их реквизитов и лицензий на деятельность по обращению с отходами. Это позволит Росприроднадзору проводить проверку не на этапе принятия отчетности, а на этапе контроля за деятельностью всех участников рынка утилизации.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12.12.1993 : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования от 01.07.2020. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 19.11.2025).

2. Об отходах производства и потребления : Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ : принят Государственной Думой 22 мая 1998 года : одобрен Советом Федерации 10 июня 1998 года. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 18.11.2025).

3. Овсянникова Д. К. Проблемы совершенствования законодательства Российской Федерации в сфере внедрения механизма расширенной ответственности производителей. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy->

sovershenstvovaniya-zakonodatelstva-rossiyskoy-federatsii-v-sfere-vnedreniya-mehanizma-rasshirennoy-otvetstvennosti (дата обращения: 19.11.2025).

4. Постановление от 19 апреля 2023 по делу № А32-11263/2022. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 25.11.2025).

5. Росприроднадзор. Россия сократила образование отходов производства и потребления. 2025. URL: https://rpn.gov.ru/press/news/rossiya_sokratila_obrazovanie_otkhodov_proizvodstva_i_potrebleniya/ (дата обращения: 19.11.2025).

УДК 343.57

Зудина Дарья Федоровна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

darya.zudina01@mail.ru

Мельников Иван Николаевич

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

melnikk44@gmail.com

Склонение несовершеннолетних к незаконному сбыту наркотических средств и психотропных препаратов

***Аннотация.** В статье рассматривается склонение несовершеннолетних к незаконному сбыту наркотических средств и психотропных препаратов как квалифицирующий признак. В ходе рассмотрения данного вопроса выявлен пробел в законодательстве, связанный с тем, что склонение несовершеннолетнего к сбыту наркотических средств квалифицируется по аналогии со склонением к их потреблению. В заключение делаются выводы о необходимости совершенствования законодательства для более эффективной борьбы с наркопреступностью и укрепления правопорядка.*

***Ключевые слова:** наркотические средства, незаконный сбыт, склонение, вовлечение, квалифицирующий признак.*

Zudina Darya Fedorovna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Melnikov Ivan Nikolaevich

Candidate of Law, Associate Professor

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Inciting minors to the illegal sale of narcotic drugs and psychotropic drugs

Annotation. *The article considers the inciting of minors to the illegal sale of narcotic drugs and psychotropic drugs as a qualifying feature. During the consideration of this issue, a gap in legislation was identified due to the fact that inducing a minor to sell narcotic drugs is qualified by analogy with inducing their consumption. In conclusion, conclusions are drawn about the need to improve legislation to more effectively combat drug crime and strengthen law and order.*

Keywords: *narcotic drugs, illegal sale, declension, engagement, qualifying feature.*

В настоящее время сохраняется высокий уровень незаконного распространения наркотиков среди населения страны, особенно в детской и молодежной среде. Нередко продают и приобретают наркотические средства школьники и студенты [3]. Зачастую именно взрослые в целях своей безопасности для реализации наркотических средств и психотропных препаратов привлекают детей и подростков.

Согласно данным Доклада антинаркотического комитета, по итогам 2024 года количество преступлений, совершенных подростками в сфере незаконного оборота наркотиков, увеличилось на 43,2 % (с 2,6 тыс. до 3,8 тыс.). Число особо тяжких составов подростковой наркопреступности возросло на 58% (с 2 тыс. до 3,2 тыс.). Основная их часть (85,6 %) связана со сбытом наркотиков путем закладок в тайниках [2].

В научной литературе также обширно обсуждается и подтверждается положение относительно тенденций развития современного наркотизма, поскольку отмечается увеличение числа несовершеннолетних потребителей наркотических средств и психотропных веществ [10]. Это, прежде всего, объясняется тем, что в юном возрасте у молодых людей еще не сформировано мировоззрение, и они способны поддаваться чужому влиянию либо совершать негативные поступки из-за желания самоутвердиться или повысить свой статус в глазах окружающих. Характерной тенденцией является также увеличение количества потребителей наркотических средств и психотропных веществ среди лиц, относящихся к благополучным социальным группам с высоким материальным достатком.

Потребление несовершеннолетними наркотических средств и психотропных веществ может характеризоваться дальнейшей вовлеченностью подростка в их распространение и сбыт. Следственная практика показывает, что в преступную сферу вовлекаются подростки из различных семей, независимо от уровня достатка и социального положения родителей [4]. Целью совершения этих преступлений является получение материального вознаграждения.

О фактах вовлечения несовершеннолетнего в противоправную деятельность в сфере незаконного оборота наркотических средств путем склонения к употреблению взрослыми отражено и в правоприменительной практике.

26 апреля 2023 года Судебной коллегией по уголовным делам Московского городского суда была рассмотрена апелляционная жалоба о признании виновным гр. К. в совершении склонения к потреблению наркотических средств

в отношении несовершеннолетнего [1]. Согласно материалам дела, совершеннолетний гр. К. познакомился с несовершеннолетним гр. Б. Гражданин К. стал заводить с несовершеннолетним Б. разговоры про наркотические средства, спрашивал, пробовал ли он наркотики, и предложил употребить имеющееся у него наркотическое средство «соль»: подросток согласился. Гр. К. постепенно зарождал в несовершеннолетнем гр. Б. интерес к наркотикам, бесплатно привозил несколько раз наркотические средства. После того, как желание употреблять наркотические средства у несовершеннолетнего стало очень сильное, гр. Б. стал брать с него денежные суммы. Когда подросток не смог оплачивать наркотическое средство, гр. К. предложил ему продавать свертки своим друзьям, тем самым, вовлекая несовершеннолетнего в преступную деятельность, связанную с распространением и сбытом наркотических средств.

Также 27 сентября 2023 г. Дзержинский районный суд г. Ярославля рассмотрел дело о склонении несовершеннолетней к потреблению наркотических средств [5]. Согласно материалам дела, совершеннолетний гр. А. являлся потребителем наркотического средства «соль», а также осуществлял его незаконный сбыт наркопотребителям с помощью оборудования «тайников». Гр. А. завел романтические отношения с несовершеннолетней гр. Б. Гражданин А. стал предлагать несовершеннолетней на безвозмездной основе употребить наркотическое средство, последняя согласилась. Гражданка Б. путем курения несколько раз употребила наркотическое средство. Далее, преследуя преступный умысел на распространение и сбыт наркотического средства, гр. А. стал совершать поездки из г. Костромы в г. Ярославль. При этом гр. А. в поездки брал с собой несовершеннолетнюю гр. Б. В г. Ярославль, находясь вместе они просто гуляли, но гражданин А. во время прогулок оборудовал «тайники», тем самым вовлекая несовершеннолетнюю гражданку Б. в преступление, связанное с незаконным оборотом наркотических средств.

Судебная практика демонстрирует множество случаев, когда совершеннолетнее лицо, осознавая общественную опасность деяния, намеренно вовлекает подростка в преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Взрослые используют возраст несовершеннолетних как основание для наступления ответственности; сложности соответствующих уголовно-процессуальных процедур; готовность несовершеннолетних совершать противоправные действия за небольшую плату и иные обстоятельства [7].

Причиной роста вовлечения несовершеннолетних в распространение и потребление наркотиков также служит активная миграция. Для лиц, въезжающих в Россию из других государств, характерен пониженный уровень нервно-психической адаптации: необоснованные страхи, обусловленные сложностью перехода от одной культуры к другой, чувство отверженности представителями другого народа, утрата прежнего социального и профессионального статуса, семейные сложности. Кроме этого, подростки соглашались на такую работу по ряду причин, среди которых получение «легких» денег в достаточно

крупных размерах; несовершеннолетний считает, что закон не нарушает, так как зачастую не владеет информацией о товаре, доставку которого осуществляет [6]. Целесообразно также отметить, что подросток зачастую назло противопоставляет себя взрослым, нормам морали, обществу в целом [9]. Психика несовершеннолетних крайне нестабильна, что связано с особенностями человеческой физиологии и психологии.

Несмотря на меры, предпринимаемые государственными органами, наркопреступность среди несовершеннолетних остается стабильно высокой, детская наркомания напрямую влияет на общую криминализацию подростков. И, как было отмечено ранее, вовлекают в преступную деятельность несовершеннолетних – взрослые. В связи с этим, представляется необходимым ужесточить наказание за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Правоприменительная практика отражает, что склонение несовершеннолетнего к потреблению наркотических средств и психотропных веществ в большом количестве случаев сопряжено с его вовлечением в незаконный сбыт наркотических средств. При этом, являясь потребителем, несовершеннолетний добровольно соглашается на преступную деятельность, т. е., склонить его не только к потреблению, но и сбыту наркотиков не представляет для совершеннолетнего лица особой сложности.

Состав преступления, предусмотренный статьей 228.1 УК РФ, обуславливается повышенной общественной опасностью, поскольку посягает на общественную безопасность и общественный порядок. В случае, если несовершеннолетнего склоняют к совершению указанного преступления, общественная опасность содеянного повышается. Склонение несовершеннолетнего к сбыту наркотических средств квалифицируется по аналогии со склонением к их потреблению, поскольку действующее уголовное законодательство не предусматривает отдельного состава или квалифицирующего признака. При этом, на наш взгляд, склонение к сбыту наркотических средств обладает также повышенной общественной опасностью, особенно, если взрослый достигает результата своими действиями, т. е. санкция за склонение несовершеннолетнего к сбыту наркотических средств и психотропных веществ должна быть более жесткой, чем санкция за склонение к потреблению или вовлечению в преступную деятельность.

На наш взгляд, рационально дополнить статью 230 УК РФ квалифицирующим признаком, а именно, указанием на склонение несовершеннолетних к сбыту наркотических средств и психотропных веществ [8].

Введение квалифицирующего признака окажет положительное воздействие на противодействие преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, превентивно скажется на совершеннолетних лицах, которые имеют цель вовлечь несовершеннолетних в преступную деятельность.

Список источников

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 26 апреля 2023 по делу № 10-6225/2023. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 21.11.2025).
2. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 204 г. // Государственный Антинаркотический комитет : офиц. сайт. URL: <https://так.мвд.рф/> (дата обращения: 20.11.2025).
3. Дружинина Л. В. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Вопросы науки и образования. 2020. № 1(85). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-harakteristika-prestupleniysvyazannyh-s-nezakonnym-oborotom-narkoticheskikh-sredstv-1> (дата обращения: 20.11.2025).
4. Информация о преступлениях, совершенных подростками, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, 2022 г. URL: <https://lipetsk.sledcom.ru/> (дата обращения: 21.11.2025).
5. Приговор Дзержинского районного суда г. Ярославля № 1-284/2023 от 27 сентября 2023 г. по делу № 1-284/2023. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 21.11.2025).
6. Рогова Е. В. Вовлечение несовершеннолетних в немедицинское потребление, а также распространение наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в условиях информационной глобализации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vovlechenienesovershennoletnih-v-nemeditsinskoe-potreblenie-a-takzhe-rasprostraneniennarkoticheskikh-sredstv-psihotropnyh-veschestv> (дата обращения: 23.11.2025).
7. Рогова Е. В., Забавко Р. А. Противодействие вовлечению несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершаемому с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Пролог: журнал о праве. 2023. № 2(38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-vovlecheniyunesovershennoletnih-v-nezakonnyy-oborot-narkoticheskikh-sredstv-psihotropnyhveschestv-i-ih-analogov> (дата обращения: 23.11.2025).
8. Уголовный кодекс Российской Федерации : с изм. и доп. на 23 марта 2024 года // Законодательство России. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 23.11.2025).
9. Силантьев В. И. Особенности личности несовершеннолетних преступников // Инновационная наука. 2022. № 3–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-lichnosti-nesovershennoletnihprestupnikov> (дата обращения: 24.11.2025).
10. Татьяна А. В. Наркоситуация в России на современном этапе: проблемный анализ // Вестник ТИУиЭ. 2021. № 2(34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narkosituatsiya-v-rossii-na-sovremennom-etapeproblemnyy-analiz> (дата обращения: 20.11.2025).

Калашникова Екатерина Николаевна

магистрант, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

ekatkalashnikova@yandex.ru

**Разработка многоуровневой системы оценки
социальной эффективности муниципальной поддержки
некоммерческих организаций (на примере г. Костромы)**

***Аннотация.** В статье обосновывается необходимость создания комплексной системы оценки социальной эффективности поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) на муниципальном уровне. На примере города Костромы проводится критический анализ существующей практики оценки, ограниченной формальными и количественными показателями.*

***Ключевые слова:** социальная эффективность, оценка социального воздействия, социально ориентированные некоммерческие организации (СО НКО), муниципальная поддержка.*

Kalashnikova Ekaterina Nikolaevna

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

**Development of a multi-level system for assessing the social effectiveness
of municipal support for non-profit organizations (case study of Kostroma city)**

***Annotation.** The article substantiates the need to create a comprehensive system for assessing the social effectiveness of support for socially oriented non-profit organizations (SONPOs) at the municipal level. Using the example of Kostroma city, a critical analysis of the existing assessment practice, limited to formal and quantitative indicators, is conducted.*

***Keywords:** social effectiveness, social impact assessment, socially oriented non-profit organizations (SONPOs), municipal support, multi-level assessment system, Kostroma city.*

Повышение эффективности бюджетных расходов и переход к управлению, ориентированному на результат, являются ключевыми задачами современной муниципальной социальной политики. В этом контексте поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО), правовой статус которых определен Федеральным законом № 7-ФЗ [4], требует не только выделения ресурсов, но и разработки научно обоснованных механизмов оценки их реального вклада в решение социальных проблем [1, с. 80]. Актуальность данного вопроса для города Костромы подтверждается значительным потенциалом некоммерческого сектора: по состоянию на 2024 год здесь зарегистрировано 627 НКО, из которых 619 имеют статус социально ориентированных [3, с. 5].

Однако действующая практика оценки их деятельности, в том числе в рамках предоставления субсидий по Постановлению Администрации города № 2684 [5] часто ограничивается контролем формальных показателей, таких как своевременность отчетности и соответствие плановым цифрам по охвату, что не позволяет измерить истинное социальное воздействие и долгосрочный эффект программ. Отсутствие в г. Костроме целостной системы не позволяет перейти от учета затрат к оценке социальных результатов и изменений в жизни целевых групп. Гипотеза исследования состоит в том, что внедрение многоуровневой системы оценки, основанной на комбинации количественных и качественных методов с активным вовлечением благополучателей, позволит повысить обоснованность решений о поддержке, эффективность расходования бюджетных средств и качество предоставляемых социальных услуг. Целью статьи является разработка и научное обоснование модели такой системы, адаптированной к специфике муниципального уровня управления.

Теоретической основой исследования послужили концепции социального воздействия, теории заинтересованных сторон и доказательный подход в социальной политике. Анализ международного опыта (таких методов, как Social Return on Investment – SROI, теория изменений) [2, с. 65] показал необходимость их критической адаптации к российским муниципальным условиям, характеризующимся ограниченностью ресурсов и кадрового потенциала. Методологическую базу составили анализ нормативных документов и отчетности администрации г. Костромы, анкетирование руководителей СО НКО ($n = 78$ % респондентов указали на несовершенство текущей оценки), а также сравнительный анализ лучших практик субъектов Российской Федерации (Ленинградская и Оренбургская области). В работе применялись методы системного проектирования, экспертной оценки и моделирования управленческих процессов.

Проведенная диагностика выявила ключевые недостатки существующей практики оценки в г. Костроме [1, с. 80]:

- 1) доминирование количественных показателей (количество мероприятий, участников) над качественными, что не отражает глубину социальных изменений;
- 2) игнорирование мнения конечных благополучателей, ведущее к потере информации о реальном качестве и эффекте услуг;
- 3) отсутствие долгосрочного мониторинга, не позволяющее отследить устойчивость результатов;
- 4) разрыв между оценкой и планированием, когда результаты не влияют на распределение ресурсов в следующем цикле.

Для преодоления этих недостатков нами разработана многоуровневая система оценки социальной эффективности. Ее структура включает три взаимосвязанных уровня:

1. Базовый уровень (обязателен для всех получателей поддержки) оценивает результативность, эффективность использования ресурсов, качество услуг

и устойчивость организации через стандартизированный набор показателей (охват, удовлетворенность благополучателей, доля административных расходов и др.).

2. Отраслевой уровень учитывает специфику сферы деятельности. Например, для организаций в области социальной поддержки вводятся показатели «доля благополучателей, улучшивших социальное положение» и «уровень доступности услуг», а для образовательных НКО – «доля участников, повысивших компетенции».

3. Стратегический уровень измеряет вклад СО НКО в решение приоритетных проблем города через такие показатели, как влияние на социальную ситуацию, уровень межсекторного партнерства и инновационный потенциал проектов.

Ядром методологии является комплексный процесс сбора и анализа данных, построенный на принципе триангуляции (сопоставления данных из разных источников). Он включает: а) анкетирование благополучателей по унифицированным формам для массовой оценки доступности и качества; б) качественные методы (фокус-группы, глубинные интервью с ключевыми информантами) для понимания механизмов изменения жизненных траекторий; в) структурированное наблюдение за процессом оказания услуг; г) экспертный анализ проектной и финансовой документации организаций. Такой подход позволяет перейти от констатации факта оказания услуги к анализу ее социального смысла и эффекта.

Внедрение системы требует создания соответствующих организационно-методических условий. Ключевым организационным механизмом должен стать экспертный совет по оценке социальной эффективности при администрации города, объединяющий представителей власти, научного сообщества, общественности и успешных НКО. Методическое обеспечение включает разработку пакета документов: регламентов, типовых форм отчетности, анкет и чек-листов для наблюдения. Информационное обеспечение предполагает создание муниципальной информационной системы для сбора данных, автоматизированного расчета показателей и визуализации результатов. Важнейшим принципом является замкнутый управленческий цикл: результаты оценки должны напрямую влиять на принятие решений о бюджетном финансировании, формировании социального заказа и корректировке муниципальных программ.

Ожидаемые результаты внедрения носят многосторонний характер. Для органов местного самоуправления система станет инструментом обоснованного, прозрачного и адресного распределения бюджетных средств, что повысит эффективность социальной политики и подотчетность власти. Для социально ориентированных НКО появится возможность объективно продемонстрировать свою социальную значимость, что улучшит доступ к ресурсам, повысит доверие и создаст стимулы для внутреннего организационного развития. Для населения и благополучателей реализация системы приведет к повышению качест-

ва, доступности и разнообразия социальных услуг, а также усилит влияние граждан на процессы их оказания.

Научная новизна исследования заключается в синтезе современных теорий оценки социального воздействия и их операционализации применительно к задачам муниципального управления города. Разработанная модель является не абстрактной схемой, а практико-ориентированным алгоритмом действий, учитывающим ресурсные ограничения и специфику местного некоммерческого сектора. Практическая значимость работы заключается в предоставлении администрации г. Костромы готового проекта для внедрения, включающего детальную структуру показателей, методологию сбора данных и план организационных мероприятий.

Перспективы развития системы связаны с расширением перечня анализируемых данных, внедрением технологий больших данных для прогнозного анализа социальных эффектов, а также интеграцией с региональными и федеральными системами мониторинга. Внедрение предложенной системы оценки станет важным шагом к построению в г. Костроме эффективной экосистемы социального партнерства, основанной на доказательствах, взаимной ответственности и ориентации на реальное улучшение качества жизни горожан.

Список источников

1. Артемьев А. В., Гриб В. В. Оценка эффективности деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций: методические подходы и региональная практика // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 3. С. 78–95.
2. Благирева Е. Н. Социальный возврат на инвестиции (SROI) как инструмент оценки эффективности социальных проектов // Экономика и управление: проблемы, решения. 2021. Т. 1, № 5(113). С. 64–70.
3. Деятельность некоммерческих организаций Костромской области : аналитический обзор. Кострома : Костромастат, 2024. 31 с.
4. О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12 января 1996 № 7-ФЗ : принят Государственной Думой 8 декабря 1995 года // Законодательство России. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 08.09.2025).
5. Об утверждении порядка предоставления из бюджета города Костромы субсидий социально ориентированным некоммерческим организациям в целях финансового обеспечения части затрат, связанных с реализацией социально значимых проектов и программ: Постановление Администрации города Костромы от 12 декабря 2018 г. № 2684. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 08.09.2025).

Калашникова Екатерина Николаевна
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
ekatkalashnikova@yandex.ru

**Совершенствование механизма муниципального социального заказа
на основе сравнительного анализа правовых актов
г. Костромы и г. Ярославля**

***Аннотация.** В статье проводится сравнительный анализ правового регулирования муниципального социального заказа в городских округах Кострома и Ярославль. Объектом исследования выступают нормативные акты администраций г. Костромы и г. Ярославля.*

***Ключевые слова:** муниципальный социальный заказ, социально ориентированные некоммерческие организации (СО НКО), Федеральный закон № 189-ФЗ, государственно-частное партнерство, муниципальное управление.*

Kalashnikova Ekaterina Nikolaevna
undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

**Perfection of the municipal social order mechanism based
on a comparative analysis of legal acts of Kostroma and Yaroslavl**

***Annotation.** The article presents a comparative analysis of the legal regulation of the municipal social order in the urban districts of Kostroma and Yaroslavl. The objects of the study are the regulatory acts of the administrations of the cities of Kostroma and Yaroslavl.*

***Keywords:** municipal social procurement (municipal social order), socially oriented non-profit organizations (SONPOs), Federal Law No. 189-FZ, public-private partnership, municipal management.*

Федеральный закон от 13.07.2020 № 189-ФЗ «О государственном (муниципальном) социальном заказе» делегировал существенный объем правового регулирования на уровень субъектов РФ и муниципалитетов [2]. Это обусловило разнообразие подходов к детализации процедур, что создает возможность для сравнительного анализа и выявления лучших практик. Настоящее исследование сосредоточено на сравнительном анализе правовых актов двух крупных городских округов – Костромы и Ярославля, являющихся административными центрами соседних регионов. Сравнение Постановления Администрации города Костромы от 05.03.2024 № 360 «Об утверждении Порядка формирования муниципальных социальных заказов на оказание муниципальных услуг в социальной сфере на территории города Костромы» [4] (далее – Костромской Порядок) и Постановления Мэрии города Ярославля от 16.02.2021 № 126 «О порядке формирования муниципальных социальных заказов на оказание муниципаль-

ных услуг в социальной сфере, отнесенных к полномочиям органов местного самоуправления, о форме и сроках формирования отчета об их исполнении» [3] (далее – Ярославское Положение) позволяет выявить, насколько по-разному может реализовываться один и тот же федеральный институт на сходном муниципальном уровне. Проблема исследования заключается в выявлении конкретных правовых лакун и недостаточной детализации в Костромском Порядке, которые могут снижать эффективность, прозрачность и конкурентность механизма социального заказа по сравнению с более проработанным ярославским аналогом. Гипотеза состоит в том, что адаптация ряда конкретных процедурных решений из Ярославского Положения позволит повысить качество регулирования и эффективность использования бюджетных средств в г. Костроме. Целью работы является проведение детального сравнительно-правового анализа двух актов, формулировка выявленных преимуществ ярославской модели и разработка на их основе конкретных предложений по совершенствованию Костромского Порядка.

Основным методом исследования выступил сравнительно-правовой анализ, примененный к структуре, содержанию и отдельным нормам двух муниципальных правовых актов. Дополнительно использовались формально-логический и системный методы для интерпретации выявленных различий. В контексте статьи «эффективная муниципальная регламентация социального заказа» понимается как нормативный акт, который не только формально воспроизводит рамки федерального закона, но и операционализирует его принципы через четкие, последовательные и публичные процедуры, устанавливает измеримые критерии для всех этапов – от выявления потребности до оценки результата, а также создает дополнительные гарантии и стимулы для участия социально ориентированных НКО [1].

Результаты сравнительного анализа выявили ряд существенных различий в подходах к регулированию. Ярославское Положение демонстрирует стремление к максимальной конкретике и процессуальной ясности [3]. Его ключевые преимущества включают:

1) детализированные критерии допуска и отбора исполнителей. В статье 6 Ярославского Положения четко прописаны требования к исполнителю: наличие опыта работы не менее одного года (для вновь созданных организаций – квалификация персонала), необходимых материально-технических ресурсов, положительной деловой репутации и отсутствие задолженностей. Это создает объективную и прозрачную основу для оценки заявок;

2) развернутую регламентацию процедуры формирования и размещения заказа. Документ детально описывает этапы: от планирования и обоснования потребности (ст. 4, 5) до способов размещения заказа, включая конкурс, аукцион и прямое финансирование (ст. 9). Прописаны требования к конкурсной документации и порядок работы комиссии;

3) акцент на мониторинге потребностей и планировании. Статья 4 обязывает уполномоченный орган ежегодно проводить мониторинг потребности в социальных услугах, анализируя статистику, обращения граждан и предложения НКО, что способствует адресности заказа;

4) проработанный механизм контроля и отчетности. Закреплены обязанности исполнителя по предоставлению отчетов, порядок проведения проверок, а также меры ответственности за нарушение условий договора (ст. 13, 14).

В отличие от ярославского документа, Костромской Порядок характеризуется большей лаконичностью и обобщенностью формулировок, что создает потенциальные риски правовой неопределенности [4]. Критерии отбора исполнителей, изложенные в Разделе II, носят минимальный и оценочный характер, как, например, требование о «способности исполнить муниципальный контракт», которое не подкреплено конкретными процедурами подтверждения такой способности. Отсутствие четких количественных (стаж работы) или качественных (наличие материальных ресурсов) параметров оставляет значительный простор для субъективного усмотрения при принятии решений. Описание процедуры формирования заказа является схематичным и лишено детализации ключевых этапов, таких как планирование и обоснование потребности. Способы определения поставщика упомянуты в общей форме, без разработки подробного регламента организации конкурсных процедур или формирования конкурсной комиссии. Существенным упущением является отсутствие нормы, обязывающей проводить систематический мониторинг потребностей населения в социальных услугах, что повышает риск формирования заказа, неадекватного актуальным запросам граждан. Кроме того, система контроля и отчетности сформулирована в общем виде, без конкретизации форм отчетных документов и установленной периодичности проверок, что может снижать эффективность административного надзора за исполнением контрактов.

Обсуждение результатов позволяет сформулировать конкретные рекомендации для совершенствования Костромского Порядка на основе сильных сторон Ярославского Положения.

Во-первых, в целях повышения объективности и прозрачности процедуры отбора необходимо дополнить раздел II Костромского Порядка четкими и измеримыми критериями допуска исполнителей. Целесообразно установить требования о минимальном стаже работы (не менее одного года) или, для вновь созданных социально ориентированных НКО, о предоставлении документов, подтверждающих квалификацию ключевого персонала. Помимо этого, следует закрепить обязанность исполнителя подтверждать наличие необходимых материально-технических ресурсов для оказания услуг, а также предоставлять справку об отсутствии задолженности по налогам и сборам. Данная мера позволит повысить качество отбора и минимизировать риски неисполнения муниципального контракта.

Во-вторых, для обеспечения адресности и социальной значимости оказываемых услуг требуется дополнить Костромской Порядок новым разделом, регламентирующим процедуру планирования. В этом разделе должна быть закреплена обязанность уполномоченного органа проводить ежегодный мониторинг потребности населения в социальных услугах. Мониторинг должен основываться на комплексном анализе официальной статистики, обращений граждан, а также предложений, поступающих от самих социально ориентированных некоммерческих организаций. Это позволит формировать перечень услуг, в мак-

симальной степени соответствующий реальным запросам жителей города, и повысить эффективность бюджетных расходов.

В-третьих, для увеличения прозрачности и предсказуемости процедур для участников необходимо детализировать раздел, посвященный способам определения поставщика. Следует подробно прописать порядок формирования и работы конкурсной комиссии, установить четкие требования к составу и содержанию заявочной документации. Такая конкретизация будет способствовать усилению конкурентной среды и повышению доверия к процедурам размещения социального заказа.

В-четвертых, для привлечения к выполнению социального заказа широкого круга исполнителей, особенно малых СО НКО, рекомендуется рассмотреть возможность включения в Костромской Порядок мер финансовой поддержки. Одной из таких мер могло бы стать предусмотренное ярославской практикой авансирование исполнителей на начальном этапе реализации контракта. Это значительно повысило бы финансовую устойчивость организаций-исполнителей и сделало бы механизм социального заказа для них более привлекательным.

Наконец, в-пятых, для повышения управляемости и дисциплины исполнения контрактов требуется конкретизировать систему контроля и отчетности. В Костромском Порядке следует четко прописать установленные формы и периодичность представления исполнителями отчетов о ходе работ. Параллельно необходимо детализировать предмет и периодичность контрольных мероприятий, проводимых муниципальным заказчиком. Это создаст единый и понятный регламент мониторинга хода реализации социально значимых проектов.

Сравнительный анализ показал, что Постановление Мэрии г. Ярославля № 126 представляет собой более зрелую и детализированную модель регламентации муниципального социального заказа, в то время как Костромской Порядок № 360 выполняет минимально необходимую функцию формальной реализации федерального закона. Выявленные различия носят не принципиальный, а технико-юридический характер, что делает заимствование положительного опыта вполне осуществимым. Практическая значимость исследования состоит в предоставлении органам местного самоуправления г. Костромы конкретного, структурированного плана по совершенствованию действующего регламента. Реализация предложенных мер будет способствовать повышению прозрачности, конкурентоспособности и, в конечном итоге, социальной эффективности механизма муниципального социального заказа, усиливая его роль в развитии партнерства между властью и некоммерческим сектором. Таким образом, совершенствование муниципального нормотворчества через изучение и адаптацию лучших практик соседних городов является действенным инструментом повышения качества управления социальной сферой.

Список источников

1. Деятельность некоммерческих организаций Костромской области : аналитический обзор. Кострома : Костромастат, 2024. 31 с.

2. О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере : Федеральный закон Российской Федерации от 13 июля 2020 № 189-ФЗ : принят Государственной Думой 7 июля 2020 года : одобрен Советом Федерации 8 июля 2020 года // Законодательство России. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 08.09.2025).

3. О порядке формирования муниципальных социальных заказов на оказание муниципальных услуг в социальной сфере, отнесенных к полномочиям органов местного самоуправления, о форме и сроках формирования отчета об их исполнении : постановление мэрии города Ярославля от 16 февраля 2021 года № 126 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 08.09.2025).

4. Об утверждении Порядка формирования муниципальных социальных заказов на оказание муниципальных услуг в социальной сфере на территории города Костромы : постановление Администрации города Костромы от 05 марта 2024 № 360 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 08.09.2025).

УДК 34

Карамышев Иван Сергеевич

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

smirnov1983-2011@mail.ru

Незаконная миграция и ее последствия для национальной безопасности России

***Аннотация.** В статье автор выявляет проблемы в сфере миграции, которые влекут за собой угрозу национальной безопасности Российской Федерации, рассматриваются некоторые проблемы вопросы противодействия незаконной миграции.*

***Ключевые слов:** мигрант, незаконная миграция, национальная безопасность, миграционная политика.*

Karamyshev Ivan Sergeevich

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Illegal migration and its consequences for the national security of Russia

***Annotation.** In the article, the author identifies problems in the field of migration, which entail a threat to the national security of the Russian Federation, some problems and issues of countering illegal migration are considered.*

***Keywords:** migrant, illegal migration, national security, migration policy.*

В научной литературе под миграцией понимается переселение из одного региона (государства) в другой. Поскольку миграция оказывает определенной воздействие на социально-демографические и экономические показатели, то государство устанавливает правовой режим въезда и пребывания мигрантов, поэтому она бывает законной и незаконной.

Незаконная миграция стабильно остается одной из важных проблем как отдельных государств, так и всего мирового сообщества в целом. Под незаконной миграцией принято понимать общественно опасное противоправное явление, выражающееся в совершении множества правонарушений, связанных с въездом иностранных граждан и лиц без гражданства на территорию иностранного государства, их нахождением, перемещением по его территории, выездом за пределы иностранного государства [1].

Из-за своего статуса или обстоятельств мигранты могут быть более уязвимы, так как у данных лиц фактически отсутствуют права и гарантии на хорошую жизнь, ввиду нестабильного финансового положения их легко завербовать в ряды террористических организаций. Вербовщики применяют различные способы воздействия, самыми действенными являются привитие взглядов радикальных вер, а также финансовая поддержка. Мигранты, участвуя в деятельности террористических организаций, представляют особую опасность. С одной стороны, они являются незащищенной группой населения, которой нечего терять, поэтому они готовы участвовать в наиболее опасных и жестоких терактах. С другой стороны, ввиду неконтролируемой незаконной миграции никому неизвестно местоположение и количество участников террористических организаций [2].

Подавляющее большинство незаконных мигрантов въезжает в России легально, с действительными документами, однако становятся нелегалами, нарушая порядок пребывания или сроки пребывания в стране, но чаще всего из-за несоответствия заявленных и реальных целей приезда. В России самым распространенным является въезд по визе на учебу с последующей незаконной трудовой деятельности.

С. П. Лучшев, провел глубокое исследование в рамках исследования социально-политических и военных угроз незаконной миграции для безопасности РФ, результатом которого являются следующие выводы: «необходимо ужесточение административной ответственности в отношении работодателей, которые нанимают нелегальных мигрантов, не имеющих разрешения на работу; усиление контроля за целью прибытия мигрантов, причиной выбытия из своей страны, а также составом прибывших мигрантов, особенно тех, кто впервые въезжает в страну; усиление работы по депортации граждан, если ими было не соблюдено и нарушено законодательство страны, при этом такой процесс должен носить невозвратный характер и др.» [3].

Неграмотная миграционная политика приводит к увеличению незаконной миграции, что в свою очередь неизбежно приводит к увеличению преступности: это и коррупция в структурах МВД, отвечающих за миграцию, все возможные правонарушения (воровство, распространение наркотиков), а самое важное,

что создается напряженная социальная обстановка между «местными» и «приезжими», что нередко приводит к более серьезным правонарушениям.

Необходимо помнить, что, несмотря на общее историческое прошлое, страны ближнего зарубежья сегодня сильно не похожи на Россию в культурном и общественно-политическом плане. Их масштабная и неконтролируемая миграция может оказать отрицательное воздействие на социальные и экономические сферы России. Исходя из вышесказанного, важно работать не только над количеством мигрантов, но и над их «качеством».

Важным направлением, в котором необходимо активизироваться, является работа российской дипломатии и общественных организаций в странах, где проживает достаточное количество русского населения, с целью просвещения, подготовки и помощи гражданам, желающим вернуться или переехать в Россию.

Нам необходимо развивать механизмы поддержки соотечественников и помощи в переселении. Требуется усилить поддержку (финансовую, информационную, юридическую) российских дипломатических представительств и общественных организаций в странах, где проживает значительное количество русских, для оказания помощи в репатриации или переезде в Россию. Данную политику поддерживает президент Российской Федерации В. В. Путин [4]. Поощрение легальной миграции соотечественников может компенсировать нехватку рабочей силы, а также способствует укреплению связей с Россией.

Поддерживая мнение С. П. Лучшева, мы предлагаем ужесточить административную ответственность (вплоть до уголовной) для работодателей, нанимающих иностранных граждан без разрешения на работу. Это может включать увеличение штрафов, лишение права на осуществление определенной деятельности (например, ведение бизнеса), а также введение более жестких санкций для повторных нарушений.

Также создание международно-информационной базы в сфере борьбы с незаконной миграцией позволило бы планировать и проводить профилактические мероприятия и специальные операции по противодействию незаконной миграции, проводить процедуры установления лиц, которые разыскиваются за совершенные миграционные правонарушения и преступления.

Список источников

1. Бучаков С. А. Незаконная международная миграция и угроза терроризма // Вестник Омского университета. Серия: право. 2019. № 2. С. 114–121.

2. Лапук В. Е., Демидова Т. К. Незаконная миграция как один из факторов распространения терроризма. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezakonnaya-migratsiya-kak-odin-iz-faktorov-rasprostraneniya-terrorizma> (дата обращения: 25.11.2025).

3. Лучшев С. П. Социально-политические и военные угрозы незаконной миграции для безопасности Российской Федерации // Анализ социально-экономического состояния и перспектив развития Российской Федерации : материалы 6-й Междунар. студ. науч.-практ. конф. / Гос. ун-т управления. М., 2019. С. 119–125.

4. Указ Президента РФ от 22.06.2006 № 637 (ред. от 18.09.2024) «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 25.11.2025).

УДК 342.7:347.963(045)

Картузова Ангелина Владимировна

студент, Костромского государственного университета

г. Кострома, Российская Федерация

kartuzova.gelya@mail.ru

Отдельные проблемы и перспективы совершенствования правового регулирования рассмотрения обращений граждан в органах прокуратуры Российской Федерации

***Аннотация.** В статье анализируется современное состояние института рассмотрения обращений граждан в органах прокуратуры. Автором выявлены пробелы правового регулирования, влияющие на эффективность защиты прав заявителей. Особое внимание уделено актуальной проблематике защиты прав участников специальной военной операции (СВО) и членов их семей. Обосновывается необходимость законодательного закрепления сокращенных процессуальных сроков для данной категории заявителей как меры, направленной на повышение оперативности мер, принимаемых прокуратурой в ответ на выявленные нарушения законности.*

***Ключевые слова:** органы прокуратуры, обращения граждан, правозащитная функция, сроки рассмотрения, участники СВО, совершенствование законодательства, прокурорский надзор.*

Kartuzova Angelina Vladimirovna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Separate problems and prospects of improving the legal regulation of processing citizens' appeals in the prosecutor's office of the Russian Federation

***Annotation.** The article analyzes the current state of the institution of processing citizens' appeals in the prosecutor's office. Identified gaps in legal regulation that affect the effectiveness of protecting the rights of applicants. Special attention is paid to the current issues of protecting the rights of participants in the special military operation (SMO) and their family members. The article substantiates the need for legislative consolidation of reduced procedural deadlines for this category of applicants as a measure aimed at increasing the efficiency of measures taken by the prosecutor's office.*

Keywords: *prosecutor's office, citizens' appeals, human rights function, review periods, participants in the special military operation, improvement of legislation, and prosecutorial supervision.*

Право на обращение в государственные органы, закрепленное ст. 33 Конституции Российской Федерации, является одним из фундаментальных элементов демократического правового государства. В системе защиты прав и свобод человека и гражданина особое место занимают органы прокуратуры, которые фактически исполняют роль «универсального правозащитника». Постоянный рост числа заявлений, направляемых в прокуратуру, указывает на высокий уровень доверия со стороны граждан к этой инстанции, но в то же время выявляет некоторые проблемы, связанные с правоприменением и организацией работы ведомства.

Порядок рассмотрения обращений в органах прокуратуры регулируется:

- Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ст. 10);
- Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»;
- ведомственным Приказом Генпрокуратуры России от 30.01.2013 № 45.

Несмотря на наличие обширной нормативной базы, на практике возникают трудности, связанные с подсчетом сроков и определением приоритетов при рассмотрении жалоб. В соответствии с законодательством, общий срок рассмотрения обращения составляет до 30 дней (с возможностью продления еще на 30 дней). Однако в современных условиях этот срок часто не обеспечивает необходимую оперативность, особенно когда речь заходит о социальных группах, находящихся в уязвимом положении, или о случаях, требующих немедленного реагирования.

Анализ правоприменительной практики показывает, что указанные сроки, являясь универсальными для всех категорий граждан, не учитывают специфику жизненных ситуаций, в которых находятся участники СВО. Вопросы, связанные с выплатой денежного довольствия, получением статуса ветерана боевых действий, оказанием медицинской помощи и реабилитацией, требуют безотлагательного решения. Длительное ожидание ответа (до одного месяца) в условиях ведения боевых действий или нахождения на лечении зачастую приводит к существенному нарушению прав заявителей и росту социальной напряженности.

Оценка реализации законодательных положений в реальных жизненных ситуациях позволяет сформулировать предложение по оптимизации правового регулирования, которое обладает научной новизной и практической значимостью. Мною предлагается внести изменения в статью 10 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», закрепив в ней специальный (усеченный) процессуальный срок для рассмотрения обращений участников специальной военной операции и членов их семей. Предлагаем установить срок рас-

смотрения обращений указанной категории граждан, не требующих дополнительного изучения и проверки, – не позднее 7 дней (вместо общих 15).

Установить срок рассмотрения обращений, требующих проведения проверки, истребования материалов и принятия иных мер прокурорского реагирования, – не позднее 15 дней (вместо общих 30).

Продление срока допускать только в исключительных случаях с обязательным немедленным уведомлением заявителя и мотивированным обоснованием причин задержки руководителем прокуратуры субъекта. Данная мера позволит дисциплинировать должностных лиц, ответственных за проведение проверок, и обеспечит реальную, а не декларативную приоритетность защиты прав защитников Отечества. Это соответствует общей стратегии государства по оказанию помощи участникам специальной военной операции и нуждается в законодательном оформлении в форме Федерального закона, а не только внутренних ведомственных актов, чтобы иметь императивный характер для всех субъектов правоотношений.

Оптимизация процесса обработки обращений в прокуратуре требует дифференцированного подхода к правовому регулированию, учитывающего важность вопроса для общества и положение заявителя. Ускоренное рассмотрение жалоб, поданных участниками СВО, позволит значительно повысить эффективность прокурорского контроля и укрепить законность в области социальной поддержки военнослужащих.

Для реализации этой инициативы необходимо внести адресные поправки в Федеральный закон «О прокуратуре РФ», что представляется актуальным и целесообразным шагом в текущих условиях. Это позволит более оперативно и качественно реагировать на проблемы, с которыми сталкиваются военнослужащие, нуждающиеся в особой защите.

УДК 349.2

Кварталова Наталия Валерьевна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

nata.kvartalova@mail.ru

Соотношение тяжести совершенного муниципальным служащим дисциплинарного проступка с дисциплинарным взысканием

***Аннотация.** В статье рассматривается привлечение муниципального служащего к дисциплинарной ответственности. Проводится анализ судебной практики по делам о привлечении муниципальных служащих к дисциплинарной ответственности. Анализируется соразмерность тяжести дисциплинарного проступка с дисциплинарным взысканием.*

Ключевые слова: муниципальный служащий, дисциплинарная ответственность, муниципальная служба, дисциплинарные взыскания, дисциплинарный проступок.

Kvartalova Natalia Valerievna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The relationship between the severity of a disciplinary offense committed by a municipal employee and the disciplinary sanction

Annotation. *This article examines the disciplinary action taken against municipal employees. It analyzes judicial practice in cases involving disciplinary action against municipal employees. It also examines the proportionality between the severity of the disciplinary offense and the disciplinary sanction.*

Keywords: *municipal employee, disciplinary responsibility, municipal service, disciplinary sanctions, disciplinary offense.*

Дисциплинарная ответственность муниципальных служащих – это сложный механизм, призванный обеспечить эффективную работу органов местного самоуправления и пресекать нарушения служебной дисциплины. Он балансирует между необходимостью наказания за дисциплинарные проступки и защитой прав и законных интересов самих муниципальных служащих.

Соотношение тяжести совершенного муниципальным служащим дисциплинарного проступка с назначенным дисциплинарным взысканием осуществляется с учетом характера и степени вины муниципального служащего, обстоятельств совершения дисциплинарного проступка, а также предшествующего поведения и отношения муниципального служащего к службе. В части 1 статьи 27 Федерального закона от 02.03.2007 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [3] закреплены следующие виды дисциплинарных взысканий для муниципальных служащих: замечание, выговор и увольнение. В связи с тем, что порядок применения и снятия дисциплинарных взысканий определяется трудовым законодательством, за исключением случаев, предусмотренных Федеральным законом от 02.03.2007 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [3], представитель нанимателя (работодатель) в соответствии со статьей 192 «Трудового кодекса Российской Федерации» от 30.12.2001 года № 197-ФЗ [2] при наложении дисциплинарного взыскания на муниципального служащего должен учитывать тяжесть совершенного дисциплинарного проступка и обстоятельства, при которых он был совершен. Данная норма предполагает, что менее тяжкие дисциплинарные проступки влекут менее строгие дисциплинарные наказания (например, замечание или выговор), в то время как серьезные дисциплинарные проступки, особенно повторные или грубые, могут привести к увольнению муниципального служащего.

Анализируя судебную практику, мы рассмотрели определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20 августа 2024 года № 88-

15347/2024 [4]. Из материалов дела известно, что истец обратился в суд с иском к Департаменту имущественных отношений Администрации города Омска о признании незаконным применения дисциплинарного взыскания в виде выговора. Работодатель предложил истцу предоставить письменные объяснения по фактам нарушения с его стороны правил внутреннего трудового распорядка, нарушения установленных сроков исполнения служебных документов, однако ему не было указано, какие конкретно факты нарушений им были допущены. Истец предоставил письменные объяснения об отсутствии с его стороны нарушений правил внутреннего трудового распорядка, нарушений установленных сроков исполнения документов. Также истец был ознакомлен с приказом исполняющего обязанности директора Департамента о привлечении его к дисциплинарной ответственности, наложении дисциплинарного взыскания в виде выговора. В связи с чем истец просил суд признать незаконным приказ исполняющего обязанности директора Департамента имущественных отношений Администрации города Омска. Решением Октябрьского районного суда города Омска от 27 декабря 2023 года исковые требования удовлетворены, приказ Департамента имущественных отношений Администрации города Омска от 14 сентября 2023 года «О дисциплинарном взыскании» в отношении истца признан незаконным и отменен.

Из определения суда мы видим, что в кассационной жалобе, поданной в Восьмой кассационный суд общей юрисдикции, Департамент имущественных отношений Администрации города Омска просит отменить решение Октябрьского районного суда города Омска от 27 декабря 2023 года и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Омского областного суда от 4 апреля 2024 года. Однако, проверив материалы дела, обсудив доводы, изложенные в кассационной жалобе, судебная коллегия по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции полагает кассационную жалобу подлежащей оставлению без удовлетворения.

Суд указал, что обстоятельством, имеющим значение для правильного рассмотрения дела об оспаривании дисциплинарного взыскания и подлежащим доказыванию работодателем, является соблюдение работодателем при применении к муниципальному служащему дисциплинарного взыскания вытекающих из статей 1, 2, 15, 17, 18, 19, 54 и 55 Конституции Российской Федерации [1] и признаваемых Российской Федерацией как правовым государством общих принципов юридической, а следовательно и дисциплинарной, ответственности, таких, как справедливость, равенство, соразмерность, законность, вина, гуманизм.

В этих целях работодателю необходимо представить доказательства, свидетельствующие не только о том, что муниципальный служащий совершил дисциплинарный проступок, но и о том, что при наложении на него дисциплинарного взыскания учитывались тяжесть совершенного проступка и обстоятельства, при которых он был совершен, а также предшествующее поведение муниципального служащего, его отношение к труду.

Вопреки доводов кассационной жалобы судами первой и апелляционной инстанций обоснованно принято во внимание, что работодателем при истребовании от работника объяснений не было указано на конкретные даты и существо допущенных им нарушений трудовой дисциплины, а также на даты и реквизиты служебных документов, которые были изготовлены истцом с пропуском установленного срока для их исполнения, что фактически лишило истца возможности дать объяснения по существу вменяемых нарушений.

Также суд определил, что не влекут отмену оспариваемых судебных актов доводы кассационной жалобы о нарушении сроков изготовления большинства документов, в этой части судами первой и апелляционной инстанций сделан верный вывод, что с учетом нарушения работодателем порядка истребования объяснений, составления приказа о привлечении муниципального служащего к дисциплинарной ответственности без описания дисциплинарного проступка, времени и места его совершения применение к истцу дисциплинарной ответственности в виде выговора не отвечает принципам юридической и дисциплинарной ответственности, таким как справедливость, соразмерность, законность, вина и гуманизм, при наложении дисциплинарного взыскания работодателем не учтены тяжесть совершенного проступка и обстоятельства, при которых он был совершен, предшествующее поведение муниципального служащего, его отношение к труду.

Таким образом, из определения суда мы видим, что работодатель не учел соразмерность совершенного муниципальным служащим дисциплинарного проступка с дисциплинарным взысканием, выбрав на свое усмотрение наиболее тяжкое дисциплинарное взыскание в виде выговора, хотя совершенный муниципальным служащим дисциплинарный проступок не повлек никаких негативных последствий для Администрации города Омска. В связи с чем, работодатель нарушил право муниципального служащего на применение к нему соразмерного дисциплинарного взыскания, отвечающее общим принципам юридической, а, следовательно, и дисциплинарной, ответственности, таких, как справедливость, равенство, соразмерность, законность, вина и гуманизм.

Подводя итог всему вышенаписанному, мы выявили, что в законодательстве о муниципальной службе виды дисциплинарных взысканий не конкретизированы соответствующими по тяжести дисциплинарными проступками. В связи с чем, мы предлагаем часть 1 статьи 27 Федерального закона от 02.03.2007 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [3] изложить в следующей редакции:

«1. За совершение дисциплинарного проступка – неисполнение или ненадлежащее исполнение муниципальным служащим по его вине возложенных на него служебных обязанностей – представитель нанимателя (работодатель) имеет право применить следующие дисциплинарные взыскания:

1) замечание, за совершение проступков, не повлекших за собой негативных последствий для работодателя и третьих лиц;

2) выговор, за совершение проступков, повлекших незначительные негативные последствия для работодателя и третьих лиц, либо за неоднократное совершение дисциплинарных проступков, не повлекших незначительные негативные последствия для работодателя и третьих лиц;

3) увольнение по основаниям, указанным в статье 19 настоящего Федерального закона».

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 03.12.2025).

2. Российская Федерация. Законы. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 03.12.2025).

3. О муниципальной службе в Российской Федерации Российская Федерация : Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (с изм. в ред. от 30.09.2024) принят Государственной Думой 7 февраля 2007 года : одобрен Советом Федерации 21 февраля 2007 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 03.12.2025).

4. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20 августа 2024 года № 88-15347/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: [https:// www.sudact.ru](https://www.sudact.ru) (дата обращения: 03.12.2025).

УДК 349.2

Корнева Анна Сергеевна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

anna.korneva01@inbox.ru

Правовое регулирование трудовых отношений с участием инвалидов в России на современном этапе развития

***Аннотация.** В данной статье рассматривается правовое регулирование трудовых отношений с участием инвалидов в России. Анализируются текущие нормативные акты, существующие проблемы и предложения по улучшению системы. Основное внимание уделяется необходимости повышения возможностей трудоустройства инвалидов и адаптации трудового законодательства к их нуждам.*

***Ключевые слова:** трудовые отношения, инвалиды, правовое регулирование, квотирование рабочих мест, индивидуальная программа реабилитации, занятость инвалидов, социальная защита.*

Korneva Anna Sergeevna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Legal regulation of labor relations involving disabled people in Russia at the current stage of development

***Annotation.** This article examines the legal regulation of labor relations involving people with disabilities in Russia. It analyzes current regulations, existing problems, and proposals for improving the system. The main focus is on the need to increase employment opportunities for people with disabilities and adapt labor legislation to their needs.*

***Keywords:** labor relations, people with disabilities, legal regulation, job quotas, individual rehabilitation programs, employment of people with disabilities, and social protection.*

Трудовые отношения с участием инвалидов становятся все более актуальными в свете современного общества, где равенство и доступность труда для всех граждан считаются важными принципами. В России правовая база, регулирующая трудовые отношения инвалидов, строится на различных федеральных законах и подзаконных актах. Однако, несмотря на наличие законодательного регулирования, по-прежнему существуют серьезные проблемы, препятствующие полноценному трудоустройству инвалидов.

Актуальность исследования обусловлена значительной численностью инвалидов в Российской Федерации, которая по состоянию на конец 2024 года составила свыше 11 миллионов человек. 1,6 миллиона человек находятся в трудоспособном возрасте, из них: 61 тыс. – инвалиды I группы, 523 тыс. – инвалиды II группы, 1 055 тыс. – инвалиды III группы.

Согласно официальной статистике, лишь около 32 % инвалидов трудоспособного возраста имеют занятость, что свидетельствует о наличии существенных барьеров в реализации их конституционного права на свободу труда. Государственная политика в этой сфере направлена на предоставление инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации трудовых прав, повышение их конкурентоспособности на рынке труда и создание условий для профессиональной самореализации. Целью настоящей статьи является комплексный анализ действующей нормативной правовой базы, регулирующей трудовые отношения с участием инвалидов, выявление системных проблем и формулирование предложений по совершенствованию механизмов обеспечения занятости данной категории граждан.

Правовую основу регулирования трудовых отношений с участием инвалидов в России составляют международные и национальные нормативные правовые акты. Ключевым документом является Федеральный закон от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», который определяет базовые понятия, включая само понятие «инвалид», и устанавливает основные гарантии их социальной защиты. Согласно последним изменениям, вступившим в силу с 1 марта 2025 года, инвалид определяется как «лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функ-

ций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты». Важным нововведением является более четкое разделение: для лиц в возрасте до 18 лет устанавливается категория «ребенок-инвалид», а для лиц старше 18 лет – группа инвалидности в зависимости от степени расстройства функций организма.

Значительную роль в регулировании трудовых отношений играет Трудовой кодекс Российской Федерации, который закрепляет дополнительные гарантии для работников-инвалидов, включая сокращенную продолжительность рабочего времени, удлиненный отпуск и ограничения при привлечении к работе в ночное время и сверхурочным работам. Кроме того, Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» устанавливает обязанности работодателей по квотированию рабочих мест для инвалидов и их взаимодействию с органами службы занятости.

Анализ последних изменений в законодательстве позволяет выявить несколько значимых тенденций. Во-первых, это расширение реабилитационной направленности социальной защиты инвалидов. В редакции Федерального закона № 181-ФЗ от 29.10.2024 вводится понятие «целевая реабилитационная группа», которая определяется в зависимости от структуры и степени расстройств функций организма и ограничений жизнедеятельности инвалида. Это нововведение направлено на применение наиболее эффективных подходов к восстановлению или компенсации нарушенных функций организма.

Во-вторых, наблюдается усиление межведомственного подхода к решению проблем занятости инвалидов. В сентябре 2024 года Правительством Российской Федерации была утверждена Концепция по повышению уровня занятости инвалидов в Российской Федерации на период до 2030 года, которая определяет цель, принципы, задачи и основные направления государственной политики в этой сфере. Концепция акцентирует внимание на необходимости привлечения к решению проблемы не только организаций-работодателей и общественных организаций инвалидов, но и широкого круга научных, образовательных и некоммерческих организаций.

Работодатель обязан создавать для инвалидов условия труда в соответствии с индивидуальной программой реабилитации или абилитации (ИПР). Данный документ разрабатывается федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы и содержит комплекс оптимальных для инвалида реабилитационных мероприятий, включая виды, формы, объемы, сроки и порядок реализации медицинских, профессиональных и других реабилитационных мер.

Создание специального рабочего места для работника-инвалида осуществляется с учетом:

- вида деятельности организации и специфики требований охраны труда;
- профессии и характера выполняемых работ;
- группы инвалидности и характера функциональных нарушений;
- специфики конкретного рабочего места;

– механизации и автоматизации производственного процесса.

Запрещено использовать труд инвалидов в условиях, превышающих гигиенические нормативы, установленные Санитарными правилами. К таким факторам относятся повышенные уровни шума, вибрации, неблагоприятные параметры микроклимата, вредные химические и биологические вещества, чрезмерные физические и нервно-психические нагрузки.

Одним из ключевых механизмов обеспечения занятости инвалидов является установление квот для приема на работу. Согласно действующему законодательству:

- для организаций с численностью работников более 100 человек устанавливается квота в размере от 2 % до 4 % от среднесписочной численности;
- для организаций с численностью от 35 до 100 человек – не более 3 %.

Конкретный размер квоты устанавливается законодательством субъекта Российской Федерации с учетом ситуации на региональном рынке труда. Например, в Москве для организаций с численностью более 100 работников установлена квота в размере 2 %.

С 1 сентября 2024 года вступили в силу новые правила, согласно которым работодатели обязаны ежеквартально до 10 числа месяца, следующего за отчетным кварталом, производить расчет количества работников, принимаемых в счет квоты. Также установлена ежемесячная обязанность информировать службу занятости о выполнении квоты не позднее 10 числа месяца, следующего за отчетным.

Важным нововведением является усиление административной ответственности за невыполнение квот для трудоустройства инвалидов. С 20 ноября 2024 года размеры штрафов значительно увеличены:

- для должностных лиц – от 20 000 до 30 000 рублей (ранее составлял 5 000–10 000 рублей);
- для индивидуальных предпринимателей – от 30 000 до 50 000 рублей;
- для юридических лиц – от 50 000 до 100 000 рублей.

Утвержденная в сентябре 2024 года Концепция по повышению уровня занятости инвалидов в Российской Федерации на период до 2030 года предусматривает реализацию комплексного системного подхода к решению проблем занятости инвалидов. Концепция акцентирует внимание на развитии новых гибких форм занятости, создающих дополнительные возможности для инвалидов в условиях современной ситуации высокого спроса на российском рынке труда.

Одной из значимых инициатив является развитие движения «Абилимпикс» – общероссийского объединения участников, экспертов и наставников чемпионата по профессиональному мастерству среди инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья. Деятельность этого движения направлена на формирование механизмов комплексной профессиональной реабилитации, создание единого образовательного пространства, расширение перечня новых профессий для людей с инвалидностью, обеспечение эффективной профессиональной ориентации и мотивации получения профессионального образования.

Несмотря на развитую нормативную базу, практическая реализация законодательства о труде инвалидов сталкивается с рядом системных проблем. Согласно Концепции по повышению уровня занятости инвалидов, почти три четверти инвалидов трудоспособного возраста в 2024 году оставались не вовлеченными в трудовую деятельность. Основными причинами этого являются:

- нежелание инвалидов трудиться по предлагаемым вакансиям, что часто связано с несоответствием предлагаемых условий труда индивидуальным потребностям и ограничениям здоровья;
- недостаточная заинтересованность работодателей в найме инвалида на постоянную работу, обусловленная стереотипами и опасениями дополнительных затрат на создание специальных рабочих мест;
- слабая мотивация и трудности в адаптации инвалидов в трудовом коллективе.

Культурные факторы также оказывают значительное влияние на положение инвалидов на рынке труда. Как отмечается в исследованиях, многие инвалиды в России сталкиваются с плохим обеспечением, а инвалидность часто рассматривается как нечто постыдное, что необходимо скрывать. Это создает дополнительные барьеры для интеграции инвалидов в трудовые коллективы.

Анализ нормативной правовой базы позволяет выявить ряд пробелов и противоречий. Одной из проблем является несовершенство механизма квотирования. До недавнего времени квота считалась выполненной уже при создании рабочих мест в штатном расписании, без требования их фактического заполнения инвалидами. Только с 2024 года было инициировано изменение подхода, согласно которому квота считается выполненной лишь после фактического трудоустройства инвалидов.

Еще одной проблемой является недостаточная координация между различными органами власти и организациями, участвующими в процессе обеспечения занятости инвалидов. Несмотря на введение в законодательство понятия «межведомственное информационное взаимодействие», на практике сохраняются барьеры в обмене информацией между учреждениями медико-социальной экспертизы, службами занятости и работодателями.

Также можно отметить противоречие между правом инвалида не сообщать работодателю о своем статусе и невозможностью получить положенные льготы и гарантии без предъявления соответствующих документов. Это ставит инвалидов перед сложным выбором: либо сообщить о своем статусе и получить гарантии, но рискнуть столкнуться с дискриминацией, либо скрыть свой статус и лишиться положенных льгот.

На основе проведенного анализа можно предложить следующие направления совершенствования законодательства:

1. Развитие механизма целевой реабилитационной группы, введенного в 2024 году. Необходимо разработать детализированные критерии отнесения инвалидов к конкретным целевым реабилитационным группам и определить

для каждой группы соответствующий набор реабилитационных мероприятий и условий труда.

2. Стимулирование работодателей к созданию специальных рабочих мест путем расширения системы налоговых льгот и субсидий. В настоящее время некоторые льготы предусмотрены для общественных организаций инвалидов и компаний, чей уставный капитал состоит из вкладов таких организаций, однако этого явно недостаточно для массового привлечения работодателей.

3. Усовершенствование процедуры разработки и реализации индивидуальной программы реабилитации или абилитации. Целесообразно предусмотреть более активное участие работодателей в этом процессе на стадии разработки ИПР, что позволит учитывать реальные возможности и потребности конкретных организаций.

Помимо изменений в законодательстве, необходима реализация комплекса организационно-управленческих мер:

1. Развитие системы сопровождаемого трудоустройства, включающей не только содействие в поиске работы, но и последующее сопровождение инвалида на рабочем месте, помощь в адаптации и решении возникающих проблем.

2. Расширение практики наставничества в отношении инвалидов. Как отмечается в Концепции, наставник – это «лицо, имеющее значительный опыт работы в определенной сфере, привлекаемое в целях содействия профессиональному развитию наставляемого». Развитие этого института может значительно облегчить интеграцию инвалидов в трудовые коллективы.

3. Внедрение современных цифровых технологий в процесс содействия занятости инвалидов. В 2021 году был подписан закон, создающий единую цифровую платформу для предоставления консультаций по вопросам занятости. Необходимо активное развитие этой платформы с учетом специальных потребностей инвалидов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, последние изменения в законодательстве, вступившие в силу в 2024–2025 годах, направлены на совершенствование механизмов обеспечения занятости инвалидов и усиление ответственности работодателей за нарушение установленных норм.

Вместе с тем, сохраняются значительные проблемы в практической реализации законодательных положений, о чем свидетельствует низкий уровень занятости инвалидов по сравнению со средними показателями по стране. Для решения этих проблем необходим комплексный подход, включающий дальнейшее совершенствование законодательства, развитие механизмов стимулирования работодателей, внедрение современных технологий сопровождения трудоустройства и изменение общественного сознания в отношении трудового потенциала инвалидов.

Перспективными направлениями дальнейших исследований могли бы стать сравнительный анализ российского и зарубежного опыта регулирования трудовых отношений с участием инвалидов, а также разработка научно обосно-

ванных методик оценки эффективности применяемых мер социальной защиты и содействия занятости инвалидов.

УДК 342.547

Кузнецов Дмитрий Сергеевич

магистрант, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

alekner@yandex.ru

Сравнительный анализ государственной гражданской службы Российской Федерации и Федеративной Республики Германия.

Возможность разработки института обязательной подготовительной службы в России

***Аннотация.** В статье проводится сравнительный анализ государственной гражданской службы Российской Федерации и Федеративной Республики Германия. Автор выявляет фундаментальные сходства в принципах организации государственной службы, а также ключевые различия, обусловленные особенностями государственного устройства и правовых систем. Особое внимание уделяется анализу института обязательной подготовительной службы государственных служащих в Германии. На основе проведенного исследования обосновывается предложение о поэтапной разработке аналогичного института в России с учетом особенностей законодательства и государственного устройства для повышения профессиональной подготовки государственных служащих, сокращения адаптационного периода и повышения престижа государственной службы.*

***Ключевые слова:** государственная гражданская служба Российской Федерации, государственная гражданская служба Федеративной Республики Германия, сравнительный анализ институтов государственной гражданской службы, принципы государственной гражданской службы, институт обязательной подготовительной службы Федеративной Республики Германия, организационная структура государственной гражданской службы.*

Kuznetsov Dmitry Sergeevich

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

A comparative analysis of the civil service institutions of the Russian Federation and the Federal Republic of Germany.

The possibility of developing a mandatory preparatory service system in Russia

***Annotation.** This article provides a comparative analysis of the civil service institutions of the Russian Federation and the Federal Republic of Germany. The author identifies fundamental similarities in the principles of civil service organization, as well as key differences arising from the specificities of their respective government structures and legal systems. Particular attention is paid to the analysis of the mandatory preparatory service system for civil servants in Germany. Based on the conducted research, a proposal is made for the phased development of a similar system in Rus-*

sia, taking into account the specifics of legislation and government structure, to improve the professional training of civil servants, shorten the adaptation period, and enhance the prestige of civil service.

Keywords: *civil service of the Russian Federation, civil service of the Federal Republic of Germany, comparative analysis of civil service institutions, principles of civil service, mandatory preparatory service system in the Federal Republic of Germany, organizational structure of the civil service.*

Институт государственной гражданской службы является одним из ключевых механизмов обеспечения эффективности государственного управления. В условиях проводимых в Российской Федерации административных реформ, направленных на оптимизацию государственного аппарата и повышение качества предоставления государственных услуг, особую актуальность приобретает изучение зарубежного опыта организации публичной службы. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 29 октября 2024 года № 922, предусматривающему сокращение не менее чем на 10 % штата территориальных подразделений государственных органов с 1 июля 2025 года, перед российской системой государственной службы стоит задача не только количественной, но и качественной оптимизации [1].

Федеративная Республика Германия представляет особый интерес для сравнительного анализа, поскольку обе страны принадлежат к континентальной правовой семье, имеют федеративное государственное устройство и сталкиваются со схожими вызовами цифровизации государственного управления. Германская модель государственной службы, основанная на традиционных принципах профессиональной государственной службы, закрепленных в статье 33 Основного закона ФРГ, демонстрирует высокую эффективность и может стать источником изучения отдельных ее институтов для совершенствования российской системы [2].

Институты государственной гражданской службы Российской Федерации и Федеративной Республики Германия демонстрируют значительные сходства в фундаментальных принципах организации и функционирования, что обусловлено общими задачами современного правового государства по обеспечению эффективного государственного управления.

Конституционное закрепление принципов. В обеих странах основополагающие принципы государственной службы закреплены в конституционных актах. Как отмечает Е. Г. Шаблова, основным источником правового регулирования государственной службы является Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г., которая определяет принципы организации и деятельности государственной службы [3]. На основе Конституции РФ принят Федеральный закон РФ «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ, который определяет организационные основы системы государственной службы РФ и ее виды. Аналогичным образом в Германии важные положения содержатся в разделах Основного закона ФРГ, который устанавливает принципы формирования и функционирования государственной службы.

Принцип профессионализма. В российском законодательстве он закреплен в ч. 1 статьи 3 Федерального закона от 27.05.2003 № 58-ФЗ как «профессионализм и компетентность государственных служащих» [4]. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 18 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ, гражданский служащий обязан «исполнять должностные обязанности добросовестно, на высоком профессиональном уровне» [5]. В законодательстве Германии принцип профессионализма находит выражение в концепции профессиональной государственной службы, предусмотренной абзацем 5 статьи 33 Основного закона ФРГ.

Оба государства придают особое значение принципу политической нейтральности государственных служащих. В Германии принцип политической нейтральности закреплен в параграфе 33 Закона о статусе государственной службы ФРГ [6], который предписывает государственным служащим при политической деятельности соблюдать ту умеренность и сдержанность, которая вытекает из их положения по отношению к обществу и из учета обязанностей их должности. В Российской Федерации п. 7 ч. 1 ст. 18 ФЗ № 79-ФЗ устанавливает обязанность гражданского служащего «соблюдать нейтральность, исключаящую возможность влияния на свою профессиональную служебную деятельность решений политических партий, других общественных объединений, религиозных объединений и иных организаций».

Равный доступ к государственной службе. В России ч. 4 ст. 32 Конституции РФ гарантирует гражданам «равный доступ к государственной службе» [7]. В Германии статья 33 абзац 2 Основного закона ФРГ устанавливает, что каждый гражданин Германии имеет равный доступ к любой государственной должности в соответствии со своей квалификацией, способностями и профессиональными достижениями.

Обе страны применяют регулярные системы оценки профессиональной деятельности служащих. В России Правительством РФ утверждена Единая методика проведения аттестации государственных гражданских служащих, согласно которой аттестация проводится раз в три года [8]. В Германии параграф 21 Закона «О федеральной государственной службе» ФРГ устанавливает требование о проведении служебной оценки, которая должна проводиться не реже одного раза в три года [9].

Оба государства предусматривают также развитые системы дисциплинарной ответственности государственных служащих. В российском праве дисциплинарная ответственность установлена в ст. 57 ФЗ № 79-ФЗ, которая определяет виды взысканий и процедуры их применения. В праве Германии дисциплинарная ответственность государственных служащих регулируется Федеральным законом «О дисциплинарных отношениях» от 9 июля 2001 г, который устанавливает детальные процедуры дисциплинарного производства [10].

Обе системы придают первостепенное значение профессиональной квалификации и опыту при продвижении по службе. В Германии статья 22 Закона «О федеральной государственной службе» ФРГ предусматривает, что продвижения по службе происходят в соответствии с способностями, квалификацией и профессиональными достижениями. В российской системе аналогичные

принципы закреплены в системе классных чинов, где продвижение осуществляется на основе профессиональных заслуг и стажа службы.

Правовой статус государственных служащих в обеих странах имеет определенные сходства в отношении основных обязанностей и ограничений. В Российской Федерации статья 18 ФЗ № 79-ФЗ устанавливает обширный перечень обязанностей, включающий, например, обязанность «исполнять должностные обязанности добросовестно, на высоком профессиональном уровне» и «обеспечивать равное, беспристрастное отношение ко всем физическим и юридическим лицам». В Германии параграф 34 Закона о статусе государственной службы ФРГ предписывает служащим посвящать себя своей профессии с полной личной отдачей и выполнять порученные задачи бескорыстно и, по совести. Оба института государственной службы устанавливают сходные ограничения для государственных служащих. Так, российское законодательство в п. 6 ч. 1 ст. 17 ФЗ № 79-ФЗ запрещает гражданскому служащему «получать в связи с исполнением должностных обязанностей вознаграждения от физических и юридических лиц (подарки, денежное вознаграждение, ссуды, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов и иные вознаграждения)». В Германии аналогичные ограничения установлены в параграфе 71 Закона «О федеральной государственной службе» ФРГ относительно запрета на принятие вознаграждений, подарков и иных выгод.

Вместе с тем, имеются отличия в отношении правового статуса госслужащих исследуемых стран. Так, в ФРГ право государственных служащих на иную оплачиваемую деятельность регламентировано следующим образом. Согласно параграфу 99 Закона «О федеральной государственной службе» ФРГ, государственным служащим требуется предварительное одобрение для любой оплачиваемой работы по совместительству. Особенностью германской системы является возможность работы в организациях с государственным участием. Как указывается в абзаце 2 параграфе 4 Указа о вторичной занятости государственных служащих, разрешается деятельность по вторичной занятости в объединениях, учреждениях или предприятиях, капитал которых прямо или косвенно полностью или преимущественно находится в публичной собственности [11]. В Российской Федерации право государственных служащих на иную оплачиваемую деятельность определено несколько иначе. В соответствии с частью 2 статьи 14 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» гражданский служащий вправе с предварительным уведомлением представителя нанимателя выполнять иную оплачиваемую работу, если это не повлечет за собой конфликт интересов. Также согласно ст. 12.1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ, государственный служащий не вправе заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме педагогической, научной и иной творческой деятельности [12].

Так, основное различие в регулировании работы по совместительству государственных служащих ФРГ и России заключается в степени разрешительного контроля: в Германии требуется предварительное одобрение на любую дополнительную оплачиваемую деятельность, тогда как в РФ действует система уведомления при отсутствии конфликта интересов с ограничением по видам

деятельности. Таким образом, модель Германии является более гибкой в выборе сфер занятости, но строже в процедуре согласования, а российская устанавливает ограничения по видам деятельности, но упрощена административно.

Ключевое различие между государственной гражданской службой ФРГ и РФ заключается в организационной структуре систем исследуемых стран, обусловленное особенностями их государственного устройства. В Российской Федерации согласно ст. 3 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» государственная гражданская служба «подразделяется на федеральную государственную гражданскую службу и государственную гражданскую службу субъектов Российской Федерации». В отличие от российской двухуровневой системы, в Федеративной Республике Германия государственная служба осуществляется на трех уровнях: федеральном, региональном и местном. Согласно ст. 30 Основного закона Германии, осуществление государственных полномочий и выполнение государственных задач является делом земель. Так, земли обладают остаточной компетенцией в вопросах, не отнесенных к ведению федерации.

Данное различие обусловлено особенностями государственного устройства двух стран. В то время как в России муниципальная служба рассматривается как отдельный вид публичной службы, не относящийся к государственной гражданской, в Германии данный уровень является неотъемлемой частью системы государственной службы.

Одним из перспективных для изучения отличий систем государственной гражданской службы данных стран является институт обязательной подготовительной службы ФРГ. В Германии прохождение подготовительной службы является обязательным для кандидатов на должности публичной службы. Кандидаты на должности публичной службы в Германии проходят специальное обучение в статусе «кандидат на государственную должность», приобретая знания и практический опыт, необходимые для конкретной должности. Продолжительность подготовительной службы различается в зависимости от уровня: так, например, согласно абзацу 1 параграфа 5b Закона о судьях Германии подготовительная служба длится два года [13].

В настоящее время в России поступление на государственную гражданскую службу осуществляется преимущественно через конкурсную процедуру. Согласно ч. 1 ст. 22 Федерального закона № 79-ФЗ, «поступление гражданина на гражданскую службу для замещения должности гражданской службы осуществляется по результатам конкурса». Однако система конкурсного отбора основывается на оценке уже имеющихся у кандидата компетенций и не предусматривает обязательной предварительной подготовки специально для государственной гражданской службы. Это может приводить к ситуации, когда даже высококвалифицированные специалисты, поступающие на государственную службу, не обладают специфическими знаниями в области государственного управления, что затрудняет прохождение ими государственной службы и влияет на ее качественную составляющую. «Студенты, закончив обучение, например, по направлению «Государственное и муниципальное управление», обладают слабыми практическими навыками в принятии управленческих решений, что

в свою очередь влечет за собой в конечном итоге недовольство общества состоянием дел», указывают Е. В. Лаврова и С. А. Асриев [14].

Статьей 27 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ также предусмотрено, что при заключении служебного контракта с гражданином, впервые поступающим на гражданскую службу, в этом контракте и в акте государственного органа о назначении на должность гражданской службы предусматривается условие об испытании гражданского служащего продолжительностью от одного месяца до одного года в целях проверки его соответствия замещаемой должности гражданской службы. Однако испытание – это уже этап после назначения кандидата на должность, а не подготовительная служба для претендентов, как в Германии.

Проблема усугубляется тем, что система повышения квалификации государственных служащих в России носит во многом формальный характер. Так, например, С. С. Федченко и К. А. Полтавец отмечают, что в России сохраняется «устаревшая система отбора и подготовки управленческих кадров, сложившаяся еще в советское время», а теоретическая модель государственной службы как особого вида профессиональной деятельности «до сих пор не сформирована окончательно» [15].

Предполагается целесообразным рассмотреть возможность включения института обязательной подготовительной службы в систему подготовки государственных гражданских служащих Российской Федерации, с учетом особенностей государственного устройства, законодательства страны и сложившейся практики. Внедрение института подготовительной службы в российскую систему государственной гражданской службы позволит достичь следующих результатов.

Во-первых, повышение уровня профессиональной подготовки, формирование высококвалифицированного корпуса государственных служащих, способных эффективно решать задачи государственного управления. Специализированное обучение, сочетающее теоретические знания с практической стажировкой в государственных органах, обеспечит формирование у будущих государственных служащих глубокого понимания механизмов государственного управления, административных процедур и специфики работы с различными категориями граждан.

Во-вторых, снижение адаптационного периода при вступлении в должность. Вновь принятые государственные служащие, прошедшие подготовительную службу, смогут с первых дней эффективно исполнять служебные обязанности. Для самих государственных служащих система подготовительной службы создаст четкую траекторию профессионального развития, обеспечит получение систематизированных знаний и практических навыков, необходимых для успешной карьеры на государственной службе.

В-третьих, повышение престижа государственной службы. Введение обязательной специализированной подготовки подчеркнет особый статус государственной службы как профессиональной деятельности, требующей специальных знаний и навыков.

Внедрение института подготовительной службы целесообразно осуществлять поэтапно, начав с высших и главных должностей государственной гражданской службы. Продолжительность подготовительной службы может варьироваться от 6 месяцев для младших должностей до 18–24 месяцев для высших должностей. Программа подготовки должна включать как теоретический блок (изучение законодательства, основ государственного управления), так и практическую стажировку в государственных органах. Предполагается, что с лицом, поступившим на обязательную подготовительную службу, заключается срочный служебный контракт на срок, соответствующий периоду такой подготовки. В этом случае указанное лицо приобретает статус гражданского служащего на основании срочного служебного контракта, в котором определяются цели подготовки и продолжительность в зависимости от уровня замещаемой должности. Только по завершении обязательной подготовительной службы гражданский служащий получает возможность заключить служебный контракт на неопределенный срок для прохождения государственной гражданской службы, а также право на присвоение соответствующего классного чина.

Проведенный сравнительный анализ государственной гражданской службы Российской Федерации и Федеративной Республики Германия позволил выявить как фундаментальные сходства, так и принципиальные различия, отражающие различные подходы к организации государственного управления в современных правовых государствах. Вместе с тем, выявлены общие черты систем, основанные на принципах профессионализма, политической нейтральности, равного доступа к государственной службе и ответственности. Модель государственной службы Германии, основанная на традиционных принципах профессиональной государственной службы и имеющая длительную историю эволюционного развития, демонстрирует высокую эффективность и может служить источником для адаптации отдельных институтов для совершенствования российской системы.

Представляется, что для обеспечения более высокой эффективности гражданской службы РФ возможно перенять опыт ФРГ в части прохождения государственными служащими обязательной подготовительной службы, продолжительность которой зависела бы от категории и группы должности и сложности служебной деятельности. Важно подчеркнуть, что разработка института обязательной подготовительной службы не должна осуществляться механически. Дальнейшие исследования должны быть направлены на детальную проработку механизмов внедрения института обязательной подготовительной службы, включая необходимые изменения законодательства, организационные меры и оценку финансовых затрат. Необходима тщательная проработка положений с учетом законодательства, особенностей государственного устройства, социально-экономических условий. Процесс внедрения должен быть поэтапным с последующей оценкой результатов и корректировкой подходов. Успешная адаптация опыта Германии может существенно повысить эффективность российской государственной гражданской службы и качество государственного управления в целом.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 29.10.2024 № 922 «О дополнительных мерах по совершенствованию оплаты труда федеральных государственных гражданских служащих территориальных органов (органов) федеральных государственных органов, аппаратов федеральных судов общей юрисдикции и федеральных арбитражных судов, управлений Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в субъектах Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.11.2025).
2. Основной закон Федеративной Республики Германия в новой редакции, опубликованной в Бюллетене федеральных законов, часть III, раздел 100-1, с последними изменениями, внесенными статьей 1 Закона от 22 марта 2025 года (Бюллетень федеральных законов 2025 I № 94).
3. Шаблова Е. Г., Филющенко Л. И., Жевняк О. В. Право государственной гражданской службы : учеб. пособие / под общ. ред. Е. Г. Шабловой ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2024. 176 с.
4. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.11.2025).
5. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.11.2025).
6. Закон о статусе государственной службы от 17 июня 2008 г. (Вестник федеральных законов I, Федеративная Республика Германия стр. 1010), последний раз измененный статьей 5 Закона от 20 декабря 2023 г. (Вестник федеральных законов 2023 г. I, Федеративная Республика Германия № 389).
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.11.2025).
8. Постановление Правительства РФ от 09.09.2020 N 1387 «Об утверждении единой методики проведения аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/>.
9. Закон «О федеральной государственной службе» от 5 февраля 2009 г. (Вестник федеральных законов I, Федеративная Республика Германия, стр. 160), в последний раз измененный статьей 1 Закона от 27 февраля 2025 г. (Вестник федеральных законов 2025 г. I, Федеративная Республика Германия, № 72).
10. Федеральный закон «О дисциплинарных отношениях» от 9 июля 2001 г. (Федеральный законодательный вестник I, Федеративная Республика Германия, стр. 1510), последний раз измененный статьей 6 Закона от 19 июля 2024 г. (Федеральный законодательный вестник 2024 г. I, Федеративная Республика Германия, № 247).

11. Баварский указ о вторичной занятости от 14 июня 1988 г. (ФРГ, стр. 160, 210, 2030-2-22-F), последний раз измененный разделом 6 Закона от 23 декабря 2024 г. (ФРГ, стр. 605).

12. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.11.2025).

13. Закон о судьях Германии в редакции, опубликованной 19 апреля 1972 г. (Вестник федерального законодательства I, Федеративная Республика Германия стр. 713), с последними изменениями, внесенными статьей 9 Закона от 22 октября 2024 г. (Вестник федерального законодательства 2024 г. I, Федеративная Республика Германия № 320).

14. Лаврова Е. В., Асриев С. А. Проблемы подготовки профессиональных кадров для государственной службы. // Современные наукоемкие технологии. 2017. № 2 С. 121–125. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=36597> (дата обращения: 17.11.2025).

15. Федченко С. С., Полтавец К. А. Проблемы подготовки кадров государственных служащих // Проблемы социально-экономической устойчивости региона : сб. ст. XX Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 25–26 января 2023 года / под ред. Г. А. Резник. Пенза : Пензенский гос. аграр. ун-т, 2023. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?selid=50290061&ysclid=mk2nxwsjq5944385044&id=50290059> (дата обращения: 17.11.2025).

УДК 342.547

Кузнецов Дмитрий Сергеевич

магистрант, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

alekner@yandex.ru

Мельников Иван Николаевич

кандидат юридических наук

Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

i_melnikov@kosgos.ru

**Классные чины в системе государственной гражданской службы:
проблема учета классных чинов
на федеральном и региональном уровнях**

Аннотация. В статье анализируется проблема отсутствия законодательно закрепленного механизма учета классных чинов при переводе государственных гражданских служащих между федеральным и региональным уровнями власти в Российской Федерации. Авторы указывают на диспропорцию в численности служащих на федеральном и региональном

уровне, подчеркивая актуальность проблемы. Отмечается нарушение принципа единства государственной службы, предусмотренного законодательством, а также риски для кадровой политики государственной гражданской службы. На основе анализа законодательства, позиции Конституционного Суда РФ предлагаются конкретные меры: внесение изменений в Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», разработка таблицы соотношения классных чинов федеральной и государственной службы субъектов РФ. Реализация предложений направлена на устранение правовых пробелов, защиту прав госслужащих и повышение эффективности кадровой политики.

Ключевые слова: государственная гражданская служба Российской Федерации, классные чины, принцип единства государственной службы, федеральный уровень государственной службы, государственная гражданская служба субъектов Российской Федерации, учет классных чинов.

Kuznetsov Dmitry Sergeevich
undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Melnikov Ivan Nikolaevich
candidate of Law, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

**Class ranks in the federal civil service system:
the problem of recording class ranks at the federal and regional levels**

Annotation. This article analyzes the lack of a legislatively established mechanism for recording class ranks when transferring civil servants between the federal and regional levels of government in the Russian Federation. The author's points to the disparity in the number of employees at the federal and regional levels, emphasizing the relevance of this problem. The author notes the violation of the principle of unity of the civil service, as stipulated by law, as well as the risks to the personnel policy of the federal civil service. Based on an analysis of legislation and the position of the Constitutional Court of the Russian Federation, specific measures are proposed: amendments to Federal Law No. 58-FZ of May 27, 2003, "On the Civil Service System of the Russian Federation" and the development of a table of class ranks for the federal and state service in the constituent entities of the Russian Federation. These proposals are aimed at eliminating legal gaps, protecting the rights of civil servants, and improving the effectiveness of personnel policies.

Keywords: federal civil service of the Russian Federation, class ranks, principle of unity of civil service, federal level of civil service, state civil service of the constituent entities of the Russian Federation, class rank accounting.

Развитие системы государственной гражданской службы Российской Федерации в начале XXI века сопровождалось принятием фундаментальных законодательных актов, определивших ее правовую и организационную основу. Однако, несмотря на принцип единства правовых и организационных основ государственной службы, предполагающий законодательное закрепление единого подхода к организации государственной службы, установленный в ст. 3 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы

Российской Федерации», в практике функционирования государственной гражданской службы выявляются правовые пробелы. Одной из центральных проблем, требующих нормативного разрешения, является отсутствие конкретного правового механизма учета классных чинов при переводе государственных гражданских служащих между федеральным уровнем и уровнем субъекта Российской Федерации, а также между различными субъектами Российской Федерации.

Особую актуальность рассматриваемой проблемы придает существенная разница в численности государственных гражданских служащих на федеральном и региональном уровнях. Согласно официальным данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат) за 2022 год (более поздние официальные данные на момент подготовки статьи не опубликованы), в органах федеральной власти численность работников, замещающих должности государственной гражданской службы, составила 41 507 человек, в том числе: 3 355 человек – в органах законодательной власти, 32 293 – в органах исполнительной власти, 2 350 – в органах судебной власти и прокуратуры, 1 560 – в иных федеральных государственных органах. В то же время на региональном уровне этот показатель достиг 413 426 человек, из которых 297 435 служащих работали в органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а 115 373 – в представительных (законодательных) органах государственной власти и иных региональных государственных структурах [1].

Получается, что численность гражданских служащих субъектов Российской Федерации превышает федеральную более чем в 10 раз. Такое диспропорциональное соотношение демонстрирует, что отсутствие законодательно закрепленного механизма учета классных чинов затрагивает не отдельные случаи, а системно ограничивает кадровую политику государственной гражданской службы. При сохранении существующей правовой неопределенности каждый переход между уровнями государственной службы автоматически означает для служащего риск потери достигнутого статуса, что снижает мотивацию государственных служащих к профессиональному развитию, также нарушается конституционный принцип обеспечения достойных условий труда.

И. Н. Сурманидзе дает следующее определение исследуемому понятию: «Классный чин государственного гражданского служащего – это персонально присваиваемое на основании результатов процедуры государственного квалификационного экзамена звание, соответствующее служебному положению (замещаемой должности), уровню профессиональной подготовки, выслуге лет, принадлежности к определенному государственному органу и заслугам» [2].

В законодательстве на сегодняшний день нет закрепленного понятия «классный чин». Однако из анализа статей Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», Указа Президента РФ от 01.02.2005 № 113 «О порядке присвоения и сохранения классных чинов государственной гражданской службы Российской Федерации

федеральным государственным гражданским служащим», можно сделать вывод, что классные чины государственной гражданской службы представляют собой установленные федеральным законом степени квалификации служащих, отражающие уровень их профессионализма и соответствующие определенным должностям в пределах групп должностей [3; 4].

Классные чины закреплены за группами должностей в иерархической системе, включающей пять ступеней: младшую (секретарь), старшую (референт), ведущую (советник), главную (государственный советник) и высшую (действительный государственный советник). При этом федеральное и региональное законодательство предусматривает единые наименования этих чинов и единые требования к их присвоению, включая соблюдение последовательности, учет продолжительности пребывания в предыдущем чине и квалификационные требования. Принципиальное различие между федеральными и региональными классными чинами состоит в том, что федеральные чины содержат уточнение «Российской Федерации» в наименовании, тогда как региональные – указание на субъект Российской Федерации.

В ч. 3 статьи 13 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» находит отражение принцип единства правовых и организационных основ государственной службы, предусматривая, что при переводе государственного служащего с одного вида государственной службы на другой, ранее присвоенный классный чин должен учитываться при присвоении классного чина по новому виду службы [5]. Однако данное требование не распространяется на переход между федеральным и региональным уровнями одного и того же вида государственной службы, что приводит к нарушению принципа, установленного в ст. 3 ФЗ от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ.

Как справедливо отмечает А. О. Далгатова, «действительная сущность государства может быть реализована только посредством единой, целостной, системно организованной государственной гражданской службы» [6]. В связи с этим, гражданская служба немыслима без системного регулирования и согласования статусов ее должностей, классных чинов.

На федеральном уровне регулирование классных чинов федеральных гражданских служащих осуществляется Указом Президента РФ от 01.02.2005 № 113 «О порядке присвоения и сохранения классных чинов государственной гражданской службы Российской Федерации федеральным государственным гражданским служащим». Этот нормативный акт определяет все ключевые аспекты: критерии присвоения, порядок, сроки пребывания в предыдущем чине, механизм учета иных воинских и специальных званий.

На региональном уровне согласно ч. 19 ст. 11 Федерального закона № 79-ФЗ, порядок присвоения и сохранения классных чинов гражданской службы субъекта Российской Федерации, а также соответствие классных чинов должностям устанавливается законом субъекта РФ с учетом положений федерального зако-

на. Однако законодательство субъектов РФ часто дублирует федеральный порядок, при этом не предусматривая механизма учета классных чинов, присвоенных на другом уровне государственной службы.

Исследуемая проблема находит отражение в следующем. Во-первых, отсутствует нормативное закрепление соотношения классных чинов между федеральной и региональной гражданской службой. Указ Президента № 113 содержит таблицу соотношения федеральных классных чинов с воинскими и специальными званиями, классными чинами юстиции и прокуратуры, однако соотношение с региональными классными чинами никак не регламентировано.

Во-вторых, не установлены правила сохранения классного чина при переводе между уровнями государственной службы. Согласно пункту 24 Положения о порядке присвоения и сохранения классных чинов (утверждено Указом Президента № 113), присвоенный классный чин сохраняется при освобождении от должности и увольнении. Однако это правило не распространяется на случаи перевода на должность в государственном органе другого уровня публичной власти.

Это в свою очередь создает серьезные риски для госслужащего, так как при переходе с региональной государственной гражданской службы на федеральную и наоборот, он рискует утратить достигнутый ранее статус.

Конституционный суд РФ в Постановлении от 15 ноября 2012 г. № 26-П пояснил, что принцип единства правовых и организационных основ федеральной гражданской службы и гражданской службы субъектов РФ «предусматривает единую классификацию должностей гражданской службы по категориям и группам и на ее основе закрепляет единые квалификационные требования для замещения должностей государственной гражданской службы, а также порядок присвоения классных чинов государственной гражданской службы» [7]. Таким образом, отсутствие законодательной регламентации в части соотношения классных чинов федеральной государственной гражданской службы и государственной гражданской службы субъектов РФ нарушает указанный выше принцип.

Для органов государственной власти исследуемая проблема также создает определенные ограничения. Федеральные органы не могут привлекать государственных служащих из регионов с надлежащей гарантией сохранения их статуса, а органы субъектов – федеральных государственных гражданских служащих, что затрудняет реализацию кадровой политики в целом.

Первоочередной мерой должно стать внесение изменений в статью 13 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», в ст. 11 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» с целью расширения механизма учета ранее присвоенных классных чинов. В текст федерального закона «О системе государственной службы Российской

Федерации» необходимо включить положение о том, что при переводе гражданского служащего с государственной гражданской службы одного уровня (федерального или субъекта РФ) на государственную гражданскую службу другого уровня, ранее присвоенный классный чин должен учитываться при присвоении классного чина на новом месте. Такое положение создаст основу для конкретных правил соответствия классных чинов между уровнями государственной службы. Конкретные правила предлагается разработать путем внесения изменений в текст Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Предлагаемая редакция в ч. 3.1 ст. 13 ФЗ от 27.05.2003 № 58-ФЗ: «При переводе государственного служащего с государственной службы одного уровня на государственную службу другого уровня ранее присвоенный классный чин, а также период пребывания в соответствующем классном чине учитывается при присвоении классного чина по выбранному уровню государственной службы в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации».

Предлагаемая редакция в ч. 20 ст. 11 ФЗ от 27.07.2004 № 79-ФЗ: «При переводе на гражданскую службу Российской Федерации, гражданскому служащему, замещавшему должность гражданской службы субъекта Российской Федерации, присваивается классный чин государственной гражданской службы Российской Федерации, соответствующий занимаемому классному чину гражданской службы субъекта Российской Федерации в соответствии с положениями настоящей статьи.

При переводе на гражданскую службу субъекта Российской Федерации, гражданскому служащему, замещавшему должность гражданской службы Российской Федерации, присваивается классный чин государственной гражданской службы субъекта Российской Федерации, соответствующий занимаемому классному чину гражданской службы Российской Федерации в соответствии с положениями настоящей статьи».

Вторым шагом должно стать внесение согласованных изменений в законодательство субъектов РФ, регулирующее государственную гражданскую службу на региональном уровне. Это необходимо для обеспечения последовательного применения предлагаемых изменений повсеместно.

Так, проблема отсутствия учета классных чинов между уровнями государственной гражданской службы представляет собой серьезное нарушение принципа единства системы государственной службы Российской Федерации. Действующее законодательство содержит законодательный пробел, который создает препятствия для перехода государственных служащих между федеральным уровнем и уровнем субъектов. Предложенные законодательные инициативы представляют собой комплексный подход к решению данной проблемы, реализация данных мер обеспечит укрепление единства системы государственной службы, и создаст справедливые условия для профессио-

нального развития государственных служащих. Практическая значимость предложенных мер состоит в том, что они позволят устранить существующую правовую неопределенность, гарантировать защиту законных прав и интересов государственных гражданских служащих при переводе между уровнями государственной службы и создадут необходимые условия для эффективной реализации кадровой политики в системе государственной службы Российской Федерации.

Список источников

1. Статистика: Численность и кадровый состав работников, замещающих должности государственной гражданской и муниципальной службы по полу, ветвям и уровням власти, 2022 // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 17.11.2025).
2. Сурманидзе И. Н. Классные чины государственной гражданской службы // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2007. № 17. С. 71–75.
3. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.11.2025).
4. Указ Президента РФ от 01.02.2005 № 113 «О порядке присвоения и сохранения классных чинов государственной гражданской службы Российской Федерации федеральным государственным гражданским служащим» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.11.2025).
5. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.11.2025).
6. Далгатова А. О. Учебное пособие (курс лекций) по дисциплине «Основы государственной гражданской службы» для направления подготовки «Юриспруденция», профиля «Гражданское право». Махачкала : ДГУНХ, 2020. 127 с.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.11.2012 № 26-П «По делу о проверке конституционности положения части 2 статьи 10 Федерального закона „О государственной гражданской службе Российской Федерации“ в связи с запросом Законодательного Собрания Камчатского края» // СПС «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/?ysclid=mlqn1wz0s4686954089> (дата обращения: 17.11.2025).

УДК 343.3/.7(075)

Лагуткина Александра Александровна

магистрант, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы, Северо-западный институт управления
Санкт-Петербург, Российская Федерация
a.lagutkina@yahoo.com

Голятин Егор Михайлович

аспирант, Костромской государственный университет
Кострома, Российская Федерация
egorgoljatin@rambler.ru

Шепелева Светлана Витальевна

кандидат юридических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы, Северо-западный институт управления
Санкт-Петербург, Российская Федерация
shepeleva-sv@ranepa.ru

Особенности квалификации ДТП: разграничение ответственности между водителем и лицом, ответственным за техническое состояние транспортного средства, криминологический аспект

***Аннотация.** В статье авторы исследуют сложный комплекс проблем, возникающих при уголовно-правовой и криминалистической квалификации дорожно-транспортных происшествий (ДТП). Исследование сосредоточено на разграничении уголовной ответственности между водителем, нарушившим Правила дорожного движения (ПДД), и лицом, ответственным за техническое состояние транспортного средства (ТС), чье бездействие выразилось в выпуске неисправного ТС на линию. В контексте криминалистического исследования подчеркивается важность использования экспертных заключений, которые должны включать результаты автотехнического моделирования, извлечения данных из бортовых регистраторов (EDR), а также задокументированные данные осмотра места происшествия. Этот инструментарий критически важен для объективной верификации гипотез относительно доминирующего фактора: является ли причиной аварии критическое поведение водителя или же объективен технический отказ ТС. Одновременно с этим, криминологический вектор исследования нацелен на идентификацию системных предпосылок, а именно: организационной дисфункции и недостаточности технической компетентности в структурах, ответственных за эксплуатацию ТС. Исследование доказывает, что именно указанные недостатки на системном уровне служат катализатором для реализации преступного риска, регулируемого нормами статьи 264 УК РФ и смежной статьи 238 УК РФ.*

***Ключевые слова:** автотранспортные преступления, дорожно-транспортное происшествие (ДТП), транспортное средство, водитель, лицо, контролирующее техническое состояние транспортного средства.*

Lagutkina Alexandra Aleksandrovna

undergraduate, Russian Academy of National Economy
and Public Administration, North-Western Institute of Management
St. Petersburg, Russian Federation

Golyatin Egor Mikhailovich

postgraduate student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Shepeleva Svetlana Vitalievna

Candidate of Law, Associate Professor
Russian Academy of National Economy and Public Administration
North-Western Institute of Management
St. Petersburg, Russian Federation

***Annotation.** In this article, the author examines the complex set of issues arising in the criminal and forensic classification of road traffic accidents (RTA). The study focuses on the delineation of criminal liability between a driver who violated traffic regulations and a person responsible for the technical condition of a vehicle whose inaction resulted in the release of a faulty vehicle. In the context of a forensic investigation, the importance of using expert opinions is emphasized. These should include the results of vehicle-technical modeling, data extraction from on-board recorders (EDRs), and documented accident scene inspection data. This toolkit is critical for the objective verification of hypotheses regarding the dominant factor: whether the accident was caused by critical driver behavior or an objective technical failure of the vehicle. At the same time, the criminological approach to the study aims to identify systemic prerequisites, namely, organizational dysfunction and a lack of technical competence in the structures responsible for vehicle operation. The study proves that it is precisely these shortcomings at the systemic level that serve as a catalyst for the implementation of the criminal risk regulated by the provisions of Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation and the related Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation.*

***Keywords:** motor vehicle crimes, road traffic accident (RTA), vehicle, driver, person monitoring the technical condition of the vehicle.*

Преступления, которые связаны с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, занимают весомое место в структуре преступности в Российской Федерации. Квалификация дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), затрагивающих ответственность водителя транспортного средства, а также лица, контролирующего техническое состояние транспортного средства, требует от правоохранительных органов и судебных органов точности в установлении виновника совершенного преступления, правильного определения причинно-следственной связи, квалификации преступления. Неверная квалификация может привести к необоснованному привлечению к уголовной ответственности лица, чья вина носила лишь косвенный характер, или, наоборот, к освобождению от ответственности лица, чье халатное отношение стало определяющим фактором преступления. Настоящая статья посвящена детальному анализу уголовно-правовых и криминалистических критериев, позволяющих провести четкую границу между ответственностью водителя и субъекта, ответственного за техническую исправность транспортного средства.

Преступления, предусмотренные ст. 264 УК РФ [1], относятся к категории преступлений, которые совершены по неосторожности. Это означает, что для привлечения к уголовной ответственности необходимо наличие не прямого умысла, а неосторожной формы вины: легкомыслия или небрежности. Ключевым элементом объективной стороны этих составов является причинно-следственная связь между нарушением правил дорожного движения (либо ненадлежащей эксплуатацией ТС) и наступившими тяжкими последствиями (причинением тяжкого вреда здоровью гражданина либо его смерть). Согласно статистике, опубликованной на официальном сайте МВД России, за период с января по ноябрь 2024 года было зарегистрировано 18 261 преступление вышеуказанного состава, с января по ноябрь 2025 года было зафиксировано 14 976 преступлений [2]. Налицо видно снижение показателя, однако стоит обратить внимание на общее количество данного рода преступлений. Необходимо продолжать выявлять и совершенствовать методику расследования данных преступлений, анализировать данные и предупреждать совершение новых аналогичных деяний.

В контексте ДТП с участием транспортного средства выявляются два источника общественной опасности, которые исходят от двух разных субъектов: водитель несет ответственность за нарушение правил дорожного движения (ПДД), связанное с процессом управления, а лицо, ответственное за техническое состояние (механик, диспетчер), несет ответственность за нарушение правил эксплуатации транспортного средства, выразившееся в выпуске неисправного автомобиля на линию. Оба этих деяния совершаются по неосторожности, и, поскольку отсутствует общий умысел, они не могут быть квалифицированы как соучастие; их следует рассматривать отдельно друг от друга. Основная сложность при квалификации заключается в определении причинно-следственной связи совершенного деяния, установлении всех факторов, приведших к преступлению. Если, к примеру, водитель, даже соблюдая все ПДД, не смог избежать аварии из-за критического технического отказа (например, отказ тормозов на высокой скорости), то доминирующей причиной признается неисправность ТС, и основная ответственность ложится на ответственное лицо, допустившее ТС в рейс. И наоборот, если водитель допустил грубое нарушение ПДД (например, движение в состоянии сильного опьянения), и совершил аварию, то ответственность должен понести именно тот, кто управлял транспортным средством.

В ряде случаев возникает необходимость разграничения компетенции между статьей 264 УК РФ и статьей 238 УК РФ (Оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности) [1]. Статья 264 УК РФ акцентирует внимание на безопасности дорожного движения как таковой и касается водителя. Статья 238 УК РФ защищает более широкий объект — общественную безопасность в сфере предоставления услуг. Действия механика или диспетчера, выпустившего неисправное ТС, квалифицируются по ст. 238 УК РФ, так как они нарушили свои профессиональные обязанности по обеспечению безопасности услуг перевозки. Если доказано, что водитель нарушил ПДД, а ответственное лицо выпустило неисправное ТС, и оба этих обстоятельства в конечном счете привели к преступлению, то данные действия необходимо квалифицировать по совокупности преступлений (ст. 17 УК РФ) [1], что позволит справедливо оценить

степень общественной опасности каждого из деяний. Для достижения этой цели критически важны криминалистические методы: комплексные автотехнические экспертизы должны моделировать сценарии с исключением одного из факторов, а тщательный сбор технической документации и опрос персонала необходимы для установления степени небрежности лица, ответственного за техническое обслуживание. Таким образом, правильное разграничение ответственности зависит от установления приоритета причинно-следственной связи, подтвержденной научными данными, что гарантирует законность и обоснованность итоговой квалификации.

При расследовании преступлений, связанных с ДТП, осмотр места происшествия и дальнейшая фиксация на цифровой носитель обязательны. Необходимо зафиксировать последнее положение транспортного средства, оставленные трасологические следы, определить их длину и ширину, сплошной или прерывистый характер дорожки следов. Данные показатели важны для определения скорости транспортного средства до начала торможения, а также для оценки работы самой тормозной системы. Следует обратить внимание на следы возможного скольжения или заноса средства передвижения. Они обозначают траекторию движения, указывают на попытки стабилизации, маневра водителя, демонстрируют момент отклонения транспортного средства от первоначального маршрута (занос). Также имеет место обратить внимание на следы удара, деформацию транспортных средств и на окружающую обстановку. Важно определение места наезда, характер повреждений не только транспортного средства, но и следы удара на различных объектах инфраструктуры, например, заборы, ограждения, столбы, дорожные знаки, так как данные немаловажные факторы помогают установить угол столкновения, определить, какое транспортное средство было инициатором удара. Также влияние погодных условий (дождь, снег, гололед), время дня (освещенность), наличие тумана (видимость) и другие препятствия, все должно быть выявлено и задокументировано для составления эффективной оценки объективной возможности соблюдения водителем ПДД.

При наличии современных средств фиксации стоит воспользоваться лазерной съемкой, методом 3D-сканирования и др. Как указывает в своем исследовании И. О. Несмиянова: «Первый работающий 3D-сканер появился в 60-х гг. прошлого столетия, его усовершенствование произошло в 80-е гг. Изначально он не обладал широким спектром возможностей, однако это был настоящий 3D-сканер, полноценно справляющийся с основной функцией – передачей объемного изображения. <...> Принцип работы усовершенствованного сканирующего устройства заключался в применении различных спектров лазера, а также источников белого света и затемнения». Устройство 3D-сканера позволяет детально фиксировать физическое состояние объекта (следа), после чего воссоздается его точная модель в цифровом формате [3]». Таким образом, несмотря на первоначальные ограничения функционала ранних моделей, базовая технология 3D-сканирования доказала свою высокую эффективность в выполнении ключевой задачи — топографической фиксации объемных объектов.

При дальнейшем расследовании дорожно-транспортного происшествия, когда поднимается вопрос о технической неисправности транспортного средст-

ва, необходимо уделить особое внимание тщательному исследованию поврежденного автомобиля. По мнению М. М. Алиева, «роль транспортно-трассологической экспертизы в настоящее время велика. Знания и профессионализм экспертов-трассологов оказывают большое влияние на успешное определение механизма ДТП и установление всех обстоятельств уголовного дела [4]. Мы согласны с мнением данного автора, но также следует отметить, что необходимо проверить не только видимые повреждения, полученные в результате ДТП, но и первичное состояние систем, отказ которых мог послужить причиной аварии (до столкновения). Это включает в себя:

- тормозную систему. Надлежит проверить износ тормозных колодок, состояние тормозных дисков/барабанов, герметичность гидравлической системы. Отказ тормозов до столкновения – это фундаментальный признак, переносящий часть вины на лицо, ответственное за эксплуатацию;

- рулевое управление. Требуется проверить люфт рулевого колеса, состояние рулевых тяг, целостность рулевых наконечников;

- шины. Следует проверить глубину протектора, наличие повреждений, соответствие типа шин сезону и дорожным условиям. Выявленное использование летних шин в зимний период может быть квалифицировано как грубое нарушение эксплуатации. В своем исследовании М. Р. Сутакуев обозначил этапы правильного заполнения протокола осмотра места происшествия при обнаружении следов шин:

- «вид и состояние поверхности, на которой обнаружены следы;
- вид следов (статический, динамический, поверхностный, объемный и т. п.);
- место расположения следов;
- количество дорожек следов и их относительное размещение;
- ширина каждой беговой дорожки (ширина следа протектора);
- ширина колеи передних и задних колес;
- строение рисунка протектора (ромбы, треугольники, квадраты, прямоугольники, многоугольники или их сочетание);
- форма и размеры особенностей протектора, наличие дефектов (трещин, выбоин, заплат и т. п.);
- расстояние между двумя отпечатками одной и той же особенности (длина следа одного оборота колес, длина следов торможения);
- признаки направления движения [5]».

По нашему мнению, данный вариант к документированию следов шин является неоспоримым положительным фактором в процессе доказывания, поскольку он минимизирует вероятность ошибки при сопоставлении следов с шинами изъятых ТС, значительно повышая объективность и доказательственную ценность данного вида следов в уголовном процессе.

Различные современные транспортные средства могут быть оснащены бортовыми регистраторами (EDR, «черные ящики»), фиксирующими параметры движения за несколько секунд до и после удара (скорость, обороты двигателя, работа ABS (антиблокировочная система), положение дроссельной заслонки). Данные сведения являются неопровержимыми объективными доказатель-

ствами фактического поведения водителя, а также состояния систем ТС в момент, предшествующий аварии. Их изъятие и последующее исследование должно проводиться с соблюдением всех процессуальных норм.

Как было указано выше, в рамках криминалистического исследования ДТП главной задачей является реконструкция механизма происшествия, основой выступает анализ объективных данных (материальных следов) о техническом состоянии участников с целью идентификации главного фактора возникновения дорожно-транспортного происшествия. Данный процесс требует строгого соблюдения принципов уголовно-процессуального доказывания и использования специализированных экспертных познаний.

1. Анализ адекватности действий водителя в условиях возникшего дефекта.

Необходимо провести верификацию действий водителя на предмет их соответствия объективно сложившейся дорожной-транспортной обстановке, даже при наличии объективного технического дефекта ТС. Если водитель, столкнувшись с отказом критической системы (например, тормозов), не продемонстрировал должной реакции, которая должна быть выражена в попытках увода ТС в сторону или экстренного маневрирования, его неосторожное поведение, хотя и вторичное по отношению к дефекту, может быть признано сопутствующим фактором, обуславливающим наступление тяжких последствий. В таком случае, его вина по статье 264 УК РФ сохраняется, хотя степень ответственности может быть скорректирована в сторону понижения при назначении наказания (смягчающее обстоятельство). Как отмечают в своем исследовании А. А. Рябкин, Л. В. Гавриленко, «психофизиологическая экспертиза является в своем роде необходимым средством, которое помогает разобраться в работе такой «системы» (органов чувств), определить, насколько согласованно взаимодействуют между собой психическая и физиологическая составляющие организма водителя, а также позволяет правоприменителю оценить границы психофизиологических возможностей конкретного человека, определить их ограниченность, уметь различать ошибки водителей, допущенные ими вследствие халатности, преступной самонадеянности или небрежности. <...> назначение судебной психофизиологической экспертизы водителя транспортного средства – это исключение из правил, нежели правило судебного процесса [6]». Мы считаем, что сотрудникам правоохранительной системы при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ необходимо использовать данный инструмент, помогающий наиболее точно квалифицировать деяние подозреваемых в совершении преступления.

2. Определение первопричины ДТП.

Если в ходе расследования и экспертизы устанавливается, что ТС было введено в эксплуатацию при наличии заведомо критического технического состояния, которое являлось устранимым и подлежащим контролю в рамках планового технического обслуживания (например, критический износ тормозных колодок или неисправность рулевого механизма), вывод эксперта-криминалиста должен акцентировать внимание на первичности и преобладающем характере данного нарушения. В данном контексте следователь обязан обеспечить сбор доказательств, подтверждающих халатность ответственного лица: выявить и изъять документацию по ТО, внутренние регламенты, а также

показания свидетелей, подтверждающие наличие организационного давления или игнорирование норм безопасности в транспортном предприятии.

3. Верификация гипотез посредством компьютерного моделирования.

Для объективной проверки выдвинутых версий о доминирующей причине не используются передовые криминалистические методы моделирования. Как отмечают в своем исследовании С. Е. Савотченко, В. Л. Акапьев: «возникновение идеи представления картины дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП) с помощью технологий компьютерной визуализации и анимации связано с низкой продуктивностью функционирования метода, осуществляемого с помощью бумажных носителей, т. е. заключений экспертов. Эта особенность обусловлена тем, что работа сотрудников органов внутренних дел перегружена формулированием больших описательных предложений, сложных речевых оборотов, которые трудно воспринимаются обычными гражданами и могут ввести в заблуждение участников дорожно-транспортного происшествия или субъектов преступлений, предусмотренных ст. 264 и 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. На практике выясняется, что при чтении текста, распечатанного на десятке или более страниц формата А4, человек со временем все хуже представляет картину произошедшего, что непосредственно связано с запутанностью текста вследствие его большого объема и трудностью восприятия [7]». Мы согласны с мнением авторов, но также считаем, что компьютерные симуляции ДТП позволяют с высокой точностью проверить гипотезы о различном исходе события при устранении одного из факторов (например, моделирование траектории при штатной работе тормозной системы или при строгом соблюдении водителем скоростного режима). Результаты такого моделирования представляют собой весомое объективное доказательство, служащее основой для разграничения юридической ответственности между водителем и субъектом, ответственным за техническую безопасность.

Таким образом, особенности квалификации ДТП, вызванных сочетанием нарушений со стороны водителя и технического персонала, требуют от правоприменительной системы гибкости и строгого следования принципу законности. Разграничение ответственности между водителем и лицом, ответственным за техническое состояние ТС, лежит в плоскости установления доминирующей причинно-следственной связи. Если таковая не выявляется, а оба фактора были необходимыми условиями, применение института совокупности преступлений позволяет справедливо оценить общественную опасность каждого неосторожного деяния. Правильное применение норм уголовного закона в этих сложных случаях напрямую зависит от качества и глубины экспертного исследования, позволяющего объективно восстановить картину произошедшего и точно определить, где заканчивается ответственность, связанная с актом управления транспортным средством, и где начинается ответственность, связанная с обеспечением безопасности эксплуатации транспортного средства.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 264.

2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/> (дата обращения: 23.12.2025).

3. Несмиянова И. О. Современные методы фиксации и изъятия трасологических следов как эффективное средство идентификации личности // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 6. С. 239–242.

4. Алиев М. М. Транспортно-трасологическая экспертиза при расследовании дорожно-транспортных происшествий // Академическая мысль. 2022. № 2 (19). С. 13–15.

5. Рябикин А. А. Значение и оценка психофизиологического состояния водителя как участника дорожно-транспортного происшествия // Евразийская адвокатура. 2022. № 1. С. 67–69.

6. Сутакуев М. Р. Обнаружение и фиксация следов на месте дорожно-транспортного происшествия // Образование. Наука. Научные кадры. 2022. № 1. С. 91–93.

7. Савотченко С. Е. Цифровые технологии визуализации информации при моделировании дорожно-транспортных происшествий // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 17–23.

УДК 343.23

Манафова Сильвана Артековна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

silvanamanafova1402@gmail.com

Орловская Ирина Викторовна

старший преподаватель, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

irinorlovskaya@yandex.ru

**Оказание косметологических услуг лицами,
не имеющими медицинского образования:
особенности назначения наказания и основные проблемы,
возникающие при квалификации**

***Аннотация.** Статья посвящена анализу косметологии как одного из видов услуг, предоставляемых без надлежащего медицинского образования и лицензии, особенностям назначения наказания лицам, оказывающим косметологические услуги без медицинского образования, и основным проблемам, возникающим при квалификации преступлений по статьям 235 и 238 УК РФ. В ходе работы проводится анализ правового статуса и нормативно-правового регулирования деятельности по оказанию косметологических услуг без медицинского образования и предлагаются способы решения проблем, вытекающих при квалификации преступлений, связанных с незаконным оказанием косметологических услуг.*

Ключевые слова: косметология, косметологическая услуга, медицина, лицензия, степень тяжести вреда, медицинская деятельность, незаконная услуга.

Manafova Silvana Artekovna

student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Orlovskaya Irina Viktorovna

Senior Lecturer, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

**Provision of cosmetology services by individuals without medical education:
features of sentencing and main problems arising during qualification**

***Annotation.** the article is devoted to the analysis of cosmetology as one of the types of services provided without proper medical education and license, the specifics of sentencing persons providing cosmetology services without medical education, and the main problems that arise when classifying crimes under Articles 235 and 238 of the Criminal Code of the Russian Federation. In the course of the work, the analysis of the legal status and regulatory regulation of the provision of cosmetology services without medical education is carried out and ways are proposed to solve the problems arising from the qualification of crimes related to the illegal provision of cosmetology services.*

***Keywords:** cosmetology, cosmetology service, medicine, license, severity of damage, medical activity, illegal service.*

Косметологические услуги – это один из видов эстетических услуг, которые в настоящее время очень быстро набирают популярность. Косметология включает в себя ряд мероприятий, направленных на улучшение состояния кожи, коррекцию возрастных изменений и профилактику кожных нарушений. Данные услуги оказывают лица, которые имеет соответствующее медицинское образование и лицензию на оказание данного вида услуг. В связи с ростом спроса на косметологические процедуры возникает и проблема оказания таких услуг лицами, не обладающими медицинским образованием. Это вызывает вопросы о безопасности пациентов, квалификации специалистов и правовых аспектах регулирования данной деятельности.

Статья 41 Конституции Российской Федерации гарантирует право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь [1]. Необходимо понимать, что оказание косметологических услуг должно соответствовать стандартам безопасности и качества, установленным законодательством.

Лицензия – специальное разрешение, на право осуществления юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем конкретного вида деятельности (выполнения работ, оказания услуг, составляющих лицензируемый вид деятельности), которое подтверждается записью в реестре лицензий. Лицензия является официальным документом, который выдается местной администрацией по согласованию с профессиональными медицинскими ассоциациями, на осуществление данной деятельности в течение установленного срока. Для предупреждения и пресечения нарушений в сфере косметологии Уголовным ко-

дексом Российской Федерации (далее – УК РФ) предусмотрена уголовная ответственность за незаконное осуществление медицинской деятельности (ст. 235) и за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей (ст. 238) [5]. Согласно статистическим данным, количество привлекаемых к уголовной ответственности лиц по таким составам преступления как статья 235 и 238 УК РФ является крайне низким [6].

Проанализировав статистические данные, можно сделать вывод о том, что такие составы преступлений, предусмотренные статьями 235 и 238 УК РФ, непосредственно связанные с жизнью и здоровьем человека, являются одними из наиболее мягких и упрощенных, что способствует халатное отношение к получению лицензии и оказанию косметологических услуг надлежащим образом.

За оказание незаконных косметологических услуг в большинстве случаев к уголовной ответственности привлекают по статье 235 УК РФ, она охватывает случаи, когда есть явный дефект оказываемой услуги, в том числе медицинского характера, а статья 238 УК РФ охватывает ситуации, когда услуга не отвечает требованиям безопасности, даже если нет очевидных опасных последствий.

Так, например, приговором Савеловского районного суда г. Москвы К., Е. и Я. были осуждены по пункту «а» ч. 2 ст. 238 УК РФ за оказание косметологических услуг по объемному моделированию лица посредством введения в его ткани инъекций с искусственным наполнителем (филлеров), совершенное группой лиц по предварительному сговору, при отсутствии у них лицензии на право осуществления медицинской деятельности, высшего медицинского образования по специальности «косметология» или среднего медицинского образования по специальности «сестринское дело в косметологии», а также в нарушение требований соответствующих нормативных актов, в том числе санитарно-эпидемиологических правил, чем подвергли девятнадцать потерпевших возникновению у них патологических изменений в области лица, являвшихся реакцией тканей на введенный при проведении инъекционной косметологической манипуляции дермальный филлер [2].

До сих пор возникают споры по поводу отнесения косметологических услуг к медицинской деятельности, требующей лицензирования. Многие ученые, анализируя Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323 формируют свою точку зрения по данному вопросу.

Так, например, А. А. Сироткина утверждает, что деятельность, предполагающая предоставления услуг медицинской направленности исключает из себя косметологическую сферу при условии, что здоровье клиента не улучшается после предоставления услуги [7, с. 11].

Такой ученый, как З. К. Набиджанова полагает, что если в ходе косметологической процедуры нарушается целостный характер организма человека, или же косметолог вмешивается в биологические процессы, сопряженные с функционированием организма, то такие услуги являются медицинскими.

Как один из вариантов решения проблемы можно предложить внесение изменений в пункт 4 части 1 статьи 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323–ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Россий-

ской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) [8]. Данный федеральный закон определяет медицинские услуги как медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение. Вместо этого медицинскую услугу можно определить как «медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, которые направлены на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, восстановление или качественное изменение структурной целостности и функциональной активности покровных тканей человеческого организма, в том числе в эстетических целях, имеющих самостоятельное законченное значение».

Данные изменения позволят напрямую отнести косметологические процедуры к медицинским услугам, чтобы в дальнейшем облегчить процедуру квалификации и назначения наказания.

Еще одной из проблем является отграничение таких понятий как «косметологические услуги» и «косметические услуги». В большинстве случаев многие косметические услуги в большей степени пересекаются с косметологическими процедурами, так как косметическая услуга при наличии определенных факторов может стать косметологической. Необходимо закрепить в приказе Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 18.04.2012 № 381н критерии отнесения различных видов услуг к косметологическим, чтобы можно было отграничить эти составы и провести четкую грань между косметологическими и косметическими услугами [3]. Проведение четких различий между этими понятиями позволит судам обоснованно применять соответствующую норму закона при вынесении решения. Для того чтобы назначить справедливое наказание необходимо правильно установить категорию тяжести преступления.

Для привлечения к уголовной ответственности по статье 235 УК РФ необходимо, чтобы человеку был причинен вред по неосторожности, или же, чтобы наступила смерть по неосторожности. В данном составе преступления отсутствует указание на категорию тяжести преступления, можно прийти к выводу, что ч. 1 ст. 235 УК РФ предусматривает уголовную ответственность при причинении вреда любой категории тяжести в результате оказания косметологических услуг лицом без лицензии. По мнению ряда правоприменителей, статья 235 УК РФ предусматривает уголовную ответственность именно за причинение тяжкого вреда здоровью [4, с. 6].

Отсутствие точного определения степени тяжести вреда здоровью в статье 235 УК РФ создает трудности в применении законодательства и увеличивает вероятность судебных ошибок. Вред здоровью, причиняемый в результате незаконной медицинской деятельности, представляется более общественно опасным, чем причинение такого же по тяжести вреда здоровью в результате бытовой деятельности.

Необходимо дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации отдельным составом преступления, который будет предусматривать уголовную ответ-

ственность за причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью при оказании косметологических услуг без медицинского образования. Устранение подобной неопределенности во многом повысит прозрачность процесса принятия решений и обеспечит предсказуемость при назначении наказаний.

Проанализировав все вышесказанное, можно отметить, что проблема оказания косметологических услуг лицами без медицинского образования является актуальной и требует комплексного подхода к решению. Необходимо совершенствовать законодательную базу, повышать уровень профессиональной подготовки специалистов и обеспечивать эффективную систему защиты прав потребителей. Правильная квалификация таких правонарушений имеет важное значение для защиты прав граждан и поддержания высокого уровня безопасности в сфере косметологии.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 08.07.2025).

2. Приговор Савеловского районного суда города Москвы от 17 июня 2019 г. по делу № 1-4/19. URL: [https://mosgorsud.ru/rs/savyolovskij/services/cases/criminal/details/502359f3-2e4b-4ee1-a94e-05a03a25f96b?Case Number=01-0004/2019](https://mosgorsud.ru/rs/savyolovskij/services/cases/criminal/details/502359f3-2e4b-4ee1-a94e-05a03a25f96b?Case%20Number=01-0004/2019) (дата обращения: 11.08.2025).

3. Приказ Минздравсоцразвития России от 18.04.2012 N 381н (ред. от 21.02.2020) «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи населению по профилю «косметология»» (зарег. в Минюсте России 17.05.2012 № 24196): URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.08.2025).

4. Рарог А. И., Понятовская Т. Г. Объект и система медицинского уголовного права. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obekt-i-sistema-meditsinskogo-ugolovnogogo-prava> (дата обращения: 20.08.2025).

5. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации : с изм. и доп. на 02 мая 2025 года : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 08.07.2025).

6. Судебная статистика РФ : офиц. сайт. URL: <https://stat.апипресс.пф/stats/ug/t/14/s/17/> (дата обращения: 01.09.2025).

7. Сироткина А. А. Договор оказания медицинских услуг: особенности гражданско-правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2004. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002667324> (дата обращения: 15.08.2025).

8. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (посл. ред.). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.08.25).

Манафова Сильвана Артековна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
silvanamanafova1402@gmail.com

Особенности кадровой политики в МВД Российской Федерации на современном этапе

***Аннотация.** Статья посвящена анализу кадровой политики в системе МВД Российской Федерации на современном этапе развития. В данной статье рассматриваются наиболее важные направления и механизмы формирования эффективного кадрового состава органов внутренних дел. Проводится анализ основных проблем, с которыми сталкиваются сотрудники МВД Российской Федерации, включая дефицит квалифицированных кадров, низкое денежное довольствие, трудности поступления на службу и многие другие факторы. Особое внимание уделяется предложениям, направленным на совершенствование системы, улучшение условий труда и социальной защиты работников полиции.*

***Ключевые слова:** кадровая политика, государственная структура, денежное довольствие, социальные гарантии, повышенная нагрузка, престиж службы, некомплект.*

Manafova Silvana Artekovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Features of personnel policy in the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation at the present stage

***Annotation.** This article focuses on the analysis of personnel policy in the Russian Ministry of Internal Affairs at the current stage of development. It examines the most important areas and mechanisms for forming an effective staff in the Ministry of Internal Affairs. The article analyzes the main challenges faced by the Ministry of Internal Affairs, including the shortage of qualified personnel, low salaries, difficulties in joining the service, and other factors. The article also provides suggestions for improving the system, working conditions, and social protection of police officers.*

***Keywords:** personnel policy, state structure, monetary allowance, social guarantees, increased workload, service prestige, understaffing.*

Кадровая политика представляет собой ключевой элемент стратегического управления организацией, определяющий подходы к формированию, развитию и использованию человеческих ресурсов.

Правовому регулированию кадровой политики в МВД РФ посвящены ряд нормативных правовых актов. Одними из наиболее важных являются:

– Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» [7];

– Федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8];

– Федеральный закон от 19 июля 2011 года № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Для регламентации деятельности в области подготовки кадров был принят приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 02.02.2024 № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации», который регламентировал деятельность структуры, обеспечивающей замещение должностей различных составов.

Ситуация с кадрами в российской полиции – один из важнейших факторов, влияющих на состояние преступности в стране и эффективной защищенности граждан от преступных посягательств. Данная проблема требует особого внимания. Усугубляющийся некомплект в четверть сотрудников, а в некоторых регионах до одной трети, и как следствие рост нагрузки на оставшихся сотрудников, являются основными причинами и факторами досрочного увольнения значительного количества опытных сотрудников. Требуются комплексные, системные и даже неординарные решения, для приостановки угрожающей негативной тенденции.

14 мая 2024 года на пленарном заседании Совета Федерации Федерального собрания РФ, министр МВД РФ В. А. Колокольцев заявил, что покупательная способность зарплат полиции уменьшилась на 45 % по причине отсутствия надлежащей индексации. Для решения данной проблемы Советом Федерации было предложено совершенствование систему оплаты труда, которая подразумевала повышение денежного довольствия низкооплачиваемым сотрудникам. Парламентарии верхней палаты рекомендовали Правительству РФ рассмотреть этот вопрос при формировании проекта федерального бюджета на 2025 год, и на плановый период 2026–2027 годов. Попытки решить проблему имели место быть, однако в дальнейшем остались без внимания. Президентом РФ В. В. Путиным на расширенном заседании коллегии МВД РФ 5 марта 2025 года Правительству РФ совместно с МВД РФ поставлена задача, подготовить меры по решению проблемы кадрового некомплекта в системе МВД РФ.

Одним из факторов, способствующих обострению кадрового вопроса, стал низкий уровень денежного довольствия и социальных гарантий [5, с. 5]. Социальная защита сотрудников ОВД – также является важным фактором, влияющим на выбор профессии полицейского. Меры социальной защиты компенсируют сложность и напряженность службы в ОВД, стимулируют служебную деятельность сотрудников. Монетизация некоторой части социальных льгот и гарантий, длительность и сложность, к примеру, получения социальной выплаты на приобретение или строительство жилья и иные проблемы, связанные с реализацией социальных гарантий, вместе с низким уровнем денежного довольствия, не способствует пополнению кадров. Социальные гарантии ра-

ботников Прокуратуры РФ и некоторых других органов значительно превосходят действующие для сотрудников ОВД. Для решения данного вопроса важен комплексный подход, который будет выражаться не только в увеличении финансирования, но и в проведении ряда реформ, которые будут направлены на пересмотр системы распределения средств и обеспечение прозрачности в финансировании.

Следует особое внимание уделить денежному довольствию стажеров. С кандидатом на службу в ОВД заключается срочный трудовой договор на период стажировки на срок от двух до шести месяцев. За этот период ему выплачивается соответствующая сумма по части должностного оклада, но она недостаточна, с учетом цен и потребностей современного человека. Необходимо увеличить должностной оклад стажерам или же реформировать институт прохождения стажировки, вплоть до его отмены и замены более эффективными методами изучения кандидатов, их становления и вхождения в должность с помощью индивидуального обучения и наставничества.

Повышенная нагрузка является одним из наиболее распространенных факторов, способствующих досрочному увольнению сотрудников. На заседании коллегии МВД РФ 5 марта 2025 года министр МВД РФ В. А. Колокольцев заявил о том, что в 2024 году из МВД уволился каждый второй опытный сотрудник, общее количество вакантных должностей увеличилось более чем на 33 тысячи и превысило 170 тысяч. Такой значительный некомплект порождает повышенную нагрузку на оставшихся сотрудников, что, в свою очередь, способствует досрочному увольнению до достижения выслуги лет, дающей право на получение пенсии. Для улучшения данной ситуации в каждом субъекте РФ принимаются различные меры, так, например, в Костромской области в рамках празднования 81-й годовщины образования УМВД по Костромской области губернатор области Сергей Ситников сделал заявление о разработке специальной программы, направленной на привлечение молодых кадров в органы внутренних дел. Планируется, что программа будет включать материальные и моральные стимулы, а также меры профессиональной поддержки для новичков, которые должны помочь в решении кадрового вопроса и увеличении состава региональной полиции.

Для уменьшения нагрузки, приходящейся на оставшихся сотрудников, мы предлагаем возможность призыва на срочную и альтернативную службу в МВД РФ так же, как это осуществляется в Министерстве обороны РФ, Федеральной службе войск национальной гвардии РФ, МЧС России и пограничных войсках ФСБ России. В основе призыва на срочную службу в систему МВД РФ – добровольность выбора этой службы. Востребованы будут граждане со средним (на должностях патрульно-постовой службы), средним специальным и высшим образованием (дознателя, участкового уполномоченного полиции). Допустимо и экономически выгодно прохождение такой службы по месту жительства. После 2–3 месячной первоначальной подготовки в учебном центре территориального органа МВД России служащий проживает дома, осуществляя службу по установленному графику. Нет необходимости содержать инфраструктуру казарм,

караулов, столовых, вспомогательных помещений и др. По окончании срочной службы часть граждан останутся служить по контракту, а некоторые поступят в ведомственные и гражданские вузы, восполняя некомплект среднего начальствующего состава. В перечень организаций и учреждений, утвержденный Приказом Минтруда России для прохождения альтернативной гражданской службы [4], можно включить и МВД РФ. Граждане, проходящие альтернативную гражданскую службу, смогут в течение этого периода выполнять безопасную и несложную работу, оказывать помощь сотрудникам ОВД.

Помимо досрочного увольнения, в настоящее время прослеживается и негативная тенденция увольнения по выслуге лет, дающей право на получение пенсии. Необходимы стимулирующие изменения в законодательных актах для сокращения количества увольняющихся сотрудников после выслуги лет. Например, в случае дальнейшего прохождения службы сотрудники получают соответствующее денежное довольствие и пенсию, полностью или в процентном соотношении. К примеру, рядовой и младший начальствующий состав полностью, средний начальствующий состав – 75 %, старший начальствующий состав – 50 %, высший начальствующий состав – 25 % предполагаемой пенсии. Можно предоставлять дополнительные единовременные выплаты только для сотрудников с опытом выполнения должностных обязанностей при продолжении ими службы после выслуги лет [1, с. 2]. Как пример дополнительного стимулирования прохождения службы в подразделениях, где наличие опыта выполнения должностных обязанностей приобретает особую значимость, можно привести: ежемесячную надбавку за прохождение службы в структурных подразделениях по защите государственной тайны, так как данные сотрудники имеют опыт работы и обладают доверием со стороны государственного органа [2]. Стимулирование прохождения службы в подразделениях, где опыт выполнения должностных обязанностей приобретает особую значимость, будет способствовать сбережению личного состава и сохранению профессионалов, что позволит значительной части сотрудников продолжить службу до возрастных ограничений пребывания на службе.

При проведении анализа кадровой политики важно учитывать положение сотрудников, попавших под сокращение, а также тех, кто достиг предельного возраста для службы. Привлечение бывших сотрудников также является одним из способов, направленных на решение кадрового вопроса. Известно, что существуют возрастные ограничения для пребывания на службе, после истечения которых гражданин не может проходить или быть вновь принятым на службу. Но даже по истечении этих сроков подавляющая часть пенсионеров МВД РФ, находясь в хорошей физической форме, продолжают работать, порой на достаточно ответственных должностях и с большим количеством подчиненных. При наличии возрастных ограничений бывшие сотрудники могут быть востребованы системой в качестве вольнонаемных помощников. Четверть населения России проживает в сельской местности, примерно столько же в малых городах, где с трудом можно найти работу. Подавляющее большинство уволившихся, бывших сотрудников с правом на пенсию не обладают иными востребованными го-

сударством и бизнесом специальностями. Пенсия и должностной оклад привлекут многие тысячи бывших, уже опытных сотрудников, проверенных временем, не требующих обучения и легко вписывающихся в родной коллектив. Наименование должностей, их правовой и служебный статус, условия и сроки заключения контракта (договора), требования к возрасту и здоровью и иные ограничения можно специально разработать в отдельном нормативном правовом акте.

В настоящее время повсеместно закрываются исправительно-трудовые колонии и иные учреждения пенитенциарной системы. В одной только Костромской области закрыли три колонии, а по некоторым данным, в России за 3,5 года почти 90 колоний и СИЗО. Вопрос о причинах такой тенденции со стороны государства остается дискуссионным: кто-то считает, что это «ветхость», «гуманизация законодательства» и применение наказаний, не связанных с лишением свободы, а кто-то придерживается позиции, согласно которой осужденные подписывают контракты с Министерством обороны РФ и отправляются в зону Специальной военной операции. Федеральная служба исполнения наказаний связывает это с поэтапной работой по оптимизации численности пенитенциарных учреждений, что обусловлено постепенным снижением численности осужденных и расширением практики применения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Последствиями закрытия исправительных учреждений стали работники этих учреждений, которые попали под сокращение и остались без работы. Значительное количество этих сотрудников являются ценными специалистами, имеющими соответствующие знания и опыт оперативной работы, но не дослужившие до пенсии. Большинство сокращенных сотрудников территориально привязаны к определенным местностям, с учетом наличия жилья, родственников и нежелания переезда в другой регион. Мы предлагаем кадровым аппаратам территориальных органов МВД России, через соответствующие территориальные органы ФСИН России, инициативно приглашать на собеседование таких сотрудников в целях дальнейшего прохождения службы в системе МВД РФ, что также позволит снизить некомплект в специфической сфере деятельности оперативных подразделений.

Трудность поступления на службу в МВД была и остается одной из причин, по которой многие граждане не выбирают работу в данной системе. Существует множество ограничений и запретов, при наличии которых кандидат не может быть принят на службу. Это такие ограничения, как возраст, состояние здоровья, судимость. Кандидаты проходят профессиональный психологический отбор, где оцениваются их личные и деловые качества. Имеется также ряд требований к уровню образования кандидатов, которым кандидат должен соответствовать, однако они не должны быть чрезмерно завышенными.

Для упрощения порядка поступления на службу молодых кадров можно заключать целевой трехсторонний договор между территориальным органом МВД России, вузом и абитуриентом этого вуза. Опрос студентов 2 курса Юридического института им. Ю. П. Новицкого КГУ показал, что из 46 опрошенных, 23 или 50 % были бы согласны на такой договор. Заключение договора может иметь место на любом курсе обучения. При отказе от отработки или увольнения

по отрицательным мотивам, оплата взыскивается пропорционально в добровольном или судебном порядке. Заключение договора должно осуществляться в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 27 апреля 2024 года № 555 «О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования» [3] с учетом специфики функционирования системы. На сайте vuzoteka.ru, есть информация о рейтинге юридических вузов России на 2025 год, где указано, что в стране 475 вузов с юридическими специальностями. Председатель Ассоциации юристов России Сергей Степашин заявил, что, ежегодно вузы выпускают до 300 тысяч дипломированных юристов.

Однако даже если четверть заключит вышеуказанный договор, и впоследствии станет сотрудниками ОВД на период отработки договора, это более 70 тысяч сотрудников, юристов, так не хватаемых системе. За период с 2019 по 2023 годы, за 5 лет, из окончивших Юридический институт им. Ю. П. Новицкого 302 студентов, 25 поступили на службу в УМВД России по Костромской области, т. е. в среднем по 5 ежегодно. Это свидетельствует о той тенденции, которая отражает ситуацию, связанную с престижем службы, денежным довольствием и возросшей нагрузкой. Значительное количество студентов КГУ, да и в других вузах страны, обучается по таким направлениям, как государственное и муниципальное управление, информационная безопасность, правовое обеспечение национальной безопасности, экономическая безопасность и другие направления обучения, выпускники которых могут быть востребованы системой и могли бы быстро адаптироваться к службе в ОВД, с учетом приобретенных знаний. Кроме того, это возможность применить приобретенные знания, умения и навыки, полученные в вузе на практике, в ответственной для государства и общества профессии.

Совмещение студентами, обучающимися по целевой форме, обучения и службы по контракту в МВД РФ может стать способом не только для упрощения порядка поступления на службу, но и для привлечения и удержания молодых кадров. В конце третьего и начале четвертого курсов значительное количество студентов-очников устраиваются в различные организации для минимизации и компенсации расходов семьи на свое обучение. Студентам, обучающимся по целевой форме обучения, можно было бы совмещать обучение и службу по контракту в системе МВД на должностях помощников участкового уполномоченного полиции (Приказ МВД РФ от 29 марта 2019 года № 205), помощников следователя, дознавателей и других должностях. При создании нормальных условий прохождения службы, расширении и укреплении жилищных и социальных гарантий, повышения денежного довольствия значительная часть, после обязательной отработки, останется для дальнейшего прохождения службы.

Согласно мнению правозащитника и члена Совета по правам человека при Президенте РФ Е. Меркачевой, причиной дефицита кадров в МВД РФ является низкий престиж профессии. Профессия полицейского с каждым годом становится все менее и менее престижной [6, с. 3]. В обществе складывается образ плохого полицейского, взяточника, отмечается тенденция «девальвации зва-

ний», что является огромной проблемой, которая может привести к серьезным последствиям. Медиапространство заполнено большим количеством негативной информации о сотрудниках полиции. До тех пор, пока не будет решена проблема повышения престижа службы в ОВД, иные меры, направленные на снижение кадрового голода, не дадут прогнозируемого эффекта. Нужна широкомасштабная программная популяризация службы в ОВД, а не дискредитация в глазах населения. Подвиги сотрудников, раскрытие резонансных уголовных дел, задержание опасных преступников, различные профилактические и общественно полезные акции, итоги работы за отчетный период и проведенные различные операции, в силу открытости и публичности деятельности полиции, систематически должны освещаться в региональных печатных и электронных СМИ. Населению также важно показывать и очищение системы, увольнение компрометирующих себя сотрудников. Но положительное должно всегда превалировать над отрицательным. Возникает также и необходимость дальнейшего ужесточения и совершенствования административного и уголовного законодательства, эффективно защищающего сотрудников при исполнении ими служебных обязанностей.

Руководством МВД РФ принимаются дополнительные организационные и практические меры, направленные на привлечение граждан на службу в ОВД и сбережение личного состава. С этой целью принят ряд нормативных правовых актов, а также внесены изменения в федеральные законы, касающиеся прохождения службы, согласно которым:

- оптимизирована процедура приема кандидатов на службу;
- исключены избыточные проверочные мероприятия в отношении родственников кандидатов на службу;
- возрастные ограничения для граждан, впервые поступающих на службу, приравнены к возрастным ограничениям для пребывания на службе;
- с октября 2025 года снижены требования к образованию для дознавателей, допустимо назначение на должность при наличии среднего профессионального юридического образования;
- исключен институт личного поручительства при приеме на службу;
- снижены требования к состоянию здоровья кандидатов на службу и сотрудников органов внутренних дел;
- закреплена возможность оставления на службе сотрудников, признанных не годными к службе вследствие увечья или заболевания, полученных при исполнении обязанностей в ходе выполнения задач в особых условиях, награжденных государственными наградами РФ и являющихся ветеранами боевых действий в связи с исполнением служебных обязанностей в особых условиях;
- предусмотрено заключение срочного контракта на срок до одного года с гражданином, ранее проходившим службу в ОВД или в федеральных органах исполнительной власти на должностях, по которым предусмотрено присвоение специальных (воинских) званий, для выполнения специальных задач либо задач в особых условиях, без установления им испытания при поступлении на службу. Кроме того, принимаются меры по повышению уровня денежного довольст-

вия и установлению сотрудникам ОВД дополнительных социальных гарантий. Наряду с этим, на постоянной основе проводится комплекс информационно-агитационных и профессионально-ориентационных мероприятий, в рамках которых особое внимание уделяется работе со студентами образовательных организаций, отделами военных комиссариатов и центрами занятости населения. Информация о приеме на службу в ОВД размещается в общественных местах, региональных СМИ и в сети Интернет на рекрутинговых платформах, в социальных сетях.

Таким образом, анализ кадровой политики в МВД РФ подчеркивает необходимость комплексного подхода к решению кадровых вопросов и повышению эффективности работы правоохранительных органов. Для этого необходимо разработать и реализовать комплексные меры, включающие улучшение условий труда, повышение денежного довольствия и активное взаимодействие с обществом.

Список источников

1. Богатырева Л. И. Повышение длительности прохождения службы как задача стимулирования служебной деятельности в органах внутренних дел. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-dlitelnosti-prohozhdeniya-sluzhby-kak-zadacha-stimulirovaniya-sluzhebnoy-deyatelnosti-v-organah-vnutrennih-del> (дата обращения: 10.10.2025).

2. Постановление Правительства РФ от 18 сентября 2006 г. № 573 «О предоставлении социальных гарантий гражданам, допущенным к государственной тайне на постоянной основе, и сотрудникам структурных подразделений по защите государственной тайны». URL: <https://base.garant.ru/12149402/> (дата обращения: 12.09.2025).

3. Постановление Правительства РФ от 27.04.2024 № 555 (ред. от 07.04.2025) «О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования» (вместе с «Положением о целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования», «Правилами установления квоты приема на целевое обучение по образовательным программам высшего образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета»). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475586/ (дата обращения: 23.08.1025).

4. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 20 января 2025 г. № 12н «Об утверждении перечней видов работ, профессий, должностей, на которых могут быть заняты граждане, проходящие альтернативную гражданскую службу, и организаций, где предусматривается прохождение альтернативной гражданской службы». URL: <https://base.garant.ru/411528641/> (дата обращения: 21.08.2025).

5. Рыбак А. В., Данилов Р. М. К вопросу кадрового некомплекта территориальных подразделений МВД России. URL: <http://www.nauteh-journal.ru/index.php/3/2021/№12/03d8de21-0517-4a85-a913-48d28a47759c> (дата обращения: 12.10.2025).

6. Сардак Д. Б. Анализ критериев оценки деятельности территориальных органов внутренних дел МВД России. их влияние на некомплект личного состава. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-kriteriev-otsenki-deyatelnosti-territorialnyh-organov-vnutrennih-del-mvd-rossii-ih-vliyanie-na-nekomplekt-lichnogo-sostava> (дата обращения: 11.08.2025).

7. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.08.2025).

8. Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 № 342-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 05.08.2025).

УДК 347.641

Медведева Екатерина Дмитриевна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

Ekaterina1645423@gmail.com

О дееспособности несовершеннолетних родителей

***Аннотация.** В статье анализируется правовой статус несовершеннолетних родителей в России, выявляются коллизии между семейным и гражданским законодательством, предлагается ввести эмансипацию с 16 лет на основании беременности для полной дееспособности и защиты прав ребенка и семьи.*

***Ключевые слова:** дееспособность, несовершеннолетние родители, гражданское законодательство, семейное законодательство, брак, беременность.*

Medvedeva Ekaterina Dmitrievna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

On the Legal Capacity of Minor Parents

***Annotation.** The article analyzes the legal status of minor parents in Russia, identifies conflicts between family and civil legislation, and proposes introducing emancipation from the age of 16 on the basis of pregnancy in order to grant full legal capacity and protect the rights of the child and the family.*

***Keywords:** legal capacity, minor parents, civil legislation, family legislation, marriage, pregnancy.*

Согласно статье 21 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), полная дееспособность, означающая способность физического лица полностью самостоятельно осуществлять свои гражданские права и обязанно-

сти, по общему правилу наступает с достижением совершеннолетия – 18 лет. Однако законодатель предусмотрел ряд исключений, позволяющих некоторым несовершеннолетним лицам приобрести полную дееспособность раньше этого возраста. Одним из таких исключений является заключение брака до достижения 18 лет, что автоматически наделяет молодых супругов, достигших 16 лет, статусом полностью дееспособных [3, с. 67].

Исходя из анализа положений законодательства и научной литературы можно выделить следующие 3 категории несовершеннолетних родителей:

- 1) несовершеннолетние родители, не достигшие шестнадцатилетнего возраста;
- 2) несовершеннолетние родители, не состоящие в браке, достигшие возраста шестнадцати лет;
- 3) несовершеннолетние родители, состоящие в браке [1, с. 3].

Несовершеннолетним родителям первой категории согласно пункту 2 статьи 62 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) назначается опекун, который осуществляет его воспитание совместно с несовершеннолетними родителями ребенка. Данное положение кажется вполне логичным и обоснованным, так как малолетние родители просто не имеют полной дееспособности и достаточного опыта для воспитания ребенка. Однако на практике возникали споры. Так несовершеннолетние родители П. и Л. (возраст обоих 15 лет), были вынуждены обращаться в суд за разрешением на медицинское вмешательство для своего ребенка, поскольку медицинские работники требовали участия «взрослого» законного представителя [2, с. 38–39]. Суд, в свою очередь, указал, что хоть они и имеют право самостоятельно осуществлять родительские права, иск подать должен именно их опекун, что полностью соответствует семейному законодательству.

Также третья категория родителей не вызывает больших проблем, так как при вступлении в брак они приобретают полную дееспособность, которая позволяет им полноценно реализовывать свои права и обязанности, в том числе родительские.

Наибольший интерес вызывает именно вторая категория. Данную ситуацию можно назвать правовой коллизией между семейным и гражданским законодательствами, не согласованными в части возрастных ограничений и дееспособности. Семейное право ставит в приоритет интересы ребенка и наделяет несовершеннолетних родителей нужными правами для воспитания, но гражданское законодательство ограничивает их возможности как субъектов имущественных и иных правоотношений.

Так, пункт 2 статьи 62 СК РФ предоставляет таким лицам с 16 лет право самостоятельно осуществлять родительские права, но при этом не содержит ясных положений о статусе их дееспособности. Неоднозначность правового положения родителей, не достигших совершеннолетия, состоит в их двойственном статусе: с одной стороны – они являются родителями, т. е. имеют определенные права и обязанности по отношению к своим детям, но, с другой стороны, они сами еще дети, которые не могут обладать необходимым объемом де-

способности, чтобы защитить собственные права и интересы своего ребенка. Тут проявляется парадокс: несовершеннолетний родитель, достигший 16 лет, не обладающий полной гражданской дееспособностью, наделен правом по закону представлять своего ребенка.

Еще более противоречивая ситуация складывается у несовершеннолетних родителей вокруг судебной защиты прав их детей. Несовершеннолетние родители не обладают и полной гражданской процессуальной дееспособностью. По общему правилу их права, свободы и законные интересы защищают законные представители, и только в случаях, предусмотренных федеральным законом, несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет вправе лично защищать в суде свои права, свободы и законные интересы (п. 3 и п. 4 ст. 37 ГПК РФ). В законодательстве имеется ряд таких специальных случаев (ст. 287 ГПК РФ, п. 1 ст. 1074 ГК РФ, абз. 2 п. 2 ст. 56 СК РФ, п. 3 ст. 62 СК РФ), в каждом из которых содержится четкое указание на несовершеннолетний возраст. Норма п. 5 ст. 37 ГПК РФ о защите прав малолетних в их число не входит. Она не предоставляет несовершеннолетним родителям, не обладающим полной гражданской дееспособностью, способность по самостоятельной защите прав, свобод и интересов собственных детей [5].

Получается, что бабушки, дедушки или иные законные представители несовершеннолетних родителей являются опосредованными законными представителями детей представляемых лиц, хотя данная обязанность и соответствующая ответственность на них не возложена официально.

В научных кругах нет однозначного мнения по этому вопросу. Одни правоведы настаивают на едином понимании дееспособности в семейном и гражданском праве, другие указывают, что семейная дееспособность должна рассматриваться отдельно как специализированная категория, отражающая особенности внутрисемейных правоотношений [4, с. 112].

А. И. Кнороз, анализируя содержание норм статьи 62 СК РФ, обращает внимание на то, что у родителей, не вступавших в брак, родивших ребенка до 16 лет, по достижению ими возраста 16 лет и до приобретения полной гражданской дееспособности есть право, но не обязанность самостоятельно осуществлять родительские права и обязанности [6]. Его точку зрения разделяет и О. И. Величкова, которая пишет, что «на несовершеннолетних родителей закон вообще не возлагает никаких юридических обязанностей».

М. В. Антокольская уделяет внимание моральной и нравственной стороне данной проблемы. Она считает, что для осуществления права на воспитание ребенка необходимо иметь достаточную зрелость самому родителю, о наличии которой в данной ситуации, говорить сложно.

О. Ю. Косова, поясняет невозможность закрепления прав и обязанностей за несовершеннолетними родителями тем, что в таком возрасте они просто не способны адекватно оценивать жизненную ситуацию, свои взаимоотношения с родителями, а также определять свои действительные интересы. Но как бы не относилось общество к факту раннего родительства, законом необходимо за-

крепить действия всех заинтересованных лиц, определить их правомочность и обязательства, возникающие из данной ситуации [2, с. 11–12].

В этой связи предлагаем рассмотреть следующее решение: ввести в ст. 27 ГК РФ новое основание для признания лица, достигшего 16 лет, полностью дееспособным – беременность и последующее воспитание ребенка. Предлагаем ввести такую возможность именно через эмансипацию для предотвращения споров по поводу момента, когда несовершеннолетняя мать будет полностью дееспособной: с момента зачатия или с момента, когда факт беременности подтвердился в медицинском учреждении?

Акцент в предлагаемой мере делается преимущественно на матерях, что обусловлено как биологическими, так и социальными факторами. Только женщина может быть беременной, и именно беременность уже используется законодателем в качестве аргумента для снижения брачного возраста и косвенного предоставления полной дееспособности через ранний брак.

Кроме того, именно мать в подавляющем большинстве случаев является основным лицом, фактически осуществляющим уход за ребенком, проживающим с ним, сопровождающим его при получении медицинской помощи, оформляющим пособия и принимающим повседневные решения. Несовершеннолетний отец, особенно при отсутствии брака и устойчивых семейных отношений, на практике часто не принимает на себя аналогичный объем заботы и ответственности, нередко он дистанцирован от воспитания и содержания ребенка. В этой связи автоматическое распространение предлагаемого основания эмансипации на отцов по одному лишь факту отцовства выглядело бы менее обоснованным и могло бы стимулировать формальное признание отцовства без реального участия в судьбе ребенка. При этом права несовершеннолетних отцов не ущемляются: для них сохраняются действующие механизмы приобретения полной дееспособности через заключение брака.

Парадокс, при котором несовершеннолетний родитель не может распоряжаться собственным имуществом и защищать права ребенка без законных представителей, но при этом имеет право действовать от имени ребенка, указывает на необходимость законодательного уточнения и дополнения. Учитывая высокую долю детей, рожденных несовершеннолетними родителями, обоснованным представляется предложение о введении беременности как самостоятельного основания для признания несовершеннолетнего лица полностью дееспособным, что позволит обеспечить надлежащую защиту прав и интересов ребенка и родителей. Признание беременности и материнства основанием для полной дееспособности будет способствовать более эффективной правовой защите семьи и ребенка, устранил парадоксы законодательства.

Список источников

1. Антоненко Ю. В. Проблемы семейной дееспособности несовершеннолетних родителей / Российский государственный университет правосудия. М., 2011. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/nauka/download/antonenko_yu_v.pdf?ysclid=mlrn9zq4q5471046383 (дата обращения: 07.12.2025).

2. Буракова Е. В. Правовой статус несовершеннолетних родителей / Российский государственный профессионально-педагогический университет. Екатеринбург, 2018. URL: https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/25196/1/RSVPU_2018_174.pdf?ysclid=mlrncvfl14981009673 (дата обращения: 07.12.2025).

3. Гараева Г. Х. К вопросу об ограничении семейной дееспособности // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Казань, 2014. С. 63–68.

4. Звенигородская Н. Ф. Проблема семейной дееспособности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. Пермь, 2011. С. 111–124.

5. Леканова Е. Е. Правовое положение несовершеннолетних родителей по немецкому, австрийскому, швейцарскому и российскому законодательству: сравнительное исследование // Право и политика. 2020. № 12. С. 1–14. doi: 10.7256/2454-0706.2020.12.32408. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32408 (дата обращения: 07.12.2025)

УДК 349.444

Мордзенко Егор Андреевич

студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
mordzenkoeg@vk.com

Григорьева Марина Александровна

старший преподаватель, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
m_grigoreva@ksgos.ru

Проблемы юридической оценки качества и добросовестности деятельности регионального оператора в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами

***Аннотация.** Статья посвящена актуальной проблеме оценки качества и добросовестности деятельности региональных операторов в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами (ТКО). Авторы рассматривают существующие правовые и институциональные механизмы, применяемые для оценки работы региональных операторов, выявляют недостатки и пробелы в действующем законодательстве, которые осложняют эффективную реализацию их функций. Освещаются ключевые аспекты судебной практики, демонстрирующей проблемы правоприменения в данной сфере. Приводятся рекомендации по совершенствованию правового регулирования и формированию объективных критериев оценки качества и добросовестности деятельности региональных операторов.*

***Ключевые слова:** региональный оператор, управляющие организации, твердые коммунальные отходы, добросовестность.*

Mordzenko Egor Andreevich
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Grigoryeva Marina Aleksandrovna
senior lecturer, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

**Problems of legal assessment of the quality and integrity
of the regional operator's activities in the field
of solid municipal waste management**

***Annotation.** The article is devoted to the urgent problem of assessing the quality and integrity of the activities of regional operators in the field of solid municipal waste management (SMW). The authors examine the existing legal and institutional mechanisms used to evaluate the work of regional operators, identify shortcomings and gaps in the current legislation that complicate the effective implementation of their functions. The article highlights key aspects of judicial practice that demonstrate the problems of law enforcement in this area. The authors provide recommendations for improving legal regulation and establishing objective criteria for assessing the quality and integrity of the activities of regional operators.*

***Keywords:** regional operator, management organizations, solid municipal waste, good faith.*

Оценка качества и добросовестности деятельности регионального оператора в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами (далее – ТКО) приобретает особую значимость в условиях модернизации российской системы обращения с отходами. Вопросы качества услуг, предоставляемых региональными операторами, вызывают большой общественный резонанс, связанный с ростом числа жалоб на нарушения санитарных норм, ненадлежащее использование техники и порчу контейнерных площадок и городской инфраструктуры [2]. Негативные последствия некачественного исполнения обязанностей региональными операторами сказываются не только на комфорте граждан, но и на состоянии окружающей среды, вызывая ухудшение экологической обстановки, порчу имущества и росту социальной напряженности, что указывает на необходимость анализа правовых аспектов взаимодействия сторон в рамках договорных отношений.

На сегодняшний день правовые механизмы оценки деятельности региональных операторов сформулированы недостаточно четко, что создает простор для злоупотреблений и сокрытия дефектов в работе. Акцент на критериях качества и добросовестности является необходимым условием для создания здоровой конкуренции на рынке услуг по обращению с отходами и повышения удовлетворенности граждан услугами, оказываемыми региональными операторами [3].

В случае отсутствия договора с региональным оператором, услуги по обращению с ТКО оказываются и оплачиваются в соответствии с условиями типового договора, утвержденного Правительством Российской Федерации. В таком типовом договоре в разделе «Обязанности регионального оператора»

содержится пункт, согласно которому региональный оператор обязуется не допускать повреждений контейнеров и (или) бункеров, принадлежащих потребителям (управляющим организациям) на праве собственности или ином законном основании, при осуществлении вывоза ТКО [9].

Типовой договор утверждается Правительством РФ и устанавливает обязательные условия для всех договоров, заключаемых между региональными операторами и собственниками или управляющими организациями. Согласно условиям типового договора, региональный оператор обязан бережно относиться к общему имуществу собственников, включая контейнеры и бункеры, находящиеся на придомовой территории [8].

Однако, как показывает практика, далеко не всегда региональный оператор исполняет свои обязанности надлежащим образом. Жители и управляющие организации периодически сообщают о повреждении контейнеров, поломке крышек и иных инцидентах, связанных с небрежным отношением к общедомовому имуществу. Такие нарушения ухудшают внешний облик двора, увеличивают расходы на ремонт контейнеров и вызывают недовольство граждан [4].

Добросовестность – это морально-правовая категория, означающая честное, ответственное поведение субъекта правоотношений, которое соответствует общепринятым нормам морали и этики. Добросовестность предполагает выполнение обязательств добровольно, честно и открыто, соблюдение закона и уважение прав других лиц.

Согласно статье 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, участники гражданских правоотношений действуют добросовестно, разумно и осмысленно. Это означает, что каждый участник обязан учитывать права и законные интересы другого лица, действовать прозрачно и соблюдать нормы законодательства. Региональный оператор обязан соблюдать законы и нормативно-правовые акты, регулирующие обращение с ТКО [6].

Регион заключает соглашение с региональным оператором, в рамках которого последний обязуется обеспечить своевременный вывоз отходов, обслуживание контейнерных площадок и поддержание инфраструктуры. Нарушение сроков или некачественное исполнение обязанностей считается недобросовестностью. Обязанность добросовестного обращения с отходами включает предотвращение загрязнения почвы, воды и воздуха, минимизацию вреда экологии.

Использование устаревших технологий переработки или нарушение экологических стандартов свидетельствует о недобросовестности. Недобросовестность проявляется также в необоснованном повышении цен на услуги, навязывании дополнительных услуг населению, сокрытии нарушений законодательства или умышленное оставление без внимания жалоб жителей региона [2].

Таким образом, бережное отношение к общедомовому имуществу – это не только моральная, но и юридическая обязанность регионального оператора, прописанная в действующем законодательстве и соответствующем типовом договоре.

Предлагаем рассмотреть несколько примеров из судебной и правоприменительной практики, иллюстрирующих проблемы взаимодействия управляющих компаний (далее – УК) и региональных операторов в сфере обращения с ТКО.

В Костромской области управляющая компания «Д» обратилась в прокуратуру города Костромы с жалобой на причинение ущерба имуществу собственников помещений многоквартирных домов (МКД), находящихся на территории обслуживания УК. В жалобе указано, что при осуществлении деятельности по вывозу ТКО водитель мусоровоза, принадлежащего ООО «Э», при маневрировании на придомовой территории повредил асфальтное покрытие, бордюр и газон. На письменное обращение УК «Д» об устранении указанных нарушений ООО «Э» не отреагировало.

В соответствии с типовым договором, утвержденным Правительством РФ, региональный оператор обязан бережно относиться к общедомовому имуществу, не допуская повреждений контейнеров, подъездных дорог и других элементов придомовой территории при осуществлении своей деятельности. В данном случае, транспортное средство, принадлежащее ООО «Э», повредило асфальтовое покрытие, бордюры и газон, что является прямым нарушением обязательств оператора.

Отсутствие ответа на обращения управляющей компании «Д» также свидетельствует о недобросовестности регионального оператора. Согласно типовому договору, региональный оператор обязан незамедлительно реагировать на обращения потребителя и устранять допущенные нарушения. Отсутствие реакции на жалобу УК дополнительно свидетельствует о низком уровне ответственности и надежности оператора.

Кроме того, в действиях ООО «Э» усматриваются признаки гражданско-правовой ответственности за причинение вреда имуществу третьих лиц, предусмотренной статьей 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации. Уклонение общества «Э» от восстановления испорченного имущества свидетельствует о пренебрежительном отношении к исполнению принятых на себя обязательств.

Рассмотрим другой пример из судебной практики, ООО «К» обратилось в Арбитражный суд Волгоградской области с иском к региональному оператору ООО «Э» о возмещении ущерба, причиненного повреждением контейнера для сбора твердых коммунальных отходов (ТКО). Иск был обоснован тем, что при погрузке отходов водителем мусоровоза ООО «Э» произошел разрыв металлического корпуса контейнера, что сделало невозможным его дальнейшее использование. ООО «К» затребовало сумму компенсации ущерба, рассчитанную исходя из рыночной стоимости нового контейнера аналогичной вместительности.

Арбитражный суд Волгоградской области признал исковые требования обоснованными и вынес решение о взыскании суммы ущерба в пользу истца. В обоснование решения суд указал, что в соответствии с условиями типового

договора, утвержденного Правительством РФ, региональный оператор обязан проявлять крайнюю осмотрительность и избегать повреждения контейнеров и другого имущества, находящегося на придомовой территории, при осуществлении деятельности по вывозу ТКО.

Кроме того, суд обратил внимание на статью 1064 Гражданского кодекса РФ, согласно которой вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, виновным в причинении вреда [1]. Рассмотренный случай демонстрирует важность точного соблюдения региональными операторами своих обязательств, установленных типовым договором, утвержденным Правительством РФ. Срыв корпусов контейнеров или другое повреждение имущества недопустимо, поскольку это создает неудобства жителям и нарушает условия нормального функционирования системы обращения с ТКО.

Таким образом, статистика обращений граждан и управляющих организаций свидетельствует о росте числа жалоб на недобросовестное и некачественное исполнение региональным оператором своих обязанностей при обращении с ТКО [4]. Зачастую причина таких жалоб кроется в том, что мусорные контейнеры принадлежат не региональному оператору, а находятся в собственности собственников помещений многоквартирных домов (МКД) или муниципальному образованию. Это приводит к тому, что сотрудники регионального оператора, занимающиеся обслуживанием территории, проявляют безответственное отношение к общему имуществу, совершая действия, приводящие к разрушению контейнеров и прилегающей инфраструктуры [3].

Авторы предлагают передавать полномочия по обеспечению функционирования контейнерных площадок и обслуживанию соответствующих объектов непосредственно региональным операторам. Основопологающим документом является Федеральный закон № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления». В частности, статья 24.6 Закона регулирует деятельность региональных операторов, определяя их роль как ключевых участников сферы обращения с отходами. В соответствии с ней, региональные операторы обязаны осуществлять мероприятия по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов, обеспечивая надлежащий уровень оказания услуг [5]. Кроме того, в Жилищном кодексе РФ указывается, что организация и содержание мест накопления бытовых отходов являются частью обязательных мероприятий по благоустройству территории [7]. Следовательно, наделяя полномочиями региональных операторов, государство фактически укрепляет систему управления этими процессами. Также отмечается улучшение показателей надежности и стабильности в предоставлении услуг по обращению с отходами. Научные исследования свидетельствуют, что профессиональные компании способны оперативно реагировать на возникающие инциденты и обеспечивают более высокий уровень сервисного обслуживания.

Таким образом, предлагаемый подход не только технически реализуем, но и научно обоснован, представляя собой перспективное направление развития системы обращения с отходами в России.

Список источников

1. Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 9 марта 2023 г. по делу № А12-23458/2022. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/CYKZnPp3Ov5O> (дата обращения: 28.11.2025).

2. Антонов А. В. Правовые проблемы функционирования системы управления обращением с твердыми коммунальными отходами. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-funktsionirovaniya-sistemy-upravleniya-obrashcheniem-s-tverdymi-kommunalnymi-othodami> (дата обращения: 28.11.2025).

3. Зубарев Е. Н., Тихонова О. А. Проблемы правового регулирования ответственности регионального оператора за ненадлежащее исполнение обязанностей в области обращения с твердыми коммунальными отходами. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48765267_18871158.pdf (дата обращения: 28.11.2025).

4. Сергеева А. М. Оценка эффективности деятельности региональных операторов по обращению с ТКО: критерии и показатели. URL: <https://jurmagazine.ru/articles/ochnka-effektivnosti-deyatelnosti-regionalnyh-operatorov-po-obrashheniju-s-tverdymi-kommunalnymi-othodami-kriterii-i-pokazateli> (дата обращения: 28.11.2025).

5. Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.11.2025).

6. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 25.11.2025). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.12.2025).

7. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 29.12.2025). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.12.2025).

8. Постановление Правительства РФ от 07.03.2025 № 293 «О порядке обращения с твердыми коммунальными отходами»: вместе с «Правилами обращения с твердыми коммунальными отходами». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.12.2025).

9. Постановления Правительства. Постановление Правительства РФ от 12 ноября 2016 г. № 1156 «Об обращении с твердыми коммунальными отходами и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.11.2025).

Морозова Елизавета Алексеевна

магистрант, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

yelizaveta.morozova.99@internet.ru

Правовые механизмы реализации конституционного права на образование в Российской Федерации: проблемы кадрового обеспечения и законодательные пути их решения

Аннотация. В статье исследуется реализация конституционного права на образование в Российской Федерации через призму системных проблем кадрового обеспечения. Автор выявляет противоречие между конституционными гарантиями и сложившимся кризисом преподавательских кадров, обусловленным низким уровнем оплаты труда и отсутствием действенных механизмов привлечения молодых специалистов. На основе анализа действующего законодательства и конкретных статистических данных в статье предлагаются конкретные поправки в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Ключевые законодательные инициативы включают установление законодательного минимума заработной платы педагогов в размере 200% от средней заработной платы по региону и введение существенного единовременного пособия для молодых учителей. В заключении обосновывается позиция, что предложенные меры будут способствовать устранению выявленного правового пробела, укреплению кадрового потенциала системы образования и обеспечению практической реализации конституционных гарантий.

Ключевые слова: право на образование, конституционное право, система образования России, нехватка педагогов, заработная плата педагогических работников, молодые специалисты, законодательство об образовании, правовые механизмы, кадровое обеспечение, федеральный закон «Об образовании».

Morozova Elizaveta Alekseevna

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Legal mechanisms for implementing the constitutional right to education in the Russian federation: problems of staffing and legislative solutions

Annotation. The article examines the implementation of the constitutional right to education in the Russian Federation through the prism of systemic staffing problems. The author identifies a contradiction between the constitutional guarantees and the current crisis in the teaching staff, caused by low wages and the lack of effective mechanisms for attracting young specialists. Based on the analysis of the current legislation and specific statistical data, the article proposes concrete amendments to the Federal Law "On Education in the Russian Federation". The key legislative initiatives include establishing a statutory minimum teacher salary at 200 % of the regional average wage and introducing a substantial one-time allowance for young teachers. The conclusion substantiates the position that the proposed measures will help eliminate the identified legal gap, strengthen the personnel potential of the education system, and ensure the practical implementation of constitutional guarantees.

Keywords: right to education, constitutional law, Russian education system, teacher shortage, wages of teaching staff, young specialists, legislation on education, legal mechanisms, staffing, federal law "On Education".

Важнейшую роль во взаимоотношениях государства и личности играют права человека. Они стабилизируют общественные отношения на базе общепризнанных международных стандартов прав и свобод человека; определяют сферу свободы и самоопределения личности, ее автономность; устанавливают пределы деятельности государства по вмешательству в сферу свободы человека; устанавливают перед личностью и обществом ответственность государства [2, с. 55–56].

Как поясняет Б. С. Эбзеев, «права человека и гражданина – сложное и многогранное общественное явления, прошедшее в своем развитии ряд последовательно сменявших друг друга этапов» [4, с. 171]. Тем не менее, права человека присутствовали во всех общественно-экономических ступенях развития общества, но получили закрепление в конституционных актах только с развитием мирового конституционализма.

Согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации (далее – Конституции РФ): «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Данный закон регламентирует, что права и свободы гражданина гарантируются и признаются согласно общепринятым принципам и нормам международного права.

Право на образование относится к важнейшему праву человека. В ст. 43 Конституции РФ закреплено право каждого гражданина на образование. Право на образование не относится к числу первого поколения прав человека, однако, оно играет важную роль в современном мире и его можно отнести к числу наиболее важных прав человека.

Отечественные социологи отмечают, «накапливая в себе прошлый и настоящий социальный опыт, образование тем самым создает предпосылки социальных инноваций во всех сферах общественной жизни... Образование по своим функциям и содержанию является сферой, системообразующей все общество» [1, с. 54].

Таким образом, для понимания этой реальности, появилась новая образовательная парадигма в политике западных стран: чем выше у населения уровень образования, тем выше уровень жизни общества в целом, а уровень социальной напряженности ниже. Так, например, один из авторитетных политиков XX века Франсуа Миттеран сказал: «Бедность можно заставить отступать с помощью образования, научных исследований, развития равенства возможностей, гуманизации условий жизни и труда» [5, с. 8]. С таким высказыванием трудно не согласиться.

В подтверждению высказывания западного политика можно привести высказывания академика Н. Н. Моисеева: «будущее планетарного общества и каждой страны решающим образом будет зависеть от распространения знаний, общей образованности, культуры... Уже в ближайшие десятилетия на переднем плане истории окажутся те страны, те народы, которые будут способны обеспечить более высокий уровень образованности, воспитанности, мастерства во всех его проявлениях, способности к поиску... Образованность людей – ключ к будущему» [3, с. 124–125].

Для реализации прав человека важную роль играют соответствующие гарантии и механизмы? необходимые для такой реализации.

В настоящее время в России создан механизм по реализации прав человека на образование, включающий в себя нормативные, содержательные и институционные элементы. В статье 5 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании) устанавливаются государственные гарантии права на образование. Тем не менее, есть основания полагать, что реализация прав на образование сегодня сталкивается с рядом проблем в их реализации.

В соответствии с п. 4 ст. 5 Закона об образовании права гражданина на образование обеспечивается путем наличия соответствующих социально-экономических условий для его получения.

Одна из не менее важных проблематик в современном образовании в России – качество получаемого образования. Наиболее острая и важная проблема в современной системе образования – нехватка квалифицированных преподавателей. Такая проблема затрагивает различные уровни образования, начиная от школы и вузов, и сказывается на качестве обучения и подготовки специалистов. К основным причинам нехватки квалифицированных преподавателей можно отнести недостаточное финансирование образования и заработной платы в целом. Для молодых специалистов, которые могли бы привнести новый взгляд и инновационные методики в учебный процесс, профессия преподавателя является мало привлекательной, поскольку, специалисты данной категории имеют маленькую заработную плату и нестабильные условия труда.

Так, средняя заработная плата учителя, согласно официальным источникам, в Костромской области составила 21 229 рублей в месяц за 2024 год, что значительно ниже средней заработной платы других профессий по Костромской области [6] (рис.).

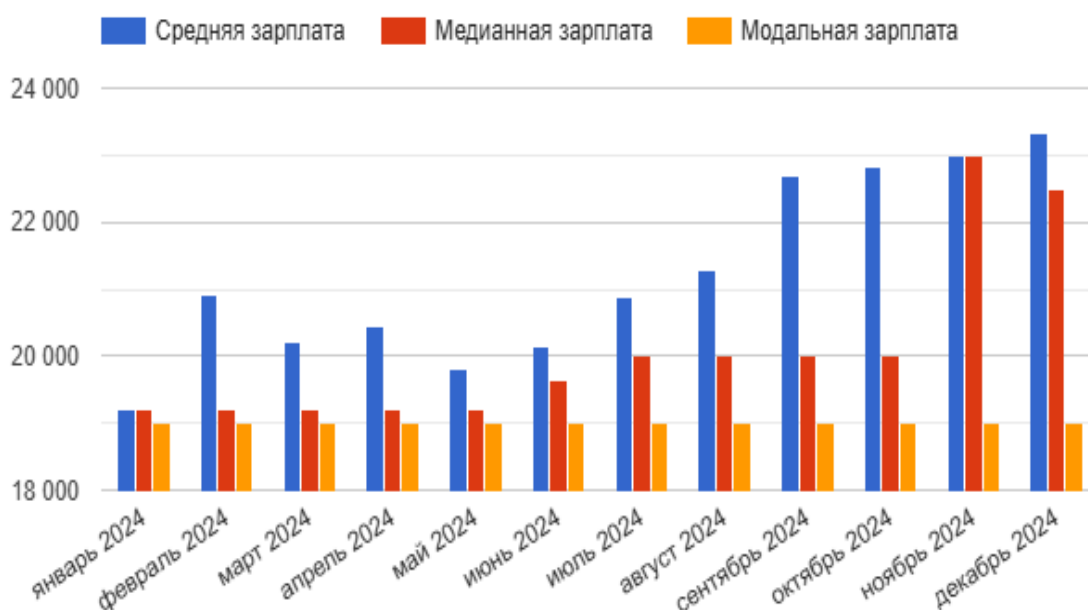

Рис. Заработная плата в Костромской области за 2024 год

Сложившаяся ситуация нарушает принцип создания социально-экономических условий для получения образования, закрепленный в пункте 4 статьи 5 Закона об образовании, и противоречит конституционной обязанности государства по защите прав человека, установленной статьей 2 Конституции РФ.

Для устранения данного системного противоречия и укрепления кадрового потенциала образовательной системы представляется необходимым внесение следующих изменений в законодательство Российской Федерации:

1. Внести в Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2012, № 53, ст. 7598) следующие изменения:

1) в статью 99 дополнить частью 4.1 следующего содержания:

«4.1. Размер средней заработной платы педагогических работников государственных и муниципальных образовательных организаций не может быть ниже 200 процентов средней заработной платы в соответствующем субъекте Российской Федерации. Финансовое обеспечение дополнительных расходов на оплату труда педагогических работников, связанных с реализацией настоящей части, осуществляется за счет предоставления субвенций из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации в порядке и на условиях, которые устанавливаются Правительством Российской Федерации»;

Установление прямой нормы, связывающей заработную плату педагогов со средним уровнем по региону в пропорции 200 %, создаст однозначный и измеримый критерий выполнения государственных гарантий. Финансирование через субвенции из федерального бюджета снизит нагрузку на региональные бюджеты и обеспечит единый стандарт по всей территории РФ.

2) статью 47 дополнить частью 16.1 следующего содержания:

«16.1. Молодым специалистам (педагогическим работникам в возрасте до 35 лет, впервые принятым на работу в государственные или муниципальные образовательные организации на должность педагогического работника в течение трех лет после получения высшего образования или среднего профессионального образования по направлениям подготовки „Образование и педагогические науки“) либо по направлениям подготовки в области, соответствующей преподаваемому предмету выплачивается единовременное пособие в размере, устанавливаемом Правительством Российской Федерации, но не менее десятикратного размера среднемесячной заработной платы в соответствующем субъекте Российской Федерации».

Введение единовременного пособия существенного размера станет мощным стимулом для трудоустройства молодых специалистов в образовательные организации, компенсируя первоначальные трудности и повышая социальную привлекательность профессии. Увязка размера пособия с региональной заработной платой обеспечивает его адекватность в различных экономических условиях.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о наличии системного противоречия между конституционными гарантиями права на образование и реальным состоянием кадрового обеспечения образовательной системы Российской Федерации. Предлагаемые изменения в законодательство, направленные на законодательное закрепление гарантированного уровня заработной платы педа-

гогов в размере 200 процентов от средней заработной платы в регионе и введение единовременного пособия для молодых специалистов, представляют собой адресный и экономически обоснованный механизм решения указанной проблемы. Их реализация за счет субвенций из федерального бюджета обеспечит единый стандарт социальных гарантий на всей территории страны и снизит финансовую нагрузку на регионы. Принятие данных мер не только устранил существующий правовой пробел, но и станет практическим воплощением конституционного принципа, согласно которому человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их защита – обязанностью государства. Укрепление кадрового потенциала в сфере образования будет способствовать повышению его качества, что является необходимым условием для инновационного развития и социальной стабильности российского общества в долгосрочной перспективе.

Список источников

1. Григорьев С. И., Матвеева Н. А. Неклассическая социология образования начала XXI века. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2000. 466 с.
2. Авакьян С. А., Соколова Н. С. Конституционное право на образование в Российской Федерации: современные вызовы и пути их преодоления // Журнал российского права. 2022. № 5. С. 54–67.
3. Моисеев Н. Н. Универсум. Информация. Общество. М. : Устойчивый мир, 2021. 200 с.
4. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2023. 256 с.
5. Миттеран Ф. Избранные речи. В 2 т. Т. 1 : пер. с фр. М. : Международные отношения, 2020. 288 с.
6. Средняя заработная плата в Костромской области в 2024 году // Город-Работ.ру. URL: <https://kostromskaya-oblast.gorodrabot.ru> (дата обращения: 10.11.2025).

УДК 343.148

Никитин Валерий Владимирович

кандидат экономических наук, доцент

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

venik2206@yandex.ru

Экспертиза и экспертная деятельность в различных отраслях и видах деятельности в российском праве

***Аннотация.** В статье рассматриваются процессы экспертной деятельности в различных отраслях и видах деятельности в Российской Федерации. Институциональный подход к этим процедурам позволяет добиваться ответов на вопросы, требующих знаний оп-*

ределенных специалистов. Предпринята попытка определенной классификации вида экспертиз. Поставлена задача выявления правовых основ и результатов в разрешении спорных ситуаций или оценки соблюдения требований норм законодательства для предотвращения нежелательных ситуаций и процессов в будущем.

Ключевые слова: право, процедура, экспертиза, экспертная деятельность, акт экспертизы, экспертное исследование, обязательные позиции в акте экспертизы, экспертное заключение, институциональный подход.

Nikitin Valery Vladimirovich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Expertise and expert activities in various industries and types of activities in Russian law

***Annotation.** This article examines expert processes in various industries and activities in the Russian Federation. An institutional approach to these procedures allows for the resolution of questions requiring the expertise of specific specialists. An attempt is made to categorize the types of expert assessments. The objective is to identify the legal foundations and outcomes of dispute resolution or assess compliance with legal requirements to prevent undesirable situations and processes in the future.*

***Keywords:** law, procedure, expertise, expert activity, expert report, expert study, mandatory positions in the expert report, expert opinion, institutional approach.*

В различных отраслях использование экспертной оценки ее эффективности происходит при помощи применения привлечения специалистов в большей мере владеющих исключительными знаниями и опытом в этой деятельности и отрасли. Это определяется не только институциональным подходом к отраслям, но используется для достижения эффективности и правовой законности их деятельности.

Сначала определимся в понятиях. Экспертиза (от лат. Expertus – знающий по опыту) – это исследование, проводимое компетентным или привлеченным лицом (экспертом) по поручению заинтересованных лиц с использованием специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла для ответа на поставленные вопросы. Она направлена на установление фактических данных, разрешение спорных ситуаций или оценку соблюдения требований. Она проводится в целях получения ответов на вопросы, требующих определённых специальных познаний [2].

Экспертиза производится по вопросам, возникающим в правоотношениях между субъектами права, с целью разрешения спорных ситуаций, установления фактических данных. Экспертиза проводится специально привлекаемым для этого лицом – экспертом, обладающим специальными познаниями, которыми ее инициаторы не обладают.

Экспертное исследование оформляется мотивированным актом заключением эксперта, или решением в котором описывается: ход исследования и даются ответы на поставленные вопросы. Полученный документ, заключение яв-

ляется доказательством, свидетельствующим о наличии (отсутствии) интересующих фактических данных в разрешении того или иного вопроса или становится основанием для судебного разбирательства.

Традиционно в юридической литературе под этим термином понимают систему теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки, либо техники, искусства или ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки или профессионального опыта и необходимых для решения вопросов, возникающих в процессе судопроизводства. Зачастую экспертиза направлена на установление фактических данных, разрешение спорных ситуаций или оценку соблюдения требований законодательства. Результатом является мотивированное заключение, используемое как доказательство.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 28 от 21 декабря 2010 г. (в редакции от 29.06.2021.) [5] гласит, что выход эксперта за пределы своей компетенции может заключаться в решении им вопросов, являющихся прерогативой правоприменителя, или вопросов, для ответов на которые вообще не требуется специальных знаний.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ разъясняет, что «постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда (например, что имело место – убийство или самоубийство), как не входящих в его компетенцию, не допускается» [5].

Сегодня экспертизы, не только судебно-криминалистические, проводятся повсеместно и по различным основаниям. Попытаемся проследить диалектику их развития и дать некоторую их классификацию. Например, они бывают как процессуальные, так и непроцессуальные. Так, экспертизы могут быть проведены по особенностям процессуальных действий и формы их проведения: по объему исследования – основные и дополнительные. Дополнительная – это экспертиза того же рода, вида и подвида, что и первичная. По последовательности их проведения – первичные и повторные. Повторная – это экспертиза, производимая по тем же объектам и решающая те же вопросы, что и первичная экспертиза, заключение которой признано необоснованным или вызывает сомнения, возражения.

В рамках экспертизы одного рода (вида) может выполняться комплексное исследование одних и тех же вещественных доказательств с использованием различных методов, однако такое исследование не является комплексной экспертизой, даже если оно выполнено комиссией экспертов.

Комплексной является такая экспертиза, при производстве которой решение вопроса невозможно без одновременного совместного участия экспертов различных родов (видов) судебных экспертиз в написании заключения (или его синтезирующей части) и формулирования общего вывода. При этом каждый эксперт обладает не только узкой специализацией, но и знаниями в пограничных областях наук, которые использованы при даче заключения.

Непроцессуальная форма экспертизы – это использования специальных знаний это либо справочно-консультационная деятельность специалиста, либо предварительные исследования.

По форме экспертиз (последовательности проведения): первичные, повторные, разовые.

По масштабу (объему) исследования: основные, дополнительные.

По составу (численности) участников и исполнителей экспертов: одиночные, комиссионные, комплексные.

По видам исследуемых объектов: криминалистические, речеведческие, почерковедческие, медицинские, психологические, психиатрические, экспертизы веществ и материалов (запахов, света (освещенности объекта), цвета, звука, колебаний и вибраций, вирусов, на наличие химических веществ и радиации, пищевых продуктов и напитков, почвы и растительности на ней, общеэкологические экспертизы, биологические экспертизы, искусствоведческие экспертизы, археологические (как культурно-исторические, так и остатков по их видовому составу), инженерно-технические экспертизы, инженерно-транспортные, экономические, финансово-правовые (налоговые, бюджетные), иные по видам, отраслям и направлениям. С ростом технического прогресса и использованием новейших технологий и применением искусственного интеллекта количество их видов постоянно возрастает. Например, появление современных аддитивных технологий (Additive Manufacturing) – методов послойного создания (выращивания) трехмерных объектов на основе 3D-моделей на принтерах, при помощи которых можно сегодня строить (выращивать) дома или части тела человека: скелет, ткани.

Например, по документу, содержащему рукописный текст подпись и печать, возможно назначение целого комплекса экспертиз, таких как: дактилоскопическая экспертиза следов рук на документе (не оставлены ли эти следы конкретными лицами).

Почерковедческая экспертиза рукописного текста (не выполнен ли текст данным или другим лицом).

Техническая экспертиза документов (для проверки подлинности подписи, чернил пасты и печати).

В необходимых случаях, когда исследование выходит за пределы компетенции одного эксперта или комиссии экспертов, в соответствии статьей 201 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации («Комплексная судебная экспертиза») может определяться порядок проведения экспертизы, с участием специалистов из разных отраслей и видов деятельности. Здесь каждый принимающий участие в этом процессе эксперт подписывает свою персональную часть исследования, указывая, очерчивая свою часть, характер и объем собственного исследования.

Производство комплексной экспертизы, может быть назначено проведением нескольких экспертов на основе использования разных специальных зна-

ний. Эксперты при этом составляют совместное заключение. В итоговом заключении экспертов должно быть указано, какие исследования персонально провел каждый эксперт, какие факты лично он установил и к каким пришел выводам.

Каждый эксперт имеет право собственноручно подписать общее заключение либо ту его часть, которая отражает ход и результаты проведенных им лично исследований. Если эксперт обладает достаточными знаниями (полномочиями и компетенциями), необходимыми для комплексного исследования, он вправе дать единое заключение по исследуемым им вопросам.

При оформлении итоговых решений в заключении акта экспертизы проводится оценка работы комиссии с привлечением, участием специалистов экспертов. Назовем ряд обязательных позиций, которые обязательно фиксируются и указываются в документе.

I. Проверка соблюдения требований закона при назначении экспертизы, которая заключается в выяснении ответа на следующие вопросы:

I.1. Компетентен ли эксперт в решении поставленных ему задач и не вышел ли он за пределы своей компетенции?

I.2. Не проведена ли экспертиза лицом, подлежащим отводу по основаниям, перечисленным в процессуальном законе (ст. 70 УПК; ст. 18 ГПК; ст. 23 АПК; ст. 25.12 КоАП) [1; 3; 4; 6]?

I.3. Соблюдены ли права участников процесса при назначении и производстве экспертизы (ст. 79, 84, 327, 358 ГПК; ст. 82, 83, 86, 268 АПК; ст. 198, 206, 283, 365 УПК; ст. 26.4 КоАП) [1; 3; 4; 6]?

I.4. Не нарушался ли процессуальный порядок при получении образцов для сравнительного исследования и фиксация в соответствующем протоколе (ст. 81 ГПК; ст. 82 АПК; ст. 166, 167, 202 УПК; ст. 26.5, 27.10 КоАП) [1; 3; 4; 6]?

I.5. Соблюдена ли процессуальная форма заключения эксперта и налицо ли все требуемые для нее реквизиты (ст. 86 ГПК; ст. 86 АПК; ст. 204 УПК; ч. 5 ст. 26.4 КоАП) [1; 3; 4; 6]? Отсутствие какой-либо из частей заключения эксперта затрудняет или делает невозможной его оценку.

II. Проверка подлинности и достаточности исследованных вещественных доказательств и образцов.

III. Оценка научной обоснованности экспертной методики и правомерности ее применения в данном конкретном случае.

IV. Проверка и оценка полноты и всесторонность заключения.

V. Оценка логической обоснованности хода и результатов экспертного исследования.

VI. Проверка относимости результатов экспертного исследования к данному уголовному или гражданскому делу, делу об административном правонарушении и других.

VII. Проверка соответствия выводов эксперта с имеющимися по делу фактами, доказательствами.

Таким образом, мы представили краткий обзор деятельности экспертов в различных направлениях и видах деятельности. Хочется надеяться, что это позволит помочь правовой науке достичь желаемых результатов в соблюдении норм права, в первую очередь законности и правопорядка, а в финансовой сфере помочь оптимизировать и пополнить бюджет и сократить расходную часть бюджета государства.

Список источников

1. Арбитражно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 26.02.2026).

2. Большой юридический словарь. URL: <https://jurisprudence.academic.ru/11258/Экспертиза> (дата обращения: 26.02.2026).

3. Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 26.02.2026).

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 26.02.2026).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.02.2026).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 26.02.2026).

УДК 342.92

Орловская Ирина Викторовна

старший преподаватель

Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

irinorlovskaya@yandex.ru

**Проблемы правового регулирования стадии обжалования
не вступивших в законную силу постановлений
по делам об административных правонарушениях:
анализ судебной практики и пути совершенствования КоАП РФ**

Аннотация. В статье рассматриваются процессуальные пробелы главы 30 КоАП РФ на примере правоприменительной практики. Предложены конкретные пути реформирования законодательства.

Ключевые слова: КоАП РФ, возвращение жалобы, доступ к правосудию, дела об административных правонарушениях, стадия обжалования.

Orlovskaya Irina Viktorovna

Senior Lecturer, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Problems of legal regulation of the stage of appeal against decisions on administrative offenses that have not entered into force: analysis of judicial practice and ways to improve the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation

Annotation. The article examines the procedural gaps in Chapter 30 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation using the example of law enforcement practice. Specific ways of reforming the legislation are proposed.

Keywords: Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, return of a complaint, access to justice, cases of administrative offenses, stage of appeal.

Обжалование постановлений о привлечении к административной ответственности контрольно-надзорных органов является важнейшим инструментом защиты. Однако реализация права на судебную защиту зачастую блокируется не из-за материально-правовых оснований, а вследствие системных пробелов процессуального регулирования в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях [1] (далее – КоАП РФ).

Анализ материалов правоприменительной практики наглядно демонстрирует коллизии, возникающие на стадии принятия жалобы к производству судом.

Первой и наиболее острой проблемой является отсутствие в статьях 30.2–30.8 КоАП РФ, регламентирующих обжалование не вступивших в законную силу актов, четких требований к содержанию жалобы и перечню прилагаемых к ней документов.

Так, определением Заволжского районного суда г. Ярославль от 08.08.2025 по делу № 12/1-230/2025 [2] возвращена жалоба директора Предприятия на постановление по делу об административном правонарушении и на решение вышестоящего должностного лица на такое постановление. Суд, сославшись на невыполнение требований ч. 3 ст. 30.14 КоАП РФ, указал, что к жалобе не были приложены копии обжалуемых постановлений и решения, а также копии самой жалобы по числу участников производства.

Не согласившись с принятым судебным актом, директор Предприятия обжаловал такое определение от 08.08.2025 в вышестоящий суд полагая, что применение статьи 30.14 КоАП РФ в данном случае является ошибочным, так как данная норма регулирует порядок обжалования актов, уже вступивших в законную силу (аналог кассационного производства). Ярославский областной суд отменяя определение Заволжского районного суда г. Ярославль от 08.08.2025 [3] о возврате жалобы совершенно справедливо указал, что выводы районного судьи основаны на неверном толковании и применении норм процессуального права. Суд апелляционной инстанции констатировал наличие правового пробела: в нормах главы 30 КоАП РФ действительно не закреплены требования к со-

держанию жалобы на не вступившие в законную силу постановления, равно как и к прилагаемым к ней документам.

В другом случае, суд указывает, что лицо, обратившееся с жалобой на постановление по делу об административном правонарушении, должно также представить материалы, необходимые для разрешения указанных вопросов, в частности, копию обжалуемого постановления по делу об административном правонарушении, или описать в тексте жалобы событие вмененного ему правонарушения.

Так, согласно решению Ленинградского областного суда от 06.07.2021 по делу № 7-663/2021 [4] суд, рассмотрев жалобу Веселова И. В. на определение судьи Всеволожского городского суда Ленинградской области от 31 мая 2021 года о возврате жалобы на постановление по делу об административном правонарушении № от 28 ноября 2019 года, вынесенное ЦАФАП в ОДД ГИБДД ГУ МВД России по Ленинградской области, указал, что основанием для возврата жалобы Веселова В.И. послужило отсутствие копии обжалуемого постановления, что расценено судьей Всеволожского городского суда Ленинградской области как препятствие для ее рассмотрения по изложенным в определении мотивам.

Однако, как указал областной суд, согласиться с таким выводом судьи нельзя в силу следующего. Подача жалоб, принесение протестов на не вступившие в законную силу постановления (решения) по делам об административных правонарушениях осуществляется в соответствии со статьями 30.1–30.3, 30.9, 30.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Согласно п. 3 ч. 1 ст. 30.1 КоАП РФ постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное должностным лицом, может быть обжаловано в вышестоящий орган, вышестоящему должностному лицу либо в районный суд по месту рассмотрения дела. При этом Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях не установлены требования, предъявляемые к содержанию жалобы на не вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении. Вместе с тем, исходя из общего смысла ст. 1.2 КоАП РФ, определяющей задачи законодательства об административной ответственности, можно сделать вывод о том, что для выполнения судом поставленных задач, содержание жалобы на постановление по делу об административном правонарушении должно быть таково, чтобы возможно было установить, чьи именно права и каким образом нарушены. Как указано в п. 1 и п. 3 ч. 1 ст. 30.4 КоАП РФ при подготовке к рассмотрению жалобы на постановление по делу об административном правонарушении судья выясняет, имеются ли обстоятельства, исключающие возможность рассмотрения жалобы данными судьей, а также обстоятельства, исключающие производство по делу; направляет жалобу со всеми материалами дела на рассмотрение по подведомственности, если ее рассмотрение не относится к компетенции соответствующего судьи. Материалы дела об административном правонарушении представляются с целью выяснения судьей обстоятельств, исключающих воз-

водство по делу и направление жалобы со всеми материалами дела на рассмотрение по подведомственности. Отсутствие соответствующих материалов, исходя из содержания статьи 30.4 КоАП РФ, препятствует рассмотрению по существу жалобы на постановление по делу об административном правонарушении. Таким образом, по смыслу названной статьи, лицо, обратившееся с жалобой на постановление по делу об административном правонарушении, должно также представить материалы, необходимые для разрешения указанных вопросов, в частности, копию обжалуемого постановления по делу об административном правонарушении, или описать в тексте жалобы событие вмененного ему правонарушения. Как усматривается из материалов дела, в жалобе, поданной во Всеволожский городской суд Ленинградской области, Веселов И. В. указал, что автомобилем, указанным в постановлении №, не владеет с 26 сентября 2018 года, обжалуемое постановление не получал, поскольку проживал по иному адресу. Также заявитель просил восстановить срок обжалования постановления и изъять из ЦАФАП в ОДД ГИБДД ГУ МВД России по Ленинградской области необходимые материалы, в том числе постановление № в связи с его невручением.

Таким образом, при наличии сведений, указанных Веселовым И. В. в жалобе о дате и номере постановления, о должностном лице административного органа, вынесшего постановление, неполучении копии постановления обжалуемого постановления в связи со сменой места жительства, отсутствие копии обжалуемого постановления не являлось препятствием к определению территориальной подсудности.

Учитывая, что положения статьей 29.4 и 30.4 КоАП РФ не позволяют судье произвольно возвращать жалобу на постановление по делу об административном правонарушении, невыполнение судьей Всеволожского городского суда Ленинградской области требований КоАП РФ влечет нарушение конституционных прав Веселова И.В. и ограничивает его доступ к правосудию.

С учетом вышеизложенного, Ленинградский областной суд заключил, что жалобу Веселова И. В. на постановление нельзя признать поданной с нарушением установленного порядка обжалования, а потому вывод суда первой инстанции о возврате Веселову И. В. жалобы является неверным, влекущим нарушение права Веселова И. В. на судебную защиту.

При таких обстоятельствах, определение судьи Всеволожского городского суда Ленинградской области от 31.05.2021 отменено, дело возвращено в суд первой инстанции для рассмотрения со стадии принятия.

Второй проблемой является то, что КоАП РФ не содержит процессуального механизма обжалования определения о возвращении жалобы. Лицо, чью жалобу незаконно вернули, вынуждено подавать жалобу на это определение, опираясь исключительно на общие конституционные принципы осуществления правосудия, поскольку такое определение исключает возможность дальнейшего движения дела. Отсутствие прямого указания в законе на возможность подачи самостоятельной (частной) жалобы на подобные промежуточные судебные акты создает правовую неопределенность.

В отличие от АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ, в КоАП РФ отсутствует институт оставления жалобы без движения. Судья поставлен перед выбором: либо принять жалобу, либо вернуть ее. Возврат жалобы из-за формальных недостатков, в том числе и вышеописанных, приводит к пропуску сокращенного 10-дневного срока на обжалование, что требует в дальнейшем от лица, подающего жалобу заявлять ходатайство о его восстановлении, исход которого непредсказуем.

Представляется, что для устранения выявленных пробелов и обеспечения единообразия судебной практики, необходимо внести следующие изменения в КоАП РФ:

1. Ввести в главу 30 КоАП РФ новую статью (например, ст. 30.2.1), исчерпывающим образом устанавливающую требования к форме и содержанию жалобы на не вступившее в законную силу постановление, а также закрытый перечень обязательных приложений (по аналогии со ст. 299 КАС РФ).

2. Дополнить КоАП РФ нормой, предоставляющей судье право вынести определение об оставлении жалобы без движения в случае выявления устранимых формальных недостатков, с предоставлением разумного срока для их исправления. Это защитит заявителей от формального возвращения судом жалоб и пропуска сроков давности.

3. Прямо закрепить в законе право участников производства обжаловать определения, препятствующие дальнейшему движению дела (в том числе определения о возвращении жалобы), установив сроки и порядок рассмотрения таких жалоб вышестоящей инстанцией.

Анализ материалов судебной практики подтверждает, что текущая редакция главы 30 КоАП РФ не отвечает современным стандартам процессуального права. Устранение процессуального вакуума путем внедрения понятных институтов требований к жалобе и оставления её без движения позволит снизить нагрузку на апелляционные инстанции, отменяющие незаконные возвраты, и обеспечит реальную защиту прав юридических и физических лиц от необоснованного административного преследования.

Список источников

1. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 03.12.2025).

2. Определение Заволжского районного суда г. Ярославль от 08.08.2025 по делу № 12/1-230/2025. URL: https://zavolzhsky--jrs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=169262469&delo_id=1502001&new=0&text_number=1 (дата обращения: 03.12.2025).

3. Определение Ярославского областного суда от 24.09.2025 по делу № 30-1-262/2025. URL: https://oblsud--jrs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=2181434&delo_id=1502001&new=&text_number=1&srv_num=1 (дата обращения: 03.12.2025).

4. Об отмене определения суда первой инстанции об отказе в принятии к производству жалобы в связи с пропуском срока, направлении дела в суд для решения вопроса о принятии жалобы к производству. URL: https://mosadvo.ru/practice/administrativnye_dela/ob_otmene_opredeleniya_suda_pervoy/ (дата обращения: 03.12.2025).

УДК 34

Панов Антон Дмитриевич

магистрант, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

tosha_panov111@mail.ru

К вопросу о реестре судебных экспертов

***Аннотация.** Статья посвящена вопросу о реестре судебных экспертов. В настоящее время существуют государственные и негосударственные судебные эксперты, которые объединены в федеральный единый реестр судебных экспертов. Автор отмечает, что существует объективная необходимость создания региональных реестров судебных экспертов. В настоящей работе предложен алгоритм создания региональных реестров судебных экспертов, представлены преимущества, а также перспективы его развития.*

***Ключевые слова:** правосудие, экспертиза, эксперт, судебная экспертиза, реестр, региональный реестр, цифровизация.*

Panov Anton Dmitriyevich

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

On the issue of the register of judicial experts

***Annotation.** This article is devoted to the issue of the register of forensic experts. Currently, there are state and non-state judicial experts who are united in the federal unified register of judicial experts. The author notes that there is an objective need to create regional registers of forensic experts. In this paper, an algorithm for creating regional registries of forensic experts is proposed, the advantages and prospects of its development are presented.*

***Keywords:** justice, expertise, expert, forensic examination, registry, regional registry, digitalization.*

Судебная экспертиза играет важную роль в судопроизводстве, предоставляя исчерпывающие научные данные для разрешения судебных споров. Эффективное функционирование этой системы требует наличия высококвалифицированных судебных экспертов, в частности, в области медицины, а также механизмов их учета и оценки. Как отмечается, кардинальной тенденцией выступает стремительный рост проведения судебно-медицинской экспертизы, как следствие, повышение ее значимости наряду с другими видами право-экспертной деятельности, ввиду чего наше внимание обращено и на нее в том числе [5].

Исходя из положений Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ [1], существуют государственные и негосударственные судебные эксперты. Государственные судебные эксперты являются аттестованным работником государственного судебно-экспертного учреждения, производящим судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей (ст. 12), а лица, не являющиеся государственными экспертами, – это лица, проводящие экспертизу вне государственных судебно-экспертных учреждений лицами, обладающие специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла (ст. 41) [1]. Сведения о лицах, осуществляющих экспертную деятельность, в том числе медицинскую, содержатся в специальном реестре. В настоящее время создано два крупных федеральных реестра судебных экспертов, о которых далее пойдет речь.

В 2019 году Общероссийская общественная организация содействия судебно-экспертной деятельности «Судебно-экспертная палата Российской Федерации» (далее – СЭП РФ) создала Реестр судебно-экспертных учреждений и организаций Российской Федерации. Правовой основой данного реестра стало Положение о Реестре судебно-экспертных учреждений Российской Федерации [2], утвержденное решением Президиума СЭП РФ (протокол от 27.11.2019 № 1). В данном реестре содержатся сведения о судебно-экспертных учреждениях, деятельность которых направлена на производство судебных экспертиз (исследований в области науки, техники, искусства и ремесла) (п. 1.2 Положения). Целью ведения Реестра является содействие судебно-экспертной деятельности путем предоставления заинтересованным лицам информации об экспертных учреждениях и их деятельности, что будет способствовать более эффективному выбору судебно-экспертных учреждений на стадиях назначения судебных экспертиз и поручения проведения различных исследований (п. 1.3 Положения). Единый реестр судебных экспертов Российской Федерации содержит базу всех действующих судебных экспертов с указанием вида выполняемой экспертизы и региона работы.

Также реестр судебных экспертов создан при Министерстве юстиции Российской Федерации [3], и включает в себя по аналогии с вышеуказанным сведения о лицах, обладающих специальными знаниями в различных научных областях. Целями его создания является защита интересов государства, прав и свобод гражданина, прав юридического лица посредством проведения объективных, научно обоснованных судебных экспертиз и экспертных исследований (п. 2.1 Устава), и, соответственно, представления сведений о лицах, которые вправе осуществлять экспертизу.

Включение в вышеуказанные реестры является добровольным актом лиц, осуществляющих экспертную деятельность. Создание и функционирование реестров судебных экспертов сводится к следующему [4]:

а) позволяет предъявлять единые требования ко всем судебным экспертам, что обеспечит унифицированный подход к профессиональной подготовке соответствующих специалистов;

б) с помощью реестра можно выбрать судебного эксперта необходимой квалификации и в нужной области;

в) выступает неким фильтром сообщества судебных экспертов на предмет недобросовестных кадров;

г) стимулирует частные организации повышать качество оказываемых услуг, ведь реестр устанавливает официальную планку профессиональных требований;

д) экономит трудо- и энергозатраты на поиск необходимого специалиста.

Рассматривая указанные федеральные реестры с позиции удобства для должностных лиц субъектов Российской Федерации, которые непосредственно активно пользуются реестрами, мы пришли к выводу, что создание регионального реестра судебных экспертов, в том числе с включением туда медицинских экспертов, позволит значительно повысить эффективность их работы, качество экспертиз и обеспечение правосудия.

На наш взгляд, региональный реестр судебных экспертов представляется как централизованная система, содержащая информацию обо всех судебных экспертах, действующих в определенном регионе. Главные цели такого реестра должны заключаться:

1) в упрощении доступа к квалифицированным экспертам для правоохранительных органов, судов и адвокатов в каждом регионе;

2) повышении прозрачности и доверия к судебной-медицинской экспертизе;

3) стандартизации процессов проведения экспертиз;

4) обеспечении обратной связи и мониторинга качества работы экспертов.

Создание и легитимизирование регионального реестра судебных экспертов должно опираться на конституционные положения и нормы действующего федерального законодательства, учитывая необходимость защиты персональных данных, механизма внесения экспертов в реестр, а также четкие стандарты и процедуры.

Создание регионального реестра судебных экспертов можно обозначить в виде следующих этапов. Во-первых, для начала целесообразно проанализировать текущую практику и потребности пользователей реестра, в частности, судов, органов прокуратуры, адвокатов. Во-вторых, разработать программное обеспечение, а именно, создать интернет-портал и мобильное приложение для обеспечения легкого доступа к нему. Далее установить критерии для включения экспертов в реестр. Структура реестра предполагает наличие личных данных эксперта, уровень его квалификации, опыт и стаж работы, возможно, отзывы о каждом конкретном эксперте. Также следует провести информирование экспертов о необходимости регистрации на указанном интернет-портале. Логичным представляется регулярная проверка актуальности сведений об экспертах и пересмотр критериев в зависимости от изменений в законодательстве, правоприменении.

Преимущества регионального реестра судебных экспертов выражаются в повышении эффективности пользователей, ведь суды и правоохранительные органы будут гораздо быстрее находить нужных экспертов, мотивация экспертов к повышению квалификации и качеству работы, а также упрощение проце-

дуры назначения экспертов, ведь региональный реестр будет снижать бюрократические барьеры.

Таким образом, создание регионального реестра судебных экспертов является важной и необходимой мерой для улучшения качества судебной экспертизы. Практическая реализация данной инициативы потребует комплексного подхода, включающего исследование потребностей, правовое обоснование и технологическую поддержку. В результате, региональный реестр сможет внести весомый вклад в усиление правовой системы и повышение доверия к судебной власти.

Список источников

1. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 16.11.2024).

2. Положение о Реестре судебно-экспертных учреждений Российской Федерации : утв. решением Президиума СЭП РФ (протокол от 27.11.2019 №1). URL: <http://seprf.ru/> (дата обращения: 16.11.2024).

3. Об утверждении Устава федерального бюджетного учреждения Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации : Приказ Минюста от 29 ноября 2022 г. № 308. URL: <http://minjust-expert.ru/> (дата обращения: 16.11.2024).

4. Антилевская Ю.А. Единый реестр экспертных кадров: основа обеспечения качества судебно-экспертной деятельности и верифицированный ресурс для правоохранительных органов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/edinyy-reestr-ekspertnyh-kadrov-osnova-obespecheniya-kachestva-sudebno-ekspertnoy-deyatelnosti-i-verifitsirovannyu-resurs-dlya> (дата обращения: 15.11.2024).

5. Корнилов А. Р., Христофорова Е. И., Шмаева Т. А. Судебно-медицинская экспертиза как особая разновидность правовой экспертизы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebno-meditsinskaya-ekspertiza-kak-osobaya-raznovidnost-pravovoy-ekspertizy> (дата обращения: 15.11.2024).

УДК 343.9

Панов Антон Дмитриевич

магистрант, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

tosha_panov111@mail.ru

К вопросу о проблемах в судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы несогласованности отраслевого процессуального законодательства и специального законодательства, регулирующего судеб-

но-экспертную деятельность в Российской Федерации. Особое внимание уделяется противоречиям в определении процессуального статуса судебной экспертизы в Уголовно-процессуальном кодексе РФ и Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Автор обосновывает необходимость признания судебной экспертизы процессуальным действием и предлагает внести соответствующие изменения в УПК РФ. Кроме того, анализируется проблема отсутствия единых оснований для назначения дополнительной судебной экспертизы в процессуальном законодательстве. Автор предлагает дополнить перечень оснований, предусмотренных в УПК РФ и Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», основанием, связанным с появлением новых объектов, имеющих доказательственное значение, не исследованных экспертом ранее. В заключение предлагается конкретная редакция изменений в ч. 1 ст. 207 УПК РФ.

Ключевые слова: правосудие, экспертиза, эксперт, судебная экспертиза, экспертная деятельность.

Panov Anton Dmitriyevich

undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

On the issue of problems in forensic activities in the Russian Federation

Annotation. The article discusses the problems of inconsistency between sectoral procedural legislation and special legislation regulating forensic activities in the Russian Federation. Special attention is paid to the contradictions in determining the procedural status of forensic examinations in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law “On State Forensic Activities in the Russian Federation.” The author substantiates the need to recognize forensic examinations as procedural actions and proposes relevant amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Additionally, the article analyzes the issue of the lack of unified grounds for assigning additional forensic examinations in procedural legislation. The author proposes to supplement the list of grounds provided for in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law “On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation” with a ground related to the emergence of new objects of evidentiary significance that have not been investigated.

Keywords: justice, expertise, expert, forensic expertise, expert activity.

Судебно-экспертная деятельность занимает важное место в системе правосудия Российской Федерации, играя ключевую роль в обеспечении объективности и справедливости судебных разбирательств. Экспертиза предоставляет суду научно обоснованную информацию, необходимую для решения дел, связанных с различными отраслями права, включая уголовное, гражданское и административное. Профессиональная независимость экспертов и точность экспертиз являются основополагающими условиями для достижения правосудия.

Несмотря на значимость судебно-экспертной деятельности, в России существует ряд проблем, которые затрудняют ее эффективное функционирование. К числу основных проблем можно отнести недостаточную материально-техническую базу экспертиз, нехватку квалифицированных специалистов, а также вопросы, касающиеся качества и достоверности результатов экспертиз. Эти факторы могут привести не только к затягиванию судебных процессов, но и к вынесению неверных судебных решений [2; 3].

Первое, что следует подчеркнуть, как мы уже отметили ранее, в настоящее время отраслевое процессуальное законодательство в части регламентации судебно-экспертной деятельности, не сопоставляется со специальным законодательством, устанавливающим основы судебно-экспертную деятельность.

Проблемным является следующее. В ст. 9 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [1] (далее – закона «О ГСЭД») установлено концептуальное положение о том, что «судебная экспертиза – предусмотренное законодательством Российской Федерации о судопроизводстве процессуальное действие».

Однако согласно п. 32 ст. 5 УПК РФ «процессуальное действие – следственное, судебное или иное действие, предусмотренное настоящим Кодексом», а в соответствии с п. 49 ст. 5 УПК РФ «судебная экспертиза – экспертиза, производимая в порядке, установленном настоящим Кодексом».

Логика законодателя в этом случае выглядит следующим образом: поскольку «действие, предусмотренное настоящим Кодексом», под названием экспертиза в УПК отсутствует, то этот вид деятельности процессуальным не является, а только используется «в порядке, реализуемом настоящим Кодексом», который и описан подробно в главе 27.

На наш взгляд, такое положение несправедливо в отношении экспертной деятельности, ведь экспертное заключение уверенно можно назвать процессуальным документом, которое может быть положено в основу доказательств причастности или не причастности лица, в отношении которого рассматривается уголовное дело. По нашему мнению, пункт 49 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации необходимо дополнить указанием на процессуальный характер экспертизы и изложить следующим образом: «49) судебная экспертиза – процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла, производимое в порядке, установленном настоящим Кодексом;...». Такое дополнение отражало бы суть рассматриваемого явления, устранило бы коллизионных характер в действующем законодательстве.

Еще одним проблемным аспектом является отсутствие в процессуальном законодательстве единых оснований для назначения дополнительной и повторной судебных экспертиз. Рассматривая подробнее данный вопрос, на примере уголовно-процессуального законодательства мы отметим следующее.

Действующее законодательство в части 1 статьи 207 УПК РФ («Дополнительная и повторная судебные экспертизы») предусматривает следующие основания для назначения дополнительной судебной экспертизы:

- 1) при недостаточной ясности заключения эксперта (подразумевается основная экспертиза);
- 2) при недостаточной полноте заключения эксперта;
- 3) при возникновении новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств уголовного дела.

Часть 1 статьи 20 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» также предусматривает в качестве оснований случаи недостаточной ясности или полноты ранее данного заключения.

По нашему мнению, в вышеназванных основаниях назначения дополнительной экспертизы не учтено еще одно основание, нередко возникающее в ходе предварительного расследования и судебного следствия, – появление в распоряжении следователя (суда) новых объектов, не исследованных экспертом ранее, но, возможно, имеющих доказательственное значение, экспертное исследование которых может способствовать установлению новых обстоятельств по делу. На практике такие объекты появляются в распоряжении следователя после проведения определенных следственных действий (обысков, следственных экспериментов, осмотров и др.) или в результате получения образцов для сравнительного исследования (дактилокарт подозреваемых, образцов почерка, почвы, крови и др.). Поэтому предлагается дополнить указанным основанием ч. 1 ст. 207 УПК РФ и ч. 1 ст. 20 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». В целях разработки законопроекта, мы предлагаем изложить ч. 1 ст. 207 УПК РФ в следующей редакции: «1. При недостаточной ясности или полноте заключения эксперта, при возникновении новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств дела, а также при появлении новых объектов, не исследованных ранее, может быть назначена дополнительная судебная экспертиза, производство которой поручается тому же или другому эксперту».

Таким образом, анализ законодательства и научной доктрины позволяет сделать вывод, что в рассматриваемой области существует ряд проблем. При исследовании отдельных проблем нами было предложено пути их решения. Выявленные проблемы правового регулирования в сфере судебно-экспертной деятельности, предопределили предложенные нами пути решения.

Список источников

1. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 16.11.2024).

2. Антилевская Ю. А. Единый реестр экспертных кадров: основа обеспечения качества судебно-экспертной деятельности и верифицированный ресурс для правоохранительных органов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/edinyy-reestr-ekspertnyh-kadrov-osnova-obespecheniya-kachestva-sudebno-ekspertnoy-deyatelnosti-i-verifitsirovannyi-resurs-dlya> (дата обращения: 15.11.2024).

3. Корнилов А. Р., Христофорова Е. И., Шмаева Т. А. Судебно-медицинская экспертиза как особая разновидность правовой экспертизы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebno-meditsinskaya-ekspertiza-kak-osobaya-raznovidnost-pravovoy-ekspertizy> (дата обращения: 15.11.2024).

Парамонов Александр Николаевич
студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
sasha.py2016@yandex.ru

**Заключительный этап производства дознания: проблемы
правовой регламентации и направления совершенствования
уголовно-процессуального механизма**

***Аннотация.** В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты заключительного этапа дознания как самостоятельного элемента досудебного производства, обеспечивающего полноту, законность и обоснованность итогового обвинения. На основе анализа норм уголовно-процессуального законодательства и научных источников выявлены основные пробелы в регламентации порядка окончания дознания, а также недостатки содержания обвинительного акта и процедур уведомления участников. Предлагаются направления совершенствования правового регулирования, включающие уточнение ст. ст. 223, 225, 226.7 и 226.8 УПК РФ, направленные на повышение эффективности дознания, укрепление гарантий прав участников и обеспечение единообразия правоприменительной практики.*

***Ключевые слова:** предварительное расследование, дознание, обвинительный акт, уведомление участников, прокурорский надзор, процессуальные гарантии, совершенствование законодательства.*

Paramonov Alexander Nikolaevich
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

**The final stage of inquiry proceedings: problems of legal regulation
and directions for improving the criminal procedure mechanism**

***Annotation.** The article examines the theoretical and practical aspects of the final stage of inquiry as an independent element of pre-trial proceedings that ensures the completeness, legality, and validity of the final accusation. Based on the analysis of criminal procedure legislation and academic sources, the main gaps in the regulation of the procedure for completing an inquiry are identified, as well as shortcomings in the content of the bill of indictment and in the procedures for notifying participants. The author proposes directions for improving legal regulation, including amendments to Articles 223, 225, 226.7, and 226.8 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, aimed at enhancing the efficiency of inquiry proceedings, strengthening procedural guarantees, and ensuring the uniformity of law enforcement practice.*

***Keywords:** pre-trial investigation, inquiry, bill of indictment, notification of participants, prosecutorial supervision, procedural guarantees, improvement of legislation.*

Заключительный этап производства дознания имеет особое значение для обеспечения законности и обоснованности итогового обвинения. Именно на данной стадии формируется окончательная правовая позиция стороны обвинения, проверяется полнота и допустимость собранных доказательств, а также

реализуются процессуальные права участников уголовного судопроизводства. Как справедливо отмечает М. В. Ромашова, «несоблюдение уголовно-процессуального механизма окончания дознания может стать препятствием осуществлению справедливого правосудия, причиной возвращения материалов уголовного дела в органы прокуратуры или поставить под сомнение законность судебного решения» [6, с. 169].

Современная статистика подтверждает наличие серьезных проблем в данной сфере. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2024 г. в суды поступило 39,6 % уголовных дел с обвинительным актом (около 287 976 дел), из которых 1 811 (15,4 %) были возвращены прокурору для устранения недостатков [7]. С 2018 по 2024 гг. отмечается устойчивая тенденция роста числа возвратов материалов дознания. Данный показатель свидетельствует о наличии системных ошибок, возникающих именно на заключительной стадии – при составлении обвинительного акта, уведомлении участников и проверке соблюдения их прав.

Проблема во многом обусловлена неполнотой правового регулирования. Действующая глава 32 УПК РФ [1], посвященная производству дознания, не содержит четкой регламентации порядка окончания этой формы предварительного расследования. На практике дознаватели вынуждены руководствоваться положениями главы 30 УПК РФ, регуливающей окончание предварительного следствия, по аналогии закона. Такая ситуация создает правовую неопределенность, различие в понимании и применении норм, а также повышает риск нарушений процессуальных гарантий сторон. В связи с этим целью настоящего исследования является выявление пробелов правового регулирования заключительного этапа дознания и разработка предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

К числу действий, образующих содержание заключительного этапа дознания, относятся: уведомление участников о завершении расследования, предоставление им возможности ознакомиться с материалами дела, рассмотрение заявленных ходатайств и возражений, составление обвинительного акта и направление уголовного дела прокурору для утверждения. Эти процедуры взаимосвязаны и образуют логическую последовательность, обеспечивающую завершенность расследования. Однако действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит детальной регламентации порядка окончания дознания. Глава 32 УПК РФ, посвященная данной форме предварительного расследования, фактически обходит вниманием вопросы уведомления, ознакомления и направления дела прокурору.

В научной литературе предлагается устранить данную неопределенность. Так, М. В. Ромашова считает необходимым «внести в часть 1 статьи 223 УПК РФ прямое указание на главу 30 УПК РФ как на правовую основу окончания дознания» [6, с. 171]. Это позволит закрепить единые требования к уведомлению, ознакомлению, разрешению ходатайств и оформлению обвинительного акта, что обеспечит единообразие практики и снизит число процессуальных ошибок. Поддерживая данную позицию, И. Г. Хисматуллин отмечает, что «нор-

мативное сближение процедур окончания дознания и предварительного следствия не противоречит принципу дифференциации форм расследования, а, напротив, способствует реализации гарантий участников» [9, с. 270].

Заключительный этап дознания логически завершается составлением обвинительного акта – основного процессуального документа, отражающего результаты расследования. От его качества напрямую зависит возможность направления уголовного дела в суд. Как отмечает М. Ю. Скоропупова, обвинительный акт «является ключевым элементом механизма обеспечения эффективности дознания, поскольку отражает полноту собранных доказательств и уровень процессуальной деятельности дознавателя» [8, с. 194].

В соответствии со ст. 225 УПК РФ обвинительный акт должен содержать четкую формулу обвинения, в которой указывается событие преступления, способ его совершения, последствия, а также конкретная квалификация по соответствующей статье Уголовного кодекса РФ. При наличии нескольких эпизодов или соучастников обвинение должно быть сформулировано по каждому из них. При этом допустимо краткое изложение содержания доказательств, если они одинаково относятся к группе эпизодов. Подобная практика не нарушает требований закона, что подтверждается судебной позицией: так, Липецкий областной суд отменил решение о возврате дела прокурору, указав, что объединенное изложение доказательств не лишает их доказательственного значения [2].

В то же время действующая редакция ст. 225 УПК РФ имеет ряд пробелов, негативно влияющих на качество обвинительных актов и единообразие правоприменения. Во-первых, закон не предусматривает включения в обвинительный акт сведений о гражданском истце и гражданском ответчике. Отсутствие этой информации затрудняет реализацию их прав на стадии судебного разбирательства и препятствует эффективной защите гражданских интересов потерпевшего. В связи с чем М. В. Ромашова обосновано предлагает дополнить ч. 1 ст. 225 УПК РФ пунктом 8.1, предусматривающим включение таких данных [6, с. 172].

Во-вторых, в законе не урегулирован вопрос о том, кто утверждает обвинительный акт, если дознание проводится следователем Следственного комитета Российской Федерации. На практике возникают случаи, когда отсутствует подпись лица, уполномоченного на утверждение акта, что становится основанием для его возвращения прокурором. В целях устранения неопределенности М. В. Ромашова предлагает закрепить в ч. 4 ст. 225 УПК РФ, что в указанных случаях обвинительный акт утверждается руководителем следственного органа [6, с. 172].

Следует также отметить, что норма п. 6 ч. 1 ст. 225 УПК РФ, обязывающая дознавателя кратко излагать содержание доказательств, имеет неоднозначную оценку в теории и на практике. Как справедливо указывает И. Ю. Панькина данное изменение «усложнило процесс составления обвинительного акта и привело к фактическому сближению его с обвинительным заключением», что нивелирует различие между формами предварительного расследования

[5, с. 46]. Исходя из чего, законодательная цель упрощения дознания оказалась частично утрачена.

Таким образом, действующая структура и содержание обвинительного акта требуют уточнения и стандартизации.

Отметим также, что одним из основных направлений совершенствования заключительного этапа дознания является обеспечение прав участников уголовного судопроизводства. Эффективная реализация процессуальных гарантий на этой стадии определяет не только качество итогового обвинительного акта, но и устойчивость последующего судебного разбирательства. В частности, как отмечает Е. В. Кузнецова, «проблемы завершающего этапа дознания в сокращенной форме во многом обусловлены отсутствием четких процедур уведомления и ознакомления участников дела» [4, с. 30].

Во-первых, важнейшим элементом обеспечения прав сторон является уведомление об окончании дознания и предоставление возможности ознакомиться с материалами дела. В соответствии со ст. 226.7 УПК РФ обязанность уведомления возложена на дознавателя, однако в законе отсутствует конкретизация порядка, способов и сроков такого уведомления. На практике это приводит к случаям формального уведомления, когда стороны не получают реальной информации о завершении расследования и лишаются возможности реализовать свои права. В связи с этим представляется целесообразным законодательно закрепить обязанность дознавателя уведомлять всех участников процесса с указанием конкретных сроков и способов направления уведомления [3, с. 888].

Во-вторых, особое значение на завершающем этапе имеет прокурорский надзор и ведомственный контроль. В существующей практике прокуроры нередко возвращают материалы дознания для устранения нарушений, что свидетельствует о недостаточной эффективности ведомственного контроля. При этом чрезмерное вмешательство прокурора в процессуальные полномочия дознавателя может привести к утрате самостоятельности этой формы расследования. По мнению М. В. Ромашовой, необходимо «создать систему внутреннего контроля, при которой надзор усиливает законность дознания, но не подменяет его содержание» [6, с. 170].

В-третьих, заслуживает внимания проблема соблюдения сроков дознания в сокращенной форме. Законодатель установил 15 суток для производства всех процессуальных действий (ч. 1 ст. 226.6 УПК РФ), однако, как показывает практика, реальный срок выполнения всех необходимых процедур составляет около десяти дней. Остальное время фактически используется для проверки сообщения о преступлении по статье 144 УПК РФ, что «вытесняет» часть действий за рамки собственно дознания. И. Г. Хисматуллин отмечает, что такая ситуация «приводит к подмене процессуальной формы и искажает смысл упрощенного производства» [9, с. 271]. Данное обстоятельство требует корректировки внутреннего регламентирования сроков, а также более четкого распределения действий между стадией проверки сообщения и самим дознанием.

Наконец, в научной литературе отмечается риск ослабления процессуальных принципов в сокращенной форме дознания. По мнению И. Ю. Панькиной,

«при данной форме расследования состязательность и презумпция невиновности реализуются в ограниченном объеме, поскольку статус обвиняемого фактически возникает лишь после составления обвинительного акта» [5, с. 46]. Это порождает явление «квазиобвинения», когда лицо фактически воспринимается как виновное еще до предъявления ему обвинения. Для устранения этого противоречия необходимо уточнить момент признания лица обвиняемым и обеспечить ему возможность полноценно реализовывать права на защиту на завершающем этапе дознания.

Подводя итоги проведенного анализа, следует отметить, что действующее уголовно-процессуальное законодательство требует системного уточнения норм, регулирующих заключительный этап дознания. Речь идет не о радикальной реформе, а о точечных изменениях, направленных на устранение выявленных пробелов и повышение эффективности правоприменения.

Прежде всего необходимо внести изменения в ч. 1 ст. 223 УПК РФ, дополнив ее прямым указанием на возможность применения положений главы 30 УПК РФ при окончании дознания. Такая норма позволит унифицировать порядок уведомления, ознакомления, разрешения ходатайств и направления дела прокурору.

Второе направление связано с совершенствованием содержания обвинительного акта. В ст. 225 УПК РФ следует внести два уточнения. Во-первых, включить новый пункт 8.1, предусматривающий обязательное указание сведений о гражданском истце и гражданском ответчике, а также предмета заявленных требований. Это обеспечит процессуальную определенность и защиту имущественных интересов потерпевшего. Во-вторых, необходимо установить, что, если дознание проводится следователем Следственного комитета Российской Федерации, обвинительный акт утверждается руководителем следственного органа.

Следующий шаг – внесение изменений в ст. 226.7 УПК РФ, регулиующую окончание дознания в сокращенной форме. Требуется прямо закрепить обязанность дознавателя уведомлять всех участников процесса – обвиняемого, защитника, потерпевшего и его представителя, гражданского истца и гражданского ответчика – об окончании дознания. Следует определить способы уведомления (личное вручение, почтовое отправление, использование электронных сервисов при согласии лица) и сроки, с обязательной фиксацией факта направления уведомления.

Предлагаемые меры не нарушают принцип дифференциации форм предварительного расследования, а напротив, направлены на укрепление законности и упрощение процедур без ущерба для прав участников. Таким образом, комплекс предлагаемых изменений позволит обеспечить баланс между скоростью расследования и полнотой установления обстоятельств преступления, укрепит гарантии прав участников и повысит результативность предварительного расследования.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344 (дата обращения: 02.11.2025).
2. Апелляционное постановление Липецкого областного суда № 22-818/2020 от 28 июля 2023 г. по делу № 1-186/2023. URL: https://oblsud-lpk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo& (дата обращения: 02.11.2025).
3. Звонкова А. А., Днепровская М. А. Дознание в сокращенной форме // Молодежный вестник ИрГТУ. 2022. № 4. С. 887–892.
4. Кузнецова Е. В. О некоторых проблемах завершающего этапа дознания в сокращенной форме // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2024. № 3. С. 28–33.
5. Панькина И. Ю. Проблемы предварительного расследования в форме дознания // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 23, № 2. С. 44–49.
6. Ромашова М. В. Уголовно-процессуальный механизм обеспечения эффективности заключительного этапа производства дознания // Legal Concept. 2024. Т. 23, № 4. С. 169–177.
7. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 02.11.2025).
8. Скоропупова М. Ю. К вопросу о проблемах окончания расследования уголовного дела и направления дела прокурору // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 4. С. 193–197.
9. Хисматуллин И. Г. Актуальные проблемы производства дознания в сокращенной форме // Право и государство: теория и практика. 2024. № 2(230). С. 270–272.

УДК 343.1

Парамонов Александр Николаевич

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

sasha.py2016@yandex.ru

Проблема соотношения дознания и предварительного следствия в современном уголовном процессе России

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения дознания и предварительного следствия в современном уголовном процессе Российской Федерации. Отмечается отсутствие в УПК РФ четких критериев разграничения этих форм, что приводит к их

смешению и снижению эффективности досудебного производства. На основе анализа законодательства и научных позиций обосновывается самостоятельный характер дознания как полицейской формы расследования, отличной от следственной модели по целям, объему доказывания и процессуальному контролю. Особое внимание уделено главе 22 и ст. 150, 224 УПК РФ как источникам правовых коллизий. Сформулированы предложения по уточнению дефиниций и функциональных критериев дифференциации, а также по совершенствованию института сокращенного дознания.

Ключевые слова: дознание, предварительное следствие, предварительное расследование, дифференциация форм, уголовный процесс, доказательственные стандарты, прокурорский надзор, сокращенное дознание.

Paramonov Alexander Nikolaevich

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

The problem of the correlation between inquiry and preliminary investigation in the modern criminal procedure of Russia

Annotation. *The article examines the problem of the correlation between inquiry and preliminary investigation in the modern criminal procedure of the Russian Federation. It is noted that the Criminal Procedure Code of the Russian Federation lacks clear criteria for distinguishing these forms, which leads to their convergence and reduces the effectiveness of pre-trial proceedings. Based on the analysis of legislation and scholarly opinions, the author substantiates the independent nature of inquiry as a police form of investigation, differing from the investigative model in its objectives, the scope of evidence collection, and procedural control. Special attention is given to Chapter 22 and Articles 150 and 224 of the Code of Criminal Procedure as sources of legal inconsistencies. The article formulates proposals for clarifying definitions and functional differentiation criteria, as well as for improving the institution of simplified inquiry.*

Keywords: *inquiry, preliminary investigation, pre-trial proceedings, differentiation of forms, criminal procedure, evidentiary standards, prosecutorial supervision, simplified inquiry.*

Вопрос соотношения дознания и предварительного следствия в современном уголовном процессе России определяет необходимость уточнения правовой природы институтов. Несмотря на закрепление обеих форм предварительного расследования в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее по тексту – УПК РФ), в научной литературе и правоприменительной практике сохраняются разночтения относительно их сущности и предназначения. Наиболее распространенным является подход, согласно которому дознание рассматривается как «упрощенная форма» предварительного следствия. Вместе с тем, как справедливо отмечает С. Б. Россинский: «дознание никоим образом нельзя считать упрощенной вариацией предварительного следствия – оно было и должно оставаться самостоятельной формой предварительного расследования, имеющей собственные задачи и процессуальные особенности» [10, с. 118].

Проблема заключается в том, что законодатель не проводит четких функциональных и процессуальных границ между формами предварительного расследования. В ряде норм УПК РФ дознание фактически выстраивается как производная форма, например, в ст. 223 УПК РФ [1], где упоминаются общие положения, идентичные для обеих форм. По справедливому замечанию С. Б. Россинского: «в положениях закона отсутствуют четкие и внятные посылы, рас-

крывающие признаки самостоятельности дознания, напротив – ряды норм прямо подразумевают его производность от следствия» [9, с. 69]. Такая неопределенность приводит к размыванию границ между формами и создает трудности при их практическом применении.

Отдельного внимания заслуживает вопрос критериев дифференциации. Сегодня они во многом сводятся к степени тяжести преступления, что закреплено в ч. 3 ст. 150 УПК РФ. Однако данный подход не отражает реального различия в целях и содержании форм предварительного расследования. Как указывает Е. В. Киреева, «в основе разграничения двух форм лежит не характер задач, а степень общественной опасности деяния, при том, что процессуальные процедуры во многом совпадают» [6, с.165].

Дополнительный аспект проблемы связан с развитием ускоренных процедур, в частности – сокращенного дознания. Его появление в УПК РФ вызвало новую волну научных споров. Ю. С. Озерова и М. В. Кирикова отмечают, что данная форма «является логичным продолжением тенденции к дифференциации досудебного производства, но нуждается в уточнении пределов и условий применения, чтобы не подменять собой полноценное расследование» [8, с. 148].

Все сказанное свидетельствует о необходимости системного научного осмысления проблемы соотношения дознания и предварительного следствия. Для ее решения прежде всего необходимо определить теоретико-правовые основы различия этих форм, раскрыть их сущность, цели и место в системе досудебного производства.

Так, в российском уголовном процессе сосуществуют две формы предварительного расследования – предварительное следствие и дознание. При этом законодатель не дает нормативного определения самого «предварительного расследования» и выстраивает общие условия досудебного производства так, что они преимущественно ориентированы на следственную модель. Как справедливо отмечает Е. В. Киреева, раздел VIII УПК РФ объединяет дознание и следствие под общим заголовком «Предварительное расследование», однако дефиниция этого термина в законе отсутствует, что усиливает методологическую и практическую неопределенность статуса форм [6, с. 165].

Основное различие между формами заключается в их правовой природе и назначении. Для предварительного следствия характерна судебно-следственная основа с повышенным стандартом познания обстоятельств дела: требуется большая полнота, всесторонность и объективность исследования фактов, что исторически закрепляет следствие как базовую, «эталонную» форму расследования. Дознание же сохраняет полицейский характер и направлено на быстрое и эффективное раскрытие преступлений небольшой и средней тяжести, при соблюдении минимально необходимого объема доказательств.

При этом дознание нельзя сводить к вспомогательному элементу предварительного следствия. Оно выполняет самостоятельную функцию в системе уголовного процесса – обеспечивает быструю реакцию государства на совершенное преступление при минимальных процессуальных издержках. Такая форма необходима для категорий дел, где сложное доказывание не требуется,

а фактические обстоятельства очевидны. По мнению С. Б. Россинского, именно «полицейская природа дознания обуславливает его существование как отдельной формы, направленной не на замену следствия, а на выполнение иных задач досудебного производства» [11, с. 61].

Тем не менее, в законодательстве и на практике наблюдается тенденция к сближению этих форм. Ряд норм УПК РФ фактически приравнивает дознание к предварительному следствию. Так, в ст. 223 УПК РФ закреплены общие положения, регулирующие производство дознания, но по своей структуре они почти полностью повторяют положения, касающиеся следствия [1]. Отсутствие четких разграничительных признаков приводит к тому, что дознание нередко воспринимается как «упрощенная» форма предварительного следствия. Такая позиция снижает значение дознания как самостоятельного института и ослабляет эффективность правового регулирования. Между тем именно различие целей и задач должно определять особенности процессуального порядка и пределы доказательственной деятельности в каждой форме. Следовательно, дознание и предварительное следствие должны рассматриваться не как «высшая» и «низшая» ступени досудебного производства, а как две параллельные формы, каждая из которых выполняет собственное назначение в обеспечении принципов законности и справедливости уголовного судопроизводства.

Понимание различий между дознанием и предварительным следствием невозможно без анализа критериев их разграничения. В настоящее время основной подход, закрепленный в ч. 3 ст. 150 УПК РФ [1], основывается на степени тяжести совершенного преступления. Дела о тяжких и особо тяжких преступлениях подследственны следователям, а дела о преступлениях небольшой и средней тяжести – органам дознания. Однако такой подход имеет формальный характер и не отражает сущности этих форм расследования.

Как отмечает Е. В. Киреева, «в основе разграничения двух форм предварительного расследования находится характер и степень общественной опасности деяния, при том, что процессуальные процедуры дознания и предварительного следствия во многом совпадают» [6, с. 166]. Подобное сходство приводит к тому, что на практике дознание нередко воспринимается как «упрощенная» разновидность следствия.

Следует согласиться с С. Б. Россинским, который указывает, что «в некоторых положениях закона, в первую очередь ч. 1 ст. 223 УПК РФ, прямо подразумевается производность дознания от предварительного следствия» [9, с. 72]. Такая конструкция не только противоречит идеи законодателя, закрепившего две формы расследования, но и нарушает принцип процессуальной самостоятельности органов дознания. В результате на практике возникает эффект смешения форм, когда стандарты полноты и глубины доказывания применяются по аналогии, без учета целей и особенностей конкретной формы расследования.

В связи с этим представляется целесообразным перейти от «тяжестного» критерия разграничения к функциональному подходу. Его суть состоит в том, чтобы определять форму предварительного расследования исходя из задач, стоящих перед органом предварительного расследования, объема необходимых

следственных действий, структуры доказательственного материала. Такой подход позволяет учесть не только тяжесть преступления, но и реальную сложность расследования, степень очевидности обстоятельств и объем требуемого процессуального познания.

Функциональные различия между дознанием и следствием можно обозначить по четырем направлениям.

Во-первых, по целям и задачам: следствие направлено на глубокое, детальное исследование обстоятельств дела и устранение любых сомнений в виновности лица, тогда как дознание выполняет задачу быстрой, но достаточной проверки очевидных фактов преступления.

Во-вторых, по стандарту доказывания: предварительное следствие предполагает высокий уровень детализации и проверяемости доказательств, а дознание – минимально необходимый объем для поддержания обвинения в суде.

В-третьих, по субъектному составу: следствие осуществляется следователями Следственного комитета, ФСБ и других органов, тогда как дознание ведут подразделения органов внутренних дел, обладающие иными организационными полномочиями и процессуальной подчиненностью.

В-четвертых, по характеру надзора: за следствием установлен внутриведомственный и прокурорский контроль, а дознание подчинено прокурорскому надзору, что отражает различие гарантий процессуальной самостоятельности.

Как подчеркивает Ю. А. Кандакова, «функциональный подход позволяет видеть в формах предварительного расследования не соподчиненные, а равнозначные элементы системы, каждая из которых решает собственные задачи и требует соответствующих процессуальных гарантий» [5, с. 372].

Несмотря на различие целей и функциональных признаков дознания и предварительного следствия, анализ действующего законодательства показывает, что между ними сохраняются точки пересечения, создающие эффект смешения форм. Эти «узлы гибридизации» приводят к тому, что дознание фактически теряет признаки самостоятельной формы расследования и воспринимается как упрощенная разновидность следствия.

Прежде всего, источник методологической неопределенности заложен в главе 22 УПК РФ, регулирующей общие условия предварительного расследования. Законодатель закрепил дознание как производство, осуществляемое «с учетом некоторых изъятий из порядка предварительного следствия» (ч. 1 ст. 223 УПК РФ), а сокращенное дознание – «с учетом изъятий из порядка дознания» (ч. 1 ст. 226.1 УПК РФ [1]). Такая конструкция фактически выстраивает иерархическую зависимость между формами расследования, где дознание подчинено следственной модели. Как справедливо отмечает О. В. Мичурина, подобные нормы «усиливают восприятие дознания как производной формы и способствует дальнейшему сближению его с предварительным следствием» [7, с. 129].

Вторая точка соприкосновения проявляется в институте предъявления обвинения при дознании (ст. 224 УПК РФ [1]). По замыслу законодателя, в случае невозможности составить обвинительный акт в установленный срок подозре-

ваемому предъявляется обвинение, после чего дознание продолжается в порядке, установленном для предварительного следствия. На практике это приводит к утрате одного из главных отличий дознания – отсутствия стадии предъявления обвинения. В результате дознание частично дублирует следственную процедуру, что противоречит его сути и назначению.

Особое внимание заслуживает дознание в сокращенной форме. Оно изначально задумывалось как самостоятельная, ускоренная и экономичная процедура. Однако правоприменительная практика выявила ряд противоречий, связанных с условиями ее применения. Как отмечают Ю. С. Озерова и М. В. Кирикова, «сокращенное дознание оправдано как форма предварительного расследования, но нуждается в уточнении пределов и оснований использования, чтобы не подменять собой обычное дознание и следствие» [8, с. 149]. Авторы обращают внимание, что чрезмерное расширение этой процедуры может привести к снижению гарантий прав участников и формальному подходу к сбору доказательств.

Наконец, причиной слияния является недостаточная согласованность отдельных этапов производства дознания. Так, на практике вызывает вопросы применение ст. 223.1 УПК РФ о порядке уведомления о подозрении: при дознании это обязательное процессуальное действие, а при следствии аналогичная процедура законом не предусмотрена. В результате складывается ситуация, когда при одинаковой фактической ситуации один орган нарушает закон, если уведомление не вручено, а другой – действует правомерно. Такая неравномерность процедур создает дополнительные коллизии и подрывает принцип единообразия процессуального регулирования.

Таким образом, границы между формами предварительного расследования размываются в трех направлениях:

- 1) на уровне общих условий расследования (гл. 22 УПК РФ), где дознание формально выводится из следственной модели;
- 2) на уровне процессуальных стадий, особенно в институте предъявления обвинения (ст. 224 УПК РФ);
- 3) в сфере ускоренных процедур, где сокращенное дознание сочетает признаки как самостоятельной, так и производной формы.

Как следствие, вместо двух самостоятельных форм предварительного расследования формируется единая смешанная модель, лишенная внутренней логики и дифференциации.

Различие правовой природы дознания и предварительного следствия имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Оно влияет на объем доказывания, структуру итоговых процессуальных документов, характер прокурорского надзора и судебную перспективу уголовных дел. В отличие от следствия, где основной объем доказательственного исследования сосредоточен на досудебной стадии, дознание предполагает перенос части этой функции в судебное разбирательство.

Такой подход закономерно отражается на структуре итоговых процессуальных документов. В дознании результатом является обвинительный акт,

а в сокращенном дознании – обвинительное постановление, тогда как предварительное следствие завершается составлением обвинительного заключения. Как отмечает А. В. Боярская, эти документы различаются не только по названию, но и по смыслу: обвинительное заключение фиксирует полный объем доказательственного исследования, а акт или постановление – лишь минимально необходимый набор сведений для рассмотрения дела судом [2, с. 39].

Отличаются формы и по характеру прокурорского надзора. В деятельности следователя прокурор осуществляет надзор за законностью принимаемых решений и контролирует соблюдение прав участников процесса, но не вмешивается в ход расследования. В дознании же прокурор занимает более весомое значение, обладая правом возвращать материалы для устранения нарушений, отменять незаконные постановления дознавателя и давать обязательные для исполнения указания. Как отмечает Н. А. Жукова, «в дознании прокурор выступает не только гарантом законности, но и координатором процессуальной деятельности, что отражает повышенный уровень его ответственности за итоговый результат расследования» [4, с. 56].

Практика подтверждает, что указанные различия оказывают влияние на судебную перспективу дел. Согласно статистическим данным, доля дел, направляемых в суд с обвинительным постановлением по сокращенному дознанию, за последние годы снижается: в 2024 г. – 11,3 %, в 2023 г. – 13,8 %, в 2022 г. – 18,1 % [12]. Одной из причин называется высокая частота возвратов дел из суда для производства дознания в общем порядке. Это связано с недостаточной полнотой доказательственного материала, а также с изменением позиции потерпевшего или подозреваемого, что делает невозможным применение сокращенной формы. Таким образом, упрощенный порядок не всегда обеспечивает стабильность процессуального результата.

Особую сложность создает применение ст. 224 УПК РФ, предусматривающей возможность предъявления обвинения при дознании. Эта норма, по существу, встраивает в дознание элемент, характерный для предварительного следствия, что размывает границы между формами. На практике это приводит к дублированию процедур, удлинению сроков и усложнению процессуальной деятельности [3, с. 279].

В завершение остается лишь обратить внимание, что высказанные в настоящей статье доводы о дознании как о форме предварительного расследования предопределяют потребность в пересмотре целого ряда иных доктринальных позиций и основанных на них положений уголовно-процессуального законодательства.

Проведенный анализ позволяет заключить, что устранение методологических и правовых противоречий между дознанием и предварительным следствием возможно только при внесении точечных изменений в уголовно-процессуальное законодательство.

Прежде всего, необходима корректировка ст. 150 УПК РФ, которая сегодня связывает выбор формы расследования исключительно со степенью тяжести преступления. Такой критерий не отражает реальных различий меж-

ду дознанием и следствием. Целесообразно дополнить норму указанием на функциональные признаки, определяющие выбор формы: цели расследования, объем требуемых доказательств, характер задач и уровень процессуального контроля.

Следующим направлением совершенствования является уточнение содержания ст. 224 УПК РФ, регулирующей порядок предъявления обвинения при дознании. На практике эта норма вызывает слияние стадий дознания со следствием. Для устранения указанного эффекта целесообразно закрепить, что предъявление обвинения в порядке дознания допускается лишь в исключительных случаях – например, при невозможности составления обвинительного акта в установленный срок и только с согласия прокурора. В остальных ситуациях материалы должны направляться для производства предварительного следствия.

Отдельного внимания требует совершенствование института сокращенного дознания. Законодательно следует установить, что сокращенное дознание допускается не только по очевидным преступлениям, но и по неочевидным, если личность подозреваемого установлена и собраны основные доказательства. Одновременно необходимо ограничить возможность изменения позиции сторон после направления дела прокурору: отказ от участия в сокращенной форме должен допускаться только по мотивированному заявлению и с согласия прокурора.

Кроме того, требует уточнения глава 22 УПК РФ, устанавливающая общие условия предварительного расследования. В ее нынешней редакции положения сформулированы преимущественно для следствия и применяются к дознанию по аналогии. В целях устранения правовой неопределенности необходимо дополнить главу специальными статьями, отражающими особенности дознания: порядок уведомления о подозрении, структуру процессуальных решений дознавателя и пределы прокурорского надзора.

Таким образом, совершенствование законодательства должно быть направлено на устранение дублирования процедур, четкое определение критериев выбора формы расследования и закрепление процессуальной самостоятельности дознания. Это позволит укрепить законность и единообразие правоприменения.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СПС «Консультант Плюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344 (дата обращения: 02.11.2025).
2. Боярская А. В. Проблемы юридической конструкции предмета доказывания в рамках сокращенного дознания // Российская юстиция. 2015. № 1. С. 38–42.

3. Гирько С. И., Харченко С. В., Долгополов А. А., Камбаров А. М. Российское ускоренное дознание: современные метаморфозы процессуальной формы // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 3 (59). С. 274–284.
4. Жукова Н. А., Диденко О. В. Формы предварительного расследования в уголовном судопроизводстве России // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. С. 54–58.
5. Кандакова Ю. А. Формы предварительного расследования: сходства и различия // Вестник науки. 2024. Т. 1, № 11 (80). С. 367–375.
6. Киреева Е. В. К вопросу о целесообразности производства дознания как формы предварительного расследования // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 6. С. 164–166.
7. Мичурина О. В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы ее реализации в органах внутренних дел. М., 2008. 581 с.
8. Озерова Ю. С., Кирикова М. В. Нужно ли дознание в сокращенной форме как отдельная форма расследования? // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1(105). С. 146–151.
9. Россинский С. Б. Дознание: самостоятельная форма предварительного расследования или упрощенная вариация предварительного следствия? // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 1(73). С. 67–75.
10. Россинский С. Б. Формы предварительного расследования по уголовному делу: есть ли основания для дифференциации? // Искусство правоведения. 2025. № 1. С. 117–124.
11. Россинский С. Б. Российская система досудебного производства как синтез различных типов уголовного процесса // Государство и право. 2023. № 4. С. 58–65.
12. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 01.11.2025).

УДК 343.95

Парфений Полина Александровна

магистрант, Костромской государственный университет

Кострома, Российская Федерация

ggllllpooo@gmail.com

Судебно-медицинская экспертиза в отношении несовершеннолетних: самостоятельные травмы

***Аннотация.** В данной статье рассматривается взаимодействие судмедэксперта и инспектора по делам несовершеннолетних по назначению и проведению судебно-медицинской экспертизы при выявлении случаев самостоятельного причинения вреда здоро-*

вью лицами, не достигшими совершеннолетнего возраста. Особое внимание уделено процессуальным аспектам назначения судебно-медицинской экспертизы и ключевым особенностям ее проведения. Представлены предложения по внесению изменений в законодательство, касающихся порядка назначения судебно-медицинской экспертизы в случаях получения несовершеннолетними травм.

Ключевые слова: судебно-медицинская экспертиза, инспектор по делам несовершеннолетних, несовершеннолетний, травма, постановление, эксперт.

Parfeniy Polina Alexandrovna

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Forensic medical examination of minors: self-inflicted injuries

Annotation. *This article examines the interaction between a forensic expert and a juvenile affairs inspector regarding the appointment and conduct of forensic medical examinations in cases of self-inflicted bodily harm by minors. Particular attention is paid to the procedural aspects of ordering a forensic medical examination and key aspects of its implementation. Proposals for legislative amendments regarding the procedure for ordering a forensic medical examination in cases of minor injuries are presented.*

Keywords: *forensic examination, juvenile inspector, minor, injury, ruling, expert.*

В своей деятельности инспектор по делам несовершеннолетних сталкивается с различными ситуациями, когда несовершеннолетний получает травму самостоятельно, по собственной неосторожности, или намеренно подвергает себя нанесению телесных повреждений различной степени тяжести. Характер данных телесных повреждений может варьироваться от банальных бытовых травм, до попыток суицида, повлекшими за собой вред здоровью.

Медицинские организации государственных учреждений здравоохранения в установленном порядке передают сведения об обращениях несовершеннолетних в приемные отделения стационаров и в службы скорой медицинской помощи. К таким травмам обычно относятся различной локализации: ушибы, вывихи, растяжения, переломы, сотрясения головного мозга.

В частности, статья 79 ФЗ № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закрепляет обязанность медицинской организации информировать органы внутренних дел о поступлении пациента, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что вред его здоровью причинен в результате противоправных действий [5].

Взаимодействие инспектора по делам несовершеннолетних и судмедэксперта происходит, когда требуется установить наличие факта телесных повреждений, имеющих у несовершеннолетнего. Судебно-медицинскую экспертизу при самостоятельных травмах несовершеннолетних назначают для определения тяжести причиненного вреда здоровью, а также установления обстоятельств получения травмы. В данном случае инспектор по делам несовершеннолетних выступает инициатором, собирая первичные документы, беря объяснения у всех

участников процесса и направляя постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы и материалы в бюро судебно-медицинской экспертизы. Судмедэксперт проводит освидетельствование, анализирует полученные данные и выдает заключение. Все действия с несовершеннолетними проводятся только в присутствии законных представителей: родителей, опекунов, представителей органов опеки и попечительства.

В случае необходимости проведения проверки в порядке, установленном статьями 144–145 УПК РФ, инспектор по делам несовершеннолетних выносит постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы в отношении несовершеннолетнего, описывая фабулу происшествия. Правильная классификация обстоятельств происшествия определяет комплекс последующих процессуальных и профилактических мер.

Судебно-медицинская экспертиза несовершеннолетних имеет важное значение для выявления суицидальных попыток, случаев жестокого обращения или халатности со стороны третьих лиц. В случае выявления суицидального поведения с несовершеннолетним проводится комплексная профилактическая работа. Своевременное выявление и постановка на профилактический учет в отделение по делам несовершеннолетних позволяют предотвратить суицидальные попытки, способствует социальной реабилитации несовершеннолетних.

Судмедэксперт в процессе проведения экспертизы не устанавливает «вину» или «невиновность», а отвечает на конкретные вопросы, основываясь на объективных данных. При вынесении постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы несовершеннолетнему, инспектор по делам несовершеннолетних формулирует эксперту следующие вопросы, требующие квалифицированного заключения: имеются ли у несовершеннолетних телесных повреждений, какова степень тяжести телесных повреждений, механизм образования телесных повреждений.

Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» № 73-ФЗ – определяет общие принципы организации экспертной деятельности, основываясь на законности, независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, а также соблюдении прав и свобод человека и гражданина [4].

Судебно-медицинская экспертиза несовершеннолетних, получивших самостоятельную травму, представляет собой сложный и многоаспектный процесс, требующий от эксперта глубоких знаний в области травматологии, хирургии и юриспруденции, понимания психологических особенностей детского и подросткового возраста. При проведении судебно-медицинских экспертиз в отношении несовершеннолетних, эксперту необходимо учитывать анатомические и физиологические особенности детского организма.

По мнению Г. П. Тимченко, «организм ребенка отличается недостаточно сформировавшейся сопротивляемостью, специфическими реакциями на

внешние воздействия, неполноценностью компенсаторно-приспособительных механизмов, интенсивностью реактивных изменений, процессов заживления и др. Все это определяет как своеобразие морфологии повреждений у детей, так и специфику клинического развития и исходов травматической болезни» [3].

Д. В. Бавыкин утверждает, что «случайные травмы в детском возрасте являются распространенной и часто предотвратимой причиной детской заболеваемости и смертности. Крайне важно, чтобы СМЭ этих случаев включали информацию, имеющую значение как для предотвращения будущих смертей, так и для устранения различий, существующих в рамках гендерных, социально-экономических и других классовых характеристик» [1, с. 113].

Зачастую судебно-медицинская экспертиза в отношении несовершеннолетних, получивших травмы самостоятельно, осуществляется на основании предоставленной медицинской документации, без непосредственного участия освидетельствуемого лица. Данный вид экспертизы позволяет определить степень тяжести вреда, причиненного здоровью.

По данным А. В. Ковалева и Т. П. Козловой, «320 случаев травмы у детей выявлено, что в 84 % случаев экспертиза проводилась по медицинским документам, освидетельствование проводилось в 15%, а комиссионные экспертизы по материалам дела – в 1 %» [2, с. 10].

На наш взгляд, данная статистика указывает на преобладание экспертных оценок, основанных исключительно на анализе медицинской документации, что может подразумевать определенные ограничения в полноте и объективности заключения. Эксперт не видит самого пострадавшего и не может лично оценить локализацию, характер, особенности и давность имеющихся повреждений. Он работает исключительно с текстовым описанием в справке, которое часто бывает очень кратким и не содержательным.

Таким образом, при проведении судебно-медицинской экспертизы в отношении лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, для более объективной оценки необходимо проведение очного освидетельствования потерпевшего, а не заочного исследования, ограничивающегося анализом предоставленной медицинской документации. Данное требование обусловлено необходимостью усиленной защиты прав несовершеннолетних, в том числе лиц, находящихся в особом положении и требующих повышенного внимания со стороны государства. Очный осмотр, проводимый экспертом, позволит обеспечить наиболее полную и объективную оценку характера и степени повреждений, а также исключить субъективность и возможные неточности при оценке медицинских документов, что особенно важно в случаях, когда речь идет о защите прав ребенка.

Целесообразно часть 5 Приказа Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12 мая 2010 г. № 346н «Об утверждении Порядка орга-

низации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» дополнить пунктом «Особенности порядка производства экспертизы в отношении несовершеннолетних», обязывающим эксперта осуществлять непосредственный осмотр лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, при проведении экспертизы, направленной на оценку причиненного вреда здоровью.

Дополнить статью 16 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», регламентирующую обязанности эксперта, пунктом, обязывающим осуществлять очный осмотр несовершеннолетнего при проведении экспертизы, направленной на оценку причиненного вреда здоровью.

Статью 199 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025), регламентирующую порядок направления материалов уголовного дела для производства судебной экспертизы, следует дополнить положением, требующим от экспертов обязательного личного осмотра несовершеннолетнего при проведении экспертизы по факту причинения вреда его здоровью.

Реализация данной меры позволит повысить эффективность профилактики детского травматизма, своевременно выявлять факты жестокого обращения с детьми и обеспечивать их защиту.

Список источников

1. Бавыкин Д. В. Травмы у детей: особенности проведения судебно-медицинской экспертизы // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/travmy-u-detey-osobennosti-provedeniya-sudebno-meditsinskoy-ekspertizy> (дата обращения: 23.11.2025).

2. Ковалев А. В., Козлова Т. П. Актуальные проблемы судебно-медицинской экспертизы детской травмы // Судебно-медицинская экспертиза. 2013. № 56(6). С. 9–10.

3. Тимченко Г. П. К оценке степени тяжести телесных повреждений у детей. // Актуальные вопросы судебно-медицинской экспертизы детей. Л., 1989. С. 64–68.

4. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 23.11.2025).

5. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 23.11.2025).

Пащенко Екатерина Валентиновна
студент, Костромской государственный университет
Кострома, Российская Федерация
Elena26gvs@gmail.com

Бекренев Павел Юрьевич
кандидат политических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
ppbb7@mail.ru

Актуальные проблемы установления частного сервитута в земельном законодательстве

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы ограничения круга субъектов, уполномоченных требовать установления сервитута, и определения платности сервитутных правоотношений. Автор предлагает законодательные изменения, направленные на расширение прав арендаторов и иных землепользователей, а также детализацию правил о плате за сервитут.*

***Ключевые слова:** сервитут, арендатор земельного участка, землепользователь, платность сервитута, вещное право, земельное законодательство.*

Pashchenko Ekaterina Valentinovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Bekrenev Pavel Yurievich
candidate of political sciences, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Current problems of establishing a private easement in land legislation

***Annotation.** The article examines the problems of limiting the range of subjects entitled to demand the establishment of an easement and determining the payment for easement legal relations. The author proposes legislative changes aimed at expanding the rights of tenants and other land users, as well as detailing the rules on payment for easements.*

***Keywords:** easement, land plot tenant, land user, payment for easement, property right, land legislation.*

Институт сервитута является одним из самых древних и берет свое начало в римском праве, изучив исторические корни развития сервитутного права, можно сделать вывод, что до сих пор современное российское зако-

нодательство имеет пробелы в регулировании отношений по установлению сервитутов [5; 6].

Одной из особо актуальных проблем является проблема установления сервитута арендатором. Данный субъект часто нуждается в обеспечении доступа к арендуемому имуществу для его использования.

В римском праве круг лиц, для установления сервитута, которые могли требовать установления сервитута, был не определен, субъектами могли быть собственник земельного участка, члены его семьи, гости, арендаторы, приходящие врачи и иные лица [2, с. 462].

На основании статьи 274 ГК РФ правом требования установления сервитута обладают собственники земельных участков, лица, которые владеют участком на правах пожизненного наследуемого владения или постоянного (бессрочного) пользования. Арендаторы, землепользователи и другие лица, чьи права на землю ограничены вещными или обязательственными правами, не могут самостоятельно инициировать процедуру установления сервитута.

При этом лица, имеющие права пожизненного наследуемого владения и постоянного (бессрочного) пользования, хотя и обладают ограниченным правом пользования, но в отличие от арендатора имеют право устанавливать сервитуты.

Законодательное регулирование в данной сфере демонстрирует непоследовательность, а именно, арендатор, согласно статье 305 ГК РФ может применять вещно-правовые способы для защиты своих прав, установленных договором, но не может при этом выступать в качестве сервитуария (лица, в пользу которого установлен сервитут), хотя сервитут также служит инструментом обеспечения эффективного использования имущества.

В настоящее время арендодателями земельных участков в основном являются государственные и муниципальные образования, которые, как показывает практика, в случае возникновения проблем с доступом к арендуемому участку не решают возникшую проблему.

Законодательство не предусматривает механизмов эффективного давления на такие организации с целью защиты прав арендатора. Единственная возможность каким-либо образом выйти из подобных правоотношений – расторжение договора аренды (если на земельном участке не расположен объект недвижимости), что заводит арендатора в своеобразный тупик.

Сложившаяся ситуация может быть губительной для хозяйствующего субъекта.

Суды в большинстве случаев отказывают арендаторам в удовлетворении исков об установлении сервитутов [3], основанием служит то, что собственник имущества связан с арендодателем договорными отношениями и обязан обеспечить арендатору спокойное владение и пользование имуществом [4, с. 51].

Для устранения указанного пробела в законодательстве предлагается изменить пункт 3 статьи 274 ГК РФ. В новой редакции сервитут будет устанавливаться по соглашению между лицом, требующим его установления, собствен-

ником соседнего участка, а также землепользователем, арендатором и иными лицами, предусмотренными договором. Установление сервитута подлежит регистрации в порядке, установленном для регистрации прав на недвижимое имущество.

Соответственно, пункт 5 статьи 274 ГК РФ также должен быть изменен. Он должен предусматривать, что собственник участка, обремененного сервитутом, землепользователь, арендатор и иные лица вправе, если иное не предусмотрено законом, требовать от лиц, в интересах которых установлен сервитут, соразмерную плату за пользование участком.

Необходимо закрепить положение, согласно которому арендатор земельного участка в праве заключать соглашение об установлении сервитута на срок, не превышающий срока действия договора аренды. В случае продления договора аренды, соглашение об установлении сервитута также следует продлить согласно дополнительному соглашению к договору аренды. Накопившийся долг первоначального арендатора должен сохраняться за ним, если иное не предусмотрено законом или соглашением сторон [4, с. 55].

Второй актуальной проблемой в практике применения статьи 274 ГК РФ является вопрос о досудебном порядке урегулирования спора.

Существующая редакция пункта 3 статьи 274 ГК РФ [1] предусматривает судебное разрешение споров об установлении сервитута при недостижении соглашения, привела к разнородной судебной практике. Одни суды требуют обязательного досудебного порядка урегулирования, другие считают достаточным сам факт наличия спора.

Это отсутствие единообразия затрудняет реализацию права на судебную защиту. В одних случаях исковые заявления оставляются без движения или без рассмотрения в связи с несоблюдением процессуального порядка, в других суды принимают иски рассмотрению к рассмотрению без предварительной претензии. В связи с чем, создаются неравные условия для участников правоотношений.

Неопределенность в существующей редакции статьи 274 ГК РФ затрудняет реализацию права на судебную защиту и создает неравные условия для участников гражданского оборота в зависимости от позиции конкретного суда [7, с. 154].

Для решения данной проблемы предлагается внести изменения в пункт 3 статьи 274 ГК РФ. Обязательным условием для обращения в суд должно быть предварительное направление собственнику обременяемого участка предложения о заключении соглашения о сервитуте. Установление 15-дневного срока для ответа позволит сбалансировать потребность в досудебном урегулировании споров и правом заинтересованных лиц на обращение в суд.

Совершенствование законодательства также требует расширения круга лиц, имеющих право требовать установления сервитута, включая арендаторов и других землепользователей. Эта мера соответствует функциональному назначению института и обеспечит более эффективную защиту прав в земельных отношениях. Устранение же правотой неопределенности в части обязательности до-

судебного порядка разрешения споров приведет к единообразию судебной практики и создаст однозначные условия для реализации права на судебную защиту.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/?ysclid=mlt0tmc1f3219206114> (дата обращения: 02.11.2025).
2. Дождев Д. В. Римское частное право : учебник / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. 3-е изд., испр. и доп. М. : Норма, 2008. 783 с.
3. Определение ВАС РФ от 29.05.2013 № ВАС-6097/13 по делу № А53-22912/2013 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/?ysclid=mlt0tmc1f3219206114> (дата обращения: 02.11.2025).
4. Краснова Т. С. Установление сервитута по требованию арендатора земельного участка. По мотивам одного определения Верховного Суда РФ // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 45–67.
5. Ким Д. Ч. Проблемы теории и практики применения частного сервитута // Журнал российского права. 2007. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-teorii-i-praktiki-primeneniya-chastnogo-servituta> (дата обращения: 02.11.2025).
6. Мисник Г. А. Сервитуты в земельном праве // Экологическое право. 2023. № 6. С. 28–31.
7. Шаклеина Е. В. Досудебный порядок урегулирования спора о сервитуте: толкование и реализация // Нотариус. 2009. № 6. С. 29–31.

УДК 343.72

Полотова Жасмина Фуркатовна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

polotovazhasmina@gmail.com

Современные аспекты уголовно-правовой охраны в контексте мошенничества с банковскими картами

Аннотация. В данной статье мы рассматриваем существующие уголовно-правовые нормы, касающиеся мошенничества с банковскими картами. Проводим анализ судебной практики по делам о мошенничестве с банковскими картами. Основываясь на всем этом, выявляем проблемы, возникающие в процессе квалификации смежных составов по делам о мошенничестве с банковскими картами. А также приводим некоторые рекомендации по

совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения для повышения эффективности уголовно-правовой защиты от мошенничества с банковскими картами.

Ключевые слова: уголовное право, мошенничество, электронные средства платежа, банковская карта, ответственность, смежный состав.

Polotova Jasmina Furkatovna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Modern aspects of criminal law protection in the context of bank card fraud

Annotation. *In this article, we examine the existing criminal law norms related to bank card fraud. We analyze the judicial practice in cases of bank card fraud. Based on this analysis, we identify the problems that arise during the qualification of related crimes in cases of bank card fraud. Additionally, we provide some recommendations for improving the criminal legislation and its application to enhance the effectiveness of criminal protection against bank card fraud.*

Keywords: *criminal law, fraud, electronic means of payment, bank card, responsibility, related offences.*

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее УК РФ) существуют различные виды составов преступлений одним из элементов, которого являются банковские карты [7]. Так, например, статья 159.3 УК РФ мошенничество с использованием электронных средств платежа (далее – ЭСП). Часть первая звучит как мошенничество с использованием электронных средств платежа. Для начала стоит определить, что же значит мошенничество. В ст. 159 УК РФ закреплено легальное определение: «Мошенничество, т. е. хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием». В примечании говорится о том, что хищение – это совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинивших ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Мы можем сказать, что основой для статей с 159 по 159.6 УК РФ является желание преступника изъять или завладеть чужим имуществом в свою пользу.

Однако нас интересует ст. 159.3 УК РФ, так как она содержит в себе специальный состав – использование электронного средства платежа. «ЭСП – средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт и их преобразованных данных, а также иных технических устройств» [10]. Специфика данного способа мошенничества – использование чужой платежной карты при осуществлении платежа в присутствии кассира, продавца или иного работника кредитной организации, который при этом вводится в заблуждение относительно правомерности платежа [8]. Однако ФЗ «О внесении изменений в Уго-

ловный кодекс Российской Федерации» данная формулировка особенностей диспозиции была исключена [9].

Среди обстоятельств, отягчающих деяние, можно выделить ч. 2 ст. 159.3 УК РФ совершенное группой лиц по предварительному сговору следует опираться на ст. 35 УК РФ, т. е. обязательно должны быть соисполнители. В диспозиции также говорится о деянии с причинением значительного ущерба гражданину как о равном. Согласно примечанию к ст. 158 в п. 2 ущерб должен определяться с учетом имущественного положения потерпевшего, но не может быть менее 5 тыс. руб. В ч. 3 под лицами, использующими свое служебное положение при совершении мошенничества следует понимать должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными п. 1 примечаний к статье 285 УК РФ, государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным п. 1 примечаний к ст. 201 УК РФ (например, лицо, которое использует для совершения хищения чужого имущества свои служебные полномочия, включающие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой организации) [4]. Под крупным размером подразумевается стоимость имущества, превышающая 250 000 руб., а особо крупным – 1 миллион рублей.

Таким образом, мы можем определить состав преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ объект преступления совпадает с родовым, т. е. собственность. Объективная сторона заключается в хищении, осуществляемом посредством использования электронных средств платежа. Однако из определения можно предположить, что речь идет не только о банковских картах, но и электронных кошельках и т. д. Субъектом является вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, а также ч. 3 предусмотрен специальный субъект – лицо, осуществляющее служебную деятельность. Содержание субъективной стороны только прямой умысел. Преступник преследует корыстные цели.

В п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ говорится о краже, совершенной с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств. Данная норма была введена п. «а» ч. 1 Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», которая была предназначена для ужесточения уголовной ответственности по специальной норме за кражу денежных средств банковского счета или электронных кошельков, включая использование электронных платежных систем. По ч. 2 ст. 20 УК РФ уголовная ответственность за преступления совершенные по ст. 158 УК РФ наступает с 14 лет. Главным разграничением между п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 159.3 УК РФ является то, что первое совершено тайно, а второе путем обмана или злоупотреблением доверия. При этом тайным следует квалифицировать действия лица, совершившего незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них. В тех случаях, когда указанные лица видели, что совершается хищение, однако виновный, исходя из окружающей обстановки, полагал, что действует тайно, содеянное также является тайным хищением чужого имущест-

ва [3]. Однако вероятность того, что кража произойдет тайно при злоупотреблении доверием тоже возможна.

Также изменения были внесены и в ст. 159.6 УК РФ тем же ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» была дополнена новым квалифицирующим признаком – п. «в» ч. 3 с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств. В данном случае отсутствует ссылка на статью 159.3 УК РФ, с одной стороны, это логично, так как хищение по этой норме происходит путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вида вмешательства в средства хранения. А с другой если вспомнить определение, которое ранее было приведено из п. 19 ст. 3 ФЗ «О национальной платежной системе», из него следует, что электронные носители информации являются связующим звеном при использовании банковских карт и других средств платежа. Помимо этого, нельзя отрицать, что хищение может осуществляться тайно, следовательно, можно сказать, что имеет место кража.

ФЗ «О внесении изменений в УК РФ» были внесены нормы, которые усиливали уголовную ответственность за преступления, связанные с банковскими картами. Однако непонятно почему максимальная санкция за специальную норму ч. 1 ст. 159.3 УК РФ ниже, чем в других упомянутых.

Многообразие норм, которые четко не разграничены, а возможно это и вовсе невыполнимо, могут привести к ошибкам при квалификации. В своей научной статье Л. В. Пивнева упоминает о том, что «...считаем необходимой законодательную доработку диспозиции данной статьи посредством уточнения наиболее распространенных способов совершения этого преступления с использованием понятий, имеющих нормативное закрепление и легальное толкование в действующем законодательстве. Полагаем, что это необходимо, поскольку разграничение смежных составов преступлений в этом случае происходит как раз по объективной стороне, которая должным образом не отражена в норме» [2].

В последние десятилетия использование банковских карт стало частью повседневной жизни многих людей. Однако популярность электронных платежей и онлайн-транзакций привели к возникновению новых форм преступности, связанных с использованием банковских карт. Данные преступления, включая мошенничество, кражу личных данных и незаконные транзакции, представляют собой серьезную угрозу для индивидуальных пользователей разных возрастов. В связи с этим актуальность анализа судебной практики в данной области возрастает, так как он позволяет выявить существующие проблемы в уголовно-правовой оценке таких преступлений и предложить пути их решения. Следует обратить внимание на судебную практику, касающуюся преступлений с использованием банковских карт, а также на выявление основных проблем, связанных с их квалификацией.

Так, в Кассационном определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14.12.2023 № 77-4674/2023 приговор: по ч. 3 ст. 159.3 УК РФ говорится о том, что судом первой инстанции было правильно установлено, что у осужденного возник умысел на хищение денежных средств еще до получения банковских карт. Он знал, что остаток средств не проверяется при поставке това-

ров на склад, и что приобретенные им товары для и для личных нужд на склад не будут переданы, что позволило ему распоряжаться ими по своему усмотрению и причинить имущественный ущерб [1]. А также было правильно установлено, что способ совершения преступления, заключался в использовании доверительных отношений, поскольку кладовщики не проводили сверку остатка денежных средств на банковском счете. Соккрытие информации о распоряжении денежными средствами, принадлежащими, позволило ему достичь корыстной цели безвозмездного изъятия и использования чужого имущества в своих интересах.

В данном случае злоупотребление доверием в лице П. и других лиц – кладовщиков указанного Общества при совершении мошенничества служило средством завладения чужим имуществом, а не обеспечением доступа к нему, поскольку банковские карты выдавались ему на законных основаниях для приобретения товаров по заявкам в рамках договора оказания услуг с данным Обществом.

Таким образом, доводы кассационного представления о переквалификации действий осужденного на часть 3 статьи 159 УК РФ следует считать несостоятельными.

А. В. Семенов в своей научной статье говорит о том, что «...современное уголовно-правовое закрепление состава мошенничества по ст. 159.3 УК РФ характеризуется рядом проблем, которые не позволяют не только правильно квалифицировать соответствующий состав преступного деяния, но и отграничить его от смежных составов преступления. На основании полученных результатов предлагается внести изменения в ст. 159.3 УК РФ как посредством законодательного закрепления четкого перечня «электронных средств платежа», так и посредством более точного определения соответствующего состава кражи по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ с целью ее отграничения от мошенничества посредством использования электронных средств платежа» [5]. Нельзя не согласиться с данной точкой зрения, так как совершенствование закона является неотъемлемой частью современного мира. Развитие в той или иной отрасли приводит к появлению новых правоотношений. Таким образом, крайне необходимо, чтобы УК РФ совершенствовался и дополнялся в ногу со временем.

Мы можем сделать следующие выводы: несмотря на то, что мы рассмотрели всего лишь один пример, но он дает нам понять, что существует проблема разграничения смежных составов. Определение обстоятельств дела не всегда способствует правильной квалификации. Мнение различных авторов также сводится к тому, что нужно более четко отграничить не только смежные составы, но определить основные и существенные отличия их друг от друга.

Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 23.04.2018 № 111-ФЗ внес большие изменения в ст. 159.3 УК РФ. Он не только поменял диспозицию нормы, но стал причиной появления других проблем при квалификации деяния. Изначально она звучала как: «Мошенничество с использованием платежных карт, т. е. хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации...». Сравнивая старую и новую редакцию, мы можем заметить, что статья была заметно со-

кращена. Суть данной нормы заключалась в разъяснении законодателем, что он подразумевает под данным видом мошенничества.

Однако были внесены еще изменения, в частности ч. 3 ст. 158 УК РФ. Данная норма была дополнена п. «г» и звучит как: «...с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 настоящего Кодекса)». Мы можем предположить, что именно такая форма изложения приводит к тому, что в правоприменительной практике возникают ошибки при квалификации преступления. В данном случае имеет значение размер наказания, большинство склоняется к ч. 1 ст. 159.3 УК РФ, ведь ответственность намного меньше, чем за норму по краже п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Если говорить о том, что одна норма отсылает к другой, то разумно предположить, что она должна быть дополнена. Более подробное описание диспозиции специальной нормы будет способствовать эффективной работе при квалификации деяния.

В своей работе В. И. Тюнин и О. А. Чабукиани упоминают о том, что преступление с использованием электронных платежных средств представляет собой особый вид мошенничества. Это деяние может быть совершено исключительно в рамках товарно-денежных отношений с применением таких специфических средств, как электронные платежи. Диспозиция ст. 159.3 УК РФ имеет бланкетный характер, что означает, что перед ее применением необходимо установить и проанализировать конкретные нормы, регулирующие взаимодействие сторон при использовании электронных платежных средств. Учитывая особенности объективной стороны мошенничества, они говорят о том, что диспозицию статьи 159.3 УК РФ следует дополнить указанием на способ совершения преступления – через обман или злоупотребление доверием [6].

Мы согласны с этой точкой зрения, ведь даже ссылка на специальную норму не определяет сути данного деяния.

Проанализировав все вышесказанное, мы можем предложить несколько путей совершенствования уголовно-правовой охраны по отношению к делам с мошенничеством. Во-первых, это совершенствование законодательства. Внесение изменений в УК РФ, а именно дополнение ст. 159.3 УК РФ в диспозиции к первой части. Содержание должно включать в себе суть данного деяния, в противном случае будут возникать сложности при квалификации смежных составов. Возможно, имеет место быть раскрытие состава преступления, путем объяснения того, что именно подразумевается под «с использованием». Какой именно характер носит данная формулировка. Например, мошенничество с использованием электронных средств платежа, т. е. хищение имущества в виде электронных средств платежа путем обмана или злоупотреблением доверия. Помимо этого, мы предполагаем, что имеет место раскрытие того, что подразумевается под «электронными средствами платежа». Какие именно виды, например, если разграничения в зависимости от условий договора о банковской карте – дебетовая или кредитная.

Во-вторых, профилактическая деятельность. Проведение информационно-просветительских кампаний для населения о методах мошенничества и спо-

собах защиты. Это поможет своевременно информировать людей о действиях мошенников. Данные виды информирования могут быть в виде горячих линий, бесплатной консультации, бесплатных занятий как для детей, так и для взрослых. Их содержание может быть разнообразным, а также быть направленным на определенную группу общества, объединенную по какому-либо критерию.

Напоминание о действиях, которые необходимо сделать в случае потери карты. Заблокировать в приложении, сообщить об утере, перевести денежные средства на свой счет и др.

В-третьих, создание системы быстрого реагирования при выявлении мошеннических действий. Например, если у человека нет доступа в личный кабинет, через смартфон, то он может сообщить об этом в банк и заблокировать карту. Денежные средства будут переведены на безопасный счет, пострадавшего. Возможно, далее информация будет передаваться правоохранительным органам, для оперативного решения данного вопроса.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы, современные условия развития технологий существенно расширили возможности проведения преступных деяний, среди которых особенно выделяют мошенничество с использованием банковских карт. Данное преступление наносит значительный ущерб как отдельным физическим лицам, так и многим финансовым институтам, подрывает доверие к банковской системе и создает угрозу стабильности экономики в целом. В связи с этим проблема поиска эффективных путей совершенствования законодательства и охраны, а также профилактики мошенничества с банковскими картами приобретает особое актуальное значение. Поэтому крайне необходимо осуществлять и разрабатывать комплексные меры, направленные как на усиление ответственности правонарушителей, так и на внедрение профилактических механизмов, способных снизить количество преступлений и повысить уровень защиты прав граждан и организаций.

Список источников

1. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14.12.2023 № 77-4674/2023 приговор: по ч. 3 ст. 159.3 УК РФ (мошенничество с использованием электронных средств платежа). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ007&n=100544#ljxWQzUAp70ypB5Y1> (дата обращения: 06.10.2025).

2. Пивнева Л. В. Проблемы квалификации преступлений по ст. 159. 3 Уголовного кодекса Российской Федерации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-prestupleniy-po-st-159-3-ugolovnogokodeksa-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 06.10.2025).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (с изменениями и дополнениями). URL: https://base.garant.ru/1352873/#block_2 (дата обращения: 01.10.2025).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении

и растрате». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения: 01.10.2025).

5. Семенов А. В. Ст. 159.3 УК РФ Квалификация мошенничества, совершенного с использованием электронных средств платежа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/st-159-3-uk-rf-kvalifikatsiya-moshennichestva-sovershennogo-s-ispolzovaniem-elektronnyh-sredstv-platezha> (дата обращения: 12.10.2025).

6. Тюнин В. И., Чабукиани О. А. Мошенничество с использованием электронных средств платежа (вопросы правоприменения). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moshennichestvo-s-ispolzovaniem-elektronnyh-sredstv-platezha-voprosy-pravoprimeneniya> (дата обращения: 12.10.2025).

7. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон № 63-ФЗ от 13.06.1996 : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одоб. Советом Федерации 5 июня 1996 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 01.10.2025).

8. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 01.10.2025).

9. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 23.04.2018 № 111-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_296451/ (дата обращения: 01.10.2025).

10. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (с изм. и доп.). URL: <https://study.garant.ru/#/document/12187279/paragraph/3647991:2> (дата обращения: 01.10.2025).

УДК 343.14

Полотова Жасмина Фуркатовна

студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
polotovazhasmina@gmail.com

Скворцова София Сергеевна

студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
soniaskvo0409@mail.ru

Установление истины по уголовному делу: цель или элемент доказывания, направленный на охрану интересов личности

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы установления истины в процессе доказывания по уголовным делам, которая в первую очередь направлена на выявление и подтверждение фактических обстоятельств преступного деяния. Установление

истины является залогом назначения справедливого наказания и в том числе защиты прав потерпевших и обвиняемых, что способствует укреплению доверия граждан к системе правосудия в стране.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказывание, установление истины, цель, правосудие, справедливый приговор.

Polotova Jasmina Furkatovna

student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Skvortsova Sofia Sergeevna

student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Establishing the truth in a criminal case: the purpose or an element of proof aimed at protecting the individual's interests

***Annotation.** This article discusses the establishment of the truth in the process of proving criminal cases, which is primarily aimed at identifying and confirming the actual circumstances of the criminal act. The establishment of the truth is essential for the imposition of fair punishment and the protection of the rights of victims and defendants, which helps to build trust in the country's justice system.*

***Keywords:** criminal proceedings, proof, establishing the truth, purpose, justice, and a fair verdict.*

Весь процесс доказывания в уголовном судопроизводстве основывается на доказательствах. Введение в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (далее – УПК РФ) существенно повлияло на дискуссии о целях доказывания [6]. Прежние споры об установлении какого-то из видов истины уступили место сомнениям в самой концепции установления истины в уголовном судопроизводстве как главной цели доказывания. Текущее законодательство не предполагает однозначного определения целей доказывания, оставляя этот вопрос открытым для научных дебатов. Отсюда и возникают такие вопросы как: «что же принято понимать под истиной в уголовном процессе?» и если она все-таки не будет являться целью доказывания, то «какие в таком случае цели преследует доказывание?».

Само понятие «истина» может трактоваться как что-то, что соответствует действительности; определенное верное отражение в сознании человека того, что есть в объективной действительности [1]. В толковом словаре говорится о том, что: «Истина – противоположность лжи; все, что верно, подлинно, точно, справедливо, что есть; ныне слову этому отвечает и правда, хотя вернее будет понимать под словом правда: правдивость, справедливость, правосудие, правда. Истина от земли, достояние разума человека, а правда с небес, дар благодати. Истина относится к уму и разуму; а добро или благо к любви, нраву и воле» [4]. Исходя из данного определения, можно предположить, что истина противопоставление лжи. Истина выступает в роли действительности и фактов, а ложь в свою очередь ведет к их деформации. Иными словами, истина стре-

мится к отражению реальности, в то время как ложь искажает ее, создавая альтернативную версию произошедшего.

Имеет место сравнение истины и с правдой, ведь она может рассматриваться не только как сопоставление фактам, но и как моральная категория, которая в свою очередь может заключаться в правдивости, справедливости и правосудии. Так, истина в уголовном процессе может выступать не только в роли логического, но и этического аспекта. В данном сопоставлении есть параллели, однако истина, установление истины в контексте нашей темы является заслугой человеческого разума, т. е. говорит в первую очередь о рациональности фактов и их понимании, а не эмоциональной вовлеченности. Несмотря на моральную составляющую, в уголовном процессе установление истины опирается на анализ фактов и логические выводы, отстраняясь от субъективных оценок и эмоций участников процесса.

Для обозначения истины именно в уголовно-процессуальной отрасли права требуется установить суть уголовно-процессуальной деятельности. Она заключается в точном выяснении того, что произошло на самом деле – каковы фактические обстоятельства общественно опасного деяния. Неизменным элементом уголовного процесса является также установление и реализация правоотношений, связанных с преступлением: обнаружение факта совершения преступления, идентификация виновного лица и применение к нему уголовного наказания, если его вина доказана по закону.

Уголовно-процессуальная деятельность, по своей сути, ориентирована на установление объективной действительности. Поэтому прежде, чем приступить к ее реализации, необходимо определить основополагающую цель – всестороннее и полное выяснение обстоятельств дела: имел ли место факт преступления, кто является его субъектом, и каков механизм его совершения. Только после установления фактической основы становится возможной юридическая оценка содеянного и применение мер уголовной ответственности к лицу, чья вина доказана в установленном законом порядке.

Принцип справедливости, лежащий в основе уголовного права, предполагает, что осуждению и наказанию подлежит исключительно лицо, реально совершившее противоправное деяние. Следовательно, вывод судебного органа, его аргументация и умозаключения должны быть основаны на фактических данных, отражающих реальные события. Соответствие такого рода между процессуальными выводами и объективной реальностью является сущностной характеристикой истины, к достижению которой стремится уголовный процесс [7, с. 127].

Итак, мы можем сделать вывод о том, что истина, устанавливаемая в уголовном процессе, имеет свои особенности. Во-первых, сфера познания в уголовном процессе ограничена исключительно фактами, относящимися к событию преступления, его субъекту, а также иным обстоятельствам, имеющим значение для дела. Во-вторых, методы установления истины в уголовном процессе не являются произвольными, так как процесс установления использует

только предусмотренные законом средства. В-третьих, достижение истины в рамках уголовного процесса предполагает не только установление фактических обстоятельств, но и их последующую правовую квалификацию, что означает определение соответствия совершенного деяния соответствующей норме права. Как мы видим, истина в уголовном процессе означает достоверное знание об обстоятельствах, имеющих значение для дела, полученное в строгом соответствии с законом и позволяющее установить, имело ли место преступление, кто его совершил, и как оно было совершено.

Мы смогли определить, что подразумевается под истиной в уголовном процессе. Далее ответим на вопрос, касающийся определения целей доказывания. Особого внимания заслуживает проблема того, включает ли установление истины в число целей доказывания.

В настоящей редакции УПК РФ в ст. 85 сказано, что доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. В последующих статьях такого прямого указания на цели доказывания не дается.

В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г. пониманию истины и условиям ее достижения прописывались более развернутые требования [5]. В ст. 20 УПК РСФСР говорилось, что суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства.

В ст. 243 УПК РСФСР предусматривалось, что председательствующий судья руководит судебным заседанием, принимая все предусмотренные настоящим Кодексом меры к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела и установлению истины. Существовал еще ряд статей, где было прямое указание на существование такой цели, как установление истины.

Сейчас же возникает дискуссия среди ученых и практиков о необходимости установления истины в уголовном деле. Аргументы против определения истины как цели доказывания нередко основаны на чрезмерном толковании принципа состязательности. Такая трактовка предполагает, что сторона обвинения обязана собирать лишь уличающие доказательства, тогда как защита сосредотачивается на оправдывающих. По этой схеме, суд лишь сопоставляет представленные доказательства, решая вопрос о подтверждении или опровержении обвинения, не вдаваясь в установление фактической действительности. Подобный подход к процессу доказывания был предложен С. А. Пашиным. Он говорил о том, что «юрист отвечает не за обнаружение истины, а лишь за то, чтобы результат судебного разбирательства был достигнут определенным образом... с помощью доказательств не устанавливается истина, а обосновываются определенные выводы... а поиск истины – это работа тех, кто отвечает за результат. В отличие от всех прочих судья отвечает за результат лишь в том смысле, что он должен ска-

зять: «Да, виновен», если это доказано, или: «Нет, невиновен», если это не доказано, и больше ничего» [3, с. 312].

Однако предложенная модель доказывания неприемлема по нескольким причинам. Судебная оценка доказательств строится на принципе внутреннего убеждения, основанного на законе и совести, как это предписано ч. 1 ст. 17 УПК РФ. Данный принцип предполагает не обычное сложение формальных признаков, а глубокое осмысление совокупности представленных в уголовном деле доказательств. Так, руководствуясь законом и совестью, судья обязан не просто рассмотреть предъявленное обвинение, но всесторонне и объективно проверить его обоснованность, стремясь установить, соответствует ли оно реальным обстоятельствам произошедшего.

Критерии оценки доказательств, установленные ч. 1 ст. 88 УПК РФ, прямо указывают на необходимость исследования доказательств с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и достаточности. Особое значение здесь имеет оценка достоверности. Достоверность доказательства – это, по сути, его способность максимально точно отражать реальное положение вещей. Требование достоверности является прямым указанием на необходимость установления соответствия доказательств реальным обстоятельствам дела, т. е. истины. Без достижения достоверности, позволяющей судить о реальных фактах, невозможно вынести обоснованное и справедливое решение. Судебный процесс, основанный на оценке доказательств по критерию достоверности, по своей сути является процессом активного поиска и установления объективной истины, а не просто формальной процедурой.

Согласно ч. 4 ст. 302 УПК РФ существует императивное требование закона о недопустимости вынесения обвинительного приговора, основанного на предположениях. В данном случае мы можем говорить о том, что суд, вынося обвинительный приговор, обязан быть твердо убежден в виновности подсудимого, преодолев любые сомнения. Отсюда следует, что суд должен руководствоваться объективной истиной. Кроме того, представители стороны обвинения, на практике не ограничиваются исключительно обвинительной деятельностью. При осуществлении функции уголовного преследования они неизбежно сочетают ее с всесторонним и объективным исследованием обстоятельств дела, что является необходимым условием успешного выполнения обвинительной функции. Так, например, следователь, который, согласно п. 47 ст. 5 УПК РФ, отнесен к стороне обвинения, также выполняет ряд функций защиты прав личности, например, разъясняет права и обязанности, обеспечивает безопасность и реализует иные права обвиняемого. Эти аспекты деятельности противоречат концепции, предложенной С. А. Пашиным, которая предполагает одностороннюю обвинительную направленность.

Помимо существующих в научной литературе разногласий, важно акцентировать внимание на еще одном аспекте, подтверждающем относимость установления истины к целям доказывания в уголовном процессе. Речь идет о неразрывной связи между целями и задачами. Задачи могут быть успешно выпол-

нены только при условии достижения поставленных целей. Отсюда возникает закономерный вопрос: возможно ли выполнение текущих задач доказывания, предусмотренных УПК РФ, без установления истины по уголовному делу? По нашему мнению, это невозможно.

Данная взаимосвязь обусловлена как сущностью самого правосудия, так и логикой процессуальной деятельности.

Во-первых, истина является фундаментом для юридической квалификации деяния. Установление фактических обстоятельств дела, т. е. факта преступления, его субъекта и обстоятельств совершения, представляет собой первичную задачу доказывания. Без достоверного знания о том, что имело место в действительности, невозможно корректно применить нормы уголовного права. Ошибки в установлении фактов неизбежно ведут к неверной квалификации, что, в свою очередь, нарушает принцип законности.

Во-вторых, стремление к истине является залогом справедливости и защиты прав личности. Общество, государство и граждане заинтересованы в том, чтобы осуждалось и наказывалось только реально виновное лицо. Игнорирование цели установления истины может привести к осуждению невиновных или, напротив, к оправданию виновных, что дестабилизирует правопорядок и подрывает доверие к правосудию.

В-третьих, существует логическая связь между целями и задачами доказывания. Задачи, такие как всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела, могут быть выполнены лишь в процессе стремления к истине. Отказ от этой цели приводит к формализации процесса, когда доказательства собираются лишь для подтверждения уже имеющейся позиции, а не для установления объективной действительности.

В-четвертых, требование всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, являющееся одной из основополагающих задач доказывания, непосредственно ориентировано на установление истины. Без учета всех значимых фактов, как уличающих, так и оправдывающих, невозможно сформировать подлинное представление о произошедшем.

Итак, мы можем говорить о том, что задача доказывания в уголовном процессе, включающая установление фактических обстоятельств, их юридическую квалификацию, обеспечение справедливости и вынесение обоснованного приговора, неразрывно связана со стремлением к истине. А отказ от этой цели ведет к формализации процесса, нарушению фундаментальных принципов правосудия и невозможности эффективного решения поставленных перед ним задач. Следовательно, установление истины, каким бы образом оно ни проявлялось, должно быть неотъемлемым элементом процесса, без которого задачи доказывания останутся нереализованными.

Размышляя о сущности уголовного процесса, мы также можем столкнуться с определенной точкой зрения, согласно которой поиск истины не выступает его главной целью. Например, по мнению Е. Б. Мизулиной, уголовный процесс – это «технологически устроенное образование, главным для которого яв-

ляется не цель, а результат и способы его достижения» [2, с. 74]. В соответствии с этой точкой зрения уголовное судопроизводство не нацелено на установление истины, а направлено на охрану интересов личности, на точное соблюдение установленной процедуры, т. е. истинным является способ, а не результат уголовно-процессуальной деятельности. Иными словами, истинность в таком понимании принадлежит самому процессу, а не его результату. Однако, как мы уже убедительно показали, подобная трактовка глубоко ошибочна.

Обращаясь к положениям, известным из курса обществознания, мы понимаем истину как знания, которые в свою очередь должны в полном объеме соответствовать действительности, которая отражается в сознании субъекта, в полном соответствии с тем, как они отражены в реальной жизни, независимо от познающего субъекта. Можно выразить характер истины в уголовном процессе с точки зрения объективной категории, которая, будучи знанием, отражает реальные события, соответствующие действительности. Процедуры, закрепленные в УПК РФ, служат непосредственно для установления объективной истины, для раскрытия реальных обстоятельств дела, а не просто для формального соблюдения процессуальным нормам. Когда мы говорим о том, что доказывание состоит из собирания, проверки и оценки доказательств в целях установления обстоятельств, то подтверждаем, что они охватывают все ключевые элементы состава преступления и условия, влияющие на его квалификацию и наказуемость. А это неизбежно ведет к необходимости поиска объективной истины. Так, каждая процессуальная норма, каждый этап уголовного судопроизводства подчинен главной задаче – максимально точному и полному воссозданию картины произошедшего, а не простому соблюдению формальностей.

Вместе с тем, необходимо признать, что установление истины в уголовном процессе действительно может сталкиваться с определенными трудностями. Например, согласно ст. 51 Конституции РФ никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, содержит в себе право не сообщать сведения, которые могут повлечь привлечение к уголовной ответственности. Реализация этого конституционного права может затруднить расследование преступлений, но свидетельские показания не единственные доказательства, предусмотренные ст. 74 УПК РФ. Поэтому мнение о том, что истинным является способ, а не результат весьма ограничено. Истина выступает действительностью, т. е. отражением реальности, которая в итоге выражается в результате.

Исходя из всего выше сказанного, мы можем говорить о том, что согласно действующему УПК РФ, цели доказывания не могут быть сведены исключительно к достижению абсолютной, объективной истины в ее философском, всеобъемлющем понимании. Напротив, они ориентированы на достижение комплекса задач, первостепенной из которых является установление фактических обстоятельств дела. Это включает в себя выяснение факта совершения преступления, идентификацию его субъекта, а также определение всех релевантных обстоятельств, имеющих значение для рассмотрения дела.

Вторым важным направлением является обеспечение правильной юридической квалификации содеянного. Полученные фактические данные должны быть соотнесены с нормами уголовного права, что позволяет определить, какое конкретное преступление было совершено. Лишь после этих этапов возможно обоснованное применение мер уголовного наказания, вынесение обвинительного приговора и, соответственно, достижение справедливости. При этом, установление истины, в ее специфическом, уголовно-процессуальном понимании, несомненно, входит в число основных целей доказывания. Однако следует подчеркнуть, что речь идет не о любой истине, а о материальной (объективной) истине. Это означает, что выводы, суждения и умозаключения, формируемые судом, должны коррелировать с реально существовавшими фактами, отражая действительное положение вещей. Такая истина не является самоцелью, а служит фундаментальной основой для вынесения законного и справедливого решения.

После проведенного исследования ответить на вопрос, является ли установление истины по уголовному делу целью или элементом доказывания, стало намного проще. Сейчас мы с уверенностью можем сказать, что установление истины представляет собой именно цель доказывания, а не его элемент, поскольку истинное знание обстоятельств преступления позволяет обеспечить справедливое судебное разбирательство, защитить права обвиняемого и потерпевшего, а также предотвратить несправедливое осуждение невиновных лиц. Установление истины определяет правомерность обвинительных выводов суда и гарантирует исполнение принципа верховенства закона.

Важно отметить, что процесс достижения истины в уголовном процессе жестко регламентирован законодательством. Он осуществляется не произвольными методами, а исключительно теми способами, которые предусмотрены законом, и с использованием лишь разрешенных законом средств.

В конечном итоге, стремление к истине в уголовном процессе продиктовано высшими интересами общества, государства и каждого гражданина – обеспечить, чтобы осуждению и наказанию подвергался только тот, кто действительно совершил преступление. Мы можем говорить о том, что истина в уголовном процессе – это объективно верное, подтвержденное законными доказательствами, знание о событии преступления и его участниках, достигаемое в строгом соответствии с процессуальными нормами и являющееся основой для справедливого правосудия.

Список источников

1. Большой толковый словарь русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/истина> (дата обращения: 15.11.2025).
2. Мизулина Е. Б. О технологической теории уголовного процесса. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003019888> (дата обращения: 15.11.2025).

3. Пашин С. А. Проблемы доказательственного права // Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии. М., 1995. С. 312, 322.

4. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000840865?ysclid=mian6z02n842320094> (дата обращения: 15.11.2025).

5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) (утратил силу). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения: 15.11.2025).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон № 174-ФЗ от 18.12.2001: принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 15.11.2025).

7. Юридическая истина в уголовном праве и процессе : сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. 16–17 марта 2018 г. / Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» ; под общ. ред. К. Б. Калиновского, Л. А. Зашляпина. СПб. : Петрополис. 2018. URL: https://nwb.rgur.ru/rimg/files/sbornic_05_2018_28_11_2018n_M.pdf (дата обращения: 15.11.2025).

УДК 343.851(075.8)

Попаденко Елена Викторовна

кандидат юридических наук, доцент

Северо-Западный институт (филиал)

Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

г. Вологда, Российская Федерация

popadenkoev@yandex.ru

Частное определение как институт профилактики правонарушений в уголовном процессе: ценностные и организационные аспекты

***Аннотация.** В статье анализируется правовая природа частного определения как судебного акта, направленного на профилактику нарушений закона в уголовном судопроизводстве. Раскрываются его функции, отличия от иных судебных решений, а также роль в укреплении законности как традиционной духовно-нравственной ценности российской правовой системы. Особое внимание уделено организационным недостаткам института, включая отсутствие четкого механизма обжалования, и предложены пути его совершенствования на основе судебной практики и позиций Верховного Суда РФ.*

Ключевые слова: частное определение, профилактика правонарушений, судебное решение, законность, уголовный процесс, духовно-нравственные ценности.

Popadenko Elena Viktorovna

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor

North-West Institute (branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Vologda, Russian Federation

**Private Judicial Ruling as an institution for the prevention of offences
in criminal procedure: value-based and organizational aspects**

***Annotation.** The article analyses the legal nature of a private determination as a judicial act aimed at preventing violations of the law in criminal proceedings. Its functions, distinctions from other judicial decisions, and role in strengthening legality as a traditional spiritual and moral value of the Russian legal system are revealed. Particular attention is paid to organizational shortcomings of the institution, including the lack of a clear appeal mechanism, and ways of its improvement are proposed based on judicial practice and positions of the Supreme Court of the Russian Federation.*

***Keywords:** private determination, prevention of offences, judicial decision, legality, criminal procedure, spiritual and moral values.*

Одной из характерных черт российского уголовного процесса является стремление не только разрешить конкретное уголовное дело, но и обеспечить устойчивое соблюдение закона всеми участниками правоприменительной деятельности. Эту функцию, наряду с приговором, частично выполняет такой специфический судебный акт, как частное определение (или частное постановление), предусмотренное частью 4 статьи 29 УПК РФ.

В отличие от приговора и большинства иных определений и постановлений, частное определение не регулирует ход производства по конкретному делу и не влияет на его исход. Оно адресуется органам, учреждениям или должностным лицам, допустившим нарушения, которые, однако, не повлияли на законность и обоснованность приговора. Тем самым суд, не вмешиваясь в суть дела, реализует свою профилактическую функцию, направленную на устранение системных недостатков в деятельности правоохранительных структур.

С точки зрения классификации, частное определение занимает особое место в системе судебных решений. Оно не обладает ни преюдициальной, ни исполнительной силой в строгом смысле, однако порождает юридическую обязанность у адресата принять меры по устранению выявленных нарушений и сообщить суду о принятых мерах. Таким образом, частное определение представляет собой форму «мягкого» судебного контроля, направленную на коррекцию поведения лиц, не являющихся сторонами по делу [4].

Эта функция приобретает особую значимость в контексте укрепления цивилизационных основ российского правосудия. Законность, как одна из традиционных духовно-нравственных ценностей, требует не только кары за нарушение, но и постоянного предупреждения подобных случаев. Частное определение, направленное, например, на нарушения сроков следствия, ненадлежащее оформление процессуальных документов или бездействие в обеспечении безо-

пасности участников процесса, служит именно этой цели – укреплению внутренней дисциплины органов уголовного преследования.

Согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ, выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления или нарушению прав и свобод граждан, является обязательной задачей суда при рассмотрении любого уголовного дела [6, п. 23]. Более того, судам рекомендуется выносить частные определения по таким категориям дел, как преступления экстремистской направленности [8, п. 26], преступления против военной службы [5, п. 121].

Тем не менее, практика демонстрирует два полярных подхода к применению института. С одной стороны, имеет место эффективное использование частного определения как инструмента системного контроля. Так, в деле в отношении судьи Ч. апелляционная инстанция вынесла частное определение в связи с грубыми нарушениями: неоглашением и неисследованием доказательств, оглашением приговора без проведения судебного заседания, фальсификацией процессуальных документов [9]. Это определение стало одним из юридических оснований для последующего досрочного прекращения полномочий судьи. Случай судьи Ч. показывает, что при надлежащей мотивировке частное определение может выполнять не только профилактическую, но и репрессивно-контрольную функцию.

С другой стороны, нередки случаи формального и необоснованного вынесения частных определений. Так, Первый апелляционный суд общей юрисдикции отменил частное постановление, вынесенное в адрес прокурора Донецкой Народной Республики, поскольку в его тексте отсутствовали конкретные указания на допущенные нарушения [3]. Суд подчеркнул, что такое постановление не соответствует требованиям законности, обоснованности и мотивированности (ч. 4 ст. 7 УПК РФ) и поэтому является необоснованным.

Более того, отсутствие четкого механизма обжалования снижает доверие к институту. Хотя УПК РФ прямо не регламентирует порядок обжалования частных определений, Верховный Суд РФ признает право заинтересованных лиц защищать свои интересы. Согласно позиции Пленума, апелляционная жалоба на частное постановление может быть подана до вынесения итогового решения по делу [7, п. 6], а кассационная – в течение шести месяцев после вступления в силу. На практике следователи успешно обжаловали необоснованные частные определения, доказывая их несоответствие материалам дела [10]. Однако пробел в законе сохраняется: не всегда разъясняются сроки и порядок подачи жалобы, не предусмотрены стандартные формы, что снижает эффективность института и подрывает права лиц, в отношении которых вынесено определение.

Суды также нередко упускают возможности для профилактики. Например, в одном из дел по ч. 1 ст. 264 УК РФ суд первой инстанции отклонил ходатайство защиты об истребовании документов от «Мурманскавтодор» о состоянии дороги, что напрямую влияло на установление причин ДТП. Апелляционная инстанция согласилась с таким решением, при этом не вынесла частного определения на действия суда, нарушившего право стороны на доказывание [2].

К типичным нарушениям, требующим профилактики, относятся и нарушения при ознакомлении обвиняемого с материалами дела. В одном из дел обвиняемому было предоставлено менее 10 дней для ознакомления с 16 томами материалов [1]. Подобные сроки, не позволяющие реально изучить дело, фактически лишают обвиняемого права на защиту (статьи 47, 217 УПК РФ). Однако в судебной практике такие случаи не всегда становятся поводом для вынесения частного определения.

На практике эффективность института остается низкой. Отсутствие механизма принудительного исполнения рекомендаций суда, формальный характер многих определений, а также отсутствие системы учета и контроля за их исполнением сводят на нет профилактический потенциал.

В целях повышения эффективности института частного определения представляется целесообразным рассмотреть следующие направления совершенствования:

1) закрепить обязательность процедуры отчетности должностных лиц и органов о принятых мерах в ответ на частное определение с последующим информированием суда;

2) рекомендовать судам при обобщении судебной практики включать в ежегодные обзоры анализ исполнения частных определений, особенно по тем категориям дел, которые выделены Пленумом Верховного Суда РФ как требующие особого внимания;

3) повышать мотивированность частных определений за счет отказа от шаблонных формулировок и четкого указания на нарушенную норму закона, конкретные обстоятельства нарушения и потенциальные риски, с ним связанные;

4) рассмотреть возможность размещения в анонимной форме наиболее показательных частных определений на официальных сайтах судов – в качестве инструмента транспарентности и общественного контроля;

5) рассмотреть вопрос о законодательном закреплении в УПК РФ четкого порядка обжалования частных определений, включая сроки, процессуальные формы и гарантии прав заинтересованных лиц.

Таким образом, частное определение – это не просто процессуальный акт, а важный элемент системы гарантий законности, отражающий ответственность судебной власти за качество всей правоохранительной деятельности. Его надлежащая реализация способствует не только исправлению конкретных нарушений, но и укреплению авторитета правосудия как одного из краеугольных камней российской государственности и ее цивилизационной идентичности.

Список источников

1. Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 05.04.2021 по делу № 55-K263/2021. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.12.2025).

2. Апелляционное постановление Мурманского областного суда от 13.07.2021 по делу № 22-785/2021. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.12.2025).

3. Апелляционное постановление Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 19.08.2024 № 55-1120/2024. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.12.2025).

4. Багаутдинов Ф. Н. Частное постановление суда: актуальные вопросы вынесения и обжалования // Уголовное судопроизводство. 2020. № 3. С. 24–28.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.12.2025).

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.12.2025).

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 «О применении норм УПК РФ, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.12.2025).

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.12.2025).

9. Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 12.11.2024 № ДК24-120. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.12.2025).

10. Черемисина Т. В. Обжалование следователем частных постановлений суда // Мировой судья. 2021. № 2. С. 45–50.

УДК 347. 214.2

Румянцева Мария Михайловна

магистрант, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

marina.vlasov2011@yandex.ru

Сравнительный анализ отнесения объектов строительства к недвижимому имуществу в Российской Федерации и Республике Беларусь

Аннотация. В статье проведен анализ гражданского и градостроительного законодательства с целью сравнительного исследования критериев отнесения объектов строительства к недвижимости, применяемых в Российской Федерации и Республике Беларусь, для выявления характерных признаков системы определения недвижимого имущества

и возможности внедрения некоторых черт иностранной системы с поправкой на специфику Российской Федерации.

Ключевые слова: недвижимые вещи, недвижимое имущество, недвижимость, объекты капитального строительства, несоразмерный ущерб, перемещение объектов капитального строительства, прочная связь с землей, регистрация права.

Rumyantseva Maria Mikhailovna

undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Comparative analysis of the classification of construction objects as real estate in the Russian Federation and the Republic of Belarus

Annotation. *The article analyzes civil and urban planning legislation in order to conduct a comparative study of the criteria for classifying construction objects as real estate in the Russian Federation and the Republic of Belarus, in order to identify the specific features of the system for determining real estate and the possibility of introducing some features of the foreign system, taking into account the specifics of the Russian Federation.*

Keywords: *immovable things, real estate, construction objects, disproportionate damage, relocation of construction objects, strong connection with the land, registration of rights.*

Проблема определения и характеристики критериев отнесения объектов строительства к разряду движимого или недвижимого имущества в настоящее время приобретает все большую актуальность в российской юридической литературе. В реальной жизни и правоприменительной практике критерии характеристики объекта имеют особое значение. Если имущество будет определено как недвижимое, то к нему применяется особый правовой режим регулирования, в отличие от движимого имущества, например недвижимость подлежит государственной регистрации права, кадастровому учету, особому порядку налогообложения и наследования.

В то же время налицо сложность безусловного разграничения двух понятий, а именно «движимое имущество» и «недвижимое имущество» в рамках правового поля. Современные технологии капитального строительства, инженерные новации процесса реконструкции и (или) капитального ремонта объектов строительства затрудняют квалификацию объекта строительства в судебных инстанциях при анализе фактических данных, представленных сторонами судебного процесса.

Актуализация интереса к действующему законодательству Республики Беларусь связана как с историей государства, так и современной его политикой. Россию и Республику Беларусь издавна связывают самые тесные экономические, политические, культурные связи. Известно, что между нашими странами, единственными на всем постсоветском пространстве, 8 декабря 1999 года был заключен Договор о создании Союзного государства, а в его рамках подписан ряд соглашений, нацеленных на реализацию положений договора. К настоящему времени двусторонние связи двух государств значительно расширились и укрепились по всем направлениям сотрудничества, в том числе разрабатыва-

ются проекты строительства крупных российско-белорусских промышленных комплексов.

В данной работе представлено сравнительное исследование критериев отнесения объектов строительства к недвижимости, применяемых в законодательствах Российской Федерации и Республики Беларусь.

В законодательстве РФ ключевые правовые категории содержит Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ). Понятия «движимость» и «недвижимость» в кодексе отсутствуют, а даны понятия «движимые вещи / имущество» и «недвижимые вещи/имущество» [1].

Исходя из положений статьи 130 ГК РФ, к недвижимым вещам относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, т. е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. Также – вещи, признаваемые недвижимыми по закону. Движимым имуществом признаются вещи, не относящиеся к недвижимости, включая деньги и ценные бумаги. На недвижимое имущество требуется ряд дополнительных действий в правовом поле, в то время как регистрация прав на движимые вещи не требуется, кроме особых случаев, указанных законодательством.

Анализируя указанные в статье 130 ГК РФ критерии недвижимости можно разделить их на три основные категории:

- 1) объекты природы, недвижимые в силу естественного их происхождения – т. е. земля, ее недра;
- 2) объекты, которые имеют тесную связь с землей, так что при их перемещении нарушается функция, или функциональное назначение самого объекта;
- 3) объекты, которые признаны недвижимым имуществом по закону.

Однако очевидно, что в совокупности эти объекты не содержат какого-либо одного общего признака, общего критерия, который можно было бы принять в качестве универсального и применить на практике для отнесения того или иного объекта к недвижимому имуществу.

Дополнительные правовые основания для определения сооружения как недвижимого имущества содержатся в правовом поле о государственной регистрации прав, кадастровом учете, налогообложении и наследовании. Вместе с тем квалификация объектов недвижимости основывается на совокупности не только правовых, но и технических характеристик объекта.

Градостроительный кодекс Российской Федерации (далее – ГрК РФ) закрепляет такие понятия, как объект капитального строительства и некапитальные строения, сооружения:

– объект капитального строительства – здание, строение, сооружение, объекты, строительство которых не завершено (далее – объекты незавершенного строительства), за исключением некапитальных строений, сооружений и неотделимых улучшений земельного участка (замощение, покрытие и другие);

– некапитальные строения, сооружения – строения, сооружения, которые не имеют прочной связи с землей и конструктивные характеристики которых

позволяют осуществить их перемещение и (или) демонтаж, а также последующую сборку без несоразмерного ущерба назначению, без изменения основных характеристик строений, сооружений (в том числе киосков, навесов и других подобных строений, сооружений) [2, ст. 1].

По общему правилу (часть 2 статьи 51 ГрК РФ) строительство и реконструкция объектов капитального строительства осуществляется на основании разрешения на строительство. Статьями 51 и 55 ГрК РФ предусмотрен порядок выдачи разрешения на строительство и разрешения на ввод объектов капитального строительства в эксплуатацию, а также дальнейший порядок постановки их на кадастровый учет и регистрацию прав.

Пунктом 2 части 17 статьи 51 ГрК РФ установлены исключения, при которых выдача разрешения на строительство не требуется в случае строительства, реконструкции объектов, не являющихся объектами капитального строительства.

При этом для создания объектов в форме некапитальных строений, отличительной чертой которых является возможность свободного перемещения их «без нанесения несоразмерного ущерба» своему назначению, включая возможность их демонтажа (сноса) с разборкой на составляющие сборно-разборные перемещаемые конструктивные элементы, предусмотрен упрощенный порядок осуществления градостроительной деятельности. Не требуется прохождения экспертизы проектной документации, оформления разрешений на строительство, осуществления строительного надзора, регистрации права, а также налогообложения этих объектов.

Техническими критериями оценки имущества как недвижимого, согласно сложившейся судебной практике, считаются отсутствие или наличие фундамента, либо наличие мелко заглубленного фундамента (монолитная плита), а также подведение коммуникаций, особенности применяемых конструкций (монолит или легковозводимые конструкции). Соответственно, и юридическим критерием недвижимого имущества будет квалификация данного объекта нормативно-правовыми актами, основанными на правовой связи земельного участка и объекта недвижимости,

Из этого следует, что объекты некапитального строительства, которые не имеют фундамента, не связаны с землей, и для возведения которых не нужна разрешительная документация, являются движимым имуществом. К недвижимости они не относятся, так как их можно переместить в другое место без потери качеств самого объекта. Следовательно, движимое имущество – то, которое можно переместить или перевезти (например, автомобиль, фургон), а небольшой домик (например, из бруса), киоск, гараж на фундаменте (прочная связь с землей, переместить без повреждений конструкции невозможно) будет недвижимым имуществом. В то же время киоск, гараж, модульное строение в настоящее время можно построить без прочного основания – фундамента, и в та-

ком случае их можно перемещать без потери функциональности, т. е. – это уже движимое имущество.

Развитие технологий строительства уже в XX веке привело к возможности перемещать капитальные сооружения с одного места на другое. В том числе в российской истории имели место случаи перемещения многоквартирных домов без выселения жителей (расширение улицы Тверской в городе Москве в 1930 году). Всего на новое место было перенесено около десяти объектов-зданий, а также памятник А. С. Пушкину. Будучи передвинуты, все они не утратили едва ли не основной правовой критерий объекта недвижимости – связь с землей, и сохранили функциональное назначение на новом месте. То есть эти сооружения остались объектами недвижимости.

В современном строительстве широко распространены объекты с применением таких конструкций как мелко заглубленная монолитная плита в виде фундамента, либо винтовых свай, также каркас здания из металлоконструкций на болтовых соединениях, которые не только подразумевают сборку и разборку конструкции здания в том же виде на другом месте, но и подключение к сетям инженерно-технического обеспечения (кроме газоснабжения) независимо от общей площади объекта. Если исходить из выводов судебной практики, подобные объекты могут быть расценены как объекты некапитального строительства. Однако при стандартных условиях подобные решения, если объект еще и общей площадью более 1500 кв. м. уже подлежат согласно ст. 49 ГрК РФ экспертизе проектной документации, строительному надзору контролирующими уполномоченными органами, получению разрешительной документации и, соответственно расцениваются как объекты капитального строительства.

В недавнем письме Минстроя России (№ 46420-ЕБ/08 от 7 августа 2025 года) разъясняется, что вопрос об отнесении создаваемого сооружения к недвижимости должен определяться «на этапе проектирования» объекта и «по результатам строительства такой объект должен отвечать признакам недвижимости, определенным ГК РФ и быть способным выступать в гражданском обороте в качестве отдельного объекта гражданских прав» [3].

Таким образом, законодательство России содержит ряд признаков, позволяющих относить объект к категории недвижимого имущества, а также выделены критерии квалификации капитального и некапитального сооружения. Вместе с тем, развитие современных технологий строительства ставит актуальную задачу совершенствования технических критериев в рамках правовой характеристики оценки имущества как недвижимого. Это необходимо и для преодоления трудностей в правоприменительной практике, так как определение капитальности объекта должно происходить в пределах правовой нормы, а не зависеть от позиции частных лиц.

Гражданский кодекс Республики Беларусь [4, ст. 130] содержит категории «недвижимость», «недвижимое имущество», недвижимая вещь». По формулировкам содержания и смысловой нагрузке прослеживается сходство с правовы-

ми нормами гражданского права Российской Федерации. Пункты 1, 2 данной статьи относят к недвижимым вещам земельные участки, участки недр, поверхностные водные объекты и все, что прочно связано с землей, т. е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе леса, многолетние насаждения, капитальные строения (здания, сооружения), незавершенные законсервированные капитальные строения, изолированные помещения, машино-места.

К недвижимым вещам также приравняются предприятие в целом как имущественный комплекс; подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, суда плавания «река-море»; космические объекты. Как и в законодательстве РФ, «иное имущество» по закону в Беларуси может быть признано как недвижимое. Вещи, не относящиеся к недвижимости, включая деньги и ценные бумаги, признаются движимым имуществом. Регистрации прав на движимые вещи не требуется, кроме случаев, указанных в законодательстве.

Согласно статье 1 Кодекса Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, капитальное строение (здание, сооружение) определено как объект, прочно связанный с землей или являющийся подземным, перемещение которого невозможно без нанесения ущерба его целостности и (или) функциональному назначению [5].

Наряду с Кодексом действует Постановление Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 26.10.2020 № 63, которое утверждает строительные нормы республики Беларусь (СН 3.02.07-2020) «Объекты строительства. Классификация» (далее – СН 3.02.07-2020) [6]. Строительные нормы разрабатывались как технические критерии, предназначенные для определения класса сложности объектов строительства, а также входящих в их состав зданий и сооружений. Они устанавливают классификацию объектов (сооружений) при осуществлении архитектурной и строительной деятельности.

Не подлежат классификации:

- а) объекты, не относящиеся к объектам строительства;
- б) размещаемые без получения в установленном порядке разрешительной документации на строительство, за исключением установленных законодательством случаев отсутствия необходимости ее получения;
- в) изолированные помещения зданий и сооружений;
- г) технологическое оборудование и трубопроводы, предназначенные для осуществления технологических процессов в соответствии с функциональным назначением зданий и сооружений;
- д) инженерные сети и оборудование, размещаемые в эксплуатируемых зданиях и сооружениях.

Пунктами 4.1, 4.2, 4.3 раздела 4 СН 3.02.07-2020 установлено, что капитальные здания и сооружения относятся к одному из пяти классов сложности в соответствии с разделом 5 СН 3.02.07-2020, где первый класс – наивысший,

а пятый – наименьший. Основанием для принятия решения по отнесению здания или сооружения к определенному классу сложности являются технические характеристики (высота, объем, площадь, вместимость, протяженность здания или сооружения и др.), а также наименования объектов строительства.

В качестве дополнительных критериев учитываются функциональное назначение зданий и сооружений, их технико-экономические характеристики, прогнозируемые экономические, социальные и (или) экологические последствия при аварии на объекте. Следует заметить, что здания и сооружения классифицируют независимо от нормативного срока эксплуатации.

Класс сложности объекта строительства определяется:

- для объекта строительства, в состав которого входит одно здание (сооружение) или одно из зданий (сооружений) в составе комплекса зданий (сооружений), – соответствующий классу сложности этого здания (сооружения);
- объекта строительства, в состав которого входит несколько зданий и (или) сооружений, – соответствующий наивысшему классу сложности здания и (или) сооружения, входящего в состав объекта строительства;
- объекта строительства, выделяемого из существующего здания (сооружения),
- соответствующий классу сложности здания (сооружения), из которого он выделяется.

При этом, понятия «некапитальное строение», «объект некапитального строительства» как таковые в законодательстве Республики Беларусь отсутствуют. Это показывает, что объекты, отвечающие определенным критериям, классам сложности, перечисленным в СН 3.02.07–2020 рассматриваются как капитальные строения (сооружения) и подлежат регистрации права.

Сравнительно-правовое изучение законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь показало наличие сходства в правовой терминологии и содержании категорий «движимое имущество», «недвижимость», «недвижимое имущество».

Мы полагаем, что с точки зрения технических характеристик, необходимых наряду с правовыми, для признания объекта (сооружения) недвижимостью, законодательные акты Республики Беларусь содержат достаточно четкие и обоснованные критерии классификации по группам объектов строительства. Белорусский опыт может быть использован в российском праве при разработке критериев квалификации объектов недвижимости в капитальном строительстве, и он полезен для уточнения правового обеспечения объектов некапитального строительства.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.05.2025).

2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.05.2025).

3. Письмо Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 7 августа 2025 года № 46420-ЕБ / 08) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.11.2025).

4. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/> (дата обращения: 12.05.2025).

5. Кодекс Республики Беларусь от 17 июля 2023 г. № 289-3 «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/> (дата обращения: 12.05.2025).

6. Строительные нормы Республики Беларусь. Утверждены постановлением Министерства архитектуры и строительства от 26.10.2020 № 63 (СН 3.02.07–2020) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/> (дата обращения: 12.05.2025).

УДК 343.23

Семов Никита Ильич

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

nikitasemov44@gmail.com

Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества в отношении некоммерческих организаций, в частности потребительских кооперативов

Аннотация. Статья посвящена проблемным аспектам квалификации преступных деяний, предусмотренных статьей 185.5 УК РФ («Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества»), в отношении некоммерческих организаций, в частности потребительских кооперативов. Автором анализируется диспозиция указанной статьи, которая прямо ограничена рамками хозяйственных обществ, что создает правовой пробел в уголовно-правовой защите интересов пайщиков потребительских кооперативов. В статье обосновывается необходимость

законодательного расширения круга субъектов преступления, а также предлагаются конкретные пути решения выявленной проблемы.

Ключевые слова: уголовная ответственность, фальсификация решений, потребительский кооператив, хозяйственное общество, некоммерческая организация, статья 185.5 УК РФ, правовой пробел.

Semov Nikita Ilyich

student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Falsification of a decision of the general meeting of shareholders (participants) of a business entity or a decision of the board of directors (supervisory board) of a business entity), in relation to non-profit organizations, in particular consumer cooperatives

***Annotation.** The article is devoted to the problematic aspects of qualifying criminal acts under Article 185.5 of the Criminal Code of the Russian Federation ("Falsification of a decision of the general meeting of shareholders (participants) of a business company or a decision of the board of directors (supervisory board) of a business company") in relation to non-profit organizations, in particular consumer cooperatives. The author analyze the disposition of this article, which is expressly limited to business companies, creating a legal gap in the criminal law protection of the interests of members of consumer cooperatives. The article substantiates the need for legislative expansion of the circle of subjects of the crime and proposes specific ways to solve the identified problem.*

***Keywords:** criminal liability, falsification of decisions, consumer cooperative, business company, non-profit organization, Article 185.5 of the Criminal Code of the Russian Federation, legal gap.*

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) [5] в статье 185.5 устанавливает ответственность за фальсификацию решений органов управления хозяйственного общества. Данная норма была введена для защиты корпоративных отношений и интересов участников (акционеров) коммерческих организаций от злоупотреблений, связанных с подлогом итогов голосования или протоколов. Актуальность данной статьи не вызывает сомнений, поскольку она направлена на обеспечение легитимности и достоверности ключевых управленческих решений.

Однако анализ диспозиции статьи 185.5 УК РФ позволяет выявить существенный пробел в уголовно-правовом регулировании. Законодатель ограничил сферу действия этой нормы только хозяйственными обществами (акционерными обществами и обществами с ограниченной ответственностью), не включив в нее иные организационно-правовые формы юридических лиц, в которых также проводятся общие собрания и принимаются решения, имеющие определяющее значение для судьбы организации и имущественных прав ее членов. В первую очередь, это касается некоммерческих организаций, а именно потребительских кооперативов.

Потребительский кооператив, в соответствии с гражданским законодательством (статья 123.2 Гражданского кодекса РФ [1]), является добровольным объединением граждан и юридических лиц на основе членства

с целью удовлетворения материальных и иных потребностей участников. Высшим органом управления кооператива является общее собрание его членов (пайщиков), решения которого обязательны для исполнения. Таким образом, фальсификация решений общего собрания пайщиков потребительского кооператива (например, путем внесения заведомо ложных сведений в протокол, искажения результатов голосования по вопросам об избрании правления, утверждении отчетности, распределении прибыли или даже о реорганизации и ликвидации) способна причинить реальный крупный имущественный ущерб пайщикам, подорвать основы кооперативной демократии и стать инструментом захвата контроля над активами кооператива.

В настоящее время такая деятельность, даже при наличии прямого умысла и корыстной мотивации, не подпадает под признаки состава преступления, предусмотренного статьей 185.5 УК РФ, поскольку кооператив не является хозяйственным обществом. Фактически, уголовно-правовая защита интересов пайщиков потребительского кооператива от фальсификации решений их высшего органа управления отсутствует. Подобные действия могут быть квалифицированы лишь по статьям о подлоге документов (статья 327 УК РФ) или, при наличии признаков мошенничества, по статье 159 УК РФ, что не в полной мере отражает специфику и общественную опасность именно корпоративного подлога.

Для иллюстрации проблемы можно обратиться к анализу судебной практики. В базе судебных решений практически отсутствуют дела, где субъектом преступления выступал бы потребительский кооператив или иная некоммерческая организация. Это не свидетельствует об отсутствии правонарушений, а подтверждает существование квалификационного барьера, препятствующего привлечению к ответственности виновных лиц в кооперативах.

Исходя из проведенного анализа, можно выявить следующие ключевые проблемы:

1. Прямое ограничение диспозиции статьи 185.5 УК РФ. Законодательная формулировка «хозяйственное общество» исключает возможность применения данной нормы к потребительским кооперативам, несмотря на тождественность объекта посягательства – интересов членов организации и легитимности управления.

2. Наличие правового вакуума. Действия по фальсификации решений общего собрания пайщиков кооператива, являющиеся общественно опасными и причиняющие ущерб, не находят адекватной уголовно-правовой оценки в специальной норме.

3. Нарушение принципа равенства защиты прав. Участники хозяйственных обществ защищены специальной уголовно-правовой нормой от фальсификации решений, в то время как пайщики потребительских кооперативов, чьи имущественные взносы и интересы также могут быть существенно задеты, такой защиты лишены.

В научной литературе вопросы квалификации преступлений в сфере корпоративных отношений освещаются достаточно широко [2–4], однако проблема применимости статьи 185.5 УК РФ к некоммерческим организациям остается периферийной.

Для решения обозначенных проблем предлагаются следующие пути.

1. Внесение изменений в диспозицию статьи 185.5 УК РФ. Наиболее эффективным и логичным способом является законодательное расширение круга субъектов преступления. Целесообразно изложить диспозицию части 1 статьи 185.5 УК РФ в следующей редакции: *«Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества, решения общего собрания членов (пайщиков) потребительского кооператива или иного некоммерческого корпоративного юридического лица, либо решения совета директоров (наблюдательного совета, правления) такого общества, кооператива или юридического лица...»*. Данное изменение позволит распространить уголовно-правовую охрану на отношения, возникающие в потребительских кооперативах, и ликвидирует существующий правовой пробел.

2. Повышение правовой грамотности и активности пайщиков. Необходимо информировать членов потребительских кооперативов о возможных рисках фальсификации и существующих гражданско-правовых механизмах оспаривания решений собраний (статья 181.5 ГК РФ). Это может способствовать более активному выявлению нарушений и обращению в правоохранительные органы, что, в свою очередь, актуализирует проблему и стимулирует законодательные изменения.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о наличии существенного пробела в уголовном законодательстве России. Норма статьи 185.5 УК РФ, призванная защищать основы корпоративного управления, в силу своей узкой диспозиции не обеспечивает охрану идентичных правоотношений в потребительских кооперативах. Это создает условия для безнаказанности лиц, фальсифицирующих решения общих собраний пайщиков, и ставит под угрозу их имущественные права. Наиболее адекватным решением является прямая законодательная инициатива по расширению предметной стороны статьи 185.5 УК РФ, включив в нее потребительские кооперативы и иные корпоративные некоммерческие организации.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.02.2025). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 09.11.2025).

2. Баранова Н. А. Проблемы квалификации фальсификации решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-falsifikatsii->

resheniya-obschego-sobraniya-aktsionerov-uchastnikov-hozyaystvennogo-obschestva-ili-resheniya (дата обращения: 09.11.2025).

3. Бочков П. В., Моторкин Н. В. Подделка протоколов осс мкд: гражданский и уголовно-правовые аспекты. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poddelka-protokolov-oss-mkd-grazhdanskoj-ugolovno-pravovoy-aspekty> (дата обращения: 09.11.2025).

4. Исаев О. Ю. Уголовно-правовая характеристика фальсификации решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества (ст. 1855 УК РФ). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-harakteristika-falsifikatsii-resheniya-obschego-sobraniya-aktsionerov-uchastnikov-hozyaystvennogo-obschestva-ili> / (дата обращения: 09.11.2025).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 09.11.2025).

УДК 342.922

Сироткина Ксения Андреевна

магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация

Ганжа Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
nat_ganzha@mail.ru

**Некоторые проблемы административной ответственности
законных представителей несовершеннолетних за неисполнение
или ненадлежащее исполнение обязанностей
по их содержанию и воспитанию**

***Аннотация.** В статье раскрываются некоторые проблемы административной ответственности законных представителей несовершеннолетних за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по их содержанию и воспитанию. Исследование основных положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях позволяет сделать вывод, что санкция в ст. 5.35 не соответствует современным реалиям. Приводятся примеры из правоприменения, авторские позиции. Сформулированы предложения по оптимизации статьи 5.35 КоАП РФ в соответствии с действующими правовыми, социальными российскими условиями.*

***Ключевые слова:** несовершеннолетние, административная ответственность, несоответствующие санкции, законные представители, воспитание и содержание детей, ненадлежащее исполнение обязанностей.*

Sirotkina Kseniya Andreevna
undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Ganzha Natalia Vladimirovna
candidate of law, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

**Some problems of administrative liability of legal representatives
of minors for non-fulfillment or improper fulfillment
of their duties to provide for and raise them**

***Annotation.** The article reveals some of the problems of administrative liability of legal representatives of minors for failure to fulfill or improper fulfillment of their duties to provide for and raise them. The study of the main provisions of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation allows us to conclude that the sanction in Article 5.35 does not correspond to modern realities. Examples from law enforcement and the author's positions are provided. Proposals are formulated to optimize Article 5.35 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in accordance with the current legal and social conditions in Russia.*

***Keywords:** minors, administrative responsibility, disproportionate sanctions, legal representatives, upbringing and maintenance of children, improper performance of duties.*

Конституция Российской Федерации [1] устанавливает детей в качестве приоритетного субъекта государственной политики (ст. 67.1), а также устанавливает основные принципы защиты семьи и ответственного родительства (ст. ст. 38, 72). При этом, следует констатировать факт, что не всегда обязанности по содержанию и воспитанию детей исполняются надлежащим образом.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях содержит ст. 5.35 «Неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних» [2], на основании которой лица, ответственные за воспитание и содержание детей, могут быть привлечены к административной ответственности в виде предупреждения или наложения административного штрафа. Данное законодательное положение является одним из основных правовых инструментов, используемых комиссиями по делам несовершеннолетних и органами внутренних дел (полицией) для реагирования на случаи семейного неблагополучия и ненадлежащего исполнения родительских функций. Кроме того, ст. 5.35 КоАП РФ фактически единственная среди законодательных актов, которая сформулирована подобным образом. Однако санкции, которые установлены в ст. 5.35 КоАП РФ представляются несоразмерными в современной действительности.

Важно подчеркнуть, что в соответствии с определением Верховного Суда РФ от 20 августа 2014 г. по делу № 3-12/14 [3], утвержден вектор судебной практики в той части, что правоприменительная практика в области административной ответственности родителей за неисполнение своих обязанностей по

воспитанию и т. д. детей не может расширяться за счет регионального законодательства. Верховный Суд РФ мотивировал свое решение по вышеуказанному определению тем, что ст. 5.35 КоАП РФ охватывает все случаи неисполнения родителями своих обязанностей и поэтому невозможно принятие субъектами РФ правовых норм, устанавливающих дополнительную ответственность по данному составу административного правонарушения.

Также стоит отметить тот факт, что отсутствие квалифицирующих признаков в ст. 5.35 КоАП РФ ставит родителей, чьи дети совершили административное правонарушение (разной степени общественной опасности), и родителей, чьи дети совершили преступление, фактически в равное положение.

В качестве примера обозначим ситуация, которая произошла в г. Керчь [4]. Молодой человек, ворвавшись в образовательное учреждение устроил стрельбу, где погибли люди. Данная ситуация вызвала сильнейший общественный резонанс. Родителей «керченского стрелка» привлекли к административной ответственности по ст. 5.35 КоАП РФ и в качестве санкции был избран штраф в размере 500 рублей.

Также обозначим следующий пример из практики. Мать несовершеннолетнего была признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, и ей было назначено наказание в виде административного штрафа в размере 500 (пятист) рублей [5]. Основанием для привлечения послужил протокол ОМВД России о том, что ее несовершеннолетний сын, не достигший возраста 16 лет, совершил мелкое хулиганство (выражался нецензурной бранью в общественном месте в присутствии граждан). Факт ненадлежащего исполнения родительских обязанностей матерью подтверждается материалами дела об административном правонарушении, совершенном ее сыном.

Как следствие, родители ребенка, совершившего незначительное административное правонарушение (например, мелкое хулиганство), и родители ребенка, совершившего особо тяжкое преступление (как в трагическом случае в Керчи), формально несут одинаковую административную ответственность – минимальный штраф.

Данное положение, по нашему мнению, является дискреционным и не отвечает принципам соразмерности и социальной справедливости. Это связано с тем, что размер штрафа в 500 рублей несоизмерим с общественной опасностью действий, которые стали возможными из-за критического неисполнения родительских обязанностей в случае тяжких и особо тяжких преступлений. Также система правосудия в данном случае ограничивается формальным привлечением к ответственности по административной статье, игнорируя масштаб трагедии и глубину родительской вины.

Данную проблему обсуждают и в научной литературе. К примеру, Е. И. Сотникова [6] приходит к выводу «о необходимости коррекции указанных мер административной ответственности с целью обеспечения их спра-

ведливого назначения родителям и иным законным представителям несовершеннолетних».

На наш взгляд, необходимо внести изменения в санкцию ч. 1 ст. 5.35. КоАП РФ. Действующая в настоящее время санкция была введена Федеральным законом от 22.06.2007 № 116-ФЗ. Соответственно, следует констатировать факт, что в 2025 году такая санкция изжила и отвечает требованиям существующей действительности.

Кроме того, следует усилить санкции, предусмотренные ст. 5.35 КоАП РФ за административные правонарушения взрослых в отношении детей. Такие изменения должны быть как качественными, так и количественными. В качестве примера обозначим повышение санкций в сфере нарушения правил дорожного движения: в результате количество административных правонарушений, совершаемых водителями, сильно сократились.

Также в качестве профилактической меры, предлагаем положение ст. 5.35 КоАП РФ дополнить частью с указанием на усиление ответственности для родителей, систематически не исполняющих свои обязанности, при этом, не прибегая к семейно-правовой ответственности.

Данные меры усилят профилактические мероприятия, которые направлены на искоренение безразличного отношения к воспитанию родителями своих несовершеннолетних детей. По нашему мнению, данные изменения помогут материально воздействовать на родителей и возможно хотя бы какой-то процент недобросовестных родителей обратят внимание на воспитание своих детей.

Таким образом, предлагаем изложить ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в следующей редакции:

«1. Неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних – влечет предупреждение или наложение административного штрафа в размере от трех тысяч до семи тысяч рублей.

2. Нарушение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних прав и интересов несовершеннолетних, выразившееся в лишении их права на общение с родителями или близкими родственниками, если такое общение не противоречит интересам детей, в намеренном сокрытии места нахождения детей помимо их воли, в неисполнении судебного решения об определении места жительства детей, в том числе судебного решения об определении места жительства детей на период до вступления в законную силу судебного решения об определении их места жительства, в неисполнении судебного решения о порядке осуществления родительских прав или о порядке осуществления родительских прав на период до вступления в законную силу судебного решения либо в ином воспрепятствовании осуществлению родителями прав на воспитание и образование детей и на защиту их прав и интересов, –

влечет наложение административного штрафа в размере от семи тысяч до десяти тысяч рублей.

3. Повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 1 или 2 настоящей статьи, –

влечет наложение административного штрафа в размере от десяти тысяч до пятнадцати тысяч рублей, либо административный арест на срок до пяти суток, либо обязательные работы на срок от двадцати до сорока часов».

Таким образом, предложенные законодательные изменения позволят восстановить превентивную функцию закона, а также обеспечит экономическое стимулирование родительской ответственности. В конечном итоге, данные меры должны привести к снижению уровня «бытовой безнадзорности», когда дети формально живут в семье, но фактически предоставлены сами себе. Это позволит выявлять семейное неблагополучие на ранних стадиях, профилактировать асоциальное поведение несовершеннолетних и предотвращать совершение детьми более тяжких правонарушений и преступлений, ведь именно от семейного воспитания зависит характер и привычки несовершеннолетних.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 08.12.2025).

2. Российская Федерация. Законы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 07.12.2025).

3. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 августа 2014 г. по делу № 3-12/14. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 08.12.2025).

4. Привлечение к административной ответственности родителей «керченского стрелка». URL: <https://m.primmedia.ru/news/267/politics/politics/7174-roditeli-kercenskogo-strelka-zaplatat-straf-v-500-rublej> (дата обращения: 08.11.2025).

5. Решение Оренбургского областного суда № 21-295/2025 от 20 мая 2025 г. по делу № 21-295/2025. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 08.12.2025).

6. Сотникова Е. И. Административные наказания за совершение административного правонарушения, предусмотренного статьей 5.35 КоАП РФ: проблемы справедливого назначения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnye-nakazaniya-za-sovershenie-administrativnogo-pravonarusheniya-predusmotrennogo-statiei-5-35-koap-rf-problemy> (дата обращения: 08.12.2025).

Скворцова София Сергеевна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

soniaskvo0409@mail.ru

Анализ международных соглашений об избежании двойного налогообложения

***Аннотация.** Данная статья посвящена анализу ключевых положений двустороннего межправительственного соглашения об избежании двойного налогообложения и предотвращения уклонения от уплаты налогов между двумя странами. Основное внимание уделено изменениям и новым нормам, введенным в действующую версию документа, которые направлены на адаптацию налоговых механизмов к современным международным требованиям. Исследуются особенности статусов резидентов, определение постоянных представительств, порядок налогообложения доходов от международной транспортной деятельности и понятие квалифицированных лиц. Проводится авторская оценка эффективности принятых изменений, а также анализируются потенциальные проблемные аспекты налогообложения.*

***Ключевые слова:** международные соглашения, международные перевозки, двойное налогообложение, резидент, постоянное представительство, квалифицированное лицо, специфические коммерческие или финансовые условия, современные льготы в международном налоговом праве, международные налоговые требования, уклонения от уплаты налогов.*

Skvortsova Sofia Sergeevna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Analysis of international agreements on avoidance of double taxation

***Annotation:** This article analyzes the key provisions of the bilateral intergovernmental agreement on the avoidance of double taxation and the prevention of tax evasion between the two countries. The focus is on changes and new norms introduced in the current version of the document, which are aimed at adapting tax mechanisms to modern international requirements. The specifics of the status of residents, the definition of permanent missions, the procedure for taxing income from international transport activities and the concept of qualified persons are studied. The author's assessment of the effectiveness of the adopted changes is carried out, as well as potential problematic aspects of taxation are analyzed.*

***Keywords:** international agreements, international transportation, double taxation, resident, permanent establishment, qualified person, special commercial or financial conditions, modern benefits in international tax law, international tax requirements, tax evasion.*

Развитие экономических отношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой усиливается с каждым годом, что выражается в существенном увеличении товарооборота и росте инвестиционной активно-

сти. Изучение того, как конкретные соглашения решают вопросы практической реализации норм об избежании двойного налогообложения, позволяет выявить как успешные практики, так и существующие проблемы, что крайне важно для совершенствования правоприменительной деятельности в обеих странах. Именно поэтому рассмотрение преобразований налоговых соглашений между Россией и Китаем даже спустя годы после их подписания остается актуальным с научной и практической точек зрения для обеспечения стабильности и предсказуемости в международных экономических отношениях.

Однако направленность на сотрудничество России с восточными странами возникла не случайно. Одной из причин является значительное давление со стороны западных стран на многие сферы российской политики. Такие современные реалии побуждают нашу страну искать надежных и стратегически важных партнеров, одним из которых, безусловно, является Китай. Кроме того, следует отдельно подчеркнуть политические первопричины необходимости совместных действий России и Китая. Важным для этих стран является построение многополярного мира на международной арене. Это суждение нашло свое официальное закрепление в 1997 году между Россией и Китаем Декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка [2]. Кроме этого документа, отражающего всю серьезность намерений обеих стран, партнерство стран подкрепляется многочисленными соглашениями, которые заключаются каждый год по различным экономическим вопросам. Так, недавно было подписано обновленное Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций [5], которое призвано еще больше активизировать деловое сотрудничество.

Такая тенденция, положительная с точки зрения экономического развития обеих стран, неизбежно приводит к усложнению налоговых аспектов трансграничной деятельности, что в свою очередь требует совершенствования правовых механизмов. Одной из центральных проблем является определение юрисдикции для уплаты налогов. В условиях, когда организации ведут деятельность одновременно на территории Российской Федерации и Китайской Народной Республики, возникает закономерный вопрос: где же следует платить налоги? Здесь важно подчеркнуть, что международное право запрещает двойное налогообложение, т. е. ситуацию, когда один и тот же доход облагается налогом дважды в разных государствах. Такая норма также нашла свое отражение и в статье 232 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) [1]. Тем не менее на практике нередко возникают ситуации, когда интересы стран, стремящихся пополнить свой бюджет, противоречат друг другу. Каждая страна стремится отстаивать свое право на налогообложение, опираясь на собственное законодательство и свою трактовку положений международных соглашений, что порождает неопределенность.

В этом контексте Соглашения между Китаем и Россией о предотвращении двойного налогообложения помогают в определении юрисдикции в том или ином случае. Особого внимания заслуживают «Соглашение между Пра-

вительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об избежании двойного налогообложения и о предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы» от 27.05.1994 года [4] и более позднее от 13.10.2014 года в последней редакции от 08.05.2015 года [3]. Следует уточнить, что первый документ прекращает действие только в отношении доходов, к которым применяется более позднее Соглашение 2014 года.

Несмотря на наличие множества сходных норм, оба документа имеют и свои заметные различия. Одним из наиболее значимых является изменение первой статьи. Так, Соглашение 1994 года речь идет о лицах, имеющих постоянное место жительства в одном государстве либо сразу в них обоих, тогда как Соглашение 2014 года вводит новое для этого документа понятие «резидент», что уточняет статус субъектов в налоговых обязательствах и других правовых аспектах.

Включение термина «резидент» в текст Соглашения 2014 года свидетельствует не об «обычной замене слов документа», а о существенном сдвиге в подходе к установлению круга субъектов в международном налоговом договоре. Термин позволяет четче обозначить критерии принадлежности лица определенному государству. Формулировка же «лица с постоянным местопребыванием», что использовалась в Соглашении 1994 года, уделяет внимание существующим связям физического или юридического лица с договаривающимся государством. Такой критерий в большей степени носит качественный аспект, а термин «резидент» отсылает к формально-правовому статусу, установленный национальным законодательством. Этот метод более удобный, поскольку основывается на точно определенных, проверяемых критериях, что определяются налоговыми кодексами каждой из стран (например, продолжительность физического присутствия на территории государства в течение налогового периода). Появившиеся изменения в части определения лиц, повлекло за собой пересмотр последующих статей, в которых все упоминания «лиц с постоянным местом жительства» были заменены положениями о «резидентах». Примером здесь будет выступать четвертая статья: в зависимости от того, о каком документе идет речь, в статье указаны нормы, касающиеся или резидента, или лица, с постоянным местопребыванием.

Дополнительно появились новые положения, направленные на прояснение неопределенности в отнесении лиц к категориям, что охватывают соглашения. В изначальной редакции речь шла о пребывании лица на территории государства более 183 дней в году. Новая версия текста уточняет этот период и прямо закрепляет условие нахождения на территории в течение двенадцати месяцев. Такое изменение позволяет обеспечить большую точность в применении данного критерия. Уточнение уменьшает риск ошибок и неопределенностей при квалификации физических лиц как налоговых резидентов, а также создает более устойчивые критерии для исчисления сроков проживания и последующего распределения налоговых обязанностей.

Термин «постоянное представительство» также претерпел значительные изменения. Если раньше он охватывал любое постоянное место деятельности организации, то сейчас приобрел гораздо большую ясность благодаря введению слова «фиксированное». Теперь под постоянным представительством понимается именно фиксированное место, где организация осуществляет свою деятельность. Подобный подход обеспечивает более четкое регулирование вопросов налогообложения компаний, действующих в другом государстве, снижая риски двусмысленности.

Следующее существенное изменение коснулось названия одной из статей Соглашения и, соответственно, ее содержания. Ранее, в версии 1994 года, статья называлась «Международные перевозки», в редакции же 2014 года ее название стало звучать как «Морские и воздушные перевозки». Эти уточнения сузили сферу действия указанной нормы и сделали ее более специализированной.

Кроме того, в сфере общих определений также появились изменения. Так, статья 3 Соглашения 1994 года включала категорию «гражданин», которая впоследствии была исключена из следующей версии документа. В то же время в последней редакции появилось принципиально важное определение «компания». Исчезновение категории «гражданин» свидетельствует о переориентации внимания на юридические субъекты хозяйствования, тогда как введение термина «компания» подчеркивает значимость корпоративных структур в рамках рассматриваемых правоотношений.

Особо следует отметить включение специального положения, которое указывает, что если в Соглашении не дано четкое значения какого-либо термина, то следует руководствоваться внутренним налоговым законодательством страны, в которой находится лицо. В данном случае такое правило будет приобретать приоритет над другими правилами юридических актов государств, что показывает не только важность этой нормы, но и самого документа в целом.

Соглашение 2014 года также пополнилось новыми категориями работников, при этом особое внимание уделялось преподавателям и научным сотрудникам. Документ устанавливает, что физическое лицо, перед приездом в одно государство имело постоянное место жительства в другом, и что приехало в первое государство для преподавания, в течение трех лет не платит налоги на вознаграждение за свою деятельность в этой стране. Подобный механизм призван стимулировать привлечение высококвалифицированных кадров, снижая их финансовую нагрузку и позволяя им сосредоточиться на научной и образовательной деятельности. Для принимающего государства это означает приток талантов и создание благоприятной среды для развития сотрудничества в образовательной и научной сферах деятельности.

В статье 8 Соглашения 2014 года появился пункт, согласно которому, если между двумя компаниями установлены специфические коммерческие или финансовые условия, которые отличаются от отношений между независимыми организациями, то любая прибыль, которую могла бы получить одна из компаний, но не получила, учитывается в ее налоговой базе. Подобное правило устанавли-

вается и в статье 105.3 НК РФ, которая позволяет корректировать налоговую базу на сумму неполученных доходов, возникающих в результате отклонений финансовых условий от тех, что приняты между независимыми сторонами. Тем самым обеспечивается справедливость налогообложения независимо от характера взаимоотношений между участниками экономики.

Значительные изменения затронули и положения, касающиеся порядка налогообложения процентных выплат. Согласно первоначальному документу, подразумевалось, что проценты, возникающие в одном государстве и подлежащие уплате в другое государство, могут обременяться налогом во второй стране. Использование слова «могут» давало свободу странам-участницам самим решать, будет ли применяться налог, предполагая скорее право, нежели обязанность по взиманию налога. Однако в последующем Соглашении такая позиция была кардинально пересмотрена. Новое правило устанавливает, что такие выплаты подлежат налогообложению в той стране, куда направляются резиденты. Новая редакция документа устранила слово «могут», заменив его обязательным указанием, исключая альтернативные варианты выполнения данного правила. Такое решение существенно ограничило произвольное действия государств в этой области.

Еще одним из важных нововведений стало расширение содержания статьи, касающейся пенсионных выплат. Теперь четко установлено, что все суммы, выплаченные государствами или местными властями в рамках национальной системы социального обеспечения, облагаются налогом исключительно в той стране, откуда исходят выплаты, и не подлежат обложению налогом в другой юрисдикции. Это уточнение позволяет устранить разногласия относительно налогообложения социальных выплат, включая пенсии и пособия. Установление места налогообложения исключает риск двойного налогообложения, о котором мы говорили ранее, а также упрощает взаимодействие государственных органов стран, подписавших документ.

Вероятно, одним из ключевых аспектов как в одном, так и в другом Соглашении является статья, касающаяся методов исключения двойного налогообложения, ведь именно эти нормы (исходя даже из самого названия Соглашения) в момент подписания документа не были урегулированы. Хотя для Российской Федерации отсутствуют какие-то принципиально значимые изменения, влияющие на порядок расчета налогов, по сравнению с документом 1994 года, некоторые изменения заметны для китайской стороны. Так, в изначальной редакции минимальная доля участия в капитале иностранной компании для получения льгот по дивидендам составляла 10%, что позволяло многим инвесторам получать преимущества в налогообложении. В редакции же 2014 года минимальное участие было увеличено до 20%. Такое нововведение ужесточает требования к иностранным акционерам и сужает количество лиц, которые могут получить налоговые льготы по дивидендам. Получается, Соглашение 2014 года усложняет получение налоговых преференций, усиливая контроль за инвестициями крупных компаний.

Последнее изменение, которое мы рассмотрим в нашей статье, касается введения специальной нормы, предусматривающей предоставление льгот в международном налоговом праве. Суть изменения заключается в следующем: резидент одного из договаривающихся государств может воспользоваться льготами, предусмотренные Соглашением, только если он соответствует определенным требованиям и выполняет все его условия. Данное положение играет роль в повышении контроля над использованием налоговых льгот и предотвращению неправомерного применения международного соглашения. Установление дополнительной проверки статуса «квалифицированного лица» усиливает защитные механизмы против злоупотреблений и попыток обхода национального налогового законодательства. Таким образом, мы можем говорить о том, что данное нововведение направлено на поддержание баланса интересов между государствами и целостности национальной налоговой системы.

Завершая анализ, хотелось бы еще раз озвучить, какие именно изменения появились в международном налоговом законодательстве. Эти преобразования коснулись как совершенствования критериев квалификации налогоплательщиков и методов определения резидентства, так и расширения перечня защищаемых доходов и ужесточения условий предоставления налоговых льгот. Наиболее значимым, на наш взгляд, стало внедрение механизма проверки статуса «квалифицированного лица». Этот подход призван препятствовать недобросовестному использованию международных соглашений в целях уклонения от уплаты налогов, что крайне важно для поддержания справедливости и целостности налоговых систем. Кроме того, распределение ответственности между юрисдикциями в случаях двойного налогообложения значительно улучшает практическое применение двусторонних соглашений, сводя к минимуму риски возникновения споров и обеспечивая предсказуемость для налогоплательщиков.

Анализ этих изменений демонстрирует стремление государств к формированию более прозрачных, справедливых и эффективных механизмов регулирования трансграничных налоговых отношений. В условиях постоянно меняющейся глобальной экономики и усложнения международных экономических связей подобные усовершенствования налогового законодательства являются не просто эволюционным шагом, но и необходимой предпосылкой для устойчивого экономического развития и укрепления доверия между государствами.

Список источников

1. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ (в ред. от 15.10.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 22.11.2025).

2. Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка от 23.04.1997. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=22164#acHuH3VYzsjlETfs> (дата обращения: 22.11.2025).

3. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об избежании двойного налогообложения и о предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы (заключено в г. Москве 13.10.2014) (ред. от 08.05.2015) (вместе с Протоколом (подписан в г. Москве 13.10.2014)). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171021/ (дата обращения: 22.11.2025).

4. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы (заключено в г. Пекине 27.05.1994) (с изм. от 13.10.2014) (вместе с «Протоколом» (подписан в г. Пекине 27.05.1994)). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13485/ (дата обращения: 22.11.2025).

5. Федеральный закон от 27.10.2025 № 381-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите инвестиций». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_517376/ (дата обращения: 22.11.2025).

УДК 340.1

Смирнова Ольга Алексеевна

адъюнкт, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

г. Москва, Российская Федерация

olga.gold.bebi.00@yandex.ru

Плюрализм подходов к понятию «правовая жизнь» в современной юриспруденции

***Аннотация.** В данной статье исследуются различные подходы к понятию «правовая жизнь» в современной российской юриспруденции. Автор анализирует позиции исследователей и акцентирует внимание на различные аспекты правовой жизни: ее всеохватность, ценностное содержание, практическую динамику или смысловую, коммуникативную природу. Делается вывод о том, что плюрализм мнений отражает объективную многомерность правовой жизни и обогащает методологический инструментарий современной юриспруденции, позволяя перейти от статичного анализа норм к изучению «живого» права в его социальном и человеческом измерении. В качестве перспективы предлагается разработка интегративной понятийной модели, синтезирующей сильные стороны каждого подхода.*

***Ключевые слова:** правовая жизнь, теория права, методология юридической науки, плюрализм, правовая система, правовая реальность, юриспруденция.*

Smirnova Olga Alekseevna

adjunct, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russian Federation

Pluralism of approaches to the concept of “legal life” in modern jurisprudence

***Annotation.** This article examines various approaches to the concept of “legal life” in modern Russian jurisprudence. The author analyzes the positions of researchers and focuses on various aspects of legal life: its inclusiveness, value content, practical dynamics or semantic, communicative nature. It is concluded that pluralism of opinions reflects the objective multidimensional nature of legal life and enriches the methodological tools of modern jurisprudence, allowing us to move from a static analysis of norms to the study of “living” law in its social and human dimensions. As a perspective, the development of an integrative conceptual model synthesizing the strengths of each approach is proposed.*

***Keywords:** Legal life, theory of law, methodology of legal science, pluralism, legal system, legal reality, jurisprudence.*

В настоящее время научная доктрина во всем мире интенсивно ищет такую категорию, которая смогла бы описать право как динамичный, противоречивый и ценностно-насыщенный элемент социального мира. В таком контексте мы можем рассматривать такое понятие как «правовая жизнь». В отличие от более устоявшихся и формализованных конструкций, к примеру, как «правовая система», «система права», «механизм правового регулирования», понятие «правовая жизнь» может стать интегральным понятием, которое охватило бы всю совокупность правовых явлений в их динамике. Отсутствие единого, легитимированного доктринального понимания правовой жизни неизбежно порождает плюрализм подходов, что вызывает интерес и требует исследования.

Как известно, активный интерес к концепту правовой жизни возник в отечественной науке на рубеже XX–XXI веков как реакция на кризис узкого нормативизма. Потребовалась категория, которая:

- а) шире, чем «правовая система»;
- б) динамичнее, чем «правопорядок»;
- в) полнее, чем просто «правовое регулирование».

В целом, правовая жизнь изначально позиционировалась как понятие-«глобализатор», призванное преодолеть фрагментарность юридического знания [6, с. 15].

Для начала отметим, что буквальная интерпретация раскрывает категорию «правовая жизнь» как предельно широкую, инклюзивную и динамическую. Это обусловлено значениями слов «правовая» и «жизнь» [3]. Она не тождественна более узким понятиям, к примеру, «правовая система». Аналогично считает и А. В. Малько [4], указывая, что «вводимое понятие правовой жизни не выступает ни в коем случае параллельным понятием наряду с правовой системой».

Среди исследователей рассматриваемый вопрос представляется дискуссионным.

К примеру, М. И. Пантыкина [7] указывает, что дефиниция правовой жизни «с одной стороны, отражает закономерные и случайные, а с другой – явные и скрытые процессы в праве, т. е. всю совокупность проявлений права в обществе». При этом, автор подчеркивает, что «понятие правовой жизни является смысловым коррелятом права». Исходя из позиции автора, правовую жизнь следует рассматривать не только через формальные нормы, но и через их реальное воплощение в обществе, учитывая как очевидные, так и скрытые процессы. В таком подходе есть логика, так как такой подход позволяет получить более полную и адекватную картину правовой действительности.

Р. В. Пузиков [8] отмечает, что правовая жизнь представляет собой «сложный конгломерат в юридической сфере статистического и динамического, прошлого и настоящего, целенаправленного и стихийного, правомерного и противоправного, показывающий некий уровень эволюции права, степень правового прогресса того или иного общества, его юридические пристрастия на каждом из этапов его развития», обозначая правовую жизнь в качестве «сферы осуществления энергии права, его потенциала, творческой роли, совокупности многообразных форм правовой и противоправной активности участников правоотношений». Р. В. Пузиков рассматривает правовую жизнь как сложный и противоречивый феномен, выходящий за рамки формального понимания права. Его определение подчеркивает многомерность этого понятия, акцентируя внимание на ряде важных аспектов.

Р. А. Ромашов [9] рассматривает правовую жизнь как «совокупность всех форм юридически значимой деятельности». Данное определение отличается своей лаконичностью и акцентом на деятельностной составляющей. Понимание правовой жизни, предложенное Р. А. Ромашовым, представляет собой поведенческий подход к пониманию правовой жизни. Он сводит ее к совокупности действий, имеющих юридическое значение, что делает его полезным для анализа реального функционирования права в обществе.

И. Л. Вершок [2] характеризует правовую жизнь в качестве «совокупности всех форм юридического бытия общества, выражающейся в правовых актах и иных проявлениях права (в том числе и негативных), в уровне существующей юридической действительности, в отношении субъектов к праву». Определение правовой жизни, предложенное автором, включает в себя как формальные, так и реальные аспекты правовой жизни, но акцентирует внимание на понятии «юридического бытия».

Некоторые исследователи [1] рассматривают правовую жизнь через призму критической теории и анализа правового дискурса. Они акцентируют внимание на том, что правовая жизнь – это не нейтральный процесс, а поле борьбы за смыслы, легитимность и власть, где доминирующий правовой дискурс формирует саму социальную реальность.

В. А. Шиянов [11] отмечает, что правовая жизнь – это «метасистема (единый комплекс правовых явлений: статических и динамических, организованных и неорганизованных, позитивных и негативных), представляющая собой спе-

цифическую абстракцию социальных отношений, которая позволяет объединить формальную и содержательную стороны права, охарактеризовать специфику и уровень правового развития общества». Позиция автора отражает тенденцию к рассмотрению правовой жизни как всеобъемлющей, интегративной категории в теории права, но вводит важный концепт «метасистемы».

А. В. Малько и А. Ю. Барсуков [5], выделяя главной чертой правовой жизни динамизм, указывают, что правовая жизнь – это «форма социальной жизни со всеми возможными объективными, субъективными и даже иррациональными свойствами, выражающаяся во всех негативных и позитивных юридических явлениях, характеризующая специфику и уровень правового развития данного общества». Авторы продолжают интегративный подход к пониманию правовой жизни. Фактически, данное утверждение можно считать одним из наиболее полных и реалистичных.

Следует отметить, что есть исследователи, которые против выделения и введения в научный оборот понятия «правовая жизнь». Например, Е. Н. Черных [10] обращает внимание на то, что «ценностная несогласованность категории «правовая жизнь» с идеей права закономерно проявляет себя в нарушении правил построения научных понятий; в частности, нарушается коренное требование общности признаков понятия со всеми элементами его содержания». Автор утверждает, что категория «правовая жизнь» является слишком размытой, эклектичной и оценочно перегруженной, чтобы служить полноценным научным инструментом.

Проанализировав дефинитивный ряд, представленный в научной доктрине, мы пришли к выводу, что основная дискуссия разворачивается вокруг того, что именно включать в определение понятия правовая жизнь. Рассматривая данное определение с позиции позитивной и негативной составляющих, мы сталкиваемся со сложностью и противоречием в том, что любые явления общественной жизни включают в себя как «правомерные», так и «противоправные» явления. При этом всем, представляется верным, что правомерные и противоправные начала правовой жизни общества – правовые по своему характеру (в юридическом смысле) и выступают составными частями юридической среды, являются сегментами правового поля.

Таким образом, плюрализм подходов к понятию правовой жизни является закономерным отражением парадигмального сдвига в современной юриспруденции: от статики нормы к динамике социально-правового бытия. Каждый из рассмотренных подходов выполняет свою специфическую познавательную функцию. Их адаптация к современным условиям, интегративный подход к пониманию правовой жизни, позволит создать адекватную понятийную модель, а также понимать сущность рассматриваемого явления.

Список источников

1. Антонов М. В. Теория права и социально-правовые исследования. Рецензия на монографию: Cotterrell R. Jurisprudence and Socio-Legal Studies: Inter-

secting Fields. New York ; London : Routledge, 2024, 252 p. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-prava-i-sotsialno-pravovye-issledovaniya-retsenziya-na-monografiyu-cotterrell-r-jurisprudence-and-socio-legal-studies> (дата обращения: 11.05.2025).

2. Вершок И. Л. О научном понятии правовой жизни // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2023. С. 18.

3. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyyj-slovar> (дата обращения: 14.10.2025).

4. Малько А. В. Правовая система и правовая жизнь: проблемы соотношения конкурирующих понятий. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-sistema-i-pravovaya-zhizn-problemy-sootnosheniya-konkuriruyuschih-ponyatiy> (дата обращения: 15.04.2025).

5. Малько А. В., Барсуков А. Ю. Правовая жизнь современного общества: позитивные и негативные черты. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-zhizn-sovremennogo-obschestva-pozitivnye-i-negativnye-cherty> (дата обращения: 09.05.2025).

6. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов : Изд-во СГАП, 2003. 512 с.

7. Пантыкина М. И. Понятие и структура правовой жизни (опыт философско-феноменологической интерпретации). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-struktura-pravovoy-zhizni-opyt-filosofsko-fenomenologicheskoy-interpretatsii> (дата обращения: 09.05.2025).

8. Пузиков Р. В. Правовая жизнь России: понятие и сущность. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-zhizn-rossii-ponyatie-i-suschnost> (дата обращения: 09.05.2025).

9. Ромашов Р. А. Коллизионность правовой нормативности правоприменительной практики. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollizionnost-pravovoy-normativnostii-pravoprimeritelnoy-praktiki> (дата обращения: 10.05.2025).

10. Черных Е. Н. Категория «правовая жизнь»: вопросы методологии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-pravovaya-zhizn-voprosy-metodologii> (дата обращения: 01.03.2025).

11. Шиянов В. А. Правовая система и правовая жизнь общества: теоретический аспект взаимодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 27 с.

Суховский Сергей Сергеевич

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

sergeysukhovsky@yandex.ru

Проблемы правового регулирования института публичного договора в Российской Федерации

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются проблемы правового регулирования публичного договора, конструкция которого законодательно закреплена статьей 426 Гражданского кодекса Российской Федерации. Автор на основе анализа правовых норм и судебной практики обосновывает логическое несоответствие положений пункта 3 статьи 426 ГК РФ ряду законодательных предписаний, в связи с чем указывает на необходимость внесения изменений в действующее законодательство.*

***Ключевые слова:** публичный договор, принцип добросовестности, свобода договора, отказ от заключения договора.*

Sukhovsky Sergey Sergeyevich

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Problems of legal regulation of the institution of public contract in the Russian Federation

***Annotation.** This article discusses the problems of legal regulation of a public contract, the construction of which is legally fixed by Article 426 of the Civil Code of the Russian Federation. Based on the analysis of legal norms and judicial practice, the author substantiates the logical inconsistency of the provisions of paragraph 3 of Article 426 of the Civil Code of the Russian Federation with a number of legislative prescriptions, and therefore points to the need to amend the current legislation.*

***Keywords:** public contract, principle of good faith, freedom of contract, refusal to conclude a contract.*

Одним из ограничений принципа свободы договора является институт публичного договора, закрепленный законодателем в статье 426 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Так, публичным договором признается «договор, заключенный лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, и устанавливающий его обязанности по продаже товаров, выполнению работ либо оказанию услуг, которые такое лицо по характеру своей деятельности должно осуществлять в отношении каждого, кто к нему обратится (розничная торговля, перевозка транспортом общего пользования, услуги связи, энергоснабжение, медицинское, гостиничное обслуживание и т. п.)» [6].

Изучение системной взаимосвязи положений указанной статьи и практики ее применения порождает ряд вопросов, которые будут рассмотрены в настоящей статье.

Так, пункт 3 статьи 426 ГК РФ закрепляет невозможность осуществить отказ в заключении публичного договора со стороны лица, осуществляющего предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, от заключения публичного договора при наличии возможности предоставить потребителю соответствующие товары, услуги, выполнить для него соответствующие работы. Вместе с этим закрепляется одно единственное условие, при котором такой отказ может быть осуществлен. Это касается случаев, предусмотренных пунктом 4 статьи 786 ГК РФ.

В соответствии с пунктом 4 статьи 786 ГК РФ, в случаях, предусмотренных статьей 107.1 Воздушного кодекса Российской Федерации, перевозчик или лицо, уполномоченное перевозчиком на заключение договора воздушной перевозки пассажира, вправе отказать в заключении договора воздушной перевозки пассажира, если пассажир внесен в реестр лиц, воздушная перевозка которых ограничена перевозчиком [5]. Проанализировав данную норму, можно прийти к выводу о том, что лицо, оказывающее услугу вправе отказать в заключении договора, а лицо, внесенное в реестр, становится ограниченным в своем праве на свободное вступление в договорные отношения. Особый интерес представляют основания, по которым перевозчик вправе отказать в заключении договора. Так, пассажир может попасть в данный реестр по факту совершения административного правонарушения, предусмотренного частью 6 статьи 11.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [8], либо преступления, предусмотренного пунктом «в» части первой статьи 213 (хулиганство на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования) или статьей 267.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и совершенного на борту воздушного судна (соответственно, невыполнение лицами, находящимися на борту воздушного судна, законных распоряжений командира воздушного судна, хулиганство, действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств) [9].

В данной связи возникает множество вопросов. Один из таких вопросов – почему законодатель ограничивается в норме статьи 426 ГК РФ одной конкретной ситуацией? Не секрет, что порой потребители склонны злоупотреблять своим правом в отношениях, регулируемых публичным договором, нарушать условия договора или даже напрямую совершать правонарушения в отношении лица, оказывающего предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность [1, с. 109]. Используя ограничительную формулировку, законодатель таким образом защищает исключительно лиц, оказывающих услуги по договору воздушной перевозки пассажира, игнорируя при этом других перевозчиков, которые осуществляют перевозку пассажиров автотранспортом, железнодорожным транспортом или морским/речным транспортом, хотя нормы Кодекса РФ

об административных правонарушениях и Уголовного кодекса РФ распространяются и на эти виды транспорта.

Здесь приходится говорить о незащищенности предпринимателей и иных лиц, осуществляющих приносящую доход деятельность, поскольку у них просто отсутствует возможность отказать потребителю, который уже мог не раз доказать свою недобросовестность. Особенно это касается сферы розничной торговли и оказания услуг.

Помимо этого, стоит упомянуть, что само изложение пункта 3 ст. 426 ГК РФ не в полной мере отражает возможности субъектов предпринимательской деятельности по отказу в заключении публичного договора. Логически из пункта 3 можно вывести лишь два условия, при котором можно отказать в заключении такого договора: невозможность предоставить потребителю соответствующие товары, услуги, выполнить для него соответствующие работы и наличие лица в реестре лиц, воздушная перевозка которых ограничена перевозчиком. Не совсем ясно, что понимает законодатель под словом «возможность» в тексте данного пункта – стоит ли его трактовать как скорее реальную возможность лица именно передать товар или же нужно учитывать наличие соответствующих легальных дозволений? Отвечая на данный вопрос, можно сослаться на Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора», в пункте 20 которого указано, что бремя доказывания отсутствия возможности передать товары, выполнить соответствующие работы, оказать услуги возложено на лицо, обязанное заключить публичный договор. Поскольку общеизвестные обстоятельства, к которым можно отнести содержание тех или иных норм в источниках права, в доказывании не нуждаются, то можно сделать вывод, что речь идет о фактической возможности передать товар и прочее [4].

Очевидно, что возможность отказа не ограничивается этими двумя условиями. Так, например, если сделкоспособность лица ограничена, и оно не вправе совершать такую сделку, а лицо, обязанное по статье 426 вступить в сделкотншения, об этом знает, здесь можно предположить, что в такой ситуации отказ в заключении договора будет правомерен. Кодекс РФ об административных правонарушениях и Уголовный кодекс РФ закрепляют законодательный запрет на розничную продажу несовершеннолетнему алкогольной продукции, хотя, исходя из буквального толкования пункта 3 статьи 426 ГК РФ, продавец был бы обязан вступить в договорные отношения, если у него имеется реальная возможность продать товар.

В период действия «ковидных» ограничений широкое распространение получили споры потребителей с продавцами по поводу отказов в обслуживании граждан, не носящих средства индивидуальной защиты. Для примера приведем определение Четвертого Кассационного суда общей юрисдикции от 9 сентября 2021 г. № 88-19380/2021. Судебной коллегией было установлено, что лицо просило суд признать недействительным условие публичного договора купли-продажи от 16 мая 2020 года, выразившееся в требовании публичного акцио-

нерного общества «Детский мир» использовать покупателями медицинские маски. Истец, в частности, указывал, что в соответствии со статьей 426 ГК РФ ответчик является объектом розничной торговли и обязан продать товар каждому покупателю, не отдавая предпочтения потребителям в медицинских масках, при этом отказ от заключения публичного договора при наличии возможности предоставить потребителю соответствующие товары, услуги, выполнить для него соответствующие работы не допускается. Кассационный суд, сославшись на ряд нормативно-правовых актов, регулирующих отношения, связанные с предотвращением распространения Covid-19, пришел к выводу, что «действия ответчика не могут расцениваться как ущемляющие права потребителей, поскольку такие действия отвечают принципу разумного поведения участников гражданских правоотношений и не имеют признаков необоснованного уклонения от заключения публичного договора, каковым является договор розничной купли-продажи» [2]. Данный подход суда представляется весьма правильным, исходя из положения второго абзаца пункта 2 статьи 1 ГК РФ, где указано, что гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, и пункта 3, в соответствии с которым участники гражданских правоотношений обязаны действовать добросовестно. Вместе с тем суд в основном ссылаясь на акты административно-правового характера при решении данного вопроса, а не на вышеуказанные нормы, хоть и упомянул принцип разумности

Указанные выше примеры показывают несовершенство изложения нормы пункта 3 статьи 426 ГК РФ, поскольку он не в полной мере отражает реальные возможности субъектов в отказе в заключении публичного договора. Помимо неполноты изложения данный пункт не в полной мере учитывает интересы лиц, осуществляющих предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность. Так, отсутствует законодательный механизм, в соответствии с которым такие лица могли бы отказать лицу в заключении публичного договора на основании ранее проявленной ими недобросовестности. Данный механизм мог бы положительно повлиять на защищенность субъектов экономической деятельности и развитие рыночных отношений. Тем более, что такой подход уже знаком ГК РФ в части вышеупомянутой нормы пункта 4 статьи 786, а также в рамках института договора дарения, когда даритель в соответствии с пунктом 1 статьи 578 вправе отменить дарение, если одаряемый совершил покушение на его жизнь, жизнь кого-либо из членов его семьи или близких родственников либо умышленно причинил дарителю телесные повреждения [7].

В данной связи было бы целесообразно внести изменения в пункт 3 статьи 426 ГК РФ, изложив абзац первый в следующей редакции: «Отказ лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность или иную приносящую доход деятельность, от заключения публичного договора при наличии возможности предоставить потребителю соответствующие товары, услуги, выполнить для него соответствующие работы допускается лишь в случаях проявленной ранее или

проявляемой в момент заключения договора недобросовестности потребителя, а также в случаях, предусмотренных законом». Разрешая вопрос о добросовестности, судам стоит руководствоваться правилами статьи 10 ГК РФ и положениями пункта 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», в которых указано, что добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, а поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения [3]. Исходя из презумпции добросовестности предполагается, что бремя доказывания недобросовестности потребителя при заключении публичного договора возлагается на лицо, отказывающее в заключении публичного договора.

Список источников

1. Громов А. А. Публичный договор в Гражданском кодексе РФ: промежуточные результаты и дальнейшие перспективы // Вестник гражданского права. 2024. № 6. С. 105–112.
2. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 09.09.2021 по делу № 2-1493/2020 (УИД 23RS0020-01-2020-002648-90). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.11.2025).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.11.2025).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.11.2025).
5. Российская Федерация. Законы. Воздушный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 01 сентября 2025 года. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 13.11.2025).
6. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : с изм. и доп. на 01 августа 2025 года. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 13.11.2025).
7. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : с изм. и доп. на 01 августа 2025 года. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 13.11.2025).
8. Российская Федерация. Законы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 13.11.2025).

9. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации : с изм. и доп. на 26 октября 2025 года. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 13.11.2025).

УДК 343.1

Титов Евгений Евгеньевич

студент, Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
evgtksu@gmail.com

Правовая природа и допустимость электронных доказательств в уголовном процессе

***Аннотация.** В статье автором рассматривается проблема отсутствия электронных доказательств как самостоятельного вида доказательств в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Отмечается, что существующая классификация доказательств, приведенная в ст. 74 УПК РФ не учитывает возможность существования электронных доказательств и специфику работы с ними. Предлагаются нововведения, способные решить существующую проблему отечественного уголовно-процессуального законодательства.*

***Ключевые слова:** доказательство, вещественное доказательство, электронное доказательство, международный опыт, уголовный процесс.*

Titov Evgeniy Evgenevich

student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The legal nature and admissibility of electronic evidence in criminal proceedings

***Annotation.** In this article, the author examines the problem of the absence of electronic evidence as an independent type of evidence in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. It is noted that the existing classification of evidence, as specified in Article 74 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, does not take into account the possibility of electronic evidence and the specific nature of working with it. The author proposes innovations that could address this issue in the domestic criminal procedure legislation.*

***Keywords:** evidence, physical evidence, electronic evidence, international experience, criminal proceedings.*

В настоящее время в научном сообществе продолжается полемика относительно определения правовой природы электронных доказательств. Некоторые исследователи, определяя правовую природу электронных доказательств, придерживаются умеренно-консервативной и прагматичной позиции. Так, П. С. Пастухов считает, что электронная информация укладывается в существ-

вующие виды доказательств, установленных ст. 74 УПК РФ [1; 2]. По его мнению, будет достаточным введения уточнения в определениях «вещественное доказательство» и «иные документы», что сведения могут иметь вид электронной информации, при этом отмечая, что электронная информация требует особых методик для обеспечения ее аутентичности и ценности. С. С. Казиханова полагает, что доказательства в электронной форме не обладают какой-либо спецификой, при их использовании достаточно лишь опираться на процессуальные принципы [3]. Такой подход, по ее мнению, позволит избежать многих ошибок, возникающих на практике. Позиция П. С. Пастухова, на наш взгляд, является верной лишь отчасти. Например, в случае изъятия flash-накопителя с вредоносным кодом для собирания доказательств по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ, flash-накопитель в действительности будет являться орудием совершения преступления [4]. Однако в случае расследования уголовного дела по ст. 163 УК РФ, где вымогатель шантажирует жертву распространением компрометирующей видеозаписью, находящейся на жестком диске его персонального компьютера, интерес для следствия будет представлять не сам носитель, а информация, содержащаяся на нем. Универсальным случаем, когда носитель может признаваться вещественным доказательством в соответствии с действующими положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, является случай признания носителя электронной информации средством, сохранившим на себе следы преступления. Однако сущность электронного доказательства состоит именно в том, что значение имеет не сам носитель, на котором оно хранится, а то содержание, которое невозможно получить без носителя, а значит ч. 1 ст. 81 УПК РФ не позволяет в полной мере отразить доказательственную ценность полученной информации с юридической точки зрения в каждом случае, где имеют место быть доказательства, признаваемые электронными с доктринальной точки зрения. Иные исследователи придерживаются взглядов о том, что электронные доказательства могут быть отражены в УПК как отдельный вид. В своей диссертации Н. А. Зигура, отмечает, что компьютерная информация отдельный вид доказательства, объясняя это тем, что она имеет специфическую форму, способ создания и метод использования в качестве доказательства [5]. Законодатель, учитывая специфику изъятия электронных носителей информации и копирования информации с них, определил в ст. 164.1 УПК РФ порядок изъятия электронных носителей информации и копирования информации с них, отметив обязательное участие специалиста при совершении процессуальных действий и исключения при которых могут быть изъяты электронные носители информации. По мнению С. Е. Квасницы и С. Ю. Бирюкова, ст. 75 УПК РФ нуждается в корректировке, так как электронные доказательства, помимо критериев, установленных ч. 1 ст. 88 УПК РФ, должны подлежать оценке с точки зрения аутентичности, целостности, и доступности, т. е. обеспечения условий для восприятия и изучения электронных данных участниками процесса, в том числе при помощи применения технических средств, без риска их изменения [6]. С. В. Зуев придерживается аналогичной точки зрения [7].

Показательным примером, как мы полагаем, обосновывающим целесообразность нововведений в уголовно-процессуальное законодательство является Апелляционное постановление Верховного суда Республики Хакасия № 22-99/2024 22-99/2025 от 17 марта 2025 г. по делу № 1-269/2024 [8]. В апелляционном постановлении отражено следующее: файл «ДСУ-7_сливы», история браузера с логином и паролем, метаданные, однако вещественным доказательством был признан именно системный блок, который по своей сути является лишь неделимой частью электронного доказательства, т. е. носителем, но не содержащейся в нем информации. Из-за отсутствия легального признания «электронных доказательств» суды вынуждены применять традиционные виды доказательств, что в дальнейшем вызывает споры о допустимости. В приведенном Апелляционном постановлении, защитник оспаривал доказательства именно с позиции нарушения процедуры фиксации сведений. Суд признал протокол выемки недопустимым доказательством, при этом сохранил сам системный блок, так как его изъятие и осмотр были проведены в рамках оперативно-розыскных мероприятий и последующего осмотра.

Стоит также учесть, что некоторые страны-участники Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности, в частности Социалистическая Республика Вьетнам и Китайская Народная Республика, еще до подписания и ратификации имели наиболее проработанное уголовно-процессуальное законодательство по отношению к электронным доказательствам [9]. Хотя напрямую в обоих вариантах УПК СРВ и КНР не содержится самого понятия «электронное доказательство», они признают существование электронных доказательств опосредованно, включая в перечень доказательств «электронные данные. В научной статье Нгуен Тхи Хуен Чанга приведен анализ положений УПК Вьетнама, касающихся электронных доказательств [10]. Как отмечает автор, самого понятия «электронное доказательство» в УПК Вьетнама нет, при этом в нормативном правовом акте содержатся положения, указывающие на электронные данные в качестве источника доказательств. Как источник доказательств электронные данные определены ч. 1 ст. 87 УПК СРВ, а само понятие «электронные данные» раскрывается в ст. 99 УПК СРВ: «Электронные данные – это символы, буквы, цифры, изображения, звуки или аналогичные формы, созданные, хранящиеся, передаваемые, отправленные или полученные при помощи электронных средств связи» [11].

В статье А. Г. Волеводза и Ю. Г. Решетникова произведен анализ положений УПК КНР, касающихся электронных данных [12]. Так же, как и УПК СРВ, УПК КНР в ст. 50 определяет электронные данные как самостоятельный вид доказательств. Авторы статьи также отмечают, что в Разделе 4 УПК КНР установлен порядок сбора электронных данных для дальнейшего признания их допустимыми. Так в протоколе сбора доказательств указываются: 1) методы удаленного доступа компьютерным информационным системам; 2) дата и время извлечения; 3) инструменты и технические методы, используемые для извлечения; 4) сетевой адрес, путь хранения или этапы ввода электронных данных во время извлечения данных и т. д.; 5) процесс и результаты проверки це-

лостности. Важно отметить и то, что электронные данные не относятся ни к «вещественным доказательствам», ни к «документам, указанных в ч. 1 и ч. 2 ст. 50 УПК КНР [13]. Тем самым законодатель по сути разграничивает сведения, содержащиеся в электронном носителе информации от объектов материального мира, коими являются процессуальные документы (протоколы допросов свидетелей, подозреваемого/обвиняемого, экспертные заключения) или иные не процессуальные документы, значимые для уголовного дела). Представляется возможным сделать вывод о том, что Китайская Народная Республика, устанавливая перечень видов доказательств, наиболее точно соотносит с национальным уголовно-процессуальным законодательством положения Конвенции ООН против киберпреступности (ст. 2 «Термины») по сравнению с Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам, что требует выделения электронных доказательств в самостоятельный вид доказательств.

На основе проведенного исследования, считаем целесообразным: 1) включить электронные доказательства в 2 ст. 74 УПК РФ как самостоятельный вид путем введения п. 7: «электронные доказательства»; 2) законодательно определить «электронное доказательство», добавив в УПК РФ ст. 84.1, и изложить ее в следующей редакции: «Электронное доказательство» – любые сведения, устанавливающие наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу и имеющие значение для уголовного дела, которые получены, зафиксированы и представлены в соответствии с требованиями закона на материальном носителе или в иной цифровой форме, функционирующие на основе цифровых технологий, обладающие свойствами опосредованности и динамичности, имеющие относительный и неочевидный характер содержания, и сохранившие на себе уникальный цифровой след преступления; 3) добавить ч. 5 в ст. 84 УПК РФ и изложить в следующем содержании: «Сведения из документов, содержащихся на электронном носителе информации, признаются электронными доказательствами»; 4) добавить ч. 1.1 в ст. 88 УПК РФ и изложить в ее следующей редакции: «При оценке электронных доказательств наряду с критериями, установленными частью 1 настоящей статьи, учитывается их аутентичность, целостность и доступность»; 5) ч. 2 ст. 84 УПК РФ изложить следующим образом: «Документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудиозаписи и иные не электронные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном статьей 86 настоящего Кодекса».

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

2. Пастухов П. С. «Электронные доказательства» в нормативной системе уголовно-процессуальных доказательств // Пермский юридический альманах. 2019. №. 2. С. 695–707.

3. Казиханова С. С. Электронные доказательства в теории судебных доказательств // Цифровое право. 2024. № 5(4). С. 79–95. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-8>

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 (ред. от 17.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.11.2025) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901802257> (дата обращения: 27.11.2025).

5. Зигура Н. А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 20 с.

6. Квасница С. Е., Бирюков С. Ю. Электронные доказательства: проблемы допустимости в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2(69). С. 104–111.

7. Зуев С. В. О современной концепции развития информационных технологий в уголовном судопроизводстве (РИТВУС) // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 618–629.

8. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Хакасия № 22-99/2024 22-99/2025 от 17 марта 2025 г. по делу № 1-269/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: [http:// www.sudact.ru](http://www.sudact.ru) (дата обращения: 27.11.2025).

9. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям (принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеей от 24 декабря 2024 года) // ООН : офиц. сайт. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243> (дата обращения: 15.11.2025).

10. Нгуен Тхи Хуен Чанг. Положение об электронных доказательствах в законодательстве Вьетнама // Закон и право. 2023. № 12. С. 244–247. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2023-12-244-247>.

11. Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнама от 27.11.2015 // Официальный источник опубликования нормативных правовых актов в Социалистической Республике Вьетнам «Национальная база данных юридических документов Вьетнама». URL: <https://vbpl.vn/TW/Pages/vbpqtoanvan.aspx?ItemID=96172&Keyword=bo%20luat%20hinh%00su> (дата обращения: 30.11.2025).

12. Волеводз А. Г., Решетников Ю. Г. Электронные доказательства в уголовном процессе Китайской Народной Республики // Вестник экономической безопасности. 2024. № 5. С. 20–27. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2024-5-20-27>.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики от 26 октября 2018 г. URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/criminal-procedure-law-of-china-20181026/enchn> (дата обращения: 30.11.2025).

Хомутова Ксения Сергеевна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

Shevi02@mail.ru

Государственный экологический контроль (надзор) в области обращения с отходами

***Аннотация.** В данной статье анализируется контрольно-надзорная деятельность уполномоченных федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области обращения с отходами, рассматриваются основные нормы федерального закона № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», федерального закона № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления». В ходе исследования федерального закона № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» выявлены противоречия в части реализации статей 75 и 76 данного нормативного акта.*

***Ключевые слова:** государственный контроль (надзор), обращение с отходами, контрольные мероприятия, экологическая безопасность, правовое регулирование.*

Khomutova Kseniya Sergeevna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

State environmental control (supervision) in the field of waste management

***Annotation.** This article analyzes the control and supervisory activities of authorized federal executive authorities and executive authorities of the subjects of the Russian Federation in the field of waste management, examines the basic norms of Federal Law № 7-FL “On Environmental Protection”, Federal Law № 89-FL “On Production and Consumption Waste”. The study of Federal Law № 248-FL “On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation” revealed contradictions in articles 75 and 76 of this regulatory legal act.*

***Keywords:** state control (supervision), waste management, control measures, environmental safety, legal regulation.*

В соответствии со статьей 64 Федерального закона от 10.01.2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» в Российской Федерации осуществляется четыре вида экологического контроля: государственный, производственный, муниципальный и общественный. Критериями такой классификации являются субъект, от имени которого проводится контроль, и сфера действия экологического контроля [1].

В статье 65 Федерального закона от 10.01.2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» государственный экологический контроль (надзор) определяется как деятельность уполномоченных федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Феде-

рации, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений органами государственной власти, органами местного самоуправления, а также юридическими лицами, их руководителями и иными должностными лицами, индивидуальными предпринимателями, их уполномоченными представителями и гражданами требований, установленных в соответствии с международными договорами Российской Федерации, другими федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, посредством организации и проведения проверок указанных лиц, принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению и (или) устранению последствий выявленных нарушений и деятельность уполномоченных органов государственной власти по систематическому наблюдению за исполнением обязательных требований, анализу и прогнозированию состояния соблюдения обязательных требований при осуществлении органами государственной власти, органами местного самоуправления, юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и гражданами своей деятельности [1].

В условиях, когда хозяйственная деятельность нередко осуществляется без учета экологических и социальных интересов общества, только государственный контроль способен обеспечить принуждение лиц, осуществляющих деятельность в области обращения с отходами, к исполнению требований законодательства. Последовательное создание механизма государственного контроля позволяет достичь действительно положительных результатов в области защиты окружающей среды от негативного воздействия отходов.

В настоящее время государственный экологический контроль осуществляется путем осуществления федерального и регионального контроля. Соответственно, субъектами реализации являются федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации [5].

Основная цель государственного экологического контроля заключается в предотвращении любых экологических нарушений, а также выяснение на предмет соблюдения обязательных установленных требований в области окружающей среды. Государственный экологический контроль является потенциально наиболее эффективным видом экологического контроля, так как осуществляющие его органы наделены правом применения мер принуждения (привлечение к административной ответственности, постановка вопроса о возмещении вреда окружающей среде и др.). Данные меры могут применяться только при наличии нарушений экологических норм и правил в случаях, предусмотренных законодательством.

Одним из видов государственного экологического контроля является контроль в области обращения с отходами. В процессе исследования его содержания нами было сформулировано следующее определение: государственный контроль в области обращения с отходами – это деятельность уполномоченных государственных органов исполнительной власти по проверке соблюдения юридическими и физическими лицами требований, установленных норматив-

ными правовыми актами в области обращения с отходами, по предотвращению, выявлению, пресечению нарушений этих требований и по принятию мер реагирования на выявленные нарушения с целью минимизации негативного воздействия отходов на окружающую среду.

В соответствии с указом Президента Российской Федерации от 09.03.2004 года «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» функции по контролю и надзору в сфере экологии и природопользования были переданы Федеральной службе по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзору) и Федеральной службе по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзору). Контроль за соблюдением требований законодательства в области обращения с отходами осуществляет Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору [4].

Федеральный закон от 31.07.2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» определяет процессуальный порядок осуществления государственного контроля (надзора), основное внимание уделяется профилактическим мероприятиям, дополняется перечень контрольных (надзорных) мероприятий, предполагается цифровизация контроля (надзора) [2].

Однако, конкретные аспекты, касающиеся контроля в области обращения с отходами, регулируются другими нормативными актами. В частности, контроль за обращением с отходами регулируется положениями Федерального закона от 24.06.1998 года № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления». В этом нормативном акте прописаны нормы, касающиеся контроля за обращением с отходами, включая требования к сбору, транспортировке, обработке и утилизации отходов [3].

Согласно Федеральному закону № 248-ФЗ, контрольные (надзорные) мероприятия разделены на две группы: к первой группе отнесены мероприятия со взаимодействием с контролируемыми лицами, включая дистанционное взаимодействие; ко второй группе относятся мероприятия без взаимодействия с подконтрольными лицами. Взаимодействием органов с подконтрольными субъектами при проведении этих мероприятий будут считаться встречи, телефонные и иные переговоры (непосредственное взаимодействие) между инспектором и контролируемым лицом и, конечно же, запрос документов, иных материалов, присутствие инспектора в месте осуществления деятельности контролируемого лица (за исключением, когда инспектор присутствует на общедоступных производственных объектах).

К первой группе отнесены такие мероприятия, как: 1) контрольная закупка; 2) мониторинговая закупка; 3) выборочный контроль; 4) инспекционный визит; 5) рейдовый осмотр; 6) документарная проверка; 7) выездная проверка. Ко второй группе мероприятий относятся: 1) наблюдение за соблюдением обязательных требований; 2) выездное обследование. В рамках каждого контрольно-надзорного мероприятия устанавливается перечень возможных контрольно-надзорных действий. Например, таких как осмотр, досмотр, опрос, истребование документов и т. д. [2].

В рамках реализации Федеральный закон от 31.07.2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» существует ряд проблемных вопросов.

Так, в соответствии с частью 4 статьи 75 Федерального закона № 248-ФЗ при проведении выездного обследования не допускается взаимодействие с контролируемым лицом. В рамках проведения выездного обследования осуществляется такой вид контрольного (надзорного) действия как осмотр (пункт 1 части 3 статьи 75).

Согласно части 2 статьи 76 Федерального закона № 248-ФЗ осмотр осуществляется инспектором в присутствии контролируемого лица или его представителя и (или) с применением фотосъемки или видеозаписи. По результатам осмотра инспектором составляется протокол осмотра, в который вносится перечень осмотренных территорий и помещений (отсеков), а также вид, количество и иные идентификационные признаки обследуемых объектов, имеющие значение для контрольного (надзорного) мероприятия.

Следовательно, существует противоречие в части того, что согласно статье 75 Федерального закона 248-ФЗ выездное обследование проводится без взаимодействия с контролируемым лицом, в то время как осмотр, являющийся частью выездного обследования проводится на основании статьи 76 Федерального закона 248-ФЗ в присутствии контролируемого лица или его представителя.

Вышеизложенное указывает на необходимость урегулирования противоречий между статьями 75 и 76 Федерального закона 248-ФЗ в части взаимодействия с контролируемым лицом при проведении осмотра. С целью устранения указанного противоречия необходимо внесение соответствующих изменений в статью 75 Федерального закона № 248-ФЗ, предусматривающие порядок фиксации результатов выездного обследования.

Список источников

1. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.12.2025).
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.12.2025).
3. Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.12.2025).
4. Указ Президента Российской Федерации от 09.03.2004 № 314 (ред. от 27.03.2023) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.12.2025).
5. Борисов А. Н., Игнатов С. Л. Комментарий к Федеральному закону от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (постатейный). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.12.2025).

Шестерикова Алина Алексеевна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

Alinashesterikova@yandex.ru

Мельников Иван Николаевич

кандидат юридических наук, доцент

Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

melnikk44@gmail.com

Изменение вида разрешенного использования земельных участков в составе земель сельскохозяйственного назначения

***Аннотация.** В статье рассматривается актуальная проблема правового регулирования использования земельных участков сельскохозяйственного назначения, полученных в результате реорганизации колхозов, земель, приобретенных гражданами в собственность без проведения торгов с разрешенным использованием «для ведения личного подсобного хозяйства на полевых участках». Анализируется правовой статус данных участков, ограничения на их использование, а также роль органов местного самоуправления в процессе изменения целевого назначения земель.*

***Ключевые слова:** земельные участки, сельскохозяйственные земли, вид разрешенного использования, целевое назначение, местное самоуправление, право собственности.*

Shesterikova Alina Alekseevna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Melnikov Ivan Nikolaevich

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Changing the permitted use of land plots within agricultural lands

***Annotation.** The article discusses the current problem of legal regulation of the use of agricultural land plots obtained as a result of the reorganization of collective farms, and lands acquired by citizens as private property without conducting a public auction, with the permitted use of “or personal subsidiary farming on field plots.” The article analyzes the legal status of these plots, the restrictions on their use, and the role of local government bodies in the process of changing the purpose of land use.*

***Keywords:** land plots, agricultural land, type of permitted use, purpose, local government, and ownership rights.*

В современных условиях развития земельных отношений в России особую актуальность приобретает проблема использования земельных участков сельскохозяйственного назначения, находящихся в частной собственности граждан, приобретенных в собственность по различным основаниям.

Земельный пай – это часть земельного участка, которая выделяется гражданину в общем земельном массиве.

Это доля в праве общей собственности на земельный участок, а не конкретный участок земли с определенными границами.

Проблема, с которой сталкиваются многие собственники земельных участков, полученных в результате распада колхозов, представляет собой сложный юридический и административный казус, актуальный для современной системы земельных отношений. Несмотря на то, что данные земельные паи находятся в частной собственности граждан, сформированные и поставленные на кадастровый учет, как самостоятельные объекты недвижимости с сохранением правового статуса земель сельхозназначения, на способ их использования накладываются жесткие ограничения.

Аналогичная проблема с земельными участками из земель сельскохозяйственного назначения, приобретенными гражданами без проведения торгов с видом разрешенного использования «для ведения личного подсобного хозяйства на полевых участках». Это означает, что земля может использоваться исключительно для сельскохозяйственных нужд, и любые попытки изменить вид разрешенного использования, например «для ведения садоводства» приводит к серьезным правовым препятствиям.

Изменения вида разрешенного использования земельных участков в составе земель сельскохозяйственного назначения «для сельскохозяйственного производства», «для ведения личного подсобного хозяйства на полевых участках» отнесенных к сельскохозяйственным угодьям, на вид разрешенного использования «ведение садоводства» является актуальной проблемой в настоящее время.

Использование земельных участков осуществляется в порядке, предусмотренным земельным законодательством и законодательством Российской Федерации о градостроительной деятельности.

Согласно пункту 1 статьи 78 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – Земельный кодекс) земли сельскохозяйственного назначения могут использоваться для ведения сельскохозяйственного производства, создания защитных лесных насаждений, научно-исследовательских, учебных и иных связанных с сельскохозяйственным производством целей, а также для целей аквакультуры (рыбоводства), в том числе гражданами, ведущими садоводство и огородничество [2].

В силу положений статьи 77, 79 Земельного кодекса в составе земель сельскохозяйственного назначения выделяются сельскохозяйственные угодья, которые имеют приоритет в использовании и подлежат особой охране [2].

Ограничения по использованию сельскохозяйственных угодий в составе земель сельскохозяйственного назначения закреплены пунктами 4, 5, 6 статьи 79 Земельного кодекса.

На основании статьи 23 Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 217-ФЗ) образование садовых земельных участков допускается как из земель сельскохозяйственного назначения, так и из земель населенных пунктов[5].

В соответствии со статьей 6 Земельного кодекса Российской Федерации, изменение вида разрешенного использования возможно лишь при разработке и утверждении соответствующей документации органами местного самоуправления, а также при условии, что территория, на которой находится участок, входит в границы населенного пункта или к таким границам присоединяется [2].

В основе этой проблемы лежит сложный и многоступенчатый процесс перераспределения земель и смены их статуса, который напрямую зависит от активности и инициативы представительного органа местного самоуправления или местной администрации.

В соответствии с Градостроительным кодексом Российской Федерации (далее – ГрК РФ), именно эти муниципальные органы разрабатывают и принимают специализированную документацию – территориальные схемы и планы землепользования, а также проводят расширение границ населенного пункта, включая в его состав соответствующие сельскохозяйственные участки [1].

Такая системная процедура призвана обеспечить упорядоченное и взвешенное изменение назначения земель, вида разрешенного использования, исключая хаотичные или необоснованные переводы земель из одной категории в другую.

Использование земельных участков, на которые действие градостроительных регламентов не распространяется или для которых градостроительные регламенты не устанавливаются, определяется уполномоченными федеральными органами исполнительной власти, уполномоченными органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации или уполномоченными органами местного самоуправления в соответствии с федеральными законами. Использование земель или земельных участков из состава земель лесного фонда, земель или земельных участков, расположенных в границах особо охраняемых природных территорий (за исключением территорий населенных пунктов, включенных в состав особо охраняемых природных территорий), определяется соответственно лесохозяйственным регламентом, положением об особо охраняемой природной территории в соответствии с лесным законодательством, законодательством об особо охраняемых природных территориях [1, ст. 36].

В соответствии с частью 5 статьи 37 ГрК РФ решения об изменении одного вида разрешенного использования земельных участков и объектов капиталь-

ного строительства, расположенных на землях, на которые действие градостроительных регламентов не распространяется или для которых градостроительные регламенты не устанавливаются, на другой вид такого использования принимаются в соответствии с федеральными законами [1].

При этом федеральный закон, регламентирующий использование земельного участка, для которого градостроительный регламент не устанавливается, а также орган уполномоченный на установление или изменение видов разрешенного использования таких земельных участков, не принят.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 4 ФЗ от 29.12.2004 № 191-ФЗ «О введении в действие Градостроительного кодекса РФ» до утверждения в установленном ГрК РФ порядке правил землепользования и застройки решение об изменении одного вида разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства на другой вид использования принимается главой местной администрации, за исключением случаев предусматривающих жилищное строительство, а также случаев, предусмотренных п. 5 настоящей части ст. 4.1 настоящего ФЗ, с учетом заключения о результатах общественных обсуждений или публичных слушаний [6].

Таким образом, разрешение вопроса о рассмотрении заявления об изменении разрешенного использования и принятия по результатам его рассмотрения соответствующего решения, относится к исключительной компетенции уполномоченного органа.

Постановление администрации Костромской области от 18.05.2016 № 181-а «Об утверждении порядка формирования перечня земель и земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, расположенных на территории Костромской области, использование которых для других целей не допускается» регламентирует процесс формирования перечня земель, подлежащих сохранению в сельскохозяйственном обороте, ограничивая возможности их перевода в иные категории и подчеркивая необходимость защитного режима для ценных угодий. Этот нормативный акт служит дополнительным ограничением возможности для реформирования земельных отношений [7].

Государственные органы, такие как Росреестр, оказываются бессильны изменить ситуацию, так как они действуют в рамках законодательства и не наделены полномочиями самостоятельно менять статус земельных участков без соответствующих решений муниципальных органов.

Согласно Обзору судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за IV квартал 2013 г., утвержденному Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 4 июня 2014 г. [8], иного федерального закона, регламентирующего использование земельных участков, для которых градостроительные регламенты не устанавливаются и определяется порядок проведения зонирования территорий, не имеется, что означает невозможность изменения вида разрешенного использования земельных участков сельскохозяйственных угодий в составе земель сельскохозяйственного назначения и действие принципа сохранения целевого использования данных земельных участков, закреплен-

ного подпунктом 1 пункта 3 статьи 1 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [4]. До принятия специального законодательства о зонировании территорий для сельскохозяйственных угодий установлен особый правовой режим, имеющий целью охрану указанных земель и недопущение выведения таких земель из сельскохозяйственного оборота, осуществления их застройки, в том числе в целях использования в сельскохозяйственной деятельности.

Актуальность данного вывода подтверждается кассационным определением Верховного суда Российской Федерации от 15 июня 2022 г. № 75-КАД22-1-КЗ, в котором в том числе отмечается, что в указанной ситуации юридически значимым обстоятельством является установление факта отнесения земель, на которых расположен земельный участок, к сельскохозяйственным угодьям. Само по себе наличие территориальной зоны сельскохозяйственного использования (сельхозугодья) не свидетельствует об отнесении земельного участка к сельскохозяйственным угодьям [9].

Также согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в кассационном определении Верховного Суда Российской Федерации от 13 сентября 2019 г. № 35-КА19-3 документы, полученные в результате проведения землеустройства, основанные на данных, содержащихся в проекте перераспределения земель бывших колхозов, не могут рассматриваться в качестве документов, подтверждающих отнесение земельного участка к сельскохозяйственным угодьям [10].

Так, например, в Костромской области, в Костромском районе была проведена в 1994 году инвентаризация земель ОПХ «Минское», в результате которой, часть земель сельскохозяйственного назначения была передана органам местного самоуправления и обозначены как земли Минской сельской администрации, данная инвентаризация проведена по материалам корректировки 1987 года и инвентаризации 1988 года. Такие сельскохозяйственные участки переданы в ведение сельской администрации, но не включены в границы населенного пункта и в настоящее время граждане обратившиеся в администрацию соответствующего района с заявлением о разрешении изменения вида разрешенного использования получают отказ в предоставлении данной муниципальной услуги ссылаясь на то, что данные земли относятся к сельскохозяйственным угодьям пашня, в связи с чем, изменить вид разрешенного использования земельного участка не представляется возможным.

Граждане вынуждены в судебном порядке защищать свои нарушенные права. Суд, рассматривая каждое конкретное дело данной категории, встает на сторону граждан, полагая, что их законные права и интересы как землепользователей нарушены, что подтверждается судебной практикой, сложившейся в нашем регионе [3].

Таким образом, вопрос изменения вида разрешенного использования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения детально не урегулирован.

Собственники, несмотря на наличие законных прав на землю, фактически оказываются в безвыходном положении, когда реализация их прав на полноценное использование собственности блокируется административными и законодательными барьерами. Эта ситуация демонстрирует системную дисгармонию между законодательной базой, административной практикой и реальными потребностями граждан, подчеркивая необходимость реформ и пересмотра подходов к управлению земельными ресурсами.

Для преодоления проблемы необходимо развитие и реформирование муниципальной практики землепользования, обеспечение прозрачности и последовательности процедур перевода земель в другие категории, с учетом интересов собственников и аграрной политики региона.

Исходя из вышеизложенного предлагаем включить пункты в Постановление администрации Костромской области от 18.05.2016 № 181-а «Об утверждении порядка формирования перечня земель и земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, расположенных на территории Костромской области, использование которых для других целей не допускается»:

1. О периодическом пересмотре перечня ценных сельскохозяйственных угодий с возможностью оперативного исключения отдельных участков по мотивированным заявкам с согласованием межведомственной комиссии.

2. О закреплении за органами местного самоуправления, обязанность по проведению инвентаризации земель, разработку картографического материала с учетом фактического местоположения земель и их использования.

Это позволит устранить существующие социально-экономические ограничения, повысит эффективность использования земельных ресурсов и обеспечит более справедливое и устойчивое развитие территорий. Разработка картографического материала, инвентаризация и межевание территорий муниципальных образований позволит в режиме реального времени эффективно использовать земельные участки без возникновения нарушения прав граждан и интересов муниципальных образований, соответствующих субъектов, в том числе и Костромской области, также обеспечит налоговыми пополнениями бюджет соответствующего муниципального образования.

Список источников

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 26.12.2024). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 10.11.2025).

2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 01.09.2024). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 10.11.2025).

3. Решения Костромского районного суда по делам: № 2а-987/2025, № 2а-1486/2024; № 2а-936/2025, № 2а-1665/2023, № 2а-830/2024, дело № 2а-1217/2025. URL: <https://kostromskoy--kst.sudrf.ru> (дата обращения 11.11.2025).

4. Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (ред. от 08.08.2024). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 10.11.2025).

5. Федеральный закон от 29.07.2017 № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 22.07.2024). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 10.11.2025).

6. Федеральный закон от 29.12.2004 № 191-ФЗ «О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 10.11.2025).

7. Постановление Администрации Костромской области от 18.05.2016 № 181-а «Об утверждении порядка формирования перечня земель и земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, расположенных на территории Костромской области, использование которых для других целей не допускается». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения 10.11.2025).

8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за IV квартал 2013 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.06.2014) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 8.

9. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2022 № 75-КАД22-1-К3. URL: <https://www.vsrif.ru> (дата обращения: 11.11.2025).

10. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 13.09.2019 № 35-КА19-3. URL: <https://www.vsrif.ru> (дата обращения: 11.11.2025).

УДК 343.153

Чумаков Владимир Алексеевич

аспирант, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

chumakov1703@mail.ru

Историко-правовой анализ гражданского иска в уголовном процессе Российской империи XIX века

***Аннотация.** В научной статье проводится анализ института гражданского иска в уголовном судопроизводстве Российской империи в XIX столетии. Рассматривается эволюция нормативного регулирования данного института – от архаичных положений Свода законов 1832 года до прогрессивных принципов Устава уголовного судопроизводства 1864 года. Автор исследует доктринальные подходы к пониманию природы гражданского иска*

в уголовном процессе, процессуальные механизмы его заявления и разрешения, а также практические проблемы, связанные с реализацией права потерпевшего на возмещение вреда. Делается вывод о том, что реформа 1864 года закрепила в России адгезионную (присоединительную) модель гражданского иска, которая, несмотря на ряд недостатков, стала значительным шагом вперед в защите прав личности.

Ключевые слова: гражданский иск в уголовном процессе, уголовно-процессуальное право Российской империи, Устав уголовного судопроизводства 1864 года, Судебная реформа Александра II, реституция, возмещение вреда, «адгезионный» процесс.

Chumakov Vladimir Alekseevich

graduate student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Historical and legal analysis of a civil claim in the criminal proceedings of the 19th century Russian empire

Annotation. *The scientific article analyzes the institution of civil action in the criminal proceedings of the Russian Empire in the 19th century. The evolution of the regulatory regulation of this institution is considered – from the archaic provisions of the Code of Laws of 1832 to the progressive principles of the Statute of Criminal Procedure of 1864. The author explores doctrinal approaches to understanding the nature of a civil claim in criminal proceedings, the procedural mechanisms of its application and resolution, as well as practical problems related to the realization of the victim's right to compensation for harm. It is concluded that the reform of 1864 consolidated in Russia the adhesive model of civil action, which, despite a number of shortcomings, was a significant step forward in protecting individual rights.*

Keywords: *civil action in criminal proceedings, criminal procedure law of the Russian Empire, the Statute of Criminal Procedure of 1864, Judicial reform of Alexander II, restitution, compensation for harm, “adhesive” process.*

Институт гражданского иска в уголовном процессе представляет собой уникальный правовой симбиоз, в рамках которого разрешаются одновременно вопросы уголовной ответственности и гражданско-правовых притязаний. XIX век в России стал периодом кардинальной трансформации всей правовой системы, и уголовный процесс не был исключением. В связи с этим, изучение эволюции гражданского иска в этот период имеет не только историко-познавательное значение, но и позволяет глубже понять генезис современных процессуальных конструкций, выявить устойчивые тенденции и системные проблемы.

В первой половине XIX века, до знаменитой Судебной реформы 1864 года, уголовный процесс регламентировался в основном положениями Свода законов Российской империи (том 15) [1]. Процесс носил ярко выраженный инквизиционный, розыскной характер. В рамках этого порядка гражданский иск не был самостоятельным институтом в современном понимании.

Иск потерпевшего о возмещении ущерба («иск обиженного») рассматривался как неотъемлемая часть уголовного дела. По сути, материальный ущерб доказывался и вменялся в вину наряду с самим преступным деянием. Разрешение гражданско-правового требования происходило автоматически, вместе с вынесением обвинительного приговора. Суд обязан был определить размер

убытков и взыскать их с подсудимого в пользу потерпевшего. Это была так называемая «слитная» модель, при которой гражданский процесс полностью поглощался уголовным.

Данная система, несмотря на кажущуюся эффективность, имела существенные недостатки. Во-первых, отсутствие диспозитивности. Потерпевший был лишен права распоряжаться своим гражданским требованием (отказаться от иска, изменить его размер, заключить мировое соглашение). Во-вторых, процессуальное бесправие, т. е. «обиженный» не являлся полноправной стороной, аналогичной современному гражданскому истцу. Его права на отстаивание своей гражданско-правовой позиции были крайне ограничены. В-третьих, гражданско-правовая ответственность возникала исключительно из факта уголовной ответственности, что не всегда корректно с точки зрения гражданского права (например, не учитывался вопрос вины в гражданско-правовом смысле).

Принятие Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС) в 1864 году [2] ознаменовало переход к состязательному процессу. Это коренным образом изменило судьбу гражданского иска. Российский законодатель, взяв за основу в значительной степени французский Уголовно-процессуальный кодекс 1808 года, закрепил так называемую «адгезионную» (присоединительную) модель гражданского иска. В целом, новации УУС можно назвать революционными.

Согласно ст. 6 УУС, «иск о вознаграждении за вред и убытки, причиненные преступным деянием, может быть предъявлен уголовным судом вместе с уголовным делом». Данная формулировка подчеркивает факультативный, а не обязательный характер соединения двух производств.

Глава 5 УУС («О лицах, участвующих в деле») прямо выделяла гражданского истца и гражданского ответчика как самостоятельных участников процесса. Гражданский истец имел право представлять доказательства, участвовать в судебных прениях, обжаловать приговор в части, касающейся гражданского иска. Из этого следует, что стал признаваться процессуальный статус гражданского истца.

Прямо закреплены были диспозитивные начала. Гражданский истец мог предъявить иск в уголовном деле, а мог обратиться с самостоятельным иском в гражданский суд. Он также был вправе отказаться от иска или заключить мировое соглашение с гражданским ответчиком (которым мог быть не только обвиняемый, но и лицо, несущее материальную ответственность за его действия).

Кроме того, следует выделить как новацию разграничение оснований ответственности. Это заключалось в том, что суд был обязан самостоятельно исследовать гражданско-правовые основания иска: размер убытков, причинную связь, вину в гражданско-правовом смысле (ст. 749 УУС). Приговор по уголовному делу не имел для гражданского суда преюдициального значения в вопросах размера вреда.

Несмотря на прогрессивный характер нововведений, «адгезионная» модель столкнулась с рядом практических проблем, которые активно обсуждались в юридической доктрине того времени (к примеру, труды И. Я. Фойницкого [6], В. К. Случевского [4], С. И. Викторского [3]). Авторы отмечают, что УУС возла-

гал бремя доказывания размера убытков на гражданского истца. В условиях низкой правовой грамотности населения это зачастую приводило к необоснованным отказам в удовлетворении исков. Также доктрина и судебная практика второй половины XIX века не признавали возможность взыскания компенсации за нравственные страдания (моральный вред) в рамках уголовного процесса. Возмещению подлежали лишь реальный ущерб и упущенная выгода. В случаях, когда материальную ответственность за действия обвиняемого несло третье лицо (например, владелец железной дороги за служащего), возникали процессуальные сложности с привлечением его в качестве гражданского ответчика [5].

Следует отметить, что среди процессуалистов велась дискуссия: является ли гражданский иск в уголовном деле самостоятельным гражданским иском, предъявленным в необычной процедуре, или же это особая, уголовно-процессуальная форма защиты прав. Преобладала точка зрения И. Я. Фойницкого [6], рассматривавшего его как гражданский иск, адаптированный к целям и задачам уголовного судопроизводства.

Подытожим, что эволюция института гражданского иска в уголовном процессе России XIX века прошла путь от архаичной «слитной» модели инквизиционного процесса до современной «адгезионной» системы, основанной на принципах состязательности и диспозитивности. Устав уголовного судопроизводства 1864 года создал эффективный, хотя и не лишенный изъянов, механизм защиты имущественных прав потерпевшего от преступления. Закрепление процессуального статуса гражданского истца, предоставление ему широких прав и возможность выбора способа защиты (в уголовном или гражданском процессе) стали значительным достижением правовой реформы, поставившим Российскую империю в один ряд с передовыми европейскими державами в сфере судопроизводства.

Опыт законодательного регулирования и правоприменительной практики XIX века остается актуальным и сегодня, демонстрируя устойчивость основных проблем, связанных с балансом публичных и частных интересов в уголовном процессе, и предлагая исторические примеры их разрешения.

Список источников

1. Свод законов Российской империи: принят Манифестом Николая I 31 января (12 февраля) 1833 г. // Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. URL: <https://www.prilib.ru/> (дата обращения: 11.09.2025).
2. Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2. Устав уголовного судопроизводства. 1867. [3], VII, XXV / изд. Гос. канцелярией. 2-е изд., доп. СПб. : в типографии 2 отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. 523 с.
3. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1997. (По изд. 1910 г.) 438 с.
4. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. М., 2008. (По изд. 1913 г.). 398 с.

5. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. 846 с.

6. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. СПб., 1996. (По изд. 1910 г.) 607 с.

Секция 4

ПРАВОВЫЕ РИСКИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

УДК 004.75:681.5:656.62(571.1.6)

Анянова Екатерина Сергеевна

кандидат юридических наук

г. Калининград, Российская Федерация

anyanova@mail.ru

Кибербезопасность в международном морском праве

***Аннотация.** Цель настоящей работы – изучить необходимость совершенствования норм международного права по вопросу киберустойчивости судоходства. Эта работа представляет собой анализ правовых документов и исследований в данной области с целью уточнения режима прав и обязанностей государств. Статья основана на последних инцидентах в киберпространстве судоходства и опубликованных международно-правовых исследованиях.*

***Ключевые слова:** судоходство, кибербезопасность, Российский морской регистр судоходства, международное морское право, киберустойчивость.*

Anyanova Ekaterina Sergeevna

Candidate of Legal Science

Kaliningrad, Russian Federation

Cybersecurity in international maritime law

***Annotation.** The purpose of the current paper is to study the need to improve the rules of international law on the issue of cyber resilience. This paper presents an analysis of legal documents and studies in this area with the purpose to clarify the regime of rights and duties of states. The article is based on the last incidents and in the published international legal researchs.*

***Keywords:** shipping, cybersecurity, Russian Maritime Register of Shipping, international law of the sea, cyber resilience.*

Введение

Киберугрозы являются актуальными угрозами для современного судоходства. Это связано с различными внешними посягательствами на работу навигационных и других систем судна. В настоящее время компьютеризованные системы судоходства нуждаются в защите от киберпреступлений, ведь посягательства на безопасность судов в условиях развития автономного судоходства, дис-

танционного управления судами не должны привести к загрязнению окружающей среды и др.

Угроза кибернападений в судоходстве

Последствия кибернападений могут иметь сильные негативные последствия для судоходства. В среднем на устранение последствий кибернападения в морском судоходстве уходит около двух месяцев [3, с. 21].

В 2023 году голландские порты, в том числе Амстердам и Гронинген, подверглись нападениям типа «отказ от обслуживания»: сайт порта Амстердама даже прекратил свою работу [3].

В июле 2024 г. было совершено кибернападение с помощью флеш-накопителей с вредоносным ПО, подключенных к компьютерам на многочисленных судах в различных точках земного шара (норвежские и греческие грузовые суда, суда в Нидерландах) [3].

Эти нападения показали, что многие из систем компьютерной защиты в судоходстве устарели и очень уязвимы для киберугроз.

В связи с этими нападениями речь ведется о необходимости проведения большей работы в области предотвращения кибернападений [6].

Одной из самых вероятных киберугроз для судоходства в настоящее время являются вредоносное программное обеспечение (ПО), такое как программы-вымогатели, трояны, вирусы и т. д., которые могут попасть в компьютерную сеть через электронную почту; переносные USB-накопители данных; переносные мобильные устройства [2, с. 80].

Документы международного права в области борьбы с кибернападениями в морском судоходстве

Судоходство в настоящее время является достаточно уязвимым для киберугроз. Недавние примеры из судоходной отрасли продемонстрировали, что кибернападения способны нарушить работу судов и управление грузами, нанести значительные финансовые потери и репутационный ущерб.

Документальная часть международного права, посвященная кибербезопасности в судоходстве, скудна. Вопрос кибербезопасности является пробелом в обеспечении безопасности судов и портовых сооружений [7].

Международно-правовые документы в области кибербезопасности судоходства стали появляться в международном праве с 2017 года в виде таких инструментов как руководства и рекомендации. Однако обязательных требований не существует.

В 2017 г. была принята Резолюция Комитета по безопасности на море ИМО MSC.428(98) «Управление киберрисками в морской отрасли в рамках систем управления безопасностью». Данная резолюция содержит в себе основные принципы менеджмента киберрисками в условиях имеющихся систем безопасности в морской области [7] в соответствии с нормами и требованиями Международного кодекса по управлению безопасностью (МКУБ).

Методические рекомендации по управлению киберрисками в морской сфере ИМО были приняты в 2017 г. и вступили в силу в 2021 г. для целей борьбы с киберугрозами в судоходстве. Данные рекомендации являются дополни-

тельными для управленческих практик в области охраны и безопасности судоходства, уже имеющихся в ИМО.

Дополнительные руководства и стандарты в области кибербезопасности на море включают в себя концепцию кибербезопасности 2.0, разработанную Национальным институтом стандартов и технологий США, а также ISO/IEC 27001 – международный стандарт по информационной безопасности, разработанный Международной электротехнической комиссией совместно с Международной организацией по стандартизации. Руководство по охране от кибернападений на борту судов подготовлено при поддержке Всемирного совета судоходства, Ассоциации строителей супер-яхт, Международной ассоциации судовых менеджеров (Интерменеджер, ИСМА), Международной ассоциации владельцев сухогрузных судов (ИНТЕРКАРГО), Международной ассоциации независимых владельцев танкеров (ИНТЕРТАНКО), Международного морского форума нефтяных компаний (ОКИМФ), Балтийского и международного морского совета (БИМКО), Международного союза морского страхования (МСОМС), Международной палаты судоходства (МПС).

Руководство по охране от кибернападений для портов и портовых сооружений было разработано Международной ассоциацией портов и гаваней (МАСПОГ) в 2021 году. Документ был представлен на 104-й сессии КБМ ИМО в 2021 году. Документ содержит меры охраны от кибернападений для сектора морских перевозок, включая обучение и тренировки персонала по охране от кибернападений, регулярную оценку охраны от кибернападений и разработку планов охраны от кибернападений, надлежащее кадровое обеспечение, обнаружение угроз, реагирование на инциденты и отчетность.

Существующие международно-правовые документы в области кибербезопасности судоходства, такие как Резолюция MSC.428(98) Комитета по безопасности на море (КБМ) от 16 июня 2017 года, Международный кодекс по охране судов и портовых сооружений (ОСПС), и другие документы, в основном, содержат в себе меры по менеджменту рисков, но им недостает детального регулирования для применения в этой области на практике.

Хотя Кодекс ОСПС содержит в себе механизмы риск-менеджмента, затронутая область представлена в основном физическими рисками, в частности, охрану компьютерных систем и сетей.

В Кодексе ОСПС предусмотрено две части: часть А обязательного характера и часть В рекомендательного характера.

Часть А Кодекса ОСПС не содержит в себе норм, регулирующих вопросы охраны от кибернападений. Часть В содержит в себе нормы, регулирующие вопросы охраны от кибернападений в виде положений с рекомендацией учитывать во время проведения оценки уязвимости системы физической охраны от кибернападений на море «радио- и телекоммуникационное оборудование», в том числе и «компьютерные системы и сети». Упомянутые положения части В Кодекса ОСПС, касающиеся вопросов охраны от кибернападений, представляют собой нормы «мягкого права». Содержащиеся в них инструкции и руководства являются необязательными к применению [4].

Однако вопросы кибербезопасности судоходства в международном праве продолжают разрабатываться дальше [5].

Выдвигаются многочисленные предложения по изменению международных правовых документов в части требований кибербезопасности. Делается вывод о необходимости включить правила кибербезопасности в функциональные процессы и обучение.

Требования российского законодательства по кибербезопасности судоходства

В настоящее время в российском судоходстве внедряют новые стандарты кибербезопасности, что становится особенно актуальным с развитием беспилотного судоходства.

Вопросами кибербезопасности судов в российском законодательстве занимается Российский морской регистр судоходства (РС, Регистр). Регистр является классификационным обществом, членом Международной ассоциации классификационных обществ (МАКО) с 1969 г.

Для судов класса Регистра на основании Рекомендации МАКО № 166 (Recommendation on Cyber Resilience) было разработано Руководство по обеспечению кибербезопасности. Руководство вступило в силу 1 января 2021 года. Руководство по обеспечению кибербезопасности применяется для судов на добровольной основе и носит рекомендательный характер [2].

Правил классификации и постройки морских судов (ПКПМС) содержит требования по киберустойчивости морских судов. ПКПМС были утверждены приказом федерального автономного учреждения «Российский Речной Регистр» от 15.06.2020 № 37-п, а новая часть XXI Правил «Киберустойчивость» вступила в силу 1 июля 2025 г. Эти требования гармонизированы с положениями международных стандартов по кибербезопасности и киберустойчивости [2].

Требования Части XXI «Киберустойчивость» применяются к судовым компьютеризированным системам. Таких систем на судне много, к примеру системы освещения, обнаружения затопления, сигнализации, пожаротушения, управления рулевым устройством, постановкой на якорь, швартовкой, электрооборудования.

Регистр вносит свой вклад и в разработку международных требований по данному направлению, участвуя в работе Международной морской организации по данному направлению.

Предложения по совершенствованию правового регулирования киберустойчивости для судоходства

Для целей дальнейшей борьбы с преступлениями необходимо проводить постоянное обучение персонала [3].

Кроме того, в международном праве получила распространение идея о создании международного трибунала по киберпространству для рассмотрения киберпреступлений международного характера. Работа международного трибунала с универсальной юрисдикцией в отношении актов киберпреступности послужила бы единообразному рассмотрению преступлений, совершенных в различных юрисдикциях, дала бы дополнительные возможности для судебного

преследования противоправных деяний. Данная концепция предполагает образование самостоятельного судебного органа с компетенцией в области киберпреступлений.

Представители другой концепции предлагают делегировать рассмотрение преступлений, совершенных в области международного киберпространства, Международному уголовному суду. В частности, такое предложение было сделано в 2005 г. во время проведения Конгресса Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию, организованном Управлением Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (далее – УНП ООН) в Бангкоке. Предложенная рекомендация рассматривала возможность включения в перечень преступлений, входящих в юрисдикцию Международного уголовного суда (МУС) киберпреступлений, в том числе и кибертерроризма. Расширить данный перечень преступлений предлагалось посредством процедуры внесения поправок к Статуту МУС.

Таким образом, данные концепции предлагают в той или иной форме учредить международный трибунал по киберпреступности, Создание данного органа оказало бы положительное влияние на дальнейшее формирование имеющихся стандартов в области международного права [1].

Заключение

Вопрос обеспечения кибербезопасности международного судоходства представляет собой пробел в области безопасности судов и портовых объектов и требует единообразного международно-правового регулирования в киберпространстве судоходства. Киберустойчивость судоходства зависит от глобальных регулятивных рамочных конструкций для морской кибербезопасности [5].

Существующее международно-правовое регулирование вопросов кибербезопасности в судоходстве несовершенно, содержит в себе много пробелов и требует дальнейшего развития. В частности, требуется развитие таких технологий как удаленное наблюдение двигателей судов и подключенного к Интернету навигационного оборудования.

Список источников

1. Мартиросян А. Ж. Кибербезопасность и международное морское право: обзор актуальных международно-правовых проблем в области киберпреступности // Международный правовой курьер. 2020. № 12. С. 41–50. URL: <https://inter-legal.ru/kiberbezopasnost-i-mezhdunarodnoe-morskoe-pravo-obzor-aktualnyh-mezhdunarodno-pravovyh-problem-v-oblasti-kiberprestupnosti?ysclid=mlt1l5ze5m579443819> (дата обращения: 11.12.2025).

2. Окунев В. А. Нормативные документы по обеспечению кибербезопасности и киберустойчивости морских судов // Научно-технический сборник Российского морского регистра судоходства. 2024. № 74. С. 79–82.

3. DNV CYBER (Eds.) Maritime cyber priority, 2024 / 2025. Managing cyber risk to enable innovation. URL: <https://www.dnv.com/> (дата обращения: 11.12.2025).

4. Petta M. C. Port Cybersecurity: Incorporating the IAPH's new Guidelines into the ISPS Code, 29 September 2021 // The Center for International Maritime Security (CIMSEC). URL: <https://cimsec.org/incorporating-the-iaphs-new-cybersecurity-guidelines-into-the-international-ship-and-port-facility-security-code/> (дата обращения: 11.12.2025).

5. Raymaker Anna et al. A Sea of Cyber Threats: Maritime Cybersecurity from the Perspective of Mariners // Proceedings of the 2025 ACM SIGSAC Conference on Computer and Communications Security. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2506.15842>.

6. Senarak C. Cybersecurity knowledge and skills for port facility security officers of international seaports: Perspectives of IT and security personnel // The Asian Journal of Shipping and Logistics. 2021. № 37 (4). P. 345–360.

7. Maritime cyber risk. The IMO. URL: <https://www.imo.org/> (дата обращения: 11.12.2025).

УДК 342.8

Баширов Тимур Владиславович

студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
tim.baschirow2016@yandex.ru

Кожохин Андрей Сергеевич

студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
taigaisthelaw@gmail.com

Вопросы применения цифровых технологий при организации голосования в Российской Федерации: правовые, технические и социальные аспекты

***Аннотация.** В статье проводится комплексный анализ трансформации избирательного процесса в Российской Федерации под влиянием цифровых технологий. Авторы рассматривают поэтапное внедрение технических новшеств – от комплексов обработки избирательных бюллетеней до системы дистанционного электронного голосования – сквозь призму конституционных принципов избирательного права. Исследуются ключевые противоречия, возникающие на стыке технологической эффективности и гарантий свободы волеизъявления: обеспечение тайны голосования, кибербезопасности, прозрачности и общественной верифицируемости процедур. На основе анализа текущего законодательства и избирательной практики 2021–2024 гг. делается вывод о необходимости формирования сбалансированной правовой модели, где инновации служат укреплению, а не ослаблению демократических стандартов.*

***Ключевые слова:** избирательное право, цифровизация выборов, дистанционное электронное голосование, ГАС «Выборы», кибербезопасность, тайна голосования, прозрачность, общественный контроль, цифровое неравенство.*

Bashirov Timur Vladislavovich
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Kozhokhin Andrey Sergeevich
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

**Issues of application of digital technologies in the organization of voting
in the Russian Federation: legal, technical and social aspects**

***Annotation.** The article provides a comprehensive analysis of the transformation of the electoral process in the Russian Federation under the influence of digital technologies. The authors examine the phased introduction of technical innovations – from ballot processing complexes to the remote electronic voting system – through the prism of the constitutional principles of electoral law. Key contradictions arising at the intersection of technological efficiency and guarantees of freedom of expression are investigated: ensuring the secrecy of voting, cybersecurity, transparency, and public verifiability of procedures. Based on the analysis of current legislation and electoral practice in 2021–2024, the conclusion is made about the need to form a balanced legal model where innovations serve to strengthen, not weaken, democratic standards.*

***Keywords:** electoral law, digitalization of elections, remote electronic voting, GAS “Vyборы” (State Automated System “Elections”), cybersecurity, secrecy of voting, transparency, public control, digital divide.*

Современная демократия немыслима без диалога с цифровой средой. Избирательный процесс, как ключевой институт легитимации власти, закономерно становится полем для технологических экспериментов. В Российской Федерации этот тренд приобрел масштабный и системный характер: от инструментов автоматизации отдельных процедур страна перешла к внедрению альтернативного цифрового канала для выражения воли гражданина [1, с. 56]. Данная трансформация, инициируемая государством, артикулируется целями повышения доступности, удобства и эффективности выборов. Однако она актуализирует фундаментальные вопросы о том, как технологические решения соотносятся с незыблемыми принципами всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании (ст. 3, 32 Конституции РФ) [2]. Представляется интересным провести правовой анализ действующей модели цифровизации голосования в РФ, выявить системные риски и предложить пути их минимизации в рамках правового поля.

1. Нормативно-правовая эволюция и архитектура цифровых избирательных технологий в РФ

Правовой основой для внедрения технологий служит рамочный Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав...», который допускает использование технических средств, включая средства автоматизации и ГАС «Выборы» [7]. Эволюция носила поступательный характер:

1. Этап автоматизации подсчета бюллетеней (с середины 2000-х): внедрение комплексов обработки избирательных бюллетеней (далее – КОИБ). Их статус – вспомогательный инструмент участковой избирательной комиссии. Закон требует обязательного проведения ручного подсчета не менее 20 % бюллетеней

для верификации данных КОИБ, а также полного ручного пересчета в случае расхождения. Это создает гибридную, подконтрольную и оспоримую модель.

2. Этап «прозрачности» и администрирования (с 2010-х):

- система видеонаблюдения (массово с 2012 г.) стала символом открытости процедуры волеизъявления на участке, позволив в реальном времени контролировать процесс голосования и подсчета;

- государственная автоматизированная система «Выборы» (далее – ГАС «Выборы») выполняет функции учета избирателей, регистрации кандидатов, обработки протоколов и передачи данных;

- портал «Госуслуги» интегрирован в избирательный процесс как платформа для подачи заявления о голосовании по месту нахождения («мобильный избиратель»), существенно упростив эту процедуру.

3. Этап институционализации дистанционного электронного голосования (далее – ДЭГ) (с 2021 г.): наиболее радикальное новшество. После серии региональных экспериментов в 2019-2020 гг. был принят отдельный Федеральный закон от 28.06.2021 № 215-ФЗ, легализующий ДЭГ на федеральном уровне [8]. ДЭГ позиционируется как дополнительный, добровольный способ реализации активного избирательного права. Голосование проводится на специальной цифровой платформе, доступ к которой осуществляется через учетную запись на портале «Госуслуги». Таким образом, государство создало параллельный, полностью цифровой контур голосования, функционирующий наряду с традиционным.

2. Дискуссионные поля: преимущества и системные риски цифровизации

Заявляемые преимущества технологий очевидны: повышение доступности для маломобильных граждан и находящихся вне места регистрации; оперативность подсчета бюллетеней; удобство для избирателя; снижение некоторых рисков нарушений на участке (например, за счет видеонаблюдения).

Однако в научном и экспертном сообществе сфокусированы серьезные дискуссии вокруг следующих рисков:

2.1. Кибербезопасность и неизменность волеизъявления. Любая цифровая система уязвима. Угрозы носят многоуровневый характер: от DDoS-атак, парализующих работу портала, до целевых атак на целостность базы данных и алгоритмы подсчета [9]. Хотя организаторы заявляют о применении криптографии, резервировании и отсутствии подключения к Интернету в ключевые моменты, принцип «нулевого доверия» в кибербезопасности гласит, что абсолютно безопасных систем не существует. В отличие от бумажного бюллетеня, чья физическая форма является прямым доказательством, цифровой след может быть изменен злоумышленником или в результате сбоя без возможности однозначного восстановления.

2.2. Тайна голосования и проблема внешнего принуждения. Классическая тайна голосования обеспечивается физической изоляцией избирателя в кабине и анонимностью бюллетеня. В случае ДЭГ голосование происходит в неконтролируемой комиссиями среде (дома, на работе). Невозможно гарантировать, что за спиной избирателя не стоит лицо, оказывающее давление, или что не осуществляется принудительная «помощь». Более того, возникает риск доказательно-

сти выбора: избиратель может сфотографировать или записать экран, чтобы доказать третьему лицу, за кого он проголосовал, что открывает путь к торговле голосами и административному контролю.

2.3. Прозрачность, верифицируемость и общественный контроль. Это ключевой пункт критики. Принцип публичности выборов предполагает, что любое наблюдательное лицо может лично проследить все этапы: от опускания бюллетеня в ящик до подсчета. В ДЭГ центральные процессы – прием, шифрование, расшифровка и суммирование голосов – происходят внутри «черного ящика» программного комплекса. Наблюдатели видят лишь интерфейс и конечный результат. Проверка корректности требует сквозного аудита, включающего анализ исходного кода, проверку криптографических протоколов и возможность индивидуальной проверки избирателем, что его голос учтен верно. Существующая в РФ модель предоставляет ограниченные возможности для такого независимого, глубокого аудита, делегируя его доверенным экспертам при ЦИК РФ, что снижает уровень всеобщего доверия.

2.4. Правовые коллизии и судебная защита. Материальный объект спора (бумажный бюллетень) может быть пересчитан по решению суда. Что является вещественным доказательством в случае оспаривания результатов ДЭГ? Логи серверов, цифровые подписи, записи в блокчейне (если используется). Их анализ требует высокой технической экспертизы, которой не обладают судьи. Это создает пробел в судебной защите: истцу крайне сложно представить доказательства нарушения, а суду – их проверить, что де-факто может сделать решения по ДЭГ практически неоспоримыми.

2.5. Цифровое неравенство. Технологии доступны не всем в равной мере. Пожилые люди, жители удаленных районов со слабым Интернетом, лица с низкой цифровой грамотностью оказываются в менее выгодном положении. Хотя ДЭГ является опцией, его активное продвижение может создать ощущение «второсортности» традиционного голосования и косвенно оказывать давление на определенные социальные группы.

3. Анализ практики применения ДЭГ на федеральных выборах 2021 и 2024 годов [4].

Выборы в Государственную Думу (2021 года) и выборы Президента РФ (2024 года) стали масштабным тестированием ДЭГ. Система продемонстрировала техническую работоспособность, охватив миллионы избирателей в более чем 30 регионах и за рубежом.

Однако эти кампании также выявили и усилили обозначенные выше дискуссии:

- Статистические «аномалии»: ряд независимых исследователей и наблюдателей указали на существенные расхождения в распределении голосов между участками с ДЭГ и традиционными участками на одних и тех же территориях. Организаторы объясняют это спецификой социодемографического портрета пользователей ДЭГ (более молодая, урбанизированная и технологичная аудитория).

- Ограниченность наблюдения: Общественные наблюдатели отмечали формальный характер контроля за ДЭГ, сводящийся к визуальному мониторингу мониторов в ситуационном центре, но не к проверке алгоритмов.

– Судебная практика: попытки оспорить результаты ДЭГ в судах, как правило, завершались отказами. Суды ссылались на заключения экспертов ЦИК РФ и отсутствие со стороны заявителей доказательств, равных по убедительности представленным системным данным, что наглядно иллюстрирует проблему доказывания [5; 6].

Подводя итог проведенному исследованию, видится целесообразным сделать следующие выводы.

Цифровизация избирательного процесса в России – свершившийся факт. Возврат к полностью аналоговой модели маловероятен. Поэтому центральным вопросом становится не «внедрять или нет», а «как регулировать, чтобы минимизировать риски для демократических принципов» [3].

Для формирования устойчивой и легитимной модели представляется необходимым:

1. Законодательное закрепление гарантий верифицируемости. Принятие поправок, обязывающих избирательные комиссии обеспечивать сквозную проверяемость ДЭГ. Это включает обязательный предвыборный независимый аудит исходного кода и криптографических протоколов с участием специалистов, делегируемых всеми парламентскими партиями и профильными НКО.

2. Усиление публично-правового статуса наблюдателей. Создание института технических наблюдателей с четкими правами доступа к неконфиденциальным данным системы (логи агрегированных процессов, результаты тестов) в реальном времени.

3. Принцип технологического консерватизма и параллельного счета. Бумажное голосование должно оставаться основным, повсеместно доступным и равнозначным по приоритетности способом. Результаты ДЭГ должны рассматриваться как часть общего результата только после их сверки со статистическими ожиданиями и данными традиционного голосования. Целесообразно сохранить правило о презумпции корректности бумажного бюллетеня в случае существенных расхождений.

4. Преодоление цифрового и информационного разрыва. Развертывание программ цифровой грамотности, ориентированных на избирательные процедуры, и создание инфраструктурной поддержки (центры помощи на базе МФЦ, библиотек) для граждан, не готовых к самостоятельному использованию ДЭГ.

5. Развитие судебной и экспертной проверки. Осуществление специальной подготовки судей, прошедших обучение в области ИТ-права, и утверждение процедур привлечения судебных ИТ-экспертов, независимых от исполнительной власти и ЦИК РФ.

Только при условии, что технологические решения будут поставлены на службу фундаментальным избирательным гарантиям, а их внедрение будет сопровождаться максимальной правовой и общественной контролируемостью, цифровизация сможет выполнить свою заявленную миссию – укрепить, а не ослабить, демократические институты Российской Федерации.

Список источников

1. Авакьян С. А. Конституционное право России: Учебный курс. В 2 т. М. : Норма, 2021.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.11.2025).
3. Надин А. Н. Трансформация избирательного права развития цифровых технологий в России: теория, практика и перспективы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-izbiratel'nogo-prava-v-usloviyah-razvitiya-tsifrovyyh-tehnologiy-v-rossii-teoriya-praktika-i-perspektivy/viewer> (дата обращения: 17.11.2025).
4. Отчеты миссий международного и российского гражданского наблюдения за выборами 2021, 2024 гг.
5. Постановления Центральной избирательной комиссии РФ, регламентирующие применение КОИБ, ДЭГ и иных технических средств.
6. Решения судов общей юрисдикции по жалобам на нарушения в ходе ДЭГ (на примере Определений Верховного Суда РФ за 2021–2024 гг.).
7. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/?ysclid=mlrurk38hl477296831> (дата обращения: 17.11.2025).
8. Федеральный закон от 28.06.2021 № 215-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования...». URL: <https://www.consultant.ru/?ysclid=mlrurk38hl477296831> (дата обращения: 17.11.2025).
9. Schneier B. Click Here to Kill Everybody: Security and Survival in a Hyper-connected World. W. W. Norton & Company, 2016.

УДК 347.97

Васильев Иван Вячеславович

судья Арбитражного суда Костромской области

Кострома, Российская Федерация

iv-vasl@yandex.ru

Правовые риски цифровизации судебной системы: зависимость от разработчиков программного обеспечения

Аннотация. В статье исследуются правовые риски, возникающие при цифровизации правосудия, с акцентом на зависимость судов от разработчиков ИТ-решений. Выявлены некоторые пробелы и коллизии законодательства, связанные с внедрением программных реше-

ний и искусственного интеллекта, а также отражены риски, обусловленные отсутствием у судов исключительных прав на ключевые ИТ-решения. На основе анализа отечественного и зарубежного опыта предложены меры по совершенствованию законодательства для обеспечения цифрового суверенитета судебной системы и повышения эффективности правосудия.

Ключевые слова: цифровизация правосудия, правовые риски, программное обеспечение, искусственный интеллект, цифровой суверенитет, судебная система.

Vasilyev Ivan Vyacheslavovich

Judge of the Arbitration Court of the Kostroma Region
Kostroma, Russian Federation

**Legal risks of digitalization of the judicial system:
dependence on software developers**

***Annotation.** The article examines the legal risks that arise in the course of the digitalization of the judiciary, with a particular focus on the courts' dependence on developers of IT solutions. The study identifies several gaps and conflicts in legislation related to the implementation of software systems and artificial intelligence, as well as risks stemming from the absence of exclusive rights to key judicial IT solutions on the part of the courts. Drawing on Russian and international experience, the article proposes measures to improve legislation aimed at ensuring the digital sovereignty of the judiciary and enhancing the effectiveness of justice.*

Keywords: digitalization of justice, legal risks, software, artificial intelligence, digital sovereignty, judiciary.

Цифровая трансформация определена одной из национальных целей развития России на период до 2030 года (подп. «д» п. 1, подп. «д» п. 2 Указа Президента РФ от 21.07.2020 № 474), и это в полной мере относится к судебной системе. Внедрение современных технологий в деятельность судов сегодня рассматривается как ключевое направление модернизации правосудия [1; 6].

Председатель Верховного Суда РФ И. В. Краснов подчеркнул, что передовые технологии (блокчейн-платформы, смарт-контракты, виртуальные активы) все чаще становятся предметом и судебных разбирательств, результаты которых «ложатся в основу нормативного регулирования». Он охарактеризовал этот процесс как естественный, поскольку право эволюционирует под влиянием судебной практики [7].

Для оценки и управления рисками, связанными с цифровизацией правосудия, автором используется секторный подход, в рамках которого выделяются четыре взаимосвязанных направления: технический (техника, каналы связи, хранение данных), программный (операционные системы и прикладное ПО), человеческий (навыки и компетенции пользователей) и нормативный (совокупность правовых норм регулирования). Именно на пересечении этих элементов возникают комплексные риски, поэтому структурирование рисков по секторам позволяет разрабатывать адресные решения.

В рамках настоящей статьи анализируются правовые риски цифровизации правосудия с точки зрения достаточности и эффективности законодательного регулирования. Представляется, что наибольшие риски сосредоточены именно

в секторе регулирования используемого программного обеспечения, которое сегодня фактически обеспечивает все судопроизводство: от учета дел (ПК «САД», АИС), доступа к судебным актам (сервис «Мой арбитр») и аналитики практики (системы «КонсультантПлюс», «Гарант») до внедрения ИИ-решений в деятельности судов (в том числе в рамках пилотных проектов по автоматизированной подготовке проектов судебных актов). Цифровая инфраструктура правосудия уже стала обязательным элементом судебной деятельности [2].

Технологический прогресс ставит перед законодателем задачу обеспечить баланс между внедрением новых технологий и сохранением фундаментальных принципов права. Правовые риски проявляются и в отставании законодательства от темпов технического развития, и в сконструированных нормах, которые сами создают дополнительные угрозы [4].

Одним из актуальных примеров пробела в регулировании выделяют отсутствие четкого применения искусственного интеллекта в судебной деятельности. По мере повышения автономности алгоритмов возникают вопросы как квалифицировать выводы, предоставляемые ИИ как экспертное заключение либо справочную информацию и кто несет ответственность за последствия их использования? Формально закон о статусе судей возлагает на судью персональную ответственность за принимаемые решения (п. 5 ч. 2 ст. 61 Закона РФ «О статусе судей»).

Не менее важна проблема, связанная с данными, обрабатываемыми при использовании внешних ИИ-сервисов. Большинство популярных AI-решений (генеративные модели, системы распознавания речи и т. п.) принадлежат частным компаниям и работают через удаленные облачные серверы. Это означает, что все передаваемые запросы, загружаемые документы, а также технические метаданные (IP-адрес, устройство, время сессии и пр.) фактически выводятся на инфраструктуру третьих лиц. Эти данные могут использоваться операторами для дообучения моделей, построения пользовательских профилей, получения коммерческой выгоды (продажа агрегированных сведений, использование в целях социального инжиниринга), а также для политического давления или обеспечения интересов государства, в юрисдикции которого находится провайдер сервиса [5]. Понимая эти риски, судебная система предприняла собственные шаги и по вопросам ИИ в апреле 2025 г. президиумом Совета судей РФ создана специальная рабочая группа, основной целью которой объявлен анализ имеющегося опыта и выработка подходов к внедрению ИИ в судопроизводство.

Наряду с пробелами существует и риск избыточного регулирования. Действующее законодательство порождает риски вследствие внутренних коллизий или чрезмерно жестких требований. Задача законодателя обеспечить баланс между своевременным внедрением новых технологий и сохранением устойчивости правовой системы, однако на практике это удается не всегда, что подтверждают недавние примеры.

Так, при модернизации Государственной автоматизированной системы «Правосудие» (ГАС «Правосудие») конфликт целей импортозамещения и конкурентности закупок проявился в техническом задании на оборудование для

ВКС, где было установлено требование использовать исключительно российское программное обеспечение во всех встроенных компонентах. Участники обжаловали это условие как противоречащее законодательству о контрактной системе, и ФАС указало, что фактический запрет на иностранное ПО, являющееся неотъемлемой частью оборудования, превращается в запрет на само оборудование и нарушает принцип конкурентности, закрепленный в Законе № 44-ФЗ. Дополнительное требование включения всех программных компонентов в Реестр российского ПО, по сути, обязывающее производителя одновременно быть правообладателем, также было признано избыточным, в результате чего три тендера были отменены.

Отдельно следует отметить, что значительная часть ключевых судебных ИТ-систем в России создается по государственным контрактам в рамках технических заданий Судебного департамента при ВС РФ. Однако сам по себе статус госзаказа не гарантирует приобретения государством исключительных прав на созданное программное обеспечение. Если в контракте специально не оговорен переход исключительного права, по общему правилу результат работ (ПО) остается собственностью подрядчика-разработчика, а государственный заказчик (суды) получают лишь неисключительную лицензию на использование. Это создает риск того, что фактически суды «привязываются» к единственному поставщику на долгие годы. Риск технологической зависимости заключается в том, что любые доработки, обновления и сопровождение может выполнять только первоначальный разработчик.

Понимая риски технологической зависимости, ряд зарубежных юрисдикций переходят на решения с открытым исходным кодом. Показателен пример Международного уголовного суда (МУС): после санкционного давления со стороны США, когда в 2025 г. администрация Трампа ввела ограничения в отношении должностных лиц МУС, Суд пересмотрел свою ИТ-стратегию и 31 октября 2025 г. объявил об отказе от продуктов Microsoft Office в пользу европейского открытого программного обеспечения OpenDesk. На этом фоне сообщения о блокировке аккаунта главного прокурора МУС в облачных сервисах Microsoft лишь усилили вывод о том, что технологическая зависимость может использоваться как инструмент геополитического давления и требует ответных шагов по укреплению цифрового суверенитета [3].

Российское государство также осознает уязвимость критической цифровой инфраструктуры. В последние годы оперативно принимаются меры, ограничивающие использование иностранных ИТ-сервисов в чувствительных сферах и стимулирующие переход на отечественные разработки. Например, уже в 2022 году был издан Указ Президента, предписывающий с 1 января 2025 г. полностью отказаться от иностранного программного обеспечения на значимых объектах критической информационной инфраструктуры. Одновременно законодательством введен режим Единого реестра российского ПО (Постановление Правительства России от 23 декабря 2024 г. № 1875) и установлен запрет на использование зарубежных мессенджеров (ФЗ от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ).

На основании проведенного анализа представляется возможным дополнить комплекс предложений, направленных на укрепление правовых основ цифровой трансформации правосудия и снижение зависимости от внешних разработчиков программного обеспечения:

В качестве ключевого вывода представляется необходимым закрепить особый правовой режим для судебных информационных систем, законодательно признав используемые в судах программные комплексы критически значимыми для судебной власти и ориентируясь на модель, при которой исключительные права на них принадлежат государству в лице Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

Практика, когда суды получают лишь лицензию при сохранении прав у внешнего подрядчика, в отношении таких систем должна рассматриваться как нежелательная, а развитие цифровой инфраструктуры должно быть либо через собственные команды разработчиков Судебного департамента, либо через контрактные схемы с обязательным переходом исключительных прав к государству и последующей сертификацией ПО.

Реализация указанных мер, при условии координации усилий законодателя, судебной власти и ИТ-сообщества, позволит существенно снизить риски, связанные с цифровизацией правосудия. Цифровизация правосудия является объективным и, вероятно, необратимым явлением, информационные технологии продолжают проникать во все этапы судебной деятельности. Однако содержание и последствия этого процесса во многом зависят от того, по какой модели он будет развиваться: модели технологической зависимости от внешних разработчиков или модели цифрового суверенитета, при которой государство и судебное сообщество сохраняют полный контроль над используемыми алгоритмами и инфраструктурой. Задача юридического сообщества, вовремя идентифицировать возникающие риски и разработать правовые механизмы их нейтрализации. Только в этом случае принципы законности, независимости и справедливости правосудия будут надежно обеспечены и в условиях стремительно развивающейся цифровой среды.

Список источников

1. Борисова Л. В. Электронное правосудие как форма судебной защиты в России // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6. С. 105–111.
2. Гоц Е. В. Пути эффективного расходования государственных средств при проведении государственных закупок // Экономика и право. XXI век. 2014. № 4. С. 27–34.
3. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.
4. Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд : монография. М. : Буки Веди, 2017. 258 с.

5. Нозикова Е. Без программ и обновлений: споры из-за ухода вендоров // Право.ru. 2024. 5 апреля.

6. Степанов О. А., Печегин Д. А., Дьяконова М. О. К вопросу о цифровизации судебной деятельности // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. Т. 14, № 5. С. 4–23.

7. Интервью Председателя Верховного Суда РФ Игоря Краснова «Российской газете» и информационному агентству ТАСС. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/34833/ (дата обращения: 10.12.2025).

УДК 34:004.8

Гиринович Ксения Евгеньевна

аспирант, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

heykseni@rambler.ru

О коллизии прав при создании контента искусственным интеллектом как объекта цифровых правоотношений

***Аннотация.** В статье исследуются правовые коллизии, порождаемые созданием контента с помощью технологий искусственного интеллекта. Автор анализирует такие объекты цифровых правоотношений, как изображения, тексты, код и музыка, сгенерированные автономными системами, и выявляет пробелы в традиционных правовых конструкциях, прежде всего в институте авторского права. Доказывается, что ключевыми проблемными узлами являются вопросы установления правообладателя, оригинальности и творческого характера результата, а также распределения ответственности за контент, нарушающий нормы права. На основе сравнительно-правового анализа предлагаются возможные векторы развития законодательства, включая модели признания прав за разработчиком искусственного интеллекта, пользователем или введения особого правового режима для «произведений, созданных машиной».*

***Ключевые слова:** искусственный интеллект, генеративный ИИ, цифровые правоотношения, объекты авторского права, интеллектуальная собственность, правообладатель, коллизия прав, ответственность ИИ, правосубъектность.*

Girinovich Xenia Evgenievna

graduate student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

On the conflict of rights when creating content by artificial intelligence as an object of digital legal relations

***Annotation.** The article examines the legal conflicts generated by the creation of content using artificial intelligence technologies. The author analyzes such objects of digital legal relations as images, texts, code and music generated by autonomous systems, and identifies gaps in traditional legal structures, primarily in the copyright institute. It is proved that the key problem nodes are the*

issues of establishing the copyright holder, the originality and creative nature of the result, as well as the distribution of responsibility for content that violates the norms of law. Based on a comparative legal analysis, possible vectors of legislative development are proposed, including models for recognizing the rights of an artificial intelligence developer, a user, or the introduction of a special legal regime for “works created by a machine”.

Keywords: *artificial intelligence, generative AI, digital legal relations, copyright objects, intellectual property, copyright holder, conflict of rights, AI liability, legal personality.*

Цифровая трансформация общественных отношений характеризуется проникновением технологий искусственного интеллекта во все сферы жизни. Это ставит перед юридической наукой и практикой принципиально новые вызовы. Одним из наиболее дискуссионных является вопрос о правовой природе контента, созданного автономными системами без непосредственного творческого вмешательства человека. Такой контент становится массовым объектом цифровых правоотношений – динамичных связей, возникающих в информационной среде по поводу создания, распространения и использования цифровых активов [2]. Традиционный правовой инструментарий, сформированный в аналоговую эпоху, зачастую оказывается неадекватен для регулирования отношений, субъектом которых выступает не человек, а алгоритм.

В соответствии со ст. 1259 Гражданского кодекса РФ [1] объектом авторских прав является произведение науки, литературы и искусства, представляющее собой результат творческой деятельности, выраженный в объективной форме. Ключевым критерием здесь выступает творческий характер деятельности и личность творца – физического лица.

На наш взгляд, контент, который генерирует ИИ, ставит под сомнение оба этих критерия. Современные генеративные модели (например, такие как GPT, Stable Diffusion, Midjourney) создают выходные данные на основе выявленных статистических закономерностей в обучающих данных. Означает ли алгоритмическая компиляция и рекомбинация элементов «творчество» в смысле, вкладываемом в это понятие законодателем? Суды в различных юрисдикциях демонстрируют консервативный подход, отказывая в охране произведениям, созданным без «человеческого авторства» (human authorship) [5], что является краеугольным принципом в странах общего права. Ярким примером является дело о «селфи обезьяны», где суд отверг авторство животного [7]. Кроме того, искусственный интеллект, каким бы сложным он ни был, в настоящее время не признается субъектом права. Следовательно, он не может быть носителем авторских правомочий. Возникает правовой вакуум: произведение существует, но его автор не определен.

Таким образом, контент, созданный ИИ, рискует оказаться в «серой зоне» – он не охраняется авторским правом в классическом понимании, но при этом обладает реальной потребительской и коммерческой ценностью, являясь активом в цифровой экономике.

Можно выделить несколько узловых коллизий, требующих в идеале незамедлительного правового разрешения.

Во-первых, коллизия установления правообладателя. Кто должен признаваться первоначальным правообладателем результата, созданного ИИ? Может быть разработчик (создатель) алгоритма ИИ? Его труд носит интеллектуальный и творческий характер. Однако результат работы алгоритма часто непредсказуем и выходит за рамки первоначального замысла. Пользователь (оператор), сформулировавший запрос (prompt)? Является ли качественный и детализированный так называемый «промпт» творческим вкладом, достаточным для признания соавторства или даже единоличного авторства? В данном случае вклад пользователя может быть ограничен подбором параметров, что с трудом подпадает под критерий творчества. Может быть совсем никто? Следование букве закона приводит к выводу, что такой контент с момента создания является общественным достоянием, что несправедливо по отношению к лицам, инвестировавшим ресурсы в его создание, и дестимулирует развитие технологий.

Во-вторых, генеративные ИИ обучаются на массивах данных, защищенных авторским правом. Создаваемый ими контент может быть стилистически или семантически близок к объектам из обучающей выборки. Возникает вопрос: является ли результат самостоятельным объектом права или производным произведением? Если последнее верно, то для его правомерного использования требуется разрешение правообладателей оригинальных произведений, что технологически и практически почти неосуществимо из-за масштабов обучающих данных. Эта коллизия лежит в основе многочисленных исков от художников и контент-мейкеров к компаниям-разработчикам генеративных моделей [6].

В-третьих, кто будет нести ответственность, если ИИ сгенерирует контент, нарушающий авторские права третьих лиц (например, создаст портрет в узнаваемом стиле конкретного художника), клеветнические или порочащие сведения, конфиденциальную информацию, которая оказалась в обучающих данных? Проблема заключается в распределении ответственности между разработчиком, создавшим потенциально опасный инструмент, и пользователем, который его применил. Доктрина «продуктовой ответственности» (product liability) [3], применяемая к физическим товарам, с трудом адаптируется к программному обеспечению с непредсказуемым выводом.

Подчеркнем, что в мировой и отечественной юридической доктрине намечалось несколько подходов к решению обозначенных коллизий.

1. Расширительное толкование существующих норм. Предлагается признавать автором пользователя ИИ при условии, что его взаимодействие с системой (через промпты и настройки) носило творческий характер и привело к уникальному результату. Данный подход уже нашел отражение в отдельных судебных решениях, где подчеркивается, что авторство определяется творческим вкладом человека в финальный результат (например, в США суд отказал в регистрации произведения, созданного ИИ ввиду малого творческого человеческого вклада [8]).

2. Закрепление прав за разработчиком искусственного интеллекта – модель, при которой исключительные права на все результаты работы ИИ изначально принадлежат его создателю, а пользователь получает лишь ограничен-

ную лицензию на использование. Эта модель проста с точки зрения администрирования, но может быть несправедлива к пользователю.

3. Создание специального правового режима («смежных прав для ИИ»). Это наиболее перспективный, но и наиболее сложный путь. Он предполагает признание контента, созданного ИИ, особым объектом права (например, «произведением, созданным машиной» – machine-generated work) [4], с установлением особого срока охраны и четким определением правообладателя (по умолчанию – пользователь). Такой подход позволяет избежать насильственного «вписывания» новых явлений в старые догматические конструкции.

Таким образом, коллизия прав, возникающая при создании контента искусственным интеллектом, – это не частный вопрос авторского права, а системный вызов для всей цивилистики. Она обнажает ограниченность антропоцентрической парадигмы классического права в условиях развития автономных систем. Разрешение этих коллизий требует взвешенного подхода, сочетающего защиту интересов традиционных правообладателей, стимулирование инноваций и обеспечение правовой определенности для всех участников цифровых правоотношений. На ближайшую перспективу наиболее реалистичным представляется развитие судебной практики в рамках расширительного толкования понятия «творческий вклад». Однако в стратегической перспективе назрела объективная необходимость в разработке и закреплении на законодательном уровне специального правового режима для результатов интеллектуальной деятельности, созданных с существенным участием ИИ. Это позволит не только устранить существующие правовые риски, но и заложить основу для устойчивого развития цифровой экономики будущего.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : с изм. и доп. на 23 июля 2025 года : принят Государственной Думой 24 ноября 2006 года : одобр. Советом Федерации 08 декабря 2006 года // Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 19.08.2025).

2. Ганиева Д. 3. Цифровые объекты и субъекты в праве // Образование и право. 2021. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-obekty-i-subekty-v-prave> (дата обращения: 19.08.2025).

3. Колесниченко О. В. Возмещение вреда, причинного здоровью потребителя, по нормам о product liability: принципиальные направления совершенствования российского законодательства по результатам исследования зарубежного опыта // Lex Russica. 2021. № 11(180). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmeschenie-vreda-prichinnogo-zdorovyu-potrebitelya-po-normam-o-product-liability-printsipialnye-napravleniya-sovershenstvovaniya> (дата обращения: 22.08.2025).

4. Романов Г. С. Искаженное искусство среди нас: рассуждение о правовом режиме произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта // Образование и право. 2023. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/>

n/iskazhyonnoe-iskusstvo-sredi-nas-rassuzhdenie-o-pravovom-rezhime-proizvedeniy-sozdannyh-s-ispolzovaniem-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 19.08.2025).

5. Copyrightability of AI Outputs: U.S. Copyright Office Analyzes Human Authorship Requirement // Jones Day. 2025. URL: <https://www.jonesday.com/> (дата обращения: 21.08.2025).

6. Getty Images (US), Inc. v. Stability AI, Inc., Complaint, D. Del., No. 1:23-cv-00135 (filed Feb. 3, 2023) // United States District Court For The District Of Delaware. URL: <https://docs.justia.com/> (дата обращения: 02.09.2025).

7. Naruto v. Slater, 888 F.3d 418 (9th Cir. 2018) // United States Court Of Appeals For The Ninth Circuit. URL: <https://cdn.ca9.uscourts.gov/> (дата обращения: 02.09.2025).

8. Thaler v. Perlmutter, et al., 1:22-cv-01564 (D.D.C. Aug. 18, 2023) // United States District Court For The District Of Columbia. URL: <https://media.cadc.uscourts.gov/> (дата обращения: 02.09.2025).

УДК 323.1

Голованев Кирилл Олегович

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

golovanevkirill591@gmail.com

Вуалирование взятки как способ преступного уклонения от уголовной ответственности

***Аннотация.** В статье рассматривается феномен вуалирования взятки как способа сокрытия факта получения или дачи взятки. Анализируются способы маскировки коррупционных платежей, возникающие проблемы квалификации, а также практика привлечения к ответственности по ст. 290–291.2 УК РФ. Особое внимание уделено способам вуалирования взятки в современной практике. Делается вывод о необходимости совершенствования уголовно-правового регулирования и правоприменения.*

***Ключевые слова:** вуалирование взятки, коррупционные преступления, маскировка коррупционных действий, квалификация взяточничества.*

Golovanev Kirill Olegovich

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Veiling a bribe as a way of criminal evading criminal liability

***Annotation.** The article examines the phenomenon of veiling a bribe as a way to conceal the fact of receiving or giving a bribe. The article analyzes the methods of disguising corrupt payments, emerging qualification problems, as well as the practice of bringing to justice under Articles 290–*

291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. Special attention is paid to the methods of veiling a bribe in modern practice. It is concluded that it is necessary to improve criminal law regulation and law enforcement.

Keywords: *veiling a bribe, corruption crimes, disguising corrupt actions, qualification of bribery.*

Коррупция является одним из самых тяжких преступлений, разрушающих доверие и авторитет государства. По мере развития финансовых инструментов и цифрового характера торговых отношений коррупция адаптируется, приобретая новые формы и технологию передачи взяток. Одним из наиболее распространенных и трудно выявляемых способов становится вуалирование взятки – осуществление незаконного вознаграждения через формально законные операции.

Хотя уголовное законодательство Российской Федерации (ст. 290–291.2 УК РФ) фиксирует и конкретизирует нормы по противодействию коррупции, явление вуалирования взятки по-прежнему вызывает правовую квалификационную путаницу и сложности, поскольку смешивает уголовно-правовые и гражданско-правовые нормы, а также требует подробного изучения судебных реальных дел.

Термин «вуалирование» произведен от фр. *voile* – «прикрывать» и означает маскировку истинной природы явления [1]. Уголовное законодательство определяет вуалирование взятки как умышленное сокрытие незаконного платежа путем создания видимости законной сделки между предприятиями или общественными организациями с целью сокрытия преступной деятельности, предусмотренной статьями 290–291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Соккрытие может маскироваться в виде фиктивных договоров, фальсифицированных премий и подарков, использования третьих лиц, переводов через благотворительные фонды, выдачи невозвратных займов и т. д.

В Уголовном кодексе Российской Федерации отсутствует норма, определяющая вуалирование взятки как уголовное преступление, но выступает способом совершения преступления, что влияет на доказательственную базу и возможность установления умысла, правовую квалификацию посреднических действий, разграничение уголовных и гражданско-правовых отношений.

Способ совершения преступлений является межотраслевым понятием ряда юридических наук, каждая из которых изучает его в соответствии со своим функциональным назначением.

В настоящее же время способов (как и следов) взяточничества существует множество. Рассмотреть каждый из них в рамках одной статьи подробно не представляется возможным, поэтому остановимся лишь на некоторых из них, объединив их в группы и приведя примеры для каждой из них.

1. Оплата третьим лицам по указанию того, кто получает взятку. Этот способ подкупа часто применяют на практике. Он помогает избежать задержания с поличным. Кроме того, он сильно усложняет проведение оперативных мероприятий. Такой подход уменьшает личные встречи и тем самым минимизирует прямой контакт. Это затрудняет выявление преступления. Примеры

включают найм сотрудников, близких к получателю взятки (фактически или формально). Также открытие банковских счетов на подставных лиц с помощью кредитных карт и оплату счетов третьих лиц через бухгалтерию организации, где работает взяткодатель [3].

2. Замаскированная передача наличных денег. Этот метод получения незаконных вознаграждений довольно распространен в разных сферах жизни. Обычно такая передача наличных сигнализирует о спонтанном взяточничестве. Это связано с удобством и анонимностью наличных средств, которые трудно идентифицировать без предварительной маркировки. Среди наиболее часто встречающихся форм взяточничества можно отметить следующие: передача денег через паспорт; отправка наличных средств по почте непосредственно взяткополучателю или его представителю; маскировка взятки под проигрыш в азартных играх (карты, бильярд) или выигрыш в пари [3].

3. Использование должностным лицом «своих» коммерческих структур путем опосредованного поручения им функций, относящихся к компетенции самого коррумпированного чиновника. В таких ситуациях чиновник ясно дает понять посетителю, что положительное решение его вопроса возможно лишь после проведения аудиторской проверки, консультаций, юридической оценки, анализа документов и других согласований с конкретной «фирмой». После того как заинтересованное лицо оплачивает «услуги» «фирме», чиновник получает полагающееся ему вознаграждение в той или иной форме непосредственно от «фирмы» [3].

4. Декларирование в виде пожертвований. Предметом взятки может стать имущество. Его передают в форме добровольных пожертвований или взносов. Эти средства идут на счета организаций под контролем получателя взятки, включая внебюджетные фонды, некоммерческие организации и фонды. Потом эти средства тратят в личных целях по своему усмотрению. Следы такого деяния будут наиболее отчетливо проявляться в нецелевом использовании средств пожертвований, нарушающем уставные цели и задачи соответствующей организации [3].

5. Оплата фиктивных счетов, договоров. Оплата по поддельным счетам и договорам. Практика показывает, что отношения, связанные с дачей взяток и их получением, часто оформляют через гражданско-правовые договоры. Обычно предметом таких договоров становятся услуги или работы без реального материального результата. Отчетность по ним часто ведут с помощью документов о каких-то исследованиях. Проверить такие документы сложно. Это бывает из-за их содержания или из-за того, что оценка реальной стоимости результата субъективна. В некоторых случаях при списании денег с счетов фирм используют поддельные договоры и счета как основу. Важно учитывать, что указанные документы могут быть представлены как непосредственно сторонами сделки, так и по их поручению третьими лицами. К распространенным формам данной категории относятся: неправомерные выплаты премий, дарение, оказание материальной помощи, предоставление займов, погашение фиктивных или прощен-

ние реальных долгов, а также сделки купли-продажи ценных вещей по заниженной цене или неравноценный обмен [3].

Вуалирование взяток представляет собой сложное явление, которое включает попытки замаскировать передачу материальных ценностей и получение незаконных преимуществ. Эти схемы существенно затрудняют выявление виновных и требуют тщательного анализа преступных действий. В правоприменительной практике и криминалистике России были выявлены многочисленные проблемы, связанные с классификацией методов сокрытия взяток. К основным проблемам квалификации вуалирования взяток, как преступного деяния относят следующие.

Трудности доказывания умысла. Центральным элементом состава преступления выступает получение должностным лицом, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать указанным действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе [4]. Сложность заключается в том, что маскировка под обычные гражданско-правовые сделки усложняет доказательство коррупционного умысла участников. В таких случаях требуется сбор доказательств скрытых договоренностей, включая переписку, свидетельские показания, аудиозаписи и результаты экономических экспертиз.

Разграничение дарения и взятки. Согласно статье 575 Гражданского кодекса Российской Федерации, дарение подарков лицам, занимающим должности, в связи с их служебным положением запрещено. Однако на практике многие передачи для таких лиц оформляются как «подарки», «знаки внимания» или «благодарности». Основная сложность заключается в том, что трудно определить, была ли на самом деле коррупционная цель, особенно если отсутствует прямая связь между подарком и конкретным действием или решением

Определение роли посредника. Маскировка часто связана с привлечением посредников и юридических лиц. Привлечение статьи 291.1 УК РФ становится сложным, если: действия посредников маскируются под вид финансовых или юридических услуг; посредник не осознает истинный характер сделки (для этого необходимо доказать его умысел); цепочка участников состоит из нескольких звеньев.

Противодействие преступности представляет собой одно из наиболее значимых направлений деятельности государства, реализуемой в рамках его уголовной политики [2, с. 319]. В условиях актуальности борьбы с коррупцией и повышенной сложности выявления случаев завуалированных взяток важное место занимает эффективное противодействие этим преступным схемам.

Эффективное противодействие требует комплекса мер:

Использование современных методов расследования и технических средств. Например: финансовый мониторинг и анализ потоков используют автоматизированные системы, которые выявляют финансовые операции и подозрительные переводы, связанные с сокрытием взятки; биометрические и электронные средства контроля, такие как видеонаблюдение и электронная идентификация, следят за людьми, которые имеют доступ к сделкам или операциям с ценными бумагами; анализ электронной переписки и цифровых следов проверяет электронную почту, мессенджеры и социальные сети, чтобы раскрыть скрытые схемы передачи ценностей.

Внутренние меры и профилактика в организациях. К внутренним мерам относятся: создание внутренних правил и контроль документации (введение процедур внутреннего аудита и обязательных проверок операций, связанных с перемещением ценностей, для выявления попыток их сокрытия); ввод системы «горячих линий» (создание анонимных каналов для сообщения о возможных злоупотреблениях и способах их сокрытия).

Правоохранительные меры и оперативно-розыскные мероприятия. К ним относятся: способы внедрения контролируемых сделок: проведение оперативных мероприятий (тайных следственных экспериментов), чтобы выявить схемы сокрытия выплат; межведомственное взаимодействие: обмен информацией между налоговыми, таможенными, правоохранительными органами и антикоррупционными службами, чтобы совместно анализировать подозрительные схемы.

Эффективность противодействия сокрытия взяткам напрямую зависит от использования всего спектра возможностей, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством [5, с. 24–27]. Важна системная деятельность государственных органов, бизнес-сообщества и гражданского общества, направленная на создание устойчивых механизмов предупреждения и раскрытия таких преступных схем и минимизацию их негативных последствий для общества.

Таким образом, вуалирование взятки представляет собой одну из самых опасных форм коррупционных проявлений, поскольку она создает иллюзию легитимности и значительно осложняет процесс привлечения виновных к юридической ответственности. Данный феномен является серьезной проблемой российского уголовного права, которая требует комплексного подхода, включающего сотрудничество правоохранительных органов, проведение научных исследований и внесение изменений в законодательство. Противодействие таким коррупционным схемам способствует укреплению доверия к государственным институтам и обеспечивает реализацию принципа верховенства закона.

Список источников

1. Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/вуалирование> (дата обращения: 17.10.2025).

2. Никонов П. В. Современные уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия коррупционным преступлениям, связанным с дачей

и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения: монография. Иркутск : Иркутский юридический институт филиал Университета прокуратуры Российской Федерации, 2022. 319 с.

3. Томашевич Г. В. Некоторые способы вуалирования передачи взятки. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-sposoby-vualirovaniya-peredachi-vzyatki/viewer> (дата обращения: 10.10.2025).

4. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025). URL: <https://www.consultant.ru>. (дата обращения: 15.10.2025).

5. Харитоненко М. А. Проблемы, возникающие при расследовании получения взятки, и пути их решения // Новый юридический вестник. 2018. № 2(4). С. 24–27.

УДК 342.7(075)

Голятин Егор Михайлович

аспирант, Костромской государственный университет
Кострома, Российская Федерация
egorgoljatin@rambler.ru

Плюснина Ольга Витальевна

кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
kn-oliga@ya.ru

Ганжа Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
nat_ganzha@mail.ru

Правосубъектность индивидуальных субъектов права в условиях развития цифровых технологий

***Аннотация.** В статье исследуются актуальные аспекты трансформации правосубъектности физических лиц под воздействием стремительного развития цифровых технологий. Анализируется, как традиционные категории правоспособности и дееспособности претерпевают изменения в связи с формированием «цифровой личности», появлением цифровых идентификаторов, расширением сферы реализации прав и обязанностей в онлайн-среде. Особое внимание уделяется влиянию цифровых технологий на наступление и пределы дееспособности, а также проблемам цифрового неравенства, влияющего на доступ к правосудию. Авторы рассматривают новые вызовы, связанные с защитой персональных данных,*

кибербезопасностью и необходимостью адаптации законодательства к реалиям цифрового мира. В статье делается вывод о необходимости переосмысления традиционных правовых конструкций и выработки новых подходов для обеспечения адекватной правовой защиты личности в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: правосубъектность, физическое лицо, индивидуальные субъекты права, цифровые технологии, цифровая трансформация, правоспособность, дееспособность, цифровой след, цифровые права, цифровые идентификаторы, цифровое неравенство, онлайн-правосудие.

Golyatin Egor Mikhailovich

graduate student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Pliusnina Olga Vitalyevna

candidate of law, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Ganzha Natalia Vladimirovna

candidate of law, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Legal personality of individual legal entities in the context of the development of digital technologies

Annotation. The article explores the current aspects of the transformation of the legal personality of individuals under the influence of the rapid development of digital technologies. It analyzes how the traditional categories of legal capacity and legal competence are changing due to the formation of a “digital personality,” the emergence of digital identifiers, and the expansion of the scope of rights and obligations in the online environment. Special attention is given to the impact of digital technologies on the onset and limits of legal competence, as well as the challenges of digital inequality affecting access to justice. The authors consider new challenges related to the protection of personal data, cybersecurity, and the need to adapt legislation to the realities of the digital world. The article concludes that it is necessary to rethink traditional legal constructs and develop new approaches to ensure adequate legal protection of individuals in the context of digital transformation.

Keywords: legal personality, individual subjects of law, digital technologies, digital transformation, legal capacity, legal competence, digital footprint, digital rights, digital identifiers, digital inequality, and online justice.

Современный мир находится в состоянии постоянной трансформации, которая вызвана неудержимым прогрессом цифровых технологий. Интернет, искусственный интеллект, блокчейн, большие данные «Big Data» – эти явления перестали быть абстрактными понятиями и прочно вошли в нашу повседневную жизнь, оказывают глубочайшее воздействие на все сферы человеческой деятельности, включая право. Особую актуальность в контексте цифровизации приобретает переосмысление фундаментальных правовых категорий, таких как правосубъектность. Развитие цифровых технологий поднимает перед правовой системой ряд вопросов у индивидуальных субъектов права, а именно: насколько

адекватно существующие правовые конструкции описывают человека в многомерном цифровом пространстве? Какие новые права и обязанности возникают у индивида и как цифровые технологии влияют на его фундаментальную способность быть субъектом права? Настоящая статья посвящена комплексному исследованию правосубъектности индивидуальных субъектов права в условиях стремительного развития цифровых технологий.

Рассмотрим традиционные основы правосубъектности физических лиц: исторический контекст и современные вызовы. В классической юридической доктрине правосубъектность физического лица традиционно рассматривается как его способность иметь и осуществлять права, а также нести обязанности. Эта категория включает в себя два неразрывно связанных элемента:

Правоспособность – способность иметь гражданские права и нести гражданские обязанности. Правоспособность физического лица возникает с момента рождения и прекращается с его смертью. Она является общей и универсальной, т. е. позволяет иметь любые права и обязанности, не запрещенные законом.

Дееспособность – способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Дееспособность, в отличие от правоспособности, является динамической и приобретает постепенно, как правило, по достижении определенного возраста (в России – 18 лет, с рядом исключений и уточнений). Как в своем исследовании Л. М. Джопуа определяет понятие «дееспособность» как состояние гражданина, которое предоставляет ему право самостоятельно совершать юридические сделки и нести ответственность по ним. Также данное понятие интерпретируется им как «как право гражданина на распоряжение своим имуществом и личными правами, а также на субъективную ответственность в пределах действующего законодательства. Данный ученый выделяет отличие правоспособности от дееспособности, оно состоит в том, что «дееспособность зависит от участия индивидуальных факторов, таких как уровень интеллектуального и психического здоровья человека, в процессе определения степени его допустимости возможности совершать юридические действия [1]. Мы согласны с утверждениями автора, считаем, что данное мнение представляет из себя ключевой аспект прогрессивного понимания правосубъектности, направленный на обеспечение справедливого и индивидуализированного подходов к определению правового статуса личности. Оно подчеркивает, что дееспособность не является абстрактной или универсальной категорией, а требует учета конкретных особенностей индивида.

Данные понятия, сформировавшиеся в период доминирования материального, офлайн-взаимодействия человека с правовой системой, опирались на ряд основополагающих предпосылок. К ним относились: физическое присутствие, непосредственное общение и преимущественно бумажный документооборот. Стандартные процедуры, такие как предъявление документов, удостоверяющих личность, личная подпись, а также непосредственное участие в юридически значимых действиях (сделках, процессах), служили основой для определения правового статуса индивида.

Тем не менее стремительное развитие цифровых технологий кардинально меняет эти предпосылки. Современный мир характеризуется всеобъемлющей цифровизацией, что обуславливает необходимость соответствующей адаптации правовых категорий, описывающих человека.

Цифровизация привносит в правовую реальность совершенно новые явления, которые напрямую затрагивают основы правосубъектности индивида.

Например, таким явлением выступил цифровой след – новый аспект идентификации: каждое действие человека в цифровой среде – от просмотра веб-страницы до отправки сообщения – оставляет «цифровой след». Этот след, собираемый и анализируемый различными субъектами (от компаний до государственных органов), становится своего рода цифровым досье. Он не только используется для идентификации человека в онлайн-пространстве (например, для персонализации рекламы или доступа к сервисам), но и может служить основой для формирования репутации и оценки кредитоспособности. Согласно мнению А. Н. Мочалова, цифровой след – результат фиксации тех или иных явлений в электронной форме (в виде числовых данных) на компьютерных устройствах, в компьютерных системах или информационно-телекоммуникационных сетях [4]. Мы согласны с утверждением автора, но, принимая во внимание, что «цифровые отпечатки личности» все чаще служат основой для ее идентификации и влияют на ее правовое положение, закономерно возникает вопрос о том, насколько всеобъемлющим и достоверным, полным и точным может считаться «цифровой след» в качестве юридически значимого показателя, фактора, влияющего на правовой статус человека.

Другим явлением являются цифровые идентификаторы и их юридическая сила. Современные технологии предлагают множество способов идентификации человека в цифровом мире: электронные подписи (простая, усиленная неквалифицированная, усиленная квалифицированная), биометрические данные, учетные записи в государственных информационных системах (например, единая биометрическая система, учетная запись на портале «Госуслуги»), однако возникает дискуссия о юридической силе таких идентификаторов. В какой степени электронная подпись может быть равнозначна собственноручной? Может ли биометрическая идентификация полностью заменить документ, удостоверяющий личность, при совершении юридически значимых действий? Решение этих вопросов напрямую влияет на то, как человек может реализовывать свои права и выполнять обязанности в цифровой среде. В. О. Шведова поднимает в своем исследовании вопрос о том, что цифровые идентификаторы могут навредить конкретному индивиду, послужить поводом для социальной дискриминации. Делает вывод о том, как опасна может быть обработка данных о гражданах в цифровом пространстве, она позволяет составить полноценный портрет о «положительных» и «отрицательных» фрагментах его поведения человека [6]. Исследование В. О. Шведовой, глубоко анализируя опасности цифровых идентификаторов и обработки данных граждан, ведущие к социальной дискриминации и компрометации личности, не только привлекает внимание к проблеме, но и подталкивает к активным действиям. Оно стимулирует разработку мер защи-

ты, направленных на обеспечение безопасности и справедливости в цифровом пространстве, что, безусловно, является позитивным вкладом в создание благоприятных условий для каждого человека.

Расширение сферы реализации прав и обязанностей включает в себя появление новых цифровых прав наряду с традиционными. Помимо таких классических прав, как право собственности, право на жизнь и свободу, у людей возникают новые права, связанные с информацией. К ним относятся право на доступ к информации, право на неприкосновенность частной жизни в цифровом пространстве, право на защиту персональных данных и право на забвение. Эти права требуют от законодательства установления четких механизмов их защиты и реализации. В. Д. Клоков в своем исследовании отмечал два основных взгляда в изучении права человека на информацию. Первое – право человека и гражданина на информацию представляет собой лишь составную часть свободы слова и печати, второе – право на информацию как комплексное субъективное право гражданина, которое означает возможность свободно производить различного рода действия (манипуляции) с информацией независимо от того, каково ее назначение и что она представляет собой по своему содержанию [2]. Мнение В. Д. Клокова о праве человека на информацию заслуживает признания за его глубокий и разносторонний анализ. Он выделяет два основных подхода к пониманию этого права: один рассматривает его как часть свободы слова и печати, подчеркивая его важность для свободы выражения мнений; другой – как самостоятельное комплексное право, которое дает гражданам возможность свободно взаимодействовать с информацией, независимо от ее назначения или содержания. Такой взгляд способствует более гибкому и всестороннему подходу к регулированию права на информацию в условиях современного цифрового мира.

Также параллельно новым правам человека и гражданина возникают и новые обязанности. Человек обязан соблюдать законодательство о защите информации, правила использования цифровых платформ, условия договоров, заключенных в электронной форме. В перспективе могут появиться обязанности, связанные с ответственностью за использование цифровых активов или участие в децентрализованных системах.

Необходимо отметить, что цифровые технологии косвенно оказывают влияние на дееспособность человека. Современные подростки с раннего возраста активно пользуются Интернетом, социальными сетями, совершают онлайн-покупки, создают цифровой контент. В связи с этим возникает вопрос о том, соответствует ли действующий возраст наступления полной дееспособности (18 лет) реалиям их жизни в цифровом мире. Возможно, законодателю потребуется пересмотреть возрастные критерии или ввести специальные меры, направленные на защиту несовершеннолетних в цифровом пространстве.

Соответственно, цифровая среда порождает новые формы уязвимости человека. Игровая зависимость, кибербуллинг, мошенничество в Интернете – эти явления могут приводить к нарушению способности человека адекватно воспринимать реальность и принимать взвешенные решения. В связи с этим воз-

никает вопрос о необходимости адаптации законодательства, регулирующего основания и порядок ограничения дееспособности. О. А. Кошелева также поднимает данный вопрос в своем исследовании, именно несовершеннолетние пользователи цифрового пространства, по мнению автора, являются одной из наиболее уязвимых групп населения, которые подвержены мошенничеству и кибербуллингу, «они обладают фактической возможностью совершать юридически значимые действия, например, через цифровую регистрацию на платформах, оформление подписок, оплату услуг, но не обладают полной дееспособностью в классическом юридическом понимании. Это создает риски нарушения их прав, злоупотреблений, а также конфликтов с поставщиками услуг [3]».

И. Ю. Остапович, А. В. Нечкин в своем исследовании отмечали, что «необходимо введение ограничений для несовершеннолетних лиц на пользование интернет-ресурсами. Один из примеров подобных ограничений — введение возрастного ценза на доступ несовершеннолетних лиц к информации, способной нанести им вред. В частности, необходимо улучшить систему фильтрации интернет-контента, доступ к которому есть у несовершеннолетних, а также обязать родителей несовершеннолетних предпринимать четко определенные в законе меры, направленные на ограждение их детей от такой информации [5]».

Таким образом, исследование вопросов правового статуса и уязвимости субъектов цифровых правоотношений, особенно несовершеннолетних, подчеркивает необходимость разработки более эффективных правовых механизмов защиты в цифровой среде. В условиях быстрого развития технологий важно учитывать особенности и риски, связанные с использованием цифровых платформ, чтобы обеспечить баланс между свободой действий пользователей и их правовой безопасностью. Только комплексный подход и своевременное регулирование смогут обеспечить защиту прав всех участников цифрового пространства и предотвратить возможные злоупотребления.

Цифровизация правосубъектности индивида порождает ряд сложных проблем, требующих глубокого осмысления и законодательного решения. Одной из ключевых задач является поиск оптимального равновесия между свободой человека в использовании цифровых технологий и возможностями, которые они предоставляют, с одной стороны, и необходимостью защиты общества, государства и других субъектов права от потенциальных злоупотреблений — с другой. Это касается, в частности, вопросов защиты персональных данных, свободы слова в Интернете и борьбы с дезинформацией.

В современных условиях, когда информация о человеке постоянно циркулирует в цифровых сетях, обеспечение права на неприкосновенность частной жизни становится одной из самых острых проблем. Это включает в себя защиту от несанкционированного доступа к персональным данным, от слежки, от использования цифровых следов в целях, противоречащих интересам человека.

Цифровой мир создает новые возможности для совершения противоправных действий. Кибермошенничество, кража данных, распространение вредоносного программного обеспечения — все это требует разработки эффективных механизмов правового преследования и установления ответственности как для

самых киберпреступников, так и, в некоторых случаях, для владельцев цифровых платформ.

Доступ к цифровым технологиям, Интернету и цифровым государственным услугам неравномерен. Значительная часть населения, особенно пожилые люди, жители отдаленных регионов и люди с низким уровнем дохода, могут быть лишены возможности полноценно пользоваться преимуществами цифрового мира. Это создает риск «цифровой дискриминации» и ущемления их прав, включая право на доступ к правосудию.

Необходимо определить, как «цифровой след» человека должен учитываться в традиционных правовых институтах. Например, как он может влиять на оценку кредитоспособности, определение условий трудового договора, принятие решений в суде.

Представляется возможным наметить следующие перспективы развития и адаптации правовой системы. Во-первых, для того чтобы правовая система соответствовала вызовам времени, необходимо предпринять ряд практических шагов, а именно в сфере законодательной адаптации требуется постоянное совершенствование законодательства, направленное на регулирование новых цифровых явлений. Это включает в себя разработку новых законов, внесение изменений в существующие кодексы и нормативные акты, касающиеся защиты персональных данных, оборота цифровых активов, регулирования онлайн-платформ, электронного документооборота и онлайн-правосудия. Во-вторых, необходимо развитие цифровой грамотности. Важнейшей задачей является повышение уровня цифровой грамотности населения. Это позволит людям более осознанно пользоваться цифровыми технологиями, понимать связанные с ними риски и эффективно защищать свои права. В-третьих, при создании механизмов защиты от цифровых угроз необходимо разработать эффективные инструменты для борьбы с киберпреступностью, защиты от утечки данных и противодействия цифровой дискриминации. И наконец, в-четвертых, все эти шаги требуют также международного сотрудничества. Цифровое пространство не имеет границ, поэтому для эффективного регулирования требуется активное международное сотрудничество в разработке общих стандартов и правил.

Таким образом, правосубъектность индивидуальных субъектов права в условиях развития цифровых технологий – это динамичная и многогранная категория. Цифровизация открывает новые горизонты для реализации прав и свобод человека, но в то же время порождает ряд серьезных проблем. Современная правовая система нуждается в глубокой трансформации, направленной на адекватное отражение новой реальности. Признание «цифровой личности», совершенствование механизмов идентификации, разработка новых цифровых прав и обязанностей, а также обеспечение равного доступа к правосудию в цифровой среде – все это неотъемлемые составляющие процесса адаптации права к эпохе цифровых технологий. Только благодаря комплексному и междисциплинарному подходу мы сможем обеспечить эффективную защиту прав и интересов человека в цифровом мире, сохраняя баланс между технологическим прогрессом и фундаментальными правовыми ценностями.

Список источников

1. Джопуа Л. М. Гражданская правоспособность и дееспособность физических лиц: понятие и сущность. URL: https://business-society.ru/2023/3-39-2/92_dzhopua.pdf (дата обращения: 12.12.2025).
2. Клоков В. Д. Право на информацию и право на доступ к информации: понятие и соотношение. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-informatsiyu-i-pravo-na-dostup-k-informatsii-ponyatie-i-sootnoshenie/viewer> (дата обращения: 12.12.2025).
3. Кошелева О. А. Информационная дееспособность субъектов права в условиях цифровой трансформации. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-law-2025-5/a3-kosheleva-olga.pdf> (дата обращения: 12.12.2025).
4. Мочалов А. Н. Цифровые следы человека и неприкосновенность частной жизни. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-sledy-cheloveka-i-neprikosновенность-chastnoy-zhizni/viewer> (дата обращения: 12.12.2025).
5. Остапович И. Ю., Нечкин А. В. Реализация и защита прав человека в сети Интернет: проблемы соотношения баланса. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-i-zaschita-prav-cheloveka-v-seti-internet-problemy-sootnosheniya-i-balansa> (дата обращения: 12.12.2025).
6. Шведова В. О. Цифровые идентификаторы личности как новый источник социальной дискриминации. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44458740_10197427.pdf (дата обращения: 12.12.2025).

УДК 343.7

Голышев Матвей Олегович

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

golyshevmatvej@yandex.ru

Кибертерроризм как угроза национальной безопасности: пробелы в уголовном законодательстве

***Аннотация.** В статье рассматривается феномен кибертерроризма как одна из наиболее опасных угроз национальной безопасности в условиях цифровизации. Проанализированы теоретические подходы к определению кибертерроризма, его признаки и особенности правовой природы. Проведен обзор действующего уголовного законодательства Российской Федерации, выявлены проблемные аспекты квалификации кибертеррористических актов и отсутствие легального определения данного явления. Предложены направления совершенствования уголовно-правового регулирования, включая введение отдельного состава преступления и уточнение понятийного аппарата. Сделан вывод о необходимости адаптации уголовного законодательства к современным цифровым угрозам.*

Ключевые слова: кибертерроризм, национальная безопасность, киберугрозы, информационная безопасность, уголовное право, киберпреступления, критическая информационная инфраструктура, терроризм.

Golyshev Matvey Olegovich
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Cyberterrorism as a threat to national security: gaps in criminal law

Annotation. *The article examines the phenomenon of cyberterrorism as one of the most dangerous threats to national security in the context of digitalization. The article analyzes theoretical approaches to the definition of cyberterrorism, its features, and the legal nature of this phenomenon. The article provides an overview of the current criminal legislation of the Russian Federation, identifies problematic aspects of the qualification of cyberterrorist acts, and highlights the lack of a legal definition of this phenomenon. Based on international experience, the article proposes directions for improving criminal law regulation, including the introduction of a separate crime and the clarification of the conceptual framework. The article concludes that it is necessary to adapt criminal legislation to modern digital threats.*

Keywords: *cyberterrorism, national security, cyber threats, information security, criminal law, cybercrimes, critical information infrastructure, terrorism.*

Цифровая трансформация государственных институтов, экономики и социальной сферы привела к возникновению новых угроз, среди которых особое место занимает кибертерроризм. Кибертерроризм – это использование компьютерных и телекоммуникационных технологий (прежде всего Интернета) в террористических целях. Это может включать атаки на информационные системы, цифровую инфраструктуру или персональные данные с целью вызвать панику, распространить страх, нанести ущерб экономике или дестабилизировать общество.

Цель настоящей статьи заключается в анализе кибертерроризма как явления и оценке эффективности существующего уголовно-правового регулирования в Российской Федерации, а также выявлении существующих пробелов и предложений по их устранению.

Понятие терроризма традиционно связывается с насилием, направленным на устрашение населения и дестабилизацию органов власти [4]. Мотивы кибертеррористов могут различаться, но чаще всего они включают желание дестабилизировать общество, привлечь внимание к определенной проблеме или идеологии, или нанести вред государственным институтам и крупным компаниям. В отличие от традиционных террористов, кибертеррористы могут не стремиться к физическому насилию – их основная цель – вызвать психологический, экономический и социальный ущерб.

Кибертеррористы совершают атаки на сайты государственных органов, вмешиваются в работу систем строообразующих предприятий, взламывают базы данных, тем самым достигая главной цели терроризма – дезорганизация государственного устройства, нанесение значительного ущерба всем сферам жизни общества и полная дестабилизация ситуации в стране. В соответствии с данны-

ми, представленными МВД России о состоянии преступности, число преступлений, свершенных с использованием информационных технологий, возросло на 68,5 %. Кибертерроризм по масштабам, техническим возможностям и распространенности можно соотносить с организованной преступностью и традиционными формами терроризма, что свидетельствует о его повышенной опасности и актуальности изучаемой темы [3].

По версии «Monterey», существует три классификации кибертерроризма.

Простой – Неструктурированный. Использование хаков против работы информационных систем, обычно используются программы, созданные кем-то другим (не самими кибертеррористами). Как правило, самый простой вид атак, потери от него либо минимальны, либо незначительны. Действуют локально

Расширенный – структурированный. Возможность вести более сложные атаки против работы нескольких систем или сетей и, возможно, изменение или создание базовых инструментов взлома. Организация обладает определенной структурой, управлением и прочими функциями работы полноценных организаций. Также участники таких группировок проводят обучение новоприбывших хакеров.

Комплексный – координированный. Способность к скоординированной атаке, способны вызвать массовое нарушение систем безопасности страны. Возможность создания сложных инструментов взлома. Имеют строгую структуру, зачастую представляют собой организации, способные здраво анализировать свои действия, вырабатывать какие-то планы атак и прочее. Имеют международную угрозу

Террористические группировки в интернет-эпоху имеют гораздо больше доступных инструментов воздействия и финансирования, чем прежде. Они активно используют новейшие разработки и программное обеспечение для сохранения связи и решения организационных вопросов. Планирование операций больше не требует их присутствия – достаточно разработать защищенное приложение для внутреннего пользования (на манер корпоративных систем). Проблема также заключается в финансировании и контроле кибертерроризма со стороны управляющего звена государственной системы.

Все крупнейшие террористические организации имеют свои веб-сайты не только в дарк-нете (TOR) – их также можно встретить и обычной сети. Представители организаций встречаются на различных тематических форумах, а также на сайтах сообществ – для идеалистической пропаганды и вербовки новых участников. Если ввести необходимый запрос, то можно обнаружить способы изготовления взрывчатых веществ, а также описание создания огнестрельного оружия из подручных материалов. Современные технологии позволяют с легкостью шифровать сообщения, документы, изображения – любую информацию, из-за чего вычисление преступников становится ресурсозатратным делом.

Кибертеррористы активно пользуются анонимностью в Интернете, используя вымышленные имена или никнеймы. При этом надо понимать разницу

между террористом и простым хакером. Хакер использует вредоносное ПО с целью личного обогащения, проверки сил или просто развлечения. По сути, хакером может быть простой мошенник или хулиган. Кибертеррорист же наносит тяжелый урон – гибель людей, разрушение, подрыв государственного строя.

Цели кибертерроризма. Компьютерный терроризм не направлен на взятие заложников или прямую угрозу жизни. Ключевым интересом для преступных организаций представляют базы данных и сервера крупных компаний - именно оттуда можно достать огромное количество конфиденциальной информации и использовать ее в криминальных целях.

Таким образом, возможными целями кибертерроризма являются: перехват управления (взлом) над компьютерными системами организаций для получения полного доступа к конфиденциальной информации (банковские карты, коммерческие тайны, военные секретные объекты и пр.) и нарушения работы системы; создание ложной угрозы путем распространения информации (фейк) в СМИ и локальных блогах/статьях для дезориентирования граждан и создания паники, захват информационных каналов и манипулирование новостными (информационными) поводами; утечка секретной информации (слив в сеть) в общий доступ для создания репутационных убытков; кража данных через захват персональных компьютеров (массивные вирусные атаки); вывод из строя точек доступа, создание помех (DDOS-атаки серверов), нарушение работы электрооборудования; вывод из строя программного обеспечения и компьютерного оборудования для нарушения работы инфраструктуры.

Кибертеррористы не закладывают бомбы – они создают угрозу удаленно, перехватывают и крадут важные для конкретной организации или конкретного гражданина данные с целью дальнейшего выкупа или берут под контроль системы из скрытых мотивов. Для достижения целей преступники используют различные методы: объявление ложной угрозы кибер-атаки, которая может дестабилизировать экономическую или социально-политическую обстановку, а также работу государственного аппарата; незаконный доступ к военным архивам с засекреченной информацией, личным данным воинского состава, реквизитам банковских счетов; похищение и/или уничтожение информации и информационных ресурсов путем внедрения вирусных программ.

Методы кибертерроризма эволюционируют вместе с развитием сферы информационной безопасности (зачастую опережая), именно поэтому существует глобальная проблема отслеживания и борьбы с преступниками. Проблема заключается в глобализации информационных систем - чем более востребована и распространена выбранная система, тем более вероятна кибер-атака.

Российское законодательство содержит ряд норм, касающихся терроризма и преступлений в сфере компьютерной информации. Однако прямого определения «кибертерроризма» в законодательстве нет [5].

В современном отечественном уголовном законодательстве понятия «кибертерроризм» не существует. Однако есть статья, предусматривающая ответственность за деяние, максимально приближенное по смыслу, целям

и методам к понятию «кибертерроризм», – статья 274.1 УК РФ «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации» [4].

Отдельного внимания заслуживает анализ Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Несмотря на то, что данный нормативный акт является базовым в сфере регулирования террористической деятельности, в его содержании отсутствует какое-либо упоминание о кибертерроризме или террористических актах, совершаемых с применением информационно-коммуникационных технологий. Закон оперирует преимущественно традиционными формами террористических действий, предполагающими физическое воздействие на объекты или людей. В результате складывается ситуация, при которой законодательная конструкция не учитывает специфику цифровых угроз и не отражает современные способы совершения террористических актов, что существенно осложняет квалификацию кибертеррористических посягательств и ограничивает возможности эффективного правоприменения. Отсутствие прямого указания на кибертерроризм в Федеральном законе № 35-ФЗ свидетельствует о необходимости обновления понятийного аппарата и адаптации законодательства к реалиям информационного общества [6].

Отсутствие дефиниции «кибертерроризм» приводит к тому, что квалификация таких преступлений носит казуистический характер [2].

Проблемы квалификации: Отсутствие четких формулировок и определений, необходимых для правильной квалификации преступлений. Законодательство должно предусматривать более детализированные описания способов совершения преступлений и специфики доказывания. Не учтена возможность получения доступа к конфиденциальной информации или государственной тайне при совершении террористических актов с помощью электронных сетей. Статья 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации» не предусматривает особую ответственность за такое деяние, совершенное в террористических целях [1].

Предлагаемое решение проблемы. Введение легального (официального) определения понятия «кибертерроризм» в базовый Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Это позволит признать кибератаки, направленные на устрашение населения и дестабилизацию власти, полноценной формой террористической деятельности. Создание в Уголовном кодексе РФ отдельного специального состава преступления «кибертерроризм». Это устранил проблему казуистической квалификации таких деяний по смежным статьям (ст. 272, 274.1 УК РФ) и позволит четко отразить специфику, цели и повышенную общественную опасность данных преступлений. Детализация законодательных формулировок, включая описание конкретных способов совершения кибертеррористических актов (например, атаки на критическую инфраструктуру, массированные DDoS-атаки, хищение данных в террористических целях) и особенностей доказывания в цифровой

среде. Установление более суровых санкций за преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, имеющих террористическую направленность (цель устрашения, дестабилизации и т. д.). Это должно касаться, в частности, статей о неправомерном доступе к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), если доступ осуществляется в террористических целях. Развитие специальных методик расследования и судебного преследования кибертеррористических актов, учитывающих их транснациональный характер, использование шифрования и анонимных сетей (Tor, даркнет). Усиление международного сотрудничества в области противодействия кибертерроризму, так как угроза носит глобальный характер, а преступники действуют из разных юрисдикций.

Кибертерроризм представляет собой одну из наиболее опасных угроз цифровой эпохи. Его специфика требует особого внимания со стороны законодателя. Проведенный анализ показал, что российское законодательство нуждается в совершенствовании, прежде всего – в разработке легального определения и создании самостоятельного состава преступления. Это позволит обеспечить адекватное уголовно-правовое реагирование на угрозы национальной безопасности.

Список источников

1. Капитонова Е. А. Особенности кибертерроризма как новой разновидности террористического акта // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 2(34). С. 29–41.
2. Кошечкина Е. А., Новиков С. В. К вопросу о проблемах законодательства в сфере кибертерроризма. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-problemah-zakonodatelstva-v-sfere-kiberterrorizma/viewer> (дата обращения: 12.12.2025).
3. Проваткина В. Е., Квасникова Т. В. Современные тенденции в противодействии кибертерроризму. URL: <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2023/08/Provatkina.pdf> (дата обращения: 12.12.2025).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.12.2025).
5. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/71556224/> (дата обращения: 12.12.2025).
6. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.12.2025).

Дерюгина Анна Валерьевна

магистрант, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

anna.maleeva@mail.ru

Юридические пределы применения видеонаблюдения в трудовых отношениях

***Аннотация.** В статье исследуются правовые особенности применения систем видеонаблюдения в сфере трудовых отношений и пределы допустимого вмешательства работодателя в частную жизнь работников. В условиях цифровизации и широкого распространения технологий визуального контроля видеонаблюдение становится значимым инструментом управления, однако его использование нередко приводит к конфликту между интересами работодателя и правами работников. На основе анализа законодательства Российской Федерации, судебной практики, а также решений Европейского суда по правам человека оценены правовые основания применения видеонаблюдения, пределы законного контроля, критерии соразмерности вмешательства и условия допустимости обработки персональных данных работников. Обоснована необходимость совершенствования национального регулирования, в частности нормативного закрепления процедур уведомления работников, регламентации хранения видеозаписей и определения ограничений на использование видеонаблюдения в трудовых отношениях.*

***Ключевые слова:** трудовое право, видеонаблюдение, персональные данные, мониторинг работников, частная жизнь, пропорциональность.*

Deryugina Anna Valerievna

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Legal limits for the use of video surveillance in employment relations

***Annotation.** The article examines the legal aspects of using video surveillance systems in the sphere of labor relations and the limits of permissible employer interference in the private life of employees. In the context of digitalization and the widespread use of visual monitoring technologies, video surveillance has become a significant management tool; however, its application often generates conflicts between the employer's interests and employees' rights. Based on an analysis of the legislation of the Russian Federation, judicial practice, and the case law of the European Court of Human Rights, the article assesses the legal grounds for the use of video surveillance, the boundaries of lawful control, the criteria of proportionality of interference, and the conditions for lawful processing of employees' personal data. The necessity of improving national legislation is substantiated, particularly regarding the establishment of mandatory employee notification procedures, regulation of video data storage, and the definition of restrictions on the use of video surveillance in labor relations.*

***Keywords:** labour law, video surveillance, personal data, employee monitoring, privacy, proportionality.*

Цифровизация производственных процессов привела к широкому распространению технологий видеонаблюдения, используемых работодателями в целях контроля трудовой дисциплины, обеспечения безопасности и оптимизации рабочих процессов. Однако применение видеокамер затрагивает сферу конституционного права работника на неприкосновенность частной жизни [1], что требует строгого юридического обоснования и соблюдения баланса интересов сторон трудовых отношений.

В условиях отсутствия специального нормативного акта, регулирующего видеонаблюдение в трудовой сфере, правоприменитель вынужден опираться на нормы трудового законодательства [2], законодательства о персональных данных [3] и конституционно-правовые положения. Это формирует ситуацию правовой неопределенности, требующую научного осмысления и совершенствования нормативной базы.

Видеозапись, фиксирующая изображение работника, относится к персональным данным, а во многих случаях – к биометрическим [3], что обуславливает необходимость соблюдения принципов законности, пропорциональности и минимизации вмешательства.

Трудовой кодекс Российской Федерации допускает контроль работодателя за деятельностью работников, но только в пределах, необходимых для достижения законных целей, без чрезмерного вмешательства в личную сферу [2].

Российские суды неоднократно указывали на допустимость видеозаписи как доказательства при условии, что работник был уведомлен о ее ведении и наблюдение осуществлялось в рабочей зоне. В Постановлении Конституционного Суда РФ [4] подчеркнуто, что вмешательство в частную жизнь допустимо только в той мере, в какой оно оправдано целями защиты прав и свобод других лиц или охраны законных интересов организации.

Решения Европейского суда по правам человека представляют ценнейший ориентир для отечественной правовой науки. В деле *Lopez Ribalda and Others v. Spain* [5] суд впервые сформулировал комплекс критериев оценки правомерности видеонаблюдения работодателем:

- 1) наличие разумного ожидания относительно защиты и уважения частной жизни;
- 2) степень уведомления работника о принятых мерах по наблюдению за ним;
- 3) законность цели;
- 4) пропорциональность меры;
- 5) ограниченность по времени и пространству;
- 6) наличие гарантий от злоупотреблений.

Эти критерии согласуются с подходом Европейского комитета по защите данных [6] и могут использоваться при толковании российских норм о персональных данных и трудовом праве.

Исследование выявило ряд значимых проблем российского законодательства и практики:

1. Отсутствие обязательной процедуры уведомления работников. В отличие от зарубежных систем, российское законодательство прямо не требует письменного уведомления работников о видеонаблюдении. Это приводит к появлению скрытого наблюдения, признанного нарушающим право на частную жизнь [7–10; 12].

2. Неопределенность статуса видеозаписей. Правовая природа видеозаписей не имеет однозначного определения. Они одновременно могут рассматриваться как:

- персональные данные [3];
- биометрические данные;
- доказательства по трудовым спорам [11].

Отсутствие единой квалификации создает риск произвольного применения норм.

3. Отсутствие нормативных ограничений на зоны видеонаблюдения. Отсутствие прямого запрета на видеонаблюдение в помещениях, используемых работниками для отдыха и бытовых нужд, создает риск нарушения ст. 23 Конституции РФ [1].

4. Недостаточная регламентация хранения видеозаписей. Федеральный закон «О персональных данных» не устанавливает специальный срок хранения видеозаписей работников, что приводит к накоплению чрезмерных массивов данных [13].

Международная организация труда разработала Кодекс практики по защите персональных данных работников [15], который предусматривает:

- обязательность информирования работника;
- запрет видеонаблюдения в помещениях, где ожидается приватность;
- минимизацию объема собираемых данных;
- ограничение доступа к видеозаписям.

Данные положения могут служить ориентиром при модернизации российского законодательства.

Для устранения выявленных правовых пробелов необходимы следующие изменения:

1) введение отдельной статьи в Трудовой кодекс РФ, регламентирующей применение видеонаблюдения работодателем;

2) закрепление обязательной процедуры уведомления работников о ведении видеонаблюдения с указанием формы, сроков и содержания уведомления;

3) установление ограничений на видеонаблюдение, включая запрет на его использование в зонах отдыха, бытовых помещениях и иных местах, где работник вправе рассчитывать на приватность;

4) определение статуса видеозаписей как категории персональных данных с указанием правового режима;

5) регламентирование сроков хранения видеозаписей и порядка их уничтожения.

Эти меры позволят привести российское регулирование в соответствие с международными стандартами [5; 6; 15].

Применение видеонаблюдения работодателями является допустимым только при строгом соблюдении юридических гарантий защиты прав работников. Анализ действующего законодательства и судебной практики позволяет заключить, что существующее регулирование обладает существенными пробелами, связанными с отсутствием процедур уведомления, неопределенностью статуса видеозаписей и недостаточными гарантиями от злоупотреблений. Совершенствование нормативной базы, включая внесение специальных норм в Трудовой кодекс Российской Федерации и уточнение обязанностей работодателя при использовании систем видеонаблюдения, является необходимым условием соблюдения баланса интересов сторон трудовых отношений и защиты конституционных прав работников.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.11.2025).
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 29.09.2025). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 22.11.2025).
3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ч. 1. Ст. 3451.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2013 № 18-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона „О персональных данных“».
5. Решение Европейского суда по правам человека по делу “Lopez Ribalda and Others v. Spain” (Applications nos. 1874/13 and 8567/13).
6. European Union. European Data Protection Board. Guidelines 3/2019 on processing of personal data through video devices. Brussels, 2020.
7. De Hert P., Papakonstantinou V. The Regulation of Digital Identity in the European Union: Fundamental Rights Considerations // Computer Law & Security Review. 2014. Vol. 30. P. 263–278.
8. Clarke R. Human Identification in Information Systems. Canberra : Australian National University Press, 1994.
9. Greenleaf G. Asian Data Privacy Laws: Trade and Human Rights Perspectives. Oxford : Oxford University Press, 2014.
10. Bennett C., Raab C. The Governance of Privacy: Policy Instruments in Global Perspective. Cambridge : MIT Press, 2006.
11. Верховный Суд РФ. Обзор судебной практики по спорам, связанным с применением законодательства о персональных данных // Бюллетень ВС РФ. 2021.
12. Заржицкая Л. С. Использование работодателем систем видеонаблюдения: правовое регулирование и судебная практика // Мировой судья. 2024. № 9. С. 34–37.

13. Видеофиксация и геоконтроль сотрудников: что можно, а что под запретом? // Практическая бухгалтерия. 2024. № 6. С. 55–56.

14. Роскомнадзор. Доклад о состоянии защиты прав субъектов персональных данных в Российской Федерации за 2023 год // Роскомнадзор. URL: <https://rkn.gov.ru> (дата обращения: 22.11.2025).

15. Международная организация труда. Protection of Workers' Personal Data: Code of Practice // International Labour Organization. Geneva, 2021.

УДК 34.06

Дерюгина Анна Валерьевна

магистрант, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

anna.maleeva@mail.ru

**Правовые механизмы реагирования на инциденты,
связанные с утечкой персональных данных:
актуализация требований и пути совершенствования**

***Аннотация.** В статье анализируются обновленные требования к реагированию на утечки персональных данных в Российской Федерации: уведомление Роскомнадзора в 24/72 часа и усиленная административная ответственность. На основе законодательства и материалов надзора выявляются пробелы: отсутствие обязанности уведомлять субъектов, неформализованная классификация инцидентов и расследование. Предлагается риск-ориентированный алгоритм и комплект документов оператора.*

***Ключевые слова:** персональные данные, утечка данных, инцидент, Роскомнадзор, уведомление, ответственность, журнал инцидентов.*

Deryugina Anna Valerievna

undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

**Legal mechanisms for responding to personal data breach incidents:
updated requirements and improvement paths**

***Annotation.** The article considers Russia's updated legal duties for responding to personal data breaches: 24/72-hour notifications to Roskomnadzor and increased administrative sanctions. Based on statutes and regulator materials, it highlights gaps such as no mandatory notice to data subjects, unclear incident taxonomy, and unstandardized investigations. A risk-based response algorithm is proposed.*

***Keywords:** personal data, data breach, incident response, Roskomnadzor, notification, liability, incident log.*

Утечки персональных данных стали устойчивым фактором юридических и репутационных рисков для организаций и одновременно – источником массового вреда для граждан (мошенничество, кража учетных записей, компрометация финансовых и идентификационных данных). По данным аналитического отчета InfoWatch, за 2024 год в России зарегистрировано 778 фактов утечек информации ограниченного доступа, а объем скомпрометированных записей персональных данных превысил 1,58 млрд, при этом заметен рост инцидентов по вине внутренних нарушителей и руководства организаций [10].

Современная модель охраны персональных данных в России строится вокруг Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ, который задает рамочные принципы обработки и обязанности оператора [12]. Параллельно действуют нормы Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ [11], а также подзаконные акты по обеспечению безопасности персональных данных в информационных системах персональных данных (Постановление Правительства РФ № 1119, приказ ФСТЭК России № 21) [5; 6]. Однако именно «инцидентная» часть регулирования исторически оставалась наименее детализированной: оператору было проще свести реагирование к техническим мерам и единичным уведомлениям, чем выстроить юридически корректную процедуру.

Ключевой сдвиг произошел после вступления в силу изменений 2022 года (Федеральный закон от 14.07.2022 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О персональных данных“, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу части четырнадцатой статьи 30 Федерального закона „О банках и банковской деятельности“»), которыми законодательно закреплена обязанность оператора уведомлять Роскомнадзор о факте неправомерной или случайной передачи (предоставления, распространения, доступа) персональных данных, повлекшей нарушение прав субъектов, – в течение 24 часов, а также представить результаты внутреннего расследования и сведения о принятых мерах – в течение 72 часов [8; 9; 13]. Роскомнадзор разместил формы сообщений и разъяснения по подаче уведомлений, что снизило порог входа для операторов, но одновременно выявило практические вопросы: как квалифицировать инцидент, как оценить «нарушение прав», какие данные считать достаточными на первом этапе уведомления, как документировать расследование [8; 9].

Второй существенный блок новаций связан с ответственностью. Федеральный закон от 30.11.2024 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (вступил в силу 30.05.2025) существенно усилил административные санкции за нарушения в сфере персональных данных и ввел более жесткие модели наказания, включая повышенные штрафы за утечки и отдельные составы за неисполнение обязанностей по уведомлению и обеспечению безопасности [1; 2; 14]. В экспертной литературе справедливо отмечается, что ужесточение ответственности способно повысить дисциплину операторов, но без стандартизации процедур реагирования риск формального соблюдения и «бумажной» комплаенс-модели остается

высоким [7, с. 48–56]. Экономические исследования также указывают на необходимость балансировать усиление информсента с рисками для конкуренции и малого/среднего бизнеса [4, с. 29–46].

Несмотря на обновления, в российском праве сохраняются пробелы, которые напрямую влияют на качество защиты прав субъектов персональных данных. Во-первых, отсутствует общая обязанность оператора уведомлять самих субъектов о факте утечки (в отличие от большинства риск-ориентированных моделей), что лишает граждан возможности своевременно сменить пароли, перевыпустить карты, включить дополнительные меры защиты. Во-вторых, законодательство не фиксирует классификацию инцидентов по уровню риска, не определяет минимальный состав сведений, которые должны отражаться в «журнале инцидентов», и не устанавливает базовые стандарты внутреннего расследования (этапы, сроки, доказательства, роль комиссии, критерии завершения). В-третьих, отсутствует единый документальный «контур» реагирования, который бы стыковал требования Федерального закона № 152-ФЗ с требованиями по безопасности информационных систем персональных данных и корпоративными процедурами [5; 6; 12].

Представляется целесообразным развивать правовой механизм реагирования на инциденты по риск-ориентированной модели, не перегружая закон избыточной детализацией. Оптимальным является закрепление в Федеральном законе № 152-ФЗ минимального контура обязанностей оператора и делегирование технических деталей в подзаконные акты (в том числе в ведомственные методические рекомендации), при обязательности ключевых шагов и документов.

Предлагаемый алгоритм реагирования оператора на утечку персональных данных (минимальный юридический стандарт):

1. Первичная фиксация и локализация: выявить событие, ограничить доступ, сохранить следы (логи, скриншоты), закрепить время обнаружения и ответственных лиц. Этот шаг нужен не только для ответственных за информационную безопасность, но и для доказательственной базы при проверках и спорах.

2. Квалификация события как «инцидента» по Федеральному закону № 152-ФЗ: установить, имела ли место неправомерная/случайная передача (доступ/распространение/предоставление), какие категории персональных данных затронуты (обычные/специальные/биометрические), есть ли признаки нарушения прав субъектов, оценить масштаб (количество субъектов/записей) и потенциальный вред.

3. Уведомление Роскомнадзора в течение 24 часов: направить первичное сообщение по установленной форме, указав обстоятельства, предполагаемые причины, категории затронутых персональных данных, принятые первичные меры и контактное лицо [8; 9; 13].

4. Внутреннее расследование и домерыприятия в течение 72 часов: сформировать комиссию/ответственных, восстановить причинно-следственную связь (уязвимость/ошибка персонала/инсайдер), определить объем скомпрометированных данных, принять меры по минимизации вреда (смена ключей, принудительная смена паролей, блокировка учетных записей, уведомление контр-

агентов), оформить отчет и направить в Роскомнадзор сведения о результатах расследования и мерах [8; 9].

5. Ведение журнала инцидентов и комплект документов: акт об инциденте; журнал регистрации инцидентов; отчет расследования; копии уведомлений в Роскомнадзор; план корректирующих действий; обновление модели угроз/политик по информационной безопасности и обучения персонала. Закон должен прямо признать юридическое значение этих документов как подтверждение добросовестности оператора и соблюдения обязанностей.

6. Коммуникация с субъектами персональных данных (предлагаемое нововведение): целесообразно закрепить обязанность уведомления субъектов при «высоком риске» (утечка аутентификационных данных, паспортных данных, платежной информации, специальных/биометрических персональных данных, массовые инциденты). Уведомление должно быть практико-ориентированным: что утекло, какие действия предпринять, как связаться с оператором, какие меры поддержки доступны.

Итогом должна стать унифицированная правовая конструкция, в которой:

1) закон задает минимальный стандарт действий и ключевые сроки;

2) надзорные материалы (формы/разъяснения) обеспечивают единообразие практики уведомлений;

3) подзаконные акты в области безопасности информационных систем персональных данных согласованы с «инцидентными» обязанностями;

4) ответственность по Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях корреспондирует исполнимым процедурам и не стимулирует сокрытие инцидентов. Такой подход позволит повысить реальную защищенность субъектов персональных данных и снизить латентность утечек, не создавая при этом непропорциональной нагрузки на добросовестных операторов.

Список источников

1. Булочников С. Ю. О правотворчестве и правовых новациях в части защиты от утечек персональных данных. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravotvorchestve-i-pravovyh-novatsiyah-v-chasti-zaschity-ot-utechek-personalnyh-dannyh> (дата обращения: 26.11.2025).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 13.11) (ред. с изм., действ. с 30.05.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 26.11.2025).

3. КонсультантПлюс. Опубликован закон об оборотных штрафах для компаний за утечку персональных данных (обзор). URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/87300.html> (дата обращения: 26.11.2025).

4. Моросанова А. А. Усиление регулирования защиты персональных данных в России: экономические последствия и риски // Управленец. 2023. Т. 14, № 5. С. 29–46. doi: 10.29141/2218-5003-2023-14-5-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/usilenie-regulirovaniya-zaschity-personalnyh-dannyh-v-rossii-ekonomicheskie-posledstviya-i-riski> (дата обращения: 27.11.2025).

5. Постановление Правительства РФ от 01.11.2012 № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных». URL: https://03.rkn.gov.ru/directions/personal_data/act/p18990/ (дата обращения: 27.11.2025).

6. Приказ ФСТЭК России от 18.02.2013 № 21 (ред. от 14.05.2020) «Об утверждении Состав и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» (зарегистрировано в Минюсте России 14.05.2013 № 28375). URL: <https://fstec.ru/dokumenty/vse-dokumenty/prikazy/prikaz-fstek-rossii-ot-18-fevralya-2013-g-n-21> (дата обращения: 27.11.2025).

7. Прокопенко А. Н. Борьба с утечками персональных данных – поможет ли ужесточение ответственности? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15, № 2 (56). С. 48–56. doi: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-utechkami-personalnyh-dannyh-pomozhet-li-uzhestochenie-otvetstvennosti> (дата обращения: 28.11.2025).

8. Роскомнадзор. На сайте доступны формы для подачи сообщений об инцидентах персональных данных (01.09.2022). URL: <https://old.rkn.gov.ru/news/rsoc/news74484.htm> (дата обращения: 28.11.2025).

9. Роскомнадзор. Уведомление о факте неправомерной или случайной передачи (предоставления, распространения, доступа) персональных данных (памятка/порядок). URL: <https://pd.rkn.gov.ru/incidents/> (дата обращения: 28.11.2025).

10. Россия: утечки информации ограниченного доступа 2023-2024: аналитический отчет / Экспертно-аналитический центр ГК InfoWatch. 2025. 13 с. URL: <https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/rossiya-utechki-informatsii-ogranichennogo-dostupa-2023-2024.pdf> (дата обращения: 28.11.2025).

11. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 24.06.2025). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.11.2025).

12. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 28.11.2025).

13. Федеральный закон от 14.07.2022 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О персональных данных“, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу части четырнадцатой статьи 30 Федерального закона „О банках и банковской деятельности“». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140080> (дата обращения: 29.11.2025).

14. Федеральный закон от 30.11.2024 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (вступил в силу 30.05.2025). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411300011> (дата обращения: 29.11.2025).

Дурягин Денис Олегович

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

duriaginden@yandex.ru

**Химическая кастрация как мера медицинского характера:
международный опыт применения и перспективы применения
в Российской Федерации**

***Аннотация.** В статье рассматривается химическая кастрация как мера медицинского характера в отношении лиц, совершивших преступления сексуального характера. Проанализирован международный опыт применения данной меры, выявлены ее эффективность и побочные эффекты. Исследованы правовые аспекты внедрения химической кастрации в России, включая соответствие международным стандартам прав человека.*

***Ключевые слова:** химическая кастрация, принудительные меры медицинского характера, преступления сексуального характера, педофилия, уголовное законодательство, права человека.*

Duryagin Denis Olegovich

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

**Chemical castration as a medical measure: international experience
and prospects for application in the Russian Federation**

***Annotation.** The article examines chemical castration as a medical measure against persons who have committed sexual crimes. The international experience of applying this measure is analyzed, its effectiveness and side effects are revealed. The legal aspects of the introduction of chemical castration in Russia, including compliance with international human rights standards, are investigated.*

***Keywords:** chemical castration, compulsory medical measures, sexual crimes, pedophilia, criminal law, human rights.*

Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности не являются редкостью в современном обществе. Девушки, женщины и даже дети, причем обоих полов, становятся жертвами сексуального насилия по всему миру, порой даже внутри собственной семьи. Человеку грозит опасность оказаться жертвой сексуального насилия практически со всех сторон: как в общественных местах, так и дома – там, где человек должен чувствовать себя в безопасности. Насильником может оказаться даже самый близкий и родной человек – муж, отец, отчим, друг, преподаватель и другие.

По данным о глобальной распространенности насилия, опубликованным Всемирной организацией здравоохранения, каждая третья женщина в мире

в течение своей жизни подвергается физическому или сексуальному насилию. В большинстве случаев насилие совершают интимные партнеры, мужа, и до 38 % женщин были убиты ими. В большинстве случаев сексуальное насилие сопровождается физическим и психическим: побои, оскорбления, игнорирование, ограничение передвижений, общения, полный контроль за действиями жертвы [5, с. 585].

Проблема защиты личности от преступлений против половой неприкосновенности и свободы личности приобрела особую остроту в современном обществе. Растущая частота совершения тяжких преступлений на сексуальной почве и высокий процент рецидива заставляют задуматься о поиске надежных и эффективных профилактических мер. Одной из таких мер, активно обсуждаемых в последние годы, является химическая кастрация – медицинское средство подавления полового влечения у лиц, склонных к подобным преступлениям [9].

Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного [7].

На увеличение процента совершения данных преступлений законодательство РФ среагировало достаточно жестко, что выразилось в ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних», принятом Государственной Думой 7 февраля 2012 года и одобренном Советом Федерации 22 февраля [8]. Данный закон впервые предусмотрел возможность применения принудительных мер медицинского характера к лицам, которые совершили преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Появилась возможность добровольной химической кастрации.

Для начала необходимо наиболее полно разобраться в природе данного понятия. Химическая кастрация – это введение медицинских препаратов, которые уменьшают либидо и сексуальную активность. Ее главное отличие от хирургической кастрации, в процедуре которой яички или яичники удаляются через разрез, в том, что она не удаляет половой член и не является стерилизацией. Химическая кастрация – это обратимая процедура, действие которой прекращается с прекращением введения препаратов, но, тем не менее, могут сохраняться некоторые побочные эффекты. На данный момент эта процедура широко используется в качестве инструмента судебной практики в ряде стран, однако есть мнение о том, что не все побочные эффекты достаточно исследованы, а сама процедура считается нарушением прав человека.

В России химическая кастрация была введена как мера воздействия на педофилов в 2012 г., но лишь с согласия осужденного. Предполагалось, что педофил добровольно пойдет на процедуру, чтобы обезопасить других и себя от

подобных желаний и возможного рецидива, но на деле осужденные не желали лишаться «своего достоинства», тем более химическая кастрация никак не облегчала участь преступника, наказание оставалось без изменений.

Изнасилование лиц старше 16 лет также является страшным преступлением. Более того, выделяют группу насильников с различными аномалиями психики и патологическими проявлениями полового влечения, их называют сексуальными маньяками. Во время осуществления сексуального преступления они проявляют особую жестокость по отношению к потерпевшим, глумятся над ними, тем самым компенсируя свою сексуальную несостоятельность. Мы считаем, что такие лица тоже могут быть подвержены химической кастрации [3, с. 21].

Таким образом, сложная криминальная ситуация в сфере борьбы с сексуальными преступлениями против несовершеннолетних требует принятия решительных мер со стороны государства. Суть химической кастрации заключается в том, что в организм мужчины вводится специальный медицинский препарат, который блокирует действие мужского гормона тестостерона, в результате чего происходит полное подавление сексуального влечения.

Если говорить о химической кастрации как о виде наказания, то в некоторых странах данная практика уже применяется. Например, в Польше химическая кастрация является обязательной для лиц, которые признаны виновными в изнасиловании детей до 15 лет или близких родственников [1].

Химическая кастрация для педофилов и насильников применяется в ряде европейских стран, таких как Франция, Германия, Италия, Дания, Норвегия, Израиль. В США химическая кастрация, причем принудительная, применяется в таких штатах, как Калифорния, Флорида, Джорджия, Техас, Луизиана, Монтана и др. [9] Также в США в 1990-е годы были приняты законы, ограничивающие возможность свободного перемещения лиц, совершивших насильственные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Данное ограничение основано на обязательной процедуре регистрации лиц в определенном населенном пункте. В последние годы данные реестры стали доступны для общества [10].

По мнению экспертов, перед политиками и медицинскими работниками стоит сложная дилемма: «С одной стороны, химическая кастрация может стать эффективным инструментом предотвращения повторных сексуальных преступлений, защищая потенциальных жертв. С другой – она несет серьезные риски для физического и психического здоровья тех, кто соглашается на лечение».

Рассмотрев опыт зарубежных стран, считаем, что выделение химической кастрации как самостоятельного вида ПММХ является спорным. Необходимо применять данную норму как условие условно-досрочного освобождения или освобождения после отбытия наказания совместно с наблюдением у врача-психиатра и других необходимых специалистов, например сексолога,

которое, на наш взгляд, является в ситуации с педофилами просто необходимым.

Исходя из медицинских характеристик химической кастрации, она ухудшает здоровье человека. Понижение уровня тестостерона приводит к таким последствиям, как инфаркт, инсульт в результате сгущения крови; по меньшей мере есть нарушение принципа гуманизма, согласно которому иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий.

Конвенция «О защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений» указывает на необходимость выработки программ и мер оперативного вмешательства, которые могли бы быть реализованы как в местах лишения свободы, так и вне их. Сущность любой из разработанных в рамках Конвенции программ сводится к тому, что первоочередной задачей, которая стоит перед государством, должна быть задача защиты детей от сексуальных посягательств, при этом первое место должны занимать профилактические меры по недопущению рецидива у педофилов [4].

Химическую кастрацию можно в полном объеме отнести к мерам профилактического и предупредительного характера, которая в полной мере при регулярном ее проведении коррекционно воздействует на педофилов.

Таким образом, обоснованность применения химической кастрации как коррекционной меры подтверждается международным сообществом. Однако следует учитывать, что большинство стран, реализующих химическую кастрацию, применяют ее при условии согласия самого педофила, осужденного за сексуальное преступление в отношении малолетнего [2].

Введение процедуры химической кастрации в отношении педофилов и насильников возможно лишь при внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ.

Вопрос о применении химической кастрации как меры медицинского характера остается дискуссионным и недостаточно проработанным.

Некоторые авторы считают, что химическая кастрация должна быть одной из составляющих комплекса мер по профилактике рецидива педофилии. Однако есть и другая точка зрения, согласно которой применение химической кастрации в отношении лиц, совершивших сексуальные преступления против несовершеннолетних, нарушает базисные принципы и задачи уголовной и уголовно-исполнительной политики.

Среди минусов химической кастрации называют то, что она не излечивает психологические корни полового девиантного поведения. Также процедура дорогостоящая, и возникает вопрос о том, за чей счет она будет проводиться.

Таким образом, эффективности химической кастрации можно добиться только тогда, когда она будет сочетаться с квалифицированной психиатрической и психологической помощью и иметь длительный характер [6, с. 155].

Список источников

1. Абрамян С. К. Права человека и перспективы применения химической кастрации в России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prava-cheloveka-i-perspektivy-primeneniya-himicheskoy-kastratsii-v-rossii/viewer> (дата обращения: 01.10.2025).
2. Артеменко Н. Н., Николаева Е. А., Тарасова О. Е. Химическая кастрация как уголовно-правовая мера: проблемы практической реализации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/himicheskaya-kastratsiya-kak-ugolovno-pravovaya-mera-problemy-prakticheskoy-realizatsii/viewer> (дата обращения: 15.10.2025).
3. Брылев В. И., Лях Л. А. Криминалистический анализ личности преступника и потерпевшей от изнасилования // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2012. № 1–2. С. 21–24.
4. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений. Заключена в г. Ленсароте 25.10.2007 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 13.10.2025).
5. Костовская Н. И. Проблема нормативно-правового регулирования домашнего насилия в отношении женщин. URL: <https://moluch.ru/archive/288/65233>. (дата обращения: 15.10.2025).
6. Романовский Г. Б. Химическая кастрация в российском праве // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства: материалы ежегодной междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 23–27 октября 2015 г.). Новосибирск, 2015. С. 152–158.
7. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.10.2025).
8. Федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.10.2025).
9. Хышиктуев О. В., Калашникова В. И. Химическая кастрация педофилов и насильников: зарубежный опыт и возможность его применения в России. URL: <https://journals.bsu.ru/content/articles/2236.pdf> (дата обращения: 11.10.2025).
10. Якоб Е. И. Химическая кастрация как вид принудительных мер медицинского характера. URL: <https://sovpravo.press/stati/himicheskaya-kastratsiya-kak-vid-prinuditelnyh-mer-meditsinskogo-haraktera/> (дата обращения: 12.10.2025).

Журавлев Кирилл Андреевич

аспирант, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

mr.Zhuravlevkirill@mail.ru

Правовые и организационные проблемы внедрения цифровых технологий на региональном уровне

***Аннотация.** В статье анализируются правовые и организационные проблемы цифровизации государственного управления на региональном уровне на примере Москвы, Костромской области, Свердловской области, Краснодарского края и Республики Саха (Якутия). Исследование выявляет существенную дифференциацию в подходах к финансированию, кадровому обеспечению и нормативно-правовому регулированию цифровой трансформации. На основе сравнительного анализа формулируются конкретные предложения по совершенствованию региональной цифровой политики.*

***Ключевые слова:** цифровизация, государственное управление, региональный уровень, финансирование, кадровое обеспечение, правовые проблемы, организационные проблемы.*

Zhuravlev Kirill Andreevich

graduate student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Legal and organizational problems of introducing digital technologies at the regional level: financing and staffing issues

***Annotation.** The article analyzes the legal and organizational problems of digitalization of public administration at the regional level using the example of Moscow, Kostroma Region, Sverdlovsk Region, Krasnodar Territory and the Republic of Sakha (Yakutia). The study reveals significant differentiation in approaches to financing, staffing, and regulatory regulation of digital transformation. Based on the comparative analysis, specific proposals are formulated to improve the regional digital policy.*

***Keywords:** digitalization, public administration, regional level, financing, staffing, legal problems, organizational problems.*

Цифровая трансформация публичной власти является системным трендом современного государственного развития. Однако ее реализация на региональном уровне сталкивается с комплексом правовых и организационных проблем, обусловленных экономической, географической и социальной неоднородностью субъектов Российской Федерации, являющиеся неотъемлемым и обязательным элементом многонациональной конъюнктуры России. Как справедливо отмечает доктор юридических наук А. В. Незнамов, что относительно универсальные федеральные подходы к цифровизации требуют серьезной адаптации и переосмысления в условиях применения на уровнях региональной специфики [27, с. 45].

Целью настоящего исследования является выявление и системный анализ правовых и организационных проблем внедрения цифровых технологий в государственное управление на региональном уровне, а также разработка научно обоснованных предложений по их решению.

Методологическую основу исследования составили: сравнительно-правовой и системный анализы, а также метод case-study применительно к пяти субъектам РФ, представляющим различные модели регионального развития:

Москва – мегаполис с развитой ИТ-инфраструктурой [37];

Костромская область – регион с еще только развивающейся цифровизацией, однажды вошедший в топ-5 городов с численностью от 250 тыс. до 1 млн. жителей в 2023 году по уровню цифровизации [38], однако если брать регион в сравнении данными развития в ЦФО, то позиции Костромской области далеки от лидирующих и говорят о низком уровне развития цифровизации в области [39];

Свердловская область – промышленно развитый субъект [40];

Краснодарский край – аграрно-промышленный и туристический регион [41];

Республика Саха (Якутия) – северный регион с экстремальными природно-климатическими условиями [42].

В основу отбора рассматриваемых субъектов были положены следующие принципы-критерии – финансовый; критерий социальных возможностей; территориальный принцип; критерий самостоятельного дохода субъекта и региональной промышленности.

Исследование было основано на региональных базах нормативных правовых актов и стратегий цифрового развития, регулирующих сферу внедрения цифровизации.

Форматы и структуризация принимаемых нормативных правовых актов, в рассматриваемых субъектах, носит следующий характер:

- *стратегические и концептуальные документы* – дорожные карты, стратегии и концепции;
- *целевые программы* – подпрограммы, государственные программы;
- *законы и НПА, регулирующие конкретные сферы* – электронный документооборот, ЭЦП, государственные услуги в цифровом формате и другие.

Москва:

– Постановление Правительства Москвы от 11.03.2024 № 438-ПП «О цифровом мастер-планировании территории города Москвы» [10].

– Постановление Правительства Москвы от 03.12.2024 № 2725-ПП «О мерах, направленных на реализацию Государственной программы города Москвы «Развитие цифровой среды и инноваций» [11].

Постановлением Правительства Москвы от 11.03.2024 № 438-ПП создаются возможности устойчивого и сбалансированного социально-экономического и градостроительного развития территории Москвы, а также для обеспечения согласованности принимаемых решений. Среди которых можно выделить:

– утверждено «Положение о цифровом мастер-планировании территории города Москвы», которое определяет цели и задачи этого процесса, состав необходимых сведений;

– установлен порядок взаимодействия органов исполнительной власти Москвы при осуществлении цифрового мастер-планирования территории и порядок применения полученных результатов для развития городской инфраструктуры;

– утвержден «План мероприятий по реализации цифрового мастер-планирования территории города Москвы».

Отдельно стоит выделить формат государственной программы города Москвы – «Умный город 2030» [31].

Эта программа описывает приоритеты, цели и задачи государственного управления и развития в сфере цифровых технологий в Москве до 2030 года.

Цели программы:

– обеспечение устойчивого роста качества жизни москвичей и благоприятных условий ведения предпринимательской и иной деятельности за счет использования цифровых технологий;

– централизованное, сквозное и прозрачное управление городом на основе больших данных и с использованием искусственного интеллекта;

– повышение эффективности государственных расходов, в том числе за счет внедрения государственно-частного партнерства в сфере информационных и цифровых технологий и связи.

Направления программы:

– умный транспорт (адаптивное управление потоками, беспилотники, онлайн-сервисы);

– цифровое здравоохранение (телемедицина, носимые гаджеты для мониторинга здоровья);

– инновационное образование (VR-обучение, персонализированные программы);

– вовлечение жителей в управление городом (развитие цифровых сервисов для голосований, сбора предложений и общественного контроля);

– экология (переход на экологичный транспорт, внедрение раздельного сбора мусора с помощью умных систем и снижение вредных выбросов).

Далее рассмотрим **Московскую область**.

– Постановление Правительства Московской области от 30.08.2022 № 908/30 «Об утверждении Стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Московской области» [12].

Цели стратегии:

– цифровая трансформация отраслей экономики;

– достижение высокой степени цифровой зрелости;

– оказание качественных государственных услуг государству и бизнесу;

– формирование качественной и безопасной среды для жизни и развития;

– повышение эффективности государственного управления.

Задачи стратегии:

- увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде;
- современное управление на основе объемных данных;
- увеличение вложений в отечественные решения в сфере IT-технологий;
- повышение эффективности контрольной и надзорной деятельности;
- и другие.

Свердловская область. Массив принимаемых местными властями нормативных документов обширен, отдельного внимания заслуживают основные правоустанавливающие акты, такие как:

– План мероприятий «Дорожная карта», утвержденный распоряжением Правительства Свердловской области от 17.06.2021 № 299-РП «Дорожная карта» [33].

– Постановление Правительства Свердловской области от 21.02.2019 № 124-ПП «О внесении изменений в отдельные постановления Правительства Свердловской области в сфере информатизации и связи» [13].

– Приказ Министерства цифрового развития и связи Свердловской области от 15.06.2023 № 87 «О внесении изменений в детальный план мероприятий подпрограммы 1 «Информационное общество Свердловской области» [23] государственной программы Свердловской области «Информационное общество Свердловской области до 2024 года» на 2018–2020 годы, утвержденный Департаментом информатизации и связи Свердловской области от 12.01.2018 № 1» [24].

– Приказ Министерства цифрового развития и связи Свердловской области от 09.03.2023 № 83/93 «О создании рабочей группы по переходу на централизованную модель управления в области информатизации, цифрового развития и информационной безопасности» [24].

– Паспорт Программы цифровой трансформации Свердловской области от 29.12.2022 № 01-01-41/110 [34].

– Стратегия от 29.12.2022 № 01-01-41/112 в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Свердловской области [35].

В условиях научной разработки стоит снова обратить внимание на Стратегию в области цифровой трансформации Свердловской области, являющейся системообразующим и вектор задающим стратегическим документом, отметив следующие цели и задачи.

Цели Стратегии:

- достижение высокой степени цифровой зрелости отдельных элементов цифровой экономики, социальной сферы и государственного управления для оказания качественных государственных услуг населению и бизнесу;
- формирование качественной и безопасной среды.

Задачи Стратегии:

- создание комфортной городской среды на территории Свердловской области;

- обеспечение запуска масштабной системной программы развития экономики нового технологического поколения;
- повышение качества и доступности образования, обеспеченного современными средствами обучения;
- содействие решению проблемы обеспечения высокотехнологичных отраслей промышленности Свердловской области высококвалифицированными специалистами в этой области;
- обеспечение дистанционного получения гражданами в режиме реального времени необходимой архивной информации в электронном виде;
- цифровая трансформация контрольной (надзорной) деятельности
- и другие.

Краснодарский край. Профильным ведомством, осуществляющим разработку и внедрение вопросов цифровой модернизации, выступает Департамент информатизации и связи Краснодарского края. Он же является основным разработчиком следующих актов:

- Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Краснодарского края [36].

Целью Стратегии является:

- трансформация отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления;
- достижение высокой степени цифровой зрелости;
- оказание качественных государственных услуг населению и бизнесу;
- формирование качественной и безопасной среды для жизни и развития;
- обеспечение доступности и качества образования, здравоохранения и социальной поддержки.

Задачами Стратегии выступают:

- создание и усовершенствование отдельных информационных систем и цифровых продуктов;
- оптимизация технологических процессов;
- повышение качества управления и выполнения работ на основе достоверной и актуальной информации;
- создание информационной инфраструктуры, обеспечивающих реализацию современных способов торговли;
- и другие.

Далее отметим основные нормативные акты органов исполнительной власти Краснодарского края.

- Постановление главы администрации (Губернатора) Краснодарского края от 12.10.2015 № 960 «Об утверждении государственной программы Краснодарского края «Информационное общество Кубани» [14].

- Закон Краснодарского края от 9 декабря 2020 года № 4 376-КЗ «О государственной поддержке в сфере информационных технологий и внесении изменения в статью 6 Закона Краснодарского края «О стимулировании инвестиционной деятельности в Краснодарском крае» [4].

– Постановление Губернатора Краснодарского края от 12 апреля 2024 года № 191 «О внесении изменений в некоторые нормативные правовые акты Краснодарского края» [15]. В документе внесены изменения в нормативные акты, связанные с использованием государственной информационной системы «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере» [16].

– Приказ министерства здравоохранения Краснодарского края от 12 августа 2020 года № 3720 «О внесении изменений в приказ министерства от 21 июля 2014 года № 3686 «Об обеспечении функционирования регионального сегмента ЕГИСЗ». Регулирует функционирование регионального сегмента ЕГИСЗ, например, регистр медицинских организаций (Паспорт ЛПУ) и региональный регистр медицинской техники и оборудования [26].

– Распоряжение главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 21 января 2021 года № 14-р «О комплексе мер по внедрению цифровой образовательной среды в образовательных организациях» [20].

– Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 5 октября 2015 года № 939 «Об утверждении государственной программы Краснодарского края «Развитие образования». Официальный сайт. Министерство образования и науки Краснодарского края [16].

Республика Саха (Якутия). Рассматривая перечень нормативных актов, принятых в Республике Саха, также остановим внимание на основном документе о цифровизации – Указ главы Республики Саха (Якутия) от 30.08.2022 № 2580 «Об утверждении Стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Республики Саха (Якутия)» [9]. Одновременно отметим *цели Стратегии*:

– трансформация отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления;

– повышение качества жизни и удовлетворенности населения;

– повышение эффективности деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления путем достижения высокого уровня цифровой зрелости.

Задачи Стратегии:

– повышение качества жизни населения через реализацию клиентоцентричного подхода при предоставлении государственных и муниципальных услуг;

– внедрение и модернизация цифровых и платформенных решений, технологий, отечественных программных и программно-аппаратных комплексов;

– повышение уровня надежности и безопасности информационных систем;

– достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей в области здравоохранения, образования, социальной сферы, транспорта и логистики, городского хозяйства и государственного управления;

– повышение уровня цифрового развития образовательных организаций;

– и другие.

Среди массива нормативных актов региона выделим следующие:

– Закон РС (Я) от 19.12.2018 г. 2077-3 № 45-VI «О стратегии социально-экономического развития РС (Я) до 2032 года с целевым видением до 2050 года» [7].

– Указ Главы РС (Я) от 15.07.2024 г. № 373 «О проектном офисе по цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления РС (Я)» [8].

– Указ Главы РС (Я) от 30.08.2022 г. № 2580 «Об утверждении Стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления РС (Я)» [9].

– Распоряжение Главы РС (Я) № 1736-РГ от 07.12.2023 г. «Об утверждении Концепции управления данными в РС (Я) до 2030 года» [21].

– Распоряжение Правительства РС (Я) № 687-р от 18.06.2024 г. «План мероприятий по реализации Концепции управления данными в РС (Я) до 2030 года» [22].

Костромская область. Основным документом в нашем регионе также выступает – Постановление администрации Костромской области от 07.08.2023 № 345-а «Об утверждении государственной программы Костромской области «Цифровая трансформация государственного (муниципального) управления» [17].

В соответствии с предложенной концепцией исследования, также рассмотрим цели Программы:

– достижение уровня «цифровой зрелости» государственного (муниципального) управления к 2030 году 100 процентов;

– внедрение в Костромской области сквозных технологий в деятельность органов государственной власти, местного самоуправления и подведомственных им организаций;

– внедрение цифровых платформ работы с данными для обеспечения потребностей власти, бизнеса и граждан;

– повышение эффективности деятельности органов государственной власти Костромской области.

Задачи Программы определены такие как:

– предоставление государственных и муниципальных услуг;

– осуществление контрольной и надзорной деятельности;

– обеспечение безопасности государства в целом и граждан в частности.

Основной массив законодательных актов Костромской области в сфере цифровизации составляют:

– Постановление администрации Костромской области от 31.07.2014 № 322-а «Об утверждении государственной программы Костромской области «Информационное общество Костромской области» [18].

– Постановление Администрации Костромской области от 30.06.2008 № 208-а «Об утверждении положения о Комиссии по цифровому развитию и проведению административной реформы в Костромской области» [19].

– Методика расчета значений показателей государственной программы «Цифровая трансформация государственного (муниципального) управления» и ее структурных элементов [32].

Таким образом, нами был изучен большой массив нормативных правовых актов, регламентирующих государственное управление в предложенных нами к рассмотрению регионах.

Анализ законодательства выявил проблему недостаточного разграничения полномочий в сфере цифровизации между федеральным и региональным уровнями. Как отмечает кандидат юридических наук К. А. Савельев, отсутствие четкого распределения ответственности приводит к дублированию функций и неэффективному расходованию бюджетных средств [28, с. 33].

В частности, в Краснодарском крае и Свердловской области отмечаются случаи параллельного создания аналогичных информационных систем региональными и федеральными органами власти.

Особо отметим, что в государственных программах и стратегиях, принятых в рассмотренных нами регионах, также наблюдается дублирование целей и задач в сфере развития и применения цифровых инструментов. Подобный фактор, естественно, служит логичным подходом властей к некому системному и адаптируемому подходу в рамках симметричного развития цифровых технологий на территории всей России. Однако такой подход может существенно сузить внимание местных властей на факторы региона, которые либо не развиты, либо вовсе не существуют, или же находятся на более высоком уровне разработанности нежели в других регионах страны, по моделям которых и строится основополагающий документ векторизации цифровизации государственного управления субъекта Российской Федерации. Что, естественно, показывает нам проблематику асимметричности понимания властей регионов к структуре цифровой трансформации возглавляемых ими регионов, а также отсутствию четкого распределения функций между федеральными и региональными уровнями.

Отдельно отметим, что регионы сталкиваются с отсутствием единых стандартов для региональных информационных систем, что затрудняет их интеграцию с федеральными платформами. Особенно остро эта проблема проявляется в Республике Саха, где географическая удаленность населенных пунктов требует создания автономных цифровых решений.

Еще одним немаловажным фактором внедрения цифровых инструментов являются и финансовые возможности регионов. Рассмотрение бюджетов регионов за период 2023 года, положенный в основу исследования, показал значительный разрыв в объемах финансирования цифровизации между регионами:

Москва – 45,2 млрд руб.;

Свердловская область – 3,1 млрд руб.;

Костромская область – 0,9 млрд руб.;

Республика Саха – 2,7 млрд руб. (с учетом повышенных затрат на инфраструктуру) [1; 2; 3; 5; 6].

В данном контексте согласимся с мнением доктора экономических наук М. В. Карпычевым, который отмечает, что действующая методика распределе-

ния межбюджетных трансфертов не учитывает в полной мере потребности регионов в цифровой трансформации [26, с. 78].

Следующим аспектом затруднения внедрения цифровизации в регионах стоит признать острый кадровый дефицит не только высококвалифицированных работников, но и вопрос уровня ИТ-навыков рядовых пользователей.

Во всех исследуемых регионах, кроме Москвы, наблюдается дефицит квалифицированных ИТ-специалистов в органах государственной власти. В Костромской области только 28 % муниципальных служащих прошли обучение по программам цифровой грамотности [29]. В Республике Саха проблема усугубляется миграционным оттоком молодежи [30]. В этой связи вопросы кадрового потенциала регионов имеет особую стратегическую важность, поскольку это влияет не только на планирование и создание механизмов цифровой трансформации субъектов, но и напрямую опосредует практическую реализацию принимаемых нормативных актов регионов.

Таким образом, на основе проведенного исследования сформулированы следующие предложения:

1. Разработка модельного регионального закона – «О цифровизации государственного управления в субъектах Российской Федерации», предусматривающего:

- четкое разграничение полномочий между федеральным и региональным уровнями;
- создание региональных центров компетенций по цифровой трансформации;
- введение специальных правовых режимов для пилотных проектов.

2. Внедрение дифференцированного подхода к стандартизации цифровых решений с учетом региональной специфики, особенно для северных и удаленных территорий.

3. Создание системы целевых субсидий из федерального бюджета для регионов с низким уровнем цифровизации (по аналогии с Костромской областью).

4. Разработка специальной программы – «Цифровые кадры регионов», включающей:

- целевую подготовку ИТ-специалистов для государственной службы;
- повышение квалификации государственных и муниципальных служащих;
- создание системы мотивации для молодых специалистов в регионах.

5. Внедрение механизма государственно-частного партнерства для финансирования цифровых проектов, особенно в промышленно развитых регионах на примере Свердловской области.

6. Разработка отдельных методик расчета нормативов финансирования для регионов с особыми условиями (Крайний Север, горные территории, приграничные зоны).

7. В качестве применимых профильных программ развития и совершенствования цифровизации для рассмотренных нами субъектов Российской Федерации разработать и внедрить:

- для Москвы – переход к модели «государство-как-платформа» с акцентом на развитие искусственного интеллекта в управлении. Как регион-лидер в сфере цифровизации, в связи с этим справедливо предложить внедрение более сложного следующего этапа – адаптации государственного управления под системы и возможности Искусственного интеллекта;

- для Свердловской области и Краснодарского края – развитие отраслевых цифровых платформ (промышленность, АПК) в силу градообразующих и критически важных направлений деятельности субъектов;

- для Костромской области – реализация программы «цифрового лифта» с федеральной поддержкой, применимый как система экстренного вмешательства для ликвидации критического отставания региона;

- для Республики Саха – создание распределенной модели цифрового управления с опорой на локальные центры в муниципальных образованиях.

В заключение следует отметить, что проведенное исследование демонстрирует – успешная цифровизация государственного управления на региональном уровне требует не только финансовых вложений, но и системных изменений в правовом регулировании, кадровой политике и организационных подходах. Предложенные решения могут быть использованы органами государственной власти при разработке региональных программ цифровой трансформации субъектов Российской Федерации.

Список источников

1. Закон Костромской области от 19.12.2022 № 297-7-ЗКО «Об областном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» // Официальный сайт. Опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4400202212210001> (дата обращения: 10.09.2025).

2. Закон Свердловской области от 07.12.2022 № 137-ОЗ «Об областном бюджете на 2023 год и плановый период 2024 и 2025 годов» // Официальный сайт. Опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/6600202212120038> (дата обращения: 10.09.2025).

3. Закон Краснодарского края от 23.12.2022 № 4825-КЗ «О бюджете Краснодарского края на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» // Официальный сайт. Опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2300202212290022> (дата обращения: 10.09.2025).

4. Закон Краснодарского края от 9 декабря 2020 года № 4 376-КЗ «О государственной поддержке в сфере информационных технологий и внесении изменения в статью 6 Закона Краснодарского края «О стимулировании инвестиционной деятельности в Краснодарском крае» // Официальный сайт. Губернатор Краснодарского края. Администрация Краснодарского края. URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1291/show/563188/> (дата обращения: 12.09.2025).

5. Закон города Москвы от 02.11.2022 № 30 «О бюджете города Москвы на 2023 год и плановый период 2024 и 2025 годов» // Официальный сайт. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/352395098> (дата обращения: 10.09.2025).

6. Закон Республики Саха (Якутия) от 09.12.2022 2553-З № 1015-VI «О государственном бюджете Республики Саха (Якутия) на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» // Официальный сайт. Опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1400202212090009> (дата обращения: 10.09.2025).

7. Закон РС (Я) от 19.12.2018 г. 2077-З № 45-VI «О стратегии социально-экономического развития РС (Я) до 2032 года с целевым видением до 2050 года» // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/48185108/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 13.09.2025).

8. Указ Главы РС (Я) от 15.07.2024 г. № 373 «О проектном офисе по цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления РС (Я)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW249;n=105214#RB8si2VYVqLV6cTO1> (дата обращения: 13.09.2025).

9. Указ Главы РС (Я) от 30.08.2022 г. № 2580 «Об утверждении Стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления РС (Я)» // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/yakut/1570168/> (дата обращения: 13.09.2025).

10. Постановление Правительства Москвы от 11.03.2024 № 438-ПП «О цифровом мастер-планировании территории города Москвы». СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=240541-0&req=doc&base=MLAW&n=436164&rnd=qfnp0A#I5w0i2VuyERinliK1> (дата обращения: 08.09.2025).

11. Постановление Правительства Москвы от 03.12.2024 № 2725-ПП «О мерах, направленных на реализацию Государственной программы города Москвы «Развитие цифровой среды и инноваций» // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/411168845/> (дата обращения 08.09.2025).

12. Постановление Правительства Московской области от 30.08.2022 № 908/30 «Об утверждении Стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Московской области» // Официальный сайт. Правительство Московской области. URL: <https://mosreg.ru/dokumenty/normotvorchestvo/prinyato-pravitelstvom/postanovleniya-pmo/18-11-2022-09-37-40-postanovlenie-pravitelstva-moskovskoy-oblasti-ot> (дата обращения: 11.09.2025).

13. Постановление Правительства Свердловской области от 21.02.2019 № 124-ПП «О внесении изменений в отдельные постановления Правительства Свердловской области в сфере информатизации и связи» // Официальный сайт. Министерство цифрового развития и связи Свердловской области. URL: <https://old-digital.midural.ru/uploads/2023/06/124-ПП.pdf> (дата обращения: 11.09.2025).

14. Постановление главы Администрации (Губернатора) Краснодарского края от 12.10.2015 № 960 «Об утверждении государственной программы Краснодарского края «Информационное общество Кубани» // Официальный сайт. Губернатор Краснодарского края. Администрация Краснодарского края. URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/upload/iblock/e87/fzp22w2k01j4ec8ljb51a0cfttfvl4zc.pdf> (дата обращения: 12.09.2025).

15. Постановление Губернатора Краснодарского края от 12 апреля 2024 года № 191 «О внесении изменений в некоторые нормативные правовые акты Краснодарского края». В документе внесены изменения в нормативные акты, связанные с использованием государственной информационной системы // Официальный сайт. Губернатор Краснодарского края. Администрация Краснодарского края. URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1291/show/739474/> (дата обращения: 12.09.2025).

16. Постановление главы Администрации (Губернатора) Краснодарского края от 5 октября 2015 года № 939 «Об утверждении государственной программы Краснодарского края «Развитие образования» // Официальный сайт. Министерство образования и науки Краснодарского края URL: <https://minobr.krasnodar.ru/activity/gosudarstvennaya-itogovaya-attestatsiya/gia-9/regionalnye-dokumenty-i-materialy/s/31396> (дата обращения: 12.09.2025).

17. Постановление Администрации Костромской области от 07.08.2023 № 345-а «Об утверждении государственной программы Костромской области «Цифровая трансформация государственного (муниципального) управления» // Официальный сайт. Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/4400202308080004> (дата обращения: 14.09.2025).

18. Постановление Администрации Костромской области от 31.07.2014 № 322-а «Об утверждении государственной программы Костромской области «Информационное общество Костромской области» // Официальный сайт. Департамент цифрового развития Костромской области. URL: <https://digital.kostroma.gov.ru/gosudarstvennyye-programmy/normativnaya-baza.php> (дата обращения: 14.09.2025).

19. Постановление Администрации Костромской области от 30.06.2008 № 208-а «Об утверждении положения о Комиссии по цифровому развитию и проведению административной реформы в Костромской области» // Официальный сайт. Портал государственных органов. Костромская область. URL: <https://docs.cntd.ru/document/819056401> (дата обращения: 14.09.2025).

20. Распоряжение главы Администрации (Губернатора) Краснодарского края от 21 января 2021 года № 14-р «О комплексе мер по внедрению цифровой образовательной среды в образовательных организациях» // Официальный сайт. Губернатор Краснодарского края. Администрация Краснодарского края. URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1291/show/568852/> (дата обращения: 12.09.2025).

21. Распоряжение Главы РС (Я) № 1736-РГ от 07.12.2023 г. «Об утверждении Концепции управления данными в РС (Я) до 2030 года» // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/408163591/> (дата обращения: 13.09.2025).

22. Распоряжение Правительства РС (Я) № 687-р от 18.06.2024 г. «План мероприятий по реализации Концепции управления данными в РС (Я) до 2030 года» // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/409271772/> (дата обращения: 13.09.2025).

23. Приказ Министерства цифрового развития и связи Свердловской области от 15.06.2023 № 87 «О внесении изменений в детальный план мероприятий подпрограммы 1 «Информационное общество Свердловской области» государственной программы Свердловской области «Информационное общество Свердловской области до 2024 года» на 2018 - 2020 годы, утвержденный Департаментом информатизации и связи Свердловской области от 12.01.2018 № 1» // Официальный сайт. Министерство цифрового развития и связи Свердловской области. URL: https://old-digital.midural.ru/uploads/2023/06/Приказ_от_15.06.2018+№+87_О_внесении_изм_в_Дет_план_2018-2020.pdf (дата обращения: 11.09.2025).

24. Приказ Министерства цифрового развития и связи Свердловской области от 09.03.2023 № 83/93 «О создании рабочей группы по переходу на централизованную модель управления в области информатизации, цифрового развития и информационной безопасности» // Официальный сайт. Министерство цифрового развития и связи Свердловской области. URL: [https://old-digital.midural.ru/uploads/2023/06/83%20\(2\).pdf](https://old-digital.midural.ru/uploads/2023/06/83%20(2).pdf) (дата обращения: 11.09.2025).

25. Приказ министерства здравоохранения Краснодарского края от 12 августа 2020 года № 3720 «О внесении изменений в приказ министерства от 21 июля 2014 года № 3686 «Об обеспечении функционирования регионального сегмента ЕГИСЗ». Регулирует функционирование регионального сегмента ЕГИСЗ, например, регистр медицинских организаций (Паспорт ЛПУ) и региональный регистр медицинской техники и оборудования // Официальный сайт. Государственный реестр информационных систем Краснодарского края. URL: <https://ris.krasnodar.ru/export/doc.php?id=1524> (дата обращения: 12.09.2025).

26. Карпычев М.В. Финансовые механизмы цифровой трансформации регионов // Финансы. 2022. № 5. С. 75–82.

27. Незнамов А. В. Правовые основы цифровизации государственного управления в России // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. № 4. С. 42–58.

28. Савельев К. А. Разграничение полномочий в сфере цифровизации между федеральным и региональным уровнями власти // Государство и право. 2023. № 1. С. 30–39.

29. В Костромской области будут разработаны методики обучения разных групп костромичей цифровой грамотности // Официальный сайт. Администрация Костромской области. URL: <https://adm44.ru/news/detail.php/294413/> (дата обращения: 16.09.2025).

30. Миграционные настроения современной молодежи Республики Саха (Якутия) // Электронные журналы издательства NOTABENE. URL: https://e-notabene.ru/lr/anonym_70881.html?idr=3114929%7D (дата обращения: 16.09.2025).

31. Государственная программа города Москвы – «Умный город 2030». URL: <https://www.mos.ru/dit/documents/view/217258220/> (дата обращения: 08.09.2025).

32. Методика расчета значений показателей государственной программы «Цифровая трансформация государственного (муниципального) управления» и ее структурных элементов // Официальный сайт. Департамент цифрового развития Костромской области. URL: <https://digital.kostroma.gov.ru/gosudarstvennyye-programmy/normativnaya-baza.php> (дата обращения: 14.09.2025).

33. План мероприятий «Дорожная карта», утвержденный распоряжением Правительства Свердловской области от 17.06.2021 № 299-РП «Дорожная карта» // Официальный сайт. Министерство цифрового развития и связи Свердловской области. URL: <https://old-digital.midural.ru/article/show/id/10083> (дата обращения: 11.09.2025).

34. Паспорт Программы цифровой трансформации Свердловской области от 29.12.2022 № 01-01-41/110 // Официальный сайт. Министерство цифрового развития и связи Свердловской области. URL: <https://old-digital.midural.ru/uploads/2023/06/Паспорт+Программы+цифровой+Трансформации+СО+№+01-01-41-110+от+29.12.2022+Е.В.+Куйвашев.pdf> (дата обращения: 11.09.2025).

35. Стратегия от 29.12.2022 № 01-01-41/112 в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Свердловской области // Официальный сайт. Министерство цифрового развития и связи Свердловской области. URL: [https://old-digital.midural.ru/uploads/2023/07/Стратегия%2001-01-41-112%20\(1\).pdf](https://old-digital.midural.ru/uploads/2023/07/Стратегия%2001-01-41-112%20(1).pdf) (дата обращения: 11.09.2025).

36. Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Краснодарского края // Официальный сайт. Департамент информатизации и связи Краснодарского края. URL: https://dis.krasnodar.ru/upload/iblock/5b4/om31hfnnbuc3obr8tamu5x1jvbaru5jq/Strategiya-TST_28.12.2022.pdf (дата обращения: 12.09.2025).

37. Москва в шестой раз возглавила рейтинг цифровизации городского хозяйства // Официальный сайт. Мэр Москвы. URL: <https://www.mos.ru/news/item/139953073/> (дата обращения: 10.09.2025).

38. Кострома вошла в ТОП-5 небольших городов России по уровню цифровизации // Официальный сайт. «ГТРК «Россия». Кострома». URL: <https://gtrk-kostroma.ru/news/kostroma-voshla-v-top-5-nebolshikh-gorodov-rossii-po-urovnyu-tsifrovizatsii/> (дата обращения: 10.09.2025).

39. Кострома оказалась самым отсталым регионом ЦФО по уровню цифровизации // Акценты. URL: <https://akcent.site/novosti/18306> (дата обращения: 10.09.2025).

40. Цифровизация промышленности // INVEST IN URAL. Инвестиционный портал Свердловской области. URL: <https://invest-in-ural.ru/investment/tsifrovizatsiya-promyshlennosti/> (дата обращения: 10.09.2025).

41. Айти набирает обороты // Коммерсантъ. URL: [https://www.kommersant.ru/doc/8158910] (дата обращения: 10.09.2025).

42. Цифровая Арктика // НИИ «ВШЭ». URL: https://issek.hse.ru/news/1055262549.html. (дата обращения: 10.09.2025).

УДК 349.6

Заиграева Анастасия Алексеевна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

zaigraevaanastasia14082004@gmail.com

Орловская Ирина Викторовна

старший преподаватель

Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

irinorlovskaya@yandex.ru

Современные проблемы правового регулирования экологической экспертизы

***Аннотация.** Данная статья посвящена правовому анализу экологической экспертизы как ключевого инструмента охраны окружающей среды в Российской Федерации. В статье был проведен анализ действующего законодательства Российской Федерации в области охраны окружающей среды и выявлены основные проблемы правового регулирования экологической экспертизы в Российской Федерации. На основе анализа судебной практики предложены конкретные меры по совершенствованию законодательства для повышения эффективности данной процедуры.*

***Ключевые слова:** экологическая экспертиза, охрана окружающей среды, оценка воздействия на окружающую среду, общественные обсуждения, государственная экологическая экспертиза, общественная экологическая экспертиза.*

Zaigraeva Anastasia Alekseevna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Orlovskaya Irina Viktorovna

Senior lecturer, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Modern Problems of Legal Regulation of Environmental Expertise

***Annotation.** This article is devoted to the legal analysis of environmental expertise as a key instrument for environmental protection in the Russian Federation. The study identifies current*

problems in the legal regulation of environmental expertise in Russia. Based on an analysis of judicial practice, specific measures are proposed to improve legislation and enhance the effectiveness of this procedure.

Keywords: *environmental expertise; environmental protection; assessment of environmental impacts; public discussions and participation; state environmental expertise; community-based environmental expertise.*

Одной из первенствующих проблем организации и деятельности любой страны представляет защита находящейся окружающей вокруг среды. Так, согласно статье 42 Конституции Российской Федерации закрепляется, что каждый имеет право на благоприятную окружающую среду [1]. Представление природоохранной защищенности является приоритетным средством предотвращения последствий осуществления планируемой деятельности общества, прогностическим анализом и корректировкой или запрещением реализации данной деятельности. Нужно отметить, что предотвращение загрязнения окружающей среды носит благоприятные последствия как для самих граждан страны, так и в финансовом плане. Предотвращение загрязнения обходится в 4–5 раз дешевле, нежели чем сама ликвидация последствий отрицательного влияния находящуюся вокруг природную среду.

Несмотря на серьезные ухудшения за последние 30–40 лет экологической ситуации, вложение в экологию существенно возросло, при чем не только в России, но и во всем мире.

Так, например, по состоянию на 2024 год Россия находится на 83 месте из 180 в Рейтинге стран по экологической эффективности [9]. К сожалению, обстановка в стране не изменяется в наилучшую сторону, также имеется угроза уменьшения характеристик индекса природоохранной результативности.

Если говорить об экологической экспертизе, то она способствует предотвращению глобального нанесения вреда окружающей природной среде и расценивается в качестве инструмента. В силу своих возможностей экологическая экспертиза достаточно эффективно реализует свой потенциал по охране окружающей среды от неблагоприятных воздействий хозяйственной и иной деятельности. При этом существует ряд пробелов и дискуссионных вопросов.

При осуществлении экологической экспертизы в подлинный момент основоопределяющим документом, кодифицирующим проведение экологической экспертизы является Федеральный закон «Об экологической экспертизе» от 23.11.1995 № 174-ФЗ [11].

Что же понимается под экологической экспертизой? В статье 1 Федерального закона «Об экологической экспертизе» закрепляется определение экологической экспертизы: «установление соответствия документов и (или) документации, обосновывающих намечаемую в связи с реализацией объекта экологической экспертизы хозяйственную и иную деятельность, требованиям в области охраны окружающей среды в целях предотвращения негативного воздействия такой деятельности на окружающую среду» [11].

Несмотря на то, что в Федеральном законе «Об экологической экспертизе» есть легальное определение «экологической экспертизы» [11], в юридиче-

ской науке можно встретить различные интерпретации данного термина. Так, например, Е.П. Захарова под «экологической экспертизой» понимает урегулированную нормами специального законодательства деятельность уполномоченных субъектов, направленную на установление соответствия намеченной деятельности экологическим требованиям [4]. С данной точкой зрения можно согласиться, поскольку, например, в статье 10 Федерального закона «Об экологической экспертизе» приведен перечень субъектов, которые могут проводить государственную экологическую экспертизу [11]. Также А. К. Лапшев под «экологической экспертизой» понимает самостоятельный вид государственного экологического контроля и выступает гарантом выполнения экологического законодательства [5]. Данная точка зрения тоже верна, поскольку экологическая экспертиза, будучи процедурой, имеет собственный предмет, объекты, круг субъектов и специфические методы оценки, отличающиеся от других видов государственного контроля. Она предшествует началу хозяйственной деятельности и направлена на предотвращение негативного воздействия, тогда как надзор чаще всего выявляет нарушения в ходе или после осуществления деятельности. Данные определения заняли определенные позиции в юридической литературе и все они имеют место быть. Общими чертами является предотвращение общественно опасных действий, причиняемых находящейся вокруг окружающей природной среде функционированием человека.

В соответствии с статьей 4 Федерального закона «Об экологической экспертизе» экологическая экспертиза подразделяется на: государственную и общественную [11].

Существует два уровня государственной экспертизы: федеральный и региональный. Данные уровни предопределены законом и зависят от конкретного объекта.

К современным проблемам правового регулирования экологической экспертизы можно отнести проблему оценки воздействия на окружающую среду, которая является этапом, предшествующий государственной экологической экспертизе, который должен сопровождаться общественными обсуждениями. Правовое регулирование позволяет проводить обсуждения в форматах, исключая реальную дискуссию, например, простой сбор опросных листов или удаленные онлайн-конференции. Однако данная возможность снижает эффективность участия общественности и превращает слушания в формальность. При этом, законодательство Российской Федерации обязывает заказчика собирать мнения граждан, но не обязывает учитывать их, если они по какой-либо причине не обоснованы, а критерии обоснованности размыты. Как отмечал Гулаков И., это создает ситуацию, когда даже при наличии аргументированных опасений общественности проект может быть реализован без изменений [8]. Также сложность представляет доступность материалов оценки воздействия на окружающую среду (далее по тексту – ОВОС). Дело в том, что материалы оценки воздействия на окружающую среду публикуются в неудобном формате, в огромных объемах и без резюме, что делает невозможным их анализ общественностью и некоммерческими организациями без специальных познаний в об-

ласти экологии. Так, например, в судебном споре о строительстве «ЭкоТехно-Парка “Шиес”» суды установили, что при планировании строительства мусорного полигона не были проведены необходимые инженерные изыскания, а также не учтены ограничения, предусмотренные законодательством об охране окружающей среды. В частности, территория потенциально подвержена подтоплению, что создает риск распространения загрязняющих веществ. Кроме того, проектная документация подлежала государственной экологической экспертизе федерального уровня, а ОВОС должна была включать общественные слушания для учета мнения населения. В данном случае ООО «Технопарк» пренебрегло указанными требованиями и приступило к строительству «вспомогательных объектов» объекта размещения отходов до проведения ОВОС и государственной экологической экспертизы, что само по себе является достаточным основанием для признания действий общества незаконными [2].

Также Октябрьским районным судом г. Липецка было рассмотрено дело о полигоне «Экотехнопарк Липецкого района». В ходе рассмотрения спора было выявлено, что замечания жителей, высказанные в ходе общественных обсуждений и зафиксированные в опросных листах, не были учтены при принятии решения. Также выяснилось, что материалы ОВОС, представленные на общественные обсуждения, существенно отличались от тех, которые рассматривала государственная экспертная комиссия. Это лишило граждан возможности выразить мнение по окончательным материалам экспертизы. В результате суд признал заключение государственной экологической экспертизы незаконным [10].

Вместе с тем, авторами данной научной статьи предлагается введение единого комплекта материалов ОВОС для предоставления на общественные обсуждения и на государственную экологическую экспертизу, а любые изменения, которые внесены после общественных обсуждений, должны выноситься на дополнительное информирование общественности до передачи на государственную экологическую экспертизу. Также предлагается внести изменения в Федеральный закон «Об экологической экспертизе» [11], где прямо обязывать заказчика публично обосновывать принятые по итогам общественных обсуждений решения: какие замечания учтены и как, какие отклонены и по каким мотивам.

Как верно отметила О. П. Бурматова, что одним из серьезных недостатков существующей процедуры экологической экспертизы в Российской Федерации является отсутствие анализа экологической обстановки, складывающейся после ввода в эксплуатацию того или иного объекта [3]. Дело в том, что при получении положительного заключения государственной экологической экспертизы выдается положительное заключение на проектную документацию. Но никто систематически не проверяет, соответствует ли тот или иной построенный объект тому, что было написано в проекте, который получил одобрение экологов. Экологический надзор приходит уже на работающее предприятие, когда нарушения могут иметь необратимый характер. При этом, механизм «экологического сопровождения» реализации проекта регламентируется в законе крайне размыто. Так, например, Арбитражным судом Северо-Западного округа был рас-

смотрен спор ООО «Новый Свет-ЭКО» к Северо-Западному межрегиональному управлению Федеральной службы по надзору в сфере природопользования о признании недействительными предписания. Как следует из материалов дела, Управлением проведена внеплановая выездная проверка соблюдения Обществом обязательных требований в области охраны окружающей среды при осуществлении работ по рекультивации городского полигона ТБО. В ходе проверки выявлено, что Общество провело работы по рекультивации полигона с отступлением от проектной документации, получившей положительное заключение государственной экологической экспертизы: средняя величина внешнего угла откоса объекта рекультивации составляет 1 : 4,9 при проектной величине 1 : 3; при проведении работ не применен гидроизоляционный материал геосинтетический бентонитовый мат Albarrie NS, а также не использован запроектированный объем изолирующего материала – суглинка (грунта глинистого). Судами установлено, что соответствие произведенных Обществом работ проектной документации подтверждается актом о приемке работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде на указанном объекте, подписанным представителем организации, осуществляющей авторский надзор (ООО «ТехноТерра»). Суды указали, что величина откоса объекта, указанная в акте проверки и предписании, составляет 1 : 4,9 (12°), что не превышает предельного значения и обеспечивает устойчивость откосов. Судами установлено, что срок действия сертификата на предусмотренный проектом бентонитовый мат Albarrie NS истек и не был продлен. Согласно материалам дела, бентонитовые маты Bentizol SAB 4, SAB 5 обладают схожими характеристиками и рекомендованы к применению ООО «ТехноТерра». В связи с этим суды пришли к выводу о том, что использование бентонитового мата Bentizol вместо Albarrie NS не может быть признано нарушением проектной документации. Судами также установлено, что при рекультивации прилегающего участка проектом предусмотрено замещение перемещенных ТБО суглинком (грунт глинистый) в объеме 103 382 куб. м. Согласно оспариваемому предписанию Общество в нарушение использовало лишь 89 318 куб. м суглинка. При этом Общество использовало также смесь песчаного и глинистого сырья, полученную искусственным путем, на основании письма ООО «ТехноТерра» [6]. С учетом изложенного, суды пришли к выводу о том, что Обществом не были допущены нарушения проектной документации. Данный пример иллюстрирует ситуацию, при которой механизм «экологического сопровождения» реализации проекта регламентируется в законе крайне размыто.

Таким образом, предлагается законодательно определить периодичность такого контроля, например, ежегодно в течение первых 2–5 лет эксплуатации, а затем раз в 3 года.

Отмечается правовая проблема, связанная с отсутствием четких критериев определения надлежащего субъекта для проведения экологической экспертизы. Федеральный закон «Об экологической экспертизе» [11] не содержит прямых указаний на то, что экспертиза должна учитывать климатические особенности конкретного региона реализации проекта, если это не отражено в проект-

ной документации или материалах ОВОС. В частности, это может привести к тому, что будет распространяться практика направления документации в иной регион, обладающий значительными отличиями в климатических условиях, что может порождать сомнения в валидности и применимости выводов такой экспертизы. Данную правовую проблему подтверждает судебная практика. Так, например, ООО «ТосноДорРемСтрой-К», занимающееся добычей песка в Ленинградской области, обратилось в суд с требованием признать незаконным отказ Комитета по природным ресурсам в согласовании проекта рекультивации нарушенных лесных земель (карьера). Комитет отказал в согласовании, сославшись на отсутствие в заключении государственной экологической экспертизы технологии применения использованного рекультиванта «Грунтосмесь-БЭП» в Северо-Западном Федеральном округе (далее по тексту – СЗФО), на землях лесного фонда Ленинградской области, а также на отсутствие апробации в местных климатических условиях. Суд первой инстанции отказал, но апелляционный суд удовлетворил требования ООО. Апелляция установила, что: основания отказа Комитета не соответствуют исчерпывающему перечню, установленному пунктом 19 Постановления Правительства РФ № 800, иные основания, озвученные Комитетом позднее, не были указаны в первоначальном отказе, технология рекультиванта предполагается к применению по всей Российской Федерации, что подтверждается материалами обоснования государственной экологической экспертизы (включая СЗФО и Ленинградскую область), Комитет не представил доказательств неприменимости рекультиванта на лесных землях [7]. Таким образом, данный случай наглядно показывает, к каким последствиям приводит отсутствие территориального критерия. Экспертное заключение, потенциально выданное без глубокого знания местных условий, было оспорено местными властями как неприменимое. Хотя суд формально встал на сторону заявителя, спор выявил глубинное противоречие: между формальным соблюдением общих норм и практической необходимостью учета региональной специфики для обеспечения экологической безопасности.

Вместе с тем, предлагается внести изменения в Федеральный закон «Об экологической экспертизе» [11], где четко указать на приоритет проведения государственной экологической экспертизы уполномоченным органом того субъекта Российской Федерации, на территории которого планируется хозяйственная деятельность. При этом указать на исключения: определить исчерпывающий перечень случаев, когда допустимо проведение экспертизы в другом регионе (например, отсутствие аккредитованной организации по необходимому профилю, конфликт интересов и так далее).

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что основным двигателем реализации конституционного права на благоприятную окружающую среду является экологическая экспертиза. Вся государственная политика в России в области охраны окружающей среды направлена на проведение установленного вида экспертизы и тем самым является одним из основных направлений. Назначение экологической экспертизы имеет первостепенное и основополагающее место при учете экологического фактора на стадии принятия

решений, связанных с экологическими аспектами. Законно-правовая основа принципов и видов экологической нормы изложена Федеральным законом «Об экологической экспертизе» [11] и отраслевыми законодательными актами в области охраны окружающей среды. Но при этом право о природоохранной экспертизе никак не считается точно и строго систематизированным, из-за чего имеются все шансы к проявлению и возникновению коллизии.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации, раздел «Законодательство России». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102027595#l0 (дата обращения: 01.10.2025).
2. Арбитражный суд на страже природы // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/arbitrazhnyy-sud-na-strazhe-prirody/> (дата обращения: 25.11.2025).
3. Бурматова О. П. Экологические экспертизы: возможности, проблемы, решения // Вестник НГУЭУ. 2020. № 2. С. 25–41.
4. Захарова Е. П. Оценка воздействия на окружающую среду и экологическая экспертиза // Экологическое право. 2019. № 1. С. 62–65.
5. Лапшев А. К. Государственная экологическая экспертиза // Экологическое право. 2018. № 10. С. 100–105.
6. Обзор судебной практики. Споры о государственной экологической экспертизе // Экоспоры. Профессиональный журнал. URL: [https://www.profiz.ru/es/blog/post_12818/sales/\)\[%60%60%603%60%60%60\]\(https://www.pgplaw.ru/analitics-and-brochures/ecology_digest/obzor-sudebnoy-praktiki-top-sporov-v-sfere-ekologii-spetsvypusk-6-spory-o-gosudarstvennoy-ekologich/](https://www.profiz.ru/es/blog/post_12818/sales/)[%60%60%603%60%60%60](https://www.pgplaw.ru/analitics-and-brochures/ecology_digest/obzor-sudebnoy-praktiki-top-sporov-v-sfere-ekologii-spetsvypusk-6-spory-o-gosudarstvennoy-ekologich/) (дата обращения: 25.11.2025).
7. Обзор судебной практики: споры, связанные с проведением ГЭЭ // EcoStandart.journal. URL: <https://journal.ecostandard.ru/eco/razbor-zakonodatelstva/obzor-sudebnoy-praktiki-spory-svyazannye-s-provedeniem-gee/> (дата обращения: 25.11.2025).
8. Общественных слушаний недостаточно // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/06/16/832765-obschestvennie-slushaniya> (дата обращения: 25.10.2025).
9. Рейтинг стран мира по индексу экологической эффективности // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/environmental-performance-index#russia> (дата обращения: 25.10.2025).
10. Решение Октябрьского районного суда города Липецка от 15.12.2023. № 2а-3676/2023 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/x7pXCjt612gc/> (дата обращения: 06.11.2025).
11. Федеральный закон «Об экологической экспертизе» от 23.11.1995 № 174–ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации, раздел «Законодательство России». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102038321> (дата обращения: 09.10.2025).

Заиграева Анастасия Алексеевна

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

zaigraevaanastasia14082004@gmail.com

Дистрибьюторский договор в российском законодательстве и судебной практике

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются проблемы правового регулирования дистрибьюторского договора, который не поименован в Гражданском кодексе Российской Федерации. В статье анализируется действующее законодательство и его пробелы, приводящие к противоречию в судебной практике. Особое внимание уделяется необходимости разработки унифицированного подхода к разрешению споров.*

***Ключевые слова:** дистрибьюторский договор, Гражданский кодекс Российской Федерации, дистрибьютор, поставщик, правовая природа дистрибьюторского договора.*

Zaigraeva Anastasia Alekseevna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

The distribution contract in Russian law and court practice

***Annotation.** This article examines the issues of legal regulation concerning the distribution agreement, which is not expressly provided for in the Civil Code of the Russian Federation. The paper analyses the current legislation and its gaps, which lead to contradictions in judicial practice. Particular attention is given to the necessity of developing a unified approach to dispute resolution.*

***Keywords:** distribution agreement, Civil Code of the Russian Federation, distributor, supplier, legal nature of the distribution agreement.*

Заключение дистрибьюторского договора собой сложный и многоаспектный вопрос в гражданском праве.

В 1991 году дистрибьюторские договоры были урегулированы Типовым дистрибьюторским контрактом, который был издан Международной торговой палатой [7]. Данный документ способствует установлению прозрачных и равноправных условий в коммерческом сотрудничестве между сторонами.

Дистрибьюторские договоры стали одним из ключевых инструментов организации сбыта продукции как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Их значение для экономики постоянно возрастает, особенно в условиях развития производства и экспорта в страны Содружества Независимых государств.

Несмотря на развитие международной торговли и инструментов ее регулирования, в российском законодательстве существуют пробелы. В отличие от большинства европейских стран, где дистрибьюторские отношения регулируются на законодательном уровне, в России они остаются «непоименованными»,

что порождает неоднозначное толкование обязательств сторон, затрудняет квалификацию договора и приводит к спорам о его принадлежности к другим видам договоров (например, агентский договор или договор поставки). В результате, возникают частые судебные разбирательства между производителями (принципалом) и дистрибьюторами.

На данный момент в Гражданском кодексе Российской Федерации не существует легального определения дистрибьюторского договора [4]. Несмотря на это, ряд ученых смогли дать определение дистрибьюторскому договору. Так, например, А. Г. Григорьева считает, что дистрибьюторский договор – это соглашение, по которому одна сторона (дистрибьютор), обязуется приобретать у другой стороны (поставщика) товары для дальнейшей перепродажи, а также организовать систему реализации товаров на обозначенной территории так, чтобы были созданы условия для последовательного увеличения объемов сбыта этих товаров, а поставщик, в свою очередь, обязуется продавать дистрибьютору товары в порядке и на условиях, которые предусмотрены договором [2]. С данной точкой зрения можно согласиться, поскольку подчеркивается важность организационной функции дистрибьютора, что отражает коммерческую природу договора.

По мнению А. А. Серебряковой, дистрибьюторский договор представляет собой договор, по которому одна сторона (дистрибьютор) приобретает товар у другой стороны (поставщика) и, кроме приобретения товара и уплаты за него цены, обязуется осуществлять сбыт и продвижение этого товара на определенной территории [6]. Преимущество данной точки заключается в том, что в ней обозначены ключевые обязательства дистрибьютора – приобретение, сбыт и продвижение товара.

Однако у вышеуказанных авторов нет акцента на правовой природе дистрибьюторского договора.

А. В. Руденко полагает, дистрибьюторский договор не относится к числу поименованных в Гражданском кодексе Российской Федерации договорных конструкций [5]. Он также исключает возможность квалификации дистрибьюторского договора как смешанного, аргументируя это наличием в нем существенных условий, не характерных для каких-либо договоров, предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации. Данная позиция представляется спорной, поскольку дистрибьюторский договор, хотя и не поименован в Гражданском кодексе Российской Федерации [4], может быть смешанным, который сочетает в себе элементы различных договорных конструкций. Это позволяет наиболее полно и эффективно регулировать отношения между поставщиком и дистрибьютором. Однако данная позиция имеет преимущество тогда, когда в случаях, где необходимо подчеркнуть уникальность дистрибьюторского договора, защитить интересы сторон при нестандартных условиях договора.

А. И. Бычков утверждает, что дистрибьюторский договор не является самостоятельным типом договора [1]. Он может быть смешанным (включая обязательства по продаже, рекламе, обслуживанию) или комплексным (с обязательством выкупа нереализованного товара). Если он полностью соответствует признакам другого типа договора (например, агентского), то квалифицируется как

таковой. Дистрибьюторский договор может быть эксклюзивным или неэксклюзивным, при этом в случае эксклюзивности необходимо соблюдать антимонопольные требования и правила, применимые к публичным договорам. С данной позицией можно согласиться, поскольку дистрибьюторский договор не является самостоятельным типом договора в смысле прямого указания в Гражданском кодексе Российской Федерации. Он может быть как смешанный, так и иным видом договора (например, агентским договором), если по своим существенным признакам ему полностью соответствует. При этом важно учитывать предмет договора, его содержание, права и обязанности сторон, а также требования антимонопольного законодательства. Подход к квалификации дистрибьюторского договора должен быть гибким и учитывать обстоятельства дела.

Как уже ранее отмечалось, дистрибьюторские договоры, несмотря на широкое распространение в коммерческой деятельности, часто становятся предметом судебных споров. Чтобы понять основные проблемы в регулировании дистрибьюторских договоров, необходимо обратиться к судебной практике. Так, например, в Арбитражном суде Костромской области было рассмотрено дело, в котором, истец (поставщик) обратилось в Арбитражный суд Костромской области с иском к ответчику (дистрибьютер) о взыскании 648000 руб. задолженности, 94800 руб. пеней по договору. Как следовало из материалов дела, между истцом (поставщиком) и ответчиком (дистрибьютором) заключен дистрибьюторский договор, в соответствии с условиями которого поставщик предоставил, а дистрибьютор принял на себя исключительное право на продажу товар на территории Республики Беларусь. За несвоевременную оплату товара дистрибьютор уплачивает поставщику пеню в размере 0,3 % стоимости несвоевременно оплаченного товара за каждый день просрочки, но не более 10 % от стоимости несвоевременно оплаченного товара согласно договору. Товар был передан дистрибьютору по товарным накладным. В связи с неоплатой ответчиком переданного товара истец направлял претензию, требования которой не были удовлетворены. После принятия иска к производству ответчик частично погасило сумму основного долга по платежным поручениям. В мотивировочной части суд указал, что дистрибьюторский договор носит характер договора поставки [3]. Таким образом несмотря на то, что договор дистрибьюторский и содержит положения об исключительности права продажи на определенной территории (элемент, который характерен для дистрибьюторских соглашений), суд проигнорировал эти особенности и применил только нормы о поставке. Это приводит к тому, что применение исключительно норм о поставке не позволяет сторонам в полной мере воспользоваться механизмами, характерными для дистрибьюторских отношений: например, регулированием постпродажного обслуживания, передачи прав на использование товарных знаков и т. д. Если в аналогичной ситуации другой суд увидит в договоре элементы агентирования или коммерческой концессии, решения по схожим делам могут существенно различаться. дистрибьюторский договор в зависимости от обстоятельств дела может быть квалифицирован как договор поставки, как агентский договор или как смешанный договор, что, в свою очередь, приводит к разному применению

норм о правах и обязанностях сторон, порядке расторжения, ответственности и так далее.

Как указывалось ранее, в настоящее время дистрибьюторский договор не поименован и не урегулирован в Гражданском кодексе Российской Федерации. В свою очередь, это приводит к тому, что стороны вынуждены руководствоваться общими положениями о купле-продаже, поставке, агентировании, коммерческой концессии и так далее, что не всегда позволяет учесть специфику дистрибьюторских отношений. В качестве последствий можно выделить то, что отсутствие отдельных положений о дистрибьюторском договоре в Гражданском кодексе Российской Федерации приводит к пробелу в регулировании специфических прав и обязанностей сторон дистрибьюторского договора.

Как показал анализ судебной практики, суды для разрешения споров по-разному квалифицируют такие договоры, применяя нормы о поставке, агентировании, комиссии, коммерческой концессии и даже смешанных договорах. Автор данной работы полагает, что подобная неопределенность создает правовые риски для участников оборота и затрудняет судебную защиту их интересов.

Преимуществом введения отдельной главы в Гражданский кодекс Российской Федерации, которая бы регулировала отношения, которые возникают при заключении дистрибьюторского договора, можно выделить то, что четкое законодательное закрепление дистрибьюторского договора и его некоторых особенностей в Гражданский кодекс Российской Федерации позволила бы судам быстрее и качественнее рассматривать споры, а сторонам – точнее формулировать свои исковые требования. В современных реалиях, когда суды перегружены, данный механизм особенно актуален. Однако данное предложение достаточно радикальное и изменение Гражданского кодекса Российской Федерации влечет за собой множество правовых проблем. Так, например, введение новой главы в Гражданский кодекс Российской Федерации, может привести к конфликтам с уже существующими нормами, особенно если новые правила будут противоречить или дублировать текущие положения. В этой связи, представляется целесообразным принятие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которое было бы направлено на формирование единообразной судебной практики по правоотношениям, которые возникают из дистрибьюторских договоров.

Среди ученых нет консенсуса в отношении того, что следует считать дистрибьюторским договором, и, как следствие, какие существенные условия являются для данного договора характерными. Это обусловлено тем, что дистрибьюторские отношения постоянно развиваются и адаптируются к новым условиям рынка, что, в свою очередь, делает существующие мнения неактуальными и оторванными от современной практики. Также судебная практика по спорам, связанным с дистрибьюторскими договорами, не всегда является последовательной и однозначной. Это затрудняет формирование единого подхода к пониманию дистрибьюторского договора и его существенных условий. Таким образом, предлагается создание аналитических обзоров, целью которых является систематизация существующих подходов к дистрибьюторскому договору,

выявление их общих и отличительных характеристик. На основе данных аналитических обзоров можно разрабатывать рекомендации для судов.

Также возникает вопрос об ограничительных условиях в дистрибьюторских договорах. Дело в том, что ограничительные условия в дистрибьюторских договорах ограничивают свободу дистрибьюторов в осуществлении своей деятельности. Например, если производитель и дистрибьютор договариваются о минимальной или фиксированной цене, по которой товар должен продаваться в розницу, это может быть нарушением антимонопольного законодательства, особенно, если это результат картельного сговора между несколькими компаниями, стремящимися ограничить конкуренцию. В связи с этим, предлагается разработать систему индикаторов риска, позволяющие выявлять случаи, когда ценовые ограничения в дистрибьюторских договорах могут быть результатом картельного сговора. Также целесообразным может быть разработка Письма Федеральной антимонопольной службы России, где были бы изложены правила оценки правомерности ценовых ограничений в дистрибьюторских договорах.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что правовой вакуум в отношении дистрибьюторских договоров в Гражданском кодексе Российской Федерации приводит к значительной правовой неопределенности. Это создает риски для всех сторон дистрибьюторских отношений, в особенности для дистрибьюторов, чья экономическая свобода может быть существенно ограничена. Отсутствие четкого регулирования дистрибьюторских договоров препятствует развитию здоровой конкуренции и требует принятия мер по совершенствованию правового регулирования в данной области, с целью обеспечения справедливого баланса интересов сторон. Необходимо совершенствование законодательства для обеспечения справедливой конкуренции и учета интересов всех сторон. Это требует комплексного подхода, который включает как изменения в законодательстве, так и переосмысление научных методов изучения возникающих проблем в области дистрибьюторских соглашений.

Список источников

1. Бычков А. И. Дистрибьюторский договор. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distributorskiy-dogovor> (дата обращения: 18.10.2025).
2. Григорьева А. Г. Проблемы правового регулирования дистрибьюторского договора. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-regulirovaniya-distributorskogo-dogovora> (дата обращения: 19.10.2025).
3. Решение Арбитражного суда Костромской области от 18.10. 2021 № А31-2619/2021. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 06.10.2025).
4. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1 : с изм. и доп. на 8 августа 2024 года. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.10.2025).
5. Руденко А. В. О дистрибьюторском договоре. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distributorskiy-dogovor> (дата обращения: 21.10.2025).

6. Серебрякова А. А. Проблемы правопонимания дистрибьюторского договора как организационного. URL: <https://old.lawinfo.ru/catalog/contents-2018/grazhdanskoe-pravo/6/> (дата обращения: 22.10.2025).

7. Типовой дистрибьюторский контракт ИСС. Монопольный импортер-дистрибьютор. М. : Консалтбанкир, 2020. 144 с.

УДК 342.56

Закатов Алексей Ильич

студент, Костромской государственной университет

г. Кострома, Российская Федерация

zakatovaleksej88@gmail.com

Эволюция правовых принципов дистанционного правосудия в условиях цифровизации судебной системы Российской Федерации

***Аннотация.** В статье анализируется трансформация правовых принципов дистанционного правосудия в условиях цифровизации российской судебной системы за период 2020–2025 годов, исследуются нормативные новации, судебная практика и доктринальные подходы, формулируются критерии допустимости удаленных форм участия, оценки влияния технологий на баланс публичных и частных интересов и гарантии справедливого разбирательства.*

***Ключевые слова:** дистанционное правосудие, цифровизация судопроизводства, правовые принципы, удаленное участие, электронное правосудие, справедливое судебное разбирательство.*

Zakatov Alexey Ilyich

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Evolution of legal principles of remote justice in the context of digitalization of the judicial system of the Russian Federation

***Annotation.** The article examines the evolution of legal principles governing remote justice in the Russian Federation in 2020–2025, focusing on regulatory reforms, case law and doctrinal debate, and proposes criteria for admissibility of remote participation, assessment of technological impacts on procedural fairness and balance between public and private interests.*

***Keywords:** remote justice, digital courts, Russian judicial system, legal principles, online hearings, procedural fairness.*

Цифровая трансформация российской судебной системы придала дистанционным формам судопроизводства устойчивый нормативный характер и вывела дискуссию о правосудии в электронной среде за пределы узкотехнической проблематики. Запуск суперсервиса «Правосудие онлайн», обновление Концеп-

ции информатизации Верховного Суда Российской Федерации, а также последовательные поправки в процессуальное законодательство придали новым цифровым инструментам статус регулярного способа отправления правосудия, а не временного антикризисного механизма [2, с. 6–9].

Цель исследования заключается в раскрытии эволюции правовых принципов дистанционного правосудия в России через сопоставление традиционных начал гражданского и арбитражного процесса с новыми установками цифровой среды. Задачи включают: периодизацию развития дистанционного правосудия; выявление трансформации конституционных и отраслевых процессуальных принципов; анализ влияния цифровых сервисов и видеоконференцсвязи на понимание доступности, непосредственности и гласности правосудия; формулирование авторской модели принципов дистанционного судопроизводства, учитывающей современные регуляторные тренды.

Анализ источников позволяет выделить несколько последовательных этапов формирования правовых принципов дистанционного правосудия.

Первый этап характеризуется точечным внедрением электронного документооборота и публикации судебных актов в сети Интернет, когда электронные технологии рассматривались как вспомогательный инструмент при сохранении классической модели очного заседания [7, с. 101–103].

Второй этап связан с закреплением в ГПК РФ и АПК РФ норм об участии лиц в судебном заседании с использованием систем видеоконференцсвязи [3, ст. 155.1; 1, ст. 153.1]. В этот период складывается совокупность требований к идентификации участников, обеспечению конфиденциального общения с представителем и сохранению принципов непосредственности и устности при дистанционном формате [4, с. 4–6; 10, с. 182–184].

Третий этап пришелся на период пандемии COVID-19, когда дистанционные формы стали базовым способом поддержания функционирования судов. Исследования показывают, что в 2020–2021 гг. резко увеличилась доля дел, рассматриваемых с применением видеоконференцсвязи и электронных сервисов, при этом стала заметной переоценка принципа доступности правосудия в пользу дистанционных каналов взаимодействия [9, с. 41–45].

Четвертый, современный этап связан с принятием Федерального закона от 04.08.2023 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который ввел веб-конференцию как самостоятельный формат участия в заседании, расширил перечень электронных процессуальных действий и уточнил требования к идентификации пользователей судебных сервисов [12, ст. 1; 1, ст. 153.1; 3, ст. 155.1].

С учетом этих изменений дистанционное правосудие перестало восприниматься исключительно через призму видеоконференцсвязи и стало охватывать полноформатную электронную коммуникацию: подачу документов, получение судебных актов, участие в предварительных заседаниях, ознакомление с материалами дела через личный кабинет участника [1, ст. 41; 12, ст. 35, 150].

Изменение нормативной базы привело к переосмыслению конституционного принципа доступности правосудия. Если ранее данный принцип связывался в основном с территориальной близостью суда и разумными сроками процесса, то в условиях цифровизации к ним добавляются критерии стабильного доступа к сети, цифровой грамотности и защищенности дистанционных каналов связи [2, с. 5–8; 8, ст. 46].

При этом ученые подчеркивают, что цифровое неравенство реальных и потенциальных участников процесса приводит к формированию новой плоскости анализа справедливости судебной процедуры [6, с. 112–116; 7, с. 104–107].

Параллельно трансформируется содержание принципа непосредственности. Российская доктрина еще недавно связывала непосредственность с физическим восприятием доказательств судьей в зале суда; электронные форматы вынуждают ориентироваться на фиксацию визуального и звукового образа через цифровой канал, что приводит к смещению акцента с физического присутствия на контроль целостности цифровой записи и стабильности канала передачи данных [10, с. 183–185; 4, с. 7–9].

Отдельный блок изменений затронул принцип гласности. Публикация судебных актов в электронных базах и онлайн-трансляции заседаний увеличивают аудиторию процесса, но одновременно требуют более четкой регламентации ограничений доступа, обработки персональных данных и соотношения публичности заседания с охраной частной жизни участников [11, с. 45–47].

Сопоставление работ, посвященных цифровизации судебной власти, позволяет выделить новую группу специальных принципов дистанционного правосудия: технологическая нейтральность (правила процесса не зависят от конкретной платформы и поставщика сервиса), гарантированная трассируемость действий в системе (возможность восстановления полной истории электронных операций), приоритет «человеческого контроля» над алгоритмическими механизмами при принятии судебного решения [9, с. 44–47; 10, с. 185–186; 2, с. 10–12].

Исследования, проведенные в 2020–2025 гг., демонстрируют, что практическое внедрение электронных сервисов происходит неравномерно между судебными юрисдикциями [5]. Арбитражные суды активно используют электронные кабинеты, автоматизированное распределение дел и полноценные онлайн-сервисы, тогда как суды общей юрисдикции адаптируются к новым форматам с большим осторожным темпом [1, ст. 3, 4; 11, с. 39–42].

Такая асимметрия влияет на формирование единых принципов дистанционного правосудия и порождает дискуссии о необходимости дополнительной конституционной конкретизации гарантий цифрового доступа к суду [2, с. 12–15; 6, с. 118–120].

Полученные результаты подтверждают, что эволюция принципов дистанционного правосудия не сводится к простой адаптации традиционных начал процесса к цифровой среде. Происходит переосмысление самого критерия

справедливости процедуры: наряду с равноправием сторон в материальном смысле встает вопрос о равенстве технических возможностей, цифровых навыков и доступе к электронным сервисам.

С одной стороны, дистанционные технологии снижают транзакционные издержки, расширяют географическую доступность суда, упрощают участие представителей и экспертов из иных регионов, способствуют сокращению сроков рассмотрения дел и более рациональному использованию процессуального времени [9, с. 42–44].

С другой стороны, исследователи фиксируют рост зависимости процесса от устойчивости цифровой инфраструктуры, от качества идентификации участников и от надежности платформ, используемых для видеоконференцсвязи [10, с. 184–186].

Заметно усиливается значение методологических подходов, основанных на идее технологической нейтральности. С точки зрения конституционного права недопустимо связывать объем и качество процессуальных гарантий с конкретным программным продуктом либо оператором связи [2, с. 9–12].

Поэтому правовое регулирование дистанционного правосудия требуется строить вокруг общих критериев надежности, прозрачности и воспроизводимости процесса, а не вокруг описания отдельных технических решений.

Вопрос о конституционной легитимности дистанционного правосудия связывается с общей концепцией цифрового гражданства, в рамках которой цифровые сервисы трактуются как продолжение публичной власти в электронной среде. Это требует развития процедур публичного контроля над цифровой инфраструктурой судов и учета рисков вмешательства в функционирование систем электронного правосудия со стороны частных поставщиков технологий [6, с. 114–118].

Исследование показало, что цифровизация судебной системы России привела к формированию комплексной модели дистанционного правосудия, в которой классические конституционные и процессуальные начала дополняются специальными цифровыми принципами. Доступность правосудия наполняется сетевым содержанием, непосредственность связывается с надежной фиксацией цифрового образа доказательств, а гласность приобретает форму контролируемой открытости электронных баз данных.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что дальнейшее развитие дистанционного правосудия в России следует связывать с укреплением технологической нейтральности регулирования, уточнением критериев цифровой доступности суда и формированием единых стандартов идентификации и безопасности для всех видов процесса. Для практики судебных органов предложенный подход задает ориентир на баланс процессуальной экономии и сохранения человеческого измерения правосудия, а для науки – направление углубленного исследования цифрового измерения традиционных правовых принципов.

Список источников

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 30.11.2025).
2. Вашурина С. С. Цифровая трансформация правосудия в России: конституционно-правовые аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 10. С. 5–17.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.10.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 30.11.2025).
4. Ефимова Ю. В. К вопросу о соотношении понятий «дистанционного» и «электронного» правосудия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sootnoshenii-ponyatiy-distantsionnogo-i-elektronnogo-pravosudiya> (дата обращения: 30.11.2025).
5. Иванова Е. В. Дистанционное правосудие: преимущества, проблемы, перспективы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distantsionnoe-pravosudie-preimuschestva-problemy-perspektivy> (дата обращения: 30.11.2025).
6. Ким-Кимэн А. Н. Переход конституционного статуса личности в рамках цифрового гражданства // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 7. С. 110–121.
7. Клеандров М. И. Цифровая экономика и проблемы механизма правосудия. URL: <https://epo.rea.ru/jour/article/view/201> (дата обращения: 30.11.2025).
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ). URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.11.2025).
9. Кукарцева А. Н. Влияние цифровизации на осуществление судебной власти. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/koha%3A001016906/SOURCE1> (дата обращения: 30.11.2025).
10. Лаптев В. А. Deepfake и иные продукты искусственного интеллекта на пути развития онлайн-правосудия // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 11. С. 180–186.
11. Лебедков С. В. Дистанционное правосудие как элемент цифровой трансформации судебной власти // Российский судья. 2020. № 10. С. 39–44.
12. Приходько С. О., Калашникова Е. Б. Цифровизация судебной системы // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. 2020. № 1. С. 99–103.

Иванов Владислав Евгеньевич

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

ivlad5980@gmail.com

Палюлина Ирина Александровна

кандидат исторических наук, доцент

Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

palyulina_ia@mail.ru

Наследование цифровых активов

в системе гражданских правоотношений:

проблемы правового регулирования и пути их решения

***Аннотация.** Статья посвящена актуальной проблеме правового регулирования наследования цифровых активов в Российской Федерации. Автор исследует правовой вакуум, сложившийся в данной сфере вследствие отсутствия в законодательстве легальных определений «цифрового наследства» и «цифрового права», что приводит к практическим трудностям при включении таких активов в наследственную массу. В работе приводится авторская классификация объектов цифрового наследования (финансовые активы, цифровая интеллектуальная собственность, персональные данные) и анализируются ключевые проблемы, с которыми сталкиваются наследники: доказывание существования активов, получение доступа к ним, коллизии с пользовательскими соглашениями ИТ-компаний. На основании проведенного анализа делается вывод о необходимости системных законодательных изменений, включающих закрепление понятийного аппарата, установление презумпции наследуемости цифровых активов и регламентацию процедур доступа для наследников.*

***Ключевые слова:** цифровое наследство, цифровые активы, наследственное право, цифровые права, наследственная масса, пользовательское соглашение.*

Ivanov Vladislav Evgenievich

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Paliulina Irina Aleksandrovna

candidate of historical sciences, associate professor

Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Inheritance of digital assets in the system of civil law relations:

legal regulation issues and solutions

***Annotation.** Digital heritage in the system of civil law relations: problems of legal regulation and ways to solve them Abstract: The article is devoted to the urgent problem of legal regula-*

tion of inheritance of digital assets in the Russian Federation. The author explores the legal vacuum that has developed in this area due to the lack of legal definitions of “digital inheritance” and “digital law” in legislation, which leads to practical difficulties in including such assets in the inheritance estate. The paper presents the author’s classification of objects of digital inheritance (financial assets, digital intellectual property, personal data) and analyzes the key problems faced by heirs: proving the existence of assets, gaining access to them, conflicts with user agreements of IT companies. Based on the analysis, it is concluded that systemic legislative changes are necessary, including the consolidation of the conceptual framework, the establishment of a presumption of heritability of digital assets and the regulation of access procedures for heirs.

Keywords: digital inheritance, digital assets, inheritance law, digital rights, inheritance estate, legal vacuum, user agreement.

Современную жизнь сейчас невозможно представить вне цифровой среды. За годы активного использования всемирной паутины человек двадцать первого века накапливает огромный багаж цифровых активов – от личной переписки и фотографий в облачных хранилищах до многомиллионных состояний в рамках компьютерной игры. После его смерти это электронное состояние, обладающие имущественной и нематериальной ценностью, не исчезает, а становится потенциальным объектом перехода к правопреемникам. Однако традиционный правовой механизм наследования, сформированный во времена отсутствия цифровых технологий, сталкивается с серьезными вызовами при регулировании судьбы «цифрового наследства». Отсутствие единого мнения среди правоприминителей и регламентированной процедуры порождает множество юридических споров между наследниками и IT-компаниями, а также часто в полной мере не позволяет реализовать посмертную волю самого умершего.

Говоря о фактологической стороне данной проблемы, можно обратиться к нескольким источникам, подтверждающим актуальность данного исследования. Сначала стоит развеять миф о том, что цифровой актив рядового гражданина не может иметь стоимость достойную судебного спора. Исходя из информации, полученной с аналитического сайта, посвященного исследованию аккаунтов электронных игровых магазинов пользователей [5], стоимость такого аккаунта может достигать более 360 000 долларов, а среднее значение стоимости первых 400 аккаунтов – примерно 30 000 долларов, и это является весомой частью наследства. Данный пример показывает, что даже такой объект цифровых прав как аккаунт магазина электронных игр, может быть достаточно дорогим, не говоря уже о крипто-кошельках и похожих «цифровых ценностях».

Стоит упомянуть и о социально-культурном факторе. Электронные фотоархивы, переписка, творческие произведения в социальных сетях представляют огромную нематериальную ценность для семьи как память об умершем.

Следует сказать и о том, что наблюдается растущий разрыв между быстро меняющейся цифровой реальностью и консервативными нормами гражданского права. Пробелы в регулировании ведут к правовой неопределенности, увеличивают количество судебных споров и создают риски утраты ценных активов. Изучая Федеральный закон «О цифровых финансовых активах,

цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4], можно увидеть большое количество поправок, внесенных за последние 3 года. Это говорит о непрерывных изменениях в данной отрасли и необходимости повышенного внимания к зарождающимся цифровым институтам.

Таким образом, разработка научно обоснованных подходов к регулированию наследования цифровых активов является насущной задачей юридической науки и законодательной практики.

В действующем российском законодательстве легальное определение «цифрового наследства» отсутствует, данные права входят в общую массу «классического наследства». Однако законодатель ввел понятие цифрового финансового актива в ранее упомянутом федеральном законе. В соответствии с ним, цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном законодательством, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы [4]. Данное определение не охватывает в полной мере, понятие цифрового имущества, не позволяя сделать вывод о том, что же все-таки входит в виртуальное наследство.

Определенную путаницу в понимание цифрового наследования вносит и статья 141.1 Гражданского кодекса РФ [3], дающая туманное определение цифровых прав. Как верно подмечает В. К. Андреев, данная норма не дает понимания того, что является цифровыми правами, а лишь устанавливает условия признания некоторых процессов или фактов в цифровой среде в качестве объектов гражданских прав [1].

Однако при имеющейся неясности в области основных понятий, касающихся наследования цифровых активов, все-таки представляется возможным выделить конкретные объекты возможного цифрового наследования и разделить их на две группы.

Первая группа – это финансовые и экономически-ценные цифровые активы криптовалюты (Bitcoin, Ethereum), токены (включая NFT), электронные деньги на кошельках (WebMoney), средства на онлайн-счетах (игровых, торговых), доменные имена. Их ключевая характеристика – возможность прямой конвертации в денежную форму или наличие рыночной стоимости, что во многом упрощает их экономическое регулирование.

Ко второй группе целесообразно отнести личные (персональные) цифровые данные и идентичность аккаунтов в социальных сетях (VK, Max), мессенджерах, электронная почта, облачные хранилища (Google Drive, iCloud, Яндекс.Диск) и иные ресурсы, содержащие личную информацию о человеке, а также все содержащиеся на данных ресурсах фото и видеоматериалы. Их цен-

ность преимущественно нематериальна и субъективна, они тесно связаны с личностью владельца и содержат конфиденциальную информацию.

Понимание различий между двумя этими категориям важно для разграничения их правовой природы. Финансовые и экономические активы чаще всего имеют оценочную стоимость и не содержат в себе конфиденциальной информации, что позволяет в свою очередь уравнивать их с обыденными для нас предметами материального мира. Наследования таких активов не представляет угрозы гражданскому обороту. С этой группой цифрового наследства контрастируют, личные цифровые данные, ценность которых исключительно субъективна для каждого отдельно взятого человека, кроме того, данные цифровые активы совершенно не поддаются делению, что вызывает дополнительные вопросы при их наследовании.

Помимо ранее обсужденных проблем, наследование цифровых активов имеет и ряд процедурных и технических сложностей, проявляющихся после непосредственного открытия наследства. В отсутствие специального регулирования, применяются общие нормы ГК РФ, что порождает практические сложности: наследник, приняв наследство, получает право требовать перехода прав на них, но для этого он должен доказать существование и состав этих активов нотариусу, а также обеспечить доступ к ним (предоставить логины, пароли, приватные ключи), что зачастую мог бы сделать только сам наследодатель. Данные барьеры не позволяют правопреемникам получить виртуальные ценности, на которые по закону они имеют полное право и такое имущество просто сгорает, нарушая стабильность гражданского оборота.

Некоторые иностранные сервисы предоставляют встроенные инструменты («менеджер неактивного аккаунта» в Google, «контактное лицо на случай смерти» в Apple и др.) [2]. Эти механизмы основаны на договоре (пользовательском соглашении) и существенно ограничены политикой конкретной компании. Такое регулирование позволяет решить некоторые проблемы в цифровом наследовании, но вместе с тем создает множество разных правовых подходов, не позволяющих вывести единую практику по проблеме.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что действующее законодательство Российской Федерации в сфере наследования не соответствует динамике развития цифровой среды и не обеспечивает адекватного правового режима для перехода наследникам цифровых активов после смерти гражданина.

Способом решения выявленных проблем может стать введение в Гражданский кодекс РФ специальной статьи, регулирующей наследование цифровых активов. Существование легального определения понятия «цифровые активы» как информации в цифровой форме, имеющей стоимость и/или личную значимость, доступ к которой осуществляется с использованием электронных средств, позволит устранить имеющийся правовой вакуум. А дифференциация правового режима на основе функционального назначения отдельных категорий цифровых активов позволит провести принципиальное разграничение между финансовыми (экономически-ценными) цифровыми активами (криптовалюты,

токены, монетизированные аккаунты и т. д.), которые наследуются в общем порядке и включаются в наследственную массу по умолчанию, и личными цифровыми данными (аккаунты в соцсетях, электронная почта, приватные облачные хранилища), доступ к которым переходит к наследникам исключительно при прямом указании в завещании. Такой подход обеспечит баланс между имущественными правами наследников и правом наследодателя на посмертную неприкосновенность частной жизни.

Кроме того, целесообразно закрепить специальную процедуру, обеспечивающую возможность получения наследниками личных цифровых данных наследодателя, например, через установление обязанности наследодателя при совершении завещания передать нотариусу (в запечатанном конверте или в защищенном цифровом виде) закрытый реестр данных для доступа к ним (логины, пароли, приватные ключи). Это легитимизирует процедуру и гарантирует исполнение воли наследодателя, решая проблему «цифрового сгорания» активов.

Таким образом, имплементация в Гражданский кодекс РФ статьи, посвященной цифровым активам, создаст прозрачный, безопасный и справедливый правовой механизм улучшения законодательного регулирования некоторых вопросов, которые обретают свою актуальность в современной цифровой реальности.

Список источников

1. Андреев В. К., Бузова Н. В., Карелина М. М. Понятие и структура интеллектуальных прав, и их соотношение с цифровыми правами. URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1729210/> (дата обращения: 01.12.2025).

2. Богданов Е. А. Понятие, признаки и сущность цифровых прав по законодательству Российской Федерации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-priznaki-i-suschnost-tsifrovyyh-prav-po-zakonodatelstvu-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 01.12.2025).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 01.12.2025).

4. Федеральный закон от 31.07.2020 №259-ФЗ (ред. 27.10.2025) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 01.12.2025).

5. Аналитический сайт Steamladder. URL: <https://steamladder.com/profile/76561198187245354/> (дата обращения: 01.12.2025).

Кислина Алина Александровна

магистрант, Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
г. Владимир, Российская Федерация
alinakislina@mail.ru

Правовые риски дробления бизнеса в условиях цифровой трансформации

***Аннотация.** Федеральная налоговая служба России стремится повысить эффективность выявления и предотвращения схем ухода от налогов при дроблении бизнеса. Для этого налоговые органы начали взаимодействовать с маркетплейсами. В статье систематизируются признаки дробления на цифровых платформах, анализируется действующее правовое регулирование, обозначаются преимущества и риски законодательных изменений. Государство готово отвечать цифровым вызовам в пресечении налоговых нарушений, в частности внедрять автоматизацию процессов мониторинга и проверки информации, полученной от маркетплейсов.*

***Ключевые слова:** дробление бизнеса, цифровые платформы, селлеры, риски, маркетплейсы, налоговые органы, информация, контроль.*

Kislina Alina Alexandrovna

undergraduate, Vladimir State University
Vladimir, Russian Federation

Legal risks of business fragmentation in the context of digital transformation

***Annotation.** The Federal Tax Service of Russia is striving to increase the effectiveness of identifying and preventing tax evasion schemes in business fragmentation. To do this, the tax authorities began interacting with marketplaces. The article systematizes the signs of fragmentation on digital platforms, analyzes the current legal regulation, identifies the advantages and risks of legislative changes. The government is ready to meet digital challenges in curbing tax violations, in particular, to automate the processes of monitoring and verifying information received from marketplaces.*

***Keywords:** business fragmentation, digital platforms, sellers, risks, marketplaces, tax authorities, information, control.*

Комплексный процесс интеграции цифровых технологий в различные сферы жизни вывел Россию на новый уровень информационного развития, обеспечил рост конкурентоспособности отечественной экономики, повысил качество предоставления государственных услуг, открыл возможности для внедрения инновационного предпринимательства. Вместе с тем, возросли риски злоупотреблений технологическими преимуществами [3, с. 157].

Одним из распространенных методов адаптации компаний к условиям цифровизации является так называемое «дробление бизнеса», предполагающее разделение производственной деятельности организации между несколькими самостоятельными юридическими лицами или ИП. На практике разграничить законное и незаконное дробление оказывается затруднительно [1, с. 636]. Основным критерий формальной самостоятельности компаний – отсутствие деловой цели разделения бизнеса: уменьшение налоговой базы при переходе на специальные режимы налогообложения и уклонение от уплаты налогов.

Для выявления таких схем Федеральная налоговая служба России запустила пилотный проект по сотрудничеству с крупными онлайн-платформами и маркетплейсами (Ozon, Wildberries, Lamoda, Яндекс Маркет, Авито и др.), которые также заинтересованы в том, чтобы торговля на их площадках осуществлялась в рамках закона [2].

Быстрый рост спроса на интернет-покупки привел к тому, что маркетплейсы начали аккумулировать огромное количество информации о покупателях, продавцах, товарах и сделках, в том числе персональные данные пользователей, информационные данные о товарах, торговые и аналитические данные. Поэтому борьба с недобросовестными селлерами (от англ. seller – продавец) – лицами, продающими товары на электронных торговых площадках [6], стало актуальным направлением налогового контроля [4, с. 41].

Селлеры, применяющие дробление, выдают себя через ряд признаков:

1) одинаковый ассортимент товаров, идентичное оформление карточек с картинками и описанием характеристик товаров в предложениях от разных поставщиков [5];

2) использование общих ресурсов: оборудования, складских помещений, персонала, транспортных услуг, IP-адресов, телефонов, электронной почты, банковских реквизитов;

3) высокие объемы реализации товаров при минимальных активах или низком уровне капитала;

4) родственные связи, одни и те же фамилии продавцов [5];

5) доступ одного лица в разные личные кабинеты онлайн магазинов;

6) общая маркетинговая активность: совместные акции, распродажи, скидочные программы или системы бонусов;

7) одновременное подтверждение заказов покупателей и оформление электронных чеков;

8) наличие аналогичных отзывов покупателей относительно качества обслуживания, сроков доставки или состояния упаковки при заказе товаров у разных продавцов [2].

В отдельности каждый признак еще не свидетельствует о нарушении, но может помочь налоговым органам эффективнее выполнить предпроверочный анализ.

Сейчас задача маркетплейсов заключается не в том, чтобы «запугать» продавцов, а в том, чтобы предупредить их о рисках налоговых доначислений через уведомления. Уведомления содержат следующие сведения: перечень признаков возможного дробления, рекомендации по устранению несоответствий, предупреждение о последствиях несоблюдения рекомендаций.

По словам руководителя ФНС России Д. В. Егорова, маркетплейсы должны управлять рисками, а не доводить до работы с их последствиями [2].

Необходимость закрепления полномочий маркетплейсов по контролю за селлерами обусловила подготовку соответствующей нормативной базы. В июле 2025 года Госдума инициировала законопроект о регулировании деятельности цифровых платформ, который был принят уже к концу месяца (ФЗ от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации»).

Закон вводит обязательную регистрацию цифровых платформ в госреестре, гарантирует защиту прав потребителей, наделяя торговые площадки правом истребовать у селлеров данные о маркировке и сертификаты качества продукции, устанавливает порядок передачи маркетплейсами сведений о доходах продавцов в Федеральную налоговую службу.

Процесс контроля за нарушениями налогового законодательства включает в себя самостоятельный мониторинг (предупреждение, получаемое селлерами от маркетплейсов) и посреднический мониторинг (выявление неправомерного поведения налоговыми органами при содействии маркетплейсов).

Кроме того, законом вводится досудебный порядок урегулирования споров с селлерами и создаются условия для обеспечения прозрачности контактной информации о продавцах: в личном кабинете или на сайте должны указываться ФИО / название организации, электронный адрес.

Изменения вступают в силу с 1 октября 2026 года, давая участникам рынка достаточно времени для подготовки к взаимодействию по новым правилам.

Положения закона № 289-ФЗ, регламентирующие обмен информацией между операторами цифровых платформ и налоговыми органами (статья 20), конкретизируются в проекте Постановления Правительства РФ, которое должно вступить в силу одновременно с федеральным законом.

Согласно проекту Постановления, Федеральная налоговая служба сможет контролировать селлеров двумя способами: иметь доступ к информационным системам самих цифровых платформ или получать информацию при помощи размещаемых на официальном сайте ФНС электронных сервисов и протоколов информационного обмена [6].

Маркетплейсы, выявляющие риски ухода от налогов, обязаны в течение пяти дней сообщить об этом налоговым органам и разместить предупреждение в личном кабинете продавца. Десять дней дается селлерам для подготовки письменных пояснений. Также в проекте НПА устанавливаются и другие сроки реагирования на предполагаемые нарушения.

В целом, как показывают проводимые РБК опросы, правовые нововведения оцениваются экспертами положительно [2]. Закон № 289-ФЗ рамочно закрепляет общность целей налоговой службы и маркетплейсов, а степень регулирующего воздействия проекта Постановления Правительства РФ, который утверждает процедуру такого взаимодействия, определяется законодателями в сводном отчете проекта как высокая.

Сотрудничество налоговых органов с операторами цифровых платформ должно способствовать:

- улучшению налогового администрирования [4, с. 43];
- оперативному выявлению случаев уклонения от уплаты налогов путем дробления бизнеса;
- повышению собираемости налогов и пополнению бюджета государства;
- усилению контроля за операциями участников электронных торговых площадок;
- развитию системы налогового планирования [1, с. 634].

С другой стороны, возникнут и дополнительные риски:

- возрастет нагрузка на маркетплейсы (информационный обмен данными, соблюдение сроков, ответственность);
- не исключаются ошибки и применение к продавцам неправомерных санкций;
- конечные покупатели могут столкнуться с повышением цен из-за необходимости селлеров увеличивать свои затраты (предоставление отчетности, юридическое сопровождение, выплата штрафов);
- потребуется модернизация программного обеспечения маркетплейсов [3, с. 158].

Законодательство стремится создать баланс между соблюдением правовых норм и минимизацией негативного влияния на рынок [1, с. 639]. Современные механизмы борьбы с дроблением бизнеса уже запущены. И, если компании ищут все новые и новые способы как избежать налоговых обязательств, то налоговые органы не перестают совершенствовать инструменты контроля и пресечения нарушений.

Список источников

1. Бочарова О. Ф. Налоговое планирование как метод оптимизации налоговых платежей // Естественно-гуманитарные исследования. 2025. № 3(59). С. 634–639.
2. Дубинянская Е. Дробление бизнеса на маркетплейсах: как избежать претензий ФНС. URL: <https://companies.rbc.ru/news/gDyhZ8XLKv/droblenie-biznesa-na-marketplejsah-kak-izbezhat-pretenzij-fns/> (дата обращения: 26.12.2025).
3. Дудченко А. В. Проблемы и перспективы правового регулирования цифровой трансформации бизнеса // Закон и право. 2025. № 2. С. 156–160.

4. Евлосева А. Б. Налоговый контроль в Российской Федерации: актуальные проблемы и пути их решения в условиях цифровизации // Национальная безопасность. 2024. № 2. С. 33–49.

5. Кирпиков А. Продавцам на маркетплейсах приготовиться: ФНС ужесточает контроль за дроблением бизнеса. URL: https://zakon.ru/blog/2025/7/2/prodavcam_na_marketplejsah_prigotovitsya_fns_uzhestochaet_kontrol_za_drobleniem_biznesa (дата обращения: 26.12.2025).

6. Мосолкина Д. Глава ФНС раскрыл масштаб дробления бизнеса среди продавцов маркетплейсов. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2025/11/24/1157366-fns-raskrila-masshtab-drobleniya-biznesa-sredi-prodavtsov-marketpleisov> (дата обращения: 26.12.2025).

УДК 347.1:004.8

Коюшов Кенан Фикретович

студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
koiushov@bk.ru

Ганжа Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
nat_ganzha@mail.ru

Орловская Ирина Викторовна

старший преподаватель,
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
irinorlovskaya@yandex.ru

**Понятие и правовая природа искусственного интеллекта
в парадигме современного российского права:
постановка проблемы**

***Аннотация.** Статья посвящена цивилистическому анализу правовой природы искусственного интеллекта (ИИ) в контексте российского законодательства. Рассматривается легальная дефиниция «искусственный интеллект», исследуется его статус сквозь призму триады «субъект – объект – инструмент». Особое внимание уделяется коллизии между технологической автономностью нейросетей и антропоцентричным характером отечественного частного права.*

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовая природа искусственного интеллекта, правосубъектность, объект гражданских прав, юридическая фикция.

Koyushov Kenan Fikretovich

student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Ganzha Natalia Vladimirovna

candidate of law, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Orlovskaya Irina Viktorovna

Senior Lecturer, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The concept and legal nature of artificial intelligence in the paradigm Of modern Russian law: the problem statement

***Annotation.** The article is devoted to the civil analysis of the legal nature of artificial intelligence (AI) in the context of Russian legislation. The legal definition of “artificial intelligence” is considered, its status is studied through the prism of the triad “subject – object – tool”. Particular attention is paid to the conflict between the technological autonomy of neural networks and the anthropocentric nature of domestic private law.*

***Keywords:** artificial intelligence, legal nature of artificial intelligence, legal personality, object of civil rights, legal fiction.*

Стремительная трансформация общественных отношений, вызванная повсеместным внедрением систем искусственного интеллекта, привела к возникновению существенного разрыва между темпами технологического прогресса и инерционностью правового регулирования.

Формирование эффективного механизма правового регулирования любой категории общественных отношений невозможно без предварительного закрепления ее четкой легальной дефиниции.

В российском праве фундамент для регулирования такого явления как искусственный интеллект заложен Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией) [2].

Согласно п. п. а п. 5 Национальной стратегии [2] Искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Данная дефиниция носит функционально-технологический характер, однако для целей юриспруденции в ней заложены две критически важные формулировки: «без заранее заданного алгоритма» (указание на эмерджентность и квази-автономность) и получение результатов, «сопоставимых с результатами интеллектуальной деятельности человека». Именно эти признаки порождают ключевые доктринальные дискуссии о месте искусственного интеллекта в системе правоотношений.

Попытки законодателя наделить искусственный интеллект статусом субъекта права (концепции «электронного лица») категорически отвергаются отечественной цивилистикой по ряду объективных причин.

Искусственный интеллект не является субъектом права. В силу ст. 17 и 21 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее по тексту – ГК РФ) правоспособность и дееспособность неразрывно связаны с физическим существованием индивида и его психическим отношением к своим действиям (наличием воли и волеизъявления). Конструкция юридического лица (ст. 48 ГК РФ) также неприменима, поскольку за юридическим лицом всегда стоят физические лица – учредители (участники), несущие риски и формирующие волю организации. Искусственный интеллект лишен собственной правовой воли, имущественной обособленности в чистом виде и, главное, деликтоспособности – способности нести самостоятельную юридическую ответственность.

Искусственный интеллект как объект права. С позиций действующего гражданского законодательства (ст. 128 ГК РФ) искусственный интеллект однозначно классифицируется как объект гражданских прав. В узком смысле базовый код нейросети охраняется как программа для ЭВМ (ст. 1261 ГК РФ), являясь результатом интеллектуальной деятельности. Алгоритмы, базы данных (ст. 1334 ГК РФ), на которых обучается модель, также выступают объектами исключительных прав.

В контексте динамики правоотношений искусственный интеллект выполняет функцию инструмента. Подобно тому как экскаватор является инструментом для рытья траншеи, искусственный интеллект является высокотехнологичным, сложным инструментом в руках пользователя или разработчика для генерации текстов, изображений или принятия аналитических решений. Ответственность за вред, причиненный таким инструментом, по общему правилу ложится на его владельца или оператора (в том числе по правилам ст. 1079 ГК РФ – как ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих).

Представляется, что искусственный интеллект представляет собой сложный объект гражданских прав (результат интеллектуальной деятельности), используемый субъектами права в качестве функционального инструмента.

Вместе с тем, определяя правовую природу искусственного интеллекта следует обратить внимание на коллизию, заложенную в самой Национальной стратегии, и ее столкновение с Частью IV ГК РФ.

Стратегия признает, что искусственный интеллект выдает результаты, «сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека». Однако, согласно п. 1 ст. 1228 ГК РФ, автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. Не признаются авторами лица, оказавшие лишь техническое, консультационное или организационное содействие.

В данном случае возникает «квази-субъектность без авторства». Поскольку искусственный интеллект действует «без заранее заданного алгоритма» (т. е. доля непредсказуемости и «творчества» машины колоссальна), вклад пользователя-промтера (человека, пишущего запрос) преимущественно сводится к «техническому или организационному содействию».

Следовательно, с точки зрения строгой догматики ГК РФ, художественная картина или программный код, полностью сгенерированные искусственным интеллектом на основании промта человека, не являются объектами авторского права. Они находятся вне охраны и становятся *res nullius* (ничьей вещью), находящейся в общественном достоянии с момента создания.

Сегодня мы наблюдаем формирование концепции инструментальных действий искусственного интеллекта, когда правовая система вынуждена использовать фикцию: признавать пользователя (оператора) автором того, что он де-факто не создавал творческим трудом. Искусственный интеллект в этой конструкции выступает современным *instrumentum computationis* (вычислительным орудием), чьи «квази-творческие» плоды юридически апроприируются его владельцем вопреки фактическому отсутствию творческого вклада последнего.

Таким образом, центральной проблемой современной цивилистической науки становится онтологическая неопределенность статуса искусственного интеллекта: существующая правовая архитектура, выстроенная на принципах жесткого антропоцентризма, оказывается недостаточно адаптивной перед лицом сущностей, обладающих признаками квази-автономности.

Искусственный интеллект в парадигме российского права не обладает и в обозримой перспективе не будет обладать правосубъектностью. Он является специфическим, эмерджентным объектом гражданских прав, выполняющим роль высокоинтеллектуального инструмента. Однако его способность к автономной генерации сущностей, неотличимых от результатов человеческого труда, бросает серьезный вызов антропоцентричной природе права интеллектуальной собственности и деликтного права, требуя разработки новых юридических фикций и презумпций для адекватного правового регулирования.

Без разрешения вопроса о правовой природе искусственного интеллекта невозможно построение непротиворечивой системы регулирования интеллектуальной собственности и распределения рисков в случае причинения вреда, что делает теоретическое переосмысление данной категории стратегически важным для юридической науки.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 01.12.2025).

2. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 01.12.2025).

УДК 347.78

Лапенко Юлия Александровна

студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
lapenkoulia358@gmail.com

Малякин Сергей Максимович

студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
malyakins04@gmail.com

Проблема справедливого вознаграждения авторов в условиях массовых цифровых дистрибуций посредством стриминговых сервисов

***Аннотация.** Статья посвящена актуальной проблеме отсутствия четких и справедливых механизмов расчета вознаграждений авторам музыкальных произведений в условиях массовых цифровых дистрибуций посредством стриминговых сервисов. Анализируются негативные последствия неопределенности правовых норм и скрытых условий заключенных соглашений между авторами (правообладателями) и онлайн-платформами. Отмечается наличие значительных рисков снижения доходов создателей музыки вследствие возможности стриминг-сервисов произвольно регулировать принципы распределения прибылей. Подчеркиваются трудности контроля авторских прав ввиду непрозрачности отчетных данных о показах и доходах.*

***Ключевые слова:** авторские права, стриминговые сервисы, вознаграждение, прозрачность расчетов, законодательство.*

Lapenko Yulia Alexandrovna

student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Malyakin Sergey Maksimovich

student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The problem of fair remuneration for authors in the context of mass digital distribution through streaming services

Annotation. *The article is devoted to the urgent problem of the lack of clear and fair mechanisms for calculating remuneration for authors of musical works in the conditions of mass digital distribution through streaming services. The negative consequences of the uncertainty of legal norms and the hidden terms of the agreements between authors (copyright holders) and online platforms are analyzed. The article notes the existence of significant risks of reducing the income of music creators due to the ability of streaming services to arbitrarily regulate the principles of profit distribution. The difficulties of controlling copyrights are emphasized due to the lack of transparency in reporting data on impressions and income.*

Keywords: *copyright, streaming services, remuneration, transparency of calculations, legislation.*

Стремительный рост популярности российских стриминговых платформ представляет собой одно из ключевых явлений современной информационной среды. Такие проекты, как VK Music, Okko, ivi.ru, Кинопоиск HD и Start, стали неотъемлемой частью повседневной жизни россиян, предлагая удобный доступ к музыкальному и визуальному контенту через цифровые устройства.

Согласно последним официальным данным Mediascope, число активных пользователей отечественных стриминг-сервисов постоянно увеличивается. Так, аудитория платформы VK Music достигает более 60 млн слушателей ежемесячно, а общее количество просмотров видеоконтента на платформе Rutube и аналогичных ресурсах стабильно растет на 15–20 % ежегодно. Рост интереса пользователей к отечественным продуктам обусловлен улучшением качества предоставляемого контента, появлением эксклюзивных премьер и удобством интерфейсов, развитие цифровой инфраструктуры [2, с. 90].

Несмотря на стремительное развитие рынка, существуют серьезные препятствия для полноценного функционирования экосистемы авторских прав в российском сегменте сети Интернет. Основные проблемы связаны с недостаточной проработанностью нормативно-правовой базы, отсутствием четких критериев распределения вознаграждения авторам и исполнителям, наличием большого количества случаев незаконного использования охраняемого законом контента, «культурологические и психологические предпосылки развития медиапиратства» [4, с. 160].

Например, согласно исследованию Российского авторского общества (РАО), уровень потерь из-за нарушения авторских прав на территории России оценивается в десятки миллиардов рублей ежегодно. Незаконное размещение музыкальных треков и фильмов на открытых площадках продолжает оставаться актуальной угрозой, несмотря на активные усилия регуляторов и правообладателей [3].

Проблематика авторского права выходит за рамки узкого юридического вопроса и затрагивает широкий спектр социальных, экономических и политических аспектов. Эффективная защита авторских прав способствует росту креативной экономики, повышению привлекательности отечественного контента на

международной арене и укреплению позиций России в области культуры и искусства [1, с. 124].

Стремительное развитие цифровых технологий привело к широкому распространению стриминговых сервисов в России, что создало новые возможности для распространения аудиовизуального контента. Однако наряду с преимуществами возникла проблема несправедливого распределения доходов между авторами и стриминговыми платформами. Несмотря на наличие ряда норм Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), регулирующих отношения в области интеллектуальной собственности, действующие положения не обеспечивают достаточной прозрачности и справедливости в распределении доходов.

Одним из ключевых аспектов проблемы является отсутствие четких критериев и механизмов расчета вознаграждения авторам. Также исследователи отмечают недостаточную защищенность прав исполнителей на вознаграждение за публичное исполнение фонограмм [5, с. 36]. Большинство контрактов, заключаемых между правообладателями и стриминговыми сервисами, содержат формулировки, позволяющие последним устанавливать произвольные коэффициенты распределения прибыли. Такие условия часто приводят к значительному снижению доли дохода, приходящегося на авторов, особенно в случаях массового распространения контента.

Конкретные формулировки условий контрактов между VK Music и других стриминговых сервисов и правообладателями официально не публикуются, поскольку такие соглашения носят конфиденциальный характер. Однако исходя из общих принципов заключения договоров подобного рода, можно представить гипотетический фрагмент текста договора, отражающего принцип произвольного установления коэффициентов распределения прибыли: «Сервис оставляет за собой право самостоятельно определять порядок расчета вознаграждения, выплачиваемого Правообладателю, основываясь на множестве факторов, включающих количество воспроизведений Контент-продукта Пользователями, уровень доходов от подписки Пользователей, географическое распределение аудитории, особенности бизнес-модели Платформы и прочие значимые показатели».

Кроме того, многие авторы сталкиваются с трудностями в получении объективной информации о количестве просмотров, загрузок и общей доходности своего контента. Отсутствие прозрачной отчетности позволяет стриминговым платформам манипулировать статистическими показателями, что дополнительно снижает доходы правообладателей.

Возможным решением указанных проблем может быть определение в ГК РФ условий распространения аудиовизуального контента и правил выплаты вознаграждений, а также обеспечения прозрачности учета использования произведений посредством стриминговых сервисов. В договор, заключаемый между обладателем исключительных прав на объект авторских или смежных прав и организацией, осуществляющей распространение аудиовизуальных произведений посредством онлайн-сервисов, необходимо в обязательном порядке включать условие о порядке распределения прибыли от коммерческого исполь-

зования указанного произведения. Условиями договора должна быть предусмотрена выплата обладателю исключительного права вознаграждения в объеме не менее тридцати процентов от суммы прибыли, полученных организацией-посредником от коммерциализации соответствующего произведения. Организация, осуществляющая распространение аудиовизуальных произведений посредством онлайн-сервисов, обязана обеспечить свободный доступ обладателя исключительных прав к данным о количестве использований соответствующих объектов авторских и смежных прав, а также о прибыли, полученной от такого использования.

Список источников

1. Авторское право : учеб. пособие / Е. А. Моргунова ; отв. ред. В. П. Мо-
золин. М. : Норма, 2009. 288 с.
2. Бабына Д. А. Развитие стриминговых сервисов в условиях цифровых
трансформаций медиасистемы России // Меди@льманах. 2023. № 6. С. 85–92.
3. Белоусов Г. Д. Эволюция стриминговых сервисов: методы борьбы с пи-
ратством // Глобус. 2021. № 1(58). С. 31–37.
4. Денисова А. С., Колосова А. В. Медиапиратство и деятельность стри-
минговых сервисов в условиях новой реальности // Вестник Московского уни-
верситета. Серия 10. Журналистика. 2020. № 5. С. 148–167.
5. Носань-Никольский Я. Ю. Защита смежных прав исполнителей и про-
дюсеров в эпоху цифровых стриминговых сервисов // Современные тенденции
развития управления и производства в условиях цифровизации : материалы
V Междунар. науч.-практ. студ. конф. (28–29 октября 2025 г.). Секция 2. Ин-
формационные технологии в юридической сфере. Т. 3. М. : Акад. управления
и производства, 2025. С. 35–38.

УДК 366.5

Макарова Алена Александровна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

makarova.alena04@mail.ru

Защита прав потребителей при взаимодействии с товарными цифровыми платформами в ситуациях возврата товара надлежащего качества

***Аннотация.** Статья посвящена актуальной проблеме защиты прав потребителей в цифровой среде, а именно ситуациям, когда товарный агрегатор (маркетплейс) или продавец неправомерно отказывает в удовлетворении законных требований потребителя на том основании, что возвращенный товар не был получен («утерян») или получен в ненадлежа-*

щем состоянии. Автор анализирует правовую природу отношений «потребитель-маркетплейс-продавец-логистический оператор», выявляет пробелы и коллизии в регулировании. В центре внимания – распределение бремени доказывания и ответственности между участниками цепочки. На основе анализа судебной практики, норм Закона РФ «О защите прав потребителей», Гражданского кодекса РФ и правил цифровых платформ предлагаются меры по усилению правовых гарантий для потребителей и совершенствованию механизмов разрешения споров. Делается вывод о необходимости законодательного закрепления презумпции добросовестности потребителя и ответственности платформы как стороны, организующей процесс возврата, за утерю или повреждение товара на этапе логистики, если не доказано иное.

Ключевые слова: защита прав потребителей, цифровые платформы, маркетплейсы, возврат товара, дистанционная торговля, утрата товара, бремя доказывания, ответственность агрегатора.

Makarova Alena Alexandrovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Consumer protection when interacting with digital commodity platforms in situations of return of high-quality goods

Annotation. The article is devoted to an urgent problem of consumer protection in the digital environment, namely situations where a product aggregator (marketplace) or seller unlawfully refuses to satisfy the legitimate demands of the consumer on the grounds that the returned product has not been received ("lost") or received in improper condition. The author analyzes the legal nature of the consumer-marketplace-seller-logistics operator relationship, identifies gaps and conflicts in regulation. The focus is on the distribution of the burden of proof and responsibility between the participants in the chain. Based on the analysis of judicial practice, the norms of the Law of the Russian Federation "On Consumer Rights Protection", the Civil Code of the Russian Federation and the rules of digital platforms, measures are proposed to strengthen legal guarantees for consumers and improve dispute resolution mechanisms. It is concluded that it is necessary to legislate the presumption of consumer integrity and the responsibility of the platform as the party organizing the return process for the loss or damage of goods at the logistics stage, unless proven otherwise.

Keywords: tax crimes, tax law, criminal law, value added tax (VAT), money laundering, taxation, special tax regime, professional income tax, corruption in tax authorities, combating tax crimes, budget.

Развитие цифровых технологий и электронных коммуникаций стало импульсом для все более активного использования дистанционных форм взаимодействия предпринимателей с гражданами-потребителями. На сегодняшний день весьма значительное число договоров купли-продажи товаров с участием потребителей заключается посредством сети Интернет. По данным Росстата, доля продаж через Интернет в общем обороте розничной торговли неуклонно растет и на 2022 г. составила более 6 % в Российской Федерации, при этом в отдельных регионах (Москва, Московская область, Санкт-Петербург) таковая превысила 10 % от общего объема оборота розничной торговли [3]. Электронная коммерция, как особая форма гражданско-правовых отношений по реали-

зации товаров, работ и услуг посредством Интернета, приобретает все большее распространение. Данная тенденция закономерно ведет к усилению внимания исследователей к поиску оптимальных механизмов правового регулирования в контексте общей цифровизации экономики.

Товарные цифровые платформы (маркетплейсы) стали доминирующим каналом розничной торговли. Их правовая модель часто предполагает трехсторонние отношения: платформа выступает как организатор сделки, предоставляющий инфраструктуру, а продавцом является третье лицо (как правило, юридическое лицо или индивидуальный предприниматель). Это ключевой момент: потребитель вправе предъявлять требования как к продавцу, так и к маркетплейсу. В связи с этим маркетплейсы стремятся минимизировать собственную гражданско-правовую ответственность перед потребителем при возврате товаров [2].

Статья 26.1 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) закрепляет право потребителя отказаться от товара, приобретенного дистанционным способом, без объяснения причин в любой момент до его получения и в течение 7 календарных дней после того, как товар был получен [4]. При этом закон не содержит прямого запрета на возврат технически сложных товаров, купленных дистанционно, или указания на перечень отдельных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату [1; 5].

Проблемная ситуация возникает, когда потребитель, реализуя свое право, предусмотренное ст. 26.1 Закона о защите прав потребителей, отправляет товар обратно, но продавец или платформа отказывают в возврате денежных средств. Основаниями для отказа становятся:

- 1) заявление о том, что товар не был получен («утерян при транспортировке»);
- 2) акт о несоответствии полученного товара заявленному (повреждение, отсутствие комплектующих, «кирпич» вместо товара). В этих случаях потребитель сталкивается с ситуацией, когда его добросовестность ставится под сомнение, а бремя доказательства фактически перекладывается на него.

При возврате товара обязательным этапом является его транспортировка от потребителя к продавцу на склад платформы. Данный процесс организует, как правило, сама платформа, предлагая потребителю услуги собственной или партнерской логистической службы. В этом случае маркетплейс выступает не только как продавец/агент, но и как организатор перевозки. Следовательно, риски утраты или повреждения товара в период с момента его передачи потребителем курьеру или в пункт приема до момента получения конечным адресатом должны ложиться на организатора этой перевозки, если не доказано иное [2].

На практике правила многих маркетплейсов переносят риски на потребителя. В пользовательских соглашениях может содержаться пункт о том, что «ответственность за целостность и сохранность товара при возврате ле-

жит на покупателе до момента получения его продавцом». Это положение противоречит логике ст. 459 ГК РФ (переход риска случайной гибели товара). Кроме того, процедура оспаривания отказа часто излишне бюрократизирована, службы поддержки действуют шаблонно, а обращение в Роспотребнадзор или суд требует от потребителя значительных временных и эмоциональных затрат.

Предлагая пути решения, целесообразно дополнить ст. 26.1 Закона о защите прав потребителей нормой, прямо устанавливающей, что при возврате товара, организованном продавцом или агрегатором (маркетплейсом), риск его утраты или повреждения в пути несет организация, направившая вызов курьера или предоставившая для возврата транспортную накладную/этикетку. Исключение – если будет доказан умысел или грубая неосторожность потребителя. При этом в случае спора о состоянии возвращенного товара бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности, в полной мере должна возлагаться на продавца и маркетплейс как на профессиональных участников оборота, обладающих большими ресурсами для фиксации доказательств.

Таким образом, в условиях цифровой экономики традиционные нормы защиты прав потребителей требуют адаптации к новым бизнес-моделям. Существующая правоприменительная практика по спорам, связанным с неправомерным отказом в возврате денег из-за «утраты» или «повреждения» возвращаемого товара надлежащего качества, постепенно смещается в сторону защиты интересов потребителя, возлагая на маркетплейсы, как на организующую сторону, обязанность по доказыванию своей невиновности. Однако для обеспечения единообразия и предотвращения злоупотреблений необходимы четкие законодательные корректировки, закрепляющие презумпцию ответственности цифровой платформы за сохранность товара на всех этапах организованного ею процесса возврата. Это создаст справедливый баланс интересов и будет способствовать развитию цивилизованного цифрового рынка.

Список источников

1. Аблятипова Н. А., Кравцова А. А. Проблемы дистанционного способа розничной купли-продажи в контексте права потребителя на отказ от товара надлежащего качества // Ученые записки Тамбовского отделения РoCМУ. 2019. № 14. С. 101–107.

2. Весов К. Э., Арефьев Е. П., Фёдорова И. А. Защита прав-потребителей на торговых интернет-платформах // Научный Лидер. 2024. № 50(200). С. 93–97.

3. Гутников О. В., Чагина Е. М. Защита интересов потребителей при регулировании электронной торговли // Право и бизнес. 2023. № 4. С. 8–15.

4. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав потребителей» 7 февраля 1992 года № 2300-1. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.11.2025).

5. Шайдуллина В. К. Возврат и обмен товаров надлежащего качества при дистанционном способе торговли: проблемы теории и практики // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. № 2. С. 223–226.

УДК 347.8

Морозова Елизавета Алексеевна

магистрант, Костромской государственный университет,

г. Кострома, Российская Федерация

yelizaveta.morozova.99@internet.ru

Совершенствование механизмов реализации права на образование в цифровую эпоху

***Аннотация.** В статье рассматриваются актуальные проблемы реализации конституционного права на образование в условиях цифровой трансформации. Проанализированы системные пробелы в правовом регулировании электронного и дистанционного обучения, в частности, отсутствие норм, охраняющих здоровье участников образовательного процесса, и недостаточная регламентация технических требований к оборудованию. На основе анализа действующего законодательства и научной литературы предложены конкретные меры по совершенствованию нормативной базы, включая внесение изменений в санитарные правила, установление минимальных технических требований и легальное закрепление понятийного аппарата. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода, объединяющего усилия законодателей, органов исполнительной власти и образовательных организаций для преодоления существующих барьеров и адаптации к вызовам цифровой эпохи.*

***Ключевые слова:** право на образование, цифровая образовательная среда, дистанционное обучение, электронное обучение, законодательство об образовании, санитарно-гигиенические нормы, гибридное обучение, правовое регулирование.*

Morozova Elizaveta Alekseevna

Undergraduate, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Improving the mechanisms for implementing the right to education in the digital era

***Annotation.** The article examines current problems of implementing the constitutional right to education in the context of digital transformation. Systemic gaps in the legal regulation of e-learning and distance learning are analyzed, in particular, the lack of norms protecting the health of participants in the educational process and insufficient regulation of technical requirements for equipment. Based on the analysis of current legislation and scientific literature, specific measures to improve the regulatory framework are proposed, including amendments to sanitary rules, the establishment of minimum technical requirements, and the legal consolidation of the conceptual framework. It is concluded that an integrated approach is necessary, combining the efforts of legislators, executive authorities, and educational institutions to overcome existing barriers and adapt to the challenges of the digital age.*

Keywords: *right to education, digital educational environment, distance learning, e-learning, education legislation, sanitary and hygienic standards, hybrid learning, legal regulation.*

Как известно, современный мир, включая Россию, уже вступил в эпоху, когда основная часть экономического богатства формируется за пределами материального производства. Значительно возрастает важность и ценность интеллектуального труда, усиливается роль информации и информационных технологий, а экономика знаний превращается в ведущую отрасль народного хозяйства.

В таких условиях ключевым фактором инновационного устойчивого развития становится умение оставаться на переднем крае научно-технического прогресса, диктовать тенденции в новейших технологиях, оказывать влияние на мир через силу идей и культуры, а также надежно обеспечивать безопасность государства и его граждан. Все это делает образование приоритетной сферой в современной России.

Однако, к сожалению, до сих пор сохраняются многочисленные случаи, когда конституционное право граждан на образование не может быть реализовано в полной мере. Это указывает на несоответствия в системе прав и обязанностей участников образовательного процесса, что, в свою очередь, свидетельствует о том, что законодательство в этой области не полностью гарантирует гражданам право на образование. Следовательно, оно нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Реализация права на образование, закрепленного в международных документах, таких как Всеобщая декларация прав человека (статья 26) [1] и Конвенция о правах ребенка (статья 28) [2], а также в национальном законодательстве многих стран, включая Конституцию Российской Федерации (статья 43) [3], сталкивается с множеством системных проблем, которые препятствуют его полноценному осуществлению.

Для преодоления этих проблем необходим комплекс мер, направленных на развитие инфраструктуры, совершенствование нормативной базы и подготовку кадров.

Во-первых, требуется масштабное развитие инфраструктуры и технологий. Это предполагает целенаправленные инвестиции в строительство новых школ и модернизацию существующих, а также в создание универсальной цифровой инфраструктуры, включая обеспечение высокоскоростным интернет-доступом всех образовательных учреждений и малообеспеченных семей. Параллельно необходимо внедрить общенациональные программы по обучению педагогов цифровым навыкам и компетенциям, а также разработать адаптированные учебные материалы и платформы для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Эффективным инструментом здесь могут стать партнерства с ведущими технологическими компаниями для создания и поддержки открытых образовательных платформ.

К примеру, как отмечают Ш. Ш. Муцалов и Т. А. Арсамирзаева, «в условиях развития электронно-дистанционного обучения (связанного, в том числе, и с эпидемией коронавируса), возникают новые вопросы, связанные с его регулированием» [4]. В статье 16 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» дается трактовка данного понятия, а также указывается в целом возможность реализации его как дистанционной формы обучения при соблюдении федеральных образовательных стандартов [5].

Кроме того, в законе указывается и место проведения электронного дистанционного образования – это должно быть место, где находится сама образовательная организация или ее филиал.

Таким образом, регламентированными являются только общие, основные вопросы применения электронного обучения, остальные же моменты являются нерегламентированными, и, в свою очередь, ведут к возникновению проблем как правового, так и организационного характера.

Во-вторых, в качестве ключевого решения выступает детализация и совершенствование правового регулирования электронного образования. Рассматривая эти проблемы, А. В. Сохан отмечает, что «законом остаются нерегламентированными аспекты охраны здоровья обучающихся и педагогических работников при применении информационных технологий [6]. Так, продолжительность учебных занятий никак не ограничивается, не устанавливаются требования к оборудованию, которое может быть использовано для реализации рассматриваемых форм обучения».

Для устранения этого пробела необходимо:

1. Разработать и утвердить санитарно-гигиенические нормы и правила, строго регламентирующие максимальную продолжительность онлайн-занятий, продолжительность работы с экраном в зависимости от возраста учащихся, а также обязательные перерывы.

Внести изменения в СанПиН 2.4.3648–20 «Санитарно-эпидемиологические требования к организациям воспитания и обучения», дополнив разделом VII.1 «Требования к организации электронного обучения, дистанционных образовательных технологий», предусматривающим:

- 1) максимальную продолжительность непрерывной работы с электронными средствами обучения по возрастным группам;
- 2) минимальные перерывы между онлайн-занятиями;
- 3) требования к оборудованию рабочих мест обучающихся и педагогических работников.

2. Установить четкие минимальные технические требования к оборудованию (компьютеры, веб-камеры, микрофоны, программное обеспечение), используемому всеми участниками образовательного процесса.

Разработать и утвердить Приказом Минпросвещения России «Минимальные требования к аппаратно-программному обеспечению для реализа-

ции образовательных программ с применением электронного обучения», установив:

- 1) минимальные технические характеристики компьютерной техники;
- 2) требования к программному обеспечению;
- 3) стандарты защиты персональных данных.

3. Внести в статью 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» определения понятий «цифровая образовательная среда» и «гибридное обучение», определив права и обязанности учащихся, педагогов и администрации при их использовании.

Таким образом, совершенствование механизмов защиты и реализации права на образование требует комплексного подхода, объединяющего усилия на всех уровнях. Реализация предложенных рекомендаций – от масштабной инфраструктурной модернизации до точечной законодательной корректировки – позволит преодолеть существующие барьеры, такие как неравенство и недостаточное финансирование, и адаптироваться к будущим вызовам, включая глобализацию и технологические изменения. Успех зависит от политической воли, межсекторного сотрудничества и активного участия гражданского общества.

Список источников

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 10.11.2025).

2. Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 10.11.2025).

3. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.11.2025).

4. Муцалов Ш. Ш. К вопросу о проблемах правового регулирования образования в Российской Федерации // Современный ученый. 2021. № 2. С. 314–318.

5. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 15.10.2025). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.11.2025).

6. Сохан А. В. Проблемы правового регулирования реализации образовательных программ высшего образования с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий // Международный журнал социальных и гуманитарных наук. 2016. Т. 4, № 1. С. 14–17.

Моторина Ирина Станиславовна

доцент, университет «Синергия»

г. Москва, Российская Федерация

motorinavuz@gmail.ru

Конституционно-правовое содержание права на доступ к правосудию

***Аннотация.** В статье рассмотрен процесс формирования права на доступ к правосудию в историческом контексте, в результате которого суд начинает восприниматься не только защитником, но и возможным нарушителем прав человека. Ограничение права на судебную защиту в настоящее время рассматривается как нарушение прав человека. Автор определяет содержание права на доступ к правосудию, описывает современные проблемы, которые предстоит разрешить государствам для сохранения доступа к правосудию граждан.*

***Ключевые слова:** доступ к правосудию, защита прав человека, законное решение, судебное толкование.*

Motorina Irina Stanislavovna

Associate Professor, University “Synergy”

Moscow, Russian Federation

Constitutional and legal content of the right of access to justice

***Annotation.** This article examines the development of the right to access to justice in a historical context, which has led to the court being perceived not only as a protector but also as a potential violator of human rights. Restrictions on the right to judicial protection are currently considered a violation of human rights. The author defines the content of the right to access to justice and describes the contemporary challenges that states must address to preserve citizens' access to justice.*

***Keywords:** access to justice, protection of human rights, legal decision, judicial interpretation.*

Доступ к правосудию является важным фактором, гарантирующим судебную защиту прав и свобод участников судопроизводства и одним из необходимых условий правовой защищенности личности, предоставляя лицу широкие конституционные права и эффективный механизм правовой защиты.

Понятие права на доступ к правосудию (не получившее закрепления в российском законодательстве) иногда ассоциируется с правом граждан на судебную защиту, гарантированное ст. 46 Конституции РФ (предоставляет человеку возможность избрать в качестве средства защиты нарушенного права – обращение в суд). В действительности же право на обеспечение доступа к правосудию закрепляет не столько право обращения в суд, сколько обязанность государства юридически и фактически обеспечить возможность его использо-

вания в реальном процессе и такая задача свойственна как России, так и другим странам.

Еще в 20 веке обсуждалась проблема неспособности судебных систем качественно разрешить споры: в одних странах – в связи с невозможностью малообеспеченных слоев населения оплатить дорогостоящих адвокатов, в других – по причине перегруженности судебной системы, в-третьих – в связи с политическим характером внешних обстоятельств, оказывающих влияние на судопроизводство (обесценивание личности, диктатура, война) [2, с. 259].

Право каждого на свободный доступ к правосудию закреплено в ст. 7, 8 и 10 Всеобщей декларации прав человека, в ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, в ст. 14 Международного Пакта о гражданских и политических правах и других международно-правовых документах: «все равны перед законом и судом и каждый при определении его гражданских прав и обязанностей имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона». Важнейшей гарантией права на судебную защиту в России выступает конституционное право каждого на судебную защиту посредством независимого и беспристрастного суда, компетенция которого установлена законом, т. е. на рассмотрение дела тем судом, к подсудности которого оно отнесено законом (статьи 46, 47 Конституции Российской Федерации).

В уголовном процессе России право на свободный доступ к правосудию закреплено гарантируется рядом правил, относящихся к организации и деятельности суда и предоставлением только суду права признать обвиняемого виновным. Ограничение конституционных прав и свобод граждан мерами уголовно-процессуального принуждения требует судебного разрешения (ст. 23, 25 и др. Конституции РФ). Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию (ст. 52 Конституции РФ). Право на судебную защиту обеспечивает также реализацию прав и свобод граждан, потерпевших от злоупотреблений властью, которым государство обеспечивает доступ к правосудию и возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов госвласти и через право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, уменьшая риск судебной ошибки и произвольного осуждения подсудимого.

Весьма важное значение в сфере усиления защиты прав и свобод личности принадлежит положению Конституции РФ о возможности обжалования в суд решений и действий, бездействия органов госвласти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц (ч. 2 ст. 46 Конституции). В судебном порядке могут быть обжалованы нормативные и ненормативные акты.

Правом на судебную защиту наделены не только граждане, но и их объединения, не только граждане России, но и иностранцы, и лица без гражданства, т. е. неограниченный круг лиц. В соответствии с ч. 3 ст. 55 и ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, право на доступ к правосудию не может быть ограничено даже в ус-

ловиях чрезвычайного положения. Вместе с тем существуют его косвенные ограничения: материальные препятствия (высокие госпошлины в судах по гражданским делам, высокая стоимость защиты) физические препятствия (отдаленность судов), языковые проблемы, недостаточные знания, отсутствие доверия к судам и др.

Движение за обеспечение широкого доступа к правосудию описано В. О. Аболониным [1, с. 40–43] в предлагаемой им теории развития гражданского процесса через смену процессуальных парадигм:

1) допарадигмальный (до 2-й пол. XIX в. – наука гражданского процесса только формируется) процессуальная теория носит «описательный» характер в то время как понятие гражданского процессуального правоотношения не сформировано. Е. А. Нефедьев следующим образом описывал процессуальные действия: «Судебный процесс есть нормированная законом деятельность. Закон организует субъекта деятельности и указывает цель, к которой он должен стремиться, а также порядок его деятельности и средства ее достижения» [3, с. 5–6];

2) парадигмальный период рассматривается в виде трех сменяющих друг друга парадигм:

- парадигмы традиционного (2-я пол. XIX в. – 2-я пол. XX в.);
- современного (2-я пол. XX в. – до настоящего времени);
- будущего гражданского процесса.

Зарождение парадигмы традиционного гражданского процесса формируется во 2-й половине XIX века. В немецкой процессуальной доктрине Оскаром Бюловым в 1868 г. судебный процесс впервые был представлен как особые отношения между судом и спорящими сторонами, т. е. как сложное, единое и публичное юридическое правоотношение между сторонами и судом (носителем особого рода государственной власти. В этот период формируется новая отрасль юридической науки – гражданского процессуального права, появляются понятия «гражданские процессуальные правоотношения», «право на иск». В связи с разницей в понимании субъективного права (наделение субъекта правом в силу прямого предписания закона или в силу судебного постановления) происходит деление правового мира на разные семьи.

Политический характер событий, оказавший влияние на судопроизводство (обесценивание личности, нацистская диктатура, война) привели к переосмыслению основ правопонимания, развитию доктрины естественного права и значимости как материального права, так и права на судебную защиту, которое в послевоенное время дополняется ответственностью за ограничение права на судебную защиту, формируя новую парадигму современного гражданского процесса. Суд начинает восприниматься не только защитником, но и возможным нарушителем прав человека, а ограничение права на судебную защиту рассматривается как нарушение прав человека.

Переход к современному гражданскому процессу открыл доступ к суду любому желающему защитить права и увеличил спрос на судебный способ защиты прав населения. «Властный государственный орган суд, – как пишет

В. О. Аболонин, – под давлением новой доктрины превращается в «правовой супермаркет», в который может обратиться каждый» [1, с. 40–43]. Судебные системы столкнулись с ростом гражданских дел, которые они обязаны разрешить в разумные сроки, возрастают бюджетные расходы на судебную систему и остро ставится вопрос о повышении эффективности работы судов [4, с. 5]. В большинстве стран процесс повышения эффективности работы судов проходит путем законодательных реформ по оптимизации судебной деятельности, формируя правосудие будущего.

Как уже упоминалось выше, конституционно-правовое содержание права на доступ к правосудию включает не только доступ к судебной защите перечисленными в Конституции РФ способами, но и право на правосудное решение при своевременном и правильном разрешении дела, а также право на принудительное исполнение решения судов. Кроме того, право граждан на доступ к правосудию будет нарушено при вынесении судами политизированных решений или, например, различия в толковании права в зависимости от личности судьи или личности стороны в споре (в настоящее время такие ситуации наблюдаются на международной судебной арене).

Государства могут декларировать гуманные ценности, но различие в их судебном толковании может привести к неправосудным решениям, нарушая тем самым доступ к правосудию. Различие в толковании судебных органов России было уменьшено путем объединения двух действующих высших судов (ВС РФ и ВАС РФ) в Верховный Суд Российской Федерации. Конституционный Суд РФ обеспечивает реализацию права граждан и их объединений на судебную защиту посредством толкования конституционности законов, примененных в конкретном деле по жалобам граждан.

Среди межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и гражданина наиболее востребованным у российских граждан ранее являлся Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), который осуществлял свою деятельность на основе принципа субсидиарности. Однако в марте 2022 года Российская Федерация уведомила Генерального секретаря Совета Европы (СЕ) о выходе из этой международной организации на основании ст. 7 Устава СЕ, в которой предусмотрено, что любой член Совета Европы может выйти из его состава при наличии официального уведомления.

Комитетом министров Совета Европы была использована ст. 8 Устава СЕ для прекращения членства РФ в СЕ. Данная ситуация повлияла на принятие двух законов [4; 5; 6], исключивших из УПК, КАС, ГПК и АПК положения о том, что постановления ЕСПЧ являются основанием для отмены вступивших в силу судебных решений, а также для возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Из законов следует, что после 15 марта 2022 г., постановления ЕСПЧ, вступившие в силу, не подлежат исполнению в России.

Новые нормы создали ситуацию, при которой граждане из России, обратившиеся в ЕСПЧ за защитой, которую им гарантировало государство на основании ч. 4 ст. 15 и ч. 3 ст. 46 Конституции РФ, после 15 марта 2022 г. лишились

возможности защиты своих прав данным способом, соответственно право на доступ к правосудию было урезано и Конституционному Суду РФ придется толковать эти нормы.

На основании толкования ряда конституционных норм можно дать определение права на доступ к правосудию как охраняемое государством и обеспеченное законом право беспрепятственного обращения в суд за защитой своих нарушенных прав и свобод, конституционно гарантированное и реализуемое в законодательно установленной процедуре, применительно ко всем видам судопроизводства.

Конституционно-правовое содержание права на доступ к правосудию включает не только доступ к судебной защите перечисленными в Конституции РФ способами, но и право на правосудное решение при своевременном и правильном разрешении дела, а также право на принудительное исполнение решения судов. Однако, как было показано в работе, в настоящее время суды сталкиваются с проблемой высокой судебной нагрузки, им приходится приспосабливаться к меняющейся международной обстановке путем нового толкования норм права, что в ряде случаев снижает доступ граждан к правосудию.

Список источников

1. Аболонин В. О. О развитии гражданского процесса через смену основной парадигмы // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 11. С. 40–43.
2. Моторина И. С. Преимущества примирительных процедур для сторон в судебном процессе. URL: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-253-262> (дата обращения: 01.12.2025).
3. Нефедьев Е. А. Единство гражданского процесса. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003552303?page=13&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 01.12.2025).
4. Оптимизация гражданского правосудия в России. URL: <https://lookbook.narod.ru/books/observ/Obz004b012.htm> (дата обращения: 01.12.2025).
5. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 11.06.2022 № 180-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_419069/ (дата обращения: 01.12.2025).
6. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 11.06.2022 № 183-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_419072/ (дата обращения: 01.12.2025).

Моторина Ирина Станиславовна

доцент, университет «Синергия»

г. Москва, Российская Федерация

motorinavuz@gmail.ru

Правовые основы для закрепления института судебной медиации

***Аннотация.** В статье исследуются правовые основы для закрепления судебной медиации в российском гражданском процессе с учетом современных тенденций 2022–2025 годов.*

***Ключевые слова:** судебная медиация, гражданский процесс, примирительные процедуры, доступ к правосудию, судебное толкование.*

Motorina Irina Stanislavovna

Associate Professor, University “Synergy”

Moscow, Russian Federation

Legal basis for establishing the institution of judicial mediation

***Annotation.** The article examines the legal basis for establishing judicial mediation in the Russian civil process, taking into account current trends in 2022–2025.*

***Keywords:** judicial mediation, civil proceedings, conciliation procedures, access to justice, judicial interpretation.*

В современных условиях развития российской правовой системы все возрастающее значение приобретает поиск эффективных механизмов разрешения юридических конфликтов, способных не только обеспечить защиту нарушенных прав, но и снизить растущую нагрузку на судебную систему.

Когда времени на выявление норм права, применимых по всему массиву судебных дел не хватает, одним из способов решения проблемы является копирование выводов других правоприменителей по сходным делам из базы судебной практики. Данный метод применяется, но ущемляет право граждан на доступ к правосудию, так как не связан с нахождением истинно верного правового решения по делу.

Сложно отрицать, что качество правосудия напрямую связано с нагрузкой на судей, их возможностью тщательно готовиться к рассмотрению каждого конкретного дела, изучить в спокойной деловой обстановке законодательство и провести судебный процесс, а затем вдумчиво и грамотно изготовить судебные решения. Это модель идеального суда и к ней следует стремиться.

Действительно справедливое и публичное судебное разбирательство в разумные сроки связано с решением проблемы оптимизации судебной нагрузки. Уже более 10 лет назад, еще до объединения Верховного Суда Российской Фе-

дерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (ВС РФ и ВАС РФ), председатель Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации А. А. Иванов отмечал: «Если мы не сможем снизить количество дел, попадающих в суды, все остальные наши действия потеряют всякий смысл. В режиме 120 дел в месяц нельзя рассматривать дела, в таком режиме можно только штамповать заранее заготовленные решения» [11].

Председатели высших судебных инстанций В. М. Лебедев и А. А. Иванов на пленарном заседании Совета судей в Москве в мае 2011 г., среди наиболее важных проблем в работе судебной системы указали на перегруженность судей, а также на необходимость в этой связи утвердить научно обоснованные нормы нагрузки на судей. По словам бывшего Председателя ВАС РФ А. А. Иванова, по научным нормам судья должен рассматривать 16 дел в месяц (0,56 дела в день). Однако на сегодняшний день количество рассмотренных судьями дел в несколько раз превышает данный показатель [3, с. 33].

В условиях высокой нагрузки из судов уходят профессионалы и некоторые по причине невозможности работать в «конвейерном производстве» дорожают репутацией. Уходят судьи быстро, а вот процесс назначения и подготовки хороших судей занимает существенно больше времени. А учитывая, что судьям постоянно приходится принимать крайне серьезные решения, затрагивающие судьбы многих граждан, а также оказывающие определенное влияние на экономическую, в некоторых случаях политическую жизнь страны, жизненный опыт, судебская мудрость и профессионализм для судьи крайне желательны.

Если посмотреть на динамику количества рассматриваемых судами дел, то мы увидим их практически ежегодный рост, начиная с 1996 года.

В 1996 году количество рассматриваемых дел составило 7 047 тыс. шт., штатная численность судей. Общее количество судей составило 15 564 человек: 12 740 судей районных судов, 2 824 – судей судов субъектов Российской Федерации [1]. В среднем в 1996 году на судью приходилось 2,2 дела в день.

В 2012 году общее количество дел и материалов составило 20 824 тыс. шт. В структуре судебных дел с 1996 года к 2012 произошло сокращение количества уголовных дел более чем на 20 % и значительное увеличение гражданских и дел об административных правонарушениях – увеличение более чем в 3 раза к 2012 году. Число судей на 2012 год составило 32 485 судей: 25 015 судей судов общей юрисдикции [9] и 7 470 мировых судей РФ [10] соответственно. Таким образом, в среднем в 2012 году на 1 судью пришлось 641 дело в год. Годовой фонд рабочего времени за вычетом дней, затраченных на отпуски, болезни и совещания составляет 192 рабочих дня на судью [4, с. 33]. В среднем на судью в 2012 году пришлось 3,3 дела в день.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2023 году судами общей юрисдикции было рассмотрено более 23,5 миллионов гражданских дел, что на 11,2 % больше, чем в 2022 году [5].

В 2024 году всего рассмотрено (окончено производством) судами всех уровней гражданских и административных дел по первой инстанции 34,1 млн (в 2023 году – 30,1 млн), из них в порядке гражданского судопроизводства,

предусмотренного Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – ГПК РФ), – 29,3 млн, в порядке административного судопроизводства, предусмотренного Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), – 4,9 млн [6].

Из приведенных данных судебной статистики можно сделать вывод о тенденции увеличения спроса на судебный способ защиты прав у граждан начиная с 1996 года по настоящее время. Однако право на обеспечение доступа к правосудию закрепляет не столько право на обращение в суд, гарантированное ст. 46 Конституции РФ, сколько обязанность государства юридически и фактически обеспечить возможность его использования в реальном процессе. При наличии неправосудных решений суд может восприниматься не только защитником, но и возможным нарушителем прав человека, нарушающим право на судебную защиту.

Кроме того, государства могут декларировать гуманные ценности, но различие в их судебном толковании может привести к неправосудным решениям, также нарушая доступ к правосудию. Право граждан на доступ к правосудию будет нарушено и при вынесении судами политизированных решений (о гибели международного права, где все участники используют и ссылаются на международное право в своих целях, что сказывается и на международном правосудии в настоящее время ведутся активные дискуссии [12]). Судам действительно приходится приспосабливаться к меняющейся международной обстановке путем нового толкования норм права, но в ряде случаев это снижает доступ граждан к правосудию.

Доступ к правосудию является одним из необходимых условий правовой защищенности личности, предоставляя лицу конституционные права и эффективный механизм правовой защиты. Конституционно-правовое содержание права на доступ к правосудию включает не только доступ к судебной защите перечисленными в Конституции РФ способами, но и право на правосудное решение при своевременном и правильном разрешении дела, а также право на принудительное исполнение решения судов. Задача государств, его обеспечить.

Для повышения доступа к правосудию необходимо уменьшить нагрузку на одного судью до нормальной, чтобы судья смог действовать в соответствии с законом, имея время изучить закон, понять не только смысл, но и дух закона, если неясна его буква. Проблемы гражданского судопроизводства могут быть разрешены путем принятия системных мер, направленных на снижение судебной нагрузки по ряду направлений: как судопроизводственных, так и судоустройственных.

Существенные резервы сокращения судебной нагрузки можно найти и внутри судебной системы. Одним из таких перспективных инструментов снижения судебной нагрузки является судебная медиация – альтернативный способ урегулирования споров с участием третьей нейтральной стороны (судебного медиатора), который помогает сторонам выработать взаимоприемлемое решение до передачи дела судье по ряду споров. Эта форма альтернативного разрешения споров в отличие от судебного разбирательства, где решение

принимается судьей на основе норм права, позволит сторонам самостоятельно выработать решение, удовлетворяющее их интересам. Отличительной особенностью данной процедуры будет являться нацеленность сторон не столько на юридическую сторону спора, сколько на выявление и удовлетворение действительных их интересов.

Правовые основы для закрепления института судебной медиации в России уже имеются. В российском праве примирительные институты закреплены как в отраслевых законах – в процессуальном законодательстве, так и в специальном законе. Примером института частного примирения (частного посредничества) в России можно назвать институт медиации, который был создан специальным законом № 193-ФЗ от 27.07.2010 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации) [7], где в роли примирителя выступает физическое лицо, привлекаемое в качестве посредника (ч. 3 ст. 2 указанного закона), в том случае, если стороны еще не обратились в суд за разрешением спора. С процессуальной точки зрения медиация может рассматриваться как в контексте досудебного урегулирования споров, так и в качестве примирительной процедуры, применяемой на любой стадии судебного процесса. Согласно ст. 138 АПК РФ и ст. 153.1 ГПК РФ суд принимает меры для примирения сторон, содействует им в урегулировании спора, в том числе посредством проведения в качестве примирительной процедуры медиации.

Институтом публичного примирения (публичного посредничества) в России является институт судебного примирения, в котором в роли примирителя выступает судья в отставке. Данное требование к фигуре примирителя закреплено Федеральным законом № 197-ФЗ от 26.07.2019 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8]. Правовое регулирование института судебного примирения, в отличие от института частного посредничества, осуществляется не специальным законом, а Регламентом проведения судебного примирения, и положениями процессуальных кодексов, в которых появились статьи под названием «Судебное примирение», регламентирующие проведение судебного примирения.

В настоящее время результаты примирения по ГПК РФ (ст. 153.7), АПК РФ (ст. 138.6) и КАС РФ (ст. 137.7) включают: 1) мировое соглашение (соглашение о примирении по КАС); 2) частичный или полный отказ от иска; 3) частичное или полное признание иска; 4) полный или частичный отказ от жалобы (представления) в любой инстанции; 5) признание обстоятельств. АПК РФ дополняет их 6) соглашением по обстоятельствам дела; 7) подписанием письма-согласия на государственную регистрацию товарного знака. Но процент интереса к примирительным процедурам у сторон пока слишком маленький. Согласно статистическим данным Верховного Суда РФ за 2023 год, процент дел, прекращенных в судах общей юрисдикции в связи с заключением мирового соглашения после проведения медиации, не превышает 0,8 % [2, с. 78].

В настоящий момент изучается возможность повышения процента примирения сторон в суде за счет внедрения новых институтов примирения. Пред-

ставляется, что судебная медиация может явиться одним из наиболее перспективных примирительных институтов в России, правовые предпосылки к созданию которого, как было показано в работе, в настоящее время уже имеются. При возникновении спроса в системе регулирования общественных отношений на примирительные процедуры, ожидается что спрос на властные решения снизится, это приведет к снижению нагрузки судей и соответственно к повышению права граждан на доступ к правосудию.

Список источников

1. Гагарский А. Работа судов Российской Федерации в 1997 году. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=1341#2jFoa8VgdNycXFkO3> (дата обращения: 12.12.2025).
2. Иванова Н. В., Моторина И. С. Медиация как эффективный способ альтернативного разрешения споров в гражданском и арбитражном процессе. URL: https://doi.org/10.52068/2304-9839_2025_73_2_76 (дата обращения: 12.12.2025).
3. Пржиялговская И. Увеличение количества судебных споров и рост судебной нагрузки // Современная наука. 2014. № 4. С. 33-35.
4. Топильская Л. Как нам обустроить судебную власть. URL: <https://base.garant.ru/977890/#text> (дата обращения: 12.12.2025).
5. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2023 году. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 12.12.2025).
6. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 12.12.2025).
7. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.12.2025).
8. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» от 26.07.2019 № 197-ФЗ. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.12.2025).
9. Федеральный закон от 02.12.2013 № 349-ФЗ «О федеральном бюджете на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов». URL: <http://www.pravo.gov.ru:8080/page.aspx?70792> (дата обращения: 12.12.2025).
10. Федеральный закон от 29.12.1999 № 218-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.12.2025).
11. Интернет-интервью с А.А. Ивановым, Председателем ВАС РФ: «Итоги работы и перспективы развития системы арбитражного судопроизводства в Российской Федерации». – URL: <https://www.consultant.ru/law/interview/ivanov1/> (дата обращения: 12.12.2025).
12. Исполинов А. Итоги международного правосудия 2025 года: государства возвращают себе контроль над международным правом. URL: https://zakon.ru/blog/2025/12/25/itogi_mezhdunarodnogo_pravosudiya_2025_g_gos

udarstva_vozvraschayut_sebe_kontrol_nad_mezhdunarodnym_p (дата обращения: 12.12.2025).

УДК 347.77

Мочалов Егор Михайлович

студент

Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

г. Владимир, Российская Федерация

egormovalov@gmail.com

Онлайн-площадки – удобные дороги для фейковых товаров: правовые средства борьбы с контрафактом

***Аннотация.** В статье проведен анализ нормативных и практических сторон борьбы с контрафактом на цифровых торговых площадках в связи с тем, что они, используя анонимность, как свойство коммуникации в Интернете, превратились в каналы для распространения контрафактных товаров.*

***Ключевые слова:** контрафактный товар, торговля, правообладатель, маркетплейс, онлайн площадка.*

Mochalov Egor Mikhailovich

student

Vladimir State University

Vladimir, Russian Federation

Online marketplaces are convenient routes for fake goods: legal means of combating counterfeiting

***Annotation.** The article analyzes the regulatory and practical aspects of combating counterfeit goods on digital marketplaces, as they have become channels for the distribution of counterfeit goods due to the anonymity of online communication.*

***Keywords:** counterfeit goods, trade, civil code, copyright holder, marketplace, internet.*

Понимание контрафакта базируется на нарушении исключительных прав интеллектуальной собственности: основным признаком контрафакта является незаконное использование объектов интеллектуальных прав без разрешения правообладателя. Это создает значительные риски для легитимного бизнеса и потребителей. В условиях цифровизации торговли, контрафактные товары представляют собой одну из наиболее серьезных угроз, подрывающих экономическую стабильность государств, нарушающих права интеллектуальной собственности и создающих риски для здоровья потребителей, особенно в случаях

покупки поддельных лекарств или автозапчастей. Объем мирового рынка последних, по оценкам Международной торговой палаты, превышает 2 триллиона долларов ежегодно, что приводит к значительным финансовым потерям для легитимных производителей и снижению налоговых поступлений [2, с. 9]. Торговые онлайн-площадки как Wildberries, Ozon, AliExpress, «Яндекс.Маркет» и др. существенно облегчают распространение контрафактных товаров благодаря определенной анонимности интернет-среды.

В российской правовой системе ответственность за оборот контрафактной продукции регулируется положениями Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ). Статьи 1252 и 1515 ГК РФ устанавливают способы защиты исключительных прав, включая изъятие контрафакта и возмещение убытков. Административная ответственность за нарушение прав интеллектуальной собственности предусмотрена статьей 14.10 КоАП РФ, которая устанавливает штрафы за незаконное использование товарного знака. Данные нормы создают базовые механизмы противодействия распространению поддельной продукции на национальном уровне.

Сложности возникают на практике при определении размера компенсации за нарушение исключительных прав в условиях онлайн-торговли, где объемы реализации контрафакта трудно поддаются точной оценке. В Российской Федерации доля электронной торговли в общем объеме импорта товаров в настоящее время продолжает расти, создавая новые вызовы для таможенного администрирования [3, с. 62]. Этот рост требует адаптации существующих механизмов ответственности к специфике цифровой среды.

В российском законодательстве онлайн-площадки Wildberries, Ozon, Lamoda и «Яндекс.Маркет» рассматриваются как информационные посредники согласно статье 1253.1 ГК РФ. Данный статус предполагает ограниченную ответственность за распространение контрафактной продукции при соблюдении установленных требований. Основным среди последних является оперативное реагирование на уведомления правообладателей о нарушениях интеллектуальных прав. Платформы обязаны незамедлительно удалять или блокировать доступ к информации, содержащей признаки контрафакта, после получения соответствующего уведомления. При получении заявлений правообладателей платформы инициируют процедуры оперативной блокировки объявлений с признаками контрафакта. Если в рамках данной проверки информация подтверждается, они блокируют данного продавца, связываются с правообладателем, направляют информацию в правоохранительные органы, чтобы возбудить дело об административном правонарушении [1, с. 21]. Для защиты интересов добросовестных продавцов предусмотрены механизмы апелляции, позволяющие оспорить ошибочные решения платформ. Это обеспечивает баланс между защитой прав и предотвращением необоснованных ограничений.

Но последнее время заметна тенденция усиления ответственности онлайн-площадок. Так, установлена обязательная предварительная верификация продавцов и товарных позиций. Данная процедура включает проверку документов, подтверждающих легальность происхождения товаров и полномочия продавцов [4, с. 64].

Пока ключевым элементом противодействия контрафакту являются превентивные меры, применяемые самими онлайн-платформами. Автоматизированные системы проверки контента сканируют загружаемые продавцами данные на предмет соответствия установленным требованиям. Обязательная верификация продавцов перед размещением товаров включает подтверждение их личности и реквизитов, что затрудняет деятельность недобросовестных участников рынка [4, с. 57]. Эти механизмы направлены на минимизацию риска появления контрафактной продукции на ранних этапах. Для идентификации контрафактных товаров используются алгоритмы обнаружения, основанные на анализе изображений и текстовых описаний. Системы сравнивают визуальный контент и тексты с базами данных правообладателей, выявляя признаки подделок. Комплексное применение таких технологий повышает эффективность выявления нарушений интеллектуальных прав.

Таким образом, торговые онлайн-площадки, получив огромную популярность и глобальный охват, предоставляя анонимность продавцам, автоматически создают благоприятные условия для распространения контрафактной продукции. Это усугубляется пробелами в правовом регулировании и недостаточной координацией между участниками рынка и государственными органами, что приводит к экономическим потерям правообладателей. Кроме того, такая ситуация подрывает доверие потребителей к рынку электронной коммерции. Перечисленные проблемы требуют комплексных решений.

Список литературы

1. Агагомедова С. А. Проблемы защиты прав интеллектуальной собственности в сфере интернет-торговли в России // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2014. № 2. С. 19–26.
2. Афонин Д. Н. Возможности и перспективы применения искусственного интеллекта для выявления контрафактных товаров при таможенном контроле // Бюллетень инновационных технологий. 2025. № 4. С. 9–13.
3. Мютте Г. Е. Таможенный контроль товаров, ввозимых в российскую федерацию в рамках электронной торговли: проблемы и перспективы // Бюллетень инновационных технологий. 2025. № 4. С. 62–65.
4. Тарасова А., Шинкентаев У. Продажа контрафактной продукции через маркетплейсы в Республике Казахстан: пробелы в регулировании и международный опыт // Sdu law journal. 2025. № 2. С. 53–57.

Николаев Михаил Сергеевич

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

mihailnikolaev6@gmail.com

Структуры и цели выработки операторами персональных данных политики обработки и защиты персональных данных

***Аннотация.** В статье рассматриваются ключевые аспекты формирования политики обработки и защиты персональных данных операторами в Российской Федерации. Анализируются цели выработки такой политики, ее структура и роль в обеспечении соответствия законодательству. На основе анализа нормативно-правовой базы и научных источников раскрывается значение политики как инструмента защиты прав субъектов персональных данных.*

***Ключевые слова:** персональные данные, оператор, политика обработки, защита данных, структура документа, цели выработки, Федеральный закон № 152-ФЗ.*

Nikolayev Mikhail Sergeevich

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Structures and goals of personal data processing and protection policies developed by personal data operators

***Annotation.** The article examines the key aspects of the policy of personal data processing and protection by operators in the Russian Federation. The objectives of developing such a policy, its structure and its role in ensuring compliance with legislation are analyzed. Based on the analysis of the regulatory framework and scientific sources, the importance of policy as a tool for protecting the rights of personal data subjects is revealed.*

***Keywords:** personal data, operator, processing policy, data protection, document structure, development goals, Federal Law No. 152-FZ.*

В эпоху цифровизации обработка персональных данных (далее – ПДн) становится неотъемлемой частью деятельности организаций, выступающих в роли операторов. Согласно Федеральному закону Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», оператор обязан обеспечивать защиту ПДн, в том числе путем разработки и утверждения политики обработки [12]. Эта политика представляет собой внутренний нормативный документ, определяющий принципы, цели и механизмы работы с ПДн, что способствует минимизации рисков утечек и нарушений прав субъектов.

Целью настоящей статьи является анализ структурных элементов и целей выработки политики обработки и защиты ПДн операторами. Задачи включают: изучение нормативных требований, обзор типовой структуры документа

и оценку его роли в системе информационной безопасности. Исследование опирается на анализ российского законодательства и научных публикаций.

Политика обработки ПДн – это документ, устанавливающий порядок сбора, хранения, использования и защиты информации, относящейся к идентифицированному или идентифицируемому физическому лицу [10]. В российском правовом поле она регулируется Федеральным законом № 152-ФЗ, который определяет принципы обработки: законность, справедливость, целевое ограничение, минимальность данных и обеспечение безопасности [12].

Операторы ПДн, включая государственные органы, коммерческие организации и некоммерческие структуры, обязаны публиковать или иным образом обеспечивать доступ к политике, если обработка осуществляется с использованием средств автоматизации или без них [7]. Научные исследования подчеркивают, что правовое регулирование обработки ПДн в России направлено на баланс между интересами операторов и защитой конституционных прав граждан на неприкосновенность частной жизни [9].

Выработка политики преследует несколько ключевых целей, которые можно сгруппировать по функциональному признаку. Во-первых, обеспечение соответствия законодательству: политика фиксирует цели обработки, такие как подбор персонала, управление кадрами, вознаграждение и обеспечение безопасности сотрудников [5]. Это позволяет оператору демонстрировать прозрачность и законность действий перед контролирующими органами, такими как Роскомнадзор.

Во-вторых, минимизация рисков: политика определяет меры по защите ПДн от несанкционированного доступа, утраты или повреждения, что способствует предотвращению ущерба субъектам [6]. Как отмечается в научных работах, основной целью является минимизация ущерба от инцидентов, связанных с обработкой данных [7].

В-третьих, повышение доверия субъектов: документ информирует о категориях данных, способах обработки и правах на отзыв согласия, что способствует этичному взаимодействию [8]. Кроме того, политика служит основой для внутренних инструкций, обучения персонала и аудита процессов обработки.

Структура политики не жестко регламентирована законом, но на практике включает стандартные разделы для полноты и логичности. Типовая структура, рекомендованная экспертами, состоит из следующих элементов:

- Общие положения: Определение терминов (персональные данные, оператор, субъект), цели политики и принципы обработки (законность, прозрачность, ограничение целей) [9].

- Цели и правовые основания обработки: Перечень конкретных целей (например, заключение договоров, маркетинг), категории субъектов и оснований (согласие, договор, закон) [10].

- Объем и категории персональных данных: Описание типов данных (биометрические, специальные, общедоступные) и объемов их обработки [11].

- Способы и сроки обработки: Методы (автоматизированные, неавтоматизированные), сроки хранения и уничтожения данных.

– Меры по обеспечению безопасности: Описание технических, организационных и правовых мер защиты, включая шифрование, контроль доступа и аудит [12].

– Права субъектов и ответственность: Информация о правах на доступ, исправление и отзыв данных, а также ответственности оператора за нарушения.

– Заключительные положения: Порядок внесения изменений, контакты для обращений.

Такая структура обеспечивает комплексный подход и облегчает контроль со стороны надзорных органов [7].

Политика обработки и защиты ПДн является ключевым инструментом для операторов в обеспечении соответствии с законодательством и минимизации рисков. Ее цели ориентированы на защиту прав субъектов, прозрачность процессов и эффективность управления данными, а структура позволяет систематизировать информацию. В условиях растущих угроз кибербезопасности дальнейшее развитие нормативной базы и научных исследований в этой области представляется актуальным.

Список источников

1. Васильева О. Н. Защита персональных данных. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-personalnyh-dannyh> (дата обращения: 03.12.2025).

2. Петрова С. В. Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в европейском контексте. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-personalnyh-dannyh-v-tsifrovuyu-epohu-rossiyskoe-pravo-v-evropeyskom-kontekste> (дата обращения: 03.12.2025).

3. Федоров В. А. Методика правового обеспечения безопасности персональных данных в организациях. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-pravovogo-obespecheniya-bezopasnosti-personalnyh-dannyh-v-organizatsiyah> (дата обращения: 03.12.2025).

4. Образец политики защиты персональных данных. URL: <https://data-sec.ru/personal-data/policy-sample/> (дата обращения: 03.12.2025).

5. Смирнова И. О. Основные аспекты защиты персональных данных на предприятии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-aspekty-zaschity-personalnyh-dannyh-na-predpriyatii> (дата обращения: 03.12.2025).

6. Политика в отношении обработки персональных данных (примерная форма). URL: <https://cpd.by/politika-v-otnoshenii-obrabotki-personalnyh-dannyh/> (дата обращения: 03.12.2025).

7. Политика обработки персональных данных: структура, образец. URL: <https://www.v2b.ru/articles/politika-obrabotki-personalnyh-dannyh-struktura-obrazets/> (дата обращения: 03.12.2025).

8. Иванов А. С. Порядок и условия обработки персональных данных. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poryadok-i-usloviya-obrabotki-personalnyh-dannyh> (дата обращения: 03.12.2025).

9. Полякова Е. В. Правовые основы защиты персональных данных. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-zaschity-personalnyh-dannyh> (дата обращения: 03.12.2025).

10. Демидова А. А. Принципиальные основы обработки персональных данных в цифровом обществе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiipialnye-osnovy-obrabotki-personalnyh-dannyh-v-tsifrovom-obschestve> (дата обращения: 03.12.2025).

11. Кузнецова М. П. Современные вызовы в обеспечении защиты персональных данных работников. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-vyzovy-v-obespechenii-zaschity-personalnyh-dannyh-rabotnikov> (дата обращения: 03.12.2025).

12. Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 06.02.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 03.12.2025).

УДК 34.069

Николаев Михаил Сергеевич

студент

Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская федерация

mihailnikolaev6@gmail.com

Особенности составления политики обработки и защиты персональных данных применительно к конкретному виду деятельности оператора персональных данных

***Аннотация.** В статье анализируются особенности разработки политики обработки и защиты персональных данных (ПДн) с учетом специфики деятельности оператора, на примере медицинских организаций. Рассматриваются ключевые аспекты адаптации нормативных требований к обработке специальных категорий данных, таких как сведения о здоровье, с акцентом на обеспечение конфиденциальности, минимизацию рисков и соответствие законодательству Российской Федерации. На основе анализа правовой базы и практических рекомендаций раскрываются механизмы учета отраслевых особенностей при формировании документа, способствующие балансу между эффективностью медицинских услуг и защитой прав субъектов.*

***Ключевые слова:** политика обработки персональных данных, защита данных, медицинские организации, специальные категории данных, оператор ПДн, конфиденциальность, Федеральный закон № 152-ФЗ.*

Nikolayev Mikhail Sergeevich
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation,

Features of drafting a personal data processing and protection policy for a specific type of personal data operator activity

***Annotation.** The article analyzes the specifics of developing a personal data processing and protection policy, taking into account the specifics of the operator's activities, using the example of medical organizations. The key aspects of adapting regulatory requirements to the processing of special categories of data, such as health information, are considered, with an emphasis on ensuring confidentiality, minimizing risks and compliance with the legislation of the Russian Federation. Based on the analysis of the legal framework and practical recommendations, the mechanisms for taking into account industry specifics in the formation of the document are revealed, contributing to a balance between the effectiveness of medical services and the protection of the rights of subjects.*

***Keywords:** personal data processing policy, data protection, medical organizations, special categories of data, personal data operator, confidentiality, Federal Law № 152-FZ.*

В условиях цифровизации общества обработка персональных данных (далее – ПДн) приобретает особую значимость для операторов, деятельность которых связана с чувствительными сферами, такими как здравоохранение. Политика обработки и защиты ПДн представляет собой внутренний нормативный документ, определяющий принципы, цели и процедуры работы с данными, адаптированные к конкретному виду деятельности [1]. Для медицинских организаций, выступающих в роли операторов, составление такой политики требует учета специфики обработки специальных категорий ПДн, включая сведения о состоянии здоровья, диагнозах и медицинской истории пациентов, что предусмотрено Федеральным законом Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [2]. Обработка таких данных допускается только с согласия субъекта или при наличии иных оснований, таких как защита жизни и здоровья, что подчеркивает необходимость строгого соблюдения принципов законности, целевого ограничения и минимальности данных [3]. Особенностью составления политики для медицинских операторов является интеграция требований медицинской этики и конфиденциальности, где разглашение ПДн без письменного согласия запрещено, а меры защиты должны включать шифрование, контроль доступа и регулярный аудит систем [4]. В отличие от общего подхода, политика в здравоохранении должна детализировать процедуры обработки биометрических данных и данных о генетическом происхождении, с учетом рисков утечек в электронных медицинских картах и телемедицине [5]. Цели выработки политики ориентированы на минимизацию ущерба от инцидентов, повышение доверия пациентов и обеспечение compliance с надзорными органами, такими как Роскомнадзор, путем фиксации категорий данных, сроков хранения и механизмов уничтожения [6]. Структура документа адаптируется под отрасль: общие положения включают определения терминов с акцентом на медицинские понятия, разделы о целях обработки подчеркивают лечебно-профилактические задачи, а меры безопасности учитывают интеграцию

с информационными системами здравоохранения [7]. При составлении политики операторы обязаны публиковать ее для обеспечения прозрачности, особенно в случаях автоматизированной обработки, что способствует этичному взаимодействию с субъектами [8]. Научные исследования указывают на необходимость баланса между интересами оператора и правами пациентов, включая право на отзыв согласия и доступ к данным, с учетом европейских стандартов GDPR для гармонизации [9]. В заключение, особенности составления политики для медицинских организаций заключаются в усилении фокуса на специальных данных, что требует междисциплинарного подхода, сочетающего правовые, технические и этические аспекты, для эффективной защиты ПДн в динамичной среде здравоохранения [10].

Список источников

1. Защита персональных данных в медицине: что нужно знать? // Data-Sec. URL: <https://data-sec.ru/public/personal-data/zashchita-pdn-v-meditsine/> (дата обращения: 03.12.2025).
2. Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 06.02.2023) // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 03.12.2025).
3. Памятка по обработке персональных данных медицинскими организациями // Роскомнадзор. URL: <https://42.rkn.gov.ru/p32466/p32472/> (дата обращения: 03.12.2025).
4. Политика в отношении обработки персональных данных // ДГП № 86. URL: <https://dgp86.ru/170223> (дата обращения: 03.12.2025).
5. Политика в отношении обработки персональных данных // НИКИО. URL: <https://nikio.ru/%25D0%25BF%25D0%25BE%25D0%25BB%25D0%25B8%25D1%2582%25D0%25B8%25D0%25BA%25D0%25B0-%25D0%25B2> (дата обращения: 03.12.2025).
6. Политика обработки персональных. URL: <http://xn----7sbmbdbj8b6a7i5a.xn--p1ai/personaldata> (дата обращения: 03.12.2025).
7. Политика обработки персональных данных. URL: <https://www.medicina.ru/politika-obrabotki-personalnykh-dannykh-v-oao-meditsina/> (дата обращения: 03.12.2025).
8. Политика обработки персональных данных. URL: <https://miac33.ru/politics/> (дата обращения: 03.12.2025).
9. Политика обработки персональных данных. URL: https://kids.m-dental.ru/politika_obrabotki_personalnyh_dannyh_1/ (дата обращения: 03.12.2025).
10. Политика по обработке персональных данных // Academ-Zdrav. URL: https://academ-zdrav.ru/include/licenses_detail.php (дата обращения: 03.12.2025).

Сироткин Алексей Геннадьевич
кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственной университет
г. Кострома, Российская Федерация
a_sirotkin@ksgos.ru

**Цифровая трансформация итоговой аттестации:
регулирование использования технологий
искусственного интеллекта
при подготовке выпускных квалификационных работ**

***Аннотация.** В статье исследуется влияние технологий искусственного интеллекта на подготовку выпускных квалификационных работ по юриспруденции. Анализируются риски, включая угрозу утраты студентами навыков мышления и генерации недостоверных данных. В условиях отсутствия единого регулирования доказывается неэффективность запрета использования нейросетей при выполнении выпускных квалификационных работ. Обосновывается необходимость комплексного регулирования, определяющего допустимые способы использования технологий искусственного интеллекта как вспомогательного инструмента при сохранении авторской ответственности.*

***Ключевые слова:** искусственный интеллект, нейросети, выпускная квалификационная работа, высшее образование.*

Sirotkin Alexey Gennadyevich
candidate of legal sciences, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

**Digital transformation of final certification: regulation of the use
of artificial intelligence technologies in the preparation of final qualifying works**

***Annotation.** The article examines the impact of artificial intelligence technologies on the preparation of final qualifying works in law. The risks are analyzed, including the threat of students losing their thinking skills and generating unreliable data. In the absence of uniform regulation, the ineffectiveness of prohibiting the use of neural networks in the performance of final qualifying work is proved. The article substantiates the need for comprehensive regulation that defines acceptable ways to use artificial intelligence technologies as an auxiliary tool while maintaining copyright responsibility.*

***Keywords:** artificial intelligence, neural networks, final qualification work, higher education.*

В последние годы сфера высшего образования переживает масштабную цифровую трансформацию, ключевым драйвером которой стало стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ). Особую актуальность этот процесс приобрел в контексте подготовки выпускных квалификаци-

онных работ (далее – ВКР). Выполнение и защита выпускной квалификационной работы должны продемонстрировать сформированность компетенций, необходимых для будущей профессиональной деятельности, т. е. подтвердить квалификацию выпускника. При выполнении ВКР по юриспруденции обучающимися применяются в основном различные сервисы (чат-боты), позволяющие использовать нейросети для анализа и генерации текстов. Копирование студентами сгенерированных нейросетями материалов и представление их как авторского оригинального содержания ВКР, конечно, не позволяет достичь целей государственной итоговой аттестации.

В ноябре 2025 года Президент Российской Федерации В. В. Путин на сессии «Путешествие в мире искусственного интеллекта» в рамках конференции «Сбера» по искусственному интеллекту AI Journey-2025 в качестве задачи для всей системы российского образования обозначил необходимость выработки такого подхода к обучению, «чтобы ребенок задачи решал, и возможности искусственного интеллекта использовал» [1]. При этом важное значение, по мнению руководителя государства, имеет «формирование творческого и аналитического мышления у школьников и студентов, а также способность «критически оценивать» то, что генерирует искусственный интеллект» [2].

Одной из угроз является риск того, что студенты перестанут самостоятельно мыслить, искать решения, утратят навыки письменной речи, полагаясь на возможности, которые предоставляют технологии искусственного интеллекта, включая нейросети. Кроме того, использование нейросетей для выполнения ВКР уже сейчас приводит к многочисленным ошибкам в содержании этих работ (речь идет о так называемых «галлюцинациях» ИИ). В работах по юриспруденции появляются ссылки на несуществующие нормативные акты, упоминаются несуществующие статьи действующих законов и т. п. Проверяя одну из студенческих работ, автор безуспешно пытался найти в справочно-правовых системах анализируемое в работе, но не существующее в природе Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2020 № 46 «О некоторых вопросах применения судами законодательства при рассмотрении гражданских дел, связанных с осуществлением гражданами, организациями предпринимательской и иной экономической деятельности в условиях цифровизации экономики». Из-за обучения на данных с задержкой нейросети могут не учитывать в генерируемой информации содержание недавно принятых нормативных актов. Выдают разные результаты при похожих запросах, зависят от качества входных данных: «мусор на входе – мусор на выходе». У нейросетей отсутствует собственное критическое мышление, они не оценивают юридическую корректность аргументов.

В России пока нет законодательно закрепленных нормативных положений об использовании технологий ИИ в образовании. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» не содержит специальных положений об ИИ, хотя статья 20 допускает экспериментальную и инновационную деятельность в образовании.

Принципы применения и направления развития ИИ содержатся в документах стратегического планирования (Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490), кодексах профессиональной этики (Кодекс этики искусственного интеллекта 2021 года, Кодекс этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке, рекомендованный Банком России (Информационное письмо Банка России от 9 июля 2025 г. № ИН-016-13/91)), ГОСТах (например, ГОСТ Р 59895-2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Технологии искусственного интеллекта в образовании. Общие положения и терминология, утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 26.11.2021 № 1617-ст). В федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) не упоминается об использовании технологий ИИ. Отсутствуют и ведомственные нормативные акты Минобрнауки России по поводу использования технологий ИИ в сфере науки и системе высшего образования.

При этом массовое использование обучающимися по программам высшего образования технологий искусственного интеллекта* требует пересмотра существующих требований к выполнению выпускных квалификационных работ.

Современное академическое сообщество демонстрирует полярные позиции в оценке роли ИИ при выполнении ВКР и в целом письменных работ.

Сторонники скорейшей интеграции рассматривают применение инструментов ИИ в процессе подготовки ВКР как неизбежность, поскольку ИИ стал неотъемлемой частью жизни общества и образовательного процесса [4, с. 131].

«Консервативный лагерь» настаивает на полном запрете использования ИИ при выполнении ВКР, ссылаясь на угрозу деградации критического мышления и подмену авторского труда машинным генерированием, что делает данный вид учебной деятельности бессмысленным [3, с. 60–61].

Приверженцы умеренного подхода допускают ограниченное использование ИИ при жестком регламентировании сценариев применения [5, с. 62].

Эта разнонаправленность проявляется и в практике вузов: одни вводят тотальные запреты, другие разрабатывают гибкие регламенты, а третьи игнорируют проблему, что создает правовую неопределенность.

В условиях отсутствия государственного регулирования некоторые вузы разрабатывают собственные положения, регулирующие использование технологий ИИ в конкретной образовательной организации.

Например, в НИУ ВШЭ студенты могут использовать технологии генеративных моделей (текста, программного кода, изображения и прочее) в процессе выполнения учебных работ (письменных или устных), но в целях соблюдения

---

* За период с января по сентябрь 2025 года в системе «Антиплагиат» было проведено 7 млн проверок более чем по 2 млн студенческим работам. Следы применения искусственного интеллекта зафиксированы в 24 % текстов, тогда как в 2024 г. этот показатель составлял 17,8%, а в 2023 г. – 5,3%. См.: [7].

академических норм они обязаны выделять результаты своей деятельности, при реализации которой был использован ИИ, указывая характер и объем работ, выполненных с его помощью. В противном случае, это рассматривается как нарушение академических норм, что может повлечь за собой дисциплинарное взыскание в соответствии с Правилами внутреннего распорядка обучающихся [8].

Разрешено использовать генеративные инструменты на основе ИИ для выполнения ВКР в Московском городском педагогическом университете, Томском государственном университете, Тюменском государственном университете, Высшей школе менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, Северном Арктическом федеральном университете и ряде других вузов.

Тем не менее, отсутствие унифицированных подходов к регламентации использования технологий искусственного интеллекта при выполнении ВКР оставляет нерешенными ряд вопросов, касающихся размывания границ академической честности (где заканчивается помощь ИИ и начинается подмена самостоятельной работы генерацией текста?), объективной оценки оригинальности работ, рисков юридической ответственности за недостоверные данные, сгенерированные ИИ. Также следует отметить неравенство условий для студентов, не имеющих доступа к платным сервисам, а также дефицит методических ориентиров для научных руководителей. Не следует забывать также о необходимости обеспечить информационную безопасность при использовании сторонних цифровых сервисов.

Установление категорического запрета на использование нейросетей в условиях широкого распространения и постоянного совершенствования данной технологии не позволит, на наш взгляд, достичь необходимого результата в виде повышения качества подготовки выпускников по направлению «Юриспруденция». Более целесообразным видится обучение студентов и научных руководителей возможностям, которые дает использование ИИ, и пониманию рисков и ограничений применения таких технологий. При этом однозначно должно быть запрещено создавать основную часть текста, принципиальные выводы или ключевые разделы работы с помощью ИИ без существенной переработки и добавления авторского вклада; использовать ИИ для генерации фиктивных данных, статистики, результатов экспериментов или опросов; выдавать результаты, сгенерированные ИИ, за полностью авторские без указания на использование конкретных технологий.

В этой связи необходимо разработать комплексную систему регламентации, которая определит допустимые сценарии использования ИИ при подготовке ВКР, установит требования к документированию применения технологий, закрепит этические принципы взаимодействия студента с ИИ-инструментами, обеспечит механизмы верификации авторства и достоверности результатов.

Помимо нормативного регулирования требуется методическое сопровождение использования ИИ в образовательном процессе для того, чтобы избежать чрезмерной зависимости от ИИ и негативных последствий в виде утраты студентами навыков анализа, шаблонизации мышления, снижения исследователь-

ской инициативы. Например, методические решения по применению средств генеративного искусственного интеллекта в выпускных квалификационных работах бакалавров и магистров, обучающихся по направлениям «Лингвистика» и «Педагогическое образование» разработаны учеными МГПУ [9]. Применительно к выполнению ВКР по юриспруденции большой интерес вызывают возможности технологий искусственного интеллекта для решения самых разнообразных задач, не ограничиваясь структурированием и стилистической корректурой текста [6]. Преимуществом применения технологий ИИ в процессе написания ВКР должно стать расширение интеллектуальных возможностей обучающегося за счет автоматизации рутинных операций, ускорения поиска и систематизации информации, выявления сложных взаимосвязей, генерации гипотез на основе анализа прецедентов, сравнительного анализа текстов правовых актов. При этом ИИ должен оставаться «инструментом поддержки», финальная интерпретация результатов, критическая оценка и ответственность за выводы сохраняются за автором ВКР.

Список источников

1. В. В. Путин назвал вызовом для образования использование ИИ // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20251119/putin-2056121955.html> (дата обращения: 10.01.2026).
2. В. В. Путин потребовал не допустить появления в России людей-автоматов // Сайт издательского дома «Коммерсантъ». URL: <https://www.ommersant.ru/doc/8317221> (дата обращения: 10.01.2026).
3. Давудова С. Я., Рагимханова К. Т. Правовое регулирование искусственного интеллекта в образовании // Закон и право. 2025. № 3. С. 57–62.
4. Деревянкина О.М. Использование искусственного интеллекта бакалаврами направления «Менеджмент» при подготовке выпускной квалификационной работы // Педагогическое образование в России. 2025. № 4. С. 124–133.
5. Дружинин А. В. Обеспечение самостоятельности выполнения выпускных квалификационных работ в вузах: нормативно-правовое регулирование и правоприменительная практика // ВВ: Административное право и практика администрирования. 2025. № 1. С. 52–65.
6. Иванов О. М. О некоторых методиках использования искусственного интеллекта в образовательном процессе // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. № 9 (121). С. 141–149.
7. Почти четверть студенческих работ в России в 2025 году написана с помощью ИИ // Сетевое издание Ведомости (Vedomosti). URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/10/10/1145956-chetvert-studencheskih-rabot?from=copy_text (дата обращения: 10.01.2026).
8. Правила использования искусственного интеллекта студентами НИУ ВШЭ // Сайт НИУ ВШЭ. URL: https://www.hse.ru/studyspravka/ai_guidelines (дата обращения: 10.01.2026).
9. Тивьяева И. В., Михайлова С. В., Казанцева А. А. Регламентирование использования средств генеративного искусственного интеллекта в выпускной

УДК 34.096

Сироткина Ксения Андреевна

магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация

Ганжа Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
nat_ganzha@mail.ru

**К вопросу о профилактике цифровых рисков
и обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних**

***Аннотация.** Данная научная статья посвящена вопросу о профилактике цифровых рисков и обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних. Авторами раскрываются основные положения, имеющиеся в современном мире относительно цифровой безопасности детей. Иллюстрируются новые формы девиации путем представления статистических данных. В результате изучения сформулированы выводы о междисциплинарности обозначенной проблемы. Итогом данной работы являются обозначенные перспективы развития правового регулирования профилактики цифровых рисков и обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних.*

***Ключевые слова:** информационная безопасность несовершеннолетних, цифровые риски, кибербуллинг, защита персональных данных, цифровая грамотность, родительский контроль, право на информационную безопасность, профилактика, законодательство о защите детей.*

Sirotkina Kseniya Andreevna

undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Ganzha Natalia Vladimirovna

candidate of law, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

**On the issue of preventing digital risks and ensuring
the information security of minors**

***Annotation.** This scientific article is devoted to the issue of preventing digital risks and ensuring the information security of minors. The authors reveal the main provisions that exist in the*

modern world regarding the digital security of children. New forms of deviance are illustrated by presenting statistical data. As a result of the study, conclusions are formulated about the interdisciplinary nature of the problem. This work concludes with the identified prospects for developing legal regulation of preventing digital risks and ensuring the information security of minors.

Keywords: *information security of minors, digital risks, cyberbullying, personal data protection, digital literacy, parental control, the right to information security, prevention, legislation on child protection.*

Цифровая среда стала неотъемлемой частью жизнедеятельности для современного поколения несовершеннолетних, выполняющей функции социализации, образования, коммуникации и досуга. Парадоксальным образом, пространство безграничных возможностей порождает и новые, латентные формы угроз, специфика которых зачастую не в полной мере осознается ни самими детьми, ни их законными представителями. Трансграничный и анонимный характер Интернета, наряду с лавинообразным ростом пользовательского контента, существенно осложняет традиционные правовые механизмы защиты ребенка.

Подчеркнем, что традиционные методы профилактики и действующее законодательство, в том числе, Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [1] (далее – Закон № 120-ФЗ), были разработаны до эпохи массовой цифровизации и не учитывают специфику угроз, возникающих в сети Интернет. В связи с обширной цифровизацией появляются новые формы девиации, такие как кибербуллинг, скулшутинг-сообщества (колумбайн), пронаркотический и суицидальный контент, «группы смерти», вовлечение в криминальные схемы через онлайн-платформы.

В настоящее время действуют нормативные правовые акты, ограничивающие доступ несовершеннолетних к деструктивному контенту. К примеру, Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [2] закрепляет важные инструменты: возрастной ценз при доступе к информации, обязанность операторов распространения информации в Интернете применять средства ограничения доступа (например, к запрещенному контенту). Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3] позволяет блокировать сайты с противоправной информацией. Несмотря на то, что действующее законодательство создает определенный «защитный периметр», проблема недостаточного регулирования профилактики асоциального поведения в цифровой среде остается актуальной.

В целях иллюстрации новых форм девиации обозначим следующее.

Исходя из статистических данных [4], в России кибербуллинг широко распространен. Около 70 % школьников сталкивались с травлей в сети хотя бы пару раз, а каждый четвертый – при ссорах, причем троллинг – самый частый вид атак, затрагивающий более 30 % пользователей; агрессия чаще встречается в «ВКонтакте», Instagram и TikTok, а решить проблему россияне предлагают блокировкой обидчиков или обращением к взрослым/психологу, но многие дети

(до 20%) не обращаются никуда. Согласно данным ВЦИОМ, наблюдаем количественный рост кибербуллинга: 42 % пользователей считают, что оскорблений в сети стало больше. 49 % респондентов считают лучшим выходом – блокировка обидчика и удаление из контактов. 40 % опрошенных родителей готовы обратиться в органы, 48 % – побеседовать с ребенком, но мало кто (15 %) думает о психологе. 64 % респондентов видят причину в плохом воспитании, 67 % предлагают привлекать родителей агрессоров.

По данным Роскомнадзора [6], в 2024 году объем деструктивного контента в Рунете вырос почти в два раза. Всего за 2024 год было удалено или заблокировано около 800 тысяч материалов с запрещенной информацией, что на 19 % больше, чем в 2023 году.

При этом, виртуальная среда обеспечивает анонимность, быстрое распространение информации и уход от традиционных форм социального контроля (родительский надзор, школьный контроль). Органам профилактики сложно оперативно реагировать на онлайн-активность подростков. В отличие от реального мира, где подросток находится под наблюдением родителей, учителей или правоохранительных органов, онлайн он может скрывать свою личность. Эта анонимность снижает уровень самоконтроля и повышает вероятность участия в рискованном или агрессивном поведении (троллинг, кибербуллинг, участие в деструктивных сообществах).

В. Н. Жадан [5] указывает, что «глобальная цифровизация сама по себе является детерминантом. Проблема в том, что законодательство не квалифицирует эти факторы риска». Деструктивный контент (например, призывы к суициду, инструкции по изготовлению взрывчатки или «челленджи», ведущие к членовредительству) распространяется мгновенно на миллионы пользователей. Традиционные правовые процедуры реагирования (судебное решение о блокировке, которое может занимать дни или недели) фатально медленны по сравнению со скоростью распространения угрозы.

Как следствие, это вызывает правовые проблемы в виде отсутствия четких правовых механизмов регулирования ответственности за создание и распространение деструктивного контента, направленного на вовлечение несовершеннолетних в асоциальное поведение.

В данной ситуации мы наблюдаем фундаментальное рассогласование между скоростью технологического развития и инертностью правотворческого процесса. В системе Закона № 120-ФЗ нет легально закрепленных субъектов, которые бы профессионально и на постоянной основе осуществляли профилактический надзор за поведением несовершеннолетних в сети так же, как это делают инспекторы ПДН на улицах или в реальных семьях. Юридически сложно применить существующие меры профилактики к онлайн-активности:

В целях решения выделенной проблемы, мы предлагаем законодательно закрепить механизмы профилактики цифровых рисков, дополнив Закон № 120-ФЗ соответствующей главой со следующей структурой:

«Статья 25.4. Полномочия субъектов системы профилактики в цифровой среде;

Статья 25.5. Обязанности операторов цифровых платформ в сфере профилактики;

Статья 25.6. Механизмы оперативного реагирования на факты кибербуллинга и вовлечения в деструктивные сообщества;

Статья 25.7. Индивидуальная профилактическая работа с несовершеннолетними, склонными к асоциальному поведению в цифровой среде».

Данное нововведение позволит систематизировать уже существующие разрозненные практики и закрепить необходимые механизмы на федеральном уровне, а также позволит создать комплексную, систему защиты детей в цифровой среде, сочетающую просвещение, оперативное реагирование и общественный контроль, что значительно усилит профилактику антисоциального поведения и защитит права несовершеннолетних.

В сфере цифровых технологий необходим комплексный подход, который мог бы реформировать правовое поле и практические подходы. К примеру, законодательно закрепить полномочия субъектов профилактики по мониторингу цифровой среды, выявлению и блокировке деструктивного контента, а также работе с несовершеннолетними, демонстрирующими асоциальное поведение онлайн. Также разработать и внедрить образовательные программы по киберсоциализации и медиаграмотности, что включало бы модули для несовершеннолетних и их родителей по безопасному поведению в сети, критическому мышлению, распознаванию манипуляций и деструктивного контента. Особо важно усилить взаимодействие между правоохранительными органами и IT-специалистами для эффективного расследования киберпреступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в асоциальную деятельность.

Таким образом, обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в цифровую эпоху представляется не как техническая задача, а как комплексная междисциплинарная проблема. Эффективная профилактика цифровых рисков невозможна путем ужесточения исключительно запретительных мер, так как это может привести к неконструктивному ограничению права ребенка на доступ к информации и развитию.

Список источников

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 21.11.2022). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 19.11.2025).

2. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 30.11.2024).

3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025).

4. Данные опроса россиян о кибербуллинге // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 2021. URL: <http://wciom.ru/analytical->

reviews/analiticheskii-obzor/kiberbulling-masshtab-problemy-v-rossii/ (дата обращения: 19.11.2025).

5. Жадан В. Н. Об анализе причин и условий, обуславливающих возникновение и развитие девиантного поведения несовершеннолетних. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-analize-prichin-i-usloviy-obuslavlivayuschih-vozniknovenie-i-razvitie-deviantnogo-povedeniya-nesovershennoletnih> (дата обращения: 20.11.2025).

6. Сведения о количестве деструктивного контента // Роскомнадзор : офиц. сайт. URL: <http://rkn.gov.ru/> (дата обращения: 19.11.2025).

УДК 340.12, 349.2

Щавелкина Мария Алексеевна

студент, Костромской государственный университет

г. Кострома, Российская Федерация

Pusha1222pusha122@gmail.com

Особенности применения искусственного интеллекта в сфере трудового права Российской Федерации

***Аннотация.** В данной статье исследуются особенности и актуальные вызовы, связанные с интеграцией искусственного интеллекта (ИИ) в сферу труда. Стремительное внедрение технологий искусственного интеллекта в повседневную и трудовую практику становится устойчивой тенденцией современности. Внедрение данного инструмента характеризуется рядом последствий: оно способно как оптимизировать взаимодействие сторон трудового договора, так и создать новые зоны конфликта интересов.*

***Ключевые слова:** трудовое право, искусственный интеллект, цифровизация, дистанционная работа, трудовые отношения.*

Shavelkina Maria Alekseevna

student, Kostroma State University

Kostroma, Russian Federation

Features of the application of artificial intelligence in the field of labor law in the Russian Federation

***Annotation.** This article explores the features and current challenges associated with the integration of artificial intelligence (AI) into the field of labor. The rapid adoption of AI technologies in everyday life and work practices has become a persistent trend in modern times. The implementation of this tool has several consequences: it can both optimize the interaction between the parties to an employment contract and create new areas of conflict of interest.*

***Keywords:** labor law, artificial intelligence, digitalization, remote work, and employment relations.*

Искусственный интеллект (ИИ) стремительно выходит на передовые позиции, трансформируя различные сферы жизни современного общества и занимая все более приоритетные направления. Однако столь быстрое внедрение этой качественно новой технологии вносит не только инновации, но и порождает множество правовых и этических проблем. Среди ключевых вопросов – определение правового статуса ИИ, его роли в различных правоотношениях, а также границ этически допустимого применения. Особую актуальность эти проблемы приобретают в сфере трудового права, где уже активно обсуждаются перспективы вытеснения работников ИИ, введения новых ограничений или необходимости продолжительного обучения для освоения новых систем, что несет риски роста безработицы.

Несмотря на активное развитие ИИ, его правовая регламентация остается «размытой», что подтверждается отсутствием в Трудовом кодексе РФ положений, трактующих ИИ как полноценного субъекта правоотношений [1]. В российской судебной практике также пока отсутствуют прецеденты с участием роботов. Тем не менее, официальное определение ИИ закреплено на государственном уровне. Согласно Указу Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в РФ», ИИ определяется как комплекс технологических решений, способных имитировать когнитивные функции человека и генерировать результаты, сопоставимые с его интеллектуальной деятельностью. Также данное определение закреплено в Федеральном законе «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»» [2].

В экспертном сообществе уже давно ведутся дискуссии о потенциальном вытеснении ИИ работников ряда отраслей, что ставит под угрозу рост безработицы и вызывает необходимость в длительном переобучении кадров для освоения новых систем. Ряд экспертов предвидят, что развитие и внедрение искусственного интеллекта в трудовую деятельность может привести к массовым сокращениям и даже исчезновению некоторых профессий. Так, в докладе В. Н. Княгинина содержится прогноз о «сенсорной революции» после 2025 года, которая приведет к тотальной интеллектуализации и роботизации трудовых отношений, что несет угрозу безработицы для некоторых категорий населения [3]. Пандемия COVID-19 лишь ускорила эти процессы, заставив работодателей рассмотреть возможность внедрения роботов на производствах как гаранта непрерывности работы в условиях биологических угроз.

Однако, несмотря на значительные успехи ИИ и его способность к трансформации рынка труда, важно подчеркнуть, что он не обладает уникальными человеческими качествами. Это особенно критично для профессий, требующих прямого межличностного взаимодействия, эмпатии, а также принятия решений, основанных на сложных морально-этических соображениях. Как отмечает Н. Л. Лютов, в контексте этих изменений остро стоит вопрос адаптации норм

трудового законодательства к новым формам занятости и обеспечения гарантий прав граждан, участвующих в развитии информационной сферы [4].

Практические примеры интеграции ИИ уже встречаются в различных сферах. Так, Сбербанк успешно внедрил нейронную систему для составления исковых заявлений, а российская судебная система активно развивает дистанционные способы обращения и рассмотрения дел с помощью ИИ. Тем не менее, в таких ситуациях встает нерешенный вопрос о «внутреннем убеждении» судьи. Робот, несмотря на свою эффективность, не способен исследовать обстоятельства дела с той же глубиной и интуицией, что и живой сотрудник, что понимает фундаментальные вопросы о границах его применения в процессах, требующих не только логики, но и человеческого рассуждения. Таким образом, динамичное развитие искусственного интеллекта ставит перед обществом и законодательством комплексные задачи. Необходима не только разработка четких правовых норм, регулирующих статус и ответственность ИИ, но и продуманные стратегии адаптации рынка труда, а также глубокое осмысление

В заключение следует подчеркнуть, что глобальная цифровизация – это необратимый процесс, формирующий новый фундамент для экономики, социальной сферы и государственного управления во всех развитых странах. На текущем этапе в Российской Федерации правовое регулирование ИИ все еще находится в стадии формирования. Если в ряде зарубежных стран механизмы управления ИИ уже активно внедряются в правоприменительную и судебную практику, то в России данная проблематика пока превалирует в академическом дискурсе. Тем не менее, наблюдается отчетливый вектор перехода от теоретических дискуссий к активному законотворчеству, призванному создать комплексную систему правовой регламентации искусственного интеллекта

Список источников

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
2. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 27.04.2020. № 17. Ст. 2701.
3. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. Экспертно-аналитический доклад под научным руководством В. Н. Княгинина. М. : ЦСР, 2017. 136 с.
4. Лютов Н. Л. Адаптация трудового права к развитию информационных технологий: вызовы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6(103). С. 98–107.

Научное издание

**«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ»**

Сборник трудов
XXII Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме
Всероссийская научно-практическая конференция
(13 декабря 2025 года, г. Кострома)

С о с т а в и т е л и :
Н. В. Ганжа, О. В. Плюснина, И. Н. Мельников, Д. Н. Лукоянов,
А. С. Евстегнеев, А. Г. Сироткин, Л. А. Хлестакова

О т в е т с т в е н н ы й р е д а к т о р :
Г. Г. Бриль

16+

Текстовое электронное издание на компакт-диске

Верстка О. В. Тройченко
Дизайн обложки И. М. Ивановой

Выполнено с использованием программы Microsoft Office Word 2007

Системные требования:

ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Mb RAM; свободное место на HDD 1,5 Гб;
Windows XP с пакетом обновления 3 (SP3) и выше; Adobe Acrobat Reader;
интегрированная видеокарта с памятью не менее 32 МБ;
CD или DVD привод оптических дисков;
экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.; клавиатура; мышь

Подписано к использованию 12.03.2026. 5,25 МБ. [П. л. 29,375].
Заказ 28. Электронное издание. Тираж 300

Издательско-полиграфический отдел
Костромского государственного университета
156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17/11.
Тел. 63-49-00, доп. 3110, e-mail: rio-kgtu@yandex.ru

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание